

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ
РУССКИХ ЦАРЕЙ

Иван Егорович Забелин

Домашняя жизнь русских царей

Частная жизнь московских государей всегда была скрыта плотной завесой тайны от досужих посторонних глаз: гости Кремля видели только ее официальную сторону, а те, кто был в курсе ее подробностей, особой откровенностью не отличались. Поэтому книга выдающегося русского историка, археолога и коллекционера Ивана Егоровича Забелина (1820-1908) «Домашняя жизнь русских царей» без преувеличения уникальна. Внутренний распорядок, уклад быта Московского дворца, взаимоотношения его обитателей прослежены И.Е.Забелиным во всех живописных подробностях, с детальным описанием многочисленных обрядов и церемоний, а также объяснением их высшего смысла и глубинной значимости. Книга И.Е.Забелина основана на подлинном историческом материале, с которым ученый имел возможность познакомиться, долгие годы работая в архиве Оружейной палаты Московского Кремля. Герои этой книги, а также окружавшие их интерьеры, предметы обихода, архитектурные памятники, в том числе не сохранившиеся до нашего времени, представлены в многочисленных иллюстрациях, сопровождающих это издание.

Содержание

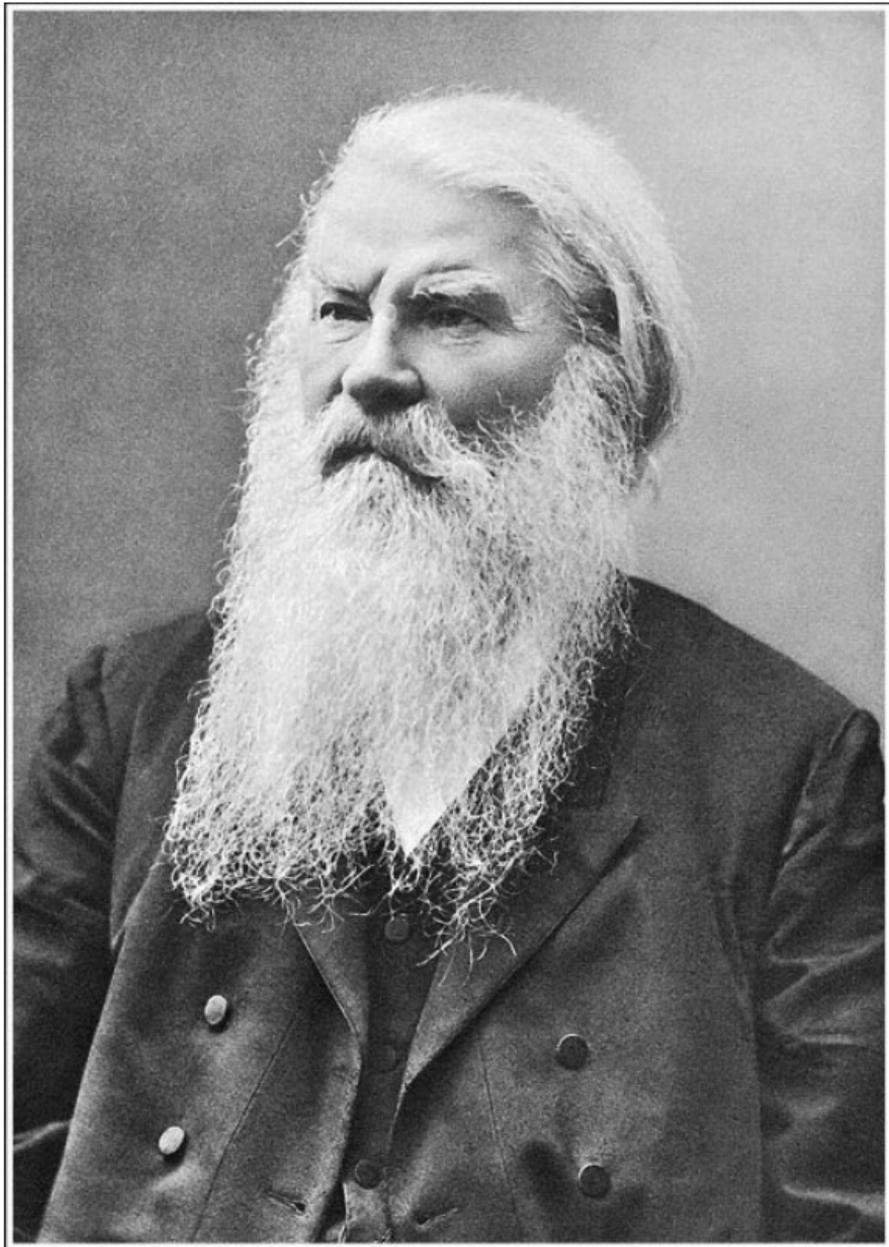
Об авторе этой книги	0005
Том I	0012
Глава I Государев двор, или дворец. Общий обзор	0012
Глава II Государев двор, или дворец. Внешний вид и внутреннее убранство	0266
Глава III Значение и честь государева двора	0422
Том II	0500
Глава I Родины. Крестины. Именины	0500
Глава II Воспитание	0551
Глава III Начальное учение	0627
Глава IV Детские годы Петра Великого	0674
Глава V Дворцовые забавы, увеселения и зрелища	0713
Глава VI Царский стол	0843
Глава VII Царская одежда	0910
Примечания	1071
Том I	1072
Том II	1092
Иллюстрации в тексте	1115
Том I	1115
Том II	1124

**Иван Егорович Забелин
Домашняя жизнь русских
царей**

Об авторе этой книги

Иван Егорович Забелин (1820—1908), выдающийся русский историк и археолог, член-корреспондент (1884), почетный член (1907) Петербургской Академии наук, родился в Твери, в семье бедного чиновника. Его отец, Егор Степанович, служил в должности писца в городской Казенной палате и имел чин коллежского регистратора – самый младший гражданский чин 14-го класса.

Вскоре отец И. Е. Забелина получил должность в Московском губернском правлении, и семья Забелиных перебралась в Москву. Казалось, все складывалось как нельзя лучше, однако отец будущего ученого неожиданно умер, когда Ивану едва исполнилось семь лет; с этих пор в их доме надолго поселилась нужда. Поэтому и образование он смог получить только в Преображенском сиротском училище (1832– 1837), где царили «старозаветные, спартанские, суровые и жестокие» методы воспитания. Впрочем, он был любознатель-

ным юношей и даже казенная атмосфера сиротского училища не помешала ему увлечься чтением и познакомиться со многими книгами, сыгравшими немаловажную роль в его дальнейшей судьбе.

После окончания училища в 1837 г. Забелин, не имея возможности, из-за своего материального положения, продолжить образование, поступил на службу в Оружейную палату Московского Кремля канцелярским служителем второго разряда. В то время Оружейная палата была не только музеем – в ней находился также богатый архив исторических документов. Иван Забелин не был историком по образованию, однако изучение документов о старинном быте Московской Руси увлекло его, и он всерьез занялся историческими исследованиями.

В 1840 г. он написал свою первую статью – о путешествиях царской семьи в XVII в. на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, – которая была напечатана в приложениях к «Московским ведомостям» только в 1842 г. За ней последовали другие труды – к концу 40-х гг. Забелин имел уже около 40 научных работ и

был принят как равный в кругу московских историков-профессионалов. Однако читать лекции, например в Московский университет, его так и не пригласили, поскольку у ученого-практика отсутствовало университетское образование. Впоследствии Киевский университет присвоил Забелину профессорское звание по совокупности его научных трудов; только в 80-е годы он стал почетным доктором Московского и Петербургского университетов.

Работая в Оружейной палате, Забелин собирал и обрабатывал материалы по истории царского быта, а затем публиковал их в журнале «Отечественные записки» (1851—1857). В 1862 г. эти статьи вышли отдельным изданием под заглавием «Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв.»; в 1869 г. увидел свет 2-й том – «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII вв.».

Жизнь Московского дворца была прослежена в этих книгах во всей ее повседневной конкретности, с детальным описанием церемониалов и обрядности. Обстоятельное исследование обряда жизни царя и царицы пере-

плетается с важными для отечественной исторической науки обобщениями о значении Москвы как вотчинного города, о роли государева дворца, о положении женщины в древней России (глава об этом вопросе издана отдельно в «Дешевой библиотеке» Суворина), о влиянии византийской культуры, о родовой общине.

Продолжением главы I «Домашнего быта русских царей» стала интереснейшая работа «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве», опубликованная в журнале «Вестник Европы» в начале 1871 г.

В 1848 г. Забелин получил место помощника архивариуса в дворцовой конторе, а еще через восемь лет стал архивариусом. В 1859 г. он перешел в Императорскую археологическую комиссию, где ему были поручены раскопки скифских курганов в Екатеринославской губернии и на Таманском полуострове, близ Керчи, в ходе которых было сделано множество ценных находок. Результаты этих раскопок Забелин описал в работе «Древности Геродотовой Скифии» (1872) и в отчетах Археологической комиссии.

В 1879 г. Забелин был избран председателем Общества истории и древности и затем товарищем (заместителем) председателя Исторического музея. С 1872 г. он входил в комиссию по постройке здания Исторического музея в Москве, а с 1883 г. и до конца жизни он был бессменным товарищем председателя музея. Поскольку председателем был московский губернатор, великий князь Сергей Александрович, Забелин стал фактическим руководителем музея, заботливо следившим за пополнением его фондов.

Забелин и сам всю жизнь занимался коллекционированием. В его обширное собрание входили рукописи, карты, иконы, эстампы, нумизматика. После смерти ученого вся его коллекция, в соответствии с завещанием, была передана в Исторический музей.

Исследования Забелина были посвящены в основном эпохе Киевской Руси и Московскому периоду русской истории. Глубокое знакомство со стариной и любовь к ней нашли отражение в языке сочинений Забелина, выразительном, оригинальном, необыкновенно красочном и богатом. Во всех его работах

также отчетливо заметна характерная для этого незаурядного ученого-самоучки вера в самобытные творческие силы русского народа и любовь к нему, «крепкому и здоровому нравственно народу-сироте, народу-кормильцу». Или, если вспомнить его собственные слова: «Нельзя делить Русь на столетия механически, Русь есть живое, образное пространство».

Вадим Татаринов

Том I

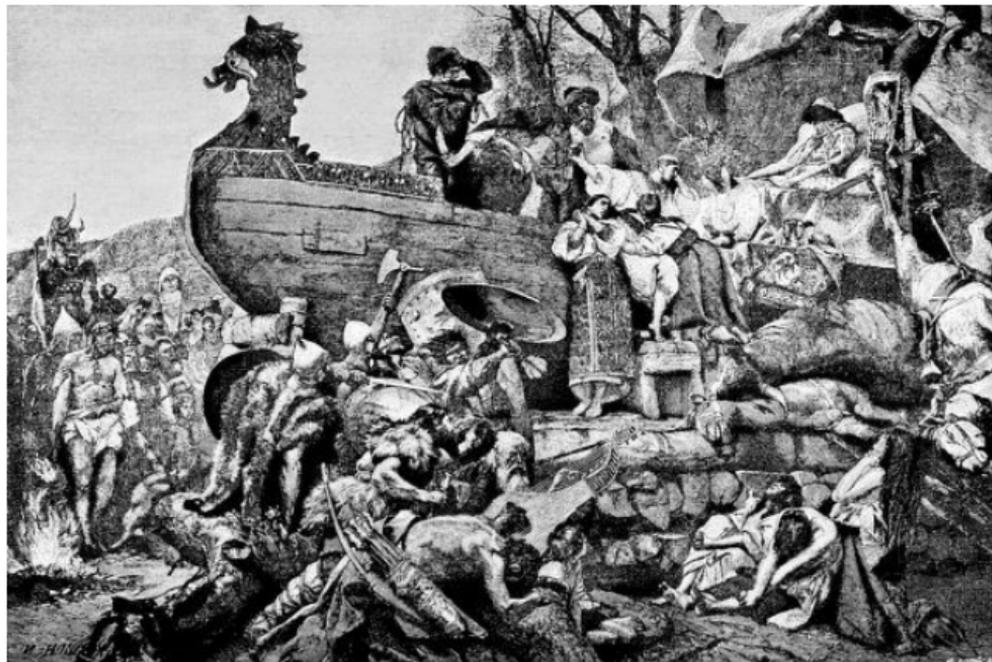
Глава I

Государев двор, или дворец. Общий обзор

Вступление.— Общее понятие о княжеском дворе в Древней Руси.— Двор первых московских князей.— Общий обзор древних хоромных построек в Великой Руси.— Способы построек, или плотницкое дело.— Состав деревянного государева дворца.— Каменный дворец, воздвигнутый в конце XV века.— Его расположение в начале XVI века.— История дворца при Иване Васильевиче Грозном и его преемниках.— Дворцовые здания в Смутное время.— Обновление дворца и новые постройки при Михаиле Федоровиче.— Новые украшения дворца при Алексее Михайловиче.— Расширение и украшение дворца при Федоре Алексеевиче и в правление царевны Софьи.— Расположение дворца и его состав в конце XVII ст.— Запустение и постепенное разрушение дворцовых зданий в XVIII ст.

Старый русский домашний быт и особенно быт русского великого государя со всеми своими уставами, положениями, формами, порядком наиболее полно сложился к концу XVII ст. Это была эпоха последних дней нашей домашней и общественной старины, когда все, чем была сильна и богата эта старина, высказалось и оформилось в таких образах и формах, с которыми по тому же пути дальше было идти невозможно. Москва, самая жизнеспособная в Старой Руси, в эту замечательную и любопытную эпоху отживала свой век при полном господстве исторического начала, которое ею было выработано и водворение которого в жизнь стоило стольких жертв и такой долгой и упорной борьбы. Политическое единство Русской земли, к которому неизбежно вели московские стремления и предания, являлось уже неоспоримым и несомненным делом и в умах самого народа, и для всех соседей, когда-либо протягивавших руку к нашим землям. Представитель этого единства, московский великий государь, самодержец всея Руси, стал в отношении к земству¹ на недося-

гаемую высоту, о которой едва ли помышляли наши далекие предки.

Похороны древнеславянского князя. С
фрески Г. Семирадского

Ничего соответствующего этому «пресветлому царскому величеству» в древней нашей жизни мы не видим. Правда, идея царя была хорошо знакома нам еще с первых веков нашей истории, особенно когда деятельны были наши связи с Византией. Царь греческий представлялся для нас типом самодержавной,

ничем не ограниченной власти, типом высокого и великого сана, к которому доступ сопровождался изумительной для простых глаз торжественностью и обстановкой несказанного блеска и великолепия. Обо всем этом мы получили достаточное понятие еще со времени варяжских походов на Царьград². Понятие это не угасало и в последующие века, особенно распространяемое духовенством, греческим и русским, в связи с их частыми отношениями с Царьградом. Книжные люди тех веков, обыкновенно тоже церковники, изредка приписывали этот титул и русским князьям из желания наиболее возвысить их сан и значение, по крайней мере в собственных глазах, из желания сказать нечто верноподданническое в похвалу доброму князю.

Позднее тем же титулом мы стали величать царя Ордынского, потому что как же иначе, т. е. понятнее для всех, могли мы обозначить характер ханской власти и характер его господства над нашей землей. Новое явление мы назвали соответственным ему именем, которое как представление давно уже существовало в умах, с давнего времени соеди-

няясь с довольно определенным и знакомым всем понятием. У себя дома, среди своих князей, мы не находили ничего соответствующего этому имени. И если иногда называли их так, то, как мы упомянули, единственно из особой угодливости и подобострастия, которыми большей частью руководилась в своих похвальных словах наша старинная книжность. Тип великого князя Древней Руси не был очерчен резко и определенно. Он терялся среди собственно княжеского рода, дружинников и вечевых городов, пользовавшихся почти равной самостоятельностью голоса, власти и действий. Черты этого типа пропадают в общем строе земли. Он не вдруг приобретает даже имя великого и просто именуется «князем» с прибавлением изредка титула «господин», что показывало только вообще властное его значение. Книжники, вспоминая апостольское писание, присваивают ему иногда значение «божьего слуги», который «не напрасно меч носит, но в месть злодеям, в похвалу же добродеем». Именуют его «главою земли»; но это были представления отвлеченные, собственно книжные; в действительной

жизни им мало внимали.

С именем князя повседневные понятия времени соединяли только значение главного судьи и воеводы, хранителя правды и первого воина земли. Когда правда нарушалась поступками князя, он терял доверие, лишался княжества, а иногда и самой жизни. Вообще он был «стражем Русской земли» от врагов внутренних, домашних, и от врагов иноплеменных. За то земля его кормила, и он сам не простирает своих видов дальше права на это кормление. Кормление вместе с тем условливало общее владение землею в княжеском роду и, следовательно, личную зависимость князя, хотя бы и великого, не только от родичей, но даже и от дружинников, потому что и те были участниками кормления и общинного владения землею, участниками в оберегании правды и в защите земли от врагов. Понятно, почему великий князь и для земства становился не более чем наместником, не главой земли, а главой таких же наместников, вождем дружины; понятно, почему и отношения его к земству были так непосредственны и просты. В те простодушные века

очень часто слышались на вечевых сходах оживленные речи и споры, в которых люди веча и князь высказывают какие-то братские, совершенно равные отношения. Не станем говорить о том, насколько в этих оживленных беседах обнаруживается сознательно выработанные определения жизни. Может быть, здесь в большей мере высказывается лишь простодушное и прямодушное наивное детство общественного развития, каким отличается вообще первое время в жизни всех исторических народов.

«А мы тебе кланяемся, княже, а по-твоему не хотим» – вот стереотипная фраза, которой выражалось несогласие с княжескими требованиями и притязаниями, выражалось вообще самостоятельное, независимое решение дела. «Тобе ся, княже, кланяем» значило то же, что «ты себе, а мы себе», что по-твоему не сделается. Князья, со своей стороны, людей веча не называют ребятами, а обращаются к ним с обыкновенным народным приветом: «Братье!». Так, «Братья моя милая!» – взывает к новгородцам древний Яро-

слав³, прося помощи на Святополка⁴; «Братья володимерцы!» – взывает князь Юрий⁵, прося защиты у владимирцев; «Братья мужи псковичи! Кто стар, то отец, кто млад, той брат!» – восклицает Довмонт Псковский⁶, призывая псковичей на защиту отечества. Все эти речи характеризуют древнейшие княжеские отношения к земству, выясняющие тип древнего князя, каким он являлся в действительности, в народных понятиях и представлениях.

Какое неизмеримое отличие этого типа от другого, который именовался впоследствии великим государем и к концу XVII ст. принужден был обязать народ под страхом великой опалы писать ему в челобитных: «Умилосердися, яко Бог» или: «Работаю я, холоп ваш, вам, великим государем, яко Богу». Много нужно было времени, а еще более гнетущих обстоятельств, чтобы жизнь привела народные понятия к такому унижению. Новый тип созидался постепенно, шаг за шагом, под гнетом событий, под влиянием новых жизненных начал и книжных учений, распространившихся и утверждавших его.

Несмотря, однако ж, на расстояние, которое отделило каждого земца от «пресветлого царского величества», несмотря на порядки быта, по-видимому, настолько отличающиеся и чуждые преданиям древности, великий государь, при всей высоте политического значения, ни на волос не удалился от народных корней. В своей жизни, в своем домашнем быту он останется вполне народным типом хозяина, главы дома, типическим явлением того строя жизни, который служит основой экономического, хозяйского быта во всем народе. Одни и те же понятия и даже уровень образования, одни привычки, вкусы, обычаи, домашние порядки, предания и верования, одни нравы – вот что равняло быт государя не только с боярским, но и с крестьянским бытом. Отличие обнаруживалось только в большем просторе, в большей расслабленности, с которой проходила жизнь во дворце, а главное – в богатстве, в количестве золота и всяких драгоценностей, всяких *цат?*, в которых, по мнению века, несравненно достойнее представлялся всякий сан, а тем более сан государя. Но это был только наряд жизни, ни-

сколько не изменявший ее существенных сторон, уставов и положений, и не только в нравственной, но и в материальной среде. Крестьянская изба, срубленная во дворце, для государева житья, убранная богатыми тканями, раззолоченная, расписанная, все-таки оставалась избой в своем устройстве, с теми же лавками, коником⁸, передним углом, с той же мерой в полтрети сажени, сохраняя даже общенародное имя избы. Стало быть, жизнь во дворце, по существу потребностей, несколько не была шире жизни в крестьянской избе; стало быть, тамошние начала жизни находили себе вполне соответствующий, наиболее подходящий источник в той же избе.

Сам титул царя: великий государь – может отчасти раскрыть, что новый тип политической власти вырос «на старом кореню». Первоначальное значение слова «государь» было затемнено, особенно в позднейшую эпоху, невероятным распространением этого значения в политическом смысле, а вместе с тем – заученными понятиями и представлениями о государстве и государе как отвлеченных теоретических идеях, о которых наша древняя

действительность, почти до самой реформы, очень мало или и вовсе не мыслила Только во второй половине XVII ст. мелькает мысль о *вотчем народе*, как говаривал царь Алексей, все еще считавший Московское государство своей вотчиной⁹.

Прежде всего нужно заметить, что в древнее время титулов в собственном смысле не существовало. Все теперешние титулы есть, собственно, исторические памятники давней действительности, смысл которой трудно воскресить. Между тем в древности каждое имя заключало в себе живой, действующий смысл. Так, слово «князь», которым земля именовала каждое лицо, принадлежавшее роду Рюрика, было словом, вполне и точно определявшим истинный, живой смысл, какой возникал из характера княжеских отношений к земле. Права, достоинство князя как известного общественного типа были достоянием только лиц княжеского же рода и никому другому не могли принадлежать. Когда род увеличился и простое обычное достоинство князя потребовалось возвысить для лиц, стоявших почему-либо впереди и, следова-

тельно, выше других, тотчас же к имени «князь» стали прибавлять прилагательное «великий», что значило «старший». Этим титулом жизнь обозначила, что достоинство князя, от раздробления на мелкие части, утратило прежнее значение, измельчало, износилось и что, следовательно, наступила новая фаза в развитии княжеских отношений. Тот же путь прошел и титул великого князя. Сначала он обозначал только старшего во всем роду, позже – старшего в своей волости, а к концу фазы почти все князья, имеющие самостоятельные владения, стали именоваться великими. Таким образом, снова обнаружилось измельчание великокняжеского достоинства.

В. Васнецов. Призвание варягов

К XV веку не только тверской или рязанский, но даже и пронский князь уже именуется великим князем, и именно в то время, когда поступает в подручники, в службу господину *осподарю* (Витовту). Это новое имя явилось на смену прежнего, отжившего имени и начало новую фазу развития земских по-

нятий о достоинстве князя. Понятие «оспор- дарь, государь» развилось уже на иностран- ной почве, из элементов, которые были выра- ботаны самой жизнью. Оно, по свойству сво- их жизненных сил, уже в самом начале пока- зывало, что стремится совсем упразднить первоначальное общее, и притом пришлое достоинство князя, упразднить само понятие об этом достоинстве, что в точности и случи- лось, когда эта фаза достигла полного разви- тия. В XVII ст. многие князья рода Рюрика

смешались с земством и навеки забыли о своем княжеском происхождении. Таким образом, тип древнего князя, переходя в своем развитии из фазы в фазу, к концу пути вовсе разложился, угас, оставив от себя одно имя как исторический памятник.

В древнейших жизненных отношениях рядом с именем «князь» существовало другое, такое же типичное имя «государь». Вначале оно служило названием частной, домашней жизни, наименованием хозяина-собственника и, само собой разумеется, отца семейства, главы дома. Еще в «Русской Правде» словом «государь, осподарь» обозначается, вместе со словом «господин», хозяин собственности, домовладелец, вотчинник, вообще «сам», как часто теперь выражаются о хозяине и как в древности выражались о князьях, державших свою независимую волость, именуя их самодержцами. «Основой» называлась семья в смысле независимого самостоятельного хозяйства, которое и до сих пор на юге носит название осподы, господарства. «Господою» называется Новгород в смысле правительственной, судной власти; «осподою» назывались

собираательно судьи, начальство и вообще господская власть. «Господарь», следовательно, было лицо, совмещавшее в своем значении понятия о главе дома, о непосредственном правителе, судье, владельце и распорядителе своего хозяйства.

В. Васнецов. Двор удельного князя

Домострой XVI века для наименования хозяина и хозяйки не знает другого слова, как «государь», «государыня» (изредка также «гос-

подарь, государыня»). Свадебные песни величают «государем» батюшку, «государыней» – матушку. В том же смысле московские удельные именуют своего отца и мать «князь», не придавая еще этого титула великому князю и чувствуя его только именем «господин».

Приводя эти указания, мы желаем только напомнить, что именем «государь» обозначался известный тип жизненных отношений, именно властный, обратная сторона которого выставляла противоположный тип раба, холопа или вообще слуги. «Осподарь» был немыслим без холопа, так как и холоп не был бы понятен без осподаря. Как тип частного, собственно домашнего строя жизни, он существовал везде, во всех народностях и во все времена, существует повсюду и в наши дни, более или менее смягченный распространением гуманного, то есть христианского просвещения. Почти везде этот тип пересилил другие общественные формы быта и стал во главе политического устройства земли как исключительное, единственное жизненное начало. Естественная его сила всегда сохраня-

лась в народных корнях, в господстве того же типа в частной, домашней жизни, в понятиях и представлениях народной массы. Изменялось свойство этих корней, изменялся в своем виде и характере и этот тип.

Когда в древнекняжеских отношениях общее владение землею и частый передел этого общего владения отжили свое время, а земство еще не успело выработать себе прочной политической формы, которая могла бы как твердыня защищать его от княжеских захватов и отчинных притязаний, князья мало-помалу, по праву наследства, стали делаться полными собственниками своих наследственных волостей, а вместе с тем, по естественной причине, стали приобретать и новый титул, обозначавший очень верно существо самого дела, т. е. их новое отношение к народу.

Угощение митрополита и его причта князем (*Из «Сказания о Борисе и Глебе»*)

Народ, вместо изветшавшего, уже только почетного титула «господин», начал называть их «государями» т. е. не временными, а

полными и независимыми хозяевами собственности. Прежний титул «господин», сделавшийся выражением обыкновенной вежливости и почтения, имел и в самом начале довольно общее значение, по крайней мере, более общее, чем слово «государь», которое в отношении к слову «господин» точно так же обнаруживало новую фазу в развитии «господина», т. е. вообще лица властвующего, и в первое время не было даже и титулом.

Перенесение мощей (Из «Сказания о Борисе и Глебе»)

Оно очень определенно и точно обознача-

ВЗДУТЬСЯ ГОЛѢБА НА
АНКАХЪ ВРАЦѢКА
МЕНѢ...

ло известный всем предмет, известный склад жизни, известный разряд людей, пользовавшихся самостоятельным исключительным значением, и потому с такой разборчивостью отличалось от титула «господин», особенно в то время, когда в политических земских отношениях это различие сделалось слишком очевидным, а именно в период борьбы Новгорода с Москвой. Если «господином» — наша древность называла князя и вообще всякое почетное и почему-либо высшее лицо, то «государем» она обозначала по преимуществу только лицо владеющее, самодержавное в отношении его хозяйства, его семьи и собственно-

сти. Вот почему к имени «осподарь» стали прибавлять и титул господина:

«господин государь Новгород Великий», «господин государь князь великий Московский».

В частной сфере каждый хозяин дома был таким «осподарем» – самовластителем, и против этого не только никто не спорил, но всякий старался, с помощью предания и книжного учения, поддерживать и распространять такое значение владыки дома. Когда же это господарское начало явилось действующим и в сфере общих земских отношений, его не поняли или, вернее, не желали понимать. Отсюда-то и выходила борьба отдельных вотчинников – князей отдельных самостоятельных волостей, или земель, борьба, более или менее продолжительная и суровая, в зависимости от того, где она возникала, т. е. где памятнее и крепче была вечевая или господарская старина.

В замене прежнего выражения «княжить», которым обозначали свойство, характер княжеских отношений к народу, явилось новое

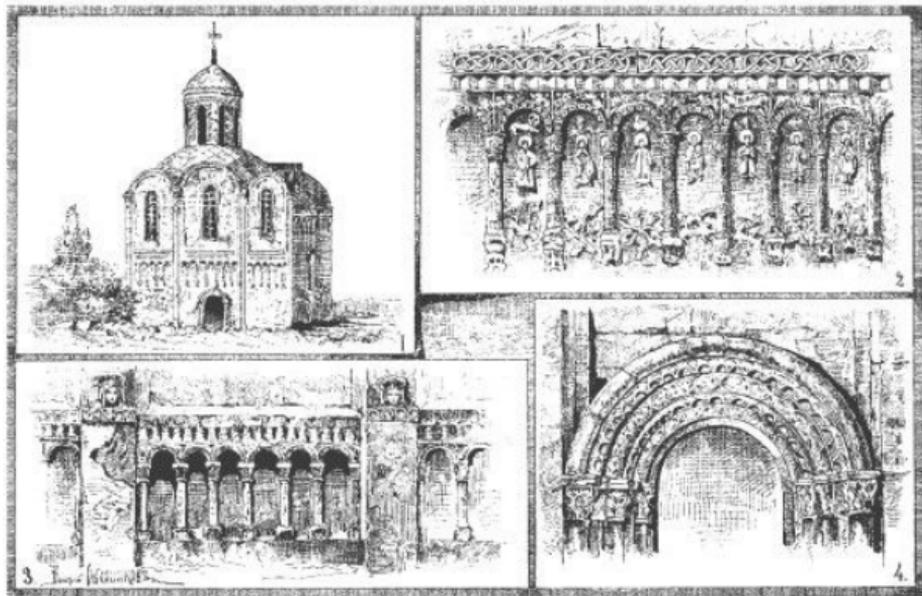
слово «государить», выразившее совсем иной смысл, иной характер этих отношений. Точно так же и слово «княжество», определявшее деятельность, строй и порядок тех же отношений, а вместе с тем и саму землю, на которую распространялась эта деятельность, заменено было новым – «государство», имевшим новый смысл, весьма отличающийся от прежнего. Дальнейшее политическое развитие присвоило этому последнему слову гораздо более общее значение, упразднив в его значении все личное, частное, так сказать, местное, именно то понятие, с каким великий князь Иван Васильевич вопрошал новгородцев, «какого они хотят государства?».

Как только идея господарства распространилась по всей земле и все самостоятельные князья-вотчинники стали именоваться государями, когда даже и самому Новгороду уже присваивался титул господина-государя, тотчас же потребовалось отличить первенствующего государя от остальных, на которых этот первенствующий имел вотчинные права и смотрел как на подчиненных. Подобно тому как в прежнее время старший из князей при-

обретал, в отличие от младших, титул великого, так старший, главный государь, государь над государями, стал именоваться великим государем, также великим государем земским, когда его хотели отличить от других государей, имевших частное значение, как-вы, например, были митрополиты и архиепископы, которым народ также присваивал титул государей и осподарей; наконец, великим государем Русским, *всяя Руси*

Значение такого государя над государями приобрел, как известно, государь Московский. Но, как ни высоко было это, уже политическое, значение титула, существенный его смысл нисколько не изменился и оставался долго тем же, чем был вначале, т. е. чем был в частном домашнем быту народа. Великий государь Московский с распространением своего политического могущества, присоединив к прежним новые, более соответственные своему значению, титулы царя и самодержца, на деле, в действительности, оставался все тем же государем, осподарем.

Владимирские древности (Владимир-на-Клязьме):

1. Дмитровский собор XII в., построенный великим князем Всеволодом Георгиевичем в 1194 г. и реставрированный в царствование императора Александра II. 2, 3, 4. Архитектурные украшения владимирских и суздальских храмов

Мы хотим сказать, что в простом и удобопонятном, а главное, наиболее точном и верном смысле, это был помещик с широкими царственными размерами жизни, которые явились почти незаметно, сами собой, как необходимое, совершенно неизбежное усло-

вие новых политических отношений и потребностей. При этом нельзя забывать, что новые потребности и отношения развились по преимуществу на почве иностранных отношений, на почве жизни с соседями. Дома, в отношении к народу, они никогда не могли бы вырасти с такой силой и с таким размахом. Здесь, как всегда и во всем, большом и малом, выразилось простое повседневное стремление казаться перед другими более достойным. Лишь для чужих нужно было представлять это необыкновенное величие сана, обставлять азиатскими декорациями, торжественностью, блеском каждый шаг, особенно в приемах и проходах иноземных послов и гостей. Только перед чужими нужно было возноситься, проявлять свое могущество, неисчислимое богатство,— одним словом, показывать себя с достоинством, которое возвышало бы значение, силу и славу народа.

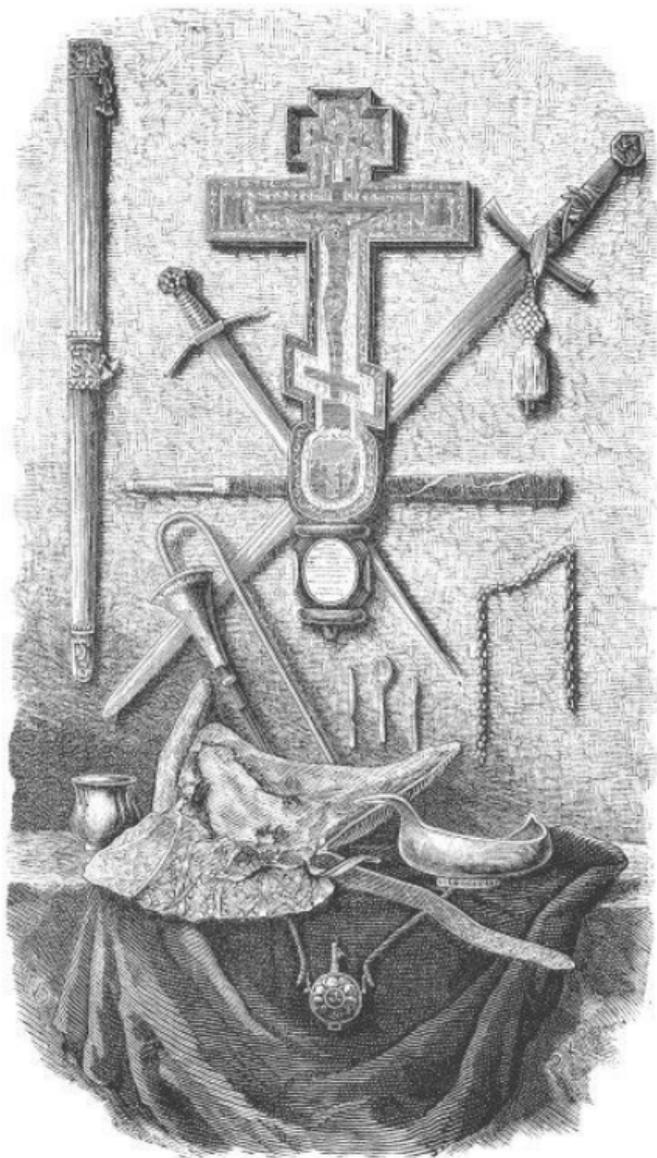
Действительно, царственная обстановка московского государя, царственные формы и порядки его быта, как и высота его сана, вырастают постепенно, по мере того, как усложняются, развиваются наши заграничные от-

ношения, по мере встреч, знакомств и столкновений в общей политике иностранных государств, а особенно наших соседей, перед которыми Москва никогда не думала выглядеть отстающей. Ее задачей было во что бы то ни стало перегнать этих соседей, для начала хотя бы внешним величием, внешним могуществом, ибо о могуществе внутреннего развития тогда и соседи мало еще помышляли.

Новгородские древности. *Гравюра XIX в.*

Отличительная черта ее политики именно в том и заключается, что она привыкла во всех трудных обстоятельствах больше надеяться на себя, на собственные силы и средства, не отыскивая опоры где-нибудь по сторонам. Этим-то путем и было достигнуто политическое могущество и первенство.

Но, как ни были широки и царственны размеры быта, усвоенные по этому пути московским государем, в общих чертах, в общих положениях быта и даже в мелких частностях, они нисколько не удалились от обычных исконных, типичных очертаний русской жизни. Московский государь оставался тем

же князем-вотчинником, которым почти за

четыре­ста лет до ре­фор­мы он начал свой исторический под­виг.

Вотчинный тип отражался на всех мелочах и порядках его домашней жизни и домашнего хозяйства. Это был простой деревенский, следовательно, чисто русский быт, несколько не отличавшийся, в основных чертах, от быта крестьянского, свято сохранявший все обычаи и предания, весь строй и все начала древней русской жизни в той ее форме, какая была выработана веками для отдельного, единичного частного хозяйства и домоводства, для отдельного, независимого существования русской семьи, более или менее зажиточной и домовитой. Сквозь по-азиатски великолепные, ослеплявшие блеском и богатством декорации царственного сана виднелась до крайности простая и наивная, свойственная всему народу действительность, равнявшая в этом смысле особу государя с последним сиротой его государства, т. е. со всяким хозяином-домовладельцем из посадских слобод и крестьянских деревень, не говоря уже о помещиках и вотчинниках из служилого сословия, где тип государя-хозяина

являлся основным определением жизни и всех условий быта. Иначе, впрочем, и не могло быть, ибо начала, истоки жизни были по всей Русской земле одни и те же; и там, и здесь, на севере, как и на юге, ничем существенно не различались и потому складывались в один и тот же строй и порядок, в одну и ту же форму. Спешим оговориться и напомнить, что здесь мы говорим не об общественных политических началах жизни, а только о домашних, о началах жизни единичной, а не общей; только о доме, о дворе.

Сама так называемая государственная служба, в простом смысле, представляла только вид службы вотчиннику, службы лицу, а не отвлеченному понятию Отечества или государства. Быстрое развитие вотчинного типа на московской почве втянуло в себя и древнее дружинное начало, пользовавшееся до того времени равным правом самобытности и самостоятельности. Друзья-товарищи походов очень скоро обратились в слуг, и имя слуги сделалось самой высшей наградой за службу вообще. Древнее выражение

«страдать за Русскую землю» заменилось новым: «служить Государю».

Таким образом, то, что в древнее время представляло только условие частной домашней жизни, условие, не имевшее никакого особенного значения для земства, а именно – служба лицу, с развитием вотчинности, или господства, приобретает, вместе с лицом самого господаря, общеполитическое значение. Княжедворцы, княжие слуги, вытесняют дружинников, становятся впереди, потому что впереди всей земли становится и тип вотчинника-господаря, не признававший, по существу своих стремлений, никаких других прав и преимуществ, смотревший на все с точки зрения полного самовластительного владыки и хозяина. Дружинное начало, за которое так держались древние князья-дружинники, так чествовали и берегли его, видя в нем почти единственную опору для своих отношений к народу, князь-вотчинник признает чуждой, непонятной и враждебной формой жизни и прилагает отчаянные усилия, чтобы искоренить и саму память о нем. Он чествует и бережет только верных, прямых своих слуг и вно-

сит в уже ветхую среду славной и сильной некогда дружины имя слуги как высшую почесть. Торжество господарских идей вполне выразилось в понятиях, поступках и убеждениях грозного царя Ивана Васильевича, характер которого будет еще понятнее, если мы представим его обыкновенным вотчинником-господарем, каких и в его время, и в гораздо более позднюю эпоху было немало в Русской земле. Он не слишком понятен для нас лишь по размеру, в котором обнаружались господарские стремления, требования и поступки. Его приснопамятная челобитная к великому князю всея Руси Симеону Бекбулатовичу, в которой он именуется Иванцом Васильевым Московским, раскрывает до очевидности господарский взгляд и на служилое сословие народа.

Этот Иванец «бьет челом, просит милости освободить его перебрать людишек бояр и дворян,, и детей боярских и дворовых людишек: чтоб иных прочь отослать, а иных оставить... освободить его выбирать и принимать из всяких людей... Просит указать, как

ему своих мелких людишек держати, просто, без крепостных записей, или велишь на них полные (кабалы) имати»,—

заключает челобитчик, выражая тем в полной мере свой господарский крепостнический взгляд на боярство.

Действительно, служба бояр и вообще сановников по существу была тем же, чем служба домовных людей. Они были обязаны служить до последней физической возможности, обязаны были каждый день с утра рано являться во дворец, челом ударить государю, и их без причины поздний приезд всегда влек за собою гнев и немилость государя. Без спроса у государя они не смели выехать из Москвы даже в ближайшие свои подгородные села и дачи, хотя бы на один только день, для гулянья или для какого дела. «Да не токмо для гулянья своего отпрашиваются,— присовокупляет Котошихин¹⁰,— но, когда прилучится им которого дни друг у друга быти в гостях, на свадьбе, или на крестинах, или на именинах, и они отпрашиваются по такому ж обычаю». Царь Алексей Михайлович в своей шуточной

челобитной к боярам, зовя их на медведя, залегшего в селе Озерецком, и прося непременно приехать на охоту, делает в шутках каждому попреки, кого чем одолжал:

«А я всем вам поступался, кто о чем бил челом», – и, обращаясь между прочим к князю Куракину, замечает: «А ты, боярин князь Федор Семенович, бивал челом по часту в деревню, и я тебя всегда жаловал, отпускал... и вы папаятуйте все скорую мою милость к себе... »

Некоторые свадебные чины XVI ст. указывают, что без спроса у государя бояре едва ли могли жениться, женить своих сыновей и выдавать замуж дочерей. По крайней мере, они также строго соблюдали обычай являться к государю на другой день свадьбы со всем свадебным поездом. Узрев государя, сидевшего в шапке, все кланялись в землю. Государь спрашивал про женихово и про невестино здоровье, причем жених опять кланялся в землю. Царь благословлял молодых иконами, надеял их дарами и угощал весь поезд романеей¹¹ и медом.

Царь Алексей Михайлович в молодости

В свои именины каждый боярин ехал к го-

сударю челом ударить и подносил ему свой именинный калач. С такими же калачами он обходил все царское семейство, подносил царице, царевичам и царевнам. То же самое делали жены и дочери бояр на царицыной половине. Бояре и все сановники вменяли себе в особую честь и почесть получать каждый день с царского стола, от обеда и от ужина, поденную подачу и ставили себе в большое бесчестье, когда эта подача, по ошибке или по какой другой причине, до них не доходила, размышляя, что ни царского гнева над собой, ни вины за собой не ведают, а в подаче перед своей братией обещены. Строгость наказаний (батоги, тюрьма) за подобные неисправности в рассылке подач указывает, как важно было значение их для боярской чести и спеси. Все это черты обыкновенного повседневного вотчинного быта, которые идут из глубокой древности, из первобытных патриархальных отношений господаря-домовладыки к своим домочадцам.

Боярская одежда XVI—XVII вв.

Вотчиннический, господарский тип мос-

ковских князей обозначился даже в самом устройстве их стольного города Москвы. В сущности это была помещичья усадьба, обширный вотчинников двор, стоявший среди деревень и слобод, которые почти все имели какое-либо служебное назначение в вотчинниковом хозяйстве, в потребностях его дома и домашнего обихода.

Некоторые иностранцы, бывавшие в Москве в XVI и XVII ст., вовсе не ошибались, когда весь Кремль принимали за царский дворец, говоря, что он обнесен каменной стеной. Действительно, первой основой Кремля,

а стало быть, всей Москвы, был княжий двор или, в самое древнее время, княжий стан с необходимыми хоромами, или клетями, на случай приезда. Когда князья переехали в эту усадьбу на постоянное жилье, она стала мало-помалу обстраиваться и увеличиваться. Возле двора была построена церковь (Благовещения-на-Сенях), как было в Древней Руси у всякого княжьего двора и как впоследствии было почти у всякого сколько-нибудь зажиточного вотчинникова двора. Вблизи двора, в разных местах, находились службы и дома дворовых людей, также со службами. Вот первоначальная Москва, основной камень ее распространения и устройства. Условия нашего древнего общества, особенно при владычестве татар, были таковы, что без стены или какого-либо тына – острога – вокруг подобной усадьбы спокойно и безопасно жить было нельзя. Страшны были не только иноплеменные, но еще больше – свои, одноплеменные, враги.

А. Васнецов. Основание Москвы.

Постройки первых стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 г. 1917 г.

Известно, что в Древней Руси даже каждый монастырь был обнесен хотя бы деревянной стеной. Сначала, без сомнения, и Москва была обнесена тыном. Но уже в 1156 г. вел кн. Юрий Долгорукий закладывает Москву – град на устье реки Неглинной, выше реки Яузы. Град, город в древнем смысле, означает стены, следовательно, первые московские городские стены были построены в 1156 г. Первый значительно разбогатевший московский вот-

чинник, Иван Данилович Калита¹², рубит на месте погоревшей новую дубовую стену города (1339), остатки которой, толстые дубовые бревна, при последних перестройках кремлевских зданий были найдены в земле со стороны Неглинной. Внук Калиты, еще более разбогатевший и усилившийся, закладывает стену из белого камня (1367). Но богатство, сила и хозяйство растет, ширится, привлекает население. У стены возникают торговые и ремесленные слободы, возникает целый посад на берегу реки, пониже княжеского двора, ибо торговая дорога идет снизу судоходством по реке. Между тем через сто лет каменные стены уже обветшали, и сама черта города для раздобревшей жизни стала тесноватой. Великий князь Иван Васильевич строит новый город, т. е. собственно стены, и строит не на прежней основе, а с прибавкой, т. е. расширяет место и, сверх того, укрепляет город бойницами, стрельницами, тайниками, башнями. Такие постройки очень ясно выразили, что сила московского вотчинника стала не только крепкой, но и грозной. Он и сам называется уже Грозным.

Вообще, история Москвы как города потому и любопытна, что она, так сказать, по пятам идет за развитием московского государства, с его зарождения как частного, особого, собинного княжеского хозяйства и до его окончательного расширения на всю землю, когда это хозяйство-государство приобретает уже общее земское, политическое значение, становится формой политического быта народа.

191. Старая Москва. Улица деревянного города. Художник В. Савицкий.

А. Васнецов. Старая Москва. У стен деревянного города. 1904 г.

По мере распространения земского значения Москвы, само собой разумеется, она все более и более тянет к себе и земские общие элементы жизни: торговлю, промышленность, всякого рода службу. Посады и слободы растут; слободы образуют в разных местах новые особые малые посады, так что старый посад, в отличие от новых, именуется уже Великим посадом и в 1535—1538 гг. обносится также каменными стенами с названием Китай-город, который назывался также Красной стеной. Приобретаемая крепость и стойкость самодержавных идей постоянно влечет за собою и материальную крепость города, гнезда этих идей. В XVI веке Москва делается в действительности сердцем почти всего северо-востока Европы, все к ней притягивается, как к жизненному центру. Население возрастает, можно сказать, не по дням, а по часам, чему в значительной степени способствует и ненавистная всей земле московская волокита и проесь¹³, приказное, подклетное¹⁴, т. е. чи-

сто вотчинное управление землей, которое немилосердно волочит людей к этому центру, заставляя их ходить – волочиться за своими делами – целые месяцы и годы.

Около стен Кремля и Китая скоро образуется новый большой посад со сплошным населением. Сначала он укрепляется земляным валом и называется Земляным городом, а в 1586—1593 гг. обносится также белокаменными стенами и называется *Белым Царевым городом*; «царевым», может быть, потому, что в этих стенах население состояло по преимуществу из служилого и дворового сословий; или же потому, что здесь жило население свободное, собственно государево, в отличие от загородного, среди которого были целые деревни и слободы крепостные, принадлежавшие боярам и духовенству. В то же время и вокруг Царева города устраиваются сплошные посады из упомянутых деревень и новых слобод. Для защиты и безопасности этих посадов и особенно в страхе от нового нашествия крымского хана в 1591—1592 гг. срублены деревянные стены с башнями и весьма красивыми воротами, стоившие, по словам Маскевича¹⁵,

многих трудов и времени.

А. Васнецов. Основание Москвы. Постройки первых стен Кремля в XII в. 1903 г.

Все пространство, которое было обнесено такими стенами, называлось Скородомом, может быть, по мелкости здешних домов, собственно изб, и скорости, с какой они ставились после пожаров и других опустошений, ибо такие избы продавались всегда готовые, срубам, в лесных рядах. Вероятно также, что

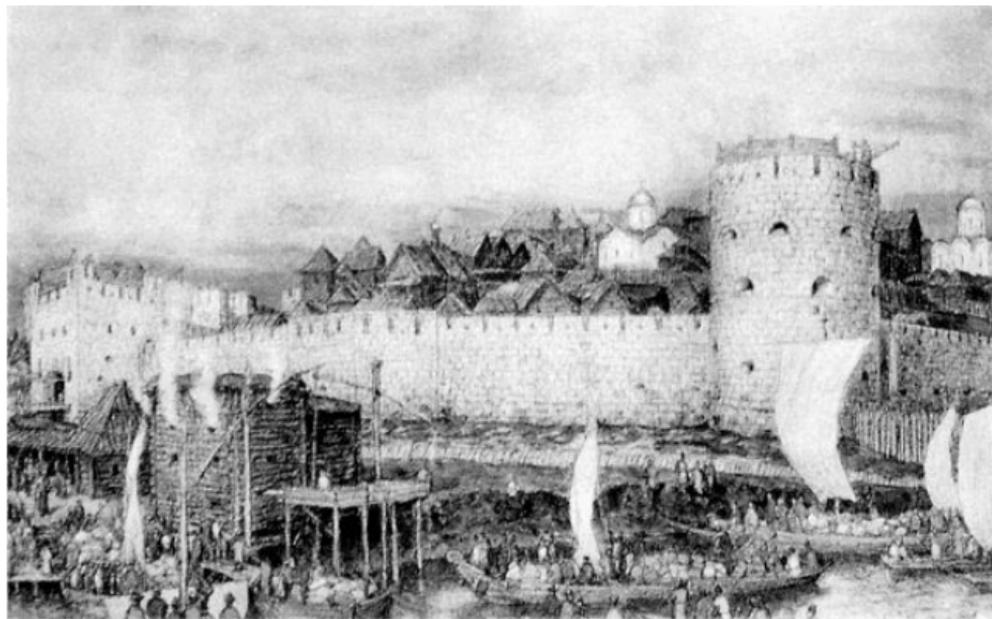
настоящее прозвание Скородома могло быть Скородум, в значении «стен, скоро выстроенных (вокруг всего города в один год) или скоро задуманных к постройке», как это и случилось по поводу нашествия в 1591 г. крымского хана. На некоторых иностранных планах Москвы XVII ст. он прямо и обозначается: Skorodum. В Московскую Разруху, во время *междоусобицы*¹⁶, стены Скородома сгорели. Вместо них царь Михаил в 1637—1640-х гг. насыпал высокий земляной вал, отчего Скородом стал называться уже Земляным городом и даже Земляным валом и сохранил это название до сих пор.

Несмотря, однако ж, на такое быстрое расширение города, особенно в течение XVI ст., он нисколько не изменял своему первоначальному, чисто вотчинному типу. Он все-таки оставался большой усадьбой великого господаря-вотчинника, так что и само его расширение обуславливалось расширением потребностей и нужд этой усадьбы. Целые слободы и улицы существовали как домовные дворовые службы, удовлетворявшие только этим потребностям. Из таких слобод и улиц состояла

почти вся западная часть города, именно та часть, которую отделял для своей опричнины царь Иван Васильевич, — все улицы от Москвы-реки до Никитской. Здесь возле реки находилось Остожье с обширными лугами под Новодевичьим монастырем, где паслись табуны государевых лошадей и на Остоженном дворе (улица Остоженка) заготавливалось в стогах сено на зиму. Здесь же, в Земляном городе, были запасные конюшни и слобода Конюшенная с населением конюшенных служителей (улица Староконоюшенная), а в Белом городе — аргамачьи конюшни и Колымажный двор (подле Каменного моста).

А. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрии Донском

У Дорогомилова перевоза, впоследствии моста, на берегу реки находился государев дровяной двор, готовивший запасы дров (церковь Николы-на-Щепах). Под Новинским стояла слобода кречетников, сокольников и других государевых охотников (церковь Иоанна Предтечи в Кречетниках). Пресненские пруды издавна служили садками для царской рыбы.

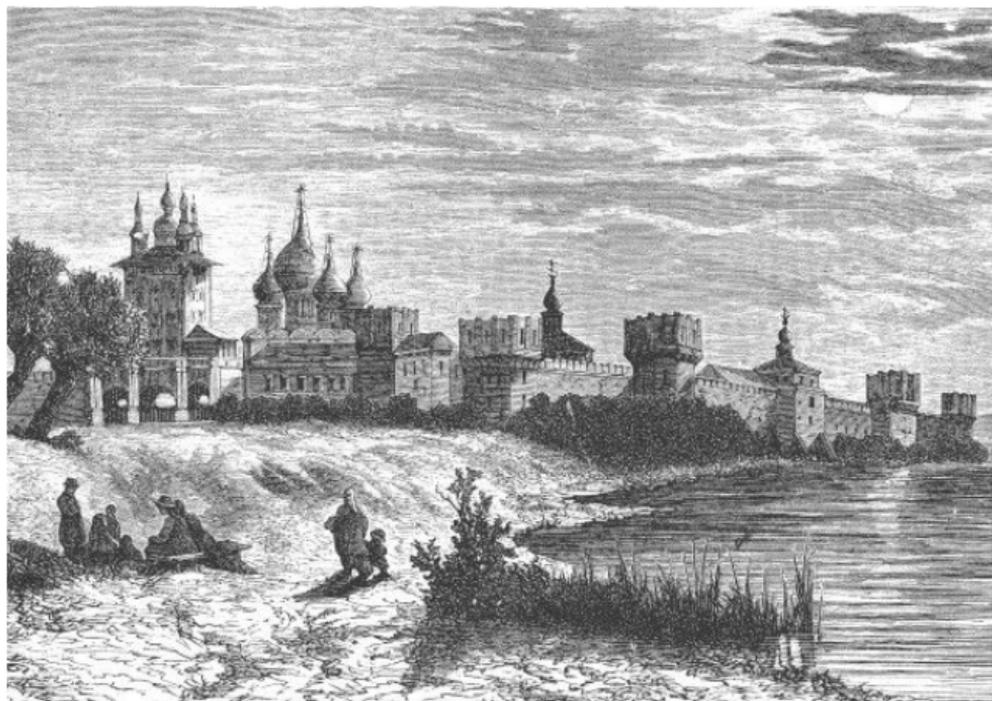

За ними, на Новом Ваганькове, стоял потешный псаренный двор, перенесенный сюда со Старого Ваганькова, находившегося подле Кремля, недалеко от Боровицких ворот. Улица Поварская с переулками Столовым, Хлебным, Скатертным и т. п. была населена припешниками и служителями царского стола. Улица Никитская, или Царицына, с Кисловскими переулками (прежде слобода Кисловка) была населена *чином*, или штатом служителей и служительниц царицы: постельницами, мастерицами (швеями), боярскими

детьми и т. д. Огромная и самая богатая из старинных московских слобод Кадашево (церковь Воскресения в Кадашах, напротив Кремля, за рекой) потому и богатела, что занималась, с большими льготами, только *хамовым делом* – изготовлением для царского обихода так называемой «белой казны», т. е. полотен, скатертей и т. п. Тем же занималась и слобода хамовников (церковь Николы в Хамовниках).

Напротив Кремля и Китая, на той стороне реки, поселены были садовники, выращивающие для царского обихода всякие овощи; а на этой стороне, где теперь Воспитательный Дом, находился Васильевский дворцовый сад. Воронцово (церковь Ильи Пророка на Воронцовом поле) издревле было загородной государевой дачей. Повторим снова, что жизненным центром Москвы был государев вотчинников двор, обстроенный деревнями, слободами и посадами, столько же на удовлетворение его собственных нужд и потребностей, сколько вследствие сосредоточения возле этого двора всякой власти и, стало быть, сосредоточения потребностей и нужд народа. Сам

план Москвы (похожий, вообще, на паутину), расположение ее улиц и переулков, из которых первые, как радиусы, бегут к центру – Кремлю, а другие постоянно огибают этот центр, может наглядно свидетельствовать, куда тянула жизнь и что управляло даже общим расположением городских построек.

Москва. Новодевичий монастырь

Двор московского князя-вотчинника первоначально был построен на высокой крутой

горе, при впадении в Москву-реку речки Неглинной. Крутой угол этой горы, спускавшийся к Неглинной, теперь не существует: его несколько раз сравнивали и срывали и в последнее время привели в теперешний довольно отлогий вид; в первые годы XIX ст. еще трудно было и въезжать, и всходить на эту гору, а в прежнее время, без сомнения, она была с этой стороны еще круче. С горы открывался обширный и живописный вид на Заречье, один из тех, которыми так богаты вообще берега рек Московской области, и в особенности берега Москвы-реки.

В то время как князья стали здесь строиться, гора была покрыта боровым лесом, чему свидетелями служат остающиеся до сих пор названия Боровицких ворот и дворцовой церкви Спаса-на-Бору. Здесь же, напротив ворот, стояла другая церковь, Рождества Иоанна Предтечи на Бору, сломанная при постройке нового дворца, о которой летописец рассказывает, что она в том бору была и срублена, и была первой древнейшей церковью Москвы и первым ее соборным храмом при Петре-митрополите, который вначале и жил воз-

ле нее. Есть также свидетельство, что это место было заселено еще в глубокой древности.

Московский Кремль в XVI в.

При постройке здания теперешней Оружейной палаты, примыкающего к Боровицким воротам, были найдены на материке два серебряных витых обруча (гривны) и две серьги, принадлежащие еще языческой эпохе и весьма сходные с подобными же вещами, находимыми в курганах Московской области. Древнеславянские городища и городки устраивались именно на таких горах, при слиянии

двух рек, с отлогим исходом с восточной стороны, таким же, как и на этой Кремлевской горе.

Если церковь Иоанна Предтечи была первой в древнем городке Москвы, то и первый княжий дворец нужно искать возле этой же церкви, и притом с западной ее стороны, так что его местоположение еще ближе к Боровицким воротам и к острому углу бывшего здесь некогда берегового острога, или косогра. Позже, в XIII веке, когда население увеличилось и княжеский двор по тесноте места должен был отодвинуться дальше к востоку, он устроился на месте нынешнего Большого дворца пред новой церковью Благовещения на княжих Сенях. По легендам, постройка этой церкви относится к 1291 г.

Как бы ни было, но первое, древнейшее, заселение Кремля сосредоточивалось у Боровицких ворот, на бору, или в бору, на высоком остроге речки Неглинной и Москвы-реки.

Русские князья, прокладывая свой путь в эту лесную землю, без сомнения, становились там, где уже было жилье. Москва лежала на одном из таких путей и, по-видимому, самом

главном, так что при проезде с юга в Суздальскую землю миновать ее было нельзя. По всей вероятности, с первых же княжеских походов в эту землю Москва сделалась их становищем, может быть, очень любимым за красоту места, а также за хорошую охоту. По крайней мере, первое летописное известие о ней есть в то же время известие о пире, об «обеде сильном», которым в 1117 г. угощал князь Суздальский Юрий Владимирович Долгорукий князя Северского Святослава, ходившего тогда завоевывать Смоленскую область по реке Протве. Выбор места для «сильного обеда» указывает, что Москва и в то время уже представляла необходимые усадебные удобства для княжеского пиროвания. При этом должно заметить, что дело было раннею весной, 5 апреля, в Похвальную субботу¹⁷, следовательно, пир не мог происходить в шатрах, как часто случалось у князей в летнюю пору, и, без сомнения, происходил в избах и клетях на княжьем становом дворе. Таким образом, заселение князьями Москвы мы можем отнести ко времени их первых походов и путей в Суздальскую землю.

К сожалению, о древнейшем московском княжьем дворе почти нет никаких известий ни в летописях, ни в современных им актах. В первое время своей жизни, до половины XIV века, Москва не имела собственных летописцев: все ее события этого времени записаны летописцами других городов, например, новгородскими, суздальскими и др., которые вносили в свои сборники известия о Москве большею частью случайно, мимоходом, несколько не касаясь частных, домашних дел этой небольшой великокняжеской вотчины, еще мало обращавшей на себя внимание. Притом и все более или менее значительные события того времени сосредоточивались преимущественно около Владимира, Новгорода, Рязани и других сильнейших городов; Москва же оставалась в глуши своих лесов малозаметной деревенькой; поэтому не только о княжьем московском дворе, но даже и о самом городе мы не встречаем в летописях XIII и XIV ст. никаких особенных подробностей. Впрочем, это обстоятельство едва ли может затруднять нас: общее понятие о древнейшем дворе московских великих князей

мы можем составить себе из летописных известий XI и XII столетий, где княжий двор, нося общие черты на севере и на юге, изображается с достаточными подробностями, по крайней мере, в отношении своих частей. Мы знаем, например, что еще при Ольге в Киеве, кроме княжьего двора в городе, был еще загородный теремный двор над горой, называвшийся так от каменного терема: «бе бо ту терем камен». На этом-то дворе, по свидетельству Нестора, совершилось мщение Ольги над древлянами за смерть Игоря; здесь погибли лучшие мужи древлян «в яме великой и глубокой», нарочно для этого выкопанной. Может быть, здесь же была и та *истопка*, мовница, баня, в которой другие мужи древлянские, по замыслу Ольги, «творили мовь», т. е. парились, по древнему русскому обычаю, и потом были сожжены. На этом же теремном дворе при Владимире погиб и брат его Ярополк. В 980 г. Владимир, еще язычник, поставил на том же холме, вне этого *отняго* теремного двора, кумиры своих богов: Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога и пр. После крещения при княжих дворах ставились уже божницы, пра-

вославные храмы.

Впрочем, этот каменный терем, упоминаемый почти на первых страницах нашей древнейшей летописи, был, конечно, большою редкостью в то время, потому что все тогдашние постройки были по преимуществу деревянные; но, как имя, этот терем дает понятие, что и в то время, в первой половине десятого века, состав княжьего двора был такой же, какой существовал и в позднейшее время. Терем составлял только увенчание здания, верхний ярус хором, как общим именем прозывались остальные ярусы и вся совокупность строений.

Нет сомнения, что основой и первообразом древнейшего русского жилища была клеть – связь бревен на четыре угла, строение, уцелевшее в своей первобытной простоте и до наших дней. В таких клетях летом жил и св. Владимир в своем любимом селе Берестове, где в тех клетях и скончался.

Клеть зимняя, приспособленная для тепла, отапливаемая посредством печи, в отличие от холодной клетки, именовалась *истьбою*,

также *истопкою*, что и заставляет предполагать, что из этой истопки образовалось и самое слово «изба», от глагола *топить*, *истопить*; по крайней мере, такой смысл этого слова держится в показаниях наших летописей, и южных, и северных, в которых, при описании событий XI и XII ст., находим: истопку, истопьку, истобъку, истбу, истьбу, истебу, избу теплу.

Деревянный дворец в селе Коломенском в 1640 г.

Как бы ни было, но уже в историческое время в русском языке «изба», «истопка» понимается как «клеть, отапливаемая печью», в

отличие от простой, холодной клетки. Это была постройка, повсеместно распространенная в нашей более или менее лесной равнине, от Новгорода до Киева, составлявшая коренную типичную форму русского жилища как в простонародном крестьянском быту, так точно и в княжеском, а потом до конца XVII ст. и в царском. Истопка, истьба, изба постоянно упоминается в летописях, когда речь идет о жилищах княжьего двора. В составе княжьего двора упоминается также горенка (1152), обозначающая *горний*. — то есть верхний ярус постройки, и вновь свидетельствующая, что древний состав двора неизменно сохранялся и в позднем его устройстве. Но от других, боярских и вообще богатых дворов, княжий двор отличался тем, что в его составе всегда находилась обширная клеть, носившая в то время именование *гридницы* (в песнях — *гридня*), от имени *гридь*, *гридьба*, как назывался особый отряд княжеской дружины, главным образом в Новгороде. В областном языке *гриднею* называется и простая изба..

В гриднице Владимир давал по воскресеньям пиры боярам, *гридем*, сотским, десят-

ским и «нарочитым мужам», следовательно, она служила приемной и была самым обширным покоем княжеского дворца. В «Слове о полку Игореве» упоминается о *Святославли гриднице* в Киеве; в древних песнях гридница носит эпитет «светлая», и в ней обыкновенно стоят столы дубовые. В позднейшее время ей соответствовала, по своему значению, *повалуша*, *Столовая изба*, также *горница*, а по способу постройки – *светлица*. Другие клетки получали свои имена соответственно их назначению в княжеском обиходе: так, были *ложница* или *одрина* – спальня, от слова «одр» – постель. *Божницей* назывался домовый храм князей, в котором они слушали церковные службы, почти всегда на полатях, то есть на хорах, соединявшихся с княжеским дворцом переходами. «Володимир (Галицкий в 1152 г.) поиде к божници к Святому Спасу на вечернюю и яко же бы на переходах до божницы, и ту виде Петра (посла Изяславова) едуца, и поругася ему: поеха мужь Руский, объмав вся волости, – и то рек иде на полати (на хоры)». Впоследствии местоположение княжеских домовых церквей обозначается боль-

шею частью выражением: что на сеньях.

Кремлевская палата. XVI в.

Общая характерная черта в устройстве древнего княжьего двора, как и всех других богатых и зажиточных дворов того времени, заключалась в том, что хоромины, избы, клетки ставились, хотя и по две, по три вместе, но всегда отдельными группами, отчего и вся совокупность разных построек во дворе именовалась собирательно хоромами. Княжеский

дворец не составлял одного большого целого здания, собственно дома, как теперь, но дробился на несколько отдельных особняков. Почти каждый член княжеской семьи имел особое помещение, отдельное от других строений. Для необходимого соединения таких отдельных помещений служили сени и переходы. Сени составляли вообще крытое, более или менее обширное пространство между отдельными клетями, избами, горницами, как в верхнем, так и в нижнем ярусах всех построек.

Из всех мест летописи, где упоминается о сенях, видно, что они были в верхнем ярусе, где, следовательно, находились и все покои, в которых жили князья. Так как сени представляли важное и притом неизбежное условие в расположении хором, то и самый дворец княжеский в древнейшее время именовался вообще сенями, сенницею.

«Сижє (людєе в 1067 г.) придоша на княж двор. Изяславу же сєдѧщу на сенех с дружиною своею... князю же из оконцѧ зрящю и дружине стоящю у князѧ.... (в 1095 г.) Итларєви в ту ноцѧ»

лежащую у Ратибора на дворе с дружиною своею – на сенници... – И седшим всей братьи у Всеволода на сенех, ирече им Всеволод... – В то же время Борис пьшет в Белегороде, на сеньници, с дружиною своею и с попы с Белогородскими.. – Петр же поеха в град и приеха на княжь двор, и ту снидоша противу ему с сеней слугы княжи вси в черних мятлих... и яже взиде на сени, и види Ярослава, сидяща на отни м.есте в черни мятли и в клобуце, такоже и вси мужи его, и поставища Петрови столец, и сяде...»

В этом же значении должно принимать и выражение: *у государя на сенях*, весьма употребительное в XVI и XVII столетиях.

Мы упоминали уже, что князья, как потом и цари, занимали всегда верхние ярусы дворца, который от этого в XVI и XVII ст. назывался вообще *Верхом*; выражение: *у государя в Верху* – значило то же, что «во дворце». В нижних этажах древних княжеских хором, под клетями, находились *порубы*. В позднейших редакциях летописей «поруб» заменяется словом «подклет». В этих-то подклетах и

вообще в нижних этажах жили княжьи слуги, отроки, дети и все лица, составлявшие княжий двор и называвшиеся поэтому дворянами. К хозяйственным постройкам княжьего двора принадлежали погреб, медуша – погреб с вытопленным из сот медом; бретьяница – погреб с бортевым медом¹⁸; скотница – кладовая со всякою казною.

Некоторые из древнейших княжих дворов, по своей красоте, а может быть, по красивому местоположению, назывались красными, а двор великого князя Юрия Долгорукого в Киеве за Днепром даже именовался раем. В отношении наружного вида дворцов мы имеем свидетельство «Слова о полку Игореве», где упоминается о златоверхом тереме великого князя Киевского Святослава.

Вот те краткие известия о древнейшем княжьем дворе, которые находим в летописных свидетельствах X, XI и XII столетий. Несмотря, однако ж, на эту краткость и отрывочность первоначальных указаний о княжьем доможительстве, мы видим, что древнейший княжеский быт в этом отношении очень мало изменился и в последующие ве-

ка, а что еще важнее, он был одинаковым и на севере, и на юге, ибо на севере жил тот же княжеский род, который в те времена переходил туда с юга, перенося с собою все условия, потребности и порядки своей жизни. Без всякого сомнения, дворец первых московских князей содержал в себе много сходного со всеми другими княжескими дворцами того времени: по крайней мере, в состав его входили те же самые части, какие указаны нами выше. Это вполне подтверждают известия последующих столетий. Златоверхий Набережный терем и Набережные сени (в смысле целого дворца) Дмитрия Донского, указывая на местоположение великокняжеских хором в Москве, объясняют вместе с тем и их сходство с древнейшими постройками того же рода. «Повесть о Мамаевом побоище» рассказывает между прочим, что весть о приближении Мамаевых сил застала великого князя за пиром в Набережных теремах: пил он чашу за брата своего, Владимира Андреевича¹⁹. Далее, когда московская рать двинулась с князем в поход, повесть описывает плач его супруги: «Княгиня ж великая Евдокия вниде в златоверхий

терем в набережный, в свои сени, и сяде под
стекольчатом окне на одре... слезы проли-
вающе...» По другим спискам: «...сяде под юж-
ными окны... вниде в набережные сени и се-
доша о рундуце (стул) под стеклянным окон-
цем...»²⁰.

Москва. Крестовая палата в Кремлевском
дворце

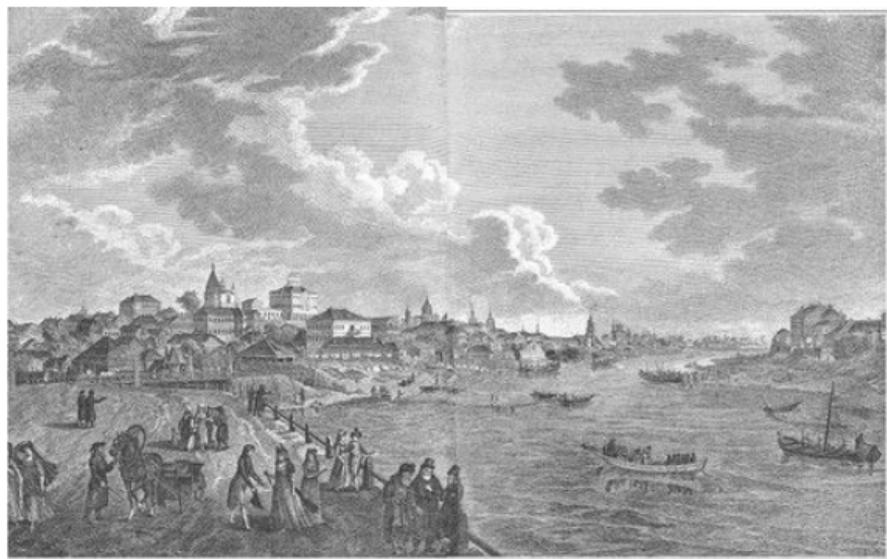
Несмотря на то что сказание о побоище и,

следовательно, эти известия о княжьем дворце относятся к более позднему времени, все-таки они дороги нам как свидетельства, обозначающие хотя бы одною общей чертой сходство московского княжьего двора с древними. Этот Набережный терем находился возле самой церкви Благовещения, которая была первым домовым храмом московских князей. По красоте местоположения и московский княжий двор мог также называться раем. А то, что он действительно был построен обширно и с великолепием, которое соответствовало вкусам времени и богатству сильнейшего русского князя, свидетельствуют чудные часы, может быть, единственные в то время во всей Русской земле, которые были поставлены в этом дворце в 1404 г. Летописец только потому и сохранил известие о них, что они, отличаясь от обыкновенных предметов, очень удивляли современников. Он описывает их следующим образом «Князь великий (Василий Дмитриевич²¹) замысли часник и постави (его) на своем дворе за церковью, за Св. Благовещением. Сии же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом

В колокол, размеряя и рассчитая часы ночные и дневные; не 60 человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако; створено есть человеческою хитростию, преизмечтано и преухищено»²². Другой летописец добавляет, что часы были «чудны велми и с луною... » или с лунным течением, как выражались о подобных часах позднее. Мастером и художником этих знаменитых часов был чернец Лазарь, родом серб, пришедший в Москву с Афонской Горы²³. Часы стоили более полутораста рублей на тогдашние деньги, сумма по тому времени весьма значительная.

Необходимо упомянуть, что Василий Дмитриевич примерно в то же время выстроил и каменную церковь Благовещения, вероятно, на месте прежней деревянной, постройка которой приписывается великому князю Андрею Александровичу²⁴ в 1291 г. Очень не мудрено, что вместе с этими сооружениями церкви и часов великий князь вообще обновил свой дворец, украсив его, может быть, новыми зданиями, по обычаю, деревянными, о чем летописец не говорит ни слова по той

причине, что подобные перестройки, как дело весьма обыкновенное в княжеском быту, не заслуживали упоминания.

Вид Яузского моста в Москве в конце XVIII в.

С гравюры Делаберта 1797 г.

Летописи конца XV века и современные им записки упоминают, к случаю, среднюю горницу, в которой великий князь Иван Васильевич, в 1479 г., по случаю торжественного освящения нового Успенского собора и перенесения в этот собор мощей московских чудотворцев, угощал митрополита и духовные

власти. Упоминают еще набережную горницу великого князя (1488), набережный сенник, а также среднюю повалушу великой княгини Софьи Фоминичны²⁵, где представлялся ей посол цесарский Юрий Делатор, в 1490 г., и столовую гридню и повалушу великого князя, записанные летописцем по случаю заключения в 1492 г. несчастного угличского князя Андрея Васильевича²⁶. Здесь одна только повалуша не упоминается более ранними летописцами, что, однако ж, не позволяет заключать, что повалуши не было в наших древнейших постройках, что ее не было и на княжих дворах. В других памятниках старинной письменности, относящихся даже к XII в., упоминается и повалуша, и вдобавок с обозначением, что она бывала расписываема, т. е. украшаема живописью.

«Ты, – обращается одно учительное слово к богатому, – жсивя в дому, повалуши исписав, а убогий не знает, где главы подклонити!»²⁷

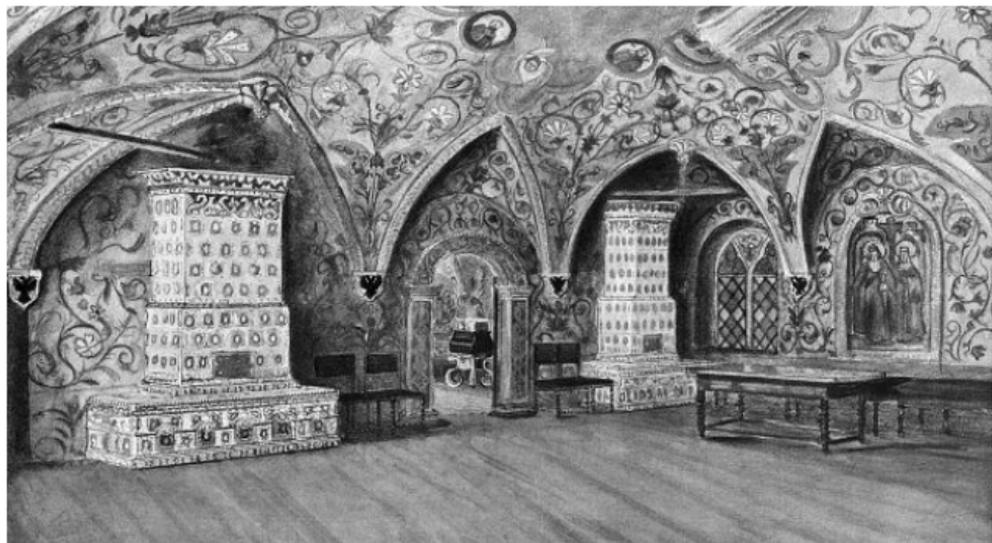
Ни один летописец не оставил нам подробного описания древнего русского жилища, которое по типичности своей могло бы заме-

нить нам полнейший свод всех известий об этом; летописцы не знали, что нам будет это любопытно, и нисколько не занимались современным им домашним бытом по той единственной причине, что этот быт был так им близок, так всем известен, что его не стоило и описывать. Но, несмотря на то что летописцы оставили нам весьма мало подробностей о нашем старинном домостроительстве, мы можем безошибочно пополнить их краткие указания известиями позднейшего времени. Это тем более возможно, что народный быт Древней Руси, особенно в отношении образа жизни, нелегко поддавался посторонним влияниям, нелегко изменялся и даже до настоящего времени сохранил основные черты своего характера. Притом до Петра Великого все население Московского государства не различалось так резко ни в образе жизни, ни в обычаях; следовательно, и домоустройство всех сословий отличалось повсеместным однообразием, сходством, которое сохраняется даже теперь по великорусским деревням.

Мы уже сказали, что первообразом древнего русского жилища была клеть, из которой

потом образовалась изба, до сих пор почти единственное жилище нашего крестьянина. Изба и клеть составляли, так сказать, основу его двора. Обыкновенно изба была поземная и черная, то есть курная, срубленная прямо на *пошве* или на *ж>дза.вал.лье*²⁸, с волоковыми окнами, от 6 до 8 вершков длины и 4 вершков ширины²⁹, которые располагались почти под потолком, для пропуска в них дыма, и походили более на щели, нежели на окна. Волоковыми они называются потому, что их не заворяли, а задвигали, или заволакивали, особой крышкой или доской. У некоторых изб были дымницы, или дымники, вероятно, деревянные трубы, какие нередко встречаются и теперь; впрочем, эти дымницы составляли, кажется, принадлежность белых изб, о которых мы еще будем говорить. Напротив избы у семейных и зажиточных людей ставилась клеть – летний холодный покой, также с волоковыми окнами. Место под общею кровлей, между клетью и избой, называлось сенями. Под клетью, которая в иных местах называлась повалушею и даже горницею, почти всегда был глухой подклет, называвшийся

нередко мшаником, в котором помещался домашний скот или кладовая.

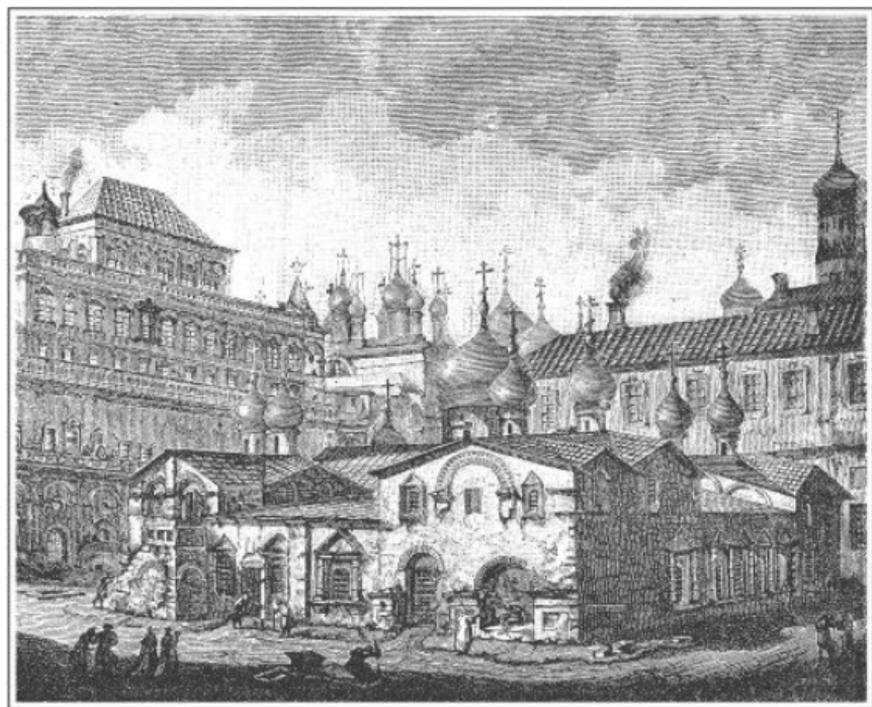
Терем в Москве

Поэтому клеть в отношении к избе стояла всегда выше, отчего, вероятно, и носила название горницы. Вот жилище простолюдина. Мы берем только главные черты, не упоминая о разных подробностях крестьянской избы и клети, о принадлежностях крестьянского двора, собственно о *дворище*, как в древнее время называлась вся совокупность таких принадлежностей, вообще о дворовом и огородном строении, потому что все это с незапа-

мятных времен и доныне существует почти без изменений.

У людей других сословий, у богатых гостей, дворян и, наконец, у бояр, постройка и расположение хором изменялись по мере потребностей, какие составляла жизнь каждого лица, хотя в главных чертах она и сохраняла первобытный тип избы и клетки простолюдина. Вместо черной, поземной избы, здесь ставилась изба белая, также поземная, но с той только разницей, что дым из нее проходил в трубу, дымницу, а не в дверь и не в волоковые дымовые окна, как бывает в избе курной. Впрочем, большей частью такая изба строилась на подклете, почему и называлась горницей, как верхний, горний покой в отношении к подклету; в этом случае она была всегда с красными³⁰, косячатыми окнами, при которых, однако ж, допускались и малые волоковые, располагаемые обыкновенно по сторонам красных, но чаще в боковых и задних стенах горницы. Сверх того, горница отличалась от избы печью, которая здесь была изразцовая, муравленая, круглая или четырехугольная, вроде голландской, совершенно от-

личная от избной, так называемой русской печи. Горница и сама изба разделялись нередко перегородками на несколько комнат. Нередко две-три или четыре клетки, или горницы, ставились вместе и назывались собирательно двойнями, тройнями, четвернями, смотря по количеству связанных таким образом клеток, вообще хоромами в собственном смысле, а каждая такая клеть отдельно – комнатой и горницей.

Терема в Москве

Что же касается подклетов, то это были нижние этажи древних хором; они носили разные наименования, смотря по своему назначению: в них помещались людские, кладовые или казенки, в которых хранилась казна, то есть имущество, и пр. В первом случае они были жилые с волоковыми окнами и с печами, во втором – глухие, т. е. нежилые, иногда без окон и даже без дверей, потому что ход в них бывал только с верхнего этажа.

В больших хоромах обширные сени соединяли горницу или комнаты с повалушею, или повальшею, которая всегда ставилась отдельно от жилых хором, с передней их стороны, также на жилом или глухом подклете, в два или в три яруса. Это был обширный летний, т. е. холодный, покой, соответствовавший клети в крестьянском дворе и служивший большей частью в качестве столовой или вообще приемной комнаты. В иных случаях повалыша служила также для сохранения разной домашней рухляди. В богатых и особенно в государевых хоромах она соответствовала древней гридне, а впоследствии – столовой, т. е.

парадной комнате, в которой давались праздники и пиры, принимались гости. С этой, может быть, целью повалуша и ставилась дальше от жилого помещения, и всегда против передней комнаты, так что не имела сообщения с задними клетями.

Московская улица в XVII в.

Кроме горницы и повалуши, в состав старинных хором входили еще светлица и сенник. Светлица – та же горница, с одними только красными косячатыми окнами, которых в ней было больше, чем в горнице, и которые, разумеется, давали больше света, чем окна горницы и всякого другого покоя. В свет-

лице окна прорубались во всех четырех стенах или, по крайней мере, в трех, между тем как в горнице были красные окна только с лица (фронтон) или с двух сторон, если была угловая. Светлицы ставились по большей части только на женской половине и всегда служили рабочими комнатами для женских рукоделий, особенно для вышивания шелками, золотом и для белого шитья. Вообще, светлица была комнатой, назначаемой для работ разного рода и для всяких занятий. Сенник, от слова «сени»,— также холодный покой, без печи, с немногими волоковыми окнами, служивший летом спальней; от теплых хором он отличался особенно тем, что на его дощатый или бревенчатый потолок, как и на потолок сеней, никогда не насыпалась земля, что было необходимо при устройстве теплого покоя. От этого сенник получал весьма важное значение во время свадьбы: в нем обычно устраивалась брачная постель; а древние обычаи не допускали, чтоб у новобрачных над головами была земля, как такой предмет, который, среди радостей жизни, во время «веселия», как называли свадьбу, мог дать повод к

размышлению о смерти.

Сенником и сенницею назывался также и сарай для сена, сеновал. Мы упоминали уже о значении сеней в древних постройках; этим словом называли все части хором, расположенные пред входом в жилые и нежилые покои и соединявшие все отдельные хоромы, т. е. горницы, повалуши, клетки, светлицы и т. д. В богатых и государевых постройках, на женской половине хором, сени приобретали значение теперешней залы и потому устраивались обширнее, чем в других частях хором. Здесь сени служили местом для девичьих веселостей и игр.

Сени, находившиеся вне общей кровли, непокрытые или покрытые одним навесом, назывались переходами и крыльцом, если при них была лестница со двора. В горницах и повалушах, преимущественно же в сенях, устраивались чуланы и каморки; в горницах они служили спальнями, а в сенях – кладовыми. Где-нибудь позади к сеням прирубались задцы или придельцы для необходимого назначения. Над сенями иногда делался верх,

или вышка, светелка, а внизу – подсенье. Верхний этаж древних хором составляли светлые чердаки, известные также под именем теремов и вышек.

Палата в старом Кремлевском дворце

Они устраивались под самой кровлей зда-

ния, были со всех сторон открыты, почему и пользовались обширным видом; к ним устраивались иногда *смотрильни* – небольшие башенки, с которых смотрели на окрестность. Отличительной чертой теремов, или чердаков, были красные, нередко двойные, окна, прорубленные на все четыре стороны терема. В древних народных песнях терем носит эпитет высокого, каким он и был всегда. Около теремов, или чердаков, почти всегда устраивались *гульбища* парапеты или балконы, огороженные перилами или решетками.

Таким образом, наши древние хоромы состояли преимущественно из трех этажей: внизу подклеты, в среднем житье, или ярусе, – горницы, повалуши, светлицы; вверху – чердаки, теремка, вышки.

В заключение этого обзора древних деревянных хором нужно упомянуть, что в больших хорах расположение частей не было подчинено никакому особенному, общепринятому плану: они ставились совершенно произвольно, в зависимости от удобства и различных требований, которые условливались значением строившего лица, многочис-

ленностью его семьи и т. д. Впрочем, как бы ни были обширны хоромы, они всегда сохраняли в своем составе общий тип клетки и избы с их подклетами.

А. Васнецов. На крестце в Китай-городе

Напомним, что вся Великая Русь была по преимуществу «лесная земля», как ее постоянно называют южные князья, в которой, следовательно, лесной материал был дешевым и

поэтому оставался надолго почти единственным строительным материалом. Это обстоятельство препятствовало распространению и улучшению кирпичного производства, нужда в котором была очень незначительна. Деревянные постройки ставились так скоро, были так удобны, соответствовали обычаям и потребностям времени и так были дешевы, что, несмотря на постоянные пожары, опустошавшие в несколько часов целые посады и даже большие города, кирпичное производство не приживалось до тех пор, пока не стал ощущимо дорожать лесной материал. Так, в конце XV века итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, приглашенный строить в Москве Успенский собор, вместе с другими итальянскими мастерами начал учить русских делать качественный кирпич. Можно было ожидать, что с того времени кирпичное производство утвердится хотя бы в Москве, где необходимость в каменных зданиях стала с каждым годом увеличиваться. Однако в начале XVII ст. мы принуждены были опять вызвать кирпичного мастера из Голландии и снова учиться тому, чему были выучены по-

чти полтора ста лет назад. Так могущественны были не только старые обычаи, но и выгоды, доставляемые дешевизной обычного строительного материала, — дешевизной, невероятным удобством и скоростью, с которыми строились деревянные здания. Само собою разумеется, что в таких обстоятельствах процветание плотничного дела было вполне обеспечено.

Из простого домашнего мастерства с первобытными приемами, которое так знакомо было почти каждому селянину, оно сделалось в некотором смысле художеством; создало высокие и обширные церкви о тринадцати верхах, какой, например, была

София Новгородская еще в начале X века, в двадцать стен, какой была Успенская церковь в Устюге (1492), в двадцать пять углов, какой была церковь Св. Николы, «вельми преудивленная и чудная во всей Псковской волости»; строило еще более обширные городские стены с башнями и воротами, весьма красивыми, и с тем же искусством выстраивало огромные дворцы и хоромы государевы.

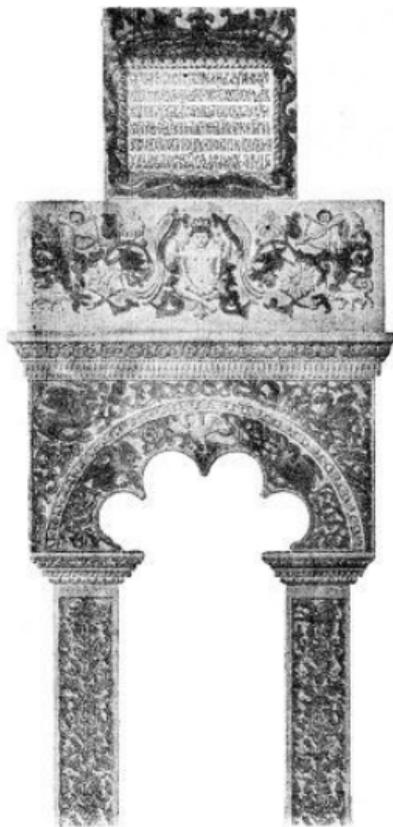
Подобные постройки, конечно, требовали

немалой опытности и знания не одной только техники мастерства, но и искусства архитекторского, знания разных механических условий, без которых невозможно было возводить столь обширные постройки.

Доморощенные наши архитекторы того времени и вместе с тем начальники плотничных артелей назывались плотничьими старостами; плотники же назывались иногда и *рублениками*, от главного занятия в их мастерстве – рубить. Замечательным памятником их искусства, о котором мы можем иметь представление хотя бы по сохранившимся рисункам, служит деревянный Коломенский дворец XVII ст. Заброшенный и оставленный еще с первых лет XVIII ст., он стоял почти без всякой поддержки более 60 лет и был разобран только в 1768 г. Представим несколько подробностей, характеризующих старинное плотничное дело и вообще способы построек.

Двери Теремного дворца

Клеть, как первообраз и основа всякой хоромины, какое бы название она ни носила и как бы обширна ни была, ставилась обыкно-

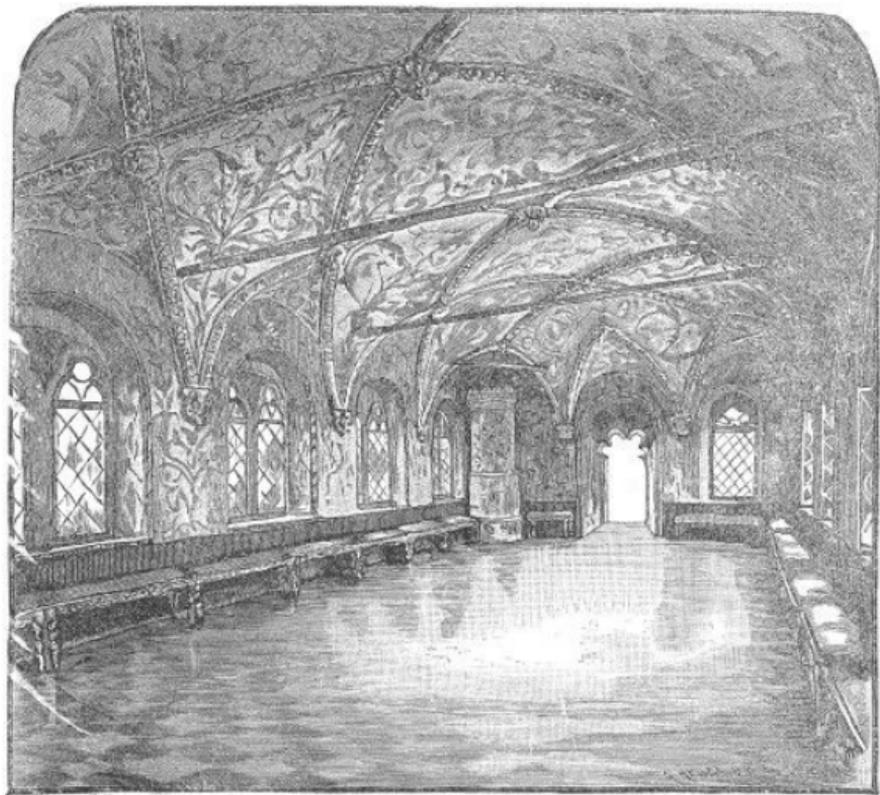

венно в четыре стены, из бревен или, при достаточном хозяйстве, из брусьев, т. е. бревен, тесанных со всех четырех сторон. Бревна на углах стен связывались или срубались в обло и в присек, в лапу³¹ и в замок³², как обыкновенно рубились избы в деревнях; в ус, как вообще рубились хоромы, особенно брусяные: в

ус, в брус, также в косяк, в угол. Связанные таким образом по углам, четыре бревна или бруса составляли венец, *ряд*; количеством венцов, или рядов, друг на друга положенных, определялась часто, смотря по толщине бревен, и вышина клетки или ее стен: говорили, например, — «вышиною на пятом венце». Складывались, т. е. ставились, клетки или прямо на пошве, т. е. на земле, или же, как бывало в хоромных постройках, на столбах и *режах* или *обрубках*, что называлось «подрубать режь». Режи и обрубы составляли как бы фундамент и рубились клетками, или *избиидми*, иногда, для большей крепости, в две стены. Избы и клетки иногда даже и в царских хоромах рубились во мху, т. е. перекладывались по каждому венцу мхом. Хоромы зажиточных людей и царские конопатились обыкновенно плохим льном, пенькою или паклею; сверх того, потолки и стены обивали иногда белыми полстьми³³ и войлоками.

Коридор в Кремлевском дворце

Мост, или пол, мостили на кладях, или лежнях, половыми досками в *причерт* с *выте-*

сом, т. е. ровно и гладко, также взакрой, и всегда выравнивали. В подклетах клали мост пластинный или бревенчатый. Подволоку, или потолок, утверждали на матицах³⁴, настлая брусьями или накатывая бревнами, которые также изнутри клетки почти всегда вытесывались в брус или клались в подтес, *взакрой*³⁵. Большие хоромы всегда укрепляли связным железом – скобами, наугольниками,

подставами, веретенными гвоздями и т. п.

Нарядить нутро – значило отделать клеть начисто внутри, т. е. вырубить и околотить окна красные и волоковые, сколько понадобится: покласть у стен лавки с опушками, на стамиках³⁶; устроить, где следовало, коник; навесить двери, сделать опечек, или место для печи, и т. д. К тому же наряду относилась и окончательная уборка стен и потолка. Стены, особенно если они были бревенчатые, внутри и снаружи обшивались красным тесом взакрой; брусяные же отделялись в скобель³⁷ или *выскабливались в лас*³⁸. Потолок точно так же подшивался тесом или липовыми досками взакрой. В жилых клетях потолок сверху вымазывали глиною и по просушке насыпали просеянную землю – черноземом, *наволакивали* землю.

Окно Теремного дворца со стороны Оружейной палаты

Соединение обыкновенной двускатной кровли состояло из князя, иначе князька, также коня и конька – верхнего продольного бруса, от которого вниз с обеих сторон протя-

гивались *курицы*, или деревья с закрючинами, на коих клались *застрехи*, нижние продольные брусья кровли, составлявшие ее свесь³⁹. С лица клетки эти деревья, или курицы, закрывались узорочно вырезанными *причелинами*⁴⁰, которые спускались по сторонам очелья (фронтон), закрывавшего чердак, или

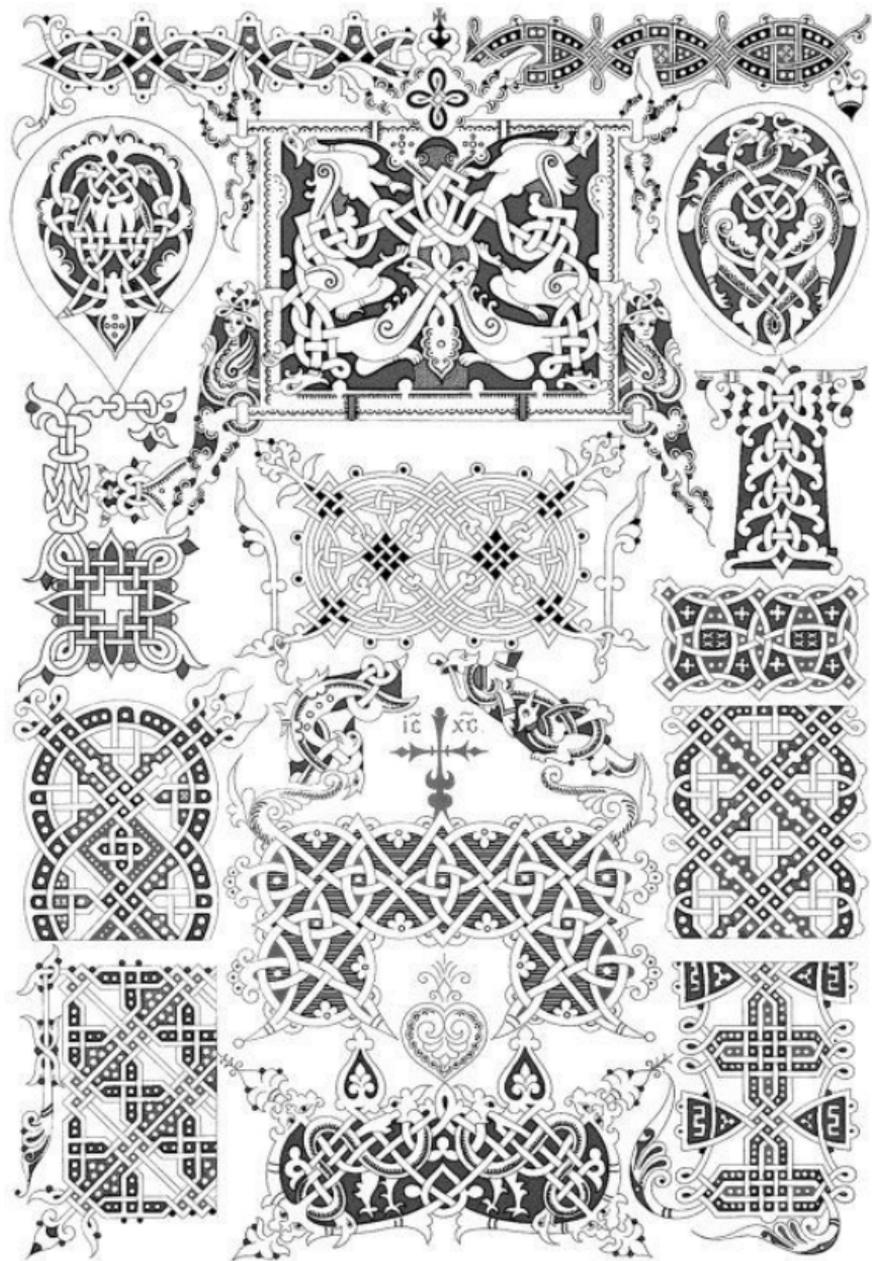
верхнюю подкровельную часть клетки. Затем кровля решетилась *латоками*, или продольными *решетинами*⁴¹, и *подстрелинами*⁴². Связь хоромных кровель, которые большей частью крылись по-полатному, т. е. со скатами на все четыре стороны, также состояла из *князя*⁴³, который опирался на подстрелины и *быки*⁴⁴, связанные решетинами.

На хоромах кровли крыли в два теса со скалой, т. е. с берестой, которой переключивали тес, чтобы не проходила течь, что называлось *поскалить'*, иногда крыли *драницами*⁴⁴⁵ со скалой же. Кроме того, тесовые кровли делались в нижней части почти всегда с полицами, т. е. небольшими переломами или отводами вроде полок, предупреждавшими сильный сток воды. Это было необходимо потому, что кровли устраивались очень круто. Под полицы клали желоба большие *охлупнье* и малые; устраивали также водяные скаты. По полицам нередко ставили *балясы*⁴⁶, а сам свес украшали *поддзоринами*⁴⁷. Наверху по князю ставили резной гребень с маковицами по краям. В таких кровлях устраивали нередко выпускные, или выводные, окна, освещав-

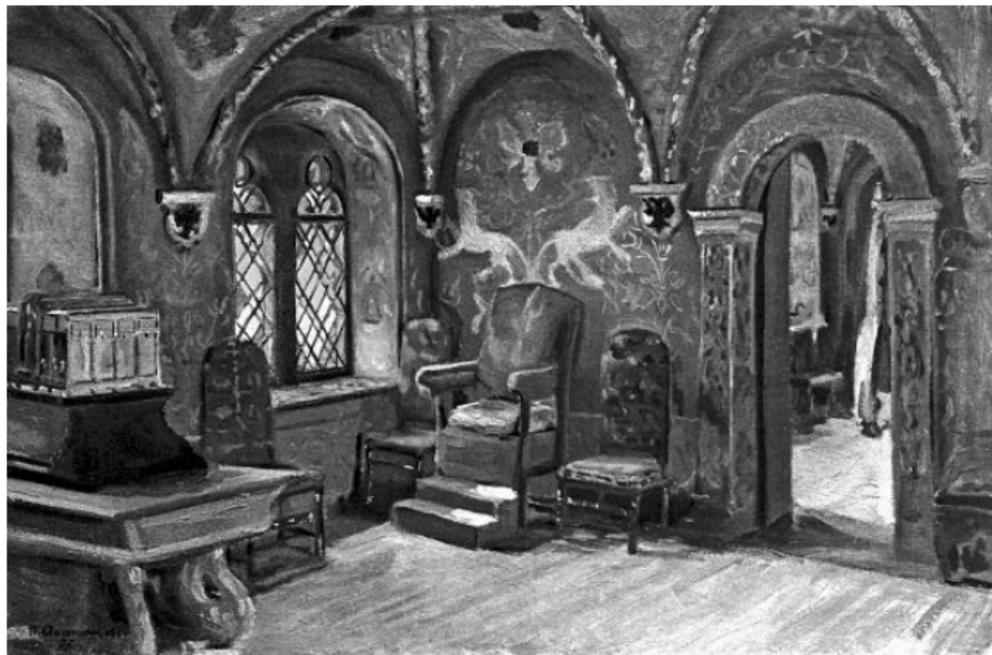
шие чердак; а чаще чердашные слухи, окна слуховые.

Образцы орнаментации рукописей.
XIV—XV вв.

Вообще, кровли в старину служили немалым украшением зданий, особенно в больших, обширных постройках. Они устраивались высокими шатрами в виде башен, сводились в виде бочек, в виде кубов, причем то и другое соединялось нередко вместе, т. е. шатры стояли на бочках. Шатры, кубы и бочки искусно кожушились⁴⁸ мелкими решетинами и покрывались большею частью гонтом (лемехом)⁴⁹ в чешую. Кроме того, верхи хором украшались чердаками, или теремами, род бельведеров, с красными, иногда двойными, окнами на все стороны. Около таких чердаков устраивались гульбища, балконы, огороженные балясами, или перилами, гудками (род балясника). Самые верхние чердаки, или собственно бельведеры, строились или на четыре угла, или же в виде шестерика и осмерик. Верхи чердаков, шатров, бочек, кубов украшались *прапорцами*, флюгерами, а боч-

ки, сверх того, — резными гребнями.

Тронный зал в тереме

Само собою разумеется, что верхние жила, т. е. чердаки и терема, строились легче нижних ярусов и обыкновенно ставились на стойках или столбах, забирались брусьями или нетолстыми бревнами и обшивались тесом взакрой или вкосяк.

Тем же почти способом устраивались и сени. Они ставились также на стойках, или подставках, и обвязывались тесом с брусьями.

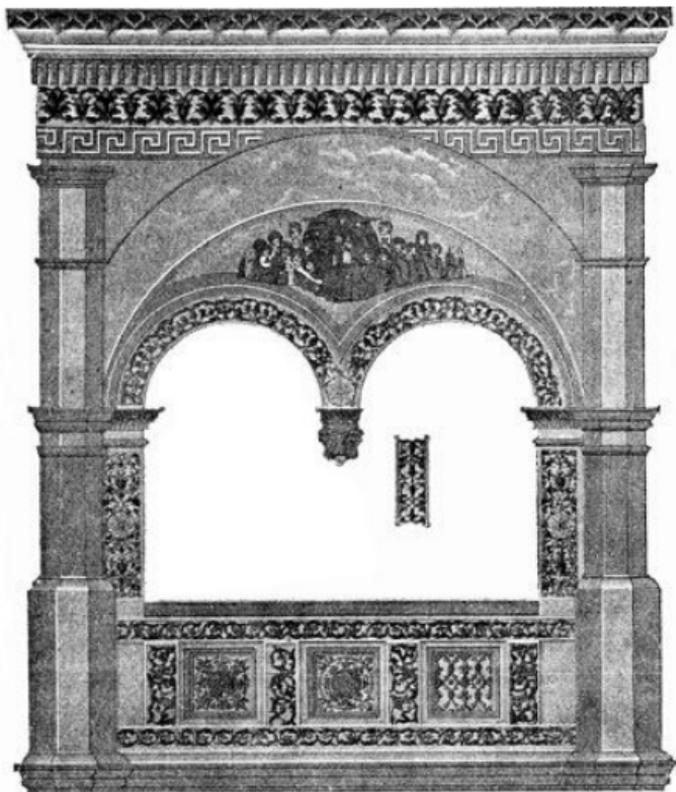
Двухъярусные сени ставились на лежнях⁵⁰ на подборе бревнами; подбирать – значило ставить бревна в стену стоймя, что также называлось *забирать в столбы*, так обыкновенно устраивались сени исподние, или подсенье, верхний ярус забирался досками вкосяк. Чуланы в сенях забирались тесом взакрой. Крыльцо в малых клетях устраивалось на выпускных бревнах⁵¹; в больших – на подрубах⁵². Лестницы клали на тетивах⁵³, в которых вставлялись ступени, обшиваемые тесом. В зависимости от высоты клетки лестницу всегда переламывали, т. е. делали с отдыхами и по сторонам почти всегда *опериливали*, т. е. делали поручни, или перила, с балясами, или решетками. В больших хоромах перед лестницею *взрубали рундук*⁵⁴ на один, на два и на три всхода, о трех или более ступенях. Рундук почти всегда покрывался *шатриком* на точеных столбах, который подбирался тесом вкосяк.

Около двора заметывали замет, или заплот, т. е. забор. В достаточных дворах забор рубили из бревен в лапу и в замок, скоблили на оба лица, приводили в черту, чтоб щелей и

В углах дыр не было. Забор красился воротами, которые устраивались на столбах, или столбцах, и связывались в один щит, а в достаточном хозяйстве делались створчатые из двух щитов, с калиткою, а нередко и тройные, т. е. с двумя калитками, обшивочные, т. е. обшитые тесом. Почти всегда ворота покрывались тесовою кровлею с полицами, а на князьке украшались резным гребнем или же небольшими бочками и шатриками. По уборке и отделке ворот всегда можно было судить о достаточности хозяина, ибо двор красился воротами, изба – углами, т. е. внутренним нарядом, хоромы – теремом.

Окно Теремного дворца против церкви Спаса

Этих подробностей, которые все, до слова, заимствованы нами из строительных записок XVII ст. (начиная с 1614 г.), весьма достаточно для того, чтоб дать понятие о старинном плотничном деле, а главное – о том, что оно и до сих пор держится на тех же способах и приемах, какие, без сомнения, употреблялись еще в первые века нашей истории. Все

плотничные термины сохраняются до сих пор; их почти вовсе не коснулась немецкая, вообще иностранная, техника, и само производство существует без всякой помощи со стороны ученых архитекторов, которые, если бы захотели, многое могли бы заимствовать из этого технического языка, родного и, следова-

тельно, наиболее понятного для всех источника родных же слов-названий.

Выше мы представили общие, типические черты старинных деревянных построек вообще в Древней Руси и особенно в Московской стороне. Эти же самые черты, только в более широких размерах, повторяются и в хоромах московского великого князя. Мы упоминали уже о Набережном тереме, средней горнице, столовой, гридне и повалушах. По этим названиям можно судить и о прочих частях великокняжеских хором они были совершенно сходны с описанными выше. Уклонения от общего характера были весьма незначительны и обуславливались теми требованиями, которые вытекали из жизни великого князя как государя всея Руси. Вообще великокняжеские хоромы, как древнейшие, так и строящиеся во времена царей, соответственно назначению их в домашнем быту государя, можно рассматривать как три разные постройки.

Во-первых, хоромы постельные, собственно жилые, или, как называли их в XVII веке, покоевые. Они были невелики: три, максимум – четыре комнаты, соединенные друг с

другом; одна из этих комнат, обычно самая дальняя, служила постельной, опочивальней, ложницей; возле нее устраивалась крестовая, или моленная; другая имела значение теперешнего кабинета и называлась собственно комнатой, и, наконец, первая по входе именовалась передней, но не в таком смысле, в каком употребляется это слово теперь: эта передняя была приемной; нынешней же передней в древности соответствовали сени, которые в государевых хоромы почти всегда были теплые. Эти сени перед передней назывались обыкновенно передними сенями. Точно такие постельные хоромы были, например, у царя Ивана Васильевича; они находились сзади

Средней Золотой палаты, соединялись с нею и заключали в себе передние сени, переднюю и две комнаты, названные «чердак (терем) Государыни Царицы Настасьи Романовны», потому что над ними высился ее терем⁵⁵. Порядок, в каком комнаты следовали одна за другою, бывал различен; но обыкновенно они располагались так: передние сени, передняя, крестовая, комната, четвертая (считая от пе-

редней), или задняя; наконец, сени задние. Иногда за передней следовала комната, потом третья, четвертая, как было, например, в каменном Кремлевском терему. Когда хоромы были в две комнаты, то за передней следовала комната и потом комнатные, или задние, сени. Если в хороммах было больше комнат, чем здесь перечислено, что, впрочем, случалось редко, то все эти комнаты не носили никаких особенных названий; их просто называли: третья, четвертая, пятая и т. д., или, смотря по местоположению, средняя, задняя, сторонняя и т. п.

Иногда в комнатах устраивались чуланы, собственно для спальни, имевшие поэтому значение алькова. Вообще же чуланы и каморки, устраиваемые в комнатах и особенно в сенях, составляли, вместе с подклетами, обыкновенные принадлежности постельных хором. Сенник и мыльня, принадлежавшие также к постельным хоромам, соединялись с ними сенями или переходами; мыльня же часто помещалась в подклете. Верхний этаж таких хором составляли свет-

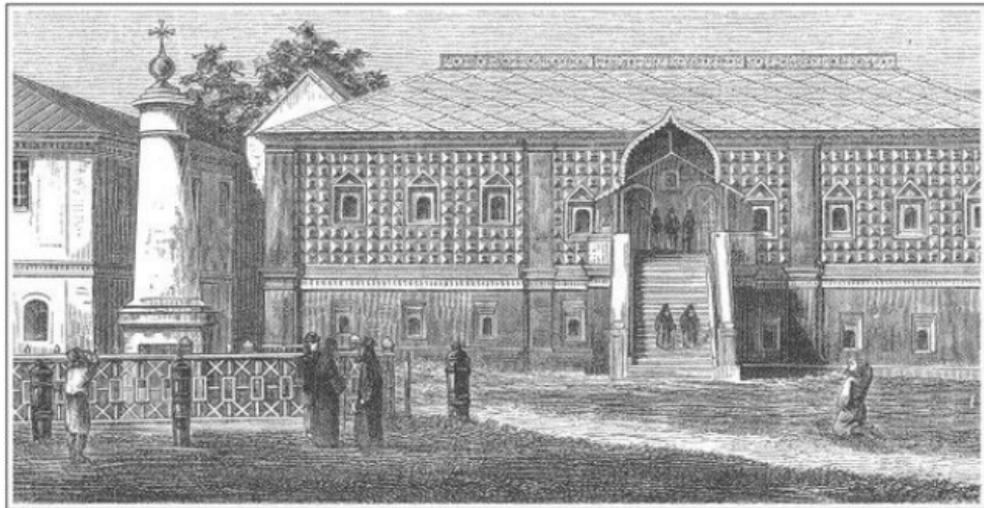
лые чердаки, или терема, с частыми окнами, с гульбищами кругом всего здания, украшенные башенками, прорезными гребнями и маковицами.

Княгинина половина, хоромы государевых детей и родственников ставились отдельно от жилых хором государя и, с небольшими изменениями, во всем походили на последние.

Ко второму типу построек государева дворца мы относим хоромы непокоевые, предназначенные для торжественных собраний. В них государь, следуя тогдашним обычаям, являлся только в важных торжественных случаях среди бояр и духовных властей. В них происходили духовные и земские соборы, приемы послов, давались праздничные и свадебные государевы столы,— одним словом, это были в деревянных хоромах парадные залы, которым соответствовали разные палаты выстроенного позже каменного дворца. В соответствии с таким назначением хоромы этого типа были больше прочих и стояли впереди хором постельных, которые помещались обыкновенно в глубине двора. Что же касается названий, то эти хоромы не носили особен-

ных имен, за исключением разве гридни, а были известны под общими именами Столовой избы, горницы и повалуши.

К третьему типу принадлежали все хозяйственные дворовые постройки, службы, располагаемые почти всегда отдельными дворами, или дворцами, которым и давались названия, в зависимости от их значения в дворовом обиходе государя. Известны дворцы Коношенный, Житный, Кормовой, или Поваренный, Хлебный, Сытный и пр. Что же касается великокняжеской казны, заключающейся обычно в серебряных и золотых сосудах, дорогих мехах, дорогих тканях и тому подобных предметах, то великий князь, следуя весьма древнему обычаю, сохранял эту казну большей частью в споях и подвалах, или подклетах, каменных церквей. Так, из летописей узнаем, что казна вел. кн. Ивана Васильевича хранилась прежде в церкви Рождества Богородицы и св. Лазаря, а казна его супруги, великой княгини Софьи Фоминичны, — под церковью Иоанна Предтечи-на-Бору, у Боровицких ворот.

Дворец царя Михаила Федоровича

Мы уже сказали, что правильного, симметричного плана в древних больших постройках не было, поэтому и великокняжеский дворец по своему расположению представлял огромную массу зданий, раскиданных без всякого соответствия в частях. Довольно полное и наглядное понятие о характере древних великокняжеских и царских жилых построек, или хором, дают описания загородных дворцов XVII ст. Из них особенно любопытно описание Коломенского дворца именно потому,

что сохранились его фасады и план, которые во многом могут пояснить описание. План обнаруживает, что дворец состоит из нескольких отделений, или особых хором, соединенных между собою переходами и частично сенями; что постройка этих отделений происходила в разное время, в зависимости от необходимости; что постепенно к старым пристраивались новые клетки, избы, избышки, сени, крыльца, переходы, так что целое лишено всякой симметрии и того порядка в соответствии частей, к которому приучены теперешние вкусы строителей. Хоромы, крыльца, переходы разбросаны с мыслию не о правильности плана или о его красоте, а об удобствах, какие представлялись местом постройки или отношением и зависимостью этой постройки от других отделений дворца.

Со стороны фасада всех построек (с восточной стороны) стояли передние хоромы государевы, состоявшие из пяти жилых комнат, с отдельными сенями при каждом выходе: две впереди – передняя и комната, и три, составлявшие как бы особое отделение, сзади, дальше во двор. Противоположно передней, даль-

ше к северу, стояла большая столовая. Она соединялась с комнатами при помощи весьма больших столовых сеней, над которыми в три яруса возвышались светлые чердаки, или терема, с открытыми галереями, или гульбищами, со всех четырех сторон. Кровля столовой была устроена четырехугольным кубом и на вершине украшена глобусом с изображением орла между львом и единорогом.

Боярская площадька в Московском Кремле
(до 1838 г.)

Вид на златоглавый храм Спаса-на-Сенях

за Золотой решеткой с лестницей на Боярскую площадку, узорчатое крыльцо с теремами и заднюю сторону Грановитых, или Святых, Сеней

Кровля двух передних комнат крыта бочкою с резным гребнем наверху и прапорцами, или флюгерами. Задние комнаты с принадлежащими к ним сенями покрыты четырехскатною кровлею; над четвертой и пятой был светлый чердак – терем и шатровая кровля, дававшая строению вид башни, тем более что вершина ее была украшена двуглавым орлом. Над рундуками, или отдыхами, площадками крыльца и над сенями возвышались также стройные шатры. Все кровли крыты гонтинами в чешую. Высота этих шатровых строений, или башен, простиралась от 7 до 15 сажен⁵⁶. Нижний этаж хором занимали подклеты, в которых помещались кладовые, жилье для дворовых людей и для стрелецких караулов, находившихся: один возле крыльца, под передними комнатами; другой возле ворот, под столовою.

Еще дальше во двор, за комнатами госуда-

ря, стояли хоромы царевича с двумя комнатами и с теремами наверху, крытые двумя шатровыми кровлями в виде башен, соединенных в верхних чердаках переходцами. Далее, за хоромами царевича, стояла государева мыленка, а за нею Оружейная и Стряпущие избы. Из мыленки шла лестница наверх, в сени царицыных хором, которые стояли лицом к северу, сзади хором государевых, и состояли из трех комнат с большими теремами наверху, крытые бочкою, и одну комнату, также с теремами, крытую шатром в виде башни. Обширные передние сени этих хором были покрыты также шатром, а крыльцо – шатром с бочками.

Сзади дворца, с западной стороны, размещались четыре отдельные строения – хоромы старших и младших царевен, каждое из трех комнат, с теремами наверху, с мыленками, стряпущими избушками и другими принадлежностями старого быта, – крытые также шатровыми кровлями наподобие башен. Нижний этаж всех хором тоже состоял из подклетов, которые служили помещением для дворовых людей, для кладовых и для стрелецких

караулов.

Хоромы царевен соединялись длинными крытыми переходами с хоромами царицы и с церковью. Точно так же переходами соединялись и другие отделения коломенских хором.

Несмотря на то что Коломенский дворец построен в половине XVII ст., он сохранил неизменными все типичные черты древнейших построек и потому, как мы упомянули, может служить характеристикой как древних, так и современных ему деревянных построек. Вкусы и потребности жизни в допетровской Руси в течение целых столетий были одинаковы. Основной мыслью было жить так, как жили отцы и деды, по старине и по *пошлине*, что пошло исстари, как было при отцах, при дедах и при прадедах. И если прапрадедовский кафтан, переходя к праправнуку, несколько не менял своего покроя, то в отношении жилищ, в их постройке и устройстве, еще неизменнее сохранились старые привычные порядки и предания, тем более что неизменны были потребности и общий уклад жизни и быта, от которых вполне зависели и все их материальные формы.

Мы увидим, что и каменный дворец, построенный на месте деревянного итальянскими архитекторами в конце XV века, нисколько не отличался от привычного. Вместо деревянных были построены такие же, только более большие, клетки, гридни, горницы, названные палатами. Клеть, изба и здесь послужила неизменным образцом, который не допустил связать в одно целое, в один общий цельный план отдельные комнаты нового дворца, как, например, парадные приемные и жилые покои. Они были по-прежнему размещены по образцу хором, отдельно, как размещались во дворах избы и клетки, в зависимости от местного удобства и неизменных требований и условий тогдашнего быта, которые уже заранее указывали места для той или другой постройки. Традиционными оставались даже названия; так, нижние этажи каменных зданий по-прежнему именовались подклетами, хотя были всегда со сводами и только по своему размещению соответствовали подклетам деревянных хором. Крыльца и при каменных палатах сохранили

свое древнее значение хоромного крыла и ставились в точном соответствии деревянным крыльцам, каким, например, было крыльцо при Грановитой палате, названное Красным. Но что особенно напоминало древний характер хоромных строений – это переходы или открытые сени, которые и в каменном дворце, из-за отделенности разных палат и зданий, составляли такую же необходимость, как и в хорах деревянных.

Мы сказали, что в конце XV века на месте великокняжеского деревянного дворца воздвигнут каменный дворец. Мысль построить каменный дворец возникла вследствие новых потребностей, вызванных новым политическим положением московского государя. В конце XV века великий князь Московский сделался самодержцем всея Руси; к Москве стали постепенно присоединяться разные области Древней Руси, жившие до тех пор независимо, самостоятельно. Мысль о самодержавии московского государя с каждым днем становилась более весомой, более значимой, а вместе с этим и государев дворец в Москве по-

лучал совершенно другое значение. Прежние формы, прежние обряды великокняжеского быта становились недостаточными в жизни государя-самодержца. Более того, это новое, государственное направление, только что возникшее в Москве естественным ходом ее истории, было приведено в полную сознательность и определенность с приездом в Москву греческой царевны Софьи Палеолог, с которою великий князь Иван Васильевич вступил в супружество. Последствия этого брака, имевшие важное значение в государственном отношении, не менее важны были и в частном быту московского государя: его двор и дворец с этого времени стали постепенно преобразовываться, заимствуя многое от угасшей Византии. Притом этот брак завязал самые тесные сношения Москвы с европейскими государствами; начались частые приезды иноземных послов, прием которых, при новых политических отношениях московского государя, требовал большей церемониальности, большего великолепия; поэтому новый дворец, более обширный и более соответствующий новым потребностям, был необ-

ходим.

Вообще, конец XV века составляет блестящую эпоху не только в истории государева дворца, но и в истории всего Кремля, который, по мнению некоторых иностранных путешественников XV и XVI веков, являлся дворцовой крепостью. Никогда, ни прежде, ни после, не было в Кремле такой напряженной деятельности в обновлениях и постройках. Соборы и церкви, государевы палаты, городские ворота, стены, стрельницы, башни с тайниками – все это быстро воздвигалось при помощи итальянских зодчих, вызванных специально для этого, и не больше чем за 20 лет внешний вид Кремля совершенно изменился. На месте прежних деревянных зданий были новые, каменные, более обширные, красивые и более прочные. Зубчатые стены со стрельницами, окруженные глубокими рвами, придавали Кремлю грозный, величественный и красивый вид, который с еще большей яркостью обрисовывался на темном грунте деревянных построек тогдашней Москвы и на зелени ее многочисленных садов, или, правильнее, огородов, находившихся почти при каждом до-

ме.

Великий князь Иван Васильевич начал постройку нового каменного дворца с церкви Благовещения, что на Сенях, воздвигнутой еще при великом князе Василии Дмитриевиче. В 1484 г., разрушив дедовскую постройку, он заложил новую, на каменном подклете, который обложил казною, т. е. палатами для своей казны. Более того, с восточной стороны этой церкви, между нею и Архангельским собором, заложил кирпичную палату, также с казнами и с большим белокаменным погребом, известную впоследствии под именем Казенного двора. Таким образом, не нарушая древнего обычая, великий князь и в каменном дворце устроил свою казну подле церкви.

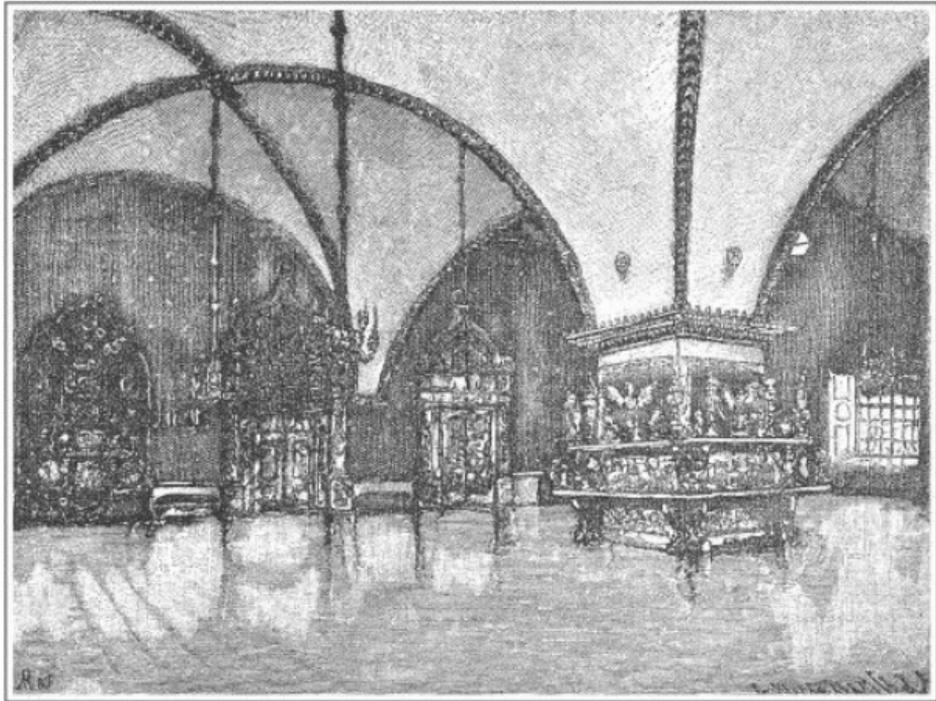
В августе 1489 г. Благовещенская церковь на государевых Сенях была уже освящена. Между тем постройка каменных зданий на дворе великого князя продолжалась. В 1491 г. Марко Руф и Петр Антоний выстроили на площади большую палату, которая сохранилась до нашего времени под именем Грановитой. Эта палата, как передний приемный покой дворца, заменяла древнюю гридню, а в

царском быту получила значение главной церемониальной залы.

В 1492 г., 5 апреля, великий князь, переехав со всем семейством из своего старого двора в новые хоромы князя Ивана Юрьевича Патрикеева, стоявшие против церкви Иоанна Предтечи-на-Бору, повелел свой «старый деревянный двор разобрать и нача ставити каменный двор». Между тем в то же время он велел поставить себе свой собственный двор за Архангельским собором, деревянный, в котором временно намеревался поселиться. Но это начало постройки каменного дворца было не совсем благополучно. 28 июня 1493 г., в воскресенье утром, случился один из тех страшных, опустошительных пожаров, которые довольно часто бывали в древней столице и которые почти каждый раз уничтожали все ее деревянные постройки. Загорелось за Москвою-рекою, и при ужаснейшей буре в один миг ««нечислено нача горети во мнозех местех».

Грановитая палата

В Кремле прежде всего загорелся новый де-

ревянный двор великого князя (Патрикеевский) у Боровицких ворот, в котором он только что поселился. Потом занялись житницы под горою, на подоле Кремля; оттуда – новый двор великого князя за Архангельским собором; и все это место с другими близлежащими частями Кремля выгорело дотла. Летопись, описывая этот пожар, говорит в заключение, что «по летописцам и старые люди сказывают, как Москва стала, таков пожар не бывал». Великий князь выехал из опустошен-

ного Кремля на Яузу, к Николе Подкопаеву; поселился на *крестьянских дворах* и стоял там до ноября, когда и переехал в Кремль, в новые хоромы, выстроенные для него на пожарище.

Опустошение, произведенное этим пожаром, долго было ощутимо. В несколько часов Москва превратилась в огромное пепелище; жители остались без имущества, без крова; более двухсот человек погибло в пламени. При таких обстоятельствах великому князю вовсе нельзя было думать о сооружении нового каменного дворца: нужно было прежде всего обстроить город, помочь его жителям, которые все, более или менее, пострадали от пожара... Точно так и было. летописи этого времени не говорят ни о каких значительных постройках, ни в самом Кремле, ни на дворе великого князя. Напротив, находим в них известие только о распоряжениях великого князя, касавшихся городского благоустройства. Еще после пожара, случившегося в Кремле в этот же 1493 год весной, великий князь велел очистить от строений и церквей Занеглименье, близость деревянных построек которого все-

гда угрожала Кремлю, и на этот раз, вероятно, была причиной его опустошения. Несмотря на жалобы и неудовольствия некоторых лиц, все хоромы и церкви были отнесены от Кремлевской стены на расстояние ста десяти сажен. После июльского пожара, который начался за Москвою-рекою, великий князь также велел очистить от строений часть Замоскворечья, лежавшую против Кремля, и в 1495 г. развел там сад, называвшийся в XVII ст. государевым Красным садом и Царицыным лугом.

К сооружению каменного дворца приступили не прежде как через шесть лет после описанного пожара. В 1499 г. великий князь на старом месте снова заложил «двор свой камен, полаты каменные и кирпичные, а под ними погреби и ледники, да и стену каменную от двора до Боровицких ворот». Постройка была поручена новому итальянскому зодчему, «Фрязину Алевизу, от града Медиолама». Но великий князь не дождался окончания возведения этих палат: в 1505 г. он умер. Дворец был готов через три года после его смерти, и в мае 1508 г. его сын Василий⁵⁷ пере-

ехал жить в эти новые хоромы. Достойный преемник всех начинаний своего отца, особенно в отношении новых построек, великий князь Василий Иванович, довершив неоконченный дворец, великолепно украсил его вместе с церковью Благовещения-на-Сенях, которую

«повелел (в 1508 г.) подписати золотом, иконы все: Деисис, праздники и пророки, обложите серебром и золотом и бисером., и верх церковный покрыть и позлатить».

Сверх того, он воздвиг на старых местах две новые каменные церкви: одну, в 1514 г., – во имя Рождества Богородицы-на-Сенях, с приделом св. Лазаря, и другую, в 1527 г., во имя Спасова Преображения, на дворце, т. е. среди своего двора, также с приделами. В 1516 г. великий князь, распространяя хозяйственные постройки, выкопал по течению Неглинной, за Боровицкими воротами, пруды и поставил каменную мельницу.

Расположение каменного дворца весьма трудно определить с достаточной точностью. Больше всего в этом отношении интересна

дополнительная статья к свадебному разряду великого князя Василия, бывшему в 1526 г., то есть восемнадцать лет спустя после постройки дворца⁵⁸. Согласно этому акту, первоначальный каменный дворец начала XVI века, несмотря на пожары и беспрестанные перестройки и переделки, в основных чертах своих нисколько не изменился в течение двух с половиною веков и, покинутый царями в начале XVIII столетия, устоял, хотя и в развалинах, до времен императрицы Елизаветы Петровны и даже до начала XIX столетия.

Передний фасад дворцовых зданий или, вернее сказать, лицо дворца, обращено было на площадь, между Благовещенским, Архангельским и Успенским соборами и церковью Иоанна Лествичника, что под Колоколы, на месте которой в XVII веке воздвигнут «Иван Великий». На эту площадь выходили две дворцовые палаты – Большая, стоявшая на самой площади, ныне Грановитая, и Средняя, находившаяся между Большою и Благовещенским собором, к западу от них, на дворце, или на дворе великокняжеском. Перед Среднею палатою было Красное, иначе Верхнее,

крыльцо, или Передние переходы, на которые с площади вели три лестницы: одна была, как и теперь, у стены Большой, или Грановитой, палаты, — это та, которую теперь неправильно называют Паевым крыльцом; другая — Средняя лестница, теперь не существующая; третья — Благовещенская паперть. Между лестницею подле Грановитой палаты и Среднею были ворота, которые вели из дворца, т. е. из внутреннего двора, на площадь. Средняя лестница прямо, через крыльцо, вела в сени Средней палаты, которая почти с этого же времени (1517) называется Среднею Золотою и просто Золотою, потому что была расписана внутри золотом. Из этих же сеней двери вели в Столовую избу, которая стояла позади Средней палаты, напротив алтарей церкви Спаса-на-Бору. Подле Столовой избы была лестница вниз, на двор, к Спасу; крыльцо перед этой избою, служившее продолжением Передних переходов, соединяло ее с Набережной палатой, стоявшей напротив западных дверей Благовещенского собора. Далее к западу от этой палаты по линии Кремлевской горы, к Москве-реке, стояли чердаки, или терема.

А. Васнецов. Площадь Ивана Великого в Москве в XVII в. 1903 г.

Посреди государева двора стоял, как мы уже упоминали, Спасский Преображенский собор. Постельные, или жилые, хоромы великого князя и Постельная изба, княгинина половина, примыкавшая к церкви Рождества Богородицы, находились на том самом месте, где теперь Теремный дворец. В то время суще-

ствовавали только два нижние этажа этого здания, построенные Алевизом на белокаменных подклетах и погребах, в одно время с другими палатами. Над этими-то этажами стояли деревянные Постельные хоромы великого князя и великой княгини, или собственно княгинина половина. Здесь же, у церкви Лазаря святого, находилась каменная приемная палата великой княгини, называвшаяся Западной и Задней (1547), по отношению к Передним переходам дворца, т. е. к Красному крыльцу, а также – палатой, что у Лазаря святого⁵⁹, – Лазаревской (1535), когда вел. кн. Елена⁶⁰ принимала царицу Казанскую. Двери из этой палаты вели на Постельное крыльцо, которое примыкало также к сеням Грановитой палаты и соединялось дверью, между этих сеней и сеней Средней палаты, с Передними переходами, или Красным крыльцом. С восточной стороны это здание заканчивалось Наугольной палатой, что от Пречистой (Успенского собора), в которой впоследствии была устроена Царицына Золотая палата. Лестница с Постельного крыльца вела на двор, к Спасу. Поваренный дворец стоял позади Рожде-

ственской церкви и хором великой княгини, соединяясь с этими хорами Задним крыльцом с лестницею. По береговой линии дворец простирался до церкви Иоанна Предтечи-на-Бору, где в палате, что на дворце, в 1537 г. скончался в заключении, в нужде, страдальческою смертью князь Андрей Иванович Старицкий⁶¹.

Вот в кратком очерке расположение каменного дворца, заложенного великим князем Иваном Васильевичем. Воздвигнутый итальянцами по замыслу или, по крайней мере, при сильном влиянии супруги великого князя, Софьи Фоминичны Палеолог, этот дворец не мог, конечно, во всем подчиниться русским вкусам и потребностям; архитектура его, по современным же свидетельствам, как и следовало ожидать, носила итальянский характер. Что касается его внутренних украшений, то можно также предполагать, что вкус великой княгини Софьи, воспитанной в Италии среди родственников и соотечественников-греков, и вкус довершителя дворца великого князя Василия, воспитанного Софьей, внесли в новый дворец много таких вещей,

которых не знала простая жизнь прежних великих князей и которые были необходимы при новом значении московского великого князя как царя. Впрочем, нельзя сказать, чтобы каменный дворец московских государей был совершенно новым явлением в тогдaшнее время; потому что в Новгороде, гораздо раньше, мы находим обширный владычный двор, с особенным великолепием устроенный после пожара в 1432 г. архиепископом Евфимием, который выстроил там каменные комнаты, большие каменные палаты и разные другие здания для своего обихода. Некоторые палаты и сени были им подписаны, т. е. украшены стенописью; одна из больших палат, название которой нам неизвестно, была о тридцати дверях! Все эти постройки воздвигнуты были немецкими зодчими, из-за моря, при помощи новгородских мастеров. Может быть, новгородский владычный двор послужил отчасти образцом или примером и для московского дворца. Великий князь Иван Васильевич, побывав под Новгородом, установив там «правду московскую», без всякого сомнения, видел и то благолепие, среди которо-

го жил новгородский владыко и перед которым нельзя было остаться хладнокровным зрителем московскому самодержцу. По крайней мере, после присоединения Новгорода к Москве начинаются все преобразования не только в отношении дворца, но и в отношении самой Москвы, например Кремля. С этого же времени появляются в Москве каменные здания и у частных лиц, например, палата на четырех каменных подклетах, выстроенная митрополитом Геронтием, каменные палаты у Ховрина и Василия Образца и т. д.

При царе Иване Васильевиче, в 1547 г, 21 июня московский дворец сделался жертвою нового, ужаснейшего пожара, который также истребил и всю Москву.

«Загореся храм Воздвижения Честнаго Креста, – *говорит летописец,* – за Неглинной, на Арбатской улице, на Острове, и бысть буря велика, и потече огонь якож молния, и пожар силен промче во един час Занеглим.енье. И обратится буря на град большой (Кремль)»⁶².

Здесь, на царском дворе, вспыхнули кров-

ли на палатах и деревянные избы государя. Потом занялись и каменные палаты, украшенные золотом; сгорели также Казенный двор с царской казной, Оружничья палата с воинским оружием, Постельная палата, царская конюшня и даже в погребах под палатами выгорело все, что только было в них деревянного. Не устояла и церковь Благовещения Златоверхая. В ней погибли навсегда Деисис письма знаменитого иконописца Андрея Рублева, обложенный золотом, и все иконы греческого письма древних великих князей, собранные от многих лет и украшенные также золотом и бисером многоценным, т. е. дорогими камнями. Летописец снова замечает, что «таков пожар не бывал на Москве, как она стала именоваться великими князьями, славна и честна быти по государству их». Опустошив весь Кремль, пожар перешел и в другие части города и свирепствовал с такою силою, что, по выражению летописца, «железо яко олово разливашеся и мед яко вода растаяваше».

А. Васнецов. Москва при Иване Грозном.
Красная площадь

Государь выехал в село Воробьево и жил там все время, пока в Кремле ставили для него новые деревянные хоромы и возобновляли распавшиеся от огня палаты. Для украшения Благовещенского собора иконами и царских палат стенописанием собраны были из Новгорода, Пскова и других городов иконописцы, которые и восстановили прежнее благолепие царского дворца.

Возобновив дворец, царь увеличил его впоследствии новой пристройкой. В 1560 г. он велел устроить для своих детей «особный двор и хоромы позади Большой Набережной полаты, на взрубe», с храмом Сретения Господня. Потом, в 1565 г., учреждая опричнину, царь задумал было свой *особый* Опричный дворец выстроить позади дворцовой церкви Рождества Богородицы, там, где были хоромы великой княгини и где стоял Поваренный дворец с разными приспешными палатами, с погребами и ледниками, по самые Куретные ворота⁶³, которые вели на Поваренный дворец. Но замысел этот так и остался замыслом, потому, вероятно, что не совсем согласовался с духом опричнины, который требовал изменения старого порядка, между тем как предполагаемый дворец должен был стоять возле кремлевских палат, оставленных за земщиною⁶⁴. По крайней мере известно, что царь велел выстроить себе дворец вне Кремля, за Неглинною, на Воздвиженке, напротив кремлевских Ризположенских (ныне Троицких) ворот, на месте, где был двор князя Михаила Темрюковича Черкасского. В этот дворец он

и переехал 12 января 1567 г, но жил в нем недолго, потому что любимым его местопребыванием с этого времени была Александрова слобода, откуда он приезжал только для приема иноземных послов и весьма редко для других каких-либо дел. Покинутый царем, этот Опричный дворец сгорел во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея, истребившего Москву ужаснейшим пожаром, во время которого сгорел и Кремлевский дворец. Это было в мае 1571 г.

Летописец говорит, что «в Грановитой, и в Проходной, и в Набережной, и в иных полатах прутье железное толстое, что кладено крепости для, на связки, перегорело и переломалось от жару». За остальные годы царствования Ивана Васильевича Грозного о дворце имеем мало сведений. Из известий уже XVII ст. узнаем только, что его хоромы стояли позади Средней Золотой палаты и состояли из, как мы упоминали, «передние сени, переднюю и две комнаты».

При царе Федоре Ивановиче⁶⁵, судя по отзывам иностранных путешественников, дворец был в цветущем состоянии; все прием-

ные палаты в это время были великолепно украшены стенописью. При царе Федоре построена, вероятно, и приемная Золотая палата для его супруги, царицы Ирины⁶⁶, отчего эта палата и называлась Палатой царицы Ирины, Золотой Царицыной палатой и Меньшей Золотой, в отличие от Большой Грановитой и Средней Золотой. Прежде она именовалась просто Наугольной от Пречистой, т. е. со стороны Успенского собора.

Царь Борис Федорович Годунов, во время голода, бывшего в 1601 и 1602 гг., повелел, «чтобы людей питатися», воздвигнуть большие каменные палаты на взруб⁶⁷, «где были царя Ивана хоромы», построенные им для детей. Это было здание Запасного двора, фасад которого опускался по взруб под гору и над которым в XVII ст. находим уже Набережный Красный сад. Здесь же, кажется, были и деревянные жилые хоромы царя Бориса, сломанные по повелению Самозванца.

При Самозванце больших перемен в составе дворца не могло произойти, потому что он мало времени пробыл в царских палатах. Известно только, что он выстроил для себя но-

вые хоромы, вероятно, на месте Годуновских, весьма красивые, по свидетельству современников, в польском вкусе; они находились возле Сретенского собора, наверху упомянутого здания Запасного двора, и лицом обращены были к Москве-реке. О постройке этих хором современник и очевидец их Исаак Масса рассказывает следующее:

«Над большою Кремлевскою стеною *(т. е. над зданием Запасного двора)* Лжедимитрий велел построить великолепное здание, откуда была видна вся Москва. Оно было построено на высокой горе, под которою протекала река Москва, и состояло из двух строений, расположенных одно подле другого и сходящихся под углом. Одно предназначалось для будущей царицы, а другое для царя. *(Следует изображение дворца.)* Так стоял дворец на верху высоких тройных стен⁶⁸. В этом дворце Димитрий велел позолотить очень дорогие балдахины, стены обить дорогою парчою и бархатом; все гвозди, крюки, цепи и петли дверные покрыть очень толстым слоем позолоты; внутри сделать превосходные пе-

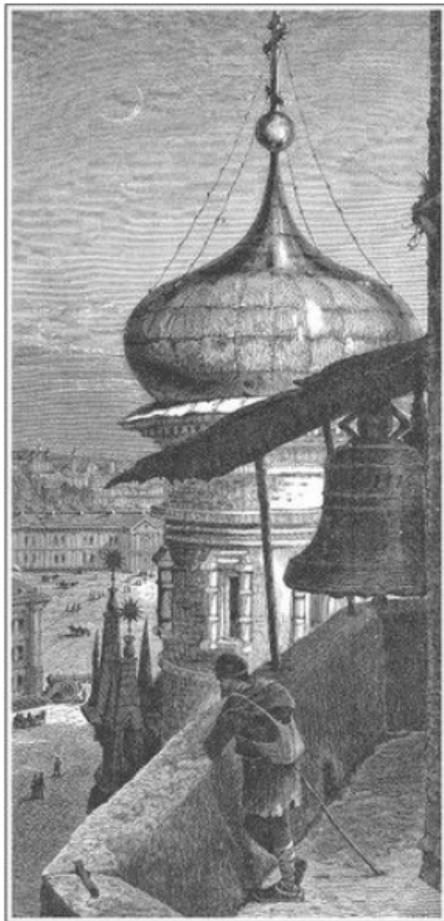
чи и украсить их разнообразными произведениями искусства (*по дневнику Марины, печи были зеленые и некоторые обведены серебряными решетками*); занавесы у окон сделать из отличной ткани алого цвета. Он приказал выстроить роскошные бани, красивые башни и конюшню рядом со своим дворцом, хотя в нем уже была одна большая конюшня. В вышеописанном дворце царь велел устроить множество потаенных дверей и ходов...»⁶⁹

Из этого дворца Самозванец любовался не только видами Москвы, но и разными потехами, которые зимою устраивал на льду Москвы-реки.

Тот же Исаак Масса рассказывает, что «Лжедмитрий, любя воинские упражнения, приказывал строить крепости для осады и обстреливания их пушками и однажды велел сделать для образца крепость, двигавшуюся на колесах, с несколькими небольшими пушками и разного рода огнестрельными снарядами. Он хотел истребить эту подвижную крепость против татар и этим испугать как

их самих, так и их лошадей. И действительно, это изобретение было очень остроумно. Зимой Димитрий приказал для пробы выставить на льду реки Москвы эту крепость, и рота польских всадников должна была ее осаждать и брать приступом. Это зрелище царь мог отлично видеть сверху, из своего дворца, и ему казалось, что крепость вполне удовлетворяет его желанию. Она была прекрасно сделана и вся раскрашена: на дверях были изображены слоны, на окнах – вход в ад, извергавший пламя; в нижней части на небольших окнах, имевших вид чертовых голов, были поставлены маленькие орудия». Наивный Масса верил, что от такого остроумно придуманного изобретения татары тотчас пришли бы в замешательство и обратились бы в бегство! «Москвитяне, – оканчивает он, – называли эту крепость адским чудовищем, и после смерти Димитрия, которого они называли чародеем, говорили, что он на время запер там черта, впоследствии сожженного вместе с этой крепостью (и с трупом Самозванца)».

Вид с колокольни Ивана Великого

Эта замысловатая крепость была не что иное, как больших размеров Гуляй-город, весьма часто используемый в то время в наших военных действиях. Изобретательность Самозванца заключалась только в том, что он расписал красками этот городок в образе апо-

калипсического треголового ада, для чего, вероятно, верх городка был устроен в виде трех башен в соответствии адовым головам.

Из описанных выше хором Самозванец, преследуемый по всем комнатам разъяренною толпою, выскочил в окно и упал на Житный двор, который расположен был под горою Кремля, под самым дворцом Самозванца. За несколько часов прежде, по тому же самому пути, отправлен был смелый обличитель его, дьяк Тимофей Осипов: изрубленный немецкою стражею на сеньях Лжедмитриевых хором, он был свержен оттуда вниз, где стояли житницы⁷⁰.

Царю Василию Ивановичу Шуйскому некогда было заниматься дворцом он выстроил только для себя и для своей царицы новые брусяные хоромы, потому что жить в опальном дворце Лжедмитрия было неприлично новому, законному государю.

После Шуйского настает Московская Разруха, которая не истребила царских палат страшным пожаром, как было прежде, при великом князе Иване Васильевиче и при внуке его, Грозном; но зато опустошила их так,

что при вступлении на престол царя Михаила Федоровича дворец представлял самую грустную картину: от прежнего великолепия, которому так удивлялись посещавшие нас иностранцы, остались только голые стены, в самом точном смысле этого слова.

«На царском дворе,— *говорит рукопись Филарета*,— во святых Божиих церквах, и в полатах, и по погребам — все стояху Литва и Немцы и все свое скаредие творяху».

Так, в Грановитой палате жил известный Маскевич, оставивший нам такую живую картину московских происшествий этого времени. Следы пребывания поляков в царских палатах оставались до царя Михаила Федоровича. При вступлении его на престол все палаты и хоромы были без кровель, без полов и лавок, без окончин и дверей, так что новому царю негде было поселиться ⁷¹. Отправившись в Москву в конце апреля 1613 г., он повелел Земскому совету изготовить к своему приезду Золотую палату царицы Ирины Федоровны, супруги царя Федора, с проходными сенями; еще другую палату с сенями же и все так на-

зываемые «Мастерские палаты», стоявшие между Золотою и церковью Рождества Богородицы, которые впоследствии составили нижний этаж каменных хором, существующих доныне под именем Теремного дворца. Для своей матери, инокини Марфы Ивановны, царь велел устроить деревянные хоромы супруги царя Василия Шуйского. На постройку этих палат и хором употреблены были, из-за недостатка леса, брусяные хоромы царя Василия. Между тем еще до царского указа Земский совет приготовил для государя палаты: Среднюю Золотую, Грановитую и старые хоромы, в которых жил царь Иван Васильевич, *что слыл чердак* (терем) первой супруги его, Настасьи Романовны. Все это, разумеется, делалось наскоро, при недостатке денег, плотников и леса, нужного для этих поделок. Но, несмотря на такие затруднения, дворец был отстроен должным образом, и молодой царь поселился в нем с матерью в конце апреля 1613 г. Трудно было царю Михаилу восстановить прежнее благолепие дворца. Московское государство, избравшее его, в течение десяти лет постоянно тратило свои силы и к концу

было вовсе разорено, так что в начале его царствования не было средств к восстановлению прежнего порядка не только в государстве, но и в самой Москве, которая, как представительница русской жизни, в то время была так же или дотла выжжена, или разграблена до нитки... Предки наши очень верно прозвали эту несчастную эпоху в истории Москвы – Московской Разрухой.

К. Вениг. Последние минуты Григория Отрепьева.

Самозванец и Басманов в утро 17 мая. 1879 г.

Постепенно, по мере средств, которые были еще незначительны, царь восстанавливал Москву, причем и дворец также постепенно возобновлялся и устраивался. В 1615 г. иконописцы Ивашка да Ондрюшка Моисеевы расписывали уже в новые большие государевы хоромы, выстроенные еще в 1614 г., подволоки, или плафоны. В 1616 г. в тех же хоромах Серебряной палаты сторож Михалка Андреев делал литую вислую подволоку (потолок, плафон), которая была им же и вызолочена⁷². В

январе того же года государь справлял новоселье в этих хоромах и наградил, вероятно, за постройку, плотников Первова Исаева, Салмана Пантелеева, Бажена Родионова. Потом над Золотою Меньшею, или Царицыною, и над

Проходною палатами и на Постельном крыльце устроены новые кровли, деланные котельными мастерами, что и заставляет думать, что кровли были медные. В 1619 г., февраля 14-го, в царских хоромх случился пожар, последствия которого неизвестны; но можно догадываться, что царские деревянные хоромы были истреблены, потому что в 1620 г. дворцовый плотничий староста, Первой Исаев, выстроил для государя новые хоромы, новую Столовую избу и Постельную комнату, которые на другой год были украшены знаменьем и письмом, т. е. иконописью, или живописью в иконном стиле, известнейшими в то время иконописцами: Прокопьем Чириным, Назарьем Савиным, Иваном Паисеиным, Осипом Поспеевым, травником Лукою Трофимовым и другими. В конце ноября того же года справлено в Столовой новоселье. В 1624 г. государь прибавил к своим хоромам две мыленки, избушку и сенничек, а в 1625 г. возобновил церковь Рождества Богородицы-на-Сенях с приделом св. Лазаря. В том же году за двором построены были каменные ледники и пивоварни, а над дворцовыми Ку-

ретными воротами – светлица – палата мастерицам, золотым и белым швеям, для которых подле этой палаты выстроено было также несколько деревянных светлиц на подклетах

73.

Но только что дворец приведен был в надлежащее устройство, как снова пожар опустошил его в 1626 г, 3 мая. В Кремле, кроме монастырей Вознесенского и Чудова,

«двор государев и патриарший и в прища.х шменных всякие дела погореша, и казна, и конюшни, и житницы все, и все жила государевы погореша».

Но в то же лето, после пожара, дворцовый плотничий староста (так звали наших старинных архитекторов), тот же Первуша Исаев, поставил государю новые жилые Постельные хоромы, в которых 17 сентября царь справлял уже новоселье в новой Передней избе. Потом, в 1627 и 1628 гг., тот же Первуша Исаев выстроил новую Брусную Столовую избу. 23 ноября 1628 г. в ней, по обычаю, было также новоселье: царь угощал бояр обедом, а они, на новоселье, били ему челом, хлебом да солью, да парюю или даже целым сороком со-

больших мехов, смотря по достатку. Между тем как русский плотничий староста рубил государю новые деревянные хоромы, иностранный архитектор, палатный мастер Джон Талер, в 1627 г. возобновлял Сретенский собор и строил на сенях царицы новую каменную церковь во имя великомученицы Екатерины, на месте прежней деревянной, построенной в 1586 г. и сгоревшей в пожаре, о котором мы упоминали выше⁷⁴. Вообще, после этого пожара каменные постройки следуют одна за другою непрерывно.

По указу государя собраны были в это время из Ростова, Суздаля, с Белоозера и других мест все каменщики и кирпичники «для многих церковных, дворцовых и полатных каменных дел»; вызван был также «Голандския земли немчин, кирпичный мастер Рудирик Мартыс», который в кирпичных сараях под Даниловскою слободою «делал кирпичную ожигальную печь и над печью деревянный шатер, по своему немецкому образцу, и кирпич делал»⁷⁵.

В 1613 г. каменных дел подмастерья Антип Константинов да Трефил Шарутин выстроили

на Кормовом дворце каменную поварню, на которую вода проведена была из Москвы-реки посредством водоподъемной машины. В 1633 г. часового и водовзводного дел мастер Христофор Галовой взвел воду с Москвы-реки в Свиблову башню, «а из башни тое воду привел на государев Сытный и на Кормовой дворец в поварни». С этого времени башня стала называться Водовзводною, от водяного взвода, или машины, в ней устроенной и с таким удобством доставляющей тогда еще чистую и здоровую москворецкую воду на царский обиход. Ниже мы увидим, что посредством этой машины во дворце была устроена целая система водопроводов и водовзводов.

Вознесенский собор и Спасские ворота

В 1635—1636 гг. государь выстроил для себя и для детей жилые, или покоевые, хоромы каменные,— что в царском быту для того времени было новостью, потому что собственно для жилья всегда предпочитались хоромы деревянные. Может быть, пожар 1626 г. понудил среди деревянных построек хотя бы одно жилье сделать более безопасным. Эти каменные

хоромы были воздвигнуты на стенах старого здания, выстроенного еще Алевизом, а именно над Мастерскою палатой и над палатами подклетными, ряд которых тянулся дальше к церкви Рождества Богородицы. Прежде над этим подклетным этажом алевизовской постройки, между упомянутых двух приемных царицыных палат, Задней и Наугольной, т. е. Золотой Царицыной, стояли Постельные де-

деревянные хоромы, на месте которых и возведены теперь три новых этажа с теремом наверху. Верхний этаж с теремом назначен был для малолетних царевичей Алексея и Ивана, что значится и в надписи, сохранившейся над входом доныне. Терем в то время назывался Чердаком и Каменным теремом, а в начале XVIII века – Золотым теремком, отчего и теперь все это здание называется Теремным дворцом. Все здание, таким образом, сохранило тип деревянных жилых хором и служит любопытным и единственным в своем роде памятником древнего русского гражданского зодчества.

В его фасаде и даже в некоторых подробностях внешних украшений остается еще многое, что напоминает характер древних деревянных построек. Таковы, например, каменные растески и рези в наличных украшениях окон; по рисунку они вполне напоминают резьбу из дерева. Но больше всего особенность деревянных построек, так повлиявшая и на каменные, раскрывается во внутреннем устройстве здания. Почти все его комнаты, на всех этажах, одинакового размера, каждая с

тремя окнами, что совершенно напоминает великорусскую избу, до сих пор сохранившую это число окон. Таким образом, Теремный дворец представляет собой несколько изб, поставленных рядом и в несколько ярусов, с чердаком, или теремом, наверху. Сила потребностей и неизменных условий быта, среди которых жили наши предки, подчинила своим целям и каменное, довольно обширное, строение, которое давало возможность устроиться по плану, более просторному и более удобному для жизни, по крайней мере, по теперешним понятиям. Но само собою разумеется, что оно вполне отвечало тогдашним требованиям удобства и уютности, и мы будем несправедливы, если только со своей точки зрения станем рассматривать и осуждать наш старый быт и все формы, в которых он обнаруживал свои требования и положения. В 1637 г. эти новые каменные хоромы были отделаны окончательно: какой-то конюх Иван Осипов, по ремеслу златописец, навел уже в это время сусальным золотом, серебром и разными красками на кровлю рещи «да в те ж хоромы, во все окна (опроче

Чердака, т. е. терема) делал слюденые окончи-
ны».

В то же время, как строились эти хоромы (1635—1636), с их восточной стороны, над Золотою Меньшею палатою цариц, сооружен был особый домовый храм во имя Нерукотворенного Спасова Образа с приделом Иоанна Белоградского, тезоименитого царевичу Ивану.

В древности, как мы видели, такие храмы, обозначаемые выражением «что на сенях», составляли одно из необходимейших условий каждого отдельного помещения в царском быту. Сенные, верховые храмы находились и на царицыной половине, также у царевен и у царевичей, почему и постройка нового храма в этой части Дворца вызвана была единственно только новым отдельным помещением государевых детей. Площадка между Теремом и новой церковью образовала Передний каменный двор, с которого вниз на Постельное крыльцо вела лестница, запиравшаяся впоследствии золотой решеткой, отчего и церковь Спаса обозначалась: что за Золотою

решеткою. Необходимо упомянуть, что и Теремный дворец, и церковь Спаса строили русские каменных дел подмастерья, по-нынешнему – архитекторы: Бажен Огурцов, Антип Константинов, Трефил Шарутин, Ларя Ушаков. В одно время с описанными постройками те же подмастерья выстроили над Куретными дворцовыми воротами новую каменную Светлицу, в которой должны были работать царицыны мастерицы, золотошвеи и белошвеи, со своими ученицами. В последние три года своего царствования Михаил выстроил еще какие-то дворцовые палаты и устроил новые хоромы на Царь-борисовском дворе для датского королевича Волдемара, за которого хотел выдать дочь свою Ирину⁷⁶.

Таким образом, царь Михаил в течение тридцати двух лет своего царствования не только успел восстановить старый дворец, но и увеличил его новыми каменными и деревянными постройками, выраставшими по мере размножения царской семьи и развития потребностей быта, который, несмотря на силу предания, мало-помалу все-таки двигался

далее вперед, предваряя в некоторых, хотя и незначительных, отношениях приближавшуюся реформу. Его сыну, царю Алексею Михайловичу, оставалось немного дела в отношении основных сооружений. И действительно, в его царствование мы не встречаем особенно значительных построек на царском дворе. Он возобновлял большей частью старое, переделывал и украшал по своей мысли здания, построенные предками или его отцом. В первое время, когда ему было всего 17 лет, в 1646 г., т. е. спустя год по смерти отца, он построил себе новые Потешные хоромы, которые тогда срубил дворцовый плотник Васька Романов. Из других построек упомянем о более значительных. Так, в 1660 г. была возобновлена дворцовая палата, построенная, может быть, при Михаиле, в которой помещался Аптекарский приказ и Аптека. Каменных дел подмастерье Вавилка Савельев делал в ней окна и двери и под старые своды подводил новые своды, а знаменщик, т. е. рисовальщик, Ивашка Соловей писал стенное письмо. Палата эта стояла недалеко от церкви Рождества Богородицы⁷⁷.

Царь Алексей Михайлович и его вторая

жена Наталья Кирилловна. *Гравюра с медали*

В 1661 г. вместо старой Столовой избы государь выстроил новую и великолепно украсил ее резьбою, золоченьем и живописью в новом заморском вкусе, по *вымыслу* инженера и полковника Густава Декенпина, который под именем *вымышленика* приехал к нам в 1658 г.⁷⁸ Резные, золотильные и живописные работы исполняли уже в 1662 г. также иноземные мастера, большей частью поляки, призванные в Москву во время польской войны, а именно резчики, вырезавшие окна, двери и подволоку (плафон) – Степан Зиновьев, Иван Миров-

ский с учениками, Степан Иванов и живописцы: Степан Петров, Андрей Павлов, Юрий Иванов. В том же 1662 г., 1 апреля, на именины царицы государь справил большое новоселье в этой Столовой⁷⁹. Подобным же образом была украшена и новая Столовая царевича Алексея Алексеевича, построенная в 1667 г. В 1668 г. ее расписывали живописцы Федор Лидерский, Иван Артемьев, Дорофей Ермолин, Станислав Куткеев, Андрей Павлов; а резали ученики упомянутых выше мастеров, из которых Иван Мировский размеривал для резьбы и живописи подволоку⁸⁰.

Так же впоследствии украшены были и новые Постельные хоромы, выстроенные царем в 1674 г. На трех плафонах этих хором государь велел написать притчи пророка Ионы, Моисея и об Эсфири. В 1663 г. каменных дел подмастерье Никита Шарутин отреставрировал во дворце соборную церковь Спаса Нерукотворенного Образа и заново переделал трапезу⁸¹. Без сомнения, трапеза была расширена по сравнению с прежней, потому что домовый храм Спаса при царе Алексее, жившем в теремных покоях, стал соборным и в этом

значении заменил для царского двора древние соборы Спасо-Преображенский, Благовещенский и Сретенский. Примерно в то же время, вероятно, произведены были переделки и в теремном здании. В 1670 г. Передний Верхний двор, или площадка, находившаяся между этими покоями и церковью Спаса, была украшена медной вызолоченной решеткой, запиравшей вход с лестницы, которая вела в Терем с Постельного крыльца. Любопытно, что эта прекрасная решетка, сохранившаяся и доныне, была перелита из медных денег, выпущенных перед тем в народ и надевавших столько неудовольствий, убытков, смут и казней⁸².

В 1672 г. над зданием Аптекарской палаты был устроен театр, в котором с осени того же года магистр Яган Годфрид показывал комедию, или *комидейное действо*, со своей труппой из 26 человек комедиантов, мещанских детей⁸³. С этого времени Потешный дворец становится известным как новое особое отделение царского дворца, заменившее упомянутые Потешные хоромы и в особенности Потешную палату, существовавшую до того вре-

мени в государевых каменных хоромах именно в подклетном этаже теремного здания⁸⁴.

Ко времени царя Алексея Михайловича можно отнести и постройку церкви Спасова Нерукотворенного Образа, на сенях у царевен, сестер государя Ирины, Анны и Татьяны, хоромы которых стояли сзади дворца, у Куретных ворот, находившихся со стороны Троицкого подворья и Троицких кремлевских ворот. Церковь эта существовала уже в 1669 г., когда, по случаю смерти царицы Марьи Ильиничны, государь подал в нее сорокоуст для поминовения царицы. Она именовалась в это время: Спас, что слово Новая церковь; Спас Новая церковь, что у Троицкого подворья; также Спас у царевен на Сенях. После стали ее обозначать: что у Куретных ворот, что над Куретными воротами.

В истории государева дворца царствование Алексея Михайловича замечательно потому, что с этого времени в царский дворец вошло много разных изменений, которые до этого или очень мало, или даже совсем не были известны. Важные последствия в этом отношении принесла польская война

1654—1667 гг, когда царь сам лично

«поволил итти на недруга своего и супостата, польского и литовского короля Яна Казимера, за его многие неправды и за крестопреступление».

Счастлиное начало этой войны довольно известно. Войска, воодушевляемые личным присутствием царя, взяли – кроме многих других, менее значительных городов – Смоленск, Витебск, Могилев, Полоцк, Вильно, Ковно, Гродно; пребывание царя в некоторых из этих городов, и особенно в Вильно и Полоцке, познакомило его с совершенно новым образом жизни. По свидетельству Коллинса, царь с этого времени стал преобразовывать двор, завел даже театр, как мы упоминали. Вызвав из всех посещенных им городов многих ремесленников и художников, он использовал их искусство и труды для украшения своего дворца, для чего и причислил их всех к замечательному в то время дворцовому художественному и ремесленному заведению, известному под именем Оружейной палаты, из которой они получали достаточно большое содержание. Более того, государь отдал им в

науку русских учеников, которых они должны были выучить всему, что сами знают.

С этого времени характер украшений дворца во многом изменился. Внутри дворца появились обои (золотые кожи) и разного рода мебель на немецкий и польский образец. Характер резьбы по дереву, так часто используемой во всех внутренних и внешних украшениях дворца, также изменился. Обыкновенную русскую резьбу по поверхности дерева заменила фигурная немецкая резьба во вкусе немецкого рококо, как можно судить по дошедшим до нас памятникам из домашней утвари того времени.

После смерти Алексея Михайловича продолжателем всех его начинаний был его сын, царь Федор, который в недолгое царствование, продолжавшееся шесть с небольшим лет, весьма обновил дворец и расширил новыми постройками. Новые отделения во дворце были необходимы. Царь Алексей Михайлович оставил после себя многочисленное семейство, которое еще при нем требовало более просторного помещения.

Царь Федор Алексеевич

По вступлении же на престол его сына Федора, занявшего жилище своего отца, потре-

бовалось отделить особые хоромы для вдовствующей царицы Натальи Кирилловны с ее малолетним сыном, царевичем Петром. Государевы хоромы стояли у Терема подле западной стены Евдокеинской теремной церкви, сюда же перенесены были и хоромы царицы, и перед хорами был разведен комнатный сад; а дальше тянулся ряд хором царевниных, тоже с садом. На сенях у царевен, кроме перестройки их хором, государь возобновил церковь Спасова Нерукотворенного Образа и построил над ее трапезой новый храм во имя Успения Богоматери, освященный в день Успения, 15 августа 1680 г.

В 1681 г. государь построил для своего брата Ивана Алексеевича также новые деревянные хоромы. В то же время (с 1677 г.) царь Федор Алексеевич обновил и свой Каменный верхний Терем со всеми церквами, которые находятся на сенях этих хором, соединенные с собором Спаса Нерукотворенного. Возобновлен был также и этот собор и расписан снаружи, со стороны алтарей, *аспидом розными цветами* (под мрамор). Над приделом Иоанна Белоградского (ныне Иоанна Предтечи) он

надстроил небольшой придел в честь Распя-
тия, украсив его медным вызолоченным ико-
ностасом. Церковь Распятия возвышалась в
уровень с кровлей Грановитой палаты, так
что к ее алтарю был ход с этой кровли.

Затем перестроена была церковь Рожде-
ства Богородицы. К ней приделали новую тра-
пезу; собрали с нее главы и по сводам вывер-
стали площадь наравне с площадью, которая
находилась у терема под новыми хоромами;
на этой площади, устроенной таким образом
над церковью и над трапезой, построили но-
вый пятиглавый храм, во имя Сошествия Св.
Духа, с небольшим приделом с северной сто-
роны. В 1679 г. государь перестроил также
церковь Похвалы Богородицы на новом По-
тешном дворе, здание которого, сохранившееся
доныне, было построено в это же время.

Из больших палат в 1681 г. были перестро-
ены две Набережные, *Ответная* и *Панихид-
ная*. Столовая изба и при ней сад, между Сред-
ней Золотой и алтарями Спасо-Преображен-
ского собора, были разобраны и на их месте
выровнена площадь. Столовая была перенесе-
на в возобновленную Панихидную палату, ко-

торая и именовалась с этого времени Столовою. Между церковью Иоанна Предтечи и Колымажными дворцовыми воротами в двух палатах, где были Резные и Столярные палаты, перенесенные в другое место, помещена царская Аптека.

После смерти Федора Алексеевича, в ноябре 26-го числа 1682 г, сгорела часть обновленного им дворца, примыкавшая ко двору патриарха: деревянные хоромы царя Петра Алексеевича и хоромы царевен; Успенский собор, на котором сгорела кровля и в главах оконницы, так что все значительные иконы и мощи чудотворцев вынесены были в это время в Архангельский собор. В 1683 г. на месте погоревших хором для царя Петра и его матери, царицы Натальи Кирилловны, были выстроены деревянные хоромы, а для царевен Софьи, Екатерины, Федосьи и др., живших после пожара на Потешном дворе, — каменные палаты о трех житьях, т. е. этажах, из которых в нижнем была устроена комната, *где сидеть с бояры — слушать всяких дел*: явление, по тому времени не совсем обыкновенное на женской половине царского дворца, и особенно на по-

ловине царевен, но весьма понятное, если мы скажем, что эта думная комната устроена была по назначению царевны Софьи Алексеевны. В одно время с этими палатами, в 1684 г., построена на Кормовом дворце, возле новых хором царя Петра и его Верхнего Красного сада, новая церковь – во имя св. апостолов Петра и Павла, тезоименитых царю. В июне того же года велено было написать в эту церковь местные пророческие и праотческие иконы и сделать иконостас, позолотив его сусальным золотом.

А. Васнецов. Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII в.

В 1682 г. на площадке между теремами и церковью Сошествия Св. Духа выстроены для царей новые Брусяные хоромы. В 1683 г. в Меньшей Золотой палате для подкрепления Верхо-Спасского собора под своды подведены были крестообразно каменные *перететивья*, которые хотя и обезобразили эту древнюю палату, но зато сберегли ее от неминуемого разрушения; потом в палатах Грановитой, Золотой Средней, Ответной и других исправлены все ветхости и возобновлено также Красное крыльцо.

В конце XVII ст., пред единодержавием Петра, дворец достиг самого цветущего состояния, какого не достигал он ни в одно из предыдущих царствований. В это время его обширность и относительное великолепие вполне выразили характер древней царской жизни во всем ее блеске и царственном просторе, и с этого же времени начинается постепенное его запустение и разрушение. В год смерти последнего старинного московского

царя Ивана Алексеевича, в то время как Петр работал под Азовом, 6 июня 1696 г. на дворце сгорели государевы хоромы. В 1701 г., 19 июня, новый пожар опустошил весь Кремль. Хотя каменные здания и были возобновлены, но погорелые их стены не были уже достаточно прочными, так что через полстолетия пришли в совершенную ветхость и были разрушены прежде других старинных зданий. Живые следы этого пожара в дворцовых зданиях оставались еще и в 1722 г.

Расположение дворца, сохранив первоначальные древнейшие черты, получило в XVII ст., при увеличении царского семейства, более широкие размеры. Мы уже замечали, что все здания государева дворца по своему назначению делились на три типа: постельные, или жилые, хоромы, палаты, или парадные залы, и, наконец, все здания, в которых помещались различные заведения царского хозяйства. Во второй половине XVII ст. жилые летние покои государя находились в нынешнем Теремном дворце, а зимние – в деревянных хоромах, стоявших подле Терема, одни у

церкви Рождества Богородицы, другие у церкви Живоносного Воскресения; с этой же восточной стороны Терема в разных местах стояли деревянные хоромы цариц и царевичей и больших и меньших царевен. Большие палаты, Грановитая, Золотая и др. примыкали к площади между соборами, а все хозяйственные здания расположены были в разных местах вокруг дворца, так что весь юго-западный угол Кремля, от Тайницких и до Троицких ворот, занят был дворцовыми строениями.

Благовещенский собор в Москве

Лицевая сторона дворца выходила на площадь между соборами, которая, подобно площади Китай-города, также иногда именовалась Красной. На эту действительно замечательную площадь дворец выдвигался самой большой и красивой из своих палат, Грановитой палатой, с лестницей возле нее, которая вела на Красное крыльцо и Передние переходы, простиравшиеся от угла Грановитой палаты до паперти Благовещенского собора. В глубине, между палатой и собором, на середине

переходов, стояла Золотая Средняя палата, к которой прямо к дверям ее сеней вела с площади другая лестница, Средняя, известная в конце XVII ст. под именем Золотой лестницы и Золотой решетки. Третья лестница, приводившая на те же переходы Красного крыльца, находилась в паперти Благовещенского собора и называлась Благовещенскою.

Неподалеку от Благовещенской лестницы,

между Благовещенским и Архангельским соборами, отдельно стоял Казенный двор, сохранявший государеву казну – серебро и золото в разных вещах, большею частью в посуде, которой украшались по-честные царские столы; также дорогие золотые, серебряные и шелковые ткани; огромный запас сукон и других шерстяных и бумажных тканей; огромный запас мягкой рухляди: дорогих собольих, также куньих, беличьих и других легких мехов, которые употреблялись в то время на одежду. Для отделки мехов во дворе, с южной стороны Архангельского собора, находилась Скорняшная палата, к которой был и особый ход за собором. Вообще на Казенном дворе сохранялась всякая домовая казна, которая употреблялась на обиход государев, а также в раздачу годового жалованья и в награду за службы. Здесь же в Образовой палате хранилось множество икон, крестов, ковчегов со св. мощами и разной другой святыни. Казенный двор соединялся с дворцом переходами с западной стороны Благовещенского собора и особыми палатами, которые примыкали к собору с южной стороны.

Войдем в старый дворец по главной лестнице у Грановитой палаты. Эта лестница состояла из 32 ступеней и была вымощена ступенным белым камнем, а поверх него железными плитами. Она делилась на четыре доли тремя рундуками, или площадками, отдыхающими, в ширину была 3 сажени. По левой стороне от восхода она была ограждена каменными, украшенными резьбою перилами, покрытыми каменной лещедью⁸⁵. У каждой площадки на этих перилах был помещен каменный вызолоченный лев, всего три. Вся лестница была покрыта медной кровлей, которая над двумя нижними площадками была сделана в виде красивых шатров с орлами наверху, а верхняя площадка была покрыта бочкой. Шатер над нижним рундуком, или площадкою, был основан на резных каменных столбах, сомкнутых вверху сводами в виде портика, над которыми красовались золоченые резные орлы.

В пожар 1696 г. шатры сгорели и с того времени уже более не устраивались. Вся лестница осталась открытой, хотя само собой разумеется, что древ-

ние кровельные шатры лестницы должны были скрывать от всенародных очей торжественные царские выходы из дворца. Эта лестница еще со времен царя Федора Иоанновича именовалась Золотой, вероятно, потому, что была расписана золотом и красками и имела золоченую кровлю, особенно в шатрах. В XVII ст. ее называли, кроме того, Большой и Красной. У входа она запиралась железной решеткой, покрытой также красками и золотом.

По лестнице поднимались прежде всего на Красное крыльцо, как в собственном смысле называлась небольшая площадь перед входом в Грановитую палату.

По линии Передних переходов, начиная от Красного крыльца к Благовещенскому собору, стояли следующие палаты:

Палата Шатерная, кладовая, в которой сохранилась шатерная казна, всякого рода походный и хоромный наряд и убор, царские шатры и ставки, выходные государевы места, род балдахинов, и т. п. Окна и двери этой палаты выходили на Постельное крыльцо.

Рядом с Шатерной находилась Золотая Средняя палата.

Позади палаты, на Спасском дворце, стояла Столовая Брусная изба с сенями и с переходами, или крыльцом, которое называлось также Столовым. Она была покрыта высокою шатровою кровлею с орлом вверху, которая с Соборной площади была видна над кровлею Золотой палаты; она построена на месте великокняжеского терема и вначале называлась Малой, в отличие от Большой, т. е. Грановитой. В ней, по древнему обычаю, после царских панихид, бывали сборы большие, или собрания духовенства, которому предлагались здесь царские поминовенные обеды, отчего она и получила наименование Сборной Панихидной. (В ней бывал патриарх и все власти.)

Далее, по Набережной стороне к западу, стояла Ответная Посольская палата, служившая своими стенами продолжением стен Сборной, или Столовой, палаты.

В конце XVII ст. пол в ней был гончарный каменный, набранный узорами вроде мозаичного. В этой палате происходили совеща-

ния и беседы бояр с иноземными послами, которые получали здесь царские ответы, или решения посольских дел, отсюда и название палаты Ответной и Посольской. Для того чтобы государю было удобно слушать эти совещания, в палате был устроен тайник с особым окном и с круглой потайной лестницей со стороны переходов и крыльца к Спасу во двор.

Эти две Набережные палаты и со своими сенями, как отдельная постройка, были покрыты особою общею для них кровлей. С Набережной стороны возле этих палат был расположен Нижний Красный Набережный сад с круглой башней на углу к Тайницким воротам.

Таков был лицевой, передний, отдел дворцовых зданий, заключавший в себе одни только приемные палаты.

Дальше по Набережной стороне дворцовых зданий, через небольшую площадку, стоял Сретенский собор, за которым следовал особый корпус с разными палатами, простиравшийся до церкви Иоанна Предтечи. Возле Сретенского собора и этого корпуса под горой

помещался Запасный двор, над каменными палатами которого был расположен обширный Верхний Набережный сад.

Жилые помещения государя и его семейства, под именем Постельных хором, были расположены в сохранившемся до нашего времени так называемом Теремном дворце, частично в его каменных комнатах, а более всего в деревянных хоромах, находившихся или над самым его зданием, или рядом, соединенным с ним особыми переходами. Необходимо заметить, что здание Теремного дворца составляло, так сказать, становой хребет дворцовых зданий, самую середину всего пространства, занятого дворцовыми постройками. Оно делило это пространство на два отдельные большие двора, из которых один двор, главный, с южной стороны от Терема, был расположен около древней церкви Спаса-на-Бору, с двумя воротами, передними от Соборной площади и задними к Боровицким кремлевским воротам, называвшимися Колымажными. Другой, собственно хозяйственный, или служебный, Задний двор, с северной стороны Терема, простирался к кремлев-

ским Троицким воротам, с одними воротами – Куретными. Он, в свой черед, делился на два двора, или дворца: Кормовой и Хлебный.

С этого двора от Спасской церкви по Постельной лестнице в 42 ступени с двумя рундуками, или площадками, входили на Постельное крыльцо. Так именовалась обширная площадь, занимавшая угол между зданиями Теремного дворца и Грановитой палатой. В длину эта площадь простиралась на 17 саженей, в ширину на 12 саженей. Почти на самой середине площади возвышалась каменная же большая лестница, по которой всходили к государевым покоям в Теремном дворце. В XVII ст. она прозывалась Золотой, также Золотым крыльцом и Золотой решеткой, потому что вверху была ограждена узоловатой, т. е. узорочной, сквозной решеткой, расписанной золотом и красками.

Все обширное пространство площади Постельного крыльца именовалось также Боярской площадкой, потому что здесь обыкновенно собирались и постоянно толпились стольники, стряпчие, жильцы, дворяне мос-

ковские и городовые, полковники и вообще служилое дворянство или все те, которым был дозволен сюда вход.

Здесь, сходя с Верха, из комнат государя, дьяки сказывали во всеуслышание царские указы о назначениях государевой службы. Стольники, здесь собиравшиеся, в отличие от комнатных, которые, по близости к царской особе, могли входить в его комнаты, назывались площадными.

Шереметев. Посольский двор

В 1677 г. прямо против входа на Постельное крыльцо, у деревянной переграды, отделявшей Боярскую площадку от Золотого крыльца, стояла большая картина, писанная по полотну и изображавшая притчи, т. е., вероятно, что-либо аллегорически-назидательное для собиравшейся здесь дворянской толпы, именно в смысле почтения к месту, которое служило входом в царское жилище.

Обширная площадь Постельного крыльца была расположена перед тем ярусом Теремного дворца, который был построен еще Алевизом над подклетами и белокаменными погребками. Крайняя палата к востоку, выходящая угол в угол к Грановитой палате и, следовательно, к фасаду дворцовых зданий, с XVI ст. становится известной под именем Золотой Царицыной палаты, в которую вход был из ее сеней. В древнее время и в начале XVII ст. эта проходная палата называлась также Жилецкой, так как в ней собирались обыкновенно дежурные дворяне-жильцы⁸⁶. Впоследствии это помещение для жильцов было переведено в подклетный этаж, находившийся под площадью Постельного крыльца, где был ста-

рый жилецкий подклет, в котором иногда стегали дворян батогами за неправильные споры по местничеству⁸⁷ и за другие провинности или сажали, здесь же, под арест в глухую палатку⁸⁸.

Жилец 1674 г.

Из тех же сеней Царицыной Золотой палаты налево дверь вела в Мастерскую палату, как называлось целое дворцовое ведомство, сохранявшее и изготовлявшее все наряды и уборы царской одежды, как и одежды царицы и царских детей и всего их постельного обихода. Мастерская палата занимала своими мастерскими и кладовыми ряд комнат, следовавших далее к западу от упомянутых сеней до церкви св. Лазаря, находившейся под церковью Рождества Богородицы. Возле церкви Лазаря, как упомянуто выше, в XVI ст. в этом же этаже Теремного дворца стояла особая палата, Задняя, приемная вел. княгини Елены, матери Грозного. В своих стенах она должна сохраняться и до настоящего времени, обращенная в помещение для придворных лиц. Вокруг всех помянутых палат протягивались

переходы в 3 аршина шириною, соединявшие

все помещения между собою.

В XVI и в XVII ст., до постройки Теремных покоев, над этим алевизовским (вторым) этажом дворца помещались деревянные хоромы государевы у Постельного крыльца и царицыны, ближе к церкви Рождества Богородицы, составлявшие третий ярус здания.

С Постельного крыльца в эти хоромы, как упомянуто, вела Золотая лестница, огражденная у самого входа на государев Передний каменный двор золотою узоловатою решеткою с тремя створчатыми дверями, вышиною в 3, шириною около аршина.

Передний двор представлял площадь между церковью Спаса за Золотою решеткою и зданием Терема. Прямо против входа на этот двор с Постельного крыльца в двери Золотой решетки, у переграды, отделявшей двор от переходов в другие церкви, стояла (с 1677 г.) большая картина, писанная на полотне живописцем Ив. Салтановым и изображавшая Видение царя Константина, како явился ему Крест.

Возле этой картины налево находилось каменное Переднее Золотое же крыльцо с лест-

ницею под красивою шатровою кровлею, устроенною над верхнею его площадкою, которое вело в Передние проходные сени (ныне столовая, или трапезная, комната). Из этих сеней входили в Переднюю палату (ныне соборную, или гостиную), называвшуюся иногда, по старому понятию, Переднею избою. Когда в конце XVII ст., вероятно, при царе Иване Алексеевиче, проходные сени переустроены были в Переднюю, то и Передняя была переименована в Крестовую.

Далее следовала комната, собственный кабинет государя, которая при царе Михаиле называлась Золотою, а при царе Алексее Мих. известна была по преимуществу под именем Комнаты⁸⁹.

За комнатою находилась последняя комната, Крестовая, или Моленная (ныне опочивальная), называвшаяся иногда просто третьею. В ней была отгорожена небольшая комната, известная под именем четвертой, где находилась опочивальня, или почивальня, вроде алькова, или по-русски чулан. (Ср. итальянское *cella* – келья.) Возле сеней государственной комнаты и упомянутой четвертой, со сто-

роны Кормового дворца, находились две комнаты, где ставили с кушаньем, т. е. где находился царский буфет.

Верхний пятый ярус этого здания представлял одну обширную залу длиною около 7 саженьей, шириною около 3 саженьей, с 13 светлыми окнами со всех четырех сторон. Он назывался Каменным Чердаком, или, в собственном смысле, Теремом, по сторонам которого обширные площадки к Спасской и Рождественской церквам и переходы с других двух сторон именовались Верхним каменным двором. Наружные стены Терема и государевых покоев и до сих пор сохраняют богатые украшения из разноцветных изразцов.

В этих хоромах воспитывался и жил царь Алексей Михайлович, а потом его сыновья, царь Федор и царь Иван Алексеевичи; в них до первого своего путешествия за границу останавливался иногда царь Петр Алексеевич; последним обитателем Теремов был царевич Алексей Петрович.

У хором, как следовало в деревянных постройках, был тоже и свой подклетный ярус, третий во всем здании, где находились раз-

ные служебные и деловые комнаты и где жили некоторые из ближних людей к особе царя. При царе Михаиле, в малолетство царя Алексея, здесь помещалась и Потешная палата, занимавшая особую комнату под Теремными покоями. Под четвертою комнатою была устроена государева мыленка, в которую государь хаживал по потайной лестнице, сохранившейся доньше. Небольшая палатка, где помещалась мыленка, вся была выложена и опаяна свинцовыми досками, для того чтобы вода не могла пройти сквозь своды в нижний этаж.

Над тем же подклетным этажом, к Рождественскому собору, на уровне Теремных покоев, находилась площадь, на которой стояли хоромы придворных богомольцев, столь любимых царем Алексеем Михайловичем.

Лицевая сторона Теремных покоев была обращена во Двор к собору Спаса Преображения, или к Набережной стороне дворцовых зданий, к югу.

С внутренней, северной стороны, Теремного дворца к нему, именно к государевым покоям и к церкви Спаса за Золотою решеткою,

примыкали каменные и деревянные хоромы цариц и царевен, т. е. всей женской половины царского семейства с их домовыми церквями. С восточной стороны их линия примыкала к Патриаршему двору. С Теремным дворцом они соединялись многими открытыми площадками и переходами и крытыми сенями, расположенными на уровне площадей и переходов, какие существовали у Теремного дворца, а потому и самые этажи этих хором высились соответственно этажам Терема.

Возле Терема, в уровень с его комнатами, на расстоянии от него 10 саженей, в конце XVII ст. находились хоромы царицы Натальи Кирилловны с малолетним сыном Петром Алексеевичем, деревянные, построенные на каменных стенах и столбах, среди которых помещались их разные служебные палаты. В этом ярусе на северо-западном углу стояла церковь Петра и Павла, каменная, занимавшая место в длину и с трапезою с лишком 9 саженей и в ширину около 4 саженей. Она высилась над всеми другими зданиями внутреннего двора на уровне с Теремом государя. Церковь была пятиглавая, главы и резные же-

лезные кресты были вызолочены, кровля была из кованого железа. Напротив алтаря была расположена площадка, на которой был разведен сад, огороженный балясами, с небольшим прудом. Возле народилась еще Потешная площадка царевича Петра. Под хоромами царицы в нижнем этаже находилась Мастерская палата царицы и три палаты, в которых жили государевы богомольцы⁹⁰.

В том же направлении, к северу от Теремного дворца, от Золотой Царицыной палаты и стоявшей возле нее церкви св. Екатерины, были расположены к стороне Патриаршего двора хоромы царевен, меньших, дочерей царя Алексея, и больших, старших, их теток, дочерей царя Михаила Федоровича.

Комнаты распределялись по отделам для каждой царевны особо, причем перед каждым отделением или особым жильем находились особые сени. В упомянутом угловом отделении было три комнаты с сенями и небольшими сенцами при самой Наугольной комнате. Второе отделение состояло также из трех комнат с особыми сенями. Затем следовали, как особое отделение, две комнаты, в

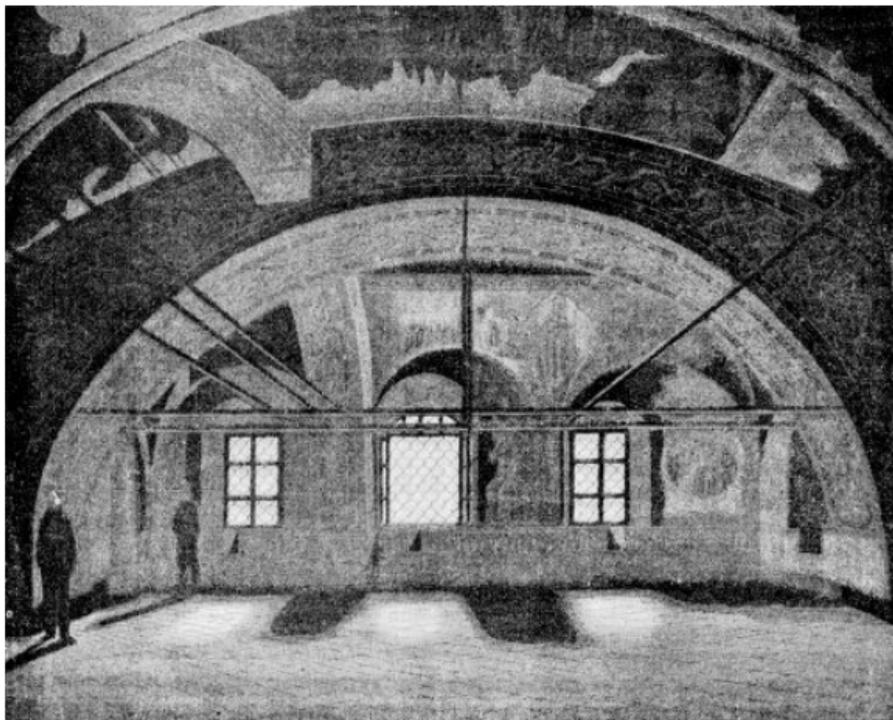
которых жила старшая царевна Татьяна Михайловна. Возле ее комнат находилась мыльня деревянная, окладенная в каменных стенах.

Такое же почти распределение комнат существовало и в верхнем ярусе хором.

Все комнаты были одного размера, обычного для великорусской крестьянской избы, около 8 аршин в квадрате; каждая рядовая имела по два окна двойных и в угловых по 4 окна, печи изразцовые, полы дубовые, косячатые или кирпичные (косяками или прямоугольниками и квадратами). Обширные сени при каждом особом жилье имели значение наших зал и служили для домашних девичьих игр и разных увеселений. Сени соединялись с нижними помещениями посредством круглых лестниц, находившихся в каждом отдельном жилье.

Золотая Меньшая, или Царицына, палата в Московском Кремлевском дворце

Перед окнами царевен в среднем ярусе их хором был расположен сад, который продолжался и узкой полосой под самыми окнами

царевен, быть может, только для устройства цветников.

Наискосок от этих хором стоял особый небольшой корпус, в котором в конце XVII ст. жила вдовствующая царица Марфа Матвеевна (Апраксина)⁹¹. В верхнем ярусе было три комнаты такой же меры, обширные сени и по сторонам их еще две комнаты, из которых одна была спальня; в среднем жилье комната да спальня и сени, из которых лестница круг-

лая вела в верхние комнаты и в нижние подклеты. Возле отдельно стояла мыльня и две палатки, одна из них – Стряпущая. В расстоянии двух сажен от этих хором в среднем ярусе стояла церковь Спаса Новая (во дворце, названная так в отличие от Спасского же храма, что за Золотою решеткою), а над нею возвышалась церковь Успения Богородицы. С южной церкви Спаса была устроена небольшая паперть, около двух сажен в квадрате, в которой стояло место царицы Марфы, обитое вишневым сукном. В известные дни, не входя в церковь, царица слушала здесь церковную службу в окно. Для зимнего времени в этой комнатке находилась и печка ценинная⁹².

К верхней Успенской церкви приходом служил верхний ярус царицыных и царевниных хором. Таково было размещение вдовствующей царицы и больших и меньших царевен в верхних ярусах их хором.

Московский Кремль

Нижний, или подклетный, этаж описанных зданий, начиная от Светличной лестницы, заключал в себе: 1. Портомойные палаты,

находившиеся возле Куретных ворот. 2. Переходы от Светличной лестницы к Теремному дворцу. 3. С этих переходов направо, под церковью Петра и Павла и под хорумами царицы Натальи Кирилловны, находилась Мастерская палата царицы, заключавшая в себе сени, приводившие в палату, где сидели судьи и где было место судейское, обитое красным сукном; потом палату Мастерскую, палату еще Судейскую и три Казенных палаты, где хранилась царицына казна. В портомойных палатах портомой (прачки) мыли царское белье. Над палатами возвышались портомой-

ные решетчатые сквозные чердаки, в которых это белье сушилось, украшенные решетками, прописанными по-стекольчатому. На Москве-реке у Водовзводной башни был портомойный плот, где полоскали белье, а на берегу стояла портомойная изба с разными принадлежностями для этого плота. В Кремлевской стене в этом месте находились особые малые ворота, называвшиеся портомойными, потому что через них носили на реку белье.

Успенский собор в Москве

Не более как на четыре сажени от запад-

ной стены церковей Спаса и Успения находились Куретные дворцовые ворота, отчего и церкви иногда обозначались выражением, «что над Куретными вороты». Над самыми воротами стояла большая каменная Светлица с большими проходными сенями, а подле нее – несколько малых светлиц, в которых работали мастерицы-белошвей и золотошвей со своими ученицами. Существовавшая здесь у ворот лестница к этим светлицам и к хоромам царевен и царицы Марфы называлась Светлишной.

Затем от этого угла протягивался длинный каменный корпус в три этажа по направлению к церкви Рождества Богородицы и далее до самых Колымажных дворцовых ворот, стоявших к стороне Боровицких кремлевских ворот и вблизи древнейшей церкви Иоанна Предтечи.

Над самым углом указанного корпуса, обращенном, как упомянуто, к Троицким кремлевским воротам, высились как терем особые Государевы каменные же хоромы, составлявшие самый верхний, четвертый, ярус этого корпуса и расположенные также углом. Они

заклучали в себе, начиная со стороны Куретных ворот, сени, Переднюю палату, подле нее – Комнату Наугольную, к которой примыкали опять сени к особой Комнате, имевшей и с другой стороны также сени. Окна во всех комнатах были большие, вышиною и шириною по 2 аршина, со слюдяными оконницами. В 1722 г. эти Государевы хоромы, погоревшие во время пожара 1701 г., оставались в полном запустении, не покрытые даже и кровлею. Когда именно и для какой царской особы были построены эти хоромы, неизвестно. Они возвышались над дворцовыми зданиями в уровень с существующим доселе государевым Теремом, подобно наугольным же хоромам царицы Марфы Матвеевны.

А. Васнецов. Красная площадь во второй половине XVII в.

Под этими угловыми хоромами и дальше по направлению к Рождественской церкви в третьем и во втором этажах того же длинного корпуса были размещены палаты разных художеств и ремесел, составлявшие одно ведомство под именем Оружейной палаты.

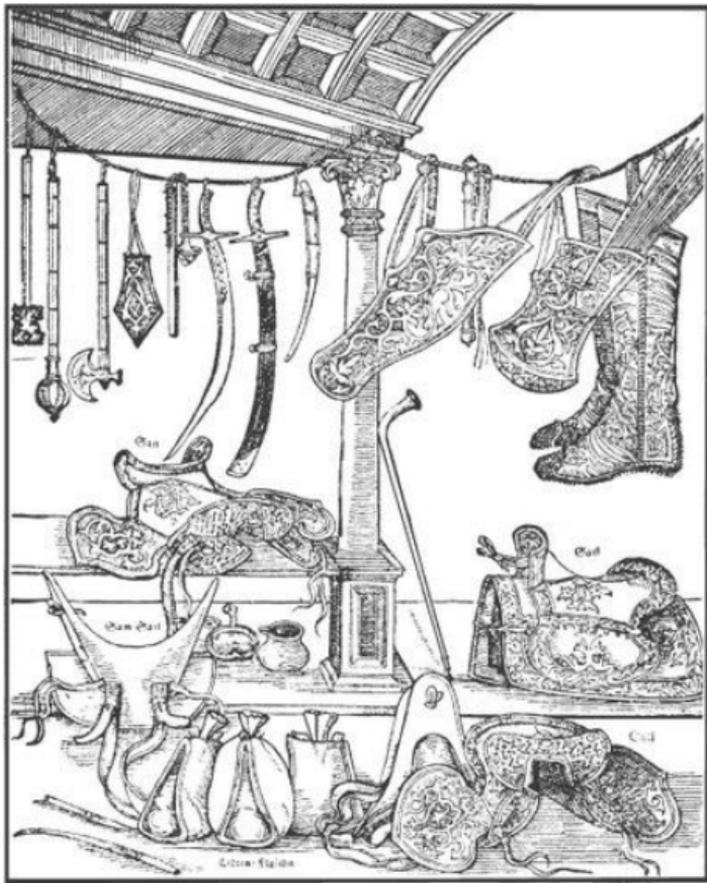

Оружейная палата с приказом заведовали всею искусственной частью в домовом обиходе царей, как-то: художеством иконописным или живописным, к которому относилось и золотарное дело по дереву; золотым и серебряным делом; резным и токарным делом из дерева и кости; столярным делом; бранным, наводным, резным железным делом и т. д. Некоторые производства, по своей величине или особому значению, составляли отдельные приказы, например, существовал особый

приказ Ствольный, приказ Золотого и Алмазного дела, приказ Серебряный и др. Каждое производство помещалось в особых Мастерских палатах и светлицах, которые находились частично в этом же здании, а частично в других отделениях дворца. В Иконной палате работали иконописцы, живописцы, знаменщики (рисовальщики), левкащики, золотари. Для более искусных работ живописных был построен особый Иконный терем, стоявший в Набережном отделении дворца, отчего и назывался Набережным. Там же находились, как было упомянуто, Резные и Столярные палаты. В Золотой палате работали золотых дел мастера и ювелиры; в Серебряной палате – серебряники; в Ствольном приказе – самопальные мастера, мастера ствольного дела, станочного, замочного, сабельного, лучного, стрельного, панцырного, ножевого и разных других дел.

Оружие, конская сбруя и дорожная утварь русских воинов.

Из латинского издания книги барона Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии». Базель, 1556 г.

Собственно Оружейная, или *Оружничья*, палата была дворцовым государевым арсеналом, где в особых комнатах и кладовых хранилось государево оружие, государевы доспехи и всякая оружейная броня, состоявшая из шлемов, или шеломов, шишаков⁹³, булатных

шапок – мисюрок⁹⁴ и ерихонок⁹⁵, стальных и булатных зеркал, или лат, кольчуг, юшманов⁹⁶, бахтерцов⁹⁷, наручей⁹⁸, бутурлыков⁹⁹, украшенных золотой насечкой, а нередко и дорогими камнями. Здесь хранились богатые выездные государевы саадаки, т. е. налучи и колчаны, убранные золотом, серебром, эмалью и дорогими камнями; булавы, пернаты¹⁰⁰, шестоперы, мечи, сабли, кинжалы, ножи, щиты, копыя, бердыши, топоры, или секиры, также пищали (ружья), пистолы, даже пушки и т. д. В числе разного боевого оружия здесь же сохранялся запас оружия церемониального, употреблявшегося во время разных торжеств, а именно протазаны, алебарды, копыя, кончары (род мечей), посольские топоры и т. п. Кроме того, в Оружейной палате хранились и изготовлялись полковые знамена, государевы великие стяги, прапоры и вообще разные предметы полкового боевого и церемониального вооружения.

Старинное русское вооружение

Для помещения драгоценной оружейной брони и другой различной оружейной казны

или всяких дорогих предметов в этом здании была отделена особая, более других, обширная палата, которая так и называлась: Казенною, или Палатою Большой казны. Она была украшена стенописью, а для размещения сохраняемого оружия в ней по местам стояли рундуки (особые поставцы) с гребнями (род карнизов) наверху. Здесь первым предметом среди разного оружия был царский скипетр, золотой, убранный дорогими камнями и покрытый финифтью разных цветов, превосходной работы, быть может, мастеров Ору-

жейной же палаты.

Хлебенный дворец изготовлял разного рода печеный и пряженный хлеб¹⁰¹, гладкий, т. е. обыкновенный, и изразчатый, т. е. украшенный разными образцами, печенный в формах в виде различных фигур, каковы, например, были жаворонки, караси и т. п., и простые: папошники¹⁰², сайки, калачи, баранки, сухари, перепечи, куличи, караваи, а также пироги разных наименований и масленичные ествы¹⁰³, т. е. пряники, и *сахары*, или конфеты.

Приспешные палаты и под ними погреба Хлебенного дворца находились у Куретных дворцовых ворот и заключали в себе: Ключешную, или Ключничью, палату, в которой сидели степенные ключники – распорядители Хлебенного дворцового обихода; палату Купецкую, где сидели купчины, закупавшие всякие хлебные припасы; Светлицу, в которой отпускали хлебные ествы; палаты Хлебные Стряпущие, в которых, в одной особой, пекли про великих государей хлебы приказные, т. е. что государи по желанию прикажут; в других припасали всякого рода хлеб обычный; палаты Мучные с закромами; пала-

ты и сушила, в которых ссыпали разное зерно, пшеницу, горох, крупу, конопель и пр.; *Бурникову избу*, хотя она была такая же палата, в которой пекли для государя папошники, недомерки, кольца ситные; далее палату Овощную, или Сахарную, в которой изготовлялись различные сахара (конфеты), сушеные и обсахаренные фрукты; палату, в которой наливали и сушили яблочные пастилы; разные другие деловые палаты и потом, под палатами, погреба и ледники, сохранявшие масло коровье, ореховое, конопляное, яйца, сметану, творог и всякие припасы для хлебного печения. Кормовой дворец был собственно царскою поварней, где стряпали (работали) повары, помясы¹⁰⁴, шесники¹⁰⁵, куретники¹⁰⁶, животинники, засыпки¹⁰⁷ и другие.

В числе различных деловых палат, составлявших обиход этого дворца, находились: *Ключничья*, где сидели распорядители кормового обихода, степенные ключники; *палатка*, где сидели подьячие; *Казенная*, в которой сохранялась столовая золотая, серебряная, оловянная и всякая другая посуда; *палата Скатертная*, где сохранялись скатертные при-

боры; палата Прodelочная; палата Соляная; мучная; деловые поваренные палаты, часть которых находилась и на Потешном дворце у Кремлевской стены близ Троицких ворот; палата, в которой изготовляли кислые щи; большая палата, что называлась Сушило, где провешивали ветчину и рыбу; Куретная палата, отпускавшая в стол кур, гусей, уток и всякую другую птицу и надзиравшая за Куретным двором, который помещался вблизи задних дворцовых ворот, оттого и прозванных Куретными. Под палатами находились разные погреба: масляный, сметанный, два астраханские, в которых «солили кабаны»; особый погреб, где ветчину солили. Посреди двора на Кормовом дворце было построено высокое сушило, где провешивали ветчину, языки, всякую рыбу и где в нижнем ярусе сохранялись гусиные полотки, икра, снетки, грибы и пр.

Во двор Кормового дворца выходила также стоявшая близ подклетов Теремного дворца Истопничья палата, которая заведовала отоплением царских хором и наблюдала за чистотой как в хоромах и сенях, так и на переходах, крыльцах, лестницах, на двориках или

площадках и вообще по всему дворцу. Она смотрела также за освещением хором, сеней, крылец и лестниц, для чего заготавливала и хранила фонари, подсвечники, ночники и т. п.; заготавливала умывальную посуду, лохани, кунганы¹⁰⁸, или рукомойники, ковши, тазы и пр. и всякие другие предметы, потребные для царских комнат.

Сытный дворец заведовал хмельным питьем всякого рода, приготавливал и сохранял в особенности различные меды, и свое имя, по всему вероятно, получил еще в древние времена, так как *сытою* обозначался самый первоначальный способ приготовления медового питья, которое состояло из воды, насыщенной медом. Сырой мед доставлялся в царский обиход *с оброчных и данных бортевых ухажьев*¹⁰⁹, конечно, при значительном количестве воска, почему Сытный дворец заведовал также и изготовлением восковых свечей и для церковных потребностей, и для хоромного освещения. Таково было первоначальное дело этого ведомства. Потом это дело распространилось и усложнилось водворением разных других статей питейного обихода, так

что Сытный дворец мог с большей точностью называться Винным или вообще Питейным дворцом, однако до последних дней сохранил свое первоначальное древнее имя.

Боярская площадка в Московском Кремле

По словам Котошихина, Сытный дворец занимал при царе Алексее Михайловиче более тридцати погребов и ледников, кроме обширного «погреба, что с заморскими питьями», или Фряжского, который находился под Столовою и Ответною палатами, вблизи Благовещенского собора, отчего и внутреннее крыльцо у этих палат прозывалось также Фряжским. Окнами этот погреб выходил в Нижний Набережный сад. В нем в трех обширных помещениях сохранялись фряжские питья: алкан, тентин, сек, романея, кинарея, мармазея, мушкатель, бастр красный и белый, рейнское, церковное и др., также уксус рейнской, уксус новгородский и, кроме того, лимоны и деревянное масло.

Главный, или в собственном значении Сытный, дворец размещен был в подклетных палатах, погребах и ледниках, находившихся под всем зданием Теремного дворца, под палатами Приемными и Набережными, вокруг всего двора, около церкви Спаса-на-Бору, так что этот собственно церковный двор обыкно-

венно именовался Сытным двором. И Спасо-Преображенский храм, некогда очень чтимый великокняжеский монастырь, богомолье великих князей и великих княгинь, теперь, в XVI и XVII ст., становится приходским храмом всех служителей внутренних отделений дворца, именно дворов Сытного, Кормового и Хлебного. Сюда приходили молиться ключники, стряпчие, сытники, повара и другие приспешники, для которых церковная служба совершалась здесь раньше обыкновенного, — «чтоб, справясь, шли всяк на свой приспех».

У Троицких кремлевских ворот стояло несколько каменных житниц с необходимыми запасами для трех упомянутых дворцов; главный же дворцовый Житный, или Житничный, двор находился под Кремлевскою горою, у Водовзводной башни. Всех житниц при царском дворце было до трехсот.

Вообще, на Сытном дворце в ледниках сохранялись, кроме фряжских вин, пива поддельные, малиновые, мартовские и иные, и меды сыченые и красные и белые, ягодные и яблочные, вишне-

вые, смородиновые, можжевельниковые, малиновые, черемховые, мед с гвоздцы¹¹⁰, обарный¹¹¹, приварный, белый паточный, мед боярский, мед княжон и т. д.; браги, квасы яблочные, медвяные, паточные, овсяный, ячный; воды брусничные, гонобобелевые, малиновые; морсы малиновый, черничный и т. п. Кроме напитков, на Сытном дворе сохранялись: виноград, арбузные и дынные полосы, яблоки свежие, яблоки в патоке, в сыте, в квасу, дули свежие¹¹², дули в сыти, сливы и вишни соленые, груши, анис, хмель, бадьян, кишинец, оливы, трава каприс, смокви, финики, рожки, орехи грецкие и т. п.

Вне Кремля, у Водовзводной башни, при впадении речки Неглинной в Москву-реку, стояла мельница; у Боровицких ворот, у моста, другая; у Троицких кремлевских ворот, или у Старого Каменного моста, третья. На этих трех мельницах молотось также царское жито. Один из прудов, здесь бывших, назывался Лебединым, потому что на нем плавали и береглись царские лебеди – первое кушанье того времени. У пруда стоял Лебединый двор.

Подле этого места один переулок и теперь носит название Лебязьего.

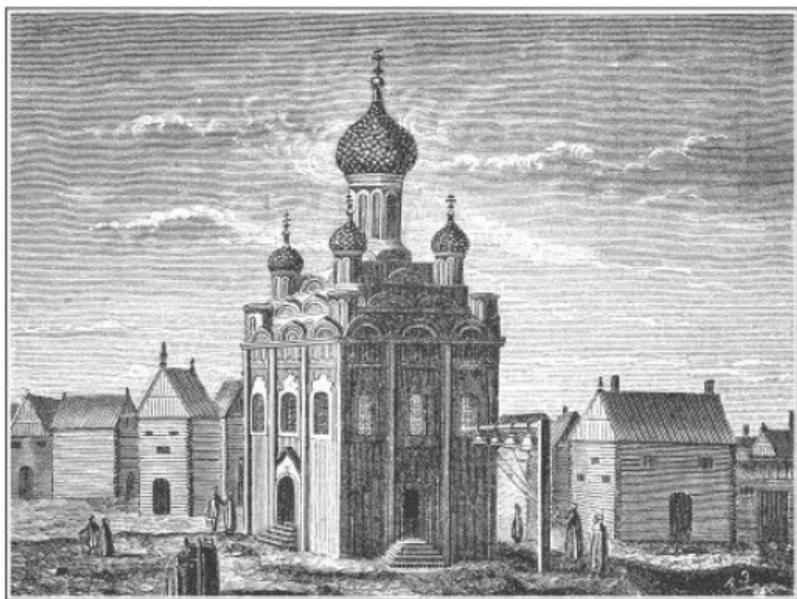
От теремной церкви Рождества Богородицы до Колымажных ворот верхние и средние палаты того же длинного корпуса занимал приказ Большого дворца. Наружная лестница к его палатам, выходявшая к Конюшенному дворцу, именовалась Дворцовой, также Каретною.

Колымажные ворота, прозывавшиеся также и Красными, а с конца XVIII ст. Гербовыми, или Гербовою башнею, по изображению на них разных гербов на изразцах и наверху орла с московским гербом, были построены именно в виде башни.

Напротив Колымажных ворот и приказа Большого дворца, вдоль Кремлевской стены, начиная от Боровицких ворот, где ныне здание Оружейной палаты, был расположен Конюшенный дворец.

Далее у Кремлевской же стены был расположен Потешный дворец, заключающий в себе рядом с палатами Конюшенного дворца две палаты поперечных (относительно стены).

Далее к востоку от этого корпуса высился Сретенский собор. Около церкви была крытая паперть. С южной стороны в соборе находился придел во имя Николая Чудотворца с особою трапезною. Собор был построен над проездными воротами, которые вели со двора от Спаса-на-Бору на Запасный двор.

Площадь в Москве в конце XVII в.

Этот Запасный двор, называвшийся в XVIII ст. Комиссариатским двором¹¹³, построенный, как упомянуто, царем Борисом Годуновым, в самой Кремлевской береговой горе, на взрубке,

состоял из двухэтажного каменного корпуса, стоявшего внизу под горою лицом к Кремлевской стене.

Впоследствии вместо хором здесь устроен был Верхний Набережный сад над лицевой стороной корпуса и над его одним крылом, стоявшим вблизи церкви Иоанна Предтечи и дворцовых Колымажных ворот, площадью 594 квадратных сажени. Сад был обнесен каменною оградю, украшенной каменными балясами, в которой было 109 окон, или пролетов.

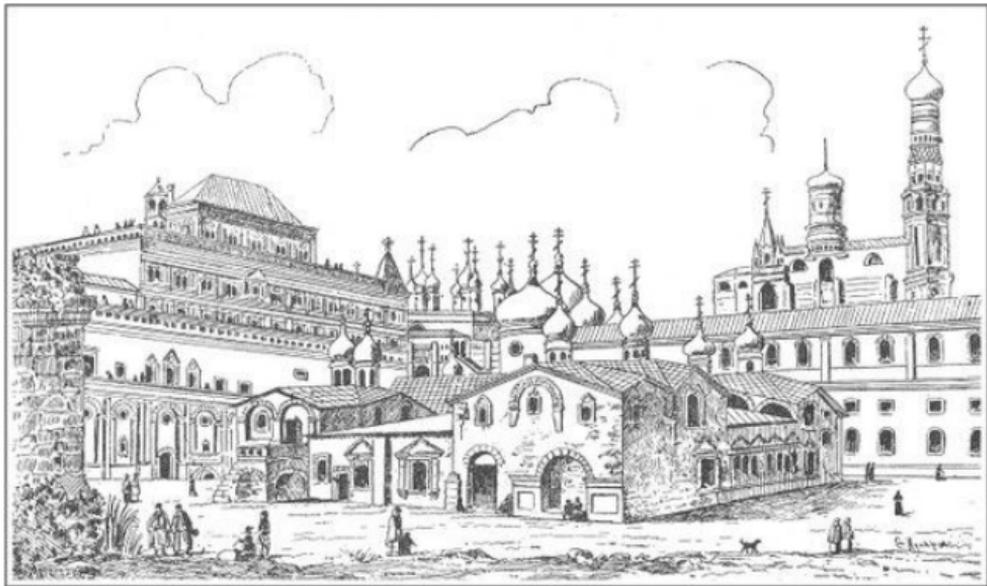
Возле этого Верхнего при царе Федоре Алексеевиче в 1681 г. был разведен Нижний Набережный сад, с набережной стороны Ответной и Столовой палат. Нижним этот сад стал прозываться, в отличие от Верхнего, потому что был расположен ниже Верхнего на целый этаж дворцовых зданий. Он находился в уровень с подклетными этажами дворца. От Сретенского собора в этот сад лестница состояла из 37 ступеней.

На царском дворе в XVII ст. было несколько верховых, т. е. хоромных, так сказать, комнатных, садов, которые все назывались крас-

ными, в смысле изящных, красивых как в отношении цветов и растений, которыми они были насажены, так особенно по внешней их уборке, по обыкновению весьма пестрой и узорочной. В старину сад составлял необходимую принадлежность каждого сколько-нибудь зажиточного или достаточного хозяйственного двора наравне с другими хозяйственными и домашними статьями. Не мудрено, что и в царском быту мы находим верховой комнатный сад при каждом особом отделении дворца или, точнее сказать, у каждого отдельного хозяйства в царской семье. Так, особые сады находились при комнатах государя, старших царевичей и больших, т. е. старших, и меньших царевен. Все верховые сады были расположены на каменных сводах, над палатами и погребями, почему их можно назвать висячими.

Спас-на-Бору. *С гравюры XVIII в.*

Известно, что на внутреннем дворе дворца, близ церкви Спаса-на-Бору, со стороны ее алтарей, находился особый сад, который расположен был возле Столовой избы и против

государевой Постельной комнаты. В этом саду в 1643 г., после кровопускания у царя Михаила Федоровича, хоронили в ямку его царскую руду (кровь). Это был один из самых старых верховых садов и, может быть, существовал еще при царе Иване Васильевиче Грозном, постельные хоромы которого находились тут же, позади Средней Золотой палаты.

В 1674 г. царь Алексей Михайлович, после всенародного объявления царевича Феодора, торжественно прошел с ним через этот сад в хоромы царицы Натальи Кирилловны мимо Царицыной Золотой палаты.

В 1681 г. этот сад вместе со Столовою избой был разобран и на том месте была выровнена площадь. Все садовое строение тогда было перенесено на набережное место за Ответную палату, где в тот год с апреля и был разведен новый Набережный сад, известный под именем Нижнего.

В 1685 г. упоминается о саде, что на верхних хоромах на Потешном дворе, который покрыт был тогда сетями, вероятно, для защиты деревьев от птиц.

Подле хором царицы Натальи Кирилловны и малолетнего царя Петра Алексеевича, как обозначено выше, находился также Комнатный сад. В 1682 г., в апреле, этот сад зашивали лубьем (досками) со стороны каменных портомойных палат до Потешной площадки, с которой в сад была сделана тогда же лестница. Эта Потешная площадка была устроена у комнат маленького Петра. На ней будущий преобразователь потешался воинскими играми с малыми ребятками, которые набраны были ему в товарищи. Здесь стоял потешный шатер и потешная изба, представлявшие, может быть, воинский стан; здесь же помещал-

ся потешный чулан, обнесенный балясами. Кроме этих построек, на площадке находился рундук с колодами, на которых ставили рогатки и стояли деревянные пушки на станках, или лафетах, полковых и волоковых, расписанных, как и самые пушки, красками и убранных оловянными каймами, клеймами, орлами и другою подобной оправой. Ядра, которыми стреляли из пушек, были обтянуты кожей.

В 1685 г. этот сад перестроен. Он назывался Новым Верховым каменным садом и помещался на каменных сводах. На покрытие площади для сада вышло около 640 пудов свинца, из которого водовзводного дела мастер Галактион Никитин лил доски, покрывал ими своды и прочно их запаивал. В апреле в это свинцовое вместилище наносили хорошо просеянной земли, глубиною на аршин с четвертью, для рассадки растений; сделали гряды и ящики для цветов; огородили весь сад решеткою с балясами и с прорезною дверью и расписали ее черленью (красною краскою). В 1687 г. сюда была проведена вода по свинцовым трубам и водовзводным ларям и устроен

прудок. В это время в саду росли уже царьградский орех, грецкие орехи и кусты *серебринников*¹¹⁴. К зиме их закрывали рядными рогожами и войлоками; орехи сидели в отрубях, или грунтах. Позже этот Красный Верхний сад принадлежал царевичу Алексею Петровичу, который жил здесь же, в отцовских хоромах.

Вообще, все верховые сады были разбиты на несколько цветников и гряд, между которыми шли дорожки для прогулок, обложенные не дерном, а досками, так что цветники и гряды находились, собственно, в ящиках. Кроме того, дорожки между кустами отделялись столбиками, в которые утверждены были грядки, то есть жерди, раскрашенные, вместе со столбиками, разными красками. Черная земля во все сады привозилась из замоскворецких Берсеневских садов и даже с мостов, то есть с деревянных бревенчатых мостовых тогдашних московских улиц, которые вообще изобиловали грязью и доставляли отличный чернозем. Из цветов здесь росли пионы махроватые и семенные, ко-

руны, тюльпаны, лилии белые и желтые, нарчица белая, розы алые, цветы венцы, мымрис, орлик, гвоздика душистая и репейчатая, филорожжи, касатис, калуфер, девичья красота, рута, фиалки лазоревые и желтые, пижма, иссоп и разные другие, которые росли не только в кремлевских, но и в загородных царских садах.

В летнее время во всех верховых садах висели клетки с канарейками, ракетками, соловьями и даже попугаями. Но любимая нашими предками и преимущественно садовая птица была пелепелка (перепелка). В 1867 г., при царе Алексее Михайловиче, в комнатном саду висело несколько клеток с пелепелками; сетки у этих клеток были шелковые. Такие же пелепелочные клетки висели и в Набережных садах.

Набережные сады были устроены наверху особых каменных двухэтажных зданий, стоявших на самом откосе Кремлевской береговой горы и опускавшихся своими фасадами на уровень Кремлевского Подола. Местность была очень привлекательная по широте обзора и красоте видов на всю Замоскворецкую

сторону Москвы.

Нижний Набережный сад был устроен из старого сада в 1681 г. Каменное здание, над которым стали разводить этот сад, тогда же было укреплено со стороны Тайницких ворот каменным быком (контрфорсом). Сам сад был огорожен с Набережной стороны каменной стеной с окошками, а с внутренней стороны – решеткой. В окна также были вставлены решетины. На углу от Тайницких ворот была построена круглая башня и возле нее четыре палаты. В саду был устроен пруд и водовзводный чердак (род беседки). Для цветников сделаны творила¹¹⁵, столбики, репья, причелины.

В одно время с Нижним садом устраивался и украшался и Верхний сад. В 1681 г. в нем устроен был пруд, длиною около 5, шириною около 4 сажений, глубиною в 2 аршина, для чего все место для пруда, как равно и под садом, было выложено свинцовыми досками. Вода в пруд была проведена при помощи свинцовых же труб из Водовзводной кремлевской башни, для чего в саду был построен водовзводный чердак. О местоположении этого пруда и устройстве Верхнего сада мы упоми-

нали выше.

Этот пруд особенно достопамятен потому, что он был, кажется, самым первоначальным поприщем потешного мореходства для малолетнего царя Петра, который плавал здесь в лодках и комягах¹¹⁶, в потешных *карбасах*¹¹⁷ и *шняках*¹¹⁸. В июне 1682 г. плотники делали на этот пруд лодки и тесали тес на изготовление карбаса, а в 1683 г. сюда же сделаны были два потешные карбаса и потешная шняка с чердаками, или беседками, узорочно украшенные резьбою и расписанные красками. В 1684 г. эти потешные суда были починены и вновь куплены у торговых людей. В последующие годы те же потешные карбасы, шняки, суды и стружки появились уже в Преображенском на Яузе и в Измайлове на тамошних прудах.

Потешный дворец со двора

В последующие годы Набережные сады всегда поддерживались в должном порядке, заботливо обстраивались и обновлялись. В 1687 г. возобновлена и приведена в лучшее устройство Водовзводная часть садоводства, для чего у Верхнего сада была выстроена осо-

бая водовзводная башня, передававшая воду в сады из Кремлевской башни. Верх ее был украшен часами, а в середине помещалась машина. В 1691 г. оба сада обнесены новыми решетками на столбах с дугами и балясами. Быть может, в эти же годы в садах были построены и Оранжерейные палаты, по шести в каждом саду, которые существовали до пожара 1737 г. Они отапливались муравленными изразцовыми печами и в летнее время от птиц защищались медными сетками.

Что касается растений, которыми были насажены оба Набережные сада, то должно за-

метить вообще, что старинные наши сады по преимуществу были плодовые, а потому и в Набережных садах, кроме цветов и трав, также большей частью полезных для снеди или лекарственных, собственно аптекарских, росли только плодовые деревья и кусты. В 1682 г. здесь рос виноград и посеяны были арбузы.

В заключение этого обозрения верховых садов должно упомянуть, что цари вообще любили садоводство, которое занимало самое видное место в их домашнем хозяйстве. Все садовое *слетье*¹¹⁹ верховых и Аптекарских садов подавалось для государева обихода в кушанье. Из всех остальных садов, московских и городовых, часть поступала также на обиход государя, а остальное продавалось.

Церковь Спас-на-Бору

При обозрении верховых садов мы упоминали о прудах, которые наполнялись водою посредством водовзводной машины, устроенной еще при царе Михаиле Федоровиче, в 1633 г. англич. Галовеем в Наугольной Кремлевской башне, от Боровицких ворот, называвшейся прежде Свибловой, а с того времени получившей название Водовзводной. В нижнем этаже этой башни находился белокаменный колодец с трубою, проведенной из Москвы-реки, из которого вода поднималась лошадьми в верхний колодец, выложенный свинцом. Отсюда уже вода проходила свинцовыми трубами в водовзводную палатку, стоящую подле Старого Денежного двора, у Верхнего Набережного сада. Из палатки вода шла, также свинцовыми трубами, лежавшими в земле, по разным направлениям, в верховые сады, на Сытный, Кормовой, Хлебный, Конюшенный и Потешный дворцы, на поварни и в разные приспешные палаты, в которых находились особые водоемы, водовзводные лари, выложенные также свинцом

и опаянные английским оловом. Водовзводная машина, по свидетельству иностранцев, стоила несколько бочонков золота. Все водовзводное дело с починкою свинцовых труб и разных снастей отдавалось на подряд за 200 рублей на год. С 1683 г. подрядчиком был водовзводного дела работник Галактион Никитин.

Дополним сведения о Конюшенном и Потешном дворцах.

От Боровицких ворот, возле Кремлевской стены, в гору, как было упомянуто, тянулось здание дворца Конюшенного, или Аргамачьих конюшен, в которых стояли государева седла аргамаки¹²⁰, жеребцы, лошади, мерины, иноходцы. Здесь же была и санниковая конюшня, на которой стояли санники, каретные и колымажные возники, т. е. упряжные лошади, ходившие в санях и колымагах. Число лошадей на этой царской конюшне достигало 150. Летом большую часть их отводили в Остожье, или на государев *Остоженный* двор, находившийся недалеко от Зачатейского монастыря, в Москве. От него осталось теперь

только одно название улицы Остоженки. Отсюда лошадей выгоняли каждый день на обширные в то время москворецкие луга, под Новодевичьим монастырем, где они и паслись под надзором стадных конюхов. Ворота Конюшенного дворца находились прямо напротив Красных, или Колымажных, ворот царского дворца. Они были украшены высокой башней, в которой находились часы. Сами Колымажные ворота названы так потому, что возле них находились сараи с царскими колымагами и разными другими экипажами.

Возле Конюшенного дворца стоял Потешный дворец, бывший двор царского тестя И. Д. Милославского. При нем была церковь Похвалы Богородицы с приделами, мерою и с алтарями. Кроме «комидейных действий», которые здесь были даны в первый раз, о чем мы упоминали, на Потешном дворе устраивались также и старинные русские потехи, например скатные горы, обыкновенная масленичная потеха. При Петре здесь же в особой палате бывал съезд к славленью, на известные потехи во время Рождественских праздников. Впрочем, к концу XVII ст. Потешный дворец

приобрел значение собственно дворца, потому что после смерти царя Федора, при разделении царской семьи на несколько особых партий по родству, этот дворец, удаленный от главного помещения фамилии, возле Терема, послужил весьма приличным отделением для помещения царевен и вдовствующих цариц. С этой целью он был значительно расширен новыми пристройками и великолепно украшен как внутри, так и снаружи. В XVIII ст., когда все другие здания Кремлевского дворца обветшали, только он один служил наиболее удобным жилищем для императриц Анны и Елизаветы во время их приездов к коронации и оставался со значением дворца до конца XVIII ст. В 1806 г. он был отдан для помещения коменданта.

Кстати, сообщим несколько подробностей о башенных часах, которые были совершенно необходимы во дворце из-за многочисленности живших и работавших там должностных лиц, крупных и мелких, обязанных или явиться, или приготовить что ко времени, к назначенному часу. Употребление карманных, или *зепных*, часов в то время было весь-

ма незначительно, частью по их редкости и дороговизне, потому что русского часового производства почти не существовало и русские мастера карманных часов были такой же редкостью, как и самые часы русского производства; а к тому же и немецкие часы, которые все-таки достать было легче, хоть и задорого, по своему разделению времени не соответствовали русским и, следовательно, были неудобны для употребления. Русские часы делили сутки на часы дневные и на часы ночные, в зависимости от восхода и заката солнца, так что в минуту восхода на русских часах бил первый час дня, а при закате – первый час ночи, поэтому почти каждые две недели количество дневных часов, а также и ночных постепенно изменялось следующим образом, как записано в тогдашних святцах.

В начале сентября, с которого начинался тогдашний новый год, именно с 8 числа, било 12 часов дня и 12 часов ночи; с 24 сентября 11 ч. дня и 13 ч. ночи; с 10 октября 10 ч. дня и 14 ч. ночи; с 26 октября 9 ч. дня и 15 ч. ночи; с 11 ноября 8 ч. дня и 16 ч. ночи; с 27 ноября

7 ч. дня и 17 ч. ночи. В декабре (12 числа) был возврат Солнцу на лето, и потому часы оставались те же. Затем с 1 января било 8 часов дня и 16 ночи; с 17 января 9 ч. дня и 15 ч. ночи; со 2 февраля 10 ч. дня и 14 ч. ночи; с 18 февраля 11 ч. дня и 13 ч. ночи; с 6 марта 12 ч. дня и 12 ч. ночи; с 22 марта 13 ч. дня и 11 ч. ночи; с 7 апреля 14 ч. дня и 10 ч. ночи; с 23 апреля 15 ч. дня и 9 ч. ночи; с 9 мая 16 ч. дня и 8 ч. ночи; с 25 мая 17 ч. дня и 7 ч. ночи. В июне, 12 числа, возврат солнцу на зиму – часы оставались те же, что и с 25 мая. С 6 июля било 16 ч. дня и 8 ч. ночи; с 22 июля 15 ч. дня и 9 ч. ночи; с 7 августа 14 ч. дня и 10 ч. ночи; с 23 августа 13 ч. дня и 11 ч. ночи.

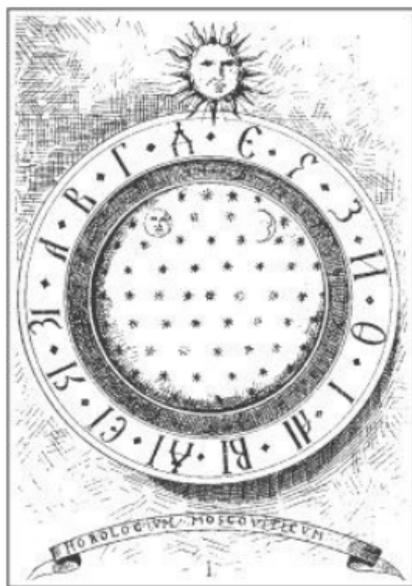
По такому разделению суток и устраивались наши старинные часы именно в Московской стороне, потому что существовала, например, разница между часами московскими и новгородскими, как замечено и летописцем. Так, в 1551 г., 9 мая, ночью случился пожар в Новгородском Юрьеве монастыре: летописец замечает, что загорелось «в третий час нощи по московским часам, а по новгород-

ским часам – на шестом часе на ноцном». Новгородские часы, по этому свидетельству, по-видимому, делили сутки пополам, на две равные части, по 12 часов в каждой, считая первый час также с восхождения Солнца.

Спасские ворота

За редкостью и дороговизной карманных часов, как мы упомянули, в большом употреблении были часы башенные, составлявшие общее достояние жителей каждого города и почти каждого монастыря, потому что и монастыри, особенно удаленные от городов, всегда строили для себя такие же часы.

Старинные часы (или часомеры, как их называли в России в XVI и XVII вв.)

Мы уже знаем, что во дворце московских князей часы были поставлены еще в 1404 г. С

распространением города и особенно Большого посада, впоследствии Китай-города, где сосредоточивалась торговля и всякого рода промышленность и где, следовательно, знать время для всякого было необходимою, потребовалось устроить часы и на пользу всех обывателей. Вероятно, прежде всего такие, собственно городские, часы были поставлены на Спасских, или Фроловских, воротах, на самом видном месте для торговых и промышленных людей. А так как Кремль построен треугольником, то весьма удобно было и с других двух сторон открыть городу показание времени, тем более что в этом очень нуждался и дворец государев, назначавший всему час и время, когда приезжать видеть пресветлые очи государевы, когда собираться в Думу, на выход, на обед, на потеху и т. д. Кроме того, расположенные таким образом башенные часы с большим удобством показывали время и для всех служб и должностей обширного дворца. Действительно, в конце XVI ст. в 1585 г., башенные часы стояли уже на трех воротах Кремля, с трех его сторон: на Фроловских, или Спасских, на Ризположенских, ныне Троиц-

ких, и на Водяных, что против Тайника, или Тайницких.

Часы стояли в деревянных шатрах или башнях, специально для этой цели достроенных на воротах. При каждом часе находился особый часовник, а при Ризположенских даже двое, которые наблюдали за исправностью и починками механики. В начале XVII ст. упоминаются часы и на Никольских воротах. В 1624 г. старые боевые часы Спасских ворот были проданы на вес Спасскому Ярославскому монастырю, а вместо них построены новые, в 1625 г., англичанином Христофором Галовеем, который для этих часов тогда же выстроил над воротами вместо деревянного высокий каменный шатер в готическом вкусе, украшающий ворота и до сих пор. При этом русский колокольный литец Кирило Самойлов слил к часам 13 колоколов. Часы, следовательно, были с перечаем, или с музыкой.

Мы не знаем, какой конструкции была механика этих часов. *Указные*, или *узнатные*, круги или колеса, т. е. циферблаты, устраивались только с двух сторон, одно в Кремль, другое в город, и состояли из дубовых связей,

разборных на чеках, укрепленных железными обручами. Каждое колесо весило около 25 пудов. Средина колеса покрывалась голубою краскою, лазорью, а по ней раскидывались золотые и серебряные звезды с двумя изображениями Солнца и Луны. Очевидно, что это украшение изображало небо. Вокруг в кайме располагались указные слова, т. е. славянские цифры, медные, густо вызолоченные, всего 24, между ними помещались полчасные звезды, посеребренные. Указные слова на Спасских часах были мерою в аршин, а на Троицких – в 10 вершков. Так как в этих часах вместо стрелки оборачивался сам циферблат, или указное колесо, то вверху утверждался неподвижный луч, или звезда с лучом вроде стрелки, притом с изображением Солнца.

Красная площадь

Трое кремлевских башенных часов одинаково принадлежали как царскому дворцу, так и всей Москве. К тому же и поддержка их, поправка и починка, а также содержание часовщиков производились не из Земского или какого-то другого приказа, а из царской казны,

из Казенного приказа. Существование этих часов устраняло необходимость строить часы во дворце, потому что, например, часы Троицких ворот стояли возле всех служб дворца: где чаще всего необходимо было знать время и где, следовательно, его всякий сразу же узнавал без особого затруднения. Впрочем, двое часов находились и в зданиях дворца, одни в башне Набережного сада, другие в башне Ко-

нюшенного дворца, о чем мы упоминали.

С XVIII ст. старинные русские часы вышли из употребления. Перестройка их на немецкий лад началась тоже со Спасской башни. В 1705 г. по указу Петра Спасские часы переделаны, «против немецкого обыкновения, на 12 часов», для чего еще в 1704 г. он выписал из Голландии боевые часы с курантами за 42 474 рубля. Часы эти были «с танцами, против маюра, каковы в Амстердаме». Ставил их в 1705–1709 гг. часовой мастер Еким Гарнов (Carnault).

Ф. Алексеев. Вид в Кремле у Спасских ворот. 1800-е гг.

Оканчивая краткую историю башенных часов города Кремля, мы должны упомянуть и о набатах, или особых набатных колоколах, которые находились на тех же трех башнях, где помещались и часы, и посредством которых делалась тревожная повестка на случай пожара. Особым указом 6 января 1668 г. определен был даже и способ, как звонить в эти кремлевские набаты: если загорится в Кремле, указано бить во все три набата в оба края, поскорю; если загорится в Китай-городе – бить в один Спасский набат (у Спасских ворот) в один край, скоро же. Для Белого города – бить в Спасский в оба края и в набат, что на Троицком мосту (у Троицких ворот), в оба же края потише. Для Земляного города – бить в набат на Тайницкой башне тихим обычаем, причем указывалось вообще: бить развалом с расстановкою.

С наступлением XVIII века Кремлевский дворец был покинут вместе со всей стариной царской жизни.

Петр оставил дворец еще отроком, вскоре после первого бунта стрельцов. Он переселился тогда со своими потехами в Преображенское, которое с того времени сделалось его резиденцией. В Кремль он приезжал редко, большей частью только по необходимости присутствовать при приеме иноземного посла или на царских праздниках и панихидах и при совершении торжественных церковных обрядов, чего неизменно требовало общее мнение века. Впрочем, и эти приезды год от году становились реже. Сначала от старой обрядности Петра отвлекали его потехи, а потом походы из Москвы по корабельному делу и под Азов, а затем путешествие за границу.

А. Васнецов. Москва в конце XVII ст. На расвете у Воскресенских ворот. 1900 г.

Во время своих приездов во дворец Петр останавливался обычно в старых хоромах своей матери, построенных при царе Федоре, на внутреннем дворе. Там, в домово́й церкви Петра и Павла, он слушал и церковные службы во время празднеств и очень редко делал

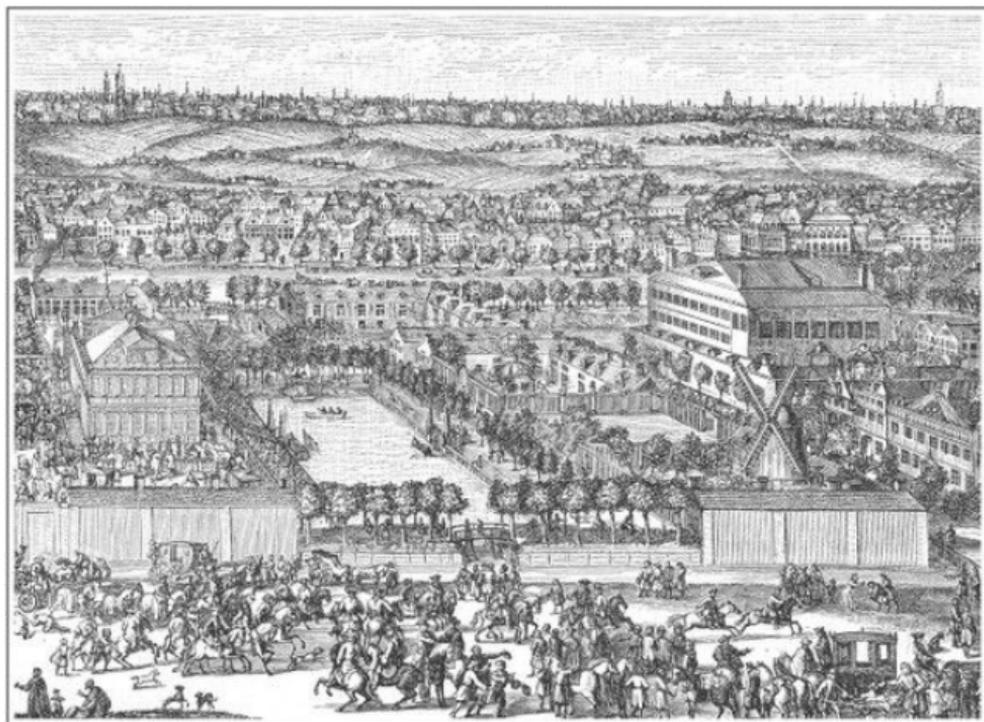

обычные выходы по соборам.

Точным исполнителем старинных обрядов оставался до своей кончины богомольный брат Петра, царь Иван Алексеевич, живший постоянно в Кремле вместе с царицами и царевнами, которых тогдашние события оставляли еще в покое доживать свой век.

Шведская война, начавшаяся с первых лет XVIII ст., окончательно выселила Петра не

только из дворца, но и из самой Москвы. С этого времени дворец был совсем покинут, так что церемониальные выезды царя в Москву, совершаемые в ознаменование славных баталий, направлялись уже не в Кремль, в Спасские ворота, как бы следовало ожидать, а мимо, в новую резиденцию, в село Преображенское, или в Преображенск, как иногда называли эту столицу преобразований.

Немецкая слобода в Москве в начале XVIII

В.

Там всегда происходило и триумфование, т. е. победные пиры и увеселения. Старый же дворец, построенный еще отцом Петра, находился на этой стороне Яузы, недалеко от моста, подле Сокольничьей рощи, там именно, где и теперь еще остается колодец, бывший некогда дворцовым. Здесь же, на небольшом островке Яузы, стояла знаменитая потешная крепостца Презбурх, иначе Прешпур, первый городок, взятый малолетним Петром с бою. Впоследствии из Преображенска Петр переселился в Немецкую слободу, в Слободской дом, выстроенный сначала для Лефорта, а потом сделавшийся Лефортовским дворцом, напротив которого, на той стороне Яузы, на высоком берегу, стоял дом Головина, послуживший основанием другому дворцу Головинскому (ныне 1-й Кадетский корпус). Эти два дворца в течение всего XVIII ст. составляли местопребывание Императорского двора во время «высочайших присутствий» в Москве.

В Кремлевском дворце, в разных его хозяйственных отделах, великий преобразователь

разместил некоторые из своих новоучрежденных коллегий. Так, в палатах возле Предтеченской церкви, у Боровицких ворот, помещена была Ратуша, или Земская канцелярия, и Главный Магистрат; в длинном корпусе Кормового и Хлебного дворцов – Камер-коллегия, Соляная контора, Военная коллегия, Мундирная канцелярия, Походная канцелярия. Конюшенный дворец отдан был под склады сукон и мундира, амуниции от Мундирной канцелярии и т. д., всего эти разные ведомства заняли 59 палат. Бывшие приемные палаты и жилые здания дворца оставались незанятыми и мало-помалу ветшали и разрушались. Время от времени в них происходили совсем иные, до тех пор невозможные торжества и обряды. В Грановитой палате, расписанной «бытейским» письмом, вместо прежних торжественных посольских приемов теперь, как в весьма удобном пустом помещении, устраивались комедии и диологии. В 1702 г. по случаю свадьбы шута Филата (Ивана) Шанского, в палате была устроена «Диология»; а в 1704 г., по случаю свадьбы другого шута, Ивана Кокошкина, была устрое-

на «Комедия» на счет Монастырского приказа, для чего с Казенного двора было отпущено (в январе) 150 арш. тафты василькового цвета. Устраивал комедию префект Латинских школ и учитель философии иеромонах Иосиф. Вероятно, при устройстве этих комедий была забелена известью уже ветхая стенопись палаты. Наконец, преобразователь обратил внимание на возраставшее запустение дворца и в феврале 1713 г. повелел

«на его Государеве Даворе церковное и дворовое и хоромное каменное строение и площади и под ними своды и стены и столпы и где что худо и довелось починить или, разобрав, сделать вновь, — осмотреть и описать архитектору Григорью Устинову с подмастерьями шменных дел».

Осмотр обнаружил, что во многих зданиях, в разных палатах, особенно в погребках и ледниках, а также под переходами и площадками стены и своды и столпы после бывшего пожара местами осыпались или обвалились, в иных местах показались расселины. Все это, однако, требовало только мелочной починки,

на которую по смете и было назначено 6618 руб.

В мае 1722 г. последовал новый указ государя уже из Военной коллегии, по которому

«велено в Москве в Кремле-городе Его Величества Дом, тако ж и Конюшенный Двор, осмотря, описать имянно: вначале св. церкви, потом жилые и пустые покои и сколько в том числе жилых и пустых, и сколько целых и пустых полат и погребов, и что обветшалых, и какой починки требуют, – и ту опись подать в Государственную Военную Коллегию».

На этот раз осмотр производил строитель Цейхгауза (Арсенала) архитектор Христофор Кондрат с поручиком Иваном Аничковым. Они работали почти целый год и представили опись в декабре того же 1722 г. Опись в подробности засвидетельствовала давнишнее и полнейшее запустение и обветшание всех дворцовых зданий.

Кровли на всех приемных палатах были уже простые тесовые, отчасти гонтовые или драничные, и те все погнили и обвалились.

Покои Теремного дворца стояли без дверей, без оконниц, без полов. Все оставалось как после пожара 1701 г.: деревянное сторело, а каменное, например, резьба, золоченье, стенопись, — было попорчено огнем и частично обвалилось. Повсюду палаты стояли без дверей и оконниц, без полов и без всякого внутреннего наряда, в иных местах с обвалившимися сводами, в иных отделениях совсем не покрытые никакою кровлею, как стояли, например, государевы покои, находившиеся возле Куретных ворот и Светлицы. Очень немногие помещения были восстановлены для жилья служителям или для сохранения каких-либо казенных вещей и припасов. Весь дворец требовал бесчисленных переделок и исправлений. Расход на это дело по смете выведен был в 52 899 рублей. Такую сумму невозможно было достать в то время. Везде деньги были нужны на прямые и неотложные государственные нужды, а здесь требовался немалый расход на возобновление теперь никому не надобной обширной ветхости, которая была уже давно осуждена на уничтожение новым порядком русской жизни.

Как оказывалось, заботы Петра в этом случае ограничивались только устройством некоторых главнейших зданий для задуманной им коронации императрицы Екатерины. Для этой цели именованным указом в начале 1723 г. он повелел

«к коронации Ее Величества в Москве Грановитую и Столовую, также и Мастерские палаты (*в Теремном дворце*) и прочие к тому принадлежащие строения совсем вычинить и исправить так, чтоб в оном, могло, великая публика чинно исправиться».

Издержки на это повелено было употребить из сумм, назначенных на строение Цейхгауза (Арсенала). Тогда покрыты были новыми кровлями Благовещенский и Архангельский соборы и отреставрированы Грановитая и Столовая палаты для церемоний и Мастерские палаты – для пребывания в них государя и императрицы. На все переделки было израсходовано около 15 000 рублей. Как известно, коронавание императрицы совершилось с большим торжеством 7 мая 1724 г. Десять дней продолжались празднества и за

Москвой-рекой, напротив Кремля, на Царицыном лугу, где зажигали великолепные фейерверки.

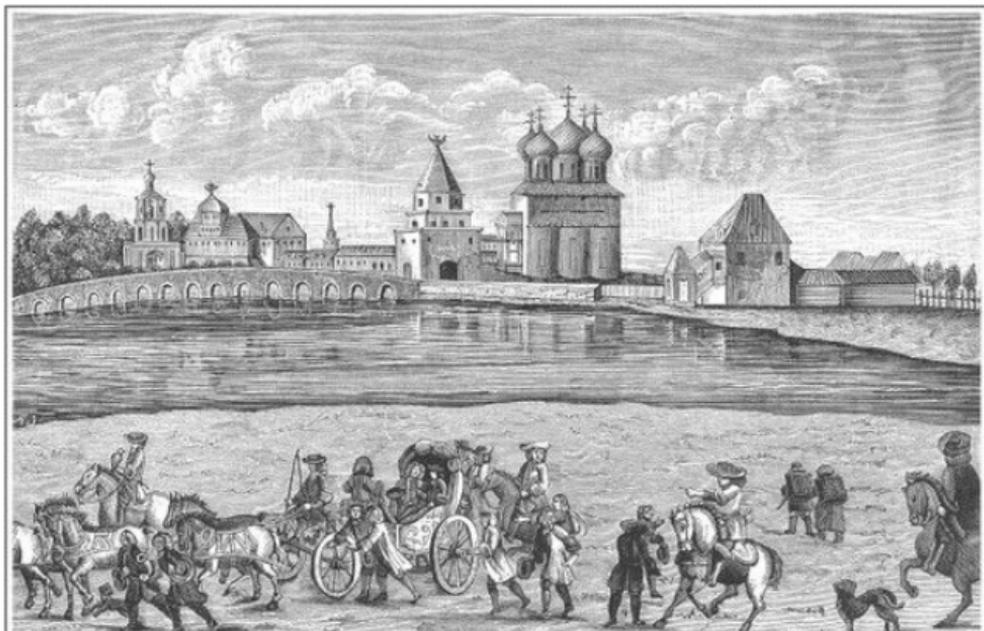
Петр выехал из Москвы 16 июня. Дворец был оставлен по-прежнему на запустение и разрушение. Жить в нем было невозможно. Двор во время приездов в Москву, как мы сказали, пребывал обычно в Летнем (Головинском) дворце на Яузе, об устройстве которого так заботился и сам Петр, его основатель.

Изредка и весьма на короткое время императрицы постанавливались и в Кремлевском дворце, а именно в Потешном дворце, здание которого было еще не слишком запущено. Почти при каждой новой коронации возникала мысль основать пребывание в Кремле. Своей красотой и оригинальными постройками место, без всякого сомнения, очень привлекало каждого нового хозяина. Но как только заканчивались церемонии и пиры, все уезжали в Петербург – и о Москве, и о Кремле забывали по-прежнему до нового приезда. Впрочем, весьма трудно было что-либо и сделать из этих уютных, тесных и беспорядочных строений, стоявших вразброс, где попало, и своим

своеобразием приводивших в совершенный тупик петербургские привычки и потребности новой жизни. Вдобавок здания ветшали с каждым годом. Поправка их стоила дорого и с каждым годом становилась еще дороже. Денег жалели, потому что видели мало пользы в возобновлении дворца, в котором жить все-таки было нельзя. Ко времени коронаций возобновляли только некоторые части, наиболее видные и необходимые для совершения церемоний, а именно Грановитую, Столовую, Малую Золотую палаты и Терем.

Императрица Анна, приехав в Москву в 1730 г, остановилась сначала в Кремле в Потешном дворце; но, вероятно, из-за неудобства помещения, она вскоре велела выстроить для себя новый деревянный дворец где-то возле Арсенала, который и назван был *Аннингофом*. Лето она провела в Измайлове, принадлежавшем ее матери, царице Прасковье¹²¹. Между тем дворец Аннингоф в Кремле был окончен. Выстроенный по проекту известного в то время архитектора графа де Растрелли, он был, по отзыву современников, весьма красив и убран великолепно. Осенью 28 ок-

тября, императрица переехала в него на жилье. Однако ж к лету она выстроила себе другой Аннингоф, на Яузе, подле Головинского дома. Там она прожила до возвращения в Петербург и с тех пор там же основала свое пребывание. В 1736 г. туда перенесен был и кремлевский Аннингоф, названный Зимним, в отличие от тамошнего, который был Летним. Впрочем, название яузских дворцов Аннингофом употреблялось, кажется, только в официальных бумагах и, может быть, между придворными. Москвичи по-прежнему называли их Головинским дворцом.

Село Измайлово в XVIII в.

В 1737 г., мая 29-го, Москву опустошил страшный пожар, от которого значительно потерпел и Кремлевский дворец. Кровли на всех церквях и почти на всех зданиях, на Грановитой, Столовой, Ответной и др. палатах сгорели; в том числе над Красным крыльцом медная кровля, крытая по железным связям и по дереву, сгорела и обвалилась. Сгорели Верхний и Нижний Набережные сады. Сгорел также большой корпус Главной дворцовой канцелярии, прежний приказ Большого дворца, стоявший между Колымажными воротами и Рождественским собором, причем большей частью погиб и Архив. Это невосполнимая во всех отношениях утрата для истории царского быта, и особенно для истории древних художеств и ремесел, деятельность которых в XVI и XVII ст. была очень распространена во дворце. Кроме того, и в других палатах вместе с делами с 1700 г. сгорели, без сомнения, весьма любопытные бумаги, принадлежавшие Меншикову и Долгоруким, а также Походной канцелярии Петра.

К новой коронации, при императрице Елизавете, точно так же оказалось, что в московских дворцах из-за их неустроенности нельзя было жить, и не только в Кремлевском, но даже в Головинском и Лефортовском. В декабре 1741 г. был дан указ привести их «в совершенное состояние, как можно б было в них жить». Тотчас же начались работы, которые продолжались даже по ночам, и через два с половиной месяца, к концу февраля 1742 г., дворцы были готовы. Приехав в Москву, императрица остановилась в Потешном дворце, где находилась и Аудиенц-камера. Но Кремлевский дворец все-таки не представлял удобств для постоянного пребывания, и императрица вскоре переселилась на Язу в Зимний дом, а двор – в Лефортовский дворец. В другой приезд, в 1744 г., она также прожила несколько времени в Потешном дворце.

Желая устроить в Кремле более удобное жилище, Елизавета поручила обер-архитектору Растрелли «для строения того дому усмотреть другое место, и чтоб дому быть каменному, а не деревянному». Решено было выстроить дворец на месте Средней Золотой, Столо-

вой и Набережных палат, возле Благовещенского собора. В 1753 г. было построено новое здание в растреллиевском вкусе и названо Кремлевским Зимним дворцом. Этот дворец, состоящий из двух корпусов, малого и большого, впоследствии несколько раз переделывался, обстраивался и распространялся новыми покоями и сломан был уже по случаю постройки теперешнего нового дворца. Между тем другие части дворца все более и более ветшали без починки и поддержки. Такое состояние зданий, особенно тех, которые были вовсе брошены, внушало опасения; следовало, по крайней мере, предотвратить их внезапное разрушение.

С этой целью императрица велела 4 января 1753 г. осмотреть фундамент и погреба под Кремлевским домом. Архитекторы князь Ухтомский и Евлашев 1 мая 1753 г. подали подробные планы всех построек с изложением своих мнений, которыми между прочим объясняли, что «некоторые покои, кои состоят за Золотую решеткою (подле бывшего Патриаршего двора и Троицкого подворья), и площадки и под ними погреба так обветшали и боль-

шею частью обвалились, что и для осмотров в те места войти невозможно, и что оные места надлежит разобрать до самых нижних фундаментов, для осторожности других покоев, по близости к тем ветхим местам, ибо от оных и тем покоям причиняется вред, понеже строением так затемнено, что в нижние апартаменты и воздух проходить не может». Все это подтвердил и сам обер-архитектор Расстрелли, проверявший осмотр Ухтомского и Евлашева. Он сообщил между прочим, что в «оном Кремлевском дворце всех покоев и с погребями находится до тысячи номеров и немалое число открытых площадок или галерей».

Тогда же было назначено разобрать самый обветшавший и совсем почти развалившийся корпус, примыкавший к прежнему Патриаршему двору и к Троицкому подворью, где были некогда хоромы царевен, также нижние каменные этажи хором царицы Натальи Кирилловны и малолетнего Петра, с домовою церковью Петра и Павла. Эти здания, построенные в конце XVII ст., следовательно, гораздо позднее других, так потерпели от пожаров

1696 и 1701 гг., что не простояли и 60 лет, между тем как другие отделения дворца, а именно Теремный и Потешный дворцы, уцелели, несмотря на переделки и перестройки, весьма часто портившие их своды и стены.

Таким образом, с половины XVIII ст. старый Кремлевский дворец стал понемногу разбираться. Особенному запущению и обветшанию некоторых его частей способствовало и то, что в нем помещены были разные коллегии, канцелярии и комиссии. Еще при Петре было отдано под эти присутствия 59 палат. Почти каждая коллегия переехала не только со своими архивами, чиновниками, сторожами, разного рода просителями, наполнявшими в течение дня занимаемые ею палаты, но перевезла с собою и своих колодников¹²², которые и проживали, без сомнения, в течение многих месяцев и лет в дворцовых каменных подклетах. Все это увеличивало нечистоту, грязь, преждевременно разрушавшие древние здания.

Императрица Елизавета Петровна

Следует также напомнить, что находивши-

еся в Кремле старые приказы, огромный корпус которых тянулся по окраине Кремлевской горы от Архангельского собора почти до Спас-

ских ворот, как и новоучрежденные коллегии, помещенные во дворце, вызвали потребность в питейном доме, который, неизвестно в какое время, явился в самом Кремле, под горою, у Тайницких ворот. Кабак этот именовался *Каток*, вероятно, по крутизне схода к нему из приказов. Он существовал, можно сказать, втихомолку, несколько лет, пока не был замечен в 1733 г. императрицею Анною, которая 15 февраля того ж года повелела:

«Из Кремля вывезть его немедленно вон и построить в Белом или в Земляном городе, в удобном месте, где надлежит, и что со онога кабака в сборе бывало, чтоб то ж число и там толика я ж сумма сбиралась, где оной кабак построен будет, и для того *(т. е. для сохранения количества сбора)*, вместо того одного кабака, хотя, по усмотрению, прибавить несколько кабаков, где надлежит, а в Кремле отнюдь бы его не было».

Таким образом, удалено было от дворца одно из безобразий, какие завели было себе кремлевские подьячие. Остальные, т. е. все то, с чем сопряжено было пребывание в Кремле

тогдашней коллегии или приказа, существовали еще долго, потому что в Москве, кроме дворца, не было более удобного помещения для этих коллегий и канцелярий.

Императрица Екатерина II, приехав в Москву короноваться, остановилась в новостроенном Елизаветинском, или Растреллиевском, дворце, а наследник Павел Петрович – в Потешном дворце. По этому случаю для размещения придворных некоторые канцелярии были выведены в наемные дома. Кремлевская старина так понравилась императрице, что тотчас после торжества коронации, а именно 6 октября 1762 г., она через Бецкого повелела «Кремлевский дворец с всеми принадлежностями, а паче старинного строения не переменяя ни в чем, содержать всегда в надлежащей исправности».

Екатерина велела (1 февраля 1764 г.)

«при Кремлевском дворце, на месте, где На.бережный сад, построить для Ее Величества покой, того ради определено, архитекторам Бланку и Жеребцову, осмотра, учинить прожекты, каким наилучшим образом, на старых ли

фундаментах с прибавлением, или вновь построить, изыскав, в минование напрасного убытка, все способы».

Этот покой действительно был построен возле Сретенского собора, вероятно, из какой-либо старой палаты, потому что он был со сводами и при нем были построены две галереи, Дамская и Кавалерская, и сам собор был убран как домовый храм для этого помещения.

Ф. Рокотов.

Императрица Екатерина Алексеевна.

1763 г. Фрагмент

В комнате, или покое ее величества, стены были обиты зеленым штофом, а пол зеленым сукном. В Дамской стены и пол, а в Кавалерской одни стены были обиты красным российским сукном. Также красным сукном был убран и Сретенский собор; в нем было поставлено и место ее величества, обитое малиновым бархатом и золотым галуном. В таком виде этот покой с галереями существовал в 1769 г., когда уже готовились строить известный огромный Баженковский дворец, оста-

вивший на память о себе только проектированные планы и модель. Совершена была даже и закладка этого чуда-дворца; но построй-

ка его окончилась только разрушением нескольких древних зданий.

В это время (1767—1770) разобран был Запасный двор, наверху которого помещались прежде Набережные сады, с примыкавшими к нему башнями и другими строениями, также Житный двор, здание Старого Денежного двора, за Сретенским собором, и длинный корпус старинных приказов, тянувшийся по горе от соборов к Спасским воротам.

Московский Кремль в начале XVIII ст.
С гравюры Бликланда XVIII в.

Уезжая из Москвы после коронации, импе-

ратрица приказала перестроить Кремлевский Растреллиевский дворец, а все покои, кроме тех, в которых она останавливалась, и кроме Грановитой палаты, отдать, как и прежде, под коллегии и канцелярии и прочие места. Присутственные места оставались во дворце до тех лет, когда для них было построено в Кремле архитектором Казаковым отдельное великолепное здание.

Когда начальником дворцового ведомства сделался Валуев П. С., Кремль, по его словам, был в ветхом и запущенном состоянии.

«Внутри кремлевских стен была нечистота великая, особенно в зданиях Сената., под соборами *(дворцовыми)* Сре-тенским и Рождественским, около бывшего Дворянского банка и Оружейной конторы *(все в зданиях дворца)* и даже во дворце. Во многих местах ветхое, обвалившиеся здания представляли неприятный вид; при пустых девяти погребах, без окон и дверей, под галереями и кладовыми палатами, в бывшей улице, между Троицкими и Боровицкими воротами, повелено ставить караул, дабы в них не могли

Кремлевские старожилы рассказывали, что до 1812 г. мимо так называемых Темных ворот, составлявших некогда проезд под дворцом на Красную площадь к соборам, страшно было и ходить; там, особенно к вечеру, бывал постоянный притон воров и разврата среди страшной нечистоты и вони.

Кстати, упомянем, что в то время возле стен Кремля, за Троицкими воротами, где раньше были заплывшие пруды, овраги и текла Неглинная, сваливалась всякая нечистота почти со всех близлежащих улиц. Старый Каменный мост у Троицких ворот был известен всей Москве как первое разбойное место того времени. Под его клетками, или сводами, особенно под *девятой* клеткой, постоянно жили в самовольно построенных избах всякие воры, мошенники и душегубцы, так что возле Неглинной в этой местности опасно было не только ходить, но даже и ездить.

Таким образом, Валуев принял Кремль в развалинах, хотя, может быть, и живописных, но в иных местах почти совсем разру-

шенных. Таков, например, был длинный корпус Хлебного, Кормового и Сытного дворцов, мимо которого запрещено было даже ездить, чтоб от сотрясения мостовой и в самом деле не обвалить всего здания; 30 лет и не ездили по этой улице. Упомянутые дворцы, однако ж, простояли эти 30 лет и были сломаны уже при Валуеве. Если в XVIII ст. дворец постепенно приходил в разрушение от всякого рода нечистоты, то в начале XIX века он окончательно был разрушен для чистоты и опрятности. Валуев был великий, самый горячий охотник до чистоты, опрятности и порядка. Вступив в управление дворцом, он не замедлил представить государю, что многие из кремлевских зданий «помрачают своим неблагообразным видом все прочие великолепнейшие здания», имея в виду соборы и новопостроенный дворец. Он вообще не любил ничего ветхого, ржавого, покрытого цветом древности, что так дорого для археологов, да и вообще для людей, которые в памятниках старого быта не только видят одни ржавые развалины, но чувствуют в них веяние истории, присутствие прожитых идей, которому

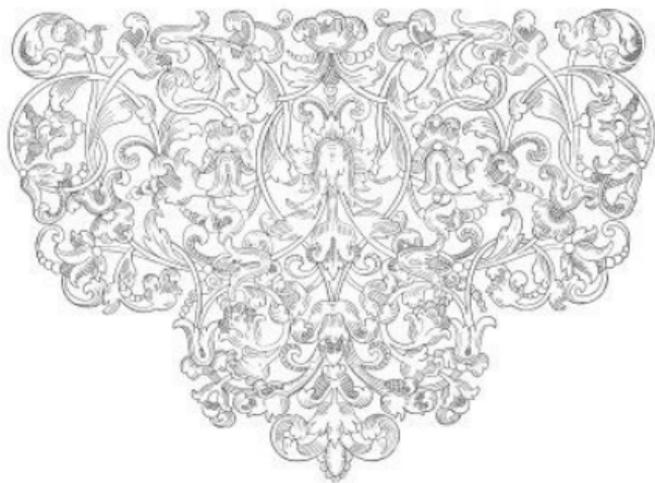
всегда откликнется развитое образованием чувство уважения к древности.

Если б была полная воля и не мешало некоторое общее уважение к стародавней святыне Кремля, то Валуев скоро превратил бы его в чистую, опрятную и ровную, как ладонь, площадь, оставив на память только те строения, которые или сами по себе имели опрятный вид, или же были способны принять такой вид после реставрации, штукатурки и окраски. Все, что не согласовывалось с этим стремлением или стояло не на месте относительно новопроектированных им улиц и площадей, было разобрано и продано с торгов. За пять-десять лет ломки прежнего Кремля нельзя было узнать. В 1803 г. сломаны часть Потешного дворца, примыкавшая к городской стене у Троицких ворот, и часть корпуса, в котором были Хлебенный и Кормовой дворцы; в 1806 г. продан с аукциона и Цареворисовский Годуновский дворец; в 1807 г. сломано Троицкое подворье с церковью Богоявления, где впервые провозглашено было избрание на царство Михаила Романова; в 1808 г. сломаны все здания Заднего государева дво-

ра с Кормовым, Хлебным, Сытным дворцами, стоявшими возле этого подворья. На их месте построены Оружейная палата и три Кавалерские корпуса для свиты. Позднейшие переделки и перестройки совершенно очистили Кремль и дворец от многих древних строений. Оставшиеся здания, Грановитая палата, Каменный терем с верховыми церквями и Потешный дворец большей частью значительно переделаны.

Заметим в заключение, что направление, данное Валуевым, коснулось не одних только древних зданий, но и вообще всяких древностей, остатков старой жизни и быта, какими в его время еще полны были кладовые кремлевских и старых загородных дворцов. Все, что не имело цены, т. е. что не было золото или серебро, было также за ветхостью и негодностью уничтожено или продано с аукциона «на Неглинную», как тогда говорилось, т. е. в лавки всякого старья и тряпья, существовавшие на Неглинной в Железных и Лоскутных рядах. В это время навсегда погибло много таких именно вещей, которые знатоками и археологами ценятся дороже золо-

та. А стремление давать всему опрятный кра-
шеный вид впоследствии было доведено до
того, что дубовые двери и ворота во всем го-
роде обязательно стали красить под дуб, а же-
лезные древние вещи, как, например, латы,
щиты, конская броня, даже пушки, хранящие-
ся в Оружейной палате, стали красить черной
краской с карандашом, под цвет железа. Так
были покрашены редкие и превосходнейшие
памятники древнего вооружения. Подобным
образом окрашивались на стенах древних
зданий, например у Каменного терема, пре-
красные подзоры и украшения из разноцвет-
ных изразцов, или кахлей. Эти украшения, за-
мазанные мелом, охрой или другой краской,
иногда на масле, раскрашивали потом крас-
ками в древнем вкусе.

Глава II

Государев двор, или дворец. Внешний вид и внутреннее убранство

Внешний вид дворца и наружные украшения зданий.— Резное деревянное дело: древнерусская и немецкая фигурная резьба, вошедшая в употребление при Алексее Михайловиче.— Общий обзор внутреннего убранства комнат, или хоромного наряда.— Комнатная живопись, стенное и подволочное письмо.— Царские места, или престолы, троны.— Меблировка царских палат и хором.— Частный обзор неко-

торых комнат.— Передняя, Комната, Крестовая, Опочивальная, Мыленка.

Внешний вид дворца в конце XVII ст. представлял чрезвычайно пеструю массу зданий самой разнообразной величины, разбросанных без всякой симметрии, единственно для удобства, так что в строгом смысле дворец не имел фасада. Здания теснились друг возле друга, возвышались одно над другим и еще более усиливали общую пестроту своими разнообразными крышами, двускатными, епанечными¹²⁴, в виде шатров, скирдов, бочек, с прорезными золочеными греблями и золочеными маковицами наверху, с узорочными трубами, искусно сложенными из поливных изразцов. В иных местах возвышались башни и башенки с орлами, единорогами и львами вместо флюгеров. По свидетельству итальянца Барберини (1565), кровли и купола на царском дворце были покрыты золотом.

Кровля Каменного терема была вызолочена, как можно заключить из того, что в начале XVIII ст. верхний покой Теремного дворца, древний Чердак, или собственно Терем, назы-

вался Золотым Теремком. Некоторые из дворцовых зданий покрывались по тесу белым железом с опайкой английским оловом; но гораздо чаще, особенно на деревянных хоромах, были кровли гонтовые, крытые *по-чешуйному* их красили обыкновенно зеленой краской.

Нигде, однако ж, не проявлялась до такой степени вычурная пестрота и узорочность, как во внешних архитектурных украшениях и разного рода орнаментах, располагавшихся обычно по карнизам, или подзорам, зданий в виде поясов, по углам в виде лопаток или пилястр и колонок; также у окон и дверей в виде сандриков, наличников, колонн, полуколонн, капителей, шпренгелей, гзымзов, дорожников и т. п., узорочно вырезанных из дерева в деревянных и из белого камня в каменных зданиях. В резьбе этих орнаментов между листьями, травами, цветами и различными узорами не последнее место занимали эмблематичные птицы и звери: орел, лев, единорог и даже мифологические – гриф, птица Сирин и т. п.

В древнее время *резное* дело по рисунку и

по исполнению отличалось той же простотой, какую и теперь мы видим в украшениях крестьянских изб. Само собой разумеется, что в украшениях княжеских и боярских хором резное дело выказывало больше затейливости и замысла, больше тщательности и чистоты в работе; но характер *художества* в своих приемах оставался тот же. Резное дело с тем же своеобразным народным характером сохранилось до второй половины XVII ст., когда при царе Алексее на смену старине к нам была принесена фигурная немецкая резьба с готической обработкой. Такой резьбой была украшена новая Столовая царя, построенная по вымыслу немецкого инженера-архитектора Декенпина в 1660 г. Затем, в 1668 г., в том же стиле украшены хоромы Коломенского дворца и Столовая царевича Алексея Алексеевича¹²⁵ во дворце Кремлевском резчиками, большей частью поляками или белорусами, вызванными или вывезенными из покоренных перед этим временем белорусских и литовских городов Полоцка, Витебска и Вильны.

С новым мастерством принесено было и много новых снастей, или инстру-

ментов, до того времени мало известных русским мастерам. До сих пор эти инструменты сохраняют печать своего немецкого происхождения в своих немецких названиях: гзымзумбь, шерхебль, шархенбь, нашлихтебль, как именовали их в то время. Еще больше таких же немецких, а отчасти и польских имен появилось вместе с самими инструментами. Многие слова русский ремесленник даже и не выговаривал правильно и не нашел собственного, всегда точного и меткого, имени подобным заморским инструментам и снастям, а также и резным фигурам, — так они были новы и чужды по сравнению с его знаниями. С того времени в разных украшениях хором, внутри и снаружи, как и в украшениях разной мебели, появились карнизы, гзымзы или кзымзы, шпенгери, также шпренгери (щиток), каракштыны, или кракштыны (кронштейны), фрамуги (кружало), каптели (капители), базы (подушки), заслупы (род столбов), скрынки (киотцы), скрыдла (фигура вроде крыла), штапсалькелен или штапзгалкелен с лескою, штапгалнке с лескою,

штапганен с лескою, цыроты, цыротные травы, фруфты, флемованные дорожники и т. п. Такими-то словами стали и русские мастера обозначать разные части новой фигурной резьбы. Вдобавок стали резать резьбу по печатным немецким мастерским лицевым книгам, т. е. по рисункам. В 1667 г. две таких книги, келейные, принадлежащие патриарху Никону, по которым он украшал храмы Воскресенского монастыря, были взяты из монастыря во дворец.

С давних времен до XVI и XVII ст. все такие резы, т. е. наличные и внутренние резные украшения каменных и деревянных хором, расписывались яркими красками и по местам густо покрывались сусальным золотом и частично серебром. Снаружи так украшались по преимуществу жилые и приемные покои, столовые. Мы упомянули уже о кремлевских столовых царя Алексея и его сына и о Коломенском дворце, которые и снаружи были роскошно украшены резьбою, живописью и позолотой, а в Коломенском даже и резные ворота были вызолочены. Такими же украше-

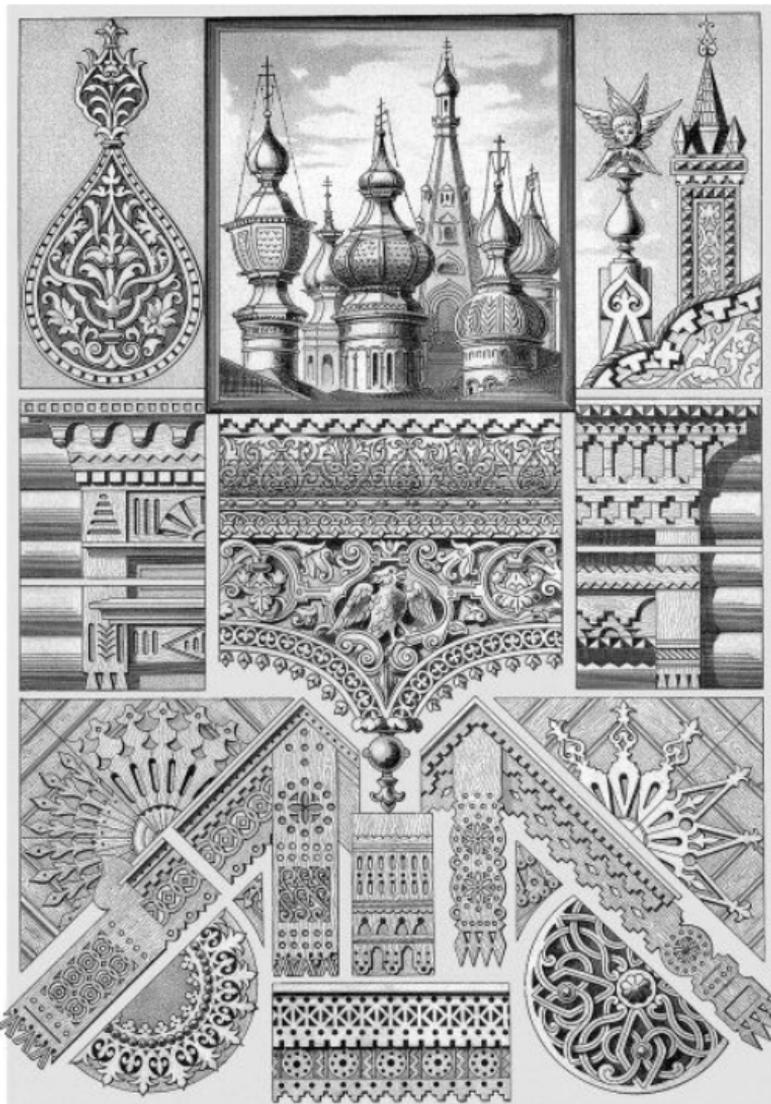
ниями пестрели и жилые деревянные покои Кремлевского дворца. Так как во всех почти хоромах окна украшались резными наличниками и наверху резным шпренгелем (щитком), то эти части по преимуществу и расписывались красками или, в особенных случаях, золотились и серебрились. Не упоминаем об оконных вставнях, которые также всегда расписывались красками и золотились. На них изображали цветы, травы, также птиц и зверей. Обычно их расцвечивали аспидом¹²⁶, т. е. под мрамор. Само собой разумеется, что в том же стиле украшались и наличные стены каменных зданий. Иногда подзоры каменных зданий составлялись из цветных кахелей, испещренных красками. Таковы, например, карнизы, или подзоры, двух верхних этажей Каменного терема и церкви Спаса за Золотой решеткой, составленные из ценных (синих) изразцов с цветными травами.

Нужно упомянуть также, что на всех воротах дворца, снаружи и со внутренней стороны, т. е. со двора, стояли иконы, писанные на деках. Так, на Колымажных воротах с одной стороны стоял образ Воскресения, а с другой –

Пресвятые Богородицы Смоленской. На Сретенских воротах, которые вели под Сретенским собором на Запасный двор, находился образ Сретения. В Коломенском на шести воротах государева двора поставлены были иконы: Вознесения Христова, Богородицы Смоленской, Богородицы Казанской, Спаса Нерукотворенного, Иоанна Предтечи, Московских Чудотворцев. Это было общим обычаем в то время. И не только во дворце, но и в домах частных людей, от боярина до простолюдина, всегда на воротах были иконы или кресты; русский человек не входил во двор и не выходил со двора без молитвы и без крестного знамения.

Войдем теперь во внутренность хором. Все, что служило украшением внутри хором или составляло их необходимую отделку, называлось вообще нарядом. Наряжать хоромы – значило, собственно, убирать. До сих пор в Вологодской стороне нарядить избу – значит отделать ее начисто внутри, т. е. отесать стены, сделать лавки, полати и проч. То же самое первоначально означал и хоромный наряд в царском дворце. Мы уже говорили, что

внутри хором стены и потолки обшивались большей частью красным тесом, тщательно выстроганным. В брусяных хоромах точно так же гладко выскабливались стенные и потолочные брусья. Но это был наряд обычный, простой, собственно плотничий, который при этом, в царском и вообще богатом быту, почти всегда покрывался еще другим нарядом, шатерным, состоявшим из уборки комнат сукнами и другими тканями. Этот простой плотничий наряд получал особую красоту, когда комнаты убирали столярной резьбой. С особенной заботливостью украшались подволоки, или потолки, которых само название показывает, что они и в обычном плотничьем наряде устраивались или собирались иным способом, независимо от наката, и служили как бы одеждой потолка, ибо подволока означала вообще одежду. Такие подволоки по большей части и украшались резьбой из дерева и составлялись из отдельных штук, щитов, или рам. Упоминаются даже вислые подволоки, что могло обозначать какой-либо особый род украшений с частями, висевшими под потолком.

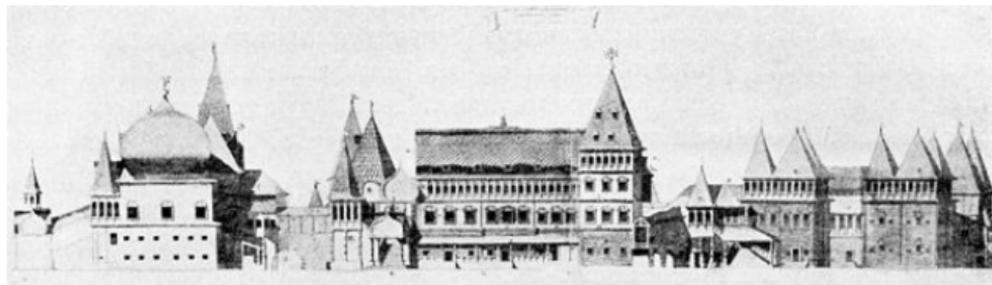

Образцы резьбы по дереву. XVII—XVIII вв.

Вместе с деревянной резьбой подволоки

убирались чаще всего слюдой с резными украшениями из жести, олова и белого железа. Подобные слюдяные подволоки были устроены в хоромах царицы Марии Ильиничны в 1651 г, в доме князя В. В. Голицына. Иногда подволоки делались даже из серебра. Так, в 1616 г. в Серебряной палате была сделана в хоромы царя Михаила Фед. серебряная литая вислая подволока, которую устраивал «сторож от Золотого дела из Немецкие Полаты» Михаила Андреев Сусальник. Нет сомнения, что она состояла из различных отдельных фигур, собранных по известному рисунку. Само собой разумеется, что и деревянные резные подволоки всегда также золотились и расписывались красками. Притом украшениям подволоки всегда соответствовали украшения окон и дверей комнаты, которые тоже покрывались резьбою по наличникам и по причелинам или подзорам, т. е. в верхних частях, где утверждались также и особые подзорные щитки или доски, подзорины, впоследствии, с половины XVII ст., получившие немецкое имя шпренгелей. Во всех таких украшениях очень много употреблялось так называемых

дорожников, резных длинных брусков или планок, вроде багетов, из которых устраивались по приличным местам рамы, коймы и другие подобные разделы украшений. Резьба производилась по большей части из липы.

Коломенский дворец

Пол, или, по-древнему мост, обычно настилали досками. Но в жилых помещениях полы мостили дубовым кирпичом, квадратными дубовыми брусками, от 6 до 8 вершков ширины и от 2 до 3 вершков толщины. Иногда такие бруски делались косяками, почему и пол именовался косящатым. Это был род паркета, который, однако ж, не натирали воском, а расписывали, иногда красками, например зеленой и черной, в шахматном порядке, и притом аспидом, или под мрамор. В 1680 г. такой пол был устроен в Верховой церкви Иоанна

Белоградского. Иногда расписывали серым аспидом или покрывали только левкасом¹²⁷. Дубовые кирпичи настилались на сухом песке со смолой или на извести. Делались также гончарные полы, из цветных изразцов. В Ответной Посольской палате (1722) был пол гончарный каменный *набиран узорами*.

Ф. Солнцев. Царские двери

С самого древнего времени и до начала XVIII века обычной мебелью в царских хоромах были лавки, которые устраивались подле стен, сплошь вокруг всей комнаты или палаты, даже иногда около печей. Они делались из толстых и широких (в три четверти аршина) досок и утверждались на столбиках, или подставках, называвшихся также *стамиками*; с краев лавки отделявались тесом, что называлось *опушкою*. Под лавками иногда делали рундуки с затворками, род небольших шкафов. Такие рундуки под лавками устроены были в 1683 г. в Передней комнате царя Петра Алексеевича. Лавка, находившаяся у входных дверей комнаты, в заднем углу, называлась коником, может быть, потому, что ею оканчи-

валась линия лавок, что она служила концом комнатных или избных лавок. Под ней, как в самом удобном месте, почти всегда устраивался рундук, ларь, служивший для поклажи разных вещей из хоромного убора. Коники находились, например, в Теремной Золотой, или в Государевой Комнате, также в хоромах цариц Евдокии Федоровны (1696) и Марфы Матвеевны (1698). Лавки подле окон назывались красными, у стены переднего угла – передними.

Ф. Солнцев. Старинные деревянные резные царские двери

В окна вставлялись рамы, или оконничные станки, обитые полстями и сукном. В них укреплялись петлями и крючками оконницы, соответствовавшие нашим рамам. Они были подъемные и отворные, а в волоковых окнах задвижные и отворные. До Петра Великого, даже в царском дворце, стекла не были в большом употреблении; их вполне заменяла слюда, известная с глубокой древности. Слюдяные оконницы устраивались из белого или красного железа, в сетку, основанием которой

служили четыре железные прута, составлявшие собственно рамку.

А. Рябушкин. Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате. 1893 г.

Сетка делалась в виде образцов, т. е. четырехугольников и треугольников или клипов и в виде репьев, кругов, кубов, косяков, в которых укреплялась слюда и от которых оконницы назывались обрацатыми, клинчатыми, репейчатыми, кругчатыми, косячатыми. Та-

кое устройство оконниц было необходимо потому, что слои, или листы слюды, большею частью были невелики, и притом неправильной формы, которая всегда и условливала узор оконной сети. Большие листы слюды помещались всегда в виде круга в середине окна, а около располагались боковые образцы разной формы, также углы и пахлилки или мелкие вырезки. Для укрепления слюды употреблялись, кроме того, оловянные денежки, небольшие бляшки, кружки, репейки, зубчики и орлики, которые почти всегда золотились, а иногда оставлялись белыми. Под орлики подкладывались атласные или тафтяные цветки. В XVII ст. слюду в окнах стали украшать живописью.

Так, в 1676 г. живописцу Ивану Салтанову велено было написать в хоромы царевича Петра Алексеевича оконницу по слюде «в кругу орла, по углам травы; а написать так, чтобы из хором сквозе видно было, а с надворья в хоромы, чтоб не видно было». В 1692 г. велено прописать окончины в хоромы царевича Алексея Петровича, чтоб через них не видеть. Различные изображения

людей, зверей и птиц, написанные красками, можно также видеть и на слюдяных оконницах, оставшихся от переславского дворца Петра Великого и сохраняющихся доныне под Переславлем вместе с Петровским ботиком.

Гораздо меньше использовались стекольчатые оконницы, которые делались почти так же, как и слюдяные, т. е. из железных прутковых рамок и свинцового переплета, в который закреплялись стекла при помощи замазки, состоящей из мела и медвежьего сала с деревянным маслом. Впрочем, в боярском быту в конце XVII ст. употреблялись в стекольчатых оконницах и цветные стекла, например у кн. В. В. Голицына. Но в его же доме некоторые комнаты были со слюдяными оконницами. Нет сомнения, что в Новгороде с давнего времени были известны не только простые стекольчатые оконницы, но и цветные стекла.

В 1556 г. царь Иван Васильевич посылал в Новгород за покупкой «стекло оконничных розных цветов» своего оконничника Ивана Москвитина и велел ку-

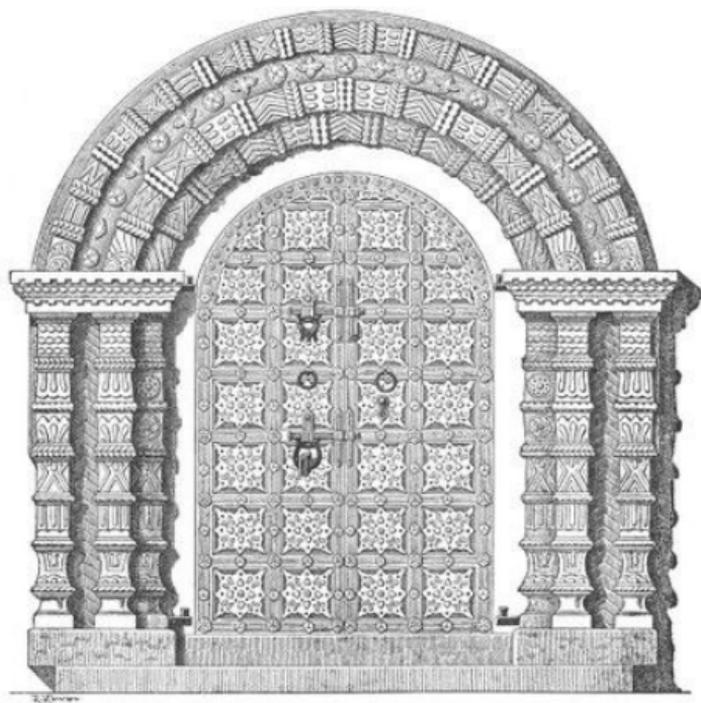
пить их сколько можно и прислать на Москву тотчас. Однако мы не имеем сведений о том, что такие стекла были в употреблении при постройке дворцовых зданий даже и в XVII ст. Изредка встречаются сведения о простых стеклах. О цветных стеклах находим упоминание, что в 1633 г. в Крестовую писаную палатку патриарха Филарета Никитича были куплены у немчина Давыда Микулаева «оконницы стекольчатые нарядные с травами и со птицами».

Само собою разумеется, что одни описанные нами оконницы не могли хорошо защищать от холода; поэтому, соответственно теперешним зимним рамам, употреблялись в то время так называемые *вставни*, или *ставни*, особые станки, глухие или со слюдяными оконницами, старательно обиваемые тоже полстью и сукном. Кроме того, на ночь и, может быть, в сильные морозы окна закрывались изнутри втулками – щитами величиной во все окно, вроде вставней, также обитыми войлоком и сукном. Такие втулки употреблялись вместо затворов, или притворов, снару-

жи, или ставней, по-теперешнему, и в окно вставлялись или просто, т. е. втулялись, или же иногда навешивались на петлях и затворялись. В царском быту затворы наружные употреблялись мало и, разумеется, только в нижних ярусах хором. В каменных зданиях наружные затворы всегда делались железные.

Все составляющие у окон: подставки, петли, растворные и закладные крюки, кольца с защелчками и без защелчков, кольца с топорками, крючки отпорные и запорные, заворотки барашками, засовы, наугольники; и у дверей: *жиковины*, т. е. большие петли, на которых навешивались двери, плащи, скобы *ухватные*, цепи, задвижки, крюки закладные, замки, погоны и т. п., даже гвозди, которыми прибивали сукно, и пр.,— были луженные английским оловом, иногда серебрёные, как, например, в хоромах царицы Натальи Кирилловны, а иногда золоченые, как, например, в деревянных хоромах Лжедмитрия или в хоромах царя Михаила. Некоторые вещи из этих приборов поступали к нам из Польши и от немцев, отчего и назывались польскими и

немецкими и служили образцом для русских слесарей, которые делали, например, петли, скобы, жиковины, с польского перевода, т. е. по образцу польских.

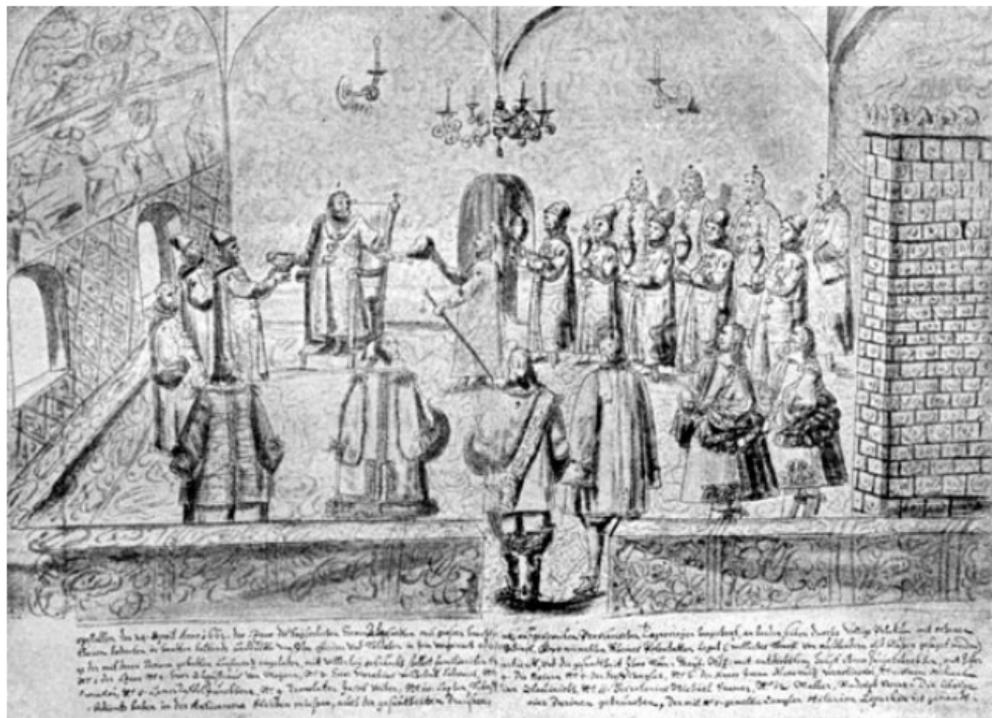

Дверь в храме Св. Владимира в Садах

Нам остается упомянуть еще о печах. Во всех жилых хоромах печи были изразцовые, или образчатые, ценные из синих изразцов и муравленные или зеленые, из зеленых. В XVII ст. упоминаются также печи польские зе-

ленные. Печи ставились четырехугольные и круглые, сырчатые, из кирпича-сырца особой формы,— на ножках, с колонками, с карнизами и городками наверху; поэтому и форма образцов была разнообразна. Они были плоские и круглые; по месту, которое они занимали в кладке, их называли подзорными, свесами, уступами, валиками, наугольниками, свислыми, перемычками, городками, исподниками, ногами и пр. На образцах изображались травы, цветы, люди, животные и разные узоры. Швы между образцов прописывались суриком или покрывались красками под узор образцов. Так, в 1690 г. «в деревянных двух комнатах царицы Прасковьи Федоровны две печи ценные велено расписать меж образцов, по цветам красками, которыми прилично, против тех печных образцов; в кубах и в травах, меж споев, такими ж краски приправить: а испод под теми печами выкрасить суриком, против прежнего, заново». Бывало также, что печи расписывались одной какой-либо краской; в 1684 г. в хоромах царицы Прасковьи и царевны Софьи четыре печи расписаны зеленой краской, а в 1686 г. у царицы

Марфы Матвеевны в новопостроенных каменных комнатах три печи – суриком. Иногда печи украшались металлическими решетками. Во дворце Самозванца, красивом и даже великолепном, по свидетельству его современников, печи были зеленые с серебряными решетками.

В царских покоях. Из альбома Мейерберга

Верхние этажи деревянных хором по боль-

шей части нагревались проводными трубами из печей нижних ярусов. Трубы эти были также изразцовые с душниками. На крышах они выводились в виде коронок, шатриков, узорочно складенных из тех же изразцов, и покрывались медными сетками «для птичьих гнезд, от галок и от сору». Все большие царские палаты, Грановитая, две Золотые, Столовая и Набережная, точно так же нагревались проводными трубами из печей, устроенных под ними в подклетах. Однако впоследствии мы находим в этих палатах большие изразцовые печи.

Несмотря, однако ж, на чистую, гладкую отделку влас внутри хором, стены, потолки, лавки и полы почти никогда не оставались голыми. Их наряжали обыкновенно сукнами. Для стен и потолков сукно так же использовалось, как теперь обои. Кроме того, сукном же настилали полы, обивали или только опушали двери, обивали или обшивали окна, оконницы, ставни, втулки; его клали под дверной и оконный прибор: под крюки, жиковины, под скобы, под плащи и цепи, а также под красное гвоздь в украшении лавок. Сукно в

такой наряд наиболее употреблялось красное – багрец, червленое, червчатое и т. п., редко зеленое, а в печальных случаях, во время траура, – черное, иногда гвоздичное, вишневое, коричневое и других темных цветов. Под сукно на полах и стенах, а также при обивке дверей, окон, вставней и втулок клали обыкновенно серые или белые полсти, войлоки, иногда простое сермяжное сукно или ровный холст. Стены и потолки наряжали сукном большей частью обыкновенным способом, во все полотнище, т. е. вгладь. Но нередко употреблялся и другой наряд, в шахмат, т. е. клетками в три четверти шириною, иногда в два цвета, например, клетка красного сукна, а другая голубого и т. п., также в клин, т. е. клиньями (ромбами), и также в два цвета, например, клин из сукна багрецу (красного) и клин из зеленого кармазину. Точно так же наряжали сукном и каменные палаты, если они не были украшены живописью; и не только стены и пол, но даже и своды.

Иногда стены и потолок по полстям обивали зеленым атласом: таким атласом обиты были комнаты царицы Натальи Кирилловны

и царевича Алексея Петровича в 1691 г., поэтому они и назывались атласными комнатами. В XVII ст. в Москве известны были и златотканые обои, какими, например, была обита одна из внутренних комнат на Посольском дворе, стоявшем на Ильинке, в Китай-городе. На этих обоях была изображена история Самсона. Со времен царя Алексея Михайловича, стены, и особенно двери, стали обивать золочеными *басменными* кожами, на которых были вытиснены разные травы, цветы и животные, птицы, звери. Кожи эти искусно сшивались и для сохранности прикрывались олифой, заменявшей лак. Такими кожами были обиты двери Государевой Комнаты и третьей в Теремах (в 1666 г.); в 1673 г. верхняя избушка, что над Крестовою, у царицы Натальи Кирилловны, и серебряными кожами комната царевича Петра; в 1681 г. золотными кожами – комнаты и сени в новых деревянных хоромах царя Федора Алексеевича, построенных в это время подле Теремов и Воскресенской церкви; и Столовая в селе Алексеевском; в 1687 г. – комната царицы Натальи Кирилловны, в 1688 г. – комната царевны Натальи

Алексеевны, в 1692 и 1693 гг.— комнаты царевича Алексея Петровича, в 1694 г.— комнаты цариц Евдокии и Прасковьи Федоровн и царевен Марьи и Анны Ивановн и пр. В Оружейной палате, в числе мастерских разных снастей, в 1687 г. сохранялась «доска медная, что печатают кожи золотые, весу в ней 6 пуд 10 гривенок¹²⁸». Это свидетельствует, что подобные кожи, кроме привозных заграничных, печатались и дома, в Москве, мастерами Оружейной палаты. Путешественник в Московию барон Мейерберг рассказывает, что в Москве (1661) и у частных лиц, у немногих, стены были обиты золоченой и расписанной кожей бельгийской работы.

Ниже мы увидим, что в конце XVII ст. для обоев употреблялись также холсты и полотна, которыми оклеивали стены и потолки, и расписывали, большей частью травами, узорами, иногда писали аспидом разных цветов, т. е. под мрамор, и, наконец, просто грунтовали какую-нибудь одноцветной краской.

В богатом боярском быту в это время употреблялись, кроме того, и *шпалеры* — заграничные тканые обои. В доме кн. В. В. Голицы-

на в 1688 г. столовая палата его сына Алексея была обита такими шпалерами не только по стенам, но и в подволоке. В феврале 1690 г. эти шпалеры были сняты, описаны, оценены и отданы на Гостиный двор в продажу. Другие комнаты голицынского дома, как и во дворце, были обиты сукнами, также золочеными кожами или расписанным полотном.

Лавки и коники, сиденья и спинки, обивали также полстью и войлоками, а по ним сукном красным или зеленым и галуном шелковым с серебром и золотом. Но чаще их накрывали суконными разных цветов полавочниками, у которых середина была одного цвета, например, красного или какого-то другого, а каймы, спускавшиеся обыкновенно с краев лавки,— другого, например, голубого, зеленого, желтого и проч. Сами полавочники и каймы иногда украшались вшивными травами, узорами, репьями разных цветов и изображениями животных, например, львов, птиц. Шили также полавочники клинчатые, т. е. клиньями из сукна двух или нескольких цветов, например, из красного и зеленого, попеременно: клин красный и клин зеленый, и т. п.

Нередко шили полавочники и из бархата. В 1667 г. в комнату царевича Алексея Алексеевича скроены полавочники на три лавки: «середина – бархат двоеличной по рудо-желтой земле, по нем травы шелк голуб»; на четвертую лавку: «середина – бархат шахматный двоеличный, шелк голуб да рудо-желт; опушка – бархат двоеличный, шелк червчат да зелен; подкладка – красные киндяки¹²⁹».

Иногда на лавках, особенно в каменных комнатах, которые большей частью украшались живописью, клали тафтяные бумажники, т. е. матрацы из хлопчатой бумаги, выстеганные в шахмат; вместо бумажников употреблялись также сафьянные *тюшаки*, или тюфяки. Иногда лавки просто обивали красным сафьяном по полстям и войлокам.

Двери и, в деревянных хоромах, окна, красные и волоковые, также почти всегда обивались сукном, и особенно червчатым. Двери и окна завешивались тафтяными, камчатными или суконными и стамедными завесами¹³⁰, которые задергивались на проволоке при помощи колец. Так как царские жилые комнаты были необширны, то и завесы в них распола-

гались нередко не над каждым окном отдельно, а по всей стене, где были окна, которые, таким образом, задергивались одним сплошным занавесом. Иногда оконные занавесы, особенно зимой, были стеганные на хлопчатой бумаге, которыми занавешивали окна, без сомнения, для того, чтобы лучше защититься от внешнего холодного воздуха, особенно во время ветреной погоды. Занавесы, особенно оконные, почти всегда украшались подзором из шелкового галуна, тканного с золотом или с серебром, а также из золотного плетеного кружева, расшитого по атласу, или другой шелковой материи. Оконницы, или окончины, украшались также, особенно в комнатах цариц, шелковыми подзорами (драпри). Кроме того, занавесы, преимущественно суконные, протягивались иногда поперек комнаты, заменяя перегородку или ширмы. Такие занавесы употреблялись большей частью в проходных комнатах, особенно в сенях, отделяя наружные входы от дверей во внутренние покои.

В каменных зданиях на окнах постилали суконные *наокошечники* так, как в лавках полавочники.

В важных случаях, во время посольских приемов или в торжественные дни и царские праздники, весь хоромный наряд получал совершенно иной вид. Тогда, вместо сукон, которыми убирались комнаты в обыкновенное время, стены наряжали богатыми шелковыми и золотными материями, бархатами, аксамитами¹³¹, золотными атласами и т. п., а полы – персидскими и индийскими коврами. Так, в Золотой палате при Лжедмитрии, когда он давал аудиенцию воеводе Сандомирскому, пол и лавки покрыты были персидскими коврами. Столовая Лжедмитрия была обита персидскою голубою тканью: занавесы у окон и дверей были парчовые. Его постельные комнаты были наряжены богато вышитою золотом материей и одна парчой, а комната Марины, его супруги, – гладким красным бархатом.

Не менее великолепен этот наряд был и прежде, в XVI столетии, а равно и в последующее время, при царях Михаиле, Алексее, Федоре и в правление Софьи, у которой комната в 1684 г. была обита богатейшими коврами. В таких случаях вместо полавочников на лавки

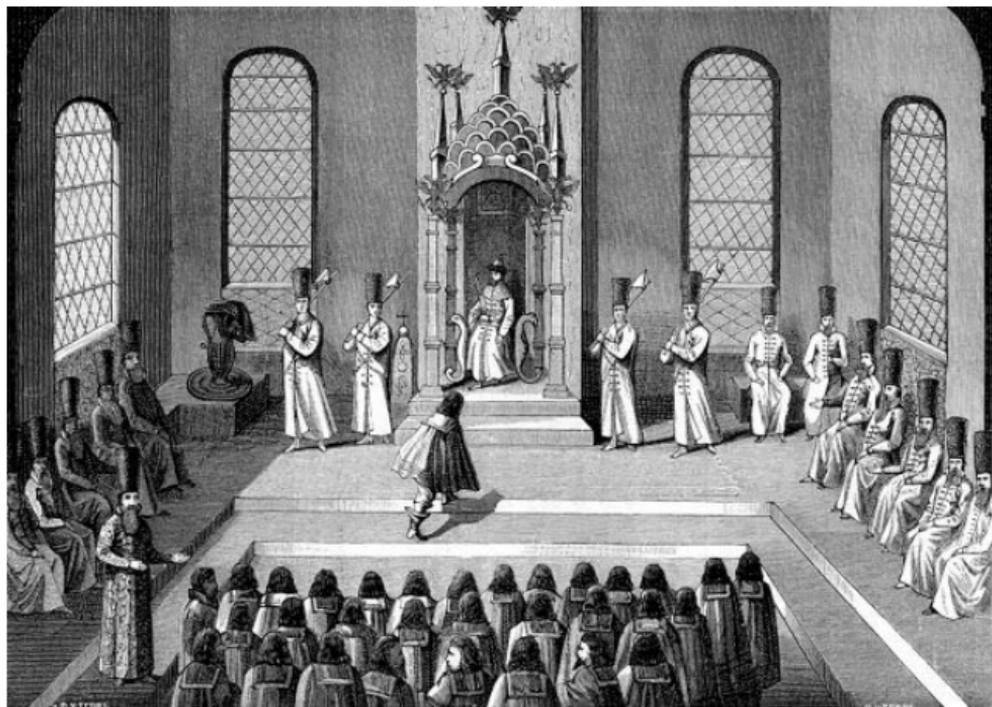
клали золотные подушки.

Кроме торжественных приемов и праздничных дней, богатый хоромный наряд употреблялся и в других случаях, особенно важных в семейной жизни государя. Так, во время родов царицы с большим великолепием убиралась ее Крестовая комната, в которой обыкновенно происходили роды.

Но, несмотря на все великолепие и азиатский блеск такой уборки комнат, гораздо замечательнее другой вид древних хоромных украшений – комнатная живопись, стенное и подволочное письмо, служившее самым великолепнейшим и, с половины XVII ст. довольно обычным украшением царских приемных палат и постельных хором. В XVI веке оно было известно под именем бытейского письма. Это название уже достаточно объясняет, какие именно предметы изображались на стенах и плафонах царских палат.

Прием иноземных послов московским государем

Характер, или, лучше сказать, содержание, подобных комнатных украшений большей

частью определяется господствующим характером общественного развития. Так, любимым и почти исключительным предметом комнатной живописи XVIII ст., принесенной к нам вместе с западным образованием и принадлежавшей к самым насущным потребностям тогдашнего образованного русского общества, была эмблема, аллегория, для выражения которой служили готовые образы и формы классической мифологии. Плафоны и стены во дворцах и палатах вельмож покры-

вались в это время мифологическими изображениями, где языческие божества, полуобнаженные, представленные со всей свободой древнего искусства, должны были олицетворять заветные мысли и думы современников. Не было памятника, не было даже торжества, триумфального въезда, иллюминации или фейерверка, которые не облекались бы в аллегорические образы, столько любимые тогдашним обществом. Таков был вкус, характеризовавший эпоху.

Совершенно иное встречаем мы в жизни наших допетровских предков. По характеру своего образования – религиозного, богословского – русский человек любил олицетворенные притчи и церковные бытия, изображениями которых и украшал свои хоромы. Древняя комнатная живопись (т. е. иконопись) носила в себе тот же характер, имела ту же цель, как и церковная стенопись, от которой она почти ничем и не отличалась.

М. Клодт. Марина Мнишек с отцом под стражей. 1883 г.

В XVI веке царские палаты во время их ре-

ставрации после опустошительного пожара Москвы в 1547 г. были украшены новым стенным бытейским письмом под непосредственным наблюдением знаменитого благовещенского попа Сильвестра, который едва ли не в первый раз решился изобразить на стенах царских палат содержание некоторых церковных догматов *приточне*, в лицах, само собою разумеется, с ведома и, быть может, по указанию самого митрополита Макария.

Эта весьма замечательная символическая стенопись, несколько раз обновляемая, сохранилась, с некоторыми добавлениями и изменениями, до конца XVII ст. и при Алексее Михайловиче была описана в 1672 г. иконописцем Симоном Ушаковым с означением всех изображений и подписей, какие были на стенах и сводах палаты.

Из последовательного распределения этих картин по сводам палаты понятно, что здесь излагалась повесть о нравственных достоинствах молодого царя, которым был сам царь Иван Васильевич в первые годы своего самостоятельного царствования, в счастливые лета его молодости (1547—1560). Здесь, конечно, изображены только идеалы этого замечательнейшего юноши, которым, однако, он в это время служил всей юношеской горячностью.

В стенописи иносказательно была представлена только что совершившаяся (1552—1554) история покорения татарских царств, Казанского и Астраханского, и вообще победы над супостатами-татарами. Если вверху, в сводах, или в небе, сеней, частью открыто, частью иносказательно, были изображе-

ны идеалы царского достоинства и царской чести, т. е. идеалы нравственных и государственных обязанностей царя, то здесь на стенах представлялись уже исполненные царские дела и славные царские деяния, и славнейшее из славных дел новорожденного Московского государства – покорение и беспощадное истребление Татарского царства.

Таким образом молодой царь (ему в эти годы было 20 лет с небольшим) разнообразными картинами в своей Золотой палате идеально изобразил золотое время своего царствования.

Другие картины, уже из русской истории, украшавшие стены палаты, служили выражением тех же идей и представляли историю крещения Руси при св. Владимире¹³² и историю принятия Владимиром Мономахом царского венца и регалий для изъяснения современного события о венчании царским венцом молодого московского царя.

Стенопись Золотой палаты, составленная и написанная в 1552 г. при царе Иване Васильевиче Грозном, после его смерти в некоторых немногих частностях была изменена со-

ответственно требованиям нового царствования; но в целом она сохраняла весь характер помыслов и идеалов своего строителя и запечатлевала недавние события его личных и государственных подвигов.

Грановитая палата, еще в конце XVI века называвшаяся Подписною, украшена была собственно бытейским, историческим письмом, о котором упоминает в своих записках Маскевич в начале XVII ст. и которое, судя по его описанию, без изменений было возобновлено при царе Алексее Михайловиче весною 1688 г. и потом в 1672 г., также весьма подробно описано иконописцем Симоном Ушаковым. Маскевич в своем дневнике говорит, что на стенах этой палаты находились изображения всех великих князей и царей Московских, писанные по золоту, а потолок искусно украшен был картинами из Ветхого Завета. Украшение палаты стенным письмом принадлежит царствованию Федора Ивановича и исполнено, по всему вероятию, по замыслу Годунова.

В сенях палаты на самом видном месте бы-

ла написана притча царя Константина, видение о Кресте. Это изображение находилось на короткой стене, прямо против входных больших дверей с Красного крыльца.

Вся историческая стенопись сеней обнаруживала помыслы о всемогуществе Божиим в победах над врагами царя православного, в назидание приходившим послам и иноземцам, особенно иноверным. «Видение царя Константина, как явился Крест» было написано в 1678 г. вновь именно «для встречи и выезде» польских послов.

По всей стене, в два яруса вверху под сводами, и ниже, посреди стены, в 11 отдельных картинах была изображена в подробности история Иосифа, которая разъясняла сокровенную мысль правителя государства Бориса Годунова о своем собственном положении у царского престола, так сходном с положением Иосифа у царя Фараона.

На той же стене начинался другой отдел стенописи, изображавший в лицах русскую историю от Августа-кесаря, как тогда толковали происхождение русских князей и царей.

Как в Золотой палате царь Иван Василье-

вич многими притчами изобразил события и царские отношения своего времени, так и в Грановитой палате правитель государства Годунов подобными же притчами изобразил свои личные отношения и к царю, и к боярской среде, напоминая и всему православному народу в притче, помещенной на столпе палаты к заднему ее углу, где обыкновенно собирались всякие нижние чины, приглашаемые во дворец, — в притче о Зинове-царе, как он был милостив и как его милостивая рука (щедрая милостыня) спасла его от мести за совершенное им злодеяние, потому что образ самой Владычицы Богородицы чудом выговорил, что не должно злое сотворить, мстить за совершенный грех милостивым.

Подобно Грановитой, Меньшая, или Царицына Золотая, палата украшена была также бытейским, или историческим, письмом, которое изображает обретение Животворящего Креста царицею Еленою, крещение княгини Ольги, легенду о царице Динаре, дочери иверского царя Александра, победившей персов, и пр. Изображение деяний св. жен, царицы Елены и великой княгини Ольги и благочести-

вой царицы Иверской, согласовалось с назначением самой палаты, которая, в торжественных случаях, служила приемной цариц.

В Столовой избе, которая была деревянная, брусяная, живописью украшалась одна только подволока, или потолок, плафон, как и в прочих царских деревянных хоромах. Неизвестно, что было изображено в плафоне Столовой избы царя Михаила Федоровича, украшенной в 1621 г. травником (иконописцем, писавшим узоры и травы) Лукой Трофимовым. В Столовой, построенной царем Алексеем в 1662 г., в подволоке написано было *звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные*, вероятно, также по вымыслу инженера и полковника Густава Денкена, который строил эту Столовую избу. Плафон начерчен был иноземным художником и не мог принадлежать художеству русских иконописцев и знаменщиков, т. е. рисовальщиков, которые не только не знали астрономии, но и считали ее наукою несправедливой. Несмотря на это, как предмет, по справедливости заслуживавший удивления и воз-

буждавший любопытство наших предков, звездотечное небесное движение царской Столовой палаты пользовалось в то время особенным уважением и несколько раз служило образцом при украшении других комнат (преимущественно также столовых на постельной половине дворца).

Так, в 1683 г. оно было написано в столовой нижней комнате царевны Софьи Алексеевны, на деревянной подволоке, по грунтованному холсту, живописцами Салтановым и Безминым, а в 1688 г. – в деревянной передней царевны Татьяны Михайловны и в верхней каменной комнате царевны Марьи Алексеевны. Кроме того, столовые избы загородных царских хором, в Коломенском и в Алексеевском, и столовая в новых хоромах царевича Ивана Алексеевича, в 1681 г, также были украшены этими изображениями «небесных бегов». Но несравненно большее значение получает для нас этот плафон в том отношении, что он служил, может быть, руководством в первоначальном обучении Петра Великого. Так, в 1679 г. живописного дела мастер Карп Иванов

Золотарев писал на александрийском большом листе (бумаги), золотом и красками, «двенадцать месяцев и беги небесные, против того, как в Столовой в подволоках написано». «Тот лист принял в хоромы к государю царевичу и великому князю Петру Алексеевичу боярин Родион Матвеевич Стрешнев». Известие драгоценное, особенно если вспомним, какие скудные сведения имеем мы о детских летах великого преобразователя.

Такое же устройство подволоков мы находим и в боярском быту, который в богатой и знатной среде вообще мало отставал от порядков быта царского. В каменных хоромаш князя В. В. Голицына (1689) в большой Столовой палате в подволоке точно так же были изображены небесные беги. В Крестовой палате в подволоке находился деревянный большой резной репей с лучами, по местам вызолоченный и расцвеченный красками, а около репья в лучах 12 месяцев, резных же. В спальне в подволоке тоже были написаны по полотну 12 месяцев с планеты.

Мы описали живописные украшения че-

тырех приемных палат. Не останавливаясь на других предметах палатного наряда, о котором будем говорить впоследствии, перейдем теперь к обозрению живописи в постельных царских хороммах.

Венчание на царство Владимира Мономаха.

Роспись Грановитой палаты Московского Кремля

В деревянных постельных хороммах украшались живописью больше всего плафоны, потолки. Первое известие об этом относится к

началу XVII ст. В 1615 г. подволоки были расписаны в новых хоромах царя Михаила Федоровича иконниками седельными писцами Ивашкою и Андрюшкою Моисеевыми. В 1621 г. точно так же были украшены, и притом первыми иконописцами того времени, Прокофьем Чириным, Назарьем Савиным, Ив. Писеиным и Осипом Поспеловым, царская Постельная комната и Столовая изба, о которой мы упоминали выше. Это, однако ж, нельзя отнести к нововведению, внесенному в царский дворец царем Михаилом. Шестнадцатилетний государь, при тех обстоятельствах, которые сопровождали его вступление на царство, едва ли мог думать о каких-либо нововведениях и украшал свои хоромы, без всякого сомнения, по образцам, существовавшим прежде.

Подволоки деревянных хором, украшаемые живописью, составлялись обыкновенно из нескольких штук, или клееных щитов, прикрепляемых к потолку комнаты. На этих-то штуках иконописцы и писали священные притчи и другие изображения, а иногда просто расписывали их по золоту *травным* (узор-

ным) письмом. Точно так, например, были украшены в 1670 г. потолочные доски в хоромах царя Алексея Михайловича. Иногда подволочные штуки были собственно картины, писанные на полотне. В 1674 г. такими картинами были покрыты потолки в новых хоромах царя Алексея. Картины эти написаны были первыми живописцами царского двора, Иваном Салтановым, Иваном Безминым и Дорофеем Ермолаевым. В одной комнате, на двадцати четырех штуках, они представляли притчи Ионы Пророка, в другой, на восемнадцати штуках, притчу Моисея Пророка, и, наконец, в третьей, на двадцати штуках, притчи об Есфири. Поля картин украшены были цветами, каймами и кистями, написанными по золоту цветными красками. В потолке для их помещения были устроены деревянные резные золоченые рамы. В 1680 г. в новые деревянные государевы хоромы были написаны на полотнах к подволокам и к стенам разные всякие царственные притчи, Деисисы и апостольские проповеди. В 1685 г. живописец Петр Энглес писал «перспективные разные притчи» на подволоку в хоромы царевны Со-

В. Шварц. Наречение царской невесты

Стены в деревянных хоромах, как мы говорили, большей частью обивали сукном или золотными материями и коврами, но иногда их также украшали живописью, для чего оклеивали холстом или обивали полотном, грунтовали и потом расписывали. Так, в 1678—1679 гг. живописцы писали к государю в новые деревянные хоромы, в семь комнат, подволоки и к стенам разные притчи на полотнах золотом и серебром. Тогда же у царе-

вен меньших в новой деревянной Крестовой писали разные притчи по полотну на подволоке и на всех стенах, и вообще во всех хоромах царевен, в это время, писаны были «разные всякие евангельские притчи вновь из дарственных книг».

В 1681 г. живописцы Иван Мировский и Иван Салтанов писали по полотнам в новых деревянных хоромах царевен меньших и царицы Агафии Семеновны притчи евангельские и апостольские, а в 1685 г. подобною же живописью были украшены деревянные комнаты царицы Натальи Кирилловны и царевны Натальи Алексеевны. В 1688 г. на стенах передней деревянной комнаты царевны Татьяны Михайловны царские живописцы изобразили притчу о Мелхиседеке, а в иных местах написали *ленчафты*, т. е. ландшафты, также цветные и *розметные травы*.

Впрочем, стены деревянных хором по холстам и полотнам расписывали иногда одни только травами или узорами, также аспидом разных цветов: серым, красным, зеленым. Писать аспидом, аспидить, также черепашить и мраморить, значило, на языке жи-

вописцев того времени, писать под мрамор, под черепаху, красками одноцветною или в несколько цветов. Зеленый аспид имел вид малахита. Аспидом назывался по преимуществу темноцветный мрамор. Иногда стены клейстеровали мукою и клеем и по этому грунту насыпали стеклярусом или просто грунтовали какой-либо одной краской.

Должно упомянуть также, что в иных случаях стены в деревянных хоромах обивали также и «фряжскими листьями», т. е. гравюрами, о которых будем говорить ниже.

О стенном письме государева Каменного терема (нынешнего Теремного дворца), к сожалению, все сведения ограничиваются только тем, что оно почти ежегодно обновлялось и несколько раз переписывалось вновь. В 1644 г. одна палата этих хором, известная впоследствии под именем Комнаты, называлась уже Золотой, — следовательно, была расписана золотом и различными изображениями.

При царе Алексее Михайловиче украшение этих хором стенным и травным письмом и частое возобновление этого письма производилось большей частью под надзором ико-

нописца Симона Ушакова.

Гораздо более подробностей сохранилось о стенописи в каменных хоромах царевен, построенных в 1685 г. До нас дошло весьма любопытное описание этой стенописи со всеми подробностями, которое дает довольно полное понятие о жилище царевен, этом святилище женского одиночества, куда, кроме людей близких и необходимых, не проникал ничей глаз, где, по словам Котошихина, благочестивые царевны жили,

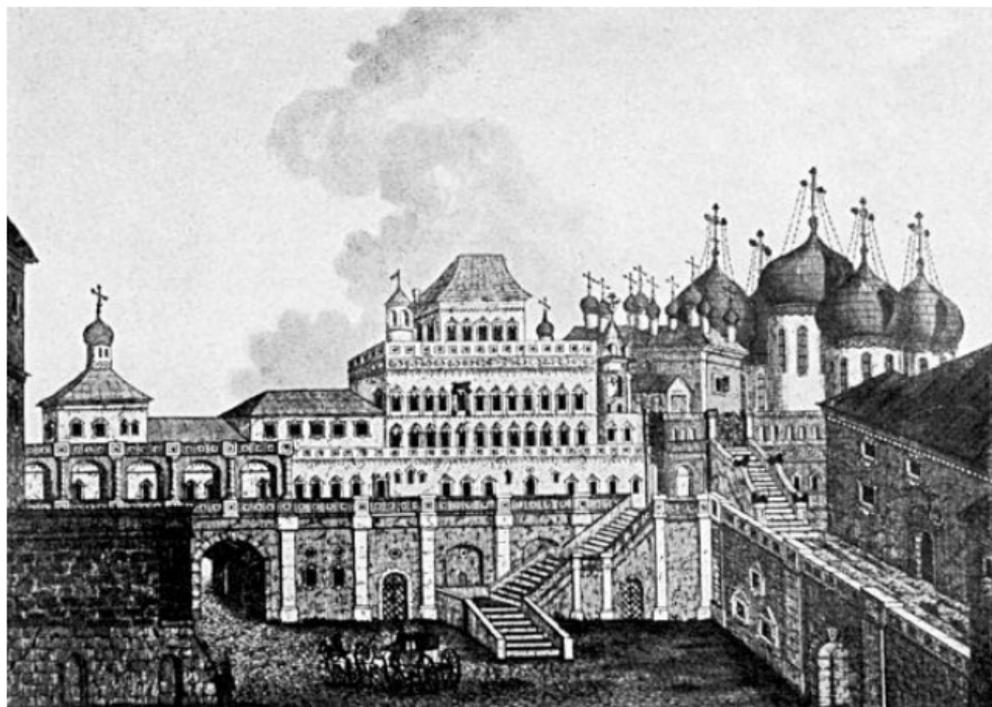
«яко пустынницы, мало зряху людей и их люди.: но всегда в молитве и в посте пребываху и лица свои слезами омываху...»

Само собою разумеется, что живопись в комнатах царевен запечатлена была тем же господствующим религиозным характером; почти все изображения, за исключением некоторых царских и великокняжеских персон, были взяты из истории Нового Завета и некоторые – из жизни Пресвятой Девы; но особенно почитаемы были Господни Страсти – один из самых уважаемых предметов живописи в конце XVII ст. Самое размещение

этих священных изображений не делалось без мысли и особого благочестивого намерения. Нередко они соответствовали даже месту, где были написаны. Так, в Крестовой царевны Софьи Алексеевны, на стене у входа в ее спальню, которая носила общее для того времени название чулана, изображено было моление царя Давида, «став на одре своем, глагола: Господи, слезами моими постелю мою окочу».

Следует упомянуть еще, что, кроме царских жилых хором, живописью украшались и некоторые из хранилищ царской казны, особенно Оружейная, или Оружничья, палата в Кремле и Оружничья изба в загородных дворцах. В ней хранились дорогие вооружения и весь царский доспех со множеством разных других редкостных предметов. Вместе с тем она, как приказ, заведовала всею художественной частью в уборке дворца и церквей. Таким образом, соответственно ее значению, главные ее палаты украшались всегда так же, как государевы хоромы. Точно так же украшалась и царская Аптека. В служебных или хозяйственных отделениях дворца украша-

лись живописью комнаты, в которых заседали начальные люди, т. е. присутственные палаты.

Терема от церкви Спаса-на-Бору

В летних загородных дворцах некоторые комнаты, особенно парадные, также украшались живописью, о чем отчасти мы уже упоминали. Общий характер комнатной стенописи соответствовал вкусу того времени и отличался блеском золота, яркостью красок и

вычурностью в побочных украшениях. Нетленные венцы у святых ликов покрывались обычно сплошь золотом; ризы Спасителя и Богородицы и порфиры, и шубки царских персон расписывались по золоту яркими травами. С большим великолепием украшались царские порфиры и шубки; на них изображали красками по золоту разные аксамиты или аксамитные травы разными образцы, с круживы на обнизь, с каменья и с запаны. Одним из употребительных побочных украшений были золоченые каймы, располагаемые во всех покоех под сводами и потолками вокруг стен, также в разделении сводов и потом около окон в виде наличников.

Все изображения священных событий, все «притчи» списывались большей частью с гравированных рисунков, из разных духовных книг, и не только славянских, но даже латинских и немецких. Без сомнения, для этой цели в Оружейную палату, которая заведовала всеми живописными и иконописными работами по дворцу, куплена в 1676 г. у живописца Ивана Безмина за пять рублей книга Библия, письменная в лицах, на латинском языке, пе-

реплетенная в белую кожу. Что же касается до характера этой живописи, то она со второй половины XVII ст. совершенно отличалась от иконописи и потому, даже и в то время, называлась собственно живописью.

Прежде нежели перейдем к обозрению мебели в древних царских хоромах, мы должны упомянуть о тронах, царских престолах, или царских местах, находившихся во всех больших приемных палатах и в передних комнатах постельного отделения дворца. Обыкновение устраивать такие места в царских и великокняжеских хоромах относится к отдаленной древности. Летописец половины XII века указывает на такое место на сенях, т. е. в хоромах, великого князя Владимира Галичского, по смерти которого сын его, Ярослав, «сидя на отни месте, в черни мятли и в клобуце, тако же и вси мужи его», т. е. в трауре, принимал Изяславова посла, Петра Бориславича. В «Слове о полку Игореве» несколько раз упоминается «отний злат стол», который также может быть принят за отнее место, хотя большей частью он и означает там вообще княже-

ние, княжескую власть. Таким образом, отнее место, златокованный отний стол были необходимою принадлежностью княжеского сана и стояли на княжеских сенях, в гридницах и в теремах. Еще более значения отнее место приобрело во дворце московских великих князей как самодержцев всея Руси. Здесь, без сомнения, оно и устраивалось с большим великолепием, особенно с XVI века, когда Московский двор и в украшениях, и в обрядах стал подражать Византийскому.

Полное понятие о древних царских престолах дает деревянное царское место, сооруженное царем Иваном Васильевичем Грозным в 1551 г, в то время, когда он беспокоился о присвоении и закреплении за собой царского сана со всеми его атрибутами. Это место устроено в виде шатровой сени на четырех столбах, как вообще устраивалась в старину сень, или кровля, над престолами в церквях, даже над теремами и над рундуками крылец. Это был самый обыкновенный архитектурный тип узорочной кровли, очень любимый в то время. В соответствии с особым назначением этой сени, она поставлена на четырех симво-

лических животных, которые должны были изображать таинственный смысл как самого трона, так и особенно смысл царского достоинства и сана. Один зверь – лев, имевший два имени: *лютой* и *скимент*; другой зверь – *уена*¹³³, по Азбуковнику – *медведица*, *рысь*; два остальные названы *оскроганами*.

Прототипом для московских тронов, без всякого сомнения, как и везде, служил знаменитый трон Соломона, библейское описание которого было очень распространено посредством хронографов. Соломон, как самый блистательный царь библейской древности, как строитель храма и собственных дворцов несказанного и недомыслимого великолепия и богатства, всегда был идеалом царей, подражавших ему, в зависимости от средств, если не в мудрости, то в формах обстановки царского сана, в украшении своих золотых чертогов и палат и особенно царских мест – престолов.

«И сотвори царь престол от костей слоновых велий, и позлати его золотом искусенным. Шесть степеней престолу, и образы тельцов престолу создади

¹³⁴— и верх престола кругл бе создади его, ируце сюду и сюду на престоле седалища, и два льва стояща при руках. И двуна.десять львы стояще ту на шести степенех сюду и сюду: не бяше тако во всяком царстве»¹³⁵.

По этому образцу еще с большими затеями устроено было царское место в Константинопольском дворце. Там около трона были размещены золотые львы и другие звери, механика которых была так устроена, что львы рыкали, а лежавшие у трона звери поднимались на ноги, как только кто приближался к престолу во время торжественных приемов. Страха и величия для простых глаз было несказанно много. В то же время золотые птицы, сидевшие на украшениях трона и на особых деревьях, около него поставленных, пели чудные песни. Эффект поразительный для толпы, не видавшей ничего подобного, особенно в то время. Устройство таких чудес наши хронографы, составленные по византийским же летописям, приписывают императору Феофилу.

Мы увидим, что и в московских дворцах

стояли подобные же престолы и, в подражание византийскому дворцу, были даже сделаны рыкающие львы.

В больших приемных палатах московского дворца, кроме обычных лавок, стояли в передних, или красных, углах царские места, или троны, богато украшенные золотом, серебром, драгоценными камнями и золотыми тканями. Любопытное описание царского места в Золотой палате, устроенного, может быть, при царе Иване Васильевиче или при сыне его, Федоре, находим у Георга Паэрле, который, описывая представление Лжедмитрию воеводы Сандомирского, говорит, что Лжедмитрий сидел «на высоких креслах из чистого серебра с позолотою, под балдахином; двуглавый орел с распущенными крыльями, вылитый из чистого золота, украшал сей балдахин; под оным внутри было Распятие, также золотое, с огромным восточным топазом, а над креслами находилась икона Богоматери, осыпанная драгоценными камнями. Все украшения трона были из литого золота; к нему вели три ступени; вокруг его лежали четыре льва серебряные, до полови-

ны вызолоченные, а по обеим сторонам, на высоких серебряных ножках, стояли два грифона, из коих один держал государственное яблоко, а другой – обнаженный меч...»¹³⁶. Этот же самый трон в дневнике Марины Мнишек описывается несколько иначе:

«Весь трон был из чистого золота, вышиною в три локтя, под балдахинном из четырех щитов, крестообразно составленных, с круглым шаром, на котором стоял орел великой цены. От щитов над колоннами висели две кисти из жемчугу и драгоценных камней, в числе коих находился топаз величиною более грецкого ореха. Колонны утверждались на двух лежащих серебряных львах, величиною с волка. На двух золотых подсвечниках стояли грифы, касаясь колонн. К трону вели три ступени, покрытые золотою парчою»¹³⁷.

В Московскую Разруху 1611 г. все царские места, вероятно, были разобраны, может быть, по назначению Боярской думы, которая, по свидетельству Маскевича и современных актов, уплачивала жалованье польским

войскам разными вещами из царской казны; драгоценности, снятые с тронов, также могли пойти на удовлетворение польских полков. По крайней мере, царь Михаил Федорович, при своем вступлении на престол, застал московский дворец в совершенном запустении, не только без царских тронов, но даже без окончин, полов и лавок. В 1619 г., при поставлении Филарета Никитича на патриаршество, государь принимал его в Золотой палате, сидя в малом царском месте, может быть, в креслах, под балдахином из шелковой золотой материи ¹³⁸. В 1621 г., в апреле, в Грановитой палате было обито большое государево место. Это был обыкновенный деревянный балдахин, под которым ставились кресла. Лет через десять с небольшим, в 1635—1636 гг., в Золотой и в Грановитой были устроены серебряные троны, из которых трон Золотой палаты описан Олеарием. Верх (балдахин) этого трона был в виде башенки и поддерживался четырьмя серебряными вызолоченными столбиками в 3 дюйма толщиною. Вышина верха была в 3 локтя; по углам его стояли серебряные орлы с распростертыми крыльями.

Царские места устраивались большею частью в виде сени с легким шатровым верхом, который делался иногда *коруною* и украшался в середине и по углам небольшими башенками, или шатриками, с орлами наверху. Сень поддерживалась четырьмя колонками с узорочными капителями, на которых помещались также орлы с распростертыми крыльями. Седалище состояло из доски, на которую полагали золотную или бархатную подушку, изголовейцо. Подручки, или ручки, у седалища делались в виде львиных или орлиных голов. К седалищу вели три ступени.

На Казенном дворе в 1679 г. сохранялось «государево место, у которого с правой и левой сторон было прибито по две доски серебряные резные, по них золоченые травы, а на досках – орлы двоеглавые с корунами. Кругом досок у места под столбиками и по перететивью прибито семь труб серебряных, по них резаны травки. Верхнее перететивье деревянное обито кружевом кованым, а на нем доска деревянная сделана коруною, обито серебром золоченым басемным; на ней два орла двоеглавых серебряных с корунами; а промеж их,

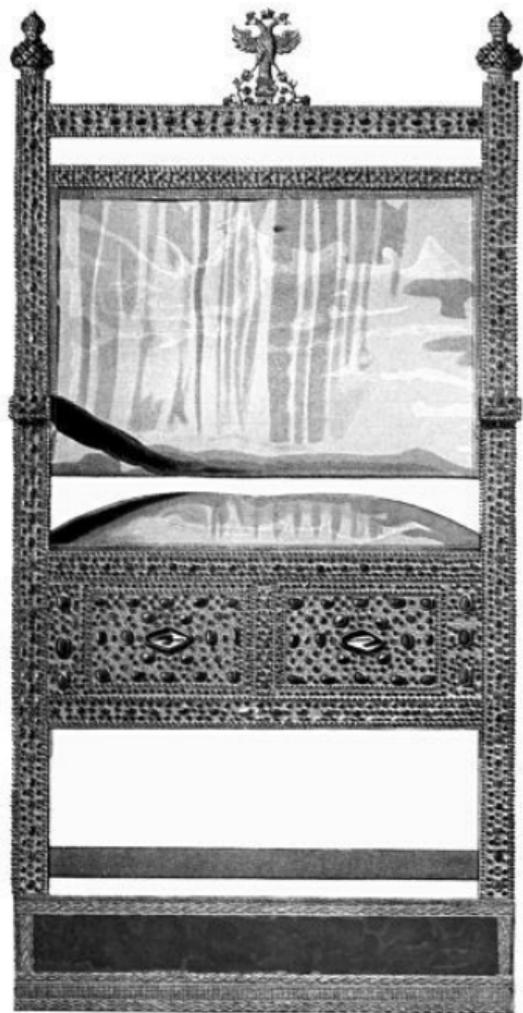
на доске ж, наверху яблочко серебряно золочено стоянцом, на нем ставится орел. Изнутри место обито атласом турским по серебряной земле, по нем травы золоты и шелки разных цветов; сзади снаружья обито атласом золотным по червчатой¹³⁹ земле; подножье обито бархатом червчатым с серебряным голуном».

Кроме серебра и золоченья, троны украшались иногда и драгоценными камнями. По свидетельству Лизека, золотой трон в Столовой палате «был осыпан драгоценными камнями и имел небольшие колонны. Некоторые из них были ордена коринфского, другие ионического, тосканского, дорического, большая часть смешанных»¹⁴⁰.

Ф. Солнцев.

Кресло царя Михаила Федоровича

В 1687 г. для царей Ивана и Петра, в Каменном тереме, в Передней (ныне Гостиной) устроены были деревянные резные места, верх которых, украшенный гзымзом и четырьмя шпренгелями с орлами, поддерживался витыми столбами с капителями. По сто-

ронам сделаны были, кроме того, два кронштейна и два скрыдла (резные штуки в виде крыл). Вся эта резьба была густо позолочена; места поставлены были на рундуке о двух

ступенях. Внутри они обиты были (в 1694 г.) бархатом осинового цвета, а подушки и приступные колодки – таким же атласом. У цариц в их Золотой палате стояло также место, на которое они садились во время приемов духовенства, бояр и боярынь, в праздники или семейные торжества. Кроме того, места устраивались и в постельных хоромах цариц, именно в Передней, где также происходили иногда приемы. Так, в Переднюю царицы Натальи Кирилловны, в 1685 г, было сделано место большое «с рукоятьми и с уступы». Подобные же места строились и для царевичей в их постельных покоях.

Внутри царских мест, как мы уже видели, вверху над седалищем ставились всегда иконы в богатейших окладах, блиставших золотом и драгоценными камнями.

В заключение этого обзора царских престольных мест должно упомянуть, что при царе Алексее в Коломенском дворце подле царского места поставлены были львы, которые, как живые, рыкали, двигали глазами и зияли устами. Туловища их были медные, оклеенные барановыми кожами под львиную

стать. Механика, приводившая в движение их пасти и глаза и издававшая львово рыкание, помещалась в особом чулане, в котором устроен был механизм с мехами и с пружинами. Эти львы были построены в 1673 г. часовым мастером Оружейной палаты Петром Высотцким. При царе Федоре они были исправлены, в 1681 г., в одно время со всеми возобновлениями и перестройками, какие сделал царь в Коломенском дворце. В начале XVIII ст. львы, уже поломанные, хранились в подклетной кладовой дворца.

Таким образом, царский московский дворец в XVII ст. уподоблялся во многом своим древнейшим идеалам – дворцам библейским и особенно Константинопольскому, как более близкому по времени и по обычаям. Его великолепие изумляло современников, и многие из них, пораженные блеском золота и красок, богатством, торжественностью, несказанным сиянием и блистанием всего окружавшего, иногда видели даже больше, чем было на самом деле. Если так изумлял царский чертог людей заезжих, бывалых и, может быть, многое уже видавших в других странах, то для

простых туземных глаз он в действительности был чудом, о котором «ни в сказке сказать, ни пером написать».

Мебель в царских хоромах была немногочисленна и не отличалась большим разнообразием. Прежде мы говорили, что вокруг комнат по стенам были лавки, вполне заменявшие стулья. В передних, или красных, углах, под образами, которые составляли необходимое украшение каждой комнаты, стояли столы простые дубовые, иногда на точеных ногах, или липовые крашенные. Передний угол был первым, почетным, местом в комнате, точно так, как в современном быту, в наших гостиных, диван с неизбежным круглым столом; поэтому значение лавки и стола в переднем углу древних хором было совершенно одинаково со значением дивана и стола в наших гостиных. В обыкновенное время столы покрывались червчатым, алым или зеленым сукном, а в торжественные дни – золотными коврами и аксамитными, алтабасными или бархатными подскатертниками. Иногда они обивались сукном или атласом.

Ф. Солнцев. Серебряный трон Иоанна и Петра Алексеевичей

С половины XVII ст. входят в большое употребление столы «немецкие и польские», на львиных и простых кривых, отводных ногах, украшенных резьбою, а иногда решетчатых,

также резных и прорезных подстолях. С этого же времени столы, особенно в постельных комнатах, большей частью расписывали разными красками по золоту и по серебру или покрывали одной черной краской и полировали. Столовые доски почти всегда делались с прорезными подвесами или подзорами и украшались живописью.

Ф. Солнцев. Середина серебряного трона Иоанна и Петра Алексеевичей

В 1675 г. в хоромах царя Алексея Михайловича находился

«стол, писан по золоту розными красками травы; в середине – круг, в кругу орел двоеглавой с короною; по сторонам круга писано золотом по столу по птице Сирину¹⁴¹; каймы писаны по золоту ж розными красками: в узлах – травы, подстолье писано по разным краскам золотом травы».

Длиною этот стол был 2 аршина 12 вершков, шириною аршин¹⁴². В мае 1675 г. живописец Иван Салтанов писал царевичу Федору Алексеевичу

«столовую доску, а на ней притчу: когда царь Костянтин был не во благочестии, и взят был в плен Персы, и приведен был в капище на жертву, и свободися своими рабы воинами».

В 1676 г. он же, Салтанов, написал в хоромах царя Федора Алексеевича на столовой доске притчи царя Соломона. Каймы у этой дос-

ки были резные, покрытые золотом и серебром. В 1684 г. в хоромы царевны Татьяны Михайловны сделано четыре стола; подстолья резные на точеных ногах. На досках было написано красками и золотом, в середине двуглавые орлы, по сторонам их в клеймах аллегорические изображения весны, лета, осени и зимы¹⁴³, по каймам, также в клеймах – разные птицы. В 1685 г. в хоромах царицы Прасковьи Федоровны сделан круглый липовый стол, семигранный, с выдвигаемыми ящиками и расписан цветными красками. В Коломенском дворце, в четвертой государевой комнате, стоял стол, весь золоченный, на доске которого между стекольчатых мишеней были написаны: *Вера, Надежда, Любовь*.

Столовые доски иногда бывали каменные, аспидные, т. е. мраморные. В 1667 г. в подарок государю расписан точеный стол с раковиной доской, т. е. украшенной перламутром. Впрочем, такие столы употреблялись только в важных случаях, например, при посольских приемах и в другие торжественные дни. Столы вообще делались круглые, овальные, восьмигранные, четырехугольные, нередко с вы-

движными ящиками. Иногда столы устраивались и на колесах.

После столов и лавок довольно видное место занимали в тогдашней мебели скамьи – широкие и толстые доски, утвержденные на четырех ногах, соединенных проножками, или же на глухих ногах из цельной доски. Иногда скамьи устраивались с переметом, т. е. спинкою глухою или решетчатою, которая переметывалась на вертлюгах на обе стороны, почему такие скамьи и назывались переметными или опрометными. Скамьи были также малые передаточные и большие спальные, заменявшие кровать, на которых отдыхали иногда после обеда, для чего на одном конце их устраивался *взголовашек*, *подголовашек*, *приголовашек* – нечто вроде пульпета, служившего также ларцом. Скамьи покрывались такими же полавочниками, как и лавки, а иногда золотными бархатами и коврами; они обивались также красным сукном, на хлопчатой бумаге, с шелковою или золотною бахромою и галуном.

В древнейшее время, кроме скамей, употреблялся еще столец – собственно стул в его

древнем значении, табурет, т. е. небольшая скамья с квадратным или круглым сидением.

Стулья и кресла теперешнего устройства, до Петра Великого, были еще, так сказать, гостями в царских хоромах, употреблялись редко, потому что их вполне заменяли скамьи и лавки. Кресла, сверх того, считались мебелью почетною и в некоторых случаях заменяли царские места, или троны. Во дворце кресла подавали одному только государю и лицам царского семейства, а из посторонних – одному только патриарху, когда он посещал государя. Для этого в царской казне, в Шатерной палате, сохранялись особые кресла, которые так и назывались патриаршими. Послам иностранных держав подавали иногда скамью, что, однако ж, считалось большою почестью. До конца XVII ст. кресла назывались стулом; следовательно, при незначительном употреблении стульев, они строго не различались и в названиях. Форма древних стульев и кресел была очень проста. Кресла состояли из четырех стоячих столбиков, двух передних, поменьше, и двух задних, между которыми

утверждалась спинка, или верхняя доска, иначе щит, почти всегда украшенный коруною или орлом, а столбики яблоками. Столбики связывались перететивьями верхними, где был щит, и нижними, где живет (т. е. где кладется) подушка. От задних к передним столбикам, по сторонам, протягивались ручные помочи, или подручки. Внизу столбики связывались также перететивьями, которые называли подножками. Внизу же спереди кресел устраивалось подножье, или приступка. Нижние части столбиков составляли ножки кресла, которые делались в виде яблок, также в виде звериных, львиных лап. Стул от кресел отличался тем только, что не имел ручных помочей, или подручек. Обиваемые атласом, бархатом и золотными тканями, кресла и стулья украшались, сверх того, искусною резьбою, которая расписывалась красками, серебрилась и золотилась.

Трон царя Алексея Михайловича

В 1625 г. царю Михаилу Федоровичу были устроены кресла из липового дерева резные иконниками и резцами (резчиками), Андреем

Андреевым и Петром Алексеевым, а также знаменщиком (рисовальщиком) Петром Ремезовым, который вырезал к креслам на верх щит и на щит *орел* и *львы звери*. Нередко кресла делались без подушек; в таком случае на седалища клали *зголовья* бархатные, атласные и парчовые; это были, так сказать, подвижные подушки, которые могли употребляться при нескольких креслах, в зависимости от необходимости. Застенки, или спинки, и подручки при обивке подкладывали хлоп-

чатую бумагою. Так же обивались и стулья. Когда садились в кресла, то к ним всегда приставляли приступы, или колодочки приступные, род скамеек, обитые сукном или бархатом с галуном. Иногда комнатные кресла делались на колесах медных или железных луженых (в 3 вершка в диаметре).

Кроме комнатных, были кресла или стулы выходные, которые употреблялись только в царских выходах, на посольских приемах и вообще в торжественных случаях, после чего сохранялись обычно в Шатерной казне, в Мастерской палате или на Казенном дворе, с другими драгоценностями. Выходные кресла и стулы богато украшались не только золотными материями, но даже кованым золотом, серебром и драгоценными камнями. В числе их был и костяной стул, приписываемый вел. кн. Ивану Васильевичу, с вырезанными изображениями событий из истории царя Давида и некоторых предметов из древней классической мифологии.

Трон Иоанна III из слоновой кости

В последних годах XVII ст. некоторые ком-

наты дворца были уже меблированы, или, по старому выражению, «наряжены», по-европейски. Обычные лавки были заменены стульями; на стенах висели зеркала. Для наряда новой комнаты, построенной в 1692 г. на Куретных воротах, на Светлишной палате, были употреблены: стол – доска каменная в рамках деревянных, длиною полтора аршина; под-

столье резное, прописано серебром, золотом и красками. *Шаф* дубовый, большой, с лица и со сторон оклеен синослоем, резной; двенадцать стулов бархатных красных и алых, в том числе два персидских полосатые, все без подушек, обиты медными гвоздями. Четыре зеркала в рамах из черного гебанового немецкого дерева. Стулья, точно так же, как и кресла, расписывались красками по золоту и серебру. Кроме разных шелковых материй, для обивки стульев употреблялись также золотные колеи.

Зеркала в древнее время употреблялись только как принадлежность туалета; поэтому они были невелики и даже редко висели на стенах, а большей частью сохранялись в особых влагалищах, или чехлах, или же в особых готовальнях, т. е. футлярах, вместе с гребешками и другими подобными предметами. Значение комнатной мебели зеркала получили едва ли не со второй половины XVII ст.; но и в это время они составляли убранство одних только внутренних постельных хором и не имели еще места в парадных приемных ком-

натах,— надо думать, потому, что царственный и притом благочестиво-назидательный и строгий характер всего убранства этих последних комнат не допускал размещения, среди благоговейно чтимых предметов и священных изображений стенописи, таких вещей, которые относились к суетности человеческой и вообще представляли собой обыкновенные житейские, мирские, или светские, затеи. По крайней мере, зеркало долго еще оставалось предметом, мало соотносимым с общими в то время понятиями о приличии и красоте в убранстве парадных комнат. Оно и в постельных хоромах всегда задерживалось тафтяными или другими шелковыми завесами или же было с затворами по-киотному,— так что представляло не предмет роскошного убранства, а предмет необходимости и житейской потребности, подобно тому как теперь находятся зеркала в алтарях церквей.

Стенные комнатные зеркала устраивались, как мы заметили, или по-киотному, со створками, или вставлялись в рамы и станки деревянные, украшенные резьбой, раскрашенные цветными красками, вызолоченные

или высеребрённые, в зависимости от вкуса хозяина. Некоторые станки и рамы украшались инкрустацией из меди, олова, перламутра, кости и янтаря. Впрочем, гораздо чаще рамы оклеивали бархатом червчатым, вишневым, черным, также кожей басменную, т. е. тисненную золотыми или серебряными травами и разводами. В конце XVII ст. зеркальные рамки и станки стали делать из черного «гебонового» дерева. Более роскошные зеркала привозились из-за границы в дар от послов и торговых людей. На Казенном дворе в 1640 г. хранилось присланное государю голландским князем «зеркало хрустальное большое, края оправлены серебром, каймы серебряны золочены; на полях на серебре люди и личины и травы разные; на заде доска деревянная белая».

Через немецких торговых людей всегда можно было получать очень хорошие зеркала и всякие другие предметы мебели и комнатного убранства. Когда в 1662 г. понадобилось послать дары кызылбашскому шаху, то у немцев между прочим было взято

«зеркало большое, а к нему сделан ста-

нок резной, в местах по правую сторону два мужичка, по левую сторону то ж, писаны живописным письмом, резные и позолочены на красном подзуб; по сторонам травы прорезные ж золочены; в исподу станка травы прорезные золочены ж, в середине зеркало хрустальное. На верху того станка корона прорезная золоченая, в середине той короны зеркало большое хрустальное круглое. (Другое) зеркало большое, станок индийских черепах».

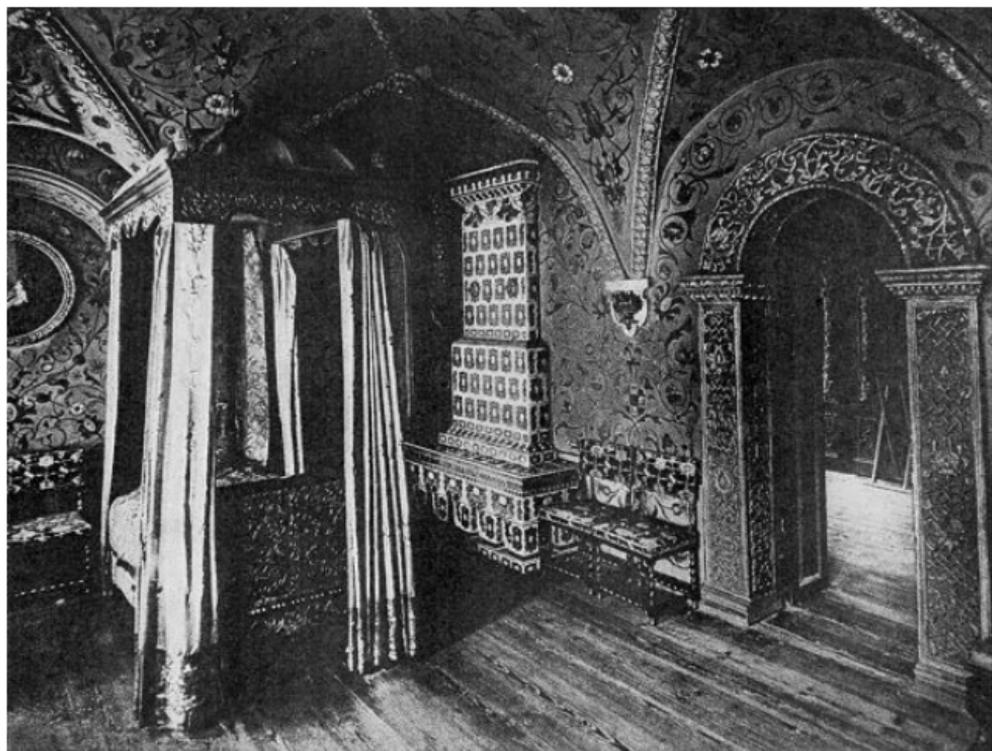
В конце XVII ст. в царской казне, в Оружейной палате, хранились между прочим: зеркало стенное с затворами, сделано по-киотному; в середине на затворах, больших и малых 23 стекла; меж всех стекол обито оловом белым; на затворах сверху и позади обито жемчугом красным и слюдою и репьями оловянными. Зеркало стенное покрыто было кожею серебряною, и слюдою, по местам попорчено; круг стекла – дорожник черный воловчатый. Станок зеркальный деревянный, покрыт кожей черною, печатано золотом; внутри один затвор оклеен атласом красным; посреде затвора обложено кружевом золотным; а по

краям и по углам оклеено галуном, шелк зелен с золотом.

В комнатах зеркала помещались в простенках, между окон, или на глухих стенах, в зависимости от удобства, и всегда, как мы говорили, задергивались завесами на кольцах, тафтяными, атласными или бархатными, обшитыми сверху подзором, снизу бахромою, а по сторонам – кружевцом, также из шелка или из золотного и серебряного плетенья.

В постельных хоромах, стены которых не были украшены живописью, ее заменяли картины, парсуны, или персоны, т. е. портреты и фряжские листы, эстампы, в рамах без стекол и за стеклами. Содержание картин подчинено было тому же господствующему церковно-назидательному характеру живописи, о котором мы говорили при обозрении комнатных украшений. Предметы для изображений брались преимущественно из царственных книг библейской истории и носили общее название притчей. Несмотря на то, картины довольно резко отличались от икон, потому что написаны были в живописном

стиле иностранными художниками, жившими в Москве по приглашению царей. Со времени царя Михаила Федоровича иностранные живописцы постоянно, один за другим, приезжали в Москву служить своим мастерством при царском дворце, который они украшали и картинами, и стенописью.

Терема. Опочивальня царя Алексея Михайловича

Служба всех художников не ограничивалась только работами для дворца; они обязывались также выучить живописи русских учеников. Некоторые выполнили это с большим успехом, и их ученики сделались впоследствии известными мастерами. В конце XVII ст. из русских учеников образовалось нечто вроде школы, которая живописный западный стиль внесла даже в самую иконопись и церковную стенопись.

Персоны, или портреты, украшали стены также в одних только постельных хоромах. Само собою разумеется, что в царском дворце занимали свое место только портреты особ царского семейства или высших духовных властей и некоторых иноземных государей. Многие портреты были писаны с натуры, или, как говорили тогда, *с живства*.

Что же касается до фряжских листов, то здесь должно разуметь эстампы, гравированные на меди и на дереве. В царском быту они появляются еще в начале XVII ст. под общим названием потешных немецких печатных листов. Подобными фряжскими и немецкими листами с XVII ст. торговали в Москве в Овощ-

ном ряду. Во дворец их покупали для государевых детей, вместе с игрушками. Малолетние царевичи и царевны забавлялись этими листами, вместе с тем получали из них сведения о некоторых предметах естественной истории, географии, всеобщей истории и пр. Самое название этих листов «немецкими» и «фряжскими» указывает на их происхождение: они вывозились к нам с Запада. В числе их, может быть, встречались гравюры известных художников. Впоследствии и у нас стали печатать эти листы на дереве, на лубу (луб – доска особой пилки), отчего, как можно объяснить и как вообще объясняют, они и получили название лубочных картинок. Но вероятно также, что листы могли получить свое прозвание от разрисовки и раскраски *лубяных коробей*, какие в XVI и XVII ст. были в большом употреблении.

Судя по сохранившимся памятникам (подобные коробьи находятся в Историческом музее), нельзя не видеть, что лубочные картинки, и именно деревянной печати, носят полнейшее сходство с упомянутыми писаными коробьями, так что лубочный рисунок и

его раскраска могли послужить образцом и для его воспроизведения печатным делом. Кроме того, есть известие, что еще в XV ст. на лубу писали, чертили чертежи, планы,— следовательно, луб употреблялся вообще для рисования вместо бумаги, которая тогда была для простых людей очень дорога. Известно также, что для письма употреблялась и береста. Таким образом, лубочная картинка могла существовать и до изобретения печатного дела. По свидетельству Кильбургера¹⁴⁵ (1674), в московской и киевской типографиях, кроме церковных книг, печаталось также много образов и эстампов на дереве¹⁴⁶.

Кровать патриарха Филарета

В царских хоромах фряжские листы обычно прибывались к стенам лужеными гвоздиками по деревянному дорожнику, который служил таким образом вместо рамки. Гравюры со священными изображениями вставлялись чаще всего в рамки.

Мы должны упомянуть еще о чертежах, или живописных географических картах, которые висели на стенах в государевой Комнате. Чаще всего такие чертежи писаны были, как говорится, с высоты птичьего полета, с изображением самих зданий, храмов, башен, жителей гор, лесов и пр.

Картины, эстампы, географические чертежи и другие подобные предметы не составляли принадлежности только одного дворца, но бывали, хотя и редко, и в боярских домах, например, в доме знаменитого Матвеева, по своему уму и образованию едва ли не первого боярина того времени, и не менее знаменитого кн. В. В. Голицына. Кроме некоторых других лиц, их современников, мы можем назвать также Никиту Ивановича Романова, царского

родственника, который жил раньше и несколько не уступал им в стремлении к образованию, любил музыку, даже носил немецкое платье, по крайней мере, выезжал в нем на охоту. Вообще, в XVII ст. боярский быт стал во многом изменяться по сравнению с прежним.

Расписной короб с изображением птицы Сирин. XVII в.

Мы видели, что еще в первой половине XV

века в московском дворце стояли башенные часы. По всей вероятности, к тому же времени нужно отнести и употребление комнатных часов, столовых и стенных, или гирных, указных, а также и воротных или зепных, т. е. карманных, которые носили на цепочках на вороту, в зепи или кармане. Тогда все такие часы были большой редкостью в Москве и привозились иностранцами, продававшими их, вероятно, по очень дорогой цене. Когда Москва в XVI веке завязала частые посольские отношения с западными государствами, то в числе даров, подносимых государю, не последнее место занимали и часы, более или менее хитрого и затейного устройства. Само собою разумеется, что дар тем и славен был, что был дорог материально или же чуден хитростью искусства и работы. В XVI ст., без сомнения, по редкости, часы подносились наравне с золотом и серебром и с другими диковинами разного рода, например, попугаями, обезьянами и т. п. Так, в 1557 г. шведские послы поднесли царю Ивану Васильевичу «кубок золочен, с покрывшкою, поставной, а наверху, в покрывшке, часы»¹⁴⁷.

В 1594 г. цесарев посол Варкач поднес царю Федору Ивановичу от цесаря «часы меденные золочены с планитами и с святцы»; и от себя «часы медены золочены с планитами»¹⁴⁸. В 1597 г. послы императора Рудольфа поднесли государю от императора часы «с переча-сьем, с людьми и с трубы, и с накры¹⁴⁹ и с варганы¹⁵⁰; а как перечастье и часы забьют, и в те поры в трубы и в накры и в варганы заиграют люди, как живые люди»¹⁵¹.

Таким образом, в московском дворце даже и затейливые часы не были особенной редкостью. Их выставляли напоказ обыкновенно во время посольских и других приемов. Так, в 1588 г., при кызылбашских послах во время стола в Грановитой палате в другом окне, по правую сторону от трона, стояли часы «бюевые золочены, немецкое дело, походные, на слонех»¹⁵². При Годунове в Грановитой палате висело паникадило в виде короны с боевыми часами.

Само собою разумеется, что всякого рода замысловатые и особенно богатые часы приходили к нам от немцев и покупались чрез посредство немецких торговых людей.

Большим охотником до часов был также боярин Матвеев. Адольф Лизек, описывая комнаты боярина, в которых он принимал для совещания цесарского посла Боттония, говорит, что в приемной зале потолок был разрисован:

«На стенах висели изображения святых немецкой живописи, но всего любопытнее были разные часы с различным исчислением времени. Так, одни показывали часы астрономического дня, начиная с полудня (*какие употребляются и в Германии*); на других означались часы от заката Солнца, по счету богемскому и итальянскому; иные показывали от восхода Солнца, по счислению вавилонскому; другие по иудейскому, иные, наконец, начинали день с полуночи, как принято Латинскою церковию».

Собственно русские часы при указании времени, как мы уже говорили, делили сутки на две части: на часы дня с восхода Солнца, и на часы ночи с солнечного заката. Во дворце и в домах бояр комнатные часы устраивались таким же образом.

Часовых дел мастера нередко изготавливали и органы. В московском дворце органы существовали уже с XV в. Нет сомнения, что в потешном обиходе они с другими подобными инструментами составляли впоследствии необходимую статью дворцовых увеселений. В XVI ст. вместе с органами привезены были во дворец и клавикорды, или цимбалы. В начале XVII ст. ««органы» и ««цимбалы» упоминаются уже как самые обычные предметы дворцовых потех. Органное мастерство до того утвердилось при царском дворце, что в 1663 г. царь Алексей

«указал сделать в запас для посылки в Персидскую землю органы большие самые, как не мочно тех больши быть, а сделати б на двенадцать голосов. А что к тому делу каких запасов надобно, и то давать из Оружейныя Полаты».

Для поклажи и сохранения вещей в комнатах ставились казенки, поставцы, шкафы, скрины, шкатуни, сундуки, ларцы, ящики, коробки, подголовки; у стен приделывались вислые полки, а в печурах, какие бывали обыкновенно в каменных хоромах, устраива-

лись также шафы, или полки с дверцами, как и теперь делается в монастырских кельях.

Казенка, род шкафа, клеенная из липовых досок, приделывалась к стене наглухо и назначалась для хранения казны, т. е. разных предметов дорогого убора или посуды и вообще драгоценных вещей.

Поставцы были собственно большие ящички с полками без дверей, вышиною в аршин и соразмерной ширины. Они большей частью навешивались к стенам в удобном месте на железных петлях и задерживались завесами суконными или шелковыми. В них, по подобию шкафов, устраивались также выдвигаемые ящички. Бывали поставцы с уступом, разделявшим их на две части: верхнюю поменьше, которая составляла уступ, и нижнюю пошире, которая служила основанием поставца. Устраивались поставцы по-налойному, вышиною не больше аршина, потому что ставились на лавки и употреблялись, вероятно, для чтения и письма или, может быть, заместо налоев во время молитв. Когда поставцы приделывались внизу к стене наглухо, то назывались рундуками, какие нередко делались под

лавками и особенно в конике. В третьей комнате Каменного терема в 1661 г. стоял рундук, обитый снаружи золотыми кожами, у которого двери изнутри были оклеены червчатым бархатом, а полки червчатыми дорогами (полосатою бумажною матерниею).

Шафы устраивались с дверцами и с уступами, причем нижний уступ заключал в себе выдвижные ящики, а верхний был створчатый с полками. Они ставились на точеных ножках и сверху украшались гзымзом или шпренгелем с дорожниками. Такие шафы назывались также и поставцами. Комоды назывались скрынями и тоже шафами.

Иллюстрация к «Книге любви знак в честен брак» Кариона Истомина, преподнесенной Петру I и Евдокии Лопухиной по случаю их бркосочетания. 1689 г.

Поставцы, или шафы, в которых хранились книги, назывались книгохранительницами. Туалетные вещи и разные драгоценности сохранялись в шкатунах, ларцах, скринках, подголовках и т. п. О подголовках Меховский пишет, что они были в большом упо-

треблении у новгородских богатых купцов, которые прятали в них серебро, золото и все драгоценные вещи и ставили эти сундуки, черепаховидной формы, вблизи стола, вероятно, в переднем углу под иконами. Кильбургер говорит, что погребцы и пульпеты (укладки) или подголовки делались в Холмогорской стороне, которая вообще славилась сундучным производством. По его словам, подголовки устраивали, однако ж, так, что писать на них было нельзя, потому что сверху их обивали железными лужеными полосами; но зато они были очень удобны для зимней езды: их ставили в санях под головы. В хоромах на лавках их также ставили под головы, под подушку, когда ложились отдыхать, отчего и назывались подголовками.

А. Васнецов. Книжные лавки на Спасском мосту в XVII в. 1902 г.

Вся такая мебель большей частью делалась из простого дерева, преимущественно из липы, украшалась резьбой и потом обивалась красным сукном, как, например, был обит шкаф в третьей комнате в Верху у царя Алек-

сея, а чаще всего раскрашивалась красками, цветным или зеленым аспидом, т. е. под малахит и мрамор, а иногда по золоту и серебру расписывалась травами и узорами или же просто чернилась в глянс, т. е. полировалась. На поставцах, книгохранильницах и шкафах с лица писали также цветки и фрукты. Вообще, мебель отличалась тою же яркой пестротой в украшениях, какой блистал и сам дво-

рец, снаружи и внутри; одно соответствовало другому и вполне обличало вычурный вкус того времени, который признавал красоту в одной только совокупности золота, ярких красок и хитрых узоров.

Вечером большие приемные палаты освещались паникадилами и стенными подсвечниками, или шенданами, которые помещались в простенках, между окон. Паникадила висели в Грановитой, в Средней Золотой, в Царицыной Золотой, в Столовой, в Передней и в других палатах и комнатах. Одно из таких паникадил, висевшее при царе Федоре Ивановиче в Царицыной Золотой палате, описано архиепископом Елассонским Арсением, который был принят в этой палате супругой Федора, Ириной.

«В палате царицы Ирины, — *говорит он,* — висел превосходной работы лев, державший в лапах змею, а к змее привешено было множество прекрасных канделябров, сплетенных наподобие корзин».

При Годунове (1602), когда он давал обед датскому принцу Иоанну, жениху царевны

Ксении, Грановитая палата была украшена превосходной работы паникадиллом, в котором находились часы с боем.

Подсвечники, или шенданы, серебряные, столовые и стенные, употреблялись только в парадных случаях. Все они были превосходной заграничной работы и поступали в царскую казну в дар от иноземных государей и послов. Большею частью они представляли разные мифологические и аллегорические фигуры. В обыкновенных, будничных случаях постельные хоромы, равно как сени и переходы, освещались сделанными из слюды, весьма узорочными фонарями, которые оправлялись белым железом, золотились и расписывались красками. По ночам горели *ночники* медные, стоявшие для безопасности в медных коробьях, род подносов или сковород.

Количество восковых свечей, какое выходило каждый день на освещение отдельных хором дворца, было довольно значительно, судя по уютности комнат. В 1684 г. в хоромы царицы Натальи Кирилловны и царевны Натальи Алексеевны да в Стряпущую и в Казенную избы в подклеты постельницам и ком-

натным бабам и в фонари выходило свеч во-
щанных по два налепа¹⁵³ больших, по 5 витых
больших, по 8 витых меньших, по 35 образ-
ных, по 30 четых да по 50 свеч сальных, на
сутки.

Скажем здесь, кстати, несколько слов о ку-
рениях, какие употреблялись в то время в
приемных палатах и в жилых хоромах. Обык-
новенное курение составляло ячное пиво, ко-
торое употребляли в топку для духу, особенно
в мыленках, а также в мастерских палатах,
где хранилась одежда и разный убор платей-
ной и постельный. Иногда в топке употребля-
ли росной ладан. Вероятно, тем же способом,
т. е. когда топили, использовали и разные
другие, не слишком дорогие и более обычные,
курения. В особенном употреблении была
также *гуляфная водка*, розовая вода. Впрочем,
в царских покоях курили разными составны-
ми ароматами из водок и трав, которые заго-
товлялись в Аптекарской палате. Кроме того,
в Аптеке довольно часто прописывались раз-
ные другие благовонные составы для куренья
и разная смесь из редких ароматов, из кото-
рых некоторые клали в платья в Мастерской

палате, чтобы придать им хороший запах.

Между прочим, *Essentia ambrae* была самым отличным благоуханием для тогдашнего времени во всеобщем употреблении. Она состояла из полфунта водки апоплектики, полфунта эликсира *Vitae Mathioli* и золотника *ambrae gryseae*. Изготавливались также благовонные свечи. Ароматическими составами курили в жаровнях и жаровенках, серебряных и медных. Употреблялись также большие жаровни столовые, вроде чаш или в виде каких-либо затейливых фигур, например гор с замками.

С. Иванов. Земский собор

По поводу чистоты и опрятности в комнатах упомянем, что, кроме повседневной уборки и по случаю празднеств и царских тезоименитств, раз в год, а именно перед Святой¹⁵⁴, производилась уборка и чистка повсеместная. Тогда во всех хоромих церквах, во всех комнатах, каморках и чуланах мыли полы, стены, потолки, промывали живопись, очищали золоченье, резьбу и все другие подобные украшения, закоптевшие или запылившиеся от времени; выбивали пыль из суконных и других комнатных нарядов. При этом производились и необходимые починки и возобновления попорченных и худых мест. С особенной тщательностью к этому времени очищались образа. Их мыли греческим мылом посредством греческих же губок.

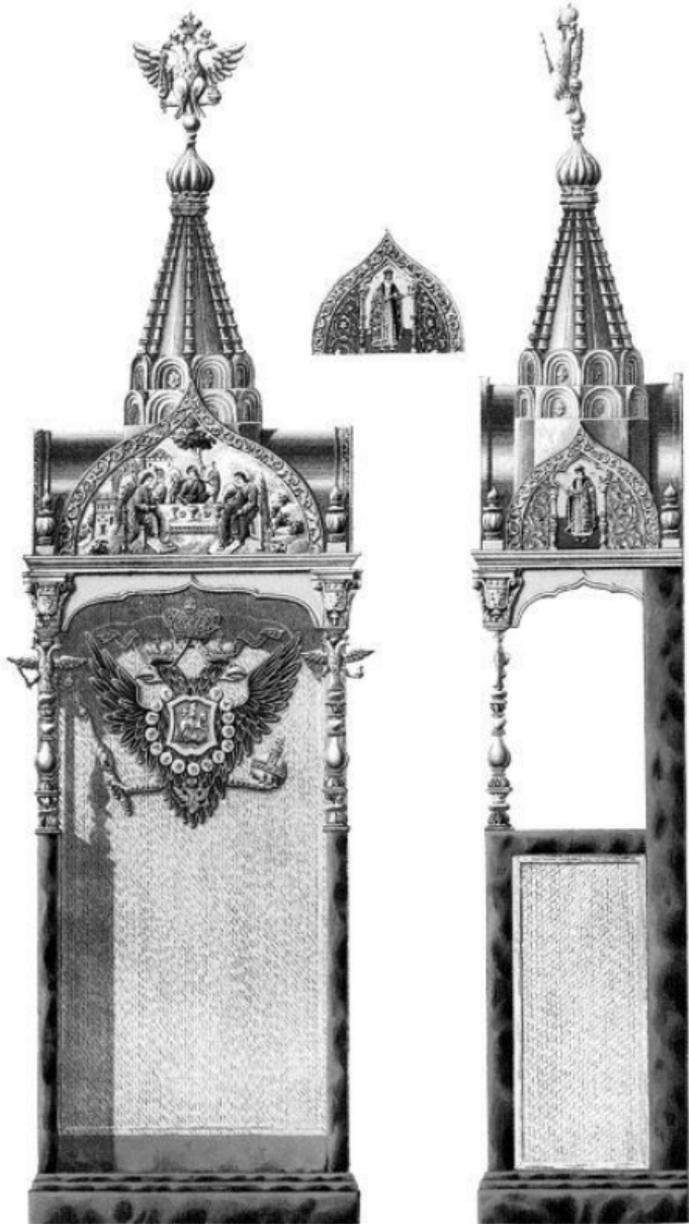
Живопись в комнатах подправлялась, а если была уже сильно попорчена, то переписывалась вновь. За внешнею чистотою и опрятностью наружных мест во дворце строго наблюдала Истопничья палата. Крыльца, лестницы, рундуки, площадки, переходы, двори-

ки открытые и находившиеся в сенях, каждый день начисто выметались и подсыпались просеянным желтым или красным, а также белым воробьевским, привозимым с Воробьевых гор, песком, который сыпали в подсев, через решета, для того чтоб ложился ровно и чисто.

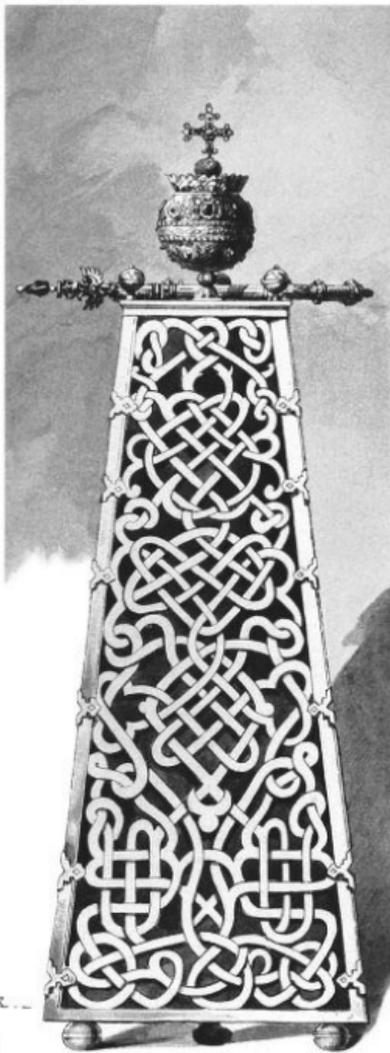
После этого общего обзора древнего хормного наряда и убранства представим, в дополнение, частный обзор некоторых комнат, наиболее значительных в домашней жизни того времени. Приемною комнатою была Передняя, поэтому главный предмет ее убранства, который обращал на себя внимание, было царское место, стоявшее в переднем углу, или же большое кресло, соответствовавшее по своему значению упомянутому месту. Затем никакой другой мебели, кроме обычных лавок у стен, в Передней не было. Гостей приглашали садиться на эти лавки по старшинству, более почетных – ближе к креслам или к месту. Особенно важным гостям, например знатному духовенству, подавали также особое кресло. Гораздо проще устраивались ме-

ста в Передних цариц и царевичей. О местах в комнатах царевен не упоминается; вероятно, для них ставились только кресла. Места устраивались на рундуках, на особых помостах, которые перед полом возвышались на одну, на две, а иногда и на три ступени.

Ф. Солнцев. Царское место царя Федора Алексеевича

Гонимые въ Царскомъ Трою

Г. Амакилл з.

Н. Самокиш. Стоянец к царскому трону с державой и скипетром

Комната, в собственном значении, была кабинетом или вообще таким помещением, в котором оставались большую часть дня. Поэтому она больше может ознакомить нас со вкусами и потребностями повседневной жизни в царских хоромах. Меблировка ее заключалась в обычных лавках с коником, т. е. такой же лавкой, устроенной ларем или шкафом для поклажи разных домашних вещей. В переднем углу под образами всегда стояло кресло, как особое отдельное от других местосидения, собственно для хозяина хором, был ли то сам государь или царевич, государыня или царица. В своих хоромах каждый был государем в смысле отдельного, независимого хозяина, каждый жил среди отдельного почета и чествования, какими окружали его особу приближенные и дворовые. Если пред лицом государя, когда он даже и слова разговорные говорил, т. е. вел обыкновенный разговор, никто не смел садиться и, чтоб отдохнуть и посидеть, выходил в другую комнату, но нет ни

малейшего сомнения, что то же самое строго наблюдалось не только в хоромах государыни, но и в хоромах царевичей и царевен, как бы они малы ни были. Может быть, одни дядьки да мамы пользовались правом сидеть подле или поодаль своих питомцев на лавках. Когда приходил значительный гость, которого следовало также сажать особо, не на лавке, то в комнату вносилось другое кресло и ставилось по приличию, где указывала честь пришедшего гостя.

В переднем же углу перед креслами стоял стол, на котором, разумеется, можно было встретить разные предметы дневных занятий или даже и забав, смотря по времени дня и по требованию обычных установлений жизни. Книга церковных поучений или церковно-исторических сказаний, житий и т. п. сменялась иногда шахматной доской или, особенно на женской половине, какими-либо предметами мастерства и работ, которые нужно было осмотреть, обсудить, рассказать и приказать, чего хочется и что нужно делать, а нередко и предметами собственного рукоделия.

Кто особенно прилежал книжному учению, у того на комнатном столе чаще встречались книги, чем другие предметы, у того и в комнате стояла особая книгохранительница с запасом избранных или наиболее необходимых, так сказать, настольных книг, для душевного спасения. Впрочем, книгохранительницы, хотя и не всегда обширные, находились у каждого хозяина отдельных дворцовых хором, т. е. у каждого члена царской семьи.

Чернильница царя Михаила Федоровича

У государя в комнате, где он принимал обыкновенно доклады, равно и в комнатах взрослых царевичей, стол покрывался красным сукном и убирался разными предметами, необходимыми для письменных занятий. На нем стояли часы, лежали книги, какие требовались к делу, у государя, например, *Книга Уложенная*, Уложение, в которое при докладах приходилось, может быть, не раз заглядывать; лежали разные бумаги, в тетрадях и в столбцах, или свитках. Чистая бумага также большей частью резалась на столбцы, которые по написании подклеивались один под другой, для чего на столе находилась и *клеельница* с клеем. Письменный прибор заключался в чернильнице с песочницей и с трубкою, где перья мочить. Перья государь употреблял обыкновенно лебяжьи. Знатные люди в то время редко писали гусиными. Кроме того, были перья с карандашами и с грифельными для записок в книжках левкасных, пергаментных и каменных, или на грифельных досках.

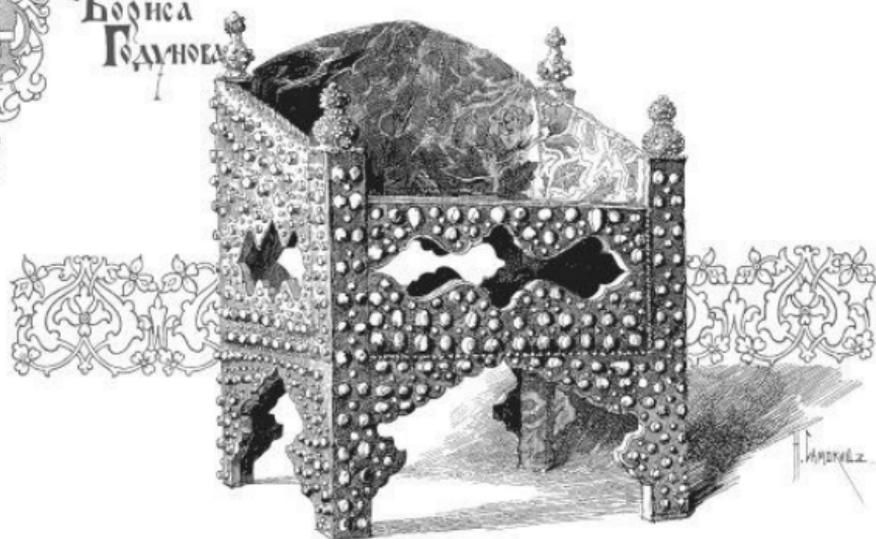
Укажем несколько предметов, которые составляли принадлежность письменного стола в царском быту. В числе царских вещей, описанных в 1611 г. по случаю их продажи в уплату жалованья находившимся тогда в Москве польским ротам, между прочим была «чернильница серебряная, в ней свистелка серебряная с зуботычками да с ухверткою». Свистелка нужна была для призыва слуг и заменяла в то время теперешний колокольчик. Зуботычка есть собственно зубочистка, предмет, вместе с ухверткою, необходимый в повседневной жизни. У царя Михаила Федоровича находились «книжка каменная в серебре», которую в феврале 1676 г. царь Федор Алексеевич взял к себе в хоромы. «Ящичек серебрян четверуголен, плоск, на подножках, резной; в нем чернильница, песочница серебряны. Монастырем (готовальня) в хрустальном кожухе, а в нем ножик, ноженки, свайка, копейцо, зубочистка»; «готовальня немецкая полукругла, поволочена сафьяном червчатым с золотом. В ней: зеркало, пять бритв, двоиножницы, три зубочистки, ухвертка, щипец, мусат¹⁵⁵, рылец¹⁵⁶, пила, свайка, топорик жиль-

ной, две склянки хрустальные долги с водки, двои ножницы свечные – все сверху обняты серебром, у готовальни замочек медной». Весьма богато украшена была каменная книжка царевича Ивана Михайловича. Она была оправлена золотом и осыпана дорогими камнями, яхонтами, изумрудами, алмазами. Верхняя ее доска была украшена запоною с литым двоеглавым орлом, а нижняя литым же изображением человека на коне с палашом, под конем змея крылата. На золотой цепочке висела золотая спица, или перо, род рейсфедера.

Н. Самокиш. Трон царя Бориса Годунова

Цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович употребляли и очки. У царя Михаила Федоровича (1636) находим ««двои очки в серебряных футлярах»; на одном была надпись: ««очки князь Олексея Васильевича Приимково-Ростовского». Одними очками государь пожаловал духовника своего, протопопа Никиту, а другие взял к себе в хоромы. У царя Алексея Михайловича были очки большого стекла, в золотой оправе, в серебряном, местами

РОНЪ ЦАДЪ
Бориса
Годунова

позолоченном, футляре (1676). Упомянем и о многочисленных часах воротных или зепных, карманных, принадлежавших царю Михаилу Федоровичу.

У стен комнаты, там, где не было лавок, или же на самых лавках, в удобных местах, стояли поставцы, шкафы, с полками или выдвижными ящиками, в которых сохранялись бумаги, письма, книги и разные вещи из комнатного обихода, из дорогой посуды и из дорогих нарядов. В поставцах же и шкафах, на

полках, а также в комнате на лавках стояли ларцы, шкатуны, подголовки, т. е. ларцы пульпетом с драгоценными уборами и разною ларечною кузнию: крестами, кольцами, перстнями, серьгами, булавками, запонами, пуговицами, ожерельями, запястьями и т. п. В иных хранились золотые, золотая иноземная монета, поступавшая в царские ларцы большею частью в числе даров, подносимых в известные празднества. Посуда, особенно замысловатой формы и работы, ставилась также на вислых полках, которые прикреплялись у стен в пригожих местах.

Посуда золотая, а большей частью серебряная, составляла, после икон, едва ли не первую статью комнатного убранства, заменяя для того времени произведения изящных искусств: статуи, вазы, бронзы, которыми убирали комнаты в XVIII ст. и убирают теперь. Притом такая посуда составляла богатство, которое при всяком удобном случае и выставлялось напоказ. Общее богатство царского дворца, заключавшееся в такой посуде, хранилось в особом помещении, на Казенном дворе, откуда в торжественных случаях и про-

исходила уборка столовых поставцов в приемных палатах, в Грановитой, в Золотой и т. д. Но сверх того у каждого члена царской семьи была своя отдельная, собственная судовая казна, которая и составляла убранство комнатных поставцов. Затем у каждого хозяина были свои *расхожие суды*, хранимые в тех же поставцах.

Особенно затейливые поставцы собирались у малолетних царевен и царевичей. Само собою разумеется, что большая часть этого серебра имела в детском быту значение игрушек. Но и взрослые очень любили такую посуду, которая представляла изображения птиц, зверей, людей и т. п. В общей государственной казне на Казенном дворе хранилось много таких судов, а именно горы (замки), корабли, птицы: журавль, орел, сова, петух, лебедь, страус; звери: барсы, львы, олень, зубр, верблюд, единорог и т. п., занимавшие очень видное место в уборке поставцов и всегда обращавшие внимание приезжих гостей-иностранцев. Нужно, однако ж, заметить, что и в особых хозяйствах Царского двора большая часть посуды в обыкновенное время храни-

лась также в особой *казенке* – и выставлялась в комнатные поставцы только в важных случаях, во время столов и приема гостей.

Кроме посуды в поставцах, шкафах или на вислых полках, можно было встретить немало и разных вещиц-безделушек, которые служили для забавы или составляли своего рода редкость и украшение так называемых горок.

Охота к редкостям и драгоценностям, к разным узорочным, хитрым изделиям и курьезным вещицам была распространена не только во дворце, но и вообще между знатными и богатыми людьми того века. Она являлась как потребность к изящному, которое, по вкусам и образованности века, заключалось преимущественно в узорочной пестроте или курьезности, редкости и диковинности изделия или какой-либо вещицы. Само собою разумеется, что в числе разных диковинок могли попадаться и действительно изящные для того времени предметы, но сущность дела и весь интерес оставался все-таки за диковинностью вещи или особенной хитростью ее устройства и мастерства.

Так, в 1614 г. царю Михаилу Федоровичу

несколько подобных вещей было куплено у московского гостя Михаила Смывалова, а именно:

«...брусок скляной, во что смотрятя; трубочка, что дальнее, а в нее смотря, видится близко; очки хрустальные: с одной стороны гранены, а с другую гладки, что, в них смотря, много кажется; бочечка костяная точеная, в ней лунное течение да часы солнечные; склышечка деревянная кругла, в ней под стеклом мужик с женкою; ящик, в нем под стеклом жена со младенцем; ящик, в нем под стеклом жена со младенцем, на осляти; ящик., в нем под стеклом человек наг, за ним лев; ящик, в нем под стеклом три жены со младенцем». Видимо, что царь Михаил Федорович очень любил подобные диковинки, и потому в его казне немало хранилось таких же вещей.

У царя Алексея Михайловича, в числе особенных редкостей, находился сосуд каменный (сосуд из нефрита от болезней), оправлен золотом, цена 6000 руб. (цена невероятная по тому времени). Через четыре дня после кон-

чины царя Алексея Михайловича этот сосуд был взят в хоромы его сына, царя Федора Алексеевича.

Серебряная кружка, украшенная эмалью, и кубок-раковина царя Алексея Михайловича

Нам должно еще упомянуть о комнатных птицах, в числе которых первое место принадлежало попугаю.

С этой птицей Московский двор познакомился, может, в первый раз, еще в 1490 г, ко-

гда посол римского короля Максимилиана Юрьи Делатор, представляясь вел. кн. Софье Фоминичне в ее Повалуше Средней, подал ей от короля птицу *папагал* да сукно серо¹⁵⁷. С тех пор «папагал» стал называться попугаем и сделался постоянным обитателем царских хором, потому что, время от времени и, вероятно, по желанию государей, этих птиц привозили иноземные послы и заезжие купцы. Впоследствии попугаев можно было покупать и в Охотном ряду вместе с другими заморскими птицами, например канарейками, которые также были любимы в царских хоромах за их звонкие голоса. Из-за границы торговые люди привозили иногда ученых канареек. Царевичу Алексею Алексеевичу поднесли однажды «птицу канарейку, которая на руке поет». Попугаи и канарейки принадлежали по преимуществу к комнатным птицам и потому находились в каждом жилом отделении дворца. Клетки для попугаев и канареек делались обыкновенно из медной или железной проволоки с обшивкою белым железом, а для попугаев нередко и из одного железа. Кормили канареек обыкновенным канареечным желтым

семенем, а попугаев какими-то лепешками, нарочно изготовленными.

Попугай, без сомнения, доставлял большое потешенье старинным людям. Так, в 1622 г., в апреле, дьяк Булгак Милованов поплатился своею шапкою, которую у него испортила в государевых хоромех птица попугай. Государь пожаловал ему новую.

Ф. Солнцев. Гербовая тарелка царя Алексея Михайловича

В хоромех царицы Марьи Ильиничны находилось пять попугаев, которых во время моровой язвы в 1655 г., когда весь двор выехал из Москвы, кормил и хранил карлик Ивашка. Кормил он их миндальными орехами и калачами. Из других птиц в хоромех висели в клетках соловьи, снегири, щеглы, ракетки, перепелки. Для разных птиц иногда делалась одна клетка. В 1671 г., в июне, сделана в Преображенские хоромы царевичу Федору клетка птицам о четырех житьях (ярусах) из проволоки, длиною аршин два вершка. Деревянные клетки расписывались красками и золотились.

К. Лебедев. Свадьба

В 1686 г. кто-то поднес государям птицу Гамаюн. Торговые люди Охотного ряда, призванные на Казенный двор, чтоб объявить ей цену, глядя на птицу Гамаюн, сказали, что де

у них в ряду такой птицы не бывало, и цены они ей не знают. Неизвестно, сколько времени жила во дворце эта невиданная птица, которую книжники причисляли к райским.

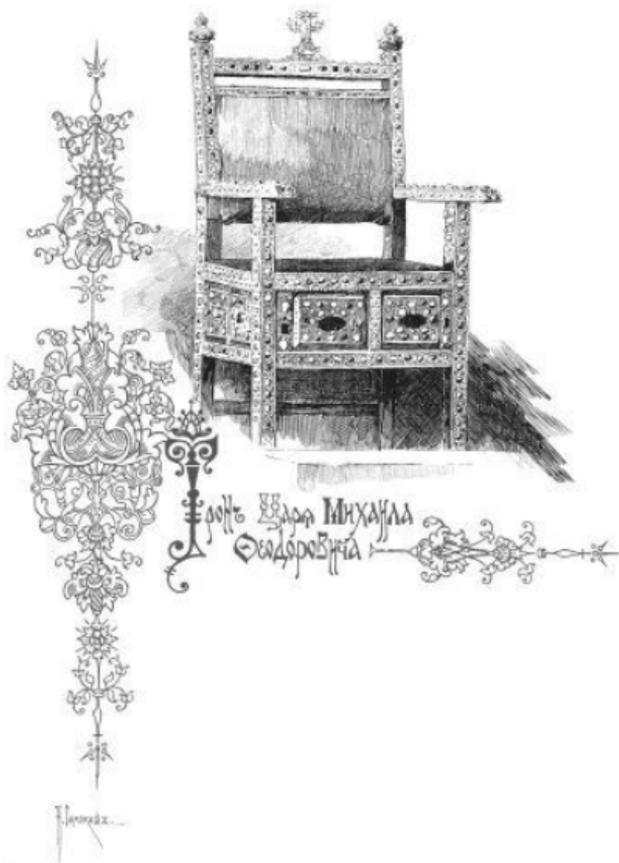
Кроме птиц, в царских хоромы жили четвероногие. В 1628 г. жил у царицы Евдокии Лукьяновны¹⁵⁸ горностай, которому 20 июня куплена «меденая чепочка». У нее же в хоромы жила белка, для которой купили также чепочку да медный колокольчик в том же году, января 6-го.

Крестовая, или Моленная, где совершались утренние и вечерние молитвы, а иногда и церковные службы, часы, вечерни, всенощные, была, как домашняя церковь, вся убрана иконами и святынею, разными предметами поклонения и моления. Одна стена ее сплошь была занята иконостасом в несколько ярусов, в котором иконы ставились по подобию церковных иконостасов, начиная с Деисиса, или икон Спасителя, Богородицы и Иоанна Крестителя, составлявших, так сказать, основу домашних иконостасов. Нижний пояс занят был иконами местными¹⁵⁹, на поклоне, в числе которых, кроме Спасовой и Богородичной, ставились иконы, особенно почему-либо чтимые, как-то: иконы тезоименитых ангелов, иконы, благословенные от родителей и сродников, благословенные кресты, панагии и ковчежцы со св. мощами, списки икон, прославленных чудотворениями, исцелениями; иконы святых, преимущественно чтимых, как особых помощников, молителю и заступников. Вообще иконостас Крестовой комнаты был хранилищем домашней святыни, кото-

рая служила изобразителем внутренней благочестивой истории каждого липа, составлявшего в своей Крестовой иконостас – собственное моление¹⁶⁰. Все более или менее важные события и случаи жизни сопровождались благословением или молением и призыванием Божьего милосердия и святых заступников и покровителей, чьи иконописные лики благоговейно и вносились в хранилище домашнего моления. Местные иконы, кроме окладов золотых или серебряных с камнями, украшались различными привесами, т. е. крестами, серьгами, перстнями, золотыми монетами и т. п.

Н. Самокиш. Трон царя Михаила Федоровича

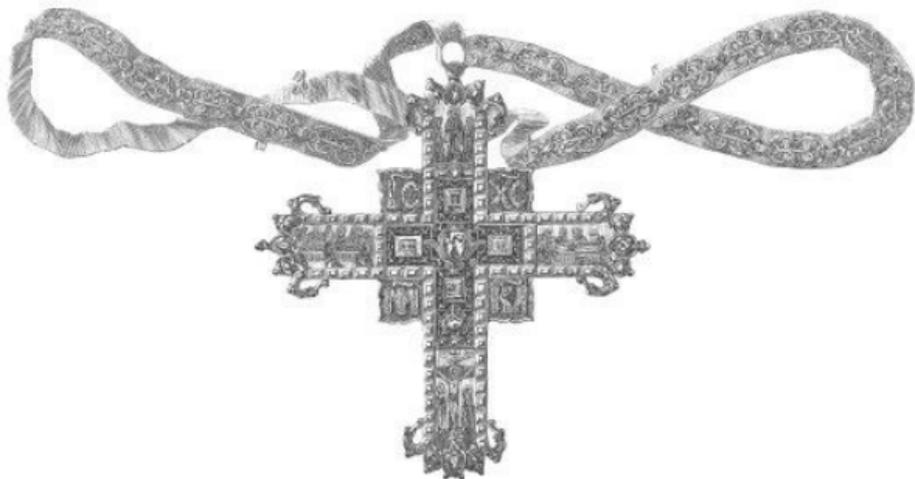
Икона Богородицы сверх того почти всегда украшалась убрусом, род лентия¹⁶¹, полагавшегося на венец икон, и рясами жемчужными. Внизу икон, особенно в праздники, подвешивались застенки или шелковые, шитые золотом, низанные жемчугом, убранные драгоценностями, т. е. мелкими серебряными или золотыми иконами, или какими другими изобра-

жениями.

Царский наперсный крест

Само наименование Крестовой комнаты указывает, что прежде всего в ней главным предметом поклонения и моления были кресты, т. е. святыня. В собственном смысле домашняя, комнатная, так сказать, обиход-

ная, которая собиралась и накоплялась у каждого домохозяина сама собою, начиная с крестательника, получаемого при крещении, и оканчивая крестами благословенными, получаемыми от разных лиц по случаю того же крещения в благословение от восприемников, от родителей и родственников и при других житейских случаях. Таким образом, еще у младенца уже накоплялась немалая крестовая святыня, впоследствии очень для него дорогая, именно по памяти о родительском благословении или о благословении особо чтимого святителя и других почитаемых лиц. Вот почему эта святыня становилась для каждого

как бы кровным, родным моленным сокровищем, перед которым всегда и исполнялась домашняя молитва.

Кроме икон и крестов, в Крестовой сохранялись и разные другие священные предметы, приносимые из местных монастырей или от паломников в Святую землю от приезжего иноземного, особенно греческого, духовенства.

От святых мест сохранялись: змирно, ливан, меры Гроба Господня, свечи воску ярого, иногда выкрашенные зеленою краской и перевитые сусальным золотом, которые зажжены были от Огня Небесного (в Иерусалиме, в день Пасхи), погашены вскоре, дабы хранить их как святыню. Из местных монастырей и некоторых храмов приносилась во дворец так называемая праздничная святыня, т. е. святая вода в вощанках (сосудах из воска), и иконы праздника, т. е. во имя тех святых, в честь которых учреждены были монастыри или выстроены храмы, отправлявшие свои годовые праздники, а также и освященные чудотворные монастырские меды.

Ф. Солнцев. Лицевая сторона оклада Еван-

гелия царицы Натальи Кирилловны

В 1642 г. у царицы Евдокии Лукьяновны в хоромах в трех склянках хранилась святая вода и чудотворный мед. В праздничные дни

эта святыня благоговейно употреблялась на здравие телу и на спасение душе. Это были предметы самые обычные, которые можно было встретить в каждой Крестовой царских хором. Но время от времени крестовая и образная царская казна обогащались и другими разнообразными памятниками святых мест, которые присылали или подносили государю и всем членам его семейства греческие архиереи, архимандриты, игумены, попы и монахи, приезжавшие в Москву за милостынею.

Иконы и различные святыни, приносимые время от времени государю и членам его семьи, из Крестовых передавались на Казенной двор в Образную палату, где обычно сохранялась излишняя в комнатах святыня и разная церковная утварь. Богатство Образной палаты в этом отношении увеличивалось с каждым годом, ибо одни уже приносы и подношения, например икон праздничных из монастырей и от духовных властей, как благословение, увеличивали это богатство не десятками, а сотнями икон. В конце царствования Алексея Михайловича в Образной палате хранилось таких подносных икон более 8200 в се-

ребряных чеканных или басемных¹⁶² окладах, или без окладов, писанных на золоте или на красках.

Там же хранилось множество образов, оставшихся от прежнего времени как наследие, большей частью в золотых и серебряных чеканных окладах, с камнями; а также комнатные золотые кресты и панагии, складни, малые резные иконы на камени и на кости, и крабицы, ковчежцы, коробочки, ставики¹⁶³ со святыми мощами и т. п. Сверх того сохранялось более 600 старых и ветхих икон. В числе святыни наследственной находился золотой крест Петра-чудотворца (моск, митр.), который всегда бывал на государе, когда он погружался в Иордан 1 августа.

На других стенах Крестовой, над окнами и над дверьми, ставились иконы в малых иконостасцах, или киотах. Пред иконами, по обычаю, теплились неугасимые лампы, а при совершении молитв и служб горели восковые свечи в больших и малых образных подсвечниках, или шенданах, медных, литых, ввертных, которые ввертывались в иконостасе пред каждую иконою. В обыкновенное время

свечи горели простые, а по праздникам, особенно на Святой,— фигурные зеленые и красные, составляемые из окрашенного воска или расписанные красками, обыкновенно кинovarью и суриком, также густо вызолоченные или высеребранные.

Пред иконостасом стояли книжные налои для чтения, глухие или разгибные, украшенные резьбою, золоченьем и расписанные красками, глухие со скобками по бокам для подъему. В Крестовой царя Алексея Михайловича (1676) стоял налой книжный резной из кости с вызолоченными и высеребранными железными скобами и пробоями, украшенными репьями. При молебных поклонах употреблялись также поклонные скамейки или поклонные колодочки, обитые красным сукном с позументом или червчатый кызылбашским бархатом. На эти скамейки и колодочки клались земные поклоны.

В Крестовой, в числе разных богомольных предметов, не последнее место занимали четки и лестовицы, лесенки, «по которым кладутся поклоны». Лестовицы, или лествицы, бывали обыкновенно ременные, а иногда ко-

стяные, набранные по атласу. В 1680 г.

«Спаса Нового монастыря иеродиакон Макарий делал и набирал на атлас темно-лимоновой кости белые рыбы великому государю лествицы».

Четки бывали также ременные или снизывались из зерен деревянных, костяных, янтарных, каменных и т. п., на шелковых шнурах или поцепках, с пронизками, промежками, прокладинами или прокладками из других мелких зерен, и с кистями. Иногда они набирались также на атласе или бархате. Изделием деревянных и костяных четок занимались дворцовые токари и делали их большею частью из кости рыба зуба, моржовых клыков. Четки ременные и из рыбьего зуба, особенно знамениты были соловецкие и кирилловские, также троицкие, и некоторых других монастырей. Много четок шелковых и деревянных привозили также в Москву и греческие старцы, отчего четки назывались греческими.

Более богатые четки из разных камней привозились из-за границы. Барберини (1565), записывая, что нужно привезти в

Москву для продажи, говорит между прочим *«В Венеции и в Милане есть разного сорта хрустальные четки, и с золотом и без золота, а также и из разных каменьев, и разного цвета и вида; всего этого нужно для Москвы».*

Наподобие таких четок делались четки и из рыбьей кости и раскрашивались под цвет каменьев. В 1680 г. в хоромы государю велено было сделать «десетеры четки из рыбьей кости и выкрасить их в разных красках против образца сердоликов и набрать их на отласех розными цветами».

В казне царя Михаила, в 1634 г., хранились:

«четки яшма зелена, сверху лал, кисть шелк червчат с золотом. Четки камень агат, ворворки¹⁶⁴, низаны жемчугом с канителью, кисть шелк червчат с золотом. Четки королек бел., прокладки яшма зелена, на верху арамот обнят золотом волоченым, ворворка низана жемчугом, кисть шелк червчат с золотом. Четки сличные, кисть шелк лазорев с золотом (взяты к государю в хоромы). Четки рыбей зуб, резные, на верху узол кафимской, ворворка золо-

то пряденое, кисть шелк червчат с золотом. Четки рыбей зуб, ворворки, низаны жемчугом, кисть шелк лазорев с золотом. Четки яшм.а зелена, прокладки хрустальные, на верху узолки золотные кафимские (*государю челом ударил окольниковый князь Алексей Михайлович Львов, взяты к государю в хоромы*). Четки ентарные счетом 65, что государю челом ударил окольниковый князь А. М. Львов. Тридцатеры четки монастырские рыбей зуб».

В казне цариц хранились «четки серебряны с арамоты, ворворка низана, кисть золота».

Когда оканчивались молитвы или служба, то иконы, особенно местные, задергивались тафтяными завесами на колечках, для сохранения от пыли и всякие ради чистоты и вообще из благочестивого приличия или благочиния, не дозволявшего в жилой комнате в обыкновенное время, ввиду житейских дел, оставлять молебную святыню открытой.

При Крестовых состояли на царском жалованье крестовые попы и крестовые дьяки, которые были обязаны в хоромех и в верховых

церквах, переменяючись понедельно или бес-
пременно, читать, псалмы говорить, *конар-
хатъ* и на *крылосе петь*, что называлось вооб-
ще служить у крестов. Кроме годовых денеж-
ных окладов, они получали *праздничное*, т. е.
меру какой-либо материи на кафтан. Они
пользовались также некоторыми другими
выгодами, какие доставляло им их приближе-
ние к государеву дворцу. По праздникам, на-
пример, их посылали к духовным властям со
звом к царскому столу, за что они получали
зватое, известную сумму денег или подарок,
смотря по значению и достоинству приглаша-
емой власти.

Если в приемных комнатах останавливали
особенное внимание богато убранные цар-
ские места (троны), составлявшие главней-
ший и самый видный предмет комнатного
наряда и убранства, а в крестовых такое же
значение имел иконостас,— то в Спальной,
или собственно Постельной комнате, первым
предметом ее убранства была постеля, т. е.
кровать со всем постельным убором.

Г. Седов. Царь Иван Грозный любителю на

Василису Мелентьеву. 1875 г.

Кровать древнего устройства соответствовала прямому значению этого слова и была в настоящем смысле кровом, вроде сени и шатра. Обычно кровати устраивались из четырех столбиков стоячих, аршина в три вышиною, которые назывались сохами, подобно тому как сохами же назывались в устройстве шатров и палаток столбики, поддерживавшие шатровые полотна. Небо шилось из камки, а с верхних брусьев, составлявших небо, спуска-

лись обыкновенно завесы, также камчатные с бахромою. Кроме завесов, в головах и в ногах кровати, у ее спинок привешивались золотные застенки, род драпировки. Так была устроена кровать царя Михаила Федоровича, в 1629 г., у которой все дерево украшено было резьбою и золочением; камчатные завесы и небо обшиты были золотым плетеным кружевом, застенки богато вышиты золотом и серебром с шелки и украшены золотыми кистями; на них шиты были травы и люди и звери.

Когда, с половины XVII века, во дворце появилась немецкая фигурная резьба, кровати, как и вся царская мебель, получили еще более роскошный вид. Их стали украшать коронами, венчавшими небо, или подволоку, гзымзами (карнизами) и шпренгелями, украшавшими ту же подволоку; яблоками, на верхних столбиках, и пуклями (род шара) на ногах. Вся резьба, по обыкновению, золотилась, серебрилась и расписывалась красками.

Кроме золочения и раскраски, кровати украшались иногда живописью. Так, у кровати Алексея Петровича в возглавии и на подволоке было изображено «Видение Креста и

победа на Максентия». В подволоках иногда утверждалось даже зеркало, как было, например, у одной из кроватей, принадлежавших князю Вас. Вас. Голицыну.

Особенно богатую кровать царь Алексей Михайлович в 1662 г. отправил в дар персидскому шаху. Кровать куплена у немца Ив. Фан сведена еще в 1659 г. за 2800 руб. Очевидно, что это была самая богатая и дорогая кровать в Москве в XVII ст., которая потому и назначена в дар персидскому шаху. Если так богато устраивалась собственно кровать, то не меньшим богатством убиралась и сама постель, особенно в праздничных парадных случаях.

Обыкновенная или, так сказать, подневная, односпальная постель убиралась проще. Такая постель находилась в *третьей государеве комнате*.

Само собою разумеется, что постели парадные, которые выставлялись по случаю семейных празднеств, свадеб, родин, крестин и т. п., убирались гораздо богаче. Они до этих случаев сохранялись обыкновенно в казне государевой или царицыной Мастерской палаты.

Парадные постели для сохранности и с кроватью покрывались чехлами или же покрывальными сукнами, обыкновенно же их сохраняли в коробьях постельных, или больших сундуках. Особые простые и парадные постели цариц, как равно царевен и царевичей, убирались подобным же образом.

Необходимо заметить, что постели и все предметы их убранства переходили, как большая часть платья, наследственно к детям и внукам, и поэтому сберегались иногда несколько десятков лет, хотя в подновленном и измененном виде, соответственно новым вкусам и потребностям.

Итак, почти все убранство Постельной комнаты, или Спальной, заключалось главным образом в постели и, разумеется, в разных других предметах постельного обихода, о которых также необходимо сказать несколько слов. Прежде всего следует заметить, что в Спальной того времени мы не встречаем такого количества икон, какое очень часто можно встретить в теперешних спальнях, когда эти комнаты получили уже отчасти и

значение Крестовых, совсем упраздненных у большинства даже зажиточных людей. В старину Постельная комната украшалась только поклонным крестом и иконой, стоявшими, по обычаю, в переднем углу, и крестом или небольшою иконой, которую ставили над входными дверьми. Так как утренняя и вечерняя молитвы совершались, по обыкновению, в Крестовой, то в Постельной и не требовалось целого иконостаса. Поклонный крест предпочитался, как сокрушитель всякой нечистой и вражьей силы, столь опасной во время ночного «пребывания», как «бич Божий, бьющий беса», что нередко обозначалось и в монограммах на этом кресте.

В Постельной комнате хранилось необходимое белье и разные мелкие принадлежности мужского или женского убора. Белье в царском быту сохранялось всегда очень бережливо, к чему побуждали распространенные, можно сказать, всеобщие и глубокие верования в порчу, в колдовство и во всякое ведовство, от которого необходимо было уберегать себя самыми строгими мерами. Если слу-

чалось заметить что-либо чрезвычайное в порядке или относительно чистоты белья, то панический страх овладевал всеми, кто только был прикосновенен к этой статье царского обихода. Между тем это чрезвычайное представляло почти всегда самые обыкновенные вещи, делавшиеся, разумеется, очень чрезвычайными по суеверному настрою века. Так, в 1630 г. царь Михаил указал отдать свои большие парадные постели в царицыну Мастерскую палату. Когда стали их принимать, то было «осмотрено у одеяла, у большего на гриве (род каймы) на правой стороне близко угла в двух местах проторчи (дирки) невелики, одна проторчь зашита, а другая не зашита». «Того ж часу начальник Царицыной Мастерской Полаты Фед. Степ. Стрешнев да постельничий государя Степ. Лукьян. Хрущов извещали о том государю, и государь того одеяла в царицынах хоромах осматривал». Не знаем последствий этого дела, но обыкновенно бывало так, что поднимали поголовный розыск на всех, кто сколько-нибудь касался делу.

В. Поленов. Теремный дворец. Выход из покоев на Золотое крыльцо

Допрашивали тех, кто шил, например, оде-
яло, кто сохранял его, кто убирал им постель
и т. д. Приведем еще случай, хотя тоже, к со-
жалению, неполный, ибо конец дела вовсе
утрачен.

Белье, или так называемая белая казна,—
сорочки простые и нарядные, порты, поясы
верхние и нижние, простыни, полотенца,
утиральники, ширинки и т. п.,— сохранялись
всегда в кипарисных сундуках за собствен-

ной печатью государя или царицы; печать для вскрытия сундука отдавалась самому доверенному лицу, но обыкновенно в такой сундук ходила сама государыня. Сам сундук всегда покрывался суконным чехлом. Упомянем, кстати, что поношенное белье обыкновенно раздавалось в тюрьмы тюремным сидельцам. Так, в 1630 г. развезены по тюрьмам простыни в двух коробах.

Весьма любопытные подробности об изготовлении царского белья и вообще о расходовании царской белой казны находим в сохранившихся записях о расходе полотей «на Государевы дела» за 1583—1587 гг. Здесь между прочим встречаем некоторые приснопамятные дворцовые обычаи, по которым 1. Каждый год в годовщины памяти по отце Грозного, великом князе Василии Ивановиче, декабря 4-го, по самом Грозном-царе Иване Васильевиче, марта 19-го, и по его сыне, царевиче Иване Ивановиче, 21 ноября, раздавались из дворца нищим старцам сшитые дворцовыми швеями полотняные рубашки и ширинки (платки), сто рубашек и ширинок по Василии Ив., двести по царе Иване Вас. и двести по ца-

ревиче Иване Ив. 2. Каждый год в день Семика, когда, по обычаю, совершалось общее погребение «странных», в Убогих Дом, где находилась общая могила, посылались из дворца сшитые полотняные покровы к погребению умерших. В XVII ст. на это дело выдавались целые полотна.

В Спальной же, а может быть, и в других комнатах, находившихся подле и соответствовавших теперешней Уборной, в сундуках, скрынях, ящиках, ларцах или шкатунах хранились также и все уборные принадлежности. Так как стенные зеркала, особенно до половины XVII ст., не были еще в большом употреблении, то при уборанье большею частью употреблялись зеркала малые ручные, хранившиеся в особых ларцах с гребнями. Круглые или четырехугольные, эти зеркала вставлялись в рамки, или обода, деревянные золоченые или обтянутые бархатом червчатым, вишневым, также камкою жарких цветов, на хлопчатой бумаге или басменною золоченою и серебряною с красками кожей. Нередко их ставили в серебряную или золотую оправу. Устраивали их также в виде

складней с затворками. Этого требовал даже обычай, признававший открытое зеркало чем-то греховным, и потому уборные зеркала, как и стенные, обыкновенно бывали закрытыми.

Особенно богаты были по украшениям зеркала турецкие, которые подносились царикам в дар от приезжих с Востока иноземцев, послов и купцов. Они были круглые, семигранные, также четырехугольные створчатые, иногда, особенно круглые с рукоятями, в золотом станке, осыпанном дорогими камнями, алмазами, яхонтами, изумрудами, бирюзой и др. До сих пор мы говорили о зеркалах хрустальных, к числу которых можно отнести и брусики хрустальные вместо зеркала, устраиваемые, вероятно, на какой-либо черной подкладке и заменявшие таким образом собственно зеркальные стекла. По свидетельству Барберини, еще в половине XVI ст. в Москве продавались превосходные хрустальные зеркала, но в небольшом количестве. Кроме того, бывали зеркала булатные, или укладные. У царя Федора Алексеевича находим булатное, или железное укладное, зер-

кало, в посеребренных рамах, которое в 1676 г. велено было вычистить и в лицо поставить, т. е. отшлифовать, для чего употреблено английское олово, камень кровавик и смола.

При уборном зеркале хранились гребни и гребенки, которые вырезались из слоновой кости или из кипариса. Кипарисные гребни продавались в торговых рядах. В 1624 г. к государю в хоромы было куплено шесть «гребенен кипарисных». Работой отличных костяных гребней славилась издревле Холмогорская сторона, откуда призывали мастеров и в царский дворец. Здесь они едва успевали удовлетворять почти ежедневной потребности в этих предметах, так что из дворца посылались иногда в Холмогоры особые заказы. Гребни и гребенки делались однозубчатые и двоезубчатые, т. е. с редкими и частыми зубьями, причем у гребней зубья располагались или только на одну сторону, или на обе стороны, на одну частые, на другую редкие. Гребни бывали круглые или четырехугольные, иногда складные. Как гребни, так и гребенки редко бывали гладкие; большей частью их украшали резьбой – или только по поверхности,

или сквозной, тогда они назывались прорезными. На гребенках по концам вырезали птички или змеиные головки, или простые рожки. На гребнях вырезали или прорезали в травах птиц, зверей, клейма, личины и т. п. изображения. Величина тех и других, в зависимости от необходимости, была различна. Из дорогих гребней упоминается у царя Михаила Федоровича

«гребень роговой, сверху обложен яшмой, а в яшме врезано золото, а в золоте камышки, яхонты да изумруды. Государю челом ударил турецкий посол Том Катакузин в 1630 году. Цена 10 рублей».

Вместе с холмогорцами в Оружейной палате работали и польские или белорусские мастера, а именно из Витебска. Работы всех упомянутых мастеров заключались в изготовлении в разные комнаты дворца гребней и гребенок, ухверток, четок, ароматников, черенков для ножей и вилок, также шахматов, тавлей¹⁶⁵, саков (шашек), бирок и т. п. Многие изделия они резали и точили из слоновой кости, другие, различную посуду – кубки, брати-

ны, чарки, фрески, роги, пороховницы и т. п., — из рыбьей кости, т. е. из моржовых клыков, из которой, как и из слоновой, делали даже и паникадила.

К. Маковский. Под венец. 1884 г.

При гребнях употреблялись иногда и щетки¹⁶⁶, щетки.

Зеркала, гребни и гребенки были необходимы не только при уборе женском, но

также и при мужском. К ним должно присо-
вокупить еще мыло, которое в царском быту
составлялось обыкновенно из разных души-
стых веществ. Кроме домашних составных
мыл, употреблялись и привозные покупные,
например, мыло индийское, халяпское, грече-
ское, и из русских костромское, нижегород-
ское, простое.

Другие предметы уборного столика у госу-
даря хранились в готовальнях, монастырь-
ках, описание которых мы поместили выше,
также в связках, или же в особых ящиках.

Ф. Солнцев. Опахало царицы Натальи Ки-
рилловны

Женские уборные принадлежности боль-
шей частью сохранялись также в ларцах,
ящиках и шкатунах. В числе их находились:
белильница, румяница, клеельница, сурем-
ница, ароматница, разные бочечки, тазики,
чашечки с необходимыми по потребностям
века снадобьями для украшения лица, волос
и других частей тела. Белила и румяна упо-
треблялись большей частью привозные,
немецкие. Впрочем, известен был и румянец

русский, кисейный, выделяемый на кисее из сандала. Он же назывался *платенъш*. Покупали также румянец ступочный, или ступичной (бакан¹⁶⁷ турецкий), *лековой* (леко – игральная кость, брусок, кубик), вероятно, иностранного привоза. Белильницы и румяницы были небольшие коробочки, обшитые золотом и серебром, также унизанные жемчу-

гом, иногда серебряные, украшенные финифтью и камнями. Такие же коробочки служили для клеельницы и суремницы, хранивших снадобья для подклейки и чернения бровей и вообще волос. При суремницах употреблялись спицы. Разные ароматы и бальзамы, собственно духи и помады, изготовлялись в царской Аптеке и сберегались в ароматницах или ароматниках (флаконах) золотых, серебряных и костяных.

Кроме того, встречаем особые ящики, погребцы и шкатуны с разными скляничными сосудами и с фарфурными склянницами, наполненными разными водками, т. е. духами.

К уборным предметам мы отнесем и опахало; оно делалось из перьев, или же было *сгибное* из атласа, *харатии* (пергамента) и других подобных предметов; у царицы Евдокии Лукьяновны между прочим были опахала: «опахало перье павино, в середке у опахала дерево, писано золотом, а в дереве зеркало; пониже зеркала обогнуто участком золотным; черен у опахала дерево черно, по концам кость рыбий зуб с щедрою» (1630). У царевны Ирины были «два опахала невелики, перье стру-

цово, черены меденые, поверх черенов по за-крепкам навожено финифты. Опахало, перье струцово, с зеркалом, черен деревянный с ко-стьюми» (1629). В 1686 г. сделано царевнам че-тыре опахала атласных. Богато украшенные золотом и камнями, опахала привозимы были царицам в дар с Востока. Должно заме-тить, что опахала были в употреблении и на мужской половине царского дворца. У царя Михаила было опахало деревянное,

«писано золотом да красками розни-ми; нагалище у опахала сукно червча-то багрец (1629); опахальцо турецкое круглое, перье бело, червчато, черно; о середке зеркальцо; черен дерево ин-дейское. Опахальцо турецкое кругло, перье бело, червчато; черен серебрян, золочен, лопастка с финифты. Опахало харатейное сгибное, писано красками в дереве» (1634).

Подобные атласные опахала царю подно-сили обыкновенно к празднику Пасхи как свое изделие мастера Оружейной палаты.

Не должно забыть также, что в спальнях ставились, смотря по надобности, будильни-

ки, или часы с будильником.

Из опочивальней ближе всего перейти в мыленку, которую в наше время заменила ванна. Мыленка в древних царских хоромах помещалась или в подклетах или в одном ярусе с жилыми комнатами, отделяясь от них небольшим переходом и даже одними только сенями. В мыленку также вели особые сени, называвшиеся *мовными*, мыленными, передмыленьем (то же, что теперешний предбанник или сторожка во всенародных банях), где обыкновенно раздевались. В этих сенях у стен были лавки и стоял стол, накрытый обычно красным сукном, на котором клали мовную стряпню, т. е. мовное платье, в том числе колпак и разные другие вещи, которые надобились во время мытья, например, простыня, опахала тафтяные или бумажные, которыми обмахивались, когда, после паренья, становилось очень жарко.

Внутреннее устройство мыленки было таково: в углу стояла большая изразчатая печь с каменкою, или *каменицею*, наполненной «полевым круглым серым камнем», крупным, который назывался спарником, и мел-

ким, который назывался конопляным. Камень раскалывался посредством топки внизу каменки. И каменка, и эта топка закрывались железными заслонами. От печи по стене, до другого угла, устраивался полок с несколькими широкими ступенями для входа, как и в теперешних банях, далее по стенам до самой двери тянулись обычные лавки. Мыленка освещалась двумя или тремя красными окнами со слюдяными оконницами, а место на полке – волоковыми. Обыкновенный наряд мыленки был такой же, как и других комнат. Двери и окна со вставнями и втулками обивались красным сукном по полстям, или войлоку, с употреблением по надобности красного сафьяна и зеленых ремней для обивки двери. Оконный и дверной прибор был железный луженый. Окна завешивали суконными или тафтяными завесами. В переднем углу мыленки всегда стояла икона и поклонный крест. Так, в 1692 г., в мыленку царевен меньше выменен был образ Богородицы и медный крест – поклонный.

Когда мыльня топилась, т. е. готовилась для мытья, то посреди нее ставили две липо-

вые площадки (род чанов или кадей ушата в четыре), из которых в одной держали горячую, в другой – холодную воду. Воду носили в липовых *изварах* (род небольших ушатцев, или бадей), в ведрах и в шайках, наливали медными лужеными ковшами и *кунганами*, щелок держали в медных же луженых тазах. Квас, которым обливались, когда начинали париться, держали в *туезах* – больших берестяных бураках. Иногда квасом же поддавали пару, т. е. лили его в каменку на раскаленный камень спорник. Нередко для того же употреблялось и ячное пиво. Мылись большей частью на свежем душистом сене, которое покрывали, для удобства, полотном и даже набивали им подушку и тюфяки. Кроме того, на лавках, на полках и в других местах мыленки клались пучки душистых, полезных для здоровья трав и цветов, а на полу разбрасывался мелко нарубленный кустарник – можжевельник, что все вместе издавало весьма приятный запах. Веники составляли также одну из самых необходимых вещей в мыленках: поэтому на всех крестьян подмосковных волостей положен был оброк веника-

ми. Для отдыха после мытья и парки в мыленке стояли скамьи с подголовками, а на лавках клались иногда мовные постели. В ночное время мыленка и мовные сени освещались слюдяными фонарями. Для стока из мыленки ненужной воды проводились желоба, а если мыльня находилась в верхнем этаже хором, то пол в ней и по стенам до лавок выстилали свинцовыми досками, которые по швам спаивались.

Глава III

Значение и честь государева двора

Значение и честь государева двора.— Приезд ко дворцу. Кто пользовался свободным входом.— Запрещение входить во дворец меньшим чинам.— Запрещение входить вооруженным и больным.— Нарушение чести государева двора непристойным словом.— Значение царских палат для разных придворных обрядов, торжественных приемов и собраний, и для домашней жизни государя; значение Грановитой, Средней Золотой, Царицыной Золотой, Столовой, Панихидной, Ответной, Государевой Комнаты, или Верхней Золотой, и Передней.— Значение крылец.— Постельное крыльцо как площадь или сборное место дворянства и вообще служилых людей.— Дела о нарушении чести государева двора как характеристика царедворческих нравов в XVII ст.

В древнейшее время великокняжеские дворцы, без сомнения, не имели еще того значения, какое в XVI и XVII ст. принадлежало

дворцу московских государей. Народ чествовал княжеское жилище как место, где производился общественный суд, где жил начальник дружины, «страж Русской земли», главный вождь ее в битвах с врагами. Большого значения в древности княжий двор еще не имел, потому что первоначально и само значение великого князя, как мы говорили, определялось больше кормлением, полюдьем, т. е. правом на известные земские доходы, чем политической силой и властью как самодержца земли.

Последнее значение получили уже московские князья. В Москве княжеский дворец из простой вотчиннической усадьбы постепенно становится освященным и недоступным жилищем великого государя. Особенно в XVI ст., когда учение о царском сане и высоте царского достоинства распространилось и утвердилось не только практически, но даже и путем ученых справок и литературных толкований и разъяснений; в это время на все, окружающее государеву особу, легла печать недосягаемого величия и благоговейного освящения. Русь *переставила* свои обычаи, как гово-

рили в то время люди, испытывавшие на себе влияние этого переворота в поступках и значении московских государей.

Под влиянием византийских идей и обычаев, живым представителем которых была Софья Палеолог и окружавшие ее греки, московский государь не только вполне сознал свое царственное значение, приняв титул царя всея Руси, но и облек это значение в соответственные царские формы... Новое устройство двора, установление новых придворных обычаев и торжественных чинов, или обрядов, по подобию обычаев и обрядов Византийского двора, навсегда определили высокий сан самодержца и отдалили его на неизмеримое расстояние от подданного. Все это, однако ж, не появилось вдруг, а водворялось постепенно, с жизненной последовательностью. Так, если верить свидетельству Контарини, который приезжал в Москву к великому князю Ивану Васильевичу в 1473 г., т. е. спустя только год после приезда к нам Софьи Палеолог, придворные церемонии еще носили на себе характер первобытной простоты, напоминавшей древние княжеские отношения.

При великом князе Иване Васильевиче подобные церемонии и все придворные обряды еще не облакались в те пышные формы, какие они получили впоследствии; что вообще пышная, великолепно обстановка царского сана входила постепенно и водворилась окончательно только при его внуке, за которым даже официально, соборной грамотой, был утвержден и царский сан¹⁶⁸.

Народ, уверовавший в высокое призвание царя, благоговейно чтит и все знаки его величия. Сам государев дворец охранялся особенным почетом, который, по установившимся понятиям, воздавали царскому местопребыванию. Нарушение этого почета, нарушение чести государева двора преследовалось законом: в Уложении царя Алексея Михайловича есть целая глава «О Государеве Дворе, чтоб на Государеве Дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было».

По обычаям старого времени, нельзя было близко подъезжать не только к царскому крыльцу, но и вообще ко дворцу. Одни только высшие сановники, бояре, окольные, думные и ближние люди пользовались правом

сходить с лошадей на расстоянии нескольких саженей от дворца. По словам Котошихина, приезжая во дворец на лошадях верхом или в каретах и в санях, они слезали с лошадей и выходили из экипажей, «не доезжая двора и не близко крыльца». К самому крыльцу, а тем более на царский двор, они не смели ездить. Чины младших разрядов – стольники меньших родов, стряпчие, дворяне, жильцы, дьяки и подьячие – сходили с лошадей далеко царского дворца, обычно на площади, между Ивановскою колокольнею и Чудовым монастырем, и оттуда уже шли во дворец пешком, несмотря на то, какая была погода. Из низших чиновников не все пользовались правом въезжать на лошадях даже в Кремль. Царским указом 1654 г. в Кремль въезжать дозволено было только старым первостатейным подьячим, и то не более трех человек из каждого приказа; остальные, хотя бы также первостатейные, не пользовались этим дозволением. Но и тем, которые въезжали в Кремль, назначено было останавливаться почти у самых ворот и отсюда ходить пешком. Все другие приказные и вообще служилые и неслу-

жилые люди младших чинов входили в Кремль пешком. Таким образом, сам подъезд ко двору соразмерялся честью, или чином, каждого приезжавшего лица. Одни, самые чиновные, могли подъезжать «неблизко крыльца»; другие, вовсе не чиновные, не осмеливались въезжать даже в Кремль.

Иноземные послы и вообще знатные иностранцы, как государевы гости, выходили из экипажей, подобно боярам, на расстоянии нескольких саженей от крыльца, шагов за тридцать или за сорок, и очень редко у большого помоста, или рундука, устроенного перед лестницей.

Само собой разумеется, что это был особый этикет, принадлежавший к древним обычаям ¹⁶⁹ и сохранившийся не только во дворце, но и в народе, особенно в высших его разрядах. Точно так же невежливо было младшему чиновнику или простолюдину въехать во двор боярина, а тем более прямо подъехать к его крыльцу. Боярин, въехавший таким образом на царский двор, заключался в тюрьму и лишался даже чести, т. е. боярского сана. Боярский холоп, проведенный через царский двор

лошадь боярина, хотя бы даже и по незнанию, наказывался кнутом.

Иностранцы объясняли этот древний и почти всенародный обычай гордой недоступностью, с которой бояре, и вообще высшие, вели себя в отношении к народу.

Не должно забывать, что и гостю воздавались подобные же равнозначные почести. И если не всякий гость мог подъехать прямо к крыльцу боярина, то иного гостя боярин сам выходил встречать, и не только на крыльцо, но даже на середину двора, а иной раз и за ворота. Само собой разумеется, что такой обоюдный почет и хозяину дома, и гостю соразмерялся всегда со степенью уважения, которое хотели оказать человеку¹⁷⁰. В царском быту, как увидим ниже, этикет встреч был также очень определенно размерен и положения его ни в каком случае не могли быть нарушаемы.

Итак, мы видели, что особенный почет, воздаваемый царскому величеству, требовал, чтоб ко дворцу подходили пешком, оставляя лошадей и экипажи на определенном расстоянии.

Притом простой и малочиновный русский человек еще издали, завидя дворец, благоговейно снимал свою шапку, «воздаючи честь» местопребыванию государя. Без шапки он и подходил ко дворцу, и проходил мимо него. Правом свободного входа во дворец пользовались только одни служилые и дворовые, т. е. придворные чины; но и для тех, в зависимости от значимости каждого, существовали известные границы. Не во всякое отделение дворца могли свободно входить все приезжавшие на государев двор. Бояре, окольничие, думные и ближние люди пользовались в этом отношении большими преимуществами: они могли прямо входить даже в Верх, т. е. в покоевые, или жилые, хоромы государя. Здесь, по обыкновению, они собирались всякий день в Передней и ожидали царского выхода из внутренних комнат. Ближние бояре, «уждав время», входили даже в Комнату, или кабинет царский. Для прочих же чиновников Государев Верх был совершенно недоступен.

Стольники, стряпчие, дворяне, стрелецкие полковники и головы, дьяки и иные служи-

лые чины собирались обычно на Постельном крыльце, которое было единственным местом во дворце, куда они могли приходить во всякое время с полной свободой. Отсюда, «в зимнее время, или в которое время кто похочет», им дозволялось входить в некоторые палаты, прилегавшие к Постельному крыльцу, но и в этом случае для каждого чина назначена была особая палата. По указу 1681 г. стольникам и стряпчим назначено было входить «в полату, что у переградной стены, вшед с Постельного Крыльца в новые сени налево, а слыть той полате Переднею; дворянам и жильцам приходить в Старую Золотую Полату; стольникам-генералам и стольникам-полковникам приходить в полату, что подле Передней; городovým дворянам в полату, что наперед того перед Золотою Полатою были сени»¹⁷¹. Следовательно, все эти чины в другие отделения дворца не допускались. Особенно строго запрещалось им ходить за каменную перегородку, которая отделяла Постельное крыльцо от площадки, где была лестница в государевы покои, или нынешний Теремный дворец. Вверху она запиралась медной золо-

ченой решеткой, а внизу ограждалась от других отделений дворца «каменной перегородою», за которую и запрещено было «отнюдь никому не ходить», за исключением одних только судей, «которые сидят по Приказам» и которые хотя и допускались за эту перегороду, но в Верх без приказа входить не смели и ожидали приказаний у лестницы. Дьяки и подьячие, приходя во дворец с докладами, дожидались начальников на Постельном крыльце или в сенях перед Грановитой палатой. Другие младшие чиновники не смели входить даже и на Постельное крыльцо. Вообще дозволение входить в ту или другую палату и тем приближаться на градус к царской светлости утверждалось особым пожалованьем, о котором просители били государю челом.

К В. Лебедев.

Выезд царя Алексея Михайловича на соколиную охоту из Спасских ворот Кремля.

Внизу: слова царя Алексея Михайловича из охотничьего устава «Книга, глаголема Урядник Сокольничья Пути». 1898 г.

Удїте охóчи, забаклáйтесá, Утѣшáйтесá сею дóброю
потѣхою, зѣлò потѣшно и Угòдно и кесело, да не одолѣютъ касá крѣ-
чїны и печáли ксáжіа. 99.

Внутренние отделения дворца, т. е. Постельные хоромы царицы и государевых детей, были совершенно недоступны для всех, и дворовых и служилых чинов, за исключением только боярынь и других знатных женщин, пользовавшихся правом приезда к царице. В эти отделения не осмеливались входить без особого приглашения даже и ближние бояре. Для священников и вообще церковников, которые служили в верховых церквах, открывался вход в эти церкви только в известное время, и притом по определенным местам и переходам. Это распространилось даже и на крестовых попов, которые совершали службы в самых покоях государыни. Они должны были входить во дворец тогда только, «как их спросят». В сами покои царицной половины не смели входить даже и те из придворных чинов и служителей, которые, по своим должностям, должны были являться туда, например с докладом о кушанье или с самым кушаньем. Дальше сеней они не осмеливались входить и здесь передавали доклады верховым боярыням и другим придворным женщинам; точно так же и кушанье вно-

сили в сени или в специально для того назначенные комнаты, в которых и сдавали боярыням на кормовой поставец.

М. Клодт. Терем царевен. 1878 г.

В 1684 г., вероятно, по случаю стрельецких смут, волновавших тогда Москву и обесчестивших перед тем временем даже царское жилище буйным обыском, сказан был царский указ, заключающий 12 статей, с расписанием, кому именно на какие подьезды и по

каким лестницам и переходам дозволялся вход в разные отделения дворца. Боярам, окольниковым, думным людям и комнатным стольникам и указано было в Верх всходить Постельным крыльцом и дворцовой лестницею, у приказа Большого дворца, у Колымажных ворот; а те, которые приезжали к Куретным воротам, от Троицких кремлевских ворот, должны были всходить каменною лестницею, что от Хлебного дворца к Сушилам; и ходить им велено в Верх мимо Оружейного приказа и церкви Рождества Богородицы, а также каменною Рождественскою лестницею, что против Кормового дворца. На Светлишную лестницу,— у Куретных же ворот, которая вела к хоромам царевен и на внутренний Постельный двор, к царским Мастерским палатам, запрещено было ходить даже боярам, окольниковым, думным и ближним людям, т. е. всем первостепенным сановникам.

Если случалось, что кто-нибудь забредет нечаянно и по незнанию на царский двор, и особенно во внутренние постельные отделения, того хватали, допрашивали, а в сомнительных обстоятельствах даже подвергали

пытке.

Люди, не принадлежавшие к дворовому и служилому сословию, приходя ко дворцу по какому-либо делу, оставались обычно на нижних рундуках, или площадках, у лестниц. Все челобитчики, приходившие с просьбами на государево имя, стояли на площади перед Красным крыльцом и дожидались выхода думных дьяков, которые принимали здесь челобитные и относили в Думу к боярам. Лжедмитрий, как известно, в каждую среду и субботу сам принимал челобитные от жалобщиков на Красном крыльце¹⁷². Само собой разумеется, что тот, кто беспрепятственно мог входить на царский двор, подавал челобитную или самому государю, на выходе, или думному дьяку в Расправной палате, которая составляла высшую судебную инстанцию и помещалась с 1670 г. в Средней Золотой палате.

Нельзя также было явиться во дворец с каким бы то ни было оружием, даже с тем, которое, по обычаю того времени, всегда носили при себе и которое составляло, таким образом, необходимую принадлежность древнего

костюма, например поясные ножи, имевшие значение кинжалов. В этом случае уже не было исключений ни для кого; ни для бояр, ни даже для государевых родственников. Иностранные послы и их свита, входя в приемную залу, также должны были снимать с себя оружие, несмотря на то что это почти всегда делалось против их желания. По западным понятиям, снять шпагу считалось бесчестием, и послы, как благородные кавалеры, вступались за свою честь и вели нередко бесполезные споры с боярами. В 1661 г., во время приема шведских послов, маршалу посольства, несмотря ни на какие просьбы и убеждения, не позволили войти в Приемную палату даже с серебряным жезлом. Вообще строго воспрещено было входить с оружием даже и на царский двор. Если бы кому случилось, с простоты, без всякого умысла, пройти через царский двор с ружьем, с саблею, с пистолетами или с другим каким оружием, такой человек, если это открывалось, тотчас подвергался неминуемой пытке и допросам: с каким умыслом он шел? и, само собою разумеется, он погибал или от самых пыток, или в тюрьме, потому

что подобные случаи и дела никогда не оканчивались добром¹⁷³.

Весьма строго запрещено было приходиться во Дворец, особенно на Постельное крыльцо, больным или из домов, в которых были больные. В 1680 г., июня 8-го, по этому случаю последовал строжайший царский указ, сказанный стольникам, стряпчим, дворянам и жильцам, которые, если у кого из них или в их домах были «боли огневою или лихорадкою и оспою или иными какими тяжкими болезнями», должны были давать знать о том в Разряд и на Постельное крыльцо не ходить, и в походы и на выходах нигде не являться. В противном случае, тем, кто нарушит это повеление, — за такую их бесстрашную дерзость и за неостерегательство его государева здоровья, по сыску, быть в великой опале, а иным и в наказанье и в разоренье, без всякого милосердия и пощады. В те времена довольно часто случались повальные болезни, чего особенно и страшился двор государев, заботливо охраняя себя в сомнительных случаях.

Ради сохранения чести государева двора преследовалось также и всякое непристойное

слово, произносимое в царском дворце.

Впрочем, постоянная, бдительная стража днем и ночью охраняла царский дворец и предупреждала всякий неприличный поступок вблизи царского величества. Стража эта состояла, внутри дворца, из стольников, стряпчих и жильцов и из низших придворных служителей: столовых истопников, столовых сторожей и боярских детей царицына чину, дежуривших днем и ночью у дверей лестниц и по крыльцам и сеням. Кроме того, по всем дворцовым воротам и в других дворцовых местах, «у казны», находились постоянные стрелецкие караулы. На этих караулах стрельцов на стороже бывало по пятисот человек, под начальством головы, или полковника, и десяти капитанов.

Главный их караул, в числе 200, а иногда 300 человек, находился у Красного крыльца под Грановитую палатую, в подклетах; другая часть, в 200 человек, — у Красных, или Колымажных, ворот. Из того же караула у Куретных ворот стояли 10 человек, на Казенном дворе 5 человек, на Денежном дворе 5 человек.

По кремлевским воротам стрелецкий караул располагался следующим образом: у Спасских ворот стояло 30 человек, у Никольских 20 человек, у Тайницких 10 человек, у Предтеченских, или Боровицких, 10 человек, у Троицких 10 человек, в Отводной башне, у тех же ворот, 5 человек.

Когда заимствованные от Византии или установленные в подражание ей придворные обряды, церемонии и обычаи были полностью усвоены Московским двором, а старые обычаи и порядки, шедшие от отцов, облеклись в более пышные царственные формы, и все это сделалось существенным, самым необходимым выражением царского сана и достоинства, естественно, что некоторые отделения государева двора получили с того времени особое значение, соответствующее торжествам и церемониям, для которых они предназначались.

В отношении торжественных действий и обрядов, происходивших в больших государевых палатах, первое место с конца XVI ст. принадлежало Грановитой, как самой боль-

шой и наиболее украшенной, в которой царь являлся в полном блеске древнего великолепия, столько изумлявшего иностранцев. В ней давались торжественные посольские аудиенции и государевы большие церемониальные столы: при венчании на царство, при объявлении царевичей наследниками престола, при поставлении патриархов, митрополитов и архиепископов, брачные, родинные, крестинные, праздничные и посольские. В ней происходили также великие Земские соборы и вообще совершались все важнейшие торжества того времени.

А. Литовченко. Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею. 1875 г.

Для того чтобы видеть все эти церемонии царице и детям государя, в Грановитой палате была устроена смотрильная палатка, тайник. Он находится вверху, над Святыми сенями, у западной стены палаты, и смотрильным окном выходил прямо напротив того места, где искони стоит государев трон. В старину тайник этот убран был следующим образом: стены, потолок, лавки, двери и в окнах все было обито полстью и потом красным английским и гамбургским сукном; над двумя окнами с южной стороны висели такие же суконные завесы на кольцах; пол устлан был войлоком и полстью; прибор у дверей был луженый. В большом окне, обращенном в палату к царскому месту, была вставлена смотрильная решетка, обитая красною тафтою на хлопчатой бумаге; решетка задергивалась завесом с кольцами на медной проволоке. В переднем углу тайника стоял образ Евфимия Суздальского. Из этого-то тайника, сквозь смотрильную решетку, царица, малолетние

царевичи, старшие и младшие царевны и другие родственницы государыни смотрели на великолепные церемонии, происходившие в палате. Особенно часто они присутствовали, скрытые таким образом, при посольских аудиенциях.

Средняя Золотая до конца XVI ст. имела то же значение, что и Грановитая, но с этого времени она становится обычной приемной залой, в которой с меньшей пышностью и торжественностью представлялись государю патриарх, духовные власти, бояре и прочие сановники, иноземные послы, посланники и гонцы. Кроме того, в ней, как и в Грановитой, происходили Земские соборы и давались иногда именинные и праздничные столы.

А. Васнецов. Старая Москва

В День Рождества Христова, перед обедней, государь принимал здесь патриарха с духовными властями, соборный причт и певчих, приходивших славить Христа. В 1670 г., по случаю переделки кремлевского здания приказов, которые были выведены в Китай и Белый город, в этой палате назначено присут-

ствие бояр и думных людей для слушания и вершения расправных и спорных дел, отчего палата, приняв значение высшей инстанции, получила название Золотой Расправной, которое и сохраняла до 1694 г., когда новым указом это присутствие перенесено в Переднюю палату Теремного дворца и когда в Золотой стали принимать только челобитные средних чинов людей. Заседания Думы бывали здесь не только утром, но и вечером, особенно в

зимнее время. Для доклада дел каждому ведомству назначены были особые дни. Само собой разумеется, что с того времени, как Золотая палата получила такое чисто судебное, административное значение, прекратились царские выходы в нее, а следовательно, и все торжества и церемониалы, которые происходили в ней прежде.

Меньшая Золотая была парадной приемной залой царицы, отчего часто она и называлась Царицыной. В ней по преимуществу происходили торжества семейные, родинные и крестинные столы для боярынь, как дворовых, т. е. собственно придворных, так и для приезжих, имевших только право и обязанность приезжать во дворец; прием патриарха с духовными властями, бояр и выборных всякого чина людей, приходивших с дарами поздравлять государя по случаю рождения и крещения его детей. На Светлое Воскресенье, после заутрени, государь, сопутствуемый патриархом, духовными властями и светскими чинами, приходил в эту палату христосоваться с царицею, которую окружали в это время верховые и приезжие боярыни. В День Рожде-

ства Христова здесь царица принимала духовенство, приходившее славить Христа, и приезжих боярынь, которые, вместе с верховыми, поздравляли ее с праздником и подносили каждая по тридцати перепечь, или сдобных круглых и высоких хлебов.

Столовая изба, или палата, по своему значению, была меньшей парадной залой, назначенной преимущественно для государевых чиновных столов; но в ней происходили также и приемы духовенства, бояр и других лиц, особенно же иностранных посланников и гонцов. Иногда государь жаловал здесь бояр, окольников, думных людей и других чиновников именинными пирогами. В Сочельник, накануне Рождества и Богоявления, государь слушал в Столовой церковные службы, царские часы, вечерню и всенощное. Кроме того, в Столовой проходили большие Земские соборы по важным государственным вопросам. В 1634 г. здесь происходил собор о новом денежном сборе со всего государства на жалованье ратным людям, а в 1642 г. — известный собор по вопросу о принятии под защиту России Азова.

В Панихидной, или Сборной, палате в дни поминовения царей и особ государева семейства давались панихидные столы, древние покормы патриарху, духовным властям и соборянам, что называлось также большими сборами, т. е. собранием вообще духовенства, и особенно соборных причтов. Необходимо напомнить, что за этими поместными столами для духовенства государь, по обычаю, вероятно, очень древнему, стоял перед владыкой (митрополитом, а впоследствии перед патриархом) и из собственных рук его угощал.

В Ответной, или Посольской, палате происходили переговоры бояр с иноземными послами, что вообще называлось ответом. Выражение «быть в ответе» значило вести переговоры, давать царские ответы, или решения посольских дел. В Ответной палате, как и в Грановитой, был устроен тайник, тайное окошко, из которого государь слушал иногда посольские совещания. Из Постельных хором весьма важное значение в царском быту имели Передняя и Комната Теремного дворца, который со второй половины XVII ст. сделался

Все бояре, окольные, думные и ближние люди были обязаны каждый день являться во дворец рано утром и после обеда. Собирались они обыкновенно в Передней, где и дожидались царского выхода. Только самые близкие бояре, выждав время, могли входить в Комнату, или, собственно, кабинет государя. При выходе бояре и прочие чины кланялись государю большим обычаем, т. е. в землю, что называлось «бить челом». Государь выходил, по обыкновению, в тафье или шапке, которой никогда не снимал «против их боярского поклонения». После приема бояр государь выходил, большею частью к обеду, в сопровождении всех съехавшихся сановников. После обедни в Передней, а иногда в самой Комнате начиналось сидение с бояры, заседание Царской палаты, или Думы, которую составляли без исключения все бояре и окольные и некоторые из младших чинов, известные под именем думных людей. Заседания почти всегда происходили в присутствии государя, что видно из указов конца XVII ст. Государь

здесь давал суд и расправу, слушал судные дела и челобитные, которые читали пред ним обычно думные дьяки.

В Теремных покоях, а именно в Государевой Комнате, или в Верхней Золотой, как ее иногда обозначали, в отличие от других Золотых палат, происходил в 1660 г., февраля 16-го, знаменитый собор о поступках патриарха Никона. Государь в тот день приказал быть в Верхних каменных хоромах, в Верхней Золотой палате, своим государевым богомольцам, митрополитам, архиепископам, епископам, архимандритам, игуменам, протопопам и боярам, окольниковым и думным людям. Палата была убрана аксамитами и бархатами золотыми и узорчатыми разных цветов и постлана коврами.

В 1682 г., января 12-го, в Теремных покоях происходил собор об отставке и искоренении местничества. После единогласного утверждения:

«Да погибнет в огне Богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и к тому да не вспомняется вове-

ки!» —

все разрядные и случные книги, все просьбы о случаях и записки о местах преданы были огню в Передних сенях в печи, в присутствии боярина и думного дьяка со стороны гражданской власти и всех митрополитов и архиепископов от власти духовной, которые стояли при этом торжественном сожжении до конца.

В тот же замечательный год, 27 апреля, в день смерти царя Федора Алексеевича, в Теремных покоях совершилось избрание на царство десятилетнего царевича Петра, мимо старшего брата его, Ивана. После совещаний патриарх Иоаким, в сопровождении архиереев, бояр, окольных, думных и ближних людей, вышел на Золотое крыльцо и, в краткой речи объяснив собравшимся здесь выборным, что наследниками царства остались братья покойного государя, царевичи Иван и Петр, предложил вопрос: кому из них быть преемником царского скипетра и престола? Выборные, а потом бояре и прочие чины единодушно избрали царем Петра и здесь же присягнули ему в присутствии его матери-царицы На-

талы Кирилловны.

Вот официальное значение Теремных покоев. Нужно упомянуть еще, что с 1694 г. Передняя палата заменила Золотую Расправную, как высшее судилище со значением Сената, где разрешались все спорные апелляционные дела и челобитные, подаваемые на государево имя. По этому случаю и в самих приговорах делалась следующая отметка:

«По указу Великих Государей,, в их Великих Государей Передней Полате, то дело бояре слушав, приговорили».

Случалось, впрочем, весьма редко, что в Передней государь принимал запросто иноземных послов. Это была необычайная и величайшая честь, которой удостаивались немногие. В 1662 г, 14 апреля, здесь были приняты цесарские послы, которые получили эту высокую честь вместо посольского стола, даваемого обыкновенно иноземным послам после аудиенции. Такой же почести был удостоен в 1664 г., 22 апреля, английский посол Чарлус Говорт. В 1667 г., декабря 4-го, в Передней же были приняты польские послы Станислав

Беневский и Киприан Брестовский.

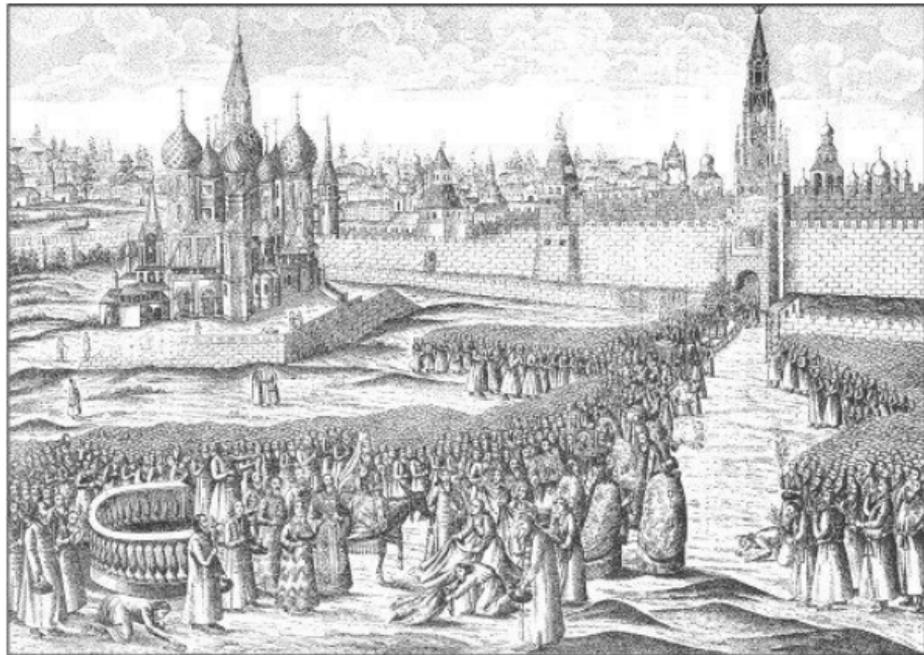
Посольский приказ

Значение Передней и Комнаты в домашнем быту государя также весьма достопамятно. В Передней государь слушал иногда церковные службы, часы, вечерню, всенощную; на Святой христосовался с боярами, т. е. жаловал их к руке. В Передней, или на Золотом крыльце, в дни своих именин, также на именины царицы и детей, после обедни, государь из собственных рук раздавал боярам и всем

дворовым и служилым чинам водку и именные пироги или калачи. В Передней государь также давал праздничные столы, а в Комнате кушал, иногда запросто, без чинов, с некоторыми из бояр, окольников, думных дворян и думных дьяков, которые приглашались по особому благоволению государя и сидели за столом всегда уже без мест. Записки времен царя Алексея Михайловича сохранили любопытные известия о других, более замечательных столах, которые иногда давались в этих покоях, именно о кормах на нищую братию и на полоняников. Такие столы давались очень часто по поводу важных семейных событий, например, по случаю рождения детей и особенно во дни поминовения усопших, в третины, девятины, полусорочины и сорочины. Когда нищей братии собиралось много, то кормление происходило нередко в Царицыной Золотой палате, особенно если поминки справлялись по царице.

Крестный ход в Москве в XVII в.

Необыкновенно оживлялись Теремные покои пред заутренею Светлого Воскресения, ко-

гда бояре, окольниковые, думные и ближние люди, все служилые и дворовые чины, в богатейших золотных кафтанах¹⁷⁴, собирались сюда к обряду царского лицезрения и к царскому выходу к заутрене. Высшие сановники, пользовавшиеся свободным входом в государевы покои, собирались в Комнате и в Передней; другие наполняли сени, стояли по Золотому крыльцу и на Каменном дворе пред Теремами; а низшие и небогатые чиновники, не имевшие золотных кафтанов, ожидали царского выхода на Постельном и на Красном

крыльцах. Когда таким образом дворец наполнялся чиновным народом, государь выходил из внутренних покоев в Комнату, слушал здесь «полунощницу», по совершении которой садился в кресла и принимал бояр и прочих сановников, входивших в Комнату, чтоб «видеть его великого государя пресветлые очи» и ударить челом. Те из дворян и дьяков, которым, по особой милости, дозволялось видеть царские очи в Комнате, входили туда, по распоряжению стольника из ближних людей, который в то время стоял у *крюка* и впускал их по списку, по два человека. Ударив челом, они возвращались на свои прежние места. Таким же образом дворяне и дьяки другой степени, а также и стрелецкие головы впускались в Переднюю при выходе туда государя. Все эти лица, которых государь жаловал, повелевал свои государские очи видеть в Комнате и в Передней, вносились в особые списки и по спискам допускались к царскому лицезрению. Остальные дворяне, дьяки, подьячие и прочие младшие и небогатые чиновники видали государские очи в сенях и на дворцовых крыльцах в то время, как государь про-

ходил в собор. Ударив, по обычаю, челом, они шли пред государем, по три в ряд, до Успенского собора, где и становились по обе стороны пути, и потом, когда государь, сопровождаемый высшими чинами, торжественно проходил в собор, они также следовали за ним, по два в ряд. В течение Светлой недели государь принимал в Теремных покоях поздравление от всех чинов, до чернослободских старост и выборных. Людей младших чинов он жаловал к руке большей частью на Переднем крыльце.

Нам остается упомянуть еще о значении Красного крыльца, которое было главным парадным входом во дворец. На него, как мы уже знаем, вели три лестницы – Благовещенская, Средняя и Золотая, или Красная, что у Грановитой палаты. На Красном крыльце, во время посольских и других важных приемов, происходила церемония встреч, значение которых указано нами выше. По этому случаю все крыльцо наполнялось дворовыми и служилыми людьми младших разрядов, которые стояли здесь по обе стороны пути в богатейших одеждах, выдаваемых на это время из

царской казны. Обычно по лестнице и по крыльцу стояли подьячие и боярские дети в цветном и золотном платье, а в сенях и у дверей Приемной палаты – жильцы в бархатных и обьяринных¹⁷⁵ терликах¹⁷⁶ и в золотных шапках, с протазанами и алебардами в руках.

Особенно пышные встречи устраивались только иноземным послам и вообще знатным иностранцам, как собственно гостям «почести ради». Число встреч было неодинаково: именитому послу и лицу царского происхождения давалось три встречи. Первая, меньшая, у лестницы на подъездном помосте, или рундуке; вторая, средняя, на крыльце, против средней лестницы, а иногда в сенях Приемной палаты, и, наконец, третья, большая, у самых дверей палаты. Другим, менее значительным лицам, делалось только две встречи: меньшая на крыльце и большая в сенях, а иным, как, например, иноземным посланникам, гонцам, купцам и т. д., была одна только встреча – в сенях у порога или «недошед порога с сажень». Таким образом, одной из почетнейших встреч для гостя была и меньшая, у лестницы. Встречниками назначались в

обыкновенных встречах стольники с дьяками, а в более почетных – боярин или окольничий со стольником и думным дьяком. Само разделение встреч на меньшую, среднюю и большую соотносилось с родовой честью встречников: в меньших встречах родовая честь была помоложе, а в больших – более древняя. Особенно дорогих гостей встречали с еще большими церемониями. В 1644 г. во время приема датского королевича Волдемара, жениха царевны Ирины, кроме обычных трех встреч, его встретил среди Грановитой палаты царевич Алексей Михайлович в сопровождении бояр и в предшествовании окольничих и стольников, а потом сам государь Михаил Федорович встретил королевича у ступени трона.

Для встреч и вообще для входа во дворец посторонним лицам, кроме государя, назначены были только две лестницы: Благовещенская и Средняя. При посольских приемах послы христианских государств входили во дворец по Благовещенской лестнице, а послы и гонцы персидские, турецкие, татарские и вообще иноверцы – по Средней, потому что

значение Благовещенской лестницы, как соборной паперти, не позволяло входить по ней лицам, не исповедовавшим христианской веры. По Золотой, или Красной, лестнице совершались большие царские выходы в день венчания на царство и во время бракосочетания. В другое время эта лестница, кажется, была всегда заперта, потому что обыкновенные выходы государя делались чаще по Благовещенской паперти, служившей также обычным входом во дворец как для бояр, так и для всех других чинов. Для того же была предназначена и Средняя лестница, по которой, кроме того, совершались печальные процессии выноса тела покойных государей к погребению в Архангельский собор.

Лестницы Красного крыльца запирались на ночь решетками, и на крыльце всегда стоял стрелецкий караул. Напомним еще, что у этого крыльца, на площади, думные дьяки принимали от народа челобитные, по которым здесь же зачитывали приговоры и решения, вероятно, у Средней лестницы.

Заметим также, что на крыльцах иногда делались приемы гонцам и посланцам. В 1657

г. царь Алексей Михайлович принимал на Красном крыльце малороссийского посланца от гетмана Хмельницкого Павла Тетерю. Отпускная аудиенция дана была ему так же на крыльце, но только уже на Переднем, т. е. в государевых покоевых хоромах, или нынешних теремах, что было почетнее.

В заключение мы должны упомянуть, что в XVII ст. во дворце, а именно на стрелецком карауле Красного крыльца, велись каждый день особые записки о состоянии погоды и о дворцовом карауле; а при этом отмечались и все царские выходы и загородные походы, также посольские приемы и разные другие случаи.

Мы упоминали, что Постельное крыльцо, находившееся среди дворцовых зданий, между Приемными большими палатами и жилыми Теремными покоями государя, составляло довольно большую площадь и служило всегда сборным местом для младшего дворянства и приказных людей, имевших необходимость быть за чем-либо во дворце. Здесь с утра до вечера толпились стольники,

стряпчие, жильцы, дворяне московские и городовые, дьяки, подьячие разных приказов, некоторые по службе, дожидаясь начальных людей или решения дел, другие просто из любопытства, потому что на Постельном крыльце можно было узнать все важные новости. Там, кроме повседневных дел о тяжбах, исках и т. п., объявлялись царские указы, касавшиеся всего дворянского сословия, например, указы о войне и мире, о сборе войска,

о военных походах или о роспуске служилых людей по домам и вообще обо всех административных и законодательных мерах, предпринимаемых правительством как относительно служилого сословия, так и вообще по делам всей земли. В Верху у государя происходило сидение бояр, заседание царской Думы, откуда исходили все подобные меры и распоряжения и, разумеется, прежде всего узнавались на Постельном крыльце, от тех же бояр в частном порядке, или же от дьяков, сказывавших указы публично.

Таким образом, Постельное крыльцо было придворной площадью, или, как именовали его впоследствии, Боярской

площадкой, публичным местом царедворцев, т. е. собственно дворян, а также и начальных людей военных и гражданских. В этом смысле некоторые из царедворцев, а именно стольники младших разрядов, именовались площадными, в отличие от стольников комнатных, находившихся в приближении у государя и имевших право входить в его комнаты. Слова «площадь», «площадной» заключали в себе понятия общего, публичного, всенародного и также – обыкновенного, рядового. Были, как известно, подъячие площадные и избы площадные, где эти подъячие писали купчие, закладные и разные другие акты.

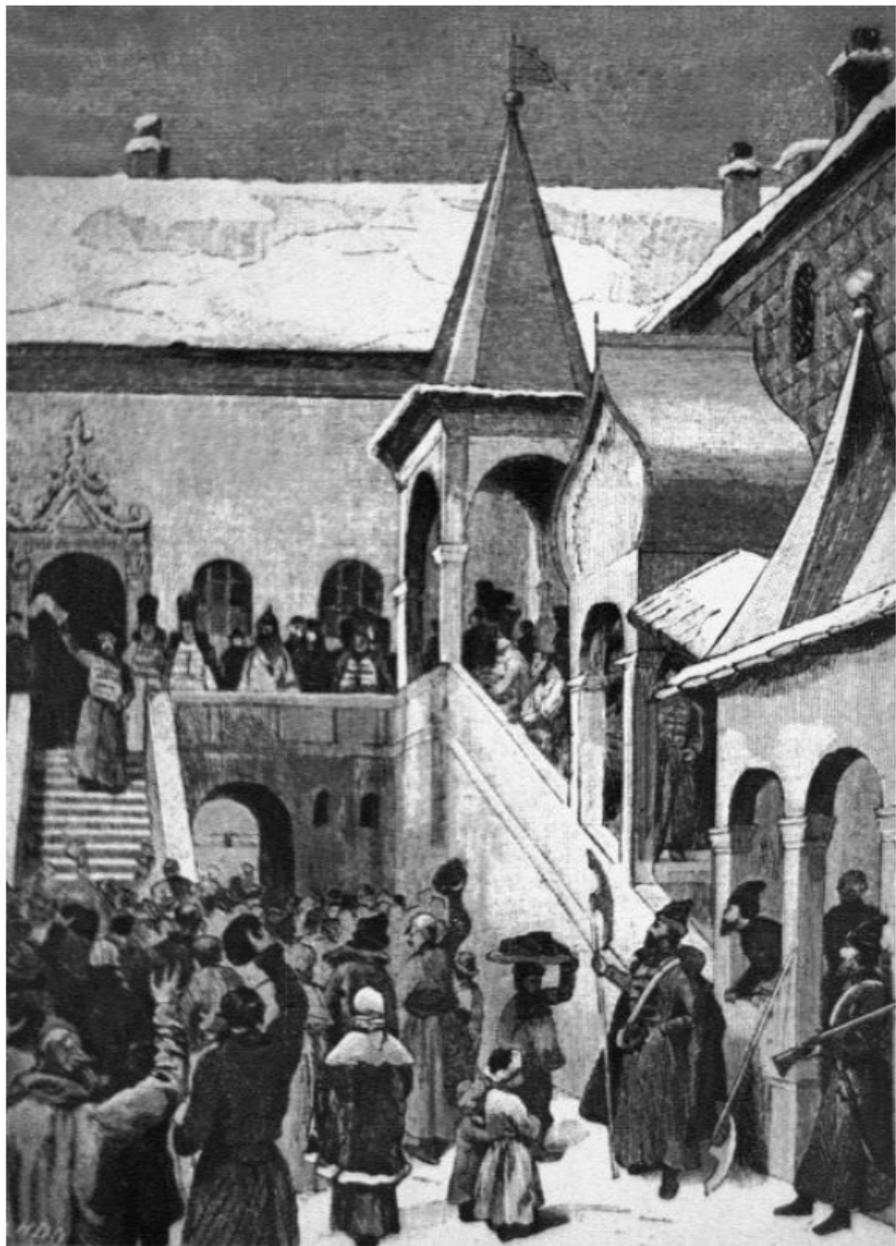
Необходимо напомнить, что старое наше служилое сословие – боярство и дворянство – было исполнено непомерной щекотливости в отношении своей чести; не той, однако ж, чести, которая служит выражением сознания в себе человеческого достоинства; тогдашняя честь заключалась в *отечестве*, т. е. в значении рода, к которому лицо принадлежало, собственно в почете, каким пользовался этот род и каким по нисходящему порядку должен

был пользоваться всякий родич. Само собою разумеется, что власть с течением времени все больше и больше усиливала такие понятия о чести, строго охраняя законодательством честь высших сановников и вообще своих слуг, следовательно, всех служилых людей земли. В ее интересах было поддерживать и соблюдать известное почетное значение лиц и целых родов, которые помогали ей в приобретении, в устройстве и охране земли, потому что эти лица и роды представляли ту же власть, были ее органами. Таким образом, понятия о честности известного рода или известного лица ограничивались только представлениями о служебном почете, о мере жалованья, т. е. расположения государя и близости к его особе. Только этим путем мог возвышаться человек и за ним весь его род. Разумеется, в обществе, пропитанном родовым началом, по которому старое почиталось неизмеримо выше всего молодого, старая, т. е. заслуженная целыми поколениями, честь всегда почиталась больше молодой, хотя бы и более достойной.

Законодательство XVII ст. очень способ-

ствовало развитию в тогдашнем обществе непомерной щекотливости, а главным образом – непомерного сутяжничества по делам о нарушении чести или о бесчестье одним только словом; ибо за доказанное бесчестье доправлялась всегда денежная пеня обещенному лицу, соответственно его чести, или тому служебному разряду, к которому принадлежал обещенный. Известно, что в X главе Уложения весьма подробно и с большой точностью оценена на деньги честь каждого лица. Этого было достаточно, чтоб возбудить беспрестанные жалобы, иски, мелочные щепетильные придирки к словам с целью получить вознаграждение за сделанное бесчестье. С того времени, а особенно в конце XVII ст., некоторые приказы были завалены делами подобного рода, весьма хорошо кормившими и судей, и подьячих. Чаще всего, разумеется, бесчестье заключалось в словах непристойных, а иногда просто шутливых и самых обыкновенных, к которым придирался обиженный как к слову бесчестному.

Н. Дмитриев-Оренбургский. Народ выкрикивает в цари Михаила Федоровича в Кремле

21 февраля 1613 г.

Поводом к произнесению непристойных, бесчестных слов служили обыкновенно ссоры и брани, которые, при простоте и грубости тогдашних нравов, возникали непрестанно. Житейские отношения были слишком непосредственны и прямы; прямы и по чистосердечию, и по грубости и дикости нравов; поэтому оскорбленный человек почти никогда не таил своего неудовольствия, тотчас высказывал его по первому впечатлению и вымазывал с бранью, весьма часто в непригожих и непристойных словах. Притом тогдашние постановления вовсе не определяли, какое именно слово должно считаться бесчестным и непригожим, а это давало возможность всякое грубо сказанное или шутливое слово считать бесчестным. Достаточно было самого простого живого и самого обыкновенного выражения, чтоб его причли к бесчестью и тотчас же начали иск. По старинной пословице, здесь всякое лыко шло в строку. Даже простая описка, недопись или прописка в чине, имени, отчестве или фамилии, например «о»

вместо «а» или «а» вместо «о» и т. д., считались немаловажным бесчестьем и давали повод начать иск.

Чтобы остановить и ограничить подобные иски, государь по этому случаю указал и бояре приговорили:

«Будет кто в челобитье своем напишет в чьем имени или в прозвище, не зная правописания, вместо о – а, или вместо а – о, или вместо ь – ъ, или вместо ять – е, или вместо и – і, или вместо о – у, или вместо у – о, и иные в письмах наречия, подобные тем, природе тех городов, где кто родился и, по обыкновениям своим, говорить и писать извук; того в бесчестье не ставить и судов в том не давать и не разыскивать; а кто, то браня, назовет князем без имени, и за то править бесчестье».

Это постановление касалось только высших чинов, включительно до жилецкого. Остальных, начиная с городских дворян до крестьян, подвергали тюремному заключению на неделю или, если кто не хотел в тюрьму, взыскивали бесчестье деньгами, не разбирая дела, умышленно или неумышленно сде-

лана описка или недопись¹⁷⁷. Большая беда бывала тому, например, кто напишет отечество, кому не следует, без *вича*, или кого в брани назовет князе без имени, т. е., например, вместо «князь Иван» скажет просто «князь». Подобные случаи преследовались строго и самим правительством.

Возбуждаемые действиями и распоряжениями и, так сказать, поддержкой самого правительства, жалобы о бесчестье оскорбительными словами дошли наконец до таких странных, нелепых и смешных вещей, что Петр указом 1700 г., мая 4-го, вынужден был запретить подобные иски. К бесчестью причисляли, например, следующие выражения и слова, которые были выписаны из челобитных в Судном московском приказе:

«вольно тебе лаять; шпынок турецкой, из-под бочки тебя тащили; не Воротынской-де ты лаешь, ребенок; сынчишко боярский, мартынушка-мартышка; черти тебе сказывают; трус, отец твой лаптем шти хлебал, отец твой лапотник; сулил сыромятную кожу и яловичьи сапоги; разоренье-де мне от тебя, мучил— де ты меня».

Почти в то же время бывший воевода Алымов подал государю челобитную, где он изъяснял, что истец его, Григорий Батурина, в Приказной избе, на допросе по делу, сказал ему, Алымову, что он смотрит на него зверообразно. «И тем он меня, холопа твоего, обесчестил»,— прибавляет Алымов и ссылается на Уложение, прося взыскать с Батурина за бесчестье. Вместо этого Петр, за такое недельное челобитье, велел взыскать с самого челобитчика 10 рублей и раздать деньги на милостыню в богадельни, нищим¹⁷⁸.

А. Рябушкин. Красная палата

Множество жалоб о бесчестье возникало тоже по поводу ссор и брани на Постельном крыльце. При всегдашнем многолюдстве на этом крыльце, без сомнения, нельзя было миновать неприязненных, враждебных столкновений; нередко обоюдное неудовольствие, начатое дома или в другом месте, начатое тяжбой по какому-нибудь делу, высказывалось здесь при встрече соперников. А так как ссора и брань во дворце, кроме бесчестья лицу, нарушала честь государева двора, за что взыс-

кивалось еще строже, то ссорящиеся не упустили случая, ища защиты, а более в отместку, тотчас же пожаловаться на противника и выставить его особенно сильно именно в этом отношении.

Все дела о нарушении чести государева дворца непристойными словами и дерзкими

поступками разбирались домашним судом государя, т. е. царским постельничим или стряпчим с ключом, который делал обыск, или сыск, допрашивал свидетелей происшествия, потом из допросов составлял записку, приводил указ или статью из Уложения и докладывал государю. Решение с изложением дела сказывалось обвиненному при всех, по известной форме.

В Троицын день 1642 г. (мая 29-го) побранились на Постельном крыльце стольники Григорий Облязов с Борисом Плещеевым из-за своего крепостного человека, которого они один у другого забирали. Облязов при этом наговорил Плещееву разных оскорблений, обесчестив даже и его сестер-девок. Тогда мать Плещеева, вдова, со всеми детьми подала государю челобитную, по которой и назначен был сыск; но доклад почему-то отлагался. Между тем вдова не уставала подавать челобитные и в течение одного месяца подала их шесть, в которых называла Облязова оглашенником и просила смиловаться, защитить ее. Несмотря на челобитные и просьбы со стороны вдовы Плещеевой, дело тянулось и не

докладывалось государю более года, может быть, по проискам Облязова, подкупившего царского стряпчего Оничкова. Но, видно, Плещеевы нашли случай добиться справедливости. Государь слушал это дело и указал:

«Григорья Дмитриева, сына Облязова, за вдовино Аннино Васильевы, жены

Плещеева, с тремя дочерьми с девками, за их бесчестье, битъ батоги нещадно, чтобы иным вперед воровать было неповадно».

По государеву указу и по докладной выписке «перед стряпчим с ключом перед Иваном Михайловичем Оничковым Григорей Облязов за свое воровство, а за вдовино Аннино Васильевы, жены Плещеева, с детьми бесчестье, в подкледке бит батоги, в одной рубашке, нещадно».

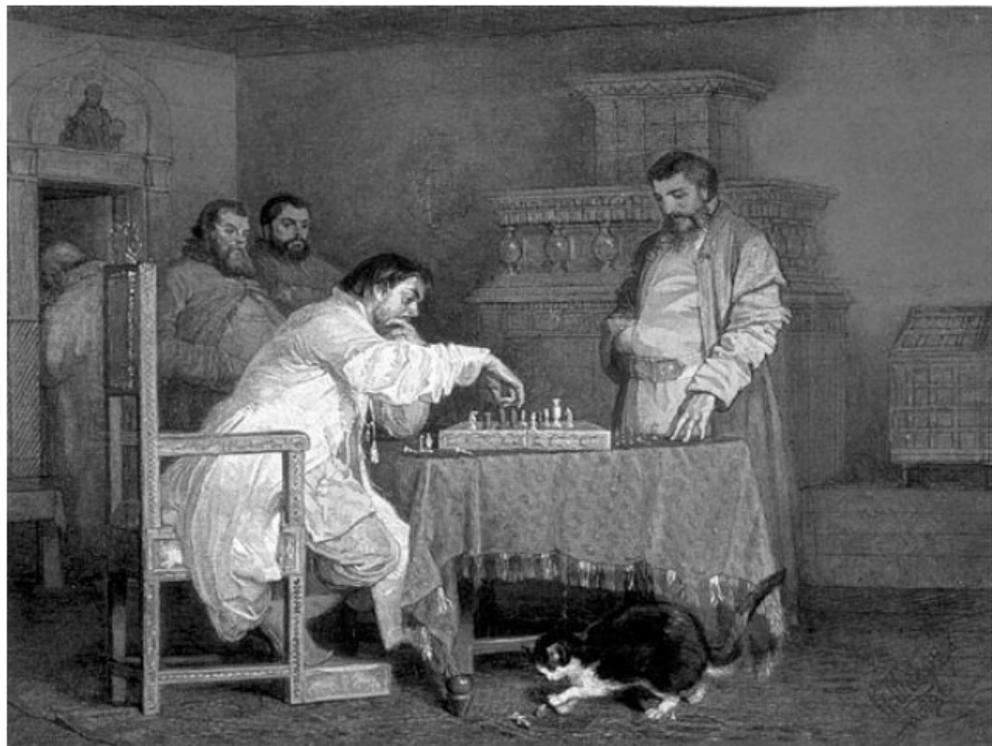
27 апреля 1645 г. царский казначей, лицо по тому времени довольно значительное, Богдан Минич Дубровский поссорился в государевой Передней избе с дворянином Васильем Колтовским, который перед тем подал было на него государю в Комнату челобитье о несправедливом решении его спорного дела.

Но челобитной при докладе не явилось. Колтовской спрашивал думного дьяка и подьячих, и потом, когда, по окончании докладов, казначей Дубровский вышел из царской Комнаты в Переднюю, Колтовской заметил ему, что странно, как его челобитная пропала и не оказалась при докладах. В ссоре сказаны были с обеих сторон обидные слова, и Дубровский в тот же день принес государю жалобу о бесчестье. Государь велел стряпчему с ключом Ивану Михайловичу Оничкову сделать сыск и о нем доложить. Узнав о жалобе Дубровского, Колтовской через два дня подал свою челобитную о бесчестье и также с росписью свидетелей. Чем дело кончилось, неизвестно.

Расходившихся и разобиженных царедворцев ничто не могло унять, когда они считались и бранились между собою. Мало останавливала их статья Уложения, сулившая тюрьму и денежную бесчестную пеню, статья, которая, со своей стороны, служит самым ярким и убедительным свидетельством, что царский дворец очень часто оглашался

неистовую бранью от своих же ближайших слуг, что закон явился как неизбежная мера против буйных нравов царедворцев. То же свидетельствуют и указы последующего времени. В 1683 г., января 4-го, объявлено общее подтверждение, чтобы стольники, стряпчие, дворяне, жильцы, всякий в свое дневанье, сидели в указных палатах смирно и меж себя бесчинства и шума никакого и брани не чинили, а кто будет бесчинствовать и шуметь и браниться, тех велено присылать в Разряд. Даже большие, приближенные люди насколько не отличались в своих поступках от младших, площадных людей. Их точно так же не останавливала ни близость царских покоев, где они, впрочем, постоянно и находились, ни близость особы государя. Часто в его присутствии начиналась брань. Так, в 1652 г., ноября 22-го, сидел государь с бояры в Думе: боярин и оружейничий Гаврила Пушкин и брат его, окольник Степан Пушкин, бранились, в его присутствии, с боярином князем Юрьем и окольничим князем Дмитрием Долгорукими за то, что им, Пушкиным, меньше их, Долгоруких, быть не можно; за что, разу-

меется, и посланы были в тюрьму.

В. Шварц. Сцена из домашнего быта русских царей. 1865 г.

Сила местнических счетов была так велика, что нередко и страх государевой опалы ничего не мог сделать против подобных споров и протестов. Здесь, по крайней мере, буйный протест оправдывался официальным значением местнических счетов, так что про-

тестовавший иногда оставался правым. Но, привыкшие стойко и всегда грубо считаться о местах, искать своего права, бояре с тем же буйством вели себя и в случае простых личных оскорблений, которые они всегда умели связать с оскорблением всему роду, и грубое слово, сказанное лицу, распространяли на бесчестье отцов и дедов, братьев и племянников. Впрочем, необходимо заметить, что и противники в своих ругательствах пользовались всяким случаем, чтоб припомнить и как можно сильнее задеть какие-либо родовые старые грешки, бесчестившие весь род поголовно. Так, в 1691 г. брань возникла между двумя самыми знатными и значительными лицами, между знаменитым впоследствии князем Яковом Долгоруким и князем Борисом Алексеевичем Голицыным, дядькой Петра, любимым и влиятельным человеком. Желябужский¹⁷⁹ рассказывает в своих «Записках»:

«Побранился князь Яков Федорович Долгорукой в Верху с боярином князем Борисом Алексеевичем Голицыным, называл он, князь Яков, его, князя Бориса Алексеевича, изменничьим правнуком, что при Розстриге прадед

его, князя Бориса Алексеевича, в Яузских воротех был проповедником. И за те слова указано ему, князю Якову Долгорукому, боярину князю Борису Алексеевичу Голицыну и отцу его, боярину князю Алексею Андреевичу Голицыну, и братьям его всем (заплатить за бесчестье); а за бесчестье полатное, что он, князь Яков, говорил в государевой Полате при боярах, послан он, князь Яков, был в тюрьму, и не довели его, князя Якова, до тюрьмы, воротили от Спасских Ворот».

Но Долгорукие, как ими объяснено, не могли уплатить такой суммы, и по Уложению их следовало бить кнутом, чего вначале, может быть, и хотел их соперник, кн. Голицын. Дело, однако, тянулось и окончилось со стороны Голицыных отказом от взыскания по случаю смерти Голицына-отца.

Если такие знатные и почтенные особы позволяли себе бесчинствовать в царских палатах, то меньшим людям нельзя и в грех ставить их частые побранки на Постельном крыльце, где всегда собиралось много молодежи и где, следовательно, по многолюдству и по незрелости лет, ссоры были делом самым

обыкновенным. Еще меньше должны мы требовать от низших служителей дворца, разных истопников, сторожей и т. д., людей простых, не знатных и не богатых, между которыми, разумеется, происходили еще большие бесчинства. Где им было учиться вежеству и тихим нравам, когда со стороны царедворцев они никогда и ничего подобного не видали. Вот черта царедворческих отношений к этим меньшим дворовым людям:

«Жалоба, государь, мне на стольника на Романа Федорова, сына Бабарыкина; в нынешнем, государь, во 157-м году, июня в 15 день в твоем государеве походе в селе Покровском, на твоем государеве дворе, стоял я, холоп твой, на крыльце; а тот Роман тут же на крыльцо пришел и учал меня, холопа твоего, он, Роман, посылать по квас на Сытной дворец; и я, холоп твой, его не послушал, по квас не пошел, потому что я, холоп твой, в Передней дневал; и он, Роман, за то меня, холопа твоего, спихнул с лестницы и убил меня до полусмерти; и лежал я, холоп твой, на земле, обмертвев, многое время; и оттерли меня, холопа твоего, товарищи

мои льдом; и от тех побой ныне я, холоп твой, стал увечен. Милосердый государь! пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про тот мой бой сыскать и про увечье, и по сыску свой государев указ учинить; а безчестьишку, государь, моему и увечью, что ты, государь, укажешь. Царь государь, смилуйся, пожалуй! – Роспись, которые видели, как истопника Дему Клементьева с лестницы убил Роман Федоров, сын Бабарыкин: князь Иван Борисович Репнин, князь Афонасей Борисович Репнин, Федор Лодыженской, Юрья Левонтьев, Иван Соковнин, Яков Жуков, Абрам Связев, Борис Змеев, государев крестовой поп Василей Климентов».

В 1649 г. постельный истопник Демка Клементьев бил челом государю:

«И постельничий Михайло Алексеевич Ртищев, слушав сей челобитной и росписи стольников и стряпчих про Демкин бой, по государеву крестному целованью, в объезде в селе Покровском на крыльце допрашивал. И постельничему Михайлу Алексеевичу Ртищеву стольники и стряпчие и голова стрелецкой сказали, по государеву крестному целованью:

князь Иван Репнин, Юрья Левонтьев, Яков Жуков, Абрам Свиязев, Борис Змеев, крестовой священник Василий Климентов, сказали по священству: в нынешнем-де, во 157-м году, июня в 15 день, в объезде в селе Покровском видели-де они постельного истопника Демку Клементьева на нижнем крыльце, что и лежит ушибен, а кто его с крыльца пихнул, того они не видали; а от людей слышали, что пихнул его с крыльца стольник Роман Бабарыкин, да в речех прибавил Яков Жуков: видел-де он, как истопник Демка Клементьев с лестницы летел и Юрья Левонтьева в голову зашиб.— Князь Афонасей Репнин, Федор Соковнин, Михайло Еропкин сказали, по государеву крестному целованью: Роман Бабарыкин постельного истопника Демку Клементьева с крыльца пихнул. Да в речех своих прибавил князь Афонасей Репнин: посылал-де его Роман не ведомо пошто и он-де его не послушал, и за то де его Роман с крыльца спихнул. Федор Лодыженской сказал, по государеву крестному целованью, что в то время он, Федор, на крыльце не был и от людей про Демку, как его Роман с крыльца спихнул, не слы-

хал. – Голова стрелецкой Михайло Зыбин сказал, по государеву крестному целованью: видел-де он, что истопник Демка с лестницы кубарем летел; а кто его пихнул, того-де он не видал; от Юрья Левонтьева слышал, что говорил Юрья Роману Бабарыкину: для чего-де ты истопника на меня пихаешь?»

Московит в военном наряде.

С редкой немецкой гравюры XVI в. Собрание П. Я. Дашкова

Для характеристики подобных же поступков и нравов между дворовыми людьми приведем несколько случаев. В 1652 г. бил челом государю, а постельничему Федору Михайловичу Ртищеву подал челобитную постельной сторож Куземка Еремеев, а в челобитной пишет: «В нынешнем, государь, во 160-м году, генваря с 31-го числа, ввечеру, часу в пятом ночи, сошелся со мною в жилецком подклете постельной истопник Яков Быков и бранил меня всякою позорною бранью и ушиб меня кулаком и вышиб левой мне глаз и тем меня изувечил. Милосердый государь! пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про тое мою

CLXXII.

Ein Moscovitter.

Ein Moscoviter sawrer arth/
Also gerüft ist zu der sahrt/

Mit seinem Bogn zum Streit vnd Krieg/
Sein Sinn vnd Muth steht ihm zum Steg.

брань и про бой сыскать теми людьми, кои тут были, и по сыску свой царский указ учи-

нить. Царь государь, смилуйся!

И постельничий Федор Михайлович Ртищев его, Куземку, допрашивал, кто в ту пору был, как его Яков Быков в жилецком подклете бил? И Куземко сказал: были-де в ту пору в жилецком подклете: постельной истопник Архип Соколов да сторожи Гриша Клементьев да Петрушка Нефедов. И постельничий Федор Михайлович Ртищев постельных истопника и сторожей допрашивал, и постельной истопник Архип Соколов сказал, по государеву крестному целованью: видел-де он то, как Яков Быков сторожа Куземку в глаз зашиб; а за что-де у них стало, и он-де того не ведает. Гришка Клементьев да Петрушка Нефедов сказали, по государеву крестному целованью: пришли, де они в жилецкой подклет, и Куземка-де пьет вино из кубышки; а Яков-де Быков просал у него вина; и Куземка-де ему вина пить не дал, а говорил ему: я-де государево жалованье сам пью, и Яков-де его за то ударил кулаком и вышиб у него глаз».

В 1666 г., июня в 20-й день, била челом государю золотного дела мастерица Федосья Ка-

шинцова словесно, государыни царицы Марии Ильиничны чину на сына боярского, на Федоса Новашина, о безчестьи, что называл-де ее, Федосью, беспелюхою; а кто про то слышал и тем людем имена подала роспись в Верху окольничему Василью Михайловичу Еропкину да диаком Ивану Взимкову да Ивану Яковлеву. «Шлюсь, государь, на детей боярских, на Уласа Пестова, да на Федора, да на Дмитрия Кривцовых, да на подклюшника на Василья Горюшкина, как меня при них беспелюхою называл сын боярской Федос Новашин, и они то слышали; в том, государь, на них и шлюсь».

И против той ее росписи сыскивано: 20 июня 1666 г. против словесного челобитья золотного дела мастерицы Федосьи Кашинцовой Кормового дворца подклюшник Василий Иванов, сын Горюшкин, сказал: тому-де дни с три шел он, Василий, после кушенья на Светличное крыльцо, и мастерица-де Федосья сыну боярскому Федосу Новашину говорила, что подговорил он у ней жонку и чтоб, сыскав, ей отдал. И Федос мастерице говорил: я твоей жонки не подговаривал и называл ее, Федо-

сю, небылицею и беспелюхою, ты-де на меня затеваешь напрасно. А Федосья ему, Федосу, против слов его говорила: ты уличен, подговорных людей лицом отдашь.

В тот же день государыни царицы чину дети боярские Федор да Дмитрий Гавриловы, дети Кривцовы, по евангельской заповеди Господнии, сказали: тому де назад пятой день, в субботу, стояли они с матерью своей на Светличном крыльце до столового кушенья, и в те-де поры золотного дела мастерица Федосья Кашинцова считалась с сыном боярским с Федосом Новашиным и говорила ему, Федосу, ты-де у меня жонку подговорил. И Федос Федосье, против тех ее речей, говорил: я у тебя жонки не подговаривал, а тех слов от Федоса, что он ее, Федосью, называл беспелюхою, не слышали, а называл ли он ее такими словами, до нас или после нас, того мы не ведаем.

Застенок

В тот же день того ж чину сын боярский Влас Пестов, по евангельской заповеди Господнии, сказал: дневал он на Светличном крыльце в субботу, и пришел на крыльцо сын

боярский Федос Новашин к жене, и в то же время вышла на крыльцо мастерица Федосья Кашинцова и начала говорить Федосу: ты у меня жонку подговорил; и Федос ей говорил: я у тебя жонки никакой не подговаривал; и Федосья ему, Федосу, говорила: ты ведомой подговорщик, лицом ты жонку да девку отдал Варваре Бахтеяровой; и Федос против тех ее слов назвал ее, Федосью, беспелюхою.

В 1670 г. бил челом государю постельной сторож Кондрашка Захарьев: «Жалоба, государь, мне на истопника Костянтина Чулкова;

в нынешнем, государь, во 178-м году, генваря в 27-й день, на твоем государеве дворе, против Постельного крыльца, ухватя меня, холопа твоего, он, Костянтин, поперег, переломил у меня ногу, левую ногу берцо, надвое; и ныне я оттого увечен. Милосердый государь! пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, о том свой государев указ учинить. Царь государь, смилуйся! Помета: 178-го, генваря в 31-й день, сыскать ссылочными людьми».

Городские сторожа в Москве в XVII в. *С гравюры Панова*

В 1693 г., августа 3-го, бил челом государям Мастерской палаты государынь цариц и царевен подьячий Василий Клушин. «Сего-де числа был он в Мастерской Полате, сидел за столом, где они, подьячие, садятся, и в то-де число пришед в Мастерскую Полату закройщик Яков Матвеев и сидел за поставцом, где делают платье. И, издеваясь, говорил ему, Василью: добр да подьячей, да язык высуня, пишет; если б де я, шод, и сзади его ударил, и язык-де бы ему пришиб. И иные многие издевочные слова ему говорил. Да в тех же де ре-

чах молвил ему, Василью: не поможет-де тебе и царевна, что я над тобою сделаю. А которая именем, того не молвил. И про иных, его братью, подъячих, говорил, безчестя его, Василья,

и иных его братью подьячих: что будто и в холопи к нему иной подьячей бьет челом. И он-де, Василий, ему, Якову, запрещал и унимал, чтоб он неприличных слов не говорил, и его, Василья, и иных его братью подьячих не безчестил. А слышали-де те его слова портные мастера Андрей Якимов, Андрей Моисеев, Афонасий Селуянов; чеботники Селиверст Филиппов, Андрей Иванов. И чтоб великие государи пожаловали его, велели про те его, Яковлевы, слова розыскать и свой государев указ учинить. И против того его словесного челобитья в Мастерской Полате закройщик Яков Матвеев допрашивая, а в допросе сказал: подьячей-де Василий Клушин говорил ему, Якову, что будто он, Яков, неподелом на них, подьячих, находит, и называл его чортом и бранил матерны. И он-де, Яков, против его, Васильевых, слов, что добр-де подьячей, да язык высуня, пишет: и если б де он шол и сзади его ударил и язык бы де пришиб – говорил. А что: не поможет-де тебе и царевна, что я над тобою сделаю, – таких слов он, Яков, ему, Василью, не говаривал. А про подьячего ж де, что в холопи к нему бьет челом он, Яков, го-

ворил же. А опричь-де тех слов, он, Яков, ему, Василью, не говорил, и в том-де он, Яков, шлетя на тех людей, которые в словесном его, Васильеве, челобитье написаны. А зате-ял-де Василий на него, Якова, что будто говорил он, Яков, про царевну; за то: будучи он, Яков, в походе в селе Коломенском, говорил им, подъячим Ивану Протопопову и ему, Василью, чтоб они людей своих и иных лишних людей в Мастерскую Полату не пускали, для того что он, Яков, застал их в Полате и из Полаты высылал вон; и в том-де он, Яков, шлетя на мастеровых людей, которые в то время были».

Весьма любопытное уголовное дело возникло в 1649 г. по случаю не только оскорбительной лично, но и очень важной клеветы на сокольничего Богдана Матвеевича Хитрово, впоследствии самого приближенного к государю лица, получавшего звание боярина, оружейничего и дворецкого и со славою управлявшего дворцовым ведомством и при царе Алексее Михайловиче, и при его сыне, Федоре Алексеевиче. Надо упомянуть, что дело возникло спустя только год после извест-

ного Московского мятежа в июне 1648 г. Окольничий Хитрово обвинялся именно как один из подстрекателей мятежа. Обвинение было страшное, и потому Хитрово поспешил подать государю следующую челобитную:

«Царю государю и в. к. Алексею Михайловичу всяя Руси, бьет челом холоп твой, Богдашко Хитрово. В нынешнем, государь, во 157 году, июля в 11-й день, как ты, государь, был у панахиды у Архангела Михаила, и в то, государь, время лаел и безчестил, и позорил и дураками называл племянников моих, Ивана, Богданова сына, да Ивана Савостьянова, сына Хитрово, Ефрем Юрьев, сын Бахметев. Да в то же, государь, время он же, Ефрем Бахметев, у Архангела Михаила и на Постельном крыльце меня, холопа твоего, лаел и безчестил и называл меня гилшиком и заводчиком и сказывал, что будто я, холоп твой, будучи на твоей государеве службе, на Азовской степи, на Синбирском, завод заводил в убойстве боярина Бориса Ивановича Морозова; и будто писал я холоп твой грамотки к боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому и к дя-

дьям своим о заводе дурном и о убойстве боярина Бориса Ивановича. И я, холоп твой, такого заводу дурного не заваживал и боярину князю Алексею Никитичу и к дядьям своим в таком деле грамоток не присылывал; а дядей, государь, у меня, холопа твоего, кроме постельничего Михайла Алексеевича Ртищева, никого нет; а прежде, государь, сего родители наши служили вам, великим государем, и в измене, и в гильшиках, и в заводчиках нигде не бывали; а отец, государь, его, Ефремов Юшка Бахметев, вам, государем, изменял и с Польскими и с Литовскими людьми под Москву приходил; а в то, государь, время дядя мой родной, постельничий Михайло Алексеевич Ртищев, вам, великим государям, служил и в тюрьме сидел, а в измене и в гильшиках нигде не бывал. Да он же, государь, Ефрем Бахметев, при многих людях мне, холопу твоему, грозил, что мне быть разорену и сослану. Милосердый государь (т.), пожалуй меня, холопа своего; вели, государь, про то дело сыскать стольники и стряпчими и дворяны Московскими и жильцы и вся-

ких чинов людьми, которые в то время тут были, как он меня, холопа твоего, у Архангела в церкви и на Постельном крыльце лаел и безчестил и гильшиком называл и разореньем и ссылкой грозил, своему государеву боярину, кому ты, государь, укажешь; и по сыску, государь, на такого изменничья (сына) вели мне, холопу своему, дать оборон по своему государеву милостивому рассмотрению, чтоб впредь таким изменничьим детям неповадно воровать и нашу братью безчестить и гильшиком называть.
Царь государь,

И государь, слушав челобитные окольничего Богдана Матвеевича Хитрово, указал про то сыскать и стольников и стряпчих и дворян московских и жильцов расспросить боярину Илье Даниловичу Милославскому да думному дьяку Семену Заборовскому. И того ж дни стольник Иван Богданов, сын Хитрово, боярину Илье Даниловичу Милославскому да думному дьяку, стольникам и стряпчим и дворянам Московским и жильцам подал имяны за своею рукою таковы: имена, при ком говорил

Ефрем Юрьев, сын Бахметев, у церкви Архангела Михаила и на Постельном крыльце прокольничего про Богдана Матвеевича Хитрово: князь Данил Мышетцкой, Кузьма Трусов, Василий Панин, Иван Лихарев, Григорий Вердеревский, князь Семен Волховский, Федор Сомов, Петр Вердеревский, князь Федор Юсупов, Артемий Камынин, Еремей Пашков, Петр Лодыженский, Матвей Шишкин, Иван Рышкеев, Семен Лаврентьев, сын Совин, Матвей Исленьев, Петр да Любим Бахметевы, Микита Тургенев. Помета: «157 июля 12 день, подал Иван Хитрой».

И по государеву указу боярин И. Д. Милославский да думный дьяк стольников, и стряпчих, и дворян московских, и жильцов спрашивали всех порознь по государеву крестному целованью.

И июля ж, в 18-й день, государь, выслушав сыскные речи, указал Ефрема Бахметева против сыскных речей расспросить. И по государеву указу боярин Илья Данилович Милославский да думный дьяк Семен Заборовский Ефрема Бахметева спрашивали.

1 августа 1649 г. «сего дела государь слу-

шав, указал и бояра приговорили: бить Ефрема Бахметева кнутом на козле за боярское безчестье и за окольниково, что он боярина и окольниково обе(сче)стил своими безумными словами».

В то же время последовала справка о присланных в Москву арзамасцах и об отписке Богдана Хитрово, ничего заговорного не открывшая, а потому в исполнение упомянутого приговора было повелено: «Сказати Ефрему Бахметеву: Ефрем Бахметев! Государь царь повелел тебе сказать: в нынешнем, во 157 году, июля в 11-й день, бранился ты в соборной церкви у Архангела Михаила окольниково Богдана Матвеевича Хитрово с племянники, с Иваном, Богдановым сыном, да с Иваном Савостьяновым, сыном Хитрово и говорил, что в прошлом году, как было на Москве смятенье, окольниково Богдан Матвеевич Хитрово, присылал к Москве из Синбирскаго Арзамасцов, детей боярских, гиль заводить и писал к боярину ко князю Алексею Никитичу Трубецкому, как бы убить боярина Бориса Ивановича Морозова; да ты ж, Ефрем, окольниково Богдана Матвеевича называл неслугою; а у разс-

просу ты в том во всем запиралися. И по государеву указу про то дело сыскивано стольники, и стряпчими, и дворяны, и в сыску стольники, и стряпчие, и дворяны, и жильцы сказали, что ты окольного Богдана Матвеевича Хитрово неслогою называл и такие речи говорил, что в прошлом году, в мирской мятеж, окольный Богдан Матвеевич прислал к Москве из Синбирского детей боярских и писал к боярину ко князю Алексею Никитичу Трубецкому, как бы убить боярина Бориса Ивановича, и ты, Ефрем, такие слова говорил воровством, затеяв на окольного на Богдана Матвеевича, и теми словами боярина князя Алексея Никитича Трубецкого и окольного Богдана Матвеевича Хитрово обезчестил. И государь указал за то твое воровство и за бесчестье боярина князя Алексея Никитича Трубецкого и окольного Богдана Матвеевича Хитрово, указал тебя на козле бить кнутом».

Стрельцы

И августа, в 21-й день, Ефрему Бахметеву наказанье учинено перед Розрядом, бит на

козле кнутом».

Мы передавали приведенные случаи нарушения чести государева двора подлинными словами документов с сохранением некото-

рых форм и обрядностей розыска, а потому и с неизбежными повторениями, чтобы в полноте и с точною достоверностью ознакомить читателя с теми делами и теми вопросами, какими очень часто занимался и сам государь, а особенно его постельничий, обязанный в подробности разобрать каждое дело, найти правого и виноватого и доложить обо всем государю.

Это домашнее, патриархальное разбирательство царедворческих ссор и побранок дает самое ближайшее понятие о вотчинническом характере отношений государя к своим дворовым и служит наиболее прямым подтверждением тому, что мы говорили вообще по поводу этих отношений в первой главе.

Кроме того, приведенные подробности имеют для исследователя особую цену в том смысле, что дают возможность вслушаться в склад живой разговорной старинной речи, раскрывают склад понятий и нравов тогдашнего общества, вводят нас именно в те мелкие житейские отношения, которые всегда останутся самыми оживляющими чертами при изучении и изображении старинной

жизни, старинных людей, их типов и характеров.

Том II

Глава I

Родины. Крестины. Именины

Родины.— Царское и общественное значение этого события.— Церковные и бытовые порядки по поводу царских родин и крестин.— Торжественные столования.— Всеобщие дары новорожденному и крещеному.— Церковные и бытовые порядки по поводу царских именин.— Дары в именины, на Пасху, дары вообще.

Родины являлись радостным событием не только у царя в доме, но и в общей жизни народа, особенно когда подавал Бог ожидаемого наследника Царству. В актах того времени это событие иначе и не называлось, как *государской всемирной радостью*, конечно, главным образом с государевой точки зрения. Но и в действительности патриархальные родительские основы нашей старинной жизни очень естественно делали эту государеву радость об-

щей радостью всего Русского мира, радостью общенародной. В известном смысле царские родины были событием государственного порядка, привлекавшие всеобщее внимание народа к государеву счастью. Мир-народ, в известной мере искренно, в известной мере официально, принимал это счастье так же близко к сердцу, как и сам государь-отец.

Многочисленные вестники от царя, объявлявшие повсюду, по всем городам и селам, государеву радость, затем повсеместные обычные заботы о дарах для новорожденного дитяти, частью добровольных, а частью и принудительных,— все это служило знаком, что государева радость водворялась по всем краям Государства, что она была всемирна в гражданском смысле.

Когда приходило время, государыня царица очень часто выходила на богомолье, служила молебны, поднимала к себе в хоромы чудотворные иконы, раздавала милостыню...

Есть известия, что, когда наступало время родин, царица служила в своих хоромы молебен с водосвящением и *садила на место*. Нам неизвестно, какое значение или какой

бытовой порядок означал этот обряд, но официальная запись по этому поводу говорит следующее: в 1628 г., 30 марта (следовательно, за 18 дней до рождения царевны Пелагеи Михайловны),

«у г.¹ царицы Евдокии Лукьяновны в хоромах пели молебен и воду святили, как она, государыня, села на место. И государыня пожаловала крестовым² дяку Ивану Семенову с товарищи., 6 человек, полтину».

В 1673 г., 14 августа, за 8 дней до рождения царевны Натальи Алексеевны, таким же образом *села на место* царица Наталья Кирилловна, причем Крестовая комната государыни была приготовлена следующим образом:

«Августа в 14 день, в четверг, за час до света, в Крестовой наряжена постеля, вшед в Крестовую на левой стороне у дверей скамья липовая, положено на нее: ковер золотной большой кызыл-башской, постеля лебяжья, взголовье лебяжье ж, на нее пуховик – пух чижовой, бумажник да взголовье чижовое, подушка отлас червчат. От стены положено сголовье бумажное, наволоки

новые камчатые лученчатые, одеяло отлас золотной, по червчатой земле; гривы и каймы отлас по серебряной земле, испод пупки собольи с пухом. Да в запас положено в ногах одеяло камка кызыл-башская, по белой земле травки золоты; грива отлас золотной, испод пупки собольи, опушка горностаева. А накрыта постеля – было сукно скорлат червчат, сшито в полтора полотнища. Да в запас приготовлен ковер меньшей, золотной кызылбашской, а лежал по указу в Казенной избе. Лавки наряжены полавочники бархат рытой; взяты полавочники из Истопничей палаты... И того ж дни., в пятом часу дни., великая государыня царица изволила сесть на место... »

Котошихин рассказывает о самом времени родин следующее: «Как приспеет время родиться царевичу, и тогда царица бывает в мыльне, а с нею бабка и иные немногие жены, а как родится и в то время царю учинится ведомо, и посылают по духовника, чтоб дал родильнице и младенцу и бабке и иным при том будущим женам молитву, и нарек тому новорожденному младенцу имя; и как духов-

ник даст молитву, и потом в мыльню входит царь смотрети новорожденного; а не дав молитвы, в мыльню не входят и не выходят никто. А дается новорожденному младенцу имя, от того времени, как родится, счотчи вперед, в восьмой день, которого святого день – и ему то ж имя и будет».

Духовник за совершение этой требы, что родильнице *молитву говорил* и ребенку *им.я нарек*, получал весьма значительный дар. На родинах царевны Ирины Михайловны протопоп Максим получил 10 аршин камки³ кармазину⁴, по рублю аршин, сорок соболей за 50 руб., всего на 60 руб.

На родинах царевны Анны Михайловны тот же протопоп Максим получил еще больше, а именно: кубок серебряный золоченый с крышкой в виде тыквы, весом два фунта⁵, по 5 руб. фунт, 10 аршин камки лазоревой, 10 аршин камки черленой⁶, по рублю аршин, сорок соболей за 50 руб., всего на 80 руб. Сверх того он получил тогда же за *колыбельную молитву* 10 аршин камки черленой за 10 руб., 10 аршин камки адамашки двоеличной, по 90 коп. аршин, и сорок соболей за 20 руб.– всего на 39

руб. То же самое он получил и при рождении царевны Марфы Михайловны. В точности такой же дар протопоп получил и за колыбельную молитву царевича Алексея Михайловича и царевны Марфы Михайловны. Эти дары обычно отвозил на дом дьяк государевой Мастерской палаты.

Царица Наталья Кирилловна

После очистительной молитвы государь немедленно посылал объявить свою государскую всемирную радость прежде всего патриарху, затем, жалуя своей милостью, к властям духовным, потом к боярам, окольниковым, думным и ближним людям и к гостям. Если находился в Москве именитый человек, то и он получал царское уведомление. Объявлялась государева радость и всем московским городским и загородным монастырям и главным образом Троице-Сергиеву монастырю, а впоследствии и Саввинскому.

К патриарху ходил с этой вестью ближний боярин, к боярам и окольниковым – царский постельничий, к думным и ближним людям – дьяк, а к прочим и в монастыри посылали жильцов. Царица, со своей стороны, также посылала известить всех боярынь, жен окольниковых и ближних людей, а также игумений Вознесенского, Новодевичьего и Алексиевского монастырей.

В тот же день, через несколько часов, или, в зависимости от времени, на другой день го-

сударь выходил в сопровождении уже собравшихся бояр и всех других чинов к торжественному молебну в Успенский собор. При рождении Петра это совершилось через 4 часа после родин⁷; при рождении царевны Федоры (родилась 1674 года, 4 сентября, за час до вечера) молебен отправлен в первом часу ночи, т. е. по нашему счету – в 7-м часу вечера, следовательно, через два часа после родин.

В соборе патриарх с духовными властями, архимандритами, игуменами и соборянами совершал служение, после которого всем освященным собором поздравлял государя с новорожденным. Бояре и прочие чины также *здоровствовали государю*, причем один из самых почетнейших говорил ему от лица всего общества поздравительную речь. В это же самое время, по распоряжению патриарха, молебствовали во всех московских монастырях и приходских церквах со звоном, который продолжался во весь день.

После молебна государь посещал Архангельский собор, Чудов и Вознесенский монастыри, Троицкое и Кирилловское подворья и

потом шествовал в собор Благовещенский, а оттуда – во дворец, в Столовую или Переднюю палату.

Если новорожденный был первенцем, и притом сын, то при входе во дворец государь, во изъявление своей радости, спешил прежде всего осыпать милостями отца царицы и вообще ее родственников и близких к ней людей, которые и получали обычно повышения в чинах. Так, при рождении Петра Великого, когда царь Алексей Михайлович из Благовещенского собора вошел в Столовую палату, думные дворяне⁸ Кирило Полуектович Нарышкин, отец царицы⁹, и Артемон Сергеевич Матвеев получили окольниковство¹⁰, а стольники¹¹ Федор Полуектович Нарышкин и Авр. Никит. Лопухин – думное дворянство¹².

Изъявив свои милости и благоволение родству царицы, государь в Передней палате для всемирной радости угощал собравшееся боярство, окольников и всех дворовых чиновников водкой, различными медами и фряжскими винами, романеєю, рейнским и др. и, главное, чего требовал старый, если не очень

и очень древний, обычай, раздавал им всем различные сласти, среди которых первенствующее место принадлежало *коврижкам* и сладкому *взвару*, т. е. различным овощам, приготовленным в меду и в патоке, каковы были яблоки, дули, груши и т. п.

Между тем в тот самый день, если не в тот же час, только когда не позволяло время – на другой день, с большой поспешностью писали от государя грамоты во все значительные города с извещением, что Бог благодатию Своею всесильной простил Царицу, родила нам сына (или дочь), и с повелением воеводам собрать местных дворян, детей боярских, т. е. мелких помещиков, также приказных и всяких служилых людей и гостей и торговых и всяких жилецких людей (обывателей) и государеву радость им сказать.

Со своей стороны, и духовная власть также спешила разослать повсюду *богомольные* грамоты, извещая о государевой радости все монастыри, городские соборы, все посадские и сельские церкви и все обывательское население с наказом, чтобы для *всемирной радости* повсюду пели молебны со звоном и молили

бы Бога «соборне и келейне», причем указывались и новые речи в ектениях, как именовать и молить Бога о новорожденном. Вместе с тем избранным, наиболее богатым монастырям указывалось, чтобы в благословение новорожденному готовили *окладные образа*, т. е. иконы в окладах. Архимандриты и игумены таких монастырей, по обычаю, должны были лично привозить свои благословенные иконы, но в иных случаях им разрешалось для дальнего пути самим не ездить, а присылать образа с монастырскими старцами.

Б. Чориков. Рождение Петра Великого. 1672 г.

Точно так же, если не в тот же день, то на другой или на третий день, «ходит царь,— говорит Котошихин,— по монастырям, и кормит чернцов и дает милостыню ж, также и в тюрьмы и в богадельни посылают милостыню большую; да из тюрем же виноватых свободяют, кроме самых великих дел». Так, в 1665 г. 5-го апреля, в пятом часу ночи (часу в 12 по нашему счету), царь Алексей Михайлович «изволил идти *для рождения* (3 апреля)

сына своего государева, государя царевича и великого князя Семиона Алексеевича, на двор священника Никиты и на Земской и на Английской и на Тюремный дворы и в Стрелецкой приказ, и в Черную палату и в Богадельню, что у Боровицкого мосту, и жаловал сво-

им Государевым жалованием милостыней из своих государских рук... священнику Никите, на его же дворе, нищим... ; на Земском дворе под Приказом колодникам...; на Английском дворе (пленным) начальным людям... ; мещанам и драгунам, и челяди... ; на Тюремном дворе тюремным сидельцам в Польской избе, начальным людем и шляхте...; в Опальной избе начальным людем и шляхте... для того, что они великому государю здравствовали с новорожденным сыном его государевым, государем царевичем и великим князем Семионом Алексеевичем... Да великий же государь жаловал своим государевым жалованием из своих государских рук у священника Никиты на дворе расслабленного и, дорогой идучи, нищих бессчетно... Да по его же великого государя указу дано стрельцам, которые за ним, великим государем, ходили на Тюремный и на Английской дворы, полковника и головы Артемонова Приказу Матвеева, пятидесятникам и рядовым. Всего в расходе 1015 рублей 10 алтын».

Пир бояр и духовенства в Грановитой палате у царя Михаила Федоровича

На другой же или на третий, а иногда и на четвертый день государь давал обычный чиновный *родинный стол* патриарху, властям духовным, боярам и прочим чинам.

Родинные столы по большей части давались в Грановитой палате, изредка в Золотой. Число присутствовавших бывало неодинаково, смотря по распоряжению государя, но состав гостей мало изменялся. Первым гостем был патриарх с сопутствовавшими ему духов-

ными властями, митрополитами, архиепископами, епископами, архимандритами и игуменами. Затем следовали бояре, в чиновных столах с обозначением мест, обычно три, иногда два человека, два окольных, а чаще только один; потом два думных дьяка, постельничий, ясельничий¹³; затем дворяне, число которых не было одинаково. У родинного стола царевны Ирины Михайловны их было 52 чел., в том числе пятым по списку значился тесть государя, отец царицы, Лукьян Степанович Стрешнев. У родинного стола царевича Алексея Михайловича дворян было 99 чел. После дворян следовали дьяки, число которых также бывало различно. У стола царевны Ирины Михайловны их было 31 чел., у стола царевича Алексея Михайловича – 43 чел. Кроме государевых дьяков, у этих столов присутствовали и дьяки патриарха Филарета, 4 чел.

Также распределялись гости по официальному списку. Здесь бояре и окольные, согласно местническим счетам, вписывались по именам, которые означали занимаемое ими место, из-за че-

го и возникали местнические споры. Такой порядок существовал при царе Михаиле. Царь Алексей Михайлович взглянул на родинные столы как на свои семейные празднества и потому всегда указывал гостям-боярам быть без мест, т. е. в списках не поименовывал приглашаемых бояр и, следовательно, не заводил местнических счетов, кому сидеть выше, кому ниже. Однако и в этих случаях сидение все-таки происходило по старшинству чести каждого лица, в особенности по старшинству приближения к государю. При царе Алексее появились за этими столами чины даже выше боярских. Это были явившиеся на службу государю татарские царевичи: Касимовский и два Сибирских; к ним присоединялся также и пребывавший в Москве Грузинский царевич. По своему царскому достоинству, они занимали места после патриарха выше духовных властей.

Само собой разумеется, что этот родинный, как потом и крестинный, столы давались и на Царицыной половине для приезжих и дво-

ровых боярынь, которые иногда также местничались, но обычно по государеву распоряжению все сидели без мест. Вообще на Царицыной половине соблюдался тот же обычный порядок обрядов по случаю родин и крестин, как и у государя, конечно, без особой торжественности.

После рождения во плоти с благочестивой заботливостью совершалось рождение во Святом Духе, именуемое Крещением. Царь Михаил Федорович крестил своих детей, по старому преданию, в Чудовом монастыре, чему следовал вначале и царь Алексей Михайлович, потом не один раз отменявший этот обычай и крестивший в 1654 г. царевича Алексея Алексеевича, в 1657 г. царевну Софью Алексеевну, в 1674 г. царевну Феодору – в Успенском соборе, а царевну Екатерину Алексеевну в 1658 г, царевну Марью Алексеевну в 1660 г., царевича Феодора Алексеевича в 1661 г., царевну Феодосию Алексеевну – в церкви вмч. Екатерины, что у царицы на Сенях. Царевич Петр Алексеевич был крещен по старому обычаю в Чудовом монастыре. Крестил и погружал в святую купель обычно государев духов-

ник, Благовещенский протопоп. Но бывали случаи, когда крещение совершал сам патриарх. В 1630 г. царевну Анну Михайловну крестил в Чудове патриарх Филарет Никитич; в 1648 г. царевича Дмитрия Алексеевича крестил в Чудове патриарх Иосиф; в 1654 г. царевича Алексея Алексеевича крестил в Успенском соборе патриарх Никон; в 1674 г. царевну Феодору крестил в Успенском соборе патриарх Иоаким.

По какому благочестивому поводу восприемниками¹⁴ бывали лица иноческого чина, неизвестно. При царе Михаиле восприемником его детей был Троицкий келарь¹⁵ Александр Булатников. При царе Алексее Михайловиче царевича Дмитрия воспринимал Троицкий же архимандрит Андриян, а царевну Феодосию воспринимал Чудовской архимандрит Павел. Но у царевича Петра Алексеевича восприемником был уже царевич Федор Алексеевич, которому в это время было всего 11 лет. Потом царевич Федор воспринимал и новорожденную царевну Феодору в 1674 г.

Восприемницами бывали вначале родные царя или царицы, а потом, при царе Алексее

Михайловиче, постоянно воспринимала его детей царевна Ирина Михайловна – саму царевну Ирину в 1627 г. воспринимала мать царицы Евдокии, жена Лукьяна Степановича Стрешнева, Анна Константиновна. Царя Алексея Михайловича воспринимала его бабушка-тетка, Ирина Никитична Романова, сестра патриарха Филарета.

На руках восприемницы в каптане (род кареты) младенца перевозили к крещению в Чудов монастырь. Каптану сопровождали с правой стороны боярин Федор Иванович Шереметев, с левой – отец царицы, Лукьян Степанович Стрешнев. За каптаной следовали 30 боярынь и дворяне большие, т. е. старейшие, 9 чел., и другие дворяне, всего 50 чел. При крещении царевича Ивана Михайловича московских дворян было 40 человек. Путь к монастырю кропил св. водой священник от Рождества Богородицы, что у царицы на Сенях.

Обратный поезд следовал в том же порядке. В тот же день устраивался и *крестинный стол*, менее торжественный по сравнению с родинным столом, который, как упомянуто, почти всегда давался в Грановитой палате.

Больше подробностей о роинах и крестинах в царском быту сохранилось по случаю рождения в 1674 г. царевны Феодоры Алексеевны, прожившей всего 4 года (†1678 г.). В дополнение предыдущим свидетельствам, большей частью отрывочных, приводим более полный рассказ об этих событиях.— Царевна родилась 4 сентября. По какому-то случаю родинный стол справлялся почти месяц спустя, 1 октября, по обычному порядку в Грановитой палате, где за столом присутствовали патриарх, 4 митрополита, 3 архиепископа, 2 епископа, архимандриты, игумены и духовник государя Андрей Савинович. Отдельно от духовного чина сидели царевичи Сибирский и Касимовский, бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки и ближние люди, а ели все без мест. Стол продолжался до 5-го часа ночи, т. е. до десятого по нашему счету. За этим столом, как и за крестинным, первенствующее место между различными кушаньями занимали сладкие *коврижки* и сладкие *взвары*, которые поэтому рассылались и всем почему-либо не присутствовавшим на обеде, с прибавкой *кубков*, т. е. вин в кубках, и за-

СТОЛЬНЫХ ЯСТВ.

В тот же день был стол и у царицы в ее Золотой палате, за которым обедали: грузинская царица, жены Сибирского и двух Касимовских царевичей, жены бояр, 10 чел.; жены окольничих, 4 чел.; жена думного дворянина, жены ближних людей, 14 чел.; стольничьи жены, 7 чел. У стола самой царицы, кроме двух дворовых боярынь, стояли и принимали яства отец Великой Государыни, боярин Кирилл Полуектович Нарышкин, и окольничий Артемон Сергеевич Матвеев. А тем боярыням, которых не было у стола, по указу царицы были посланы взвары и коврижки, кубки и яства. То же самое было послано от стола мамам, верховым боярыням и казначеям.

До того, перед самым обедом, в Золотой Царицыной палате собрались патриарх и все духовные власти, начиная от митрополитов и оканчивая игуменами, принешие по старозаветному чину на благословение новорожденной св. иконы, а вместе с иконами и обычные подношения, различные дары, как-то: золотые (монета), кубки серебряные и иные сосуды дорогие, аксамиты, бархаты, отласы,

объяри, участки (куски тканей) золотые, серебряные и гладкие.

По какому-то случаю патриарх прибыл во дворец с внутреннего двора. Для особой почести государь встретил его на Постельном крыльце на нижнем рундуке (помосте). В палате патриарх поднес новорожденной золотой крест с жемчугом и с камнем да 100 золотых. Государь и царица крест у патриарха и благословенные иконы у властей приняли, а патриаршие золотые и различные дары возвратили всем, кто что приносил.

Церковь Чуда Архангела Михаила в Чудовом монастыре в Московском Кремле

Успенский собор в Москве

После духовенства с подношением были в палате царевичи, бояре, окольниковые, думные и ближние люди, а также гости, сотские Гостиной и Суконной сотен и сотские черных

слобод, вообще слободские торговые и посадские люди из городов. Точно так же государь принял дары и тут же пожаловал их обратно всем, кто приносил. Все эти посадские лица также обедали за родинным столом. Вместо дьяков, как бывало при царе Михаиле, теперь обедали полковники солдатских полков и стрелецкие головы всех приказов.

4 октября, в воскресенье, до обедни совершилось крещение царевны в Успенском соборе. Крестил патриарх Иоаким. Звать патриарха крестить царевну к нему приходил сам государь. Он же назначил и час, когда быть действию, а именно – «как ударит в 2 часа дня» (в 7 часов утра), тогда повелел и благовестить в Успенский колокол. В соборе сам Государь приготавливал особое место для крещения, отделив запонами (завесами) соборную местность у Царицына места, т. е. со стороны северных дверей собора. Перед Царскими дверьми, под большим паникадиллом, были поставлены два приступа; на них постлано червчатое сукно и поставлена купель, в которую налили студеной и теплой воды и покрыли тафтой. Вне собора перед западными

дверьми поставили налож с Требником. Здесь патриарх ожидал новорожденного младенца, которого вскоре принесли его восприемники, царевич Федор Алексеевич и царевна Ирина Михайловна. Благословив их, патриарх начал читать по Требнику отрицательные молитвы, после чего святейший вошел в собор, а за ним восприемники внесли в храм и младенца и остановились близ купели.

По совершении крещения восприемники, царевич и царевна, приняли младенца от купели вместе на руки. Затем восприемники поднесли патриарху 14 аршин полотна и сказали святейшему, что «так-де ведется». Во время совершения действия из собора были удалены все посторонние лица и духовенство, и певчие, и люди царского синклита. Оставались только патриарший ризничий да в алтаре соборный протопоп. Но присутствовал сам государь в сопровождении своего тестя, боярина Кирилла Полуектовича Нарышкина.

После того началась литургия в сослужении духовных властей, которых с патриархом было 5 митрополитов, 3 архиепископа, 2 епископа, Чудовской архимандрит и духовник го-

сударя.

По окончании служения патриарх со властями ходили во дворец, где государь жаловал им за крещение на этот раз весьма богатое даяние: патриарху 1500 золотых, митрополитам по 300 золотых, архиепископам по 200, епископам по 100 золотых, Чудовскому архимандриту 80 руб., духовнику 100 руб.; соборьянам, протопопу 50 руб., протодьякону 40 руб., ключарю 30 руб., другому 30 руб., священникам и дьяконам по их окладу.

Крестинного стола в этот день по какому-то случаю не было. Бояр, окольничих, думных дворян и ближних людей государь жаловал только водкой, конечно, с сахарными пряничными закусками.

Между тем еще раньше этого государь велел устроить для своей государственной потехи именно к этому дню, к 4 октября, особое место для трубачей, накрыщиков, сурначей, литаврищиков и набатчиков, т. е. для всего собрания тогдашней Музыки. Но затея почему-то не состоялась.

3 октября приехали было к крестинному

столу и со святыней Троице-Сергиева монастыря архимандрит и келарь, но им было указано ехать назад к себе в монастырь. Потом, 6 октября, государь выехал в село Соколово (по другому свидетельству – в Коломенское) и возвратился в Москву 7 октября.

На другой день, 8 октября, был справлен и крестинный стол в Столовой, на котором присутствовали те же лица из духовенства, 2 боярина, окольниковый, думный дворянин, головы и полуголова стрелецкие и гости с именитым человеком Строгановым во главе.

После стола, прежде угощения овощами, были патриарху царские дары за литургию, а за крещение – другие. Кроме того, государь сам своими руками поднес святейшему алтабас¹⁶ полосатый золотой и серебряный на саккос¹⁷ для царевны Феодоры. Затем подали овощи, и потом были заздравные чаши за государя и за патриарха.

В тот же день крестинный стол был устроен и у царицы в Передней ее хором. Подобно родинному столу, и здесь присутствовали те же лица женского пола от боярства и других чинов.

Необычной святостью сопровождалось крещение младенца – Ивана Грозного, несомненно, от убеждения, что это был благодатный плод чрева, столько и давно желанный не только отцом, Великим Князем Василием Ивановичем, но и всем множеством народа от верхних и до нижних его слоев, так как богодарованный младенец являлся наследником царства, оставшегося долгое время без коренного наследства. Всенародная радость этому рождению была неизреченная.

Крещение младенца было совершено 4 сентября 1530 г., в десятый день по рождении, в Троицком монастыре у мощей Преп. Сергия, святого заступника и покровителя Московских государей. Священнодействовал игумен монастыря Иоасаф, впоследствии возведенный в сан митрополита. Восприемниками от святой купели были состарившиеся в добродетелях молитвенники Даниил Переяславский и столетний старец Касьян, по прозвищу Босой, с юных лет удручавшей себя жесточайшим постничеством, ходивший и зимой в одних лычных сандалях и в одной власнице вместо свитки¹⁸ и мантии, но был невре-

дим от зельные студени (мороза). Его как младенца привезли к действию и два инока поддерживали у действия крещения. Третий старец был от Троицкого монастыря, Иов Курцов. Таковы были святые люди, приемники, крестные отцы знаменитого младенца.

Когда они приняли его от купели, игумен внес его в алтарь *Царскими дверьми* и знамена его у святого престола, потом у местных икон, у Св. Троицы и у образа Богородицы. Затем сам царь [Великий Князь] взял новопросвещенное чадо и положил его в местную раку на мощи Св. Сергия, со многими слезами моляся и глаголя благодарственные глаголы.

Первое, что требовалось для новорожденного младенца, кроме очистительной молитвы и наречения имени,— это благословение его крестом от родителей и от других ближайших членов царской семьи. Обычно каждый из них приносил новорожденному в благословение золотой крест, более или менее богато украшенный драгоценными камнями и жемчугом и, главное, неотменно со св. мощами и различными святыми достопамятностями из свя-

тых мест – чаще всего обозначаются святыни: Животворящее Древо и Млеко Пресвятыя Богородицы¹⁹.

В 1628 г. на родинах (17 апреля) царевны Пелагеи государь-отец благословил ее крестом, в котором, кроме 8 частиц св. мощей, находилась святыня – камень столпа Христова, а в числе мощей – мощи и тело Варвары Христовой мученицы. Дед-патриарх благословил крестом, где находилась святыня – камень горы Голгофы, где изошла Кровь Христова; камень Неопалимые Купины; камень Вифлиемского вертепа, где Христос родился; камень трапезы Аврамовой; часть древа дуба Мамврийского и 4 частицы мощей.

Великая инока Марфа Ивановна благословила внучку своим крестом, в котором находились только мощи Иакова Перского.

Царица Евдокия Лукьяновна благословила новорожденную крестом с Животворящим Древом и частицами мощей.

В 1629 г. на родинах царевича Алексея Михайловича дед его, патриарх, благословил его крестом, в котором находилось Животворящее Древо, Млеко Пресв. Богородицы и 8 ча-

стиц мощей.

Обряд крещения.

Крещение младенца Елевферия, будущего святого Алексия, митрополита всея Руси.

Из лицевого рукописного «Жития св. Алексия», написанного в XVI в. Пахомием Логофетом

При этом патриарх принес в дар царевичу 150 золотых.

Великая инока Марфа Ивановна благословила внука образом Преч. Богородицы Умиление в жестяном киоте. По всей вероятности, этот не особенно богатый образ составлял очень драгоценную домашнюю святыню великой инокини, которую она передавала новорожденному внуку, как святой памятник родного дома.

Благословенные кресты свое подобающее место занимали и на крестинах.

В числе мощей упомянуты мощи Михаила Малеина и Евдокии, тезоименитые отцу государю и матери, царице Евдокии, унизывающие вообще, что частицы этой святыни полагались с благочестивой мыслью о покровительстве избранных святых, подававших помощь в тех или других случаях государственной и личной домашней жизни, как указывали жития святых.

Кроме креста, государь благословил сына образом Знамения Преч. Богородицы, который почитался, как можно предполагать, благомольным знаменем Роду Романовых. Ста-

рый их двор на Варварке находился под покровом Св. Знамения в Знаменском монастыре, по всему вероятно, ими же и основанном. После воцарения Михаила Фед. вскоре была здесь выстроена новая церковь во имя Знамения, а потом такая же церковь была выстроена и за Неглинной на Воздвиженке.

Бабушка царевича, инока Марфа Ив., благословила внука крестом, где находилось Млеко Богородицы, 15 частиц мощей, а также и риза Пахнотия Боровского.

Царица благословила сына образом Спаса в серебряном вызолоченном чеканном окладе, в привесе золотая монета.

Восприемница от купели, царевна Ирина Михайловна, благословила крестника крестом, содержащим в себе Млеко Богородицы и 5 частиц мощей.

И на родинах, и на крестинах после благословенных крестов были приносимы новорожденным обычные дары, более или менее ценные, от родителей и от родственников Царскому Дому лиц, и от ближних людей.

Поднесение даров обычно приурочивалось к торжественным по этому поводу столам. Су-

дя по некоторым записям, это происходило прежде, чем садились за стол. Так, на родинах царевны Марфы Михайловны (1631)

«перед столом (*21 августа*) государь был в Золотой палате, куда вскоре прибыл и патриарх в сопровождении властей. Из Золотой палаты пошел государь с патриархом, а за ними власти и бояре в Царицыну Золотую палату и царице здоровались и образами благословляли святейший и все власти. По уходе святейшего со властями бояре и окольниковичие и все думные люди ходили к царице здороваться и приносили дары: кубки, соболи, атласы золотные и камки. При этом царица даров у них принимать не велела, а пожаловала дарами их, кто что приносил, и жаловала бояр, окольниковичих и думных людей взваром и коврижками и романею».

Точно так же родинные дары были возвращены приносившим и на родинах в 1674 г. царевны Феодоры, о чем мы упоминали выше.

На родинах царевича Алексея Михайловича

ча дед его, патриарх Филарет Никит., кроме благословенного креста, подарил ему 150 золотых. Великая инока Марфа Ивановна также, кроме благословенного образа, подарила царевичу-внуку атлас турецкий, белый шелк в зеленых цветах, мерой больше 10 аршин, цена 60 руб.

В то же время она одарила и царицу Евдокию – атлас золотной, по лазоревой земле листья и травы золотые, косы, меж трав репыи золотые, в листьях и в травах и в репьях шелк червчат да бел. Подобным же атласом она одарила и самого царевича на его государевы именины, когда ему нарекли имя.

Но и только что родившийся царевич, конечно, по воле государя, тотчас же отдал великую старицу. Поднесены были ей: кубок серебряный золоченый с кровлей, весом более 4 фунтов, ценой 18 руб.; стопа такая же, ценой 25 руб.; 10 аршин бархату черного – 15 руб.; 10 аршин камки гвоздичной клинчатой – 9 руб.; сорок соболей по 85 руб. Все это происходило на другой день по рождении царевича.

Великая старица тогда же одарила и саму

царицу атласом золотным, по лазоревой земле листья и травы золотые, 9 арш. 2 вершка.

На родинах царевича Алексея Михайловича, 12 марта 1629 г., когда справлялся родинный стол, стали ударять челом новорожденному и подносить родинные дары прежде всех других лиц ближние родственные бояре. Первым челом ударил боярин кн. Иван Борисович Черкасский, поднес кружку хрустальную, оправленную в серебро золоченое, ценной 70 руб. Его супруга, княгиня Авдотья Васильевна, челом ударяла: братину золотую, в венце у братины 2 изумруда да 2 яхонта лазоревы, по братине травки наведены чернью; изумрудам и яхонтам цена 25 руб., и всего братине цена 119 руб. с полтиной. Спустя год на той братине была сделана чернью надпись:

Инокиня Марфа

«Божиею милостию мы, В.Г. Царь и В. К Михайло Федорович всея Руси Самодержец, и сын наш, благоверный царевич князь Алексей Михайлович». Внизу под братиной вырезано: «Сею

братиной ударила челом государю царевичу князю Алексею Михайловичу боярина князя Ивана Борисовича Черкасского княгиня Авдотья Васильевна в день рождения его, 137 году».

Боярин Федор Иванович Шереметев поднес также кружку хрустальную, оправлена в белое серебро, сканью, цена 60 руб. Боярин кн. Борис Михайлович Лыков челом ударил: птица струц²⁰ отделана серебром, яйцо резью,

цена 35 руб. Его супруга, княгиня Настасья Микитична, благословила царевича крестом золотым, в котором, кроме частиц мощей, находилась святыня: Животворящее Древо, камень Гроба Господня, риза Преч. Богородицы, пояс Преч. Богородицы, мощи Бориса и Глеба. Да челом ударила: конь серебрян золочен, стоит на трех ногах, четвертым копытом землю бьет, 36 руб.; 10 аршин камки червчатой, 9 руб. 50 коп.; сорок соболей за 25 руб.

Жена боярина Ивана Никитича Романова, Ульяна Федоровна, поднесла кубок хрустальный, оправлен в серебре золоченом, на кровле орел, цена 40 руб.

Эти дары боярынь были записаны 17 марта, — следовательно, поднесены в день именин новорожденного.

Окольничий кн. Алексей Михайлович Львов челом ударил: кубочек на поддоне золотом, цена 40 руб.; чарочка винная, камень котовое око, отделана золотом с бирюзой, цена 60 руб.; чарочка винная, камень сердолик, оправлена в золото, цена 30 руб.; перстень золотой с яхонтом червчатым, цена 400 руб.; стопка стеклянная белая с крышкой, травы и

шипки наведены золотом сусальным, цена 2 руб.

Затем следовали гости и Гостиная сотня, т. е. все богатое торговлею купечество.

Тяглецы Суконной сотни, второстепенное купечество, также челом ударили.

Потом следовало посадское население Москвы. Самые состоятельные старосты и тяглецы²¹ Конюшенной дворцовой слободы челом ударили, тяглецы Кадашевской слободы, тяглецы Казенной слободы.

Люди Московских черных сотен и слобод все в совокупности челом ударили.

Посадские люди других городов подносили свои дары в разное время, в течение марта, апреля, мая и июня, в зависимости от того, как приезжали в Москву.

Первыми на пятый день по рождении царевича явились с дарами *Важане*, старосты богатой области Ваги. Потом, 17 марта, явились *Угличане* со старостой во главе; за ними следовали *Калужане*; за ними – *Ростовцы*.

Большая или малая ценность приносимого дара вообще может указывать на большой или маленький достаток приносителя, не го-

вора о побуждениях его усердия. Что касается даров от посадских людей разных городов, то для составления этих даров обычно в складчину собиралась сумма, соответствующая прожиткам и промыслам каждого посадского обывателя, а поэтому ценность таких даров вполне выражала относительное богатство или бедность посада в том или другом городе, что, конечно, зависело от местоположения города – на торговом промысловом пути или в глухом бездорожном углу. Из приведенных свидетельств видим, что, например, посад глухого Суздаля явил дар всего в 12 руб., а посад Устюга принес даров на 200 руб.

На четвертый день по рождении царевича явились с дарами и Московские немцы и другие иноземцы.

Мало-помалу у новорожденного дитяти накапливалась своя собственная казна, тщательно сберегаемая и государем и царицею. У царевича Алексея Михайловича одних соборей накопилось около пятидесяти сороков, ценой на 2200 руб. Эта *собориная казна* тогда же была отдана московским торговым людям, «а велено им теми соборьми с кызылбаш-

торговать, на деньги и на золотые и на ефимки продавать, и на всякие кызыл-башские товары менять, чтоб государеве казне была прибыль, а не убыль».

Бывали случаи, что новорожденные дары государь и царица не принимали и, исполнив чин дарения, жаловали те дары каждому приносившему обратно. В этом случае у духовенства была принимаема только святыня, благословенные кресты, панагии, иконы. Однако должно заметить, что всякие дары всегда составляли немалую доходную статью государевой казны, поэтому они тщательно расценивались, иногда с целью в полноте отдарить приносившего, а главным образом для того, чтобы в точности знать, в какой сумме состоит приход государевой казны.

Если дары не бывали принимаемы и возвращались назад, то это обстоятельство могло обозначать особую царскую милость – или по случаю относительного изобилия в царской казне, или по случаю какого-либо общего обеднения со стороны приносивших дары, по случаю неурожая, пожаров и т. п. общих

несчастий.

Относительно даров крестины ничем не отличались от родин. И в это время приносились благословенные кресты и различные дары, так что оба эти дня как бы соединялись в один день, кто не успевал одарить младенца на его родине, тот одаривал на крестинах. Но между членами Царского Дома в это время приносились и повторные дары. Коренной обычай требовал таких даров не только от взрослых лиц Царской семьи, но даже и от малолетних, а потому и двухлетняя царица Ирина, кроме благословения крестом, одарила новорожденного брата кубком серебряным, атласом турецким, камкой и сороком соболей. Таким же образом новорожденная царица Софья Михайловна 12 октября 1634 г. отдала богатыми атласами царевен Ирину, Анну и царевича Алексея Михайловича.

Царица Евдокия Лукьяновна из рода Стрешневых

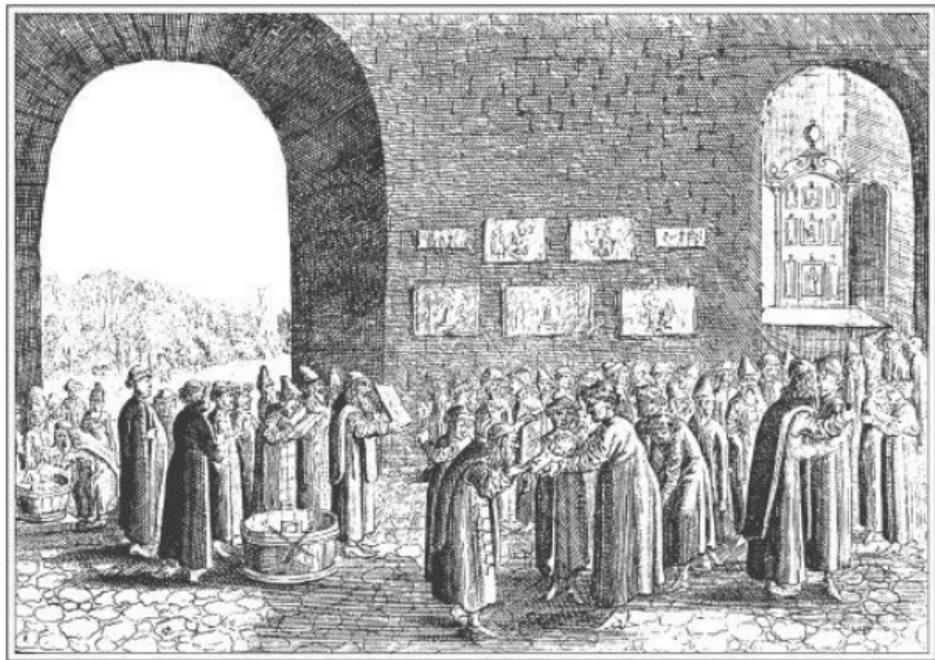
После родинного и крестинного столов совершались подарки патриарху в честь государевой радости о новорожденном младенце.

При этом от имени государя произносилась речь. Такие же дары, только в меньшем размере, патриарх получал и после крестинного стола. Само собой разумеется, что по случаю таких царских празднеств не оставались без подарков и все домашние служащие люди царицыной половины.

Сам день рождения в царском быту не

праздновали. О нем как бы совсем забывали, празднуя только день *именин* обыкновенным порядком, как и другие праздничные дни. Так как наречение имени совершалось именно в день рождения, то этот день и праздновался заодно с именинным днем.

Русское крещение (по представлению Адама Олеария)

Вечерню и всенощное накануне этого дня цари обычно слушали в одной из придворных церквей; к обедне выходили иногда в

Благовещенский собор, а чаще в те московские монастыри и храмы, которые были освящены в честь святых, тезоименитых государям. Царь Михаил Федорович на свои именины, 12 июля, выходил обычно к обедне, а иногда и к вечерне, к Михаилу Малеину в Благовещенский собор или в Вознесенский монастырь, где были пределы этого святого.

Царица Евдокия Лукьяновна слушала обедню и молебен в церкви св. Евдокии у себя на Сенях и на молебен давала Евдокиинским попам 2 руб.

У царицы на Сенях справлялись именинные молебны и у царских детей.

Царь Алексей Михайлович, именины которого были 17 марта, почти всегда слушал обедню и потом молебен в Алексиевском девичьем монастыре. У праздника в монастыре служил патриарх Иоаким, два митрополита, архиепископ, архимандриты, игумены, протопопы; певчие пели патриаршие. Известно, что царь Алексей Михайлович в праздничных случаях очень любил пышную обстановку и всякое урядство. При его отце такие выходы бывали несравненно проще и, можно

сказать, беднее.

В именинные дни на видном месте появлялся *именинный пирог*, которым цари, возвратившись от обедни, угощали в своей Передней или в Столовой патриарха и сопровождавшее его духовенство и затем бояр и всех других чинов, собравшихся поздравлять государя. При этом была подносима и водка.

В русском старом общежитии именинный пирог, как и обычай дарения, составлял неотменную часть дружелюбного обхождения, выражавшую любовную привязанность, почтение, уважение, преданность и все сердечные движения общенародного братолюбия. Таким образом, именинник, чувствуя свой радостный праздник, разделял свою радость со всеми его окружающими, угощая всех своим именинным пирогом.

Так происходило и в царском, и в простонародном быту. В царском быту угощение именинным пирогом являлось в своем роде особой почестью.

Нередко в день своих именин, равным образом в именины царицы и детей, государь хаживал с именинным пирогом к патриарху

и подносил ему из собственных рук.

Боярству и прочим чинам государь раздавал пироги в Столовой или в Передней, иногда и в Передних Сенях Теремного дворца, а в загородных местах после обедни даже на церковной паперти.

Таким же образом в свои именины, из собственных рук, раздавали именинные пироги совершеннолетний царевич и царица в своей Золотой палате. Вместо царевен, малолетних царевичей, а иногда и вместо царицы государь чаще всего сам раздавал эти пироги. Чинам царицы, т. е. мамам, верховым боярыням, казначеям и проч., государь жаловал пироги в царицыных хоромах.

К боярыням и лицам, которые не могли явиться во дворец по старости и болезни, именинные пироги рассылались по домам. Так, в 1663 г, в день ангела царевны Екатерины Алексеевны, были разосланы именинные крупитчатые пироги: боярыням – с маком, по четыре калача пирог, женам окольников – с маком же, по три калача пирог, а женам ближних стольников – с сыром по полутретья (два с половиной) калача пирог. Дворо-

вым людям, т. е. нижним придворным служителям, царские именинные пироги раздавал степенный ключник.

Котошихин называет эти пироги *калачами*. «А сделаны те калачи,— говорит он,— бывают долгие, аршина в два и в три, толщиной в четверть аршина».

При раздавании, вероятно, они разрезались на части, по размеру калача.

Именинный стол ничем не отличался от обычных праздничных столов; но он редко давался; чаще всего в этот день «у государя стола не было», и рассылались только *подачи с кубками, чарками*, т. е. с винами, и *корками*, вероятно, пряниками.

К патриарху посылали *целый стол*, т. е. все количество кушаний и вин, которые назначались к столу. Такой же стол государь посылал и к детям-именинникам с одним из ближних бояр, которого они угощали обычно водкой и жаловали подачами *с кубки* и *с корки*, т. е. винами и сладостями.

После именинного стола пили заздравную чашу, патриарх, моля Бога, говорил речь заздравную, пил чашу наперед сам, потом пода-

вал царю, духовным властям и боярам. После родинного, крестинного и именинного стола, точно так же, как и после праздничных столов, государь одаривал патриарха кубком и разными дорогими тканями, при этом дьяк произносил патриарху речь.

«Да в те же дни, как празднуют их государств именины, – говорит Котошихин, – в войне и в городах большие воеводы, и митрополиты, и в монастырях власти делают столы на воинских и на иных людей, и на попов и на чернцов; а по обеде по тому ж пьют заздравные чаши. Также в те ж дни, на Москве, и в городах, всякого чину люди работы никакие не работают, и в рядех не сидят, и свадеб не играют, и мертвым погребения не бывает».

В царском быту существовал обычай одаривать в именинный день не только взрослых членов семьи, но и малолетних. Такое дарение исполнялось и на Велик день, в Светлое Воскресение Христово.

1630 г., июня 29-го – мая 5-го на именины трехлетней царевны Ирины государь пожаловал дочери своей золотой перстень с фи-

нифтью, а в нем четырехугольный гладкий изумруд. Царица пожаловала золотой перстень, а в нем 5 небольших алмазов.

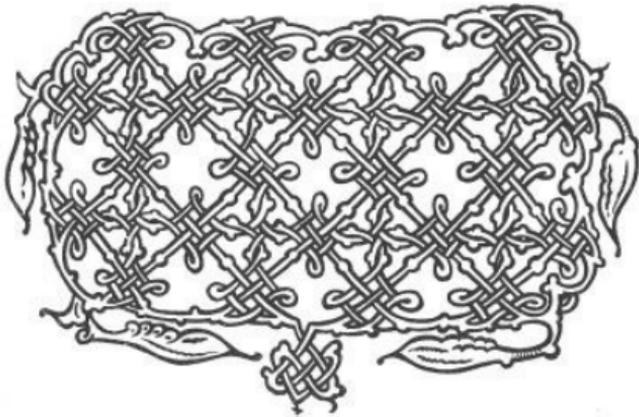
Примечательны дары государя малым своим детям перстнями. Наравне с детьми такие перстни получала и царица. Приметен даже некоторого рода обычай дарить перстень на *Велик день*, т. е. в праздник Светлого Христова Воскресения.

Так, 13 апреля 1628 г., на Велик день, государь пожаловал царицу перстнем золотым, а в нем большой четырехугольный граненый алмаз, заостренный кверху, цена 600 руб.

Но еще 8 марта сделан был новый перстень, в него был вставлен «яхонт лазорев велик», цена 100 руб., причем он был огранен мелкой гранью и тогда поступил в дар царице. Перстень же с алмазом остался в шкапуле хранилища, а в 1631 г., 10 апреля, на Велик день пожалован двухлетнему царевичу Алексею Михайловичу.

В тот же день государь пожаловал и царице золотой перстень с чернью, а также четырехлетней царевне Ирине Михайловне золо-

той перстень с финифтью, в нем 5 алмазов; восьмимесячной царевне Анне Михайловне – золотой перстень с синим яхонтом.

Глава II

Воспитание

Порядки ухода за новорожденным ребенком – Повивальные бабки, кормилицы, мамы, дядьки и другие лица, которым вверялось воспитание государевых детей. – Некоторые обычаи и обряды, наблюдавшиеся в отношении царских детей. – Содержание детей: колыбель, белье и платье – Заботы о сохранении государевых детей святостью Церковного Устава. –

Обзор игрушек и детских игр.

На родинах первым лицом в уходе за царицей, конечно, была *повивальная* бабка, *повитуха*, которая называлась также и *приемной бабкой*. Она поступала потом в *комнатные* бабки у принятого ею ребенка, т. е. поступала в число необходимых лиц для его охраны, для постоянного попечения и наблюдения о его здоровье на всем протяжении его взросления. Само собой разумеется, что по опытности и познаниям это была лекарка-знахарка, очень хорошо знавшая весь порядок, какой исстари водился в уходе за ребенком, и потому она всегда бывала главным действующим лицом, когда ребенок занемогал или приключалось с ним что-либо непонятное. При этом можно полагать, что в суеверный век около новорожденного сосредоточивалось немало различных не только действительно полезных, но и всяких суеверных приемов в наблюдении за состоянием его здоровья, какие и доныне существуют в простом народе и знанием которых неотменно должна была отличаться такая повитуха и в царском доме.

Хотя в крестоприводных записях кормилиц, а следовательно, и бабок, было оговорено, чтобы *лихих волшебных слов не наговаривать*, но молитвенные слова от божества и т. п., конечно, дозволялись и не преследовались. Существовал, например, молитвенный заговор об облегчении рождения: «Обрете Господь наш Иисус Христос со святым Иваном Богословом нашли жену рожаящую и не можаше рожати. И рече Господь наш Иисус Христос: иди и рцы ей во ухо десное, жене рожаящей, изыди младенче скоро, зовет тя Господь наш Иисус Христос. Помяни, Господи, сыны Едомския. Истощайте, истощайте. Всегда и ныне и присно и в веки веков. Аминь» (Домострой, изд. Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. М., 1882, стр. XV).

У царевичей бабка оставалась, вероятно, лет до пяти, до той поры, как царевичи поступали с рук мам на руки к дядькам.

У царевен бабка, как лекарка, занимала уже постоянное место в их придворном штате, или чине, и жила при каждой из них в их хоромах, поэтому именовалась иногда «*комнатная*». Бабки получали по полтора рубля

годового денежного жалованья и по 6 четвертей ржи и овса отсыпного хлебного.

Одежду и всякий наряд повивальная бабка получала дворцовое.

Когда у царицы бывали родинный и крестинный столы, то к ним между прочим подавалась и каша, вероятно, символическая, а к ней прилагалась пара соболей по 5 руб., иногда по 4 руб., которую после стола царица всегда жаловала приемной бабке. При этом царица жаловала и своего ключника, тоже парой соболей, но ценой по 10 руб., иногда по 8 руб., вероятно, за изготовление этой каши.

Когда оканчивалось дело приемной бабки, первым лицом в уходе за новорожденным ребенком становилась *кормилица*.

При выборе кормилицы наблюдалась величайшая осторожность, и потому в *выбор* или *прибор* назначалось иногда более десяти кормилиц, жен во всех качествах добрых, имена которых и записывались в особую роспись. В этой росписи означали мужа избираемой, ее лета, детей ее, время, когда разрешилась от бремени последним ребенком, потом имя и местожительство ее духовника, кото-

рый по священству обязан был засвидетельствовать особой запиской нравственную чистоту избираемой.

По особой крестоприводной записи кормилицы целовали крест «служити и прямити царю, царице и ребенку», на воскормление которого поступали.

Кормилицы, поступая во дворец, получали весь наряд до мелких подробностей из царицыной казны. Жалованье им назначалось наравне с царицыными казначеями, по восьми рублей в год, и, кроме того, кормовых (столовых) по шести денег в день. Хлебного жалованья они получали вдвое против бабок, по 12 четвертей ржи и овса.

О преимуществах, которыми они пользовались впоследствии, когда оканчивалось кормление, Котошихин говорит следующее:

«И живет та жена у царицы в Верху на воспитание год; а как год отойдет и ежели та жена дворянского роду – мужа ее пожалует царь на воеводство в город, или вотчину даст; а подьяческая или иного служивого чину – прибавят чести и дадут жалованья нема-

ло; а посадского человека – и таким по тому ж дано будет жалованье немалое, а тягла и податей на царя с мужа ее не емлют по их живот».

Наряд кормилиц не был, однако, слишком или, так сказать, по-царски, роскошен. Он разве немногим чем отличал кормилицу от других придворных женщин среднего чина. В своих частностях и подробностях, как и в общем, он был одинаков в течение всего XVII ст., одинаков для кормилицы царевича, как и для кормилицы царевны. Весь он собирался по большей части покупкой из рядов как вещей, так и разных тканей для платья, которое, однако, всегда шилось в Царицыной Мастерской палате.

Обычно кормилицам покупали крест серебряный золоченый, иногда с финифтью. Более дорогим украшением были серьги, тоже серебряные золоченые с жемчугом и с камнями. Зеркало хрустальное немецкое и гребень слоновой кости или рыбий зуб²², губка грецкая. Из одежды для покрытия головы кормилица получала *ошивку* (шапочку вроде повойника). *Шапку* женскую атласную с парчо-

вым или шитым золотом верхком и для нее болван²³. Шапка украшалась иногда кружевом полусереберным и пухом (мехом). *Шляпу* поярковую²⁴ с атласной зеленой подпушкой по полям и с тафтяной подкладкой в тулье. *Каптур*²⁵ и болван к нему. На сорочку пояс шелковый с такими же кистями. *Телогрею* холодную и теплую на белье или куньем меху, а для вседневного ношения *шубу* на заячьем меху. *Опашень*, *шубку* столовую и более нарядное платье – *летник*. Ткани для этих одежд употреблялись чаще всего шелковые, также бумажные, светлых цветов, лазоревые, черленые (красный), и для опашня и шубки суконные, также цветные, светло-зеленые, багрецовые. Башмаки и сапоги сафьянные, всегда желтые и очень редко червчатые (красные). Для спанья кормилица получала тюфяк красного барана на хлопчатой бумаге с изголовьем или подушкой из гусяного пера в крашенной наволоке.

Для поклажи вещей ей покупали *ларец* дубовый, окованный железом, с внутренним замком, покрытый иногда краской, например зеленой, а также *коробью* (сундук) с таким же

ЗАМКОМ.

«Да у того ж царевича или царевны (*говорит Котошихин*) бывают приставлена для досмотру мамка, боярыня честная, вдова старая, да нянька и иные прислужницы».

У царя Алексея Михайловича мамы были, одна после другой, боярыни Арина Никитична Годунова и Ульяна Степановна Собакина. У царевича Ивана Михайловича его бабка по матери-царице, боярыня Анна Константиновна Стрешнева; у царя Федора Алексеевича – княгиня Прасковья Борисовна Куракина и боярыня Анна Петровна Хитрово; у Петра Великого мамы были: боярыня Матрена Романовна Леонтьева и боярыня княгиня Ульяна Ивановна Голицына; у царевны Софьи Алексеевны – княгиня Анна Никифоровна Лобанова-Ростовская и проч. Мамы царевичей получали годового жалованья по сто рублей.

До пяти лет царевич находился на руках мамы и окружен был попечением женщин; по наступлении пятилетнего возраста с рук мамы он переходил к дядьке и вообще на руки мужчин. В дядьки, для *бережения и поуче-*

ния, назначали, по словам Котошихина, боярина честью великого, тихого и разумного; а к нему товарища окольникового или думного человека. Впрочем, при назначении в дядьки великая родовая честь и сан боярина не были еще первым, главнейшим условием для получения этого звания. Человек тихий и разумный, из людей близких самому государю, имел больше преимуществ в этом важном деле перед человеком чиновным и честным в родовом смысле. Дядька царевича Алексея Михайловича, Борис Иванович Морозов, был стольником, когда его избрали в дядьки царевичу, и получил сан боярина вместе с этим избранием. Помощником в воспитании царевича был пожалованный в то же время из стольников в окольниковое, родственник царицы, Василий Иванович Стрешнев. Товарищ дядьки царевича Алексея Алексеевича, Федор Михайлович Ртищев, *муж милостивый и просвещенный*, был вовсе не родословный человек и при избрании в эту должность получил только степень окольникового. В древности дядьки назывались также *кормильцами*²⁶.

В слуги, т. е. в *спальники* и в *стольники*, ца-

ревичу выбирали боярских и дворянских детей, ровесников ему по летам, однолетков, и преимущественно из родственников царицы. У царя Алексея было двадцать человек стольников, из которых Родион Стрешнев, Афанасий Матюшкин, Василий Голохвастов, Михайло и Федор Львовы-Плещеевы были ближе других и воспитывались с ним вместе. Когда эти товарищи детских игр государя достигали совершеннолетнего возраста и оставались в прежних должностях, они составляли особый служебный разряд, под именем *комнатных и ближних людей*, и находились почти неотлучно при особе государя. После долгой службы государь жаловал их обычно: детей больших бояр – в бояре, а иных, меньших родов, – в окольнічие, которые и назывались также *комнатными*, или *ближними*, потому что пожалованы были от *близости*, из *комнаты*.

Находясь таким образом на попечении мам и дядек, царские дети с пестунами своими и с особым *чином*, или штатом дворовых людей, жили, по словам Котошихина, каждый в своих особых хоромах. Сначала детей помещали в особых комнатах дворца, но это

было помещение временное, потому что вскоре после рождения дитяти ему строили новые отдельные покои, обычно деревянные. Вообще, как бы ни было велико царское семейство, для каждой особы строились всегда отдельные хоромы, деревянные или каменные.

Когда дети переходили в эти новые *избушки*, то на новоселье, по существовавшему обычаю, приносили им хлеб-соль и собольи меха

27.

В этих *избушках*, или *хоромах*, дети жили весьма уединенно, совершенно скрытые от людского глаза, не видя почти никого, кроме людей, к ним приставленных. Их *избушки* ставились в глубине дворца, среди других внутренних отделений, даже вдали от мест, которые были открыты для служащего во дворце народа.

Вообще нужно заметить, что одна из главнейших забот в воспитании царских детей в XVII веке состояла в том, чтоб как можно тщательнее скрывать их от глаз народа. О царевнах говорить не станем: женщина высших, т. е. знатных и богатых разрядов тогдашнего общества, по понятиям наших предков, без по-

тери доброго имени не могла являться открыто, а тем более в присутствии мужчин; она проводила жизнь более или менее уединенно, также в кругу женщин, родных или знакомых. Но в царском быту и царевичи до известного возраста жили точно так же уединенно. Котошихин говорит, что «до 15 лет и больше царевича видеть никто не может, кроме тех людей, которые к нему уставлены, и кроме бояр и ближних людей». Далее Котошихин описывает и все меры осторожности, которые наблюдались в этом случае при выездах и выходах детей на богомолье или в загородные дворцы:

«Царевичи в младых летех и царевны, большие и меньшие, всегда случится им идти к церкви, и тогда около их во все стороны несут суконные полы, *что люди зрети их не могут*, – так же, как и в церкви стоят, люди видети их не могут же, кроме церковников, а бывают в церкви завешаны тафтой, и в то время в церкви, кроме бояр и ближних людей, мало иные люди бывают. А как ездят молиться по монастырям, и тогда каптаны и колымаги их бывают закрыты тафтами ж». Бо-

яре,— разумеется, исключая родственников царя и вообще ближних людей,— едва ли пользовались правом видеть царевича до его всенародного *объявления*. Речи, которые произносились царями при этом торжестве, вполне подтверждают, что царевич не показывался до объявления.

Обычай скрывать царевича до известных лет от глаз народа и потом торжественно пред всем народом объявлять его получил начало только в XVII ст. Смутное время, время великого *шатания* Русской земли, вызванное самозванством, и потом неоднократное появление самозванцев в течение XVII ст., научило правителей этой необходимой политической осторожности, главнейшая цель которой заключалась в том, чтоб уничтожить те условия, на которых самозванство непосредственно должно было утверждаться. Так, по крайней мере, толковали этот обычай и иностранцы.

Н. Ф. Некрасов. Борис Годунов рассматривает карту, по которой учится его сын

Таким образом, этот обычай и многие дру-

гие, которые замыкали тогдашний семейный быт в круг, мало кому доступный, представляют и для исследователя величайшие затруднения. Очень трудно, почти невозможно, при полном недостатке сведений, составить пол-

ную картину воспитания царских детей, проследить шаг за шагом все условия, под влиянием которых выростал царственный ребенок. Собственные наши источники до чрезвычайности скудны, притом и сведения, почерпаемые из них, весьма отрывочны, бессвязны. Иностранцы же или вовсе не писали об этом предмете, или писали по слухам; следовательно, не всегда точно и верно. Впрочем, один из них, Рейтенфельс, говорит об этом обстоятельстве более других.

«Дети царские (*пишет он*) воспитываются весьма тщательно, но совершенно особенным образом, по русским обычаям. Они удалены от всякой пышности и содержатся в таком уединении, что их не может никто посещать, кроме тех, кому вверен надзор за ними. Выезжают очень редко; народу показывается один только наследник престола на 19-м году (с 18-ти лет у русских считается совершеннолетие), а прочие сыновья, равно как и дочери, живут обычно в монашеском уединении. От сидячей жизни они слабы и подвержены многим болезням. Лека-

ри думают, что и старший царевич (Алексей Алексеевич) ум.ер от недостатка деятельности и движения, составляющих необходимость природы. С некоторого времени уже больше обращают на это внимания, и царские дети упражняются каждый день, в определенные часы, в разных играх, конной езде и метании стрел из лука; зимой делают для них небольшие возвышения из дерева и покрывают снегом, отчего образуется гора: с вершины ее они спускаются на саночках или на дубке, управляя палкой. Танцы и другие занятия, у нас обычные, при русском дворе не употребляются, но каждый день играют там в шахматы»¹⁸

.

Здесь замечание о сидячей жизни царских детей ни в каком случае не может быть допущено как общая черта древнего воспитания, как то делает Рейтенфельс. Оно относится только к царевичу Алексею Алексеевичу, который действительно вел сидячую жизнь, потому что с особенной охотой и прилежанием занимался книжным учением. Ниже мы видим опровержение и подтверждение этому

сказанию Рейтенфельса в тех данных, которые встретились нам в наших домашних источниках.

Первым, самым неотменным делом при рождении ребенка была особенная забота умереть долготу его роста и широту его объема, дабы по этой мере написать икону Ангела новорожденного, *меру рождения* дитяти. Такие иконы, по государеву указу, обычно поручали писать самым искусным иконописцам.

Эти иконы украшались богатыми окладами, как можно судить по описанию *меры* царевича Алексея Алексеевича. Само собой разумеется, что эта святыня находилась всегда в детской моленной, а в случае смерти – ставилась над гробами. Мера рождения Петра Великого находится также пред гробом Преобразователя в Петропавловском соборе в Петербурге.

Перейдем теперь к той стороне жизни детей, в которой сосредоточивались заботы и попечения вообще об их пребывании и содержании. Само собой разумеется, что заботы о здоровье детей распространялись и на всю обстановку их начального бытия, где каждый

предмет, конечно, служил охраной их здоровья.

Одной из ближайших потребностей для помещения ребенка была *колыбель*: с нее мы и начнем наше описание. В колыбель в первый раз ребенка клали с особой молитвой, которая внесена и в старинные Третьяки; притом до крещения в колыбель его не клали. Царская колыбель своим устройством походила на зыбку, распространенную и теперь в простом народе. Она состояла из *пялец*, которые делались из точеных *столбцов*, двух длинных с яблоками на концах и двух поперечных. К длинным столбцам прибивались серебряные кольца с пробоями, а к кольцам прикреплялись или ремни лосиные, обшитые бархатом, или тесьмы шелковые и даже золототканые, на которых колыбель висела. Днище колыбели обшивали сафьяном и богатыми золотными тканями.

Колыбельные постели, или перины, всегда набивались лебяжьим пухом; исподние наволочки шили из полотна, а верхние, в рядовых случаях, — из тафты, камки и других шелковых тканей, а иногда и из бархата. В по-

добных случаях вместо перины употребляли бумажник, или тюшак (тюфяк) бумажный, набитый хлопчатой бумагой и поволоченный тафтой или камкой.

Одеяла изготовлялись, в зависимости от времени года, теплые и холодные. Теплые шили из золотных тканей и подбивали мехом белым, лисьим, собольим, иногда горностаевым. Холодные одеяла делались из таких же золотных тканей, только не подбивались мехом. Впрочем, золотные одеяла употреблялись в праздничных случаях, обычные же шили из рядовых шелковых тканей. Праздничные богато украшались даже жемчугом и дорогими камнями.

Колыбель для ребенка служила своего рода жилищем, избушкой, поэтому в колыбелях у детей висели небольшие иконы и особенно кресты с частицами св. мощей. В ризнице Московского Успенского собора сохраняются пять таких колыбельных крестов; на одном из них следующая надпись:

«Лета 7102 г. (1594) повелением благоверного государя царя и великого князя Феодора Ивановича, всея Руси само-

держца, и его благоверные царицы и великие княгини Ирины сделан бысть се св. крест государыне царевне и великой княжне Феодосье в колыбель».

Как мы упомянули, ребенка клали в колыбель только после крещения, и потому колыбели готовились спустя несколько дней после рождения ребенка. По-видимому, золотную колыбель дарила ребенку его крестная мать. В 1650 г. царевна Анна Михайловна одарила новорожденную царевну Евдокию Алексеевну на ее крестинах колыбелью. В 1652 г. царевна Татьяна Михайловна одарила новорожденную царевну Марфу Алексеевну полным набором колыбели с постелькой, изголовьем и одеялом.

При этом нужно заметить, что дорогие ткани со старых *отставных* колыбелей употребляли нередко на церковное строенье, т. е. на устройство каких-либо церковных одежд или других предметов, что почиталось благочестивой мыслью того времени, делом богоугодным и особенно благополезным в отношении самого дитяти. В 1633 г, мая 18-го, две золотные колыбели были вычищены, а в тех

колыбелях сделаны оплечья к ризам.

В 1673 г., 27-го декабря, по указу царицы Натальи Кирилловны скроено в Новодевичьем монастыре из двух бывших колыбелей государя царевича Петра Алексеевича – «*пять патрахелей*²⁹ да пятеры *поручи*³⁰, в кроенье вышло колыбель меньшая вся да от другие колыбели вышли *ушки*». Но не только на поручи и патрахели, отставные колыбели употреблялись даже и на устройство хоругвей. В 1674 г., августа 28-го, царица Наталья Кирилловна делала в Успенский собор две новые хоругви, на каймы этих хоругвей и был употреблен бархат из отставной колыбели царевича Петра Алексеевича.

В других случаях колыбели переходили как бы по наследству от одного ребенка к другому. В 1674 г., октября 22-го, колыбель царевича Федора Алексеевича перешла к восьмилетнему царевичу Иоанну Алексеевичу с некоторым обновлением.

В колыбелях дети спали довольно долго, почему заготовка им новых колыбелей повторялась неоднократно. Царевич Алексей Мих. спал в колыбели и после перехода с рук мамы

на руки дядьки, когда ему исполнилось пять лет. Теперь (в 1634) стал заботиться о его колыбели его дядька, боярин Борис Иванович Морозов³¹.

Когда царевичу Алекс. Михайловичу исполнилось восемь лет, он спал уже в особом *чулане* (альков).

Само собой разумеется, что колыбельное детское белье изготовлялось из тонкого (Тверского) полотна. Но некоторые предметы делались и из шелковых тканей. Таковы были, например, *свивальны*, или свивальники. Из них обыкновенные сшивались из сукна, а праздничные – из бархата. В 1681 г. царица царя Федора Алексеевича Агафья Семеновна Грушецких, беременная, заготовила к родам два свивальна: один из сукна червчатого, багрец с подкладкой из алой тафты; другой, более богатый, – из червчатого бархата, тоже с подкладкой из алой тафты, но притом обшитый *кругом* серебряным галуном. Роды были несчастны. Родился царевич Илья 11 июля, а 14 июля царица скончалась.

Когда младенец вырастал, ему мало-помалу, смотря по необходимости, готовили обыч-

ные одежды. В 1629 г., 21 ноября, восьмимесячному царевичу Алексею Михайловичу, из-за холодного времени, скроена шапочка, атлас червчат, круглая.

Затем, декабря 13-го, когда царевичу исполнилось ровно девять месяцев, ему скроена *шуба*, камка червчата клинчата. Когда царевичу исполнился год, 14 марта 1630 г. ему скроен *зипун*, камка шелк ал да бел корунками; подпушка камка желтая мелкотравная; подкладка тафта лазоревая.

Детская одежда почти ни в чем не отличалась от обычной одежды взрослых. У коротких одежд для детей длиннее делались только полы. Царевичи носили *шапки* обыкновенные с собольим околом и горлатные, *тафьи*, *треухи*, *аракчины*. Это был их головной убор. На сорочку, всегда с богатым ожерельем и подпоясанную шелковым поясом, надевали *зипун*, поверх которого носили *ферези*, *кафтан* становой, *кафтанец*, *сарафанец*, *кибеняк*, *кабат*, *чугу*. При этом втором платье употреблялся *кушак* тесьма или богатый *пояс* из металлических блях. Верхнее платье составляли: *платно*, *опашень*, *охабень*, *однорядка*, *фе-*

рези ездовые, или *фрезезя*, и *шуба*. Из нижнего платья известны порты и штаники, которые кроились иногда вместе с чулками и для зимнего времени подбивались мехом. Чулки редко бывали вязаные; они обычно шились из тафты и других легких тканей и на зиму также подбивались мехом. К обуви принадлежали *ичедыки*, род чулков из сафьяна, *башмаки* и *чеботы*, или короткие сапоги. Ичедыки носили с башмаками.

Относительно детской одежды нужно заметить, что она по богатству тканей и украшений нимало не отличалась от одежды взрослых, и ребенка обычно наряжали, чуть не с первых дней его рождения, как куколку. Обычное, или, по-нашему сказать, модное, украшение одежды составлял очень любимый стариной крупный и мелкий жемчуг.

На третьем году царевич Алексей Михайлович уже носил унизанную жемчугом червчатую бархатную *обнизь* (род воротника), а также *фрезези* – ездовые объяринные дымчатые с жемчужными завязками; атласную, золотную по зеленой земле, *шубу* с жемчужной нашивкой (петлицы); бархатные *чеботки*, бо-

гато унизанные жемчугом

Трехлетнему царевичу к шапочке бархатной червчатой с сободем были изготовлены петли (род каем), на которые пошло жемчугу скатного кафимского 112 зерен и потом еще 163 зерна.

Вместе с тем были изготовлены две шапки бархатные: одна червчатая, другая черная с жемчужными петлями.

Четырехлетнему царевичу в унизанный колпак поставлена запона золотая, в ней 19 алмазцов, цена 100 рублей. А в унизанную тафью по червчатому бархату поставлены два репья (розетки) золотые с финифты с яхонтами, изумрудами и жемчужинами.

К. В. Лебедев. Царица Елена Глинская с детьми

Потом сшито золотное *платно* и украшено жемчужной нашивкой – 18 гнезд. Далее сшиты становой кафтан желтый атласный с жемчужными пуговицами, однорядка с кружевом из жемчуга и канители, на что употреблено жемчугу (461 + 48) 509 зерен. Шуба атласная, по червчатой земли круги серебряны с жем-

чужной нашивкой (петлицы) и т. д.

Таким образом, трех и четырех лет царевич был богато одет, в полном соответствии с тогдашним костюмом.

Детские доспехи царя Михаила Алексеевича

При этом различные украшения, вроде до-

рогих камней или дорогих жемчужин, запон и пр., государь сам выбирал, и всякий предмет ставился в дело по его назначению или по назначению царицы, как было в обиходе маленьких царевен, наряд которых точно так же устраивался чуть не с первых дней их возраста.

Царевне Ирине Михайловне не было еще и года, когда ей была сшита *тафейка*, украшенная дорогими камнями, лаликом и изумрудцем и богатым жемчужным низаньем. Жемчугу на нее пошло 260 зерен: в верхнюю обнизь 136, да в очелье 124 зерна. К другой тафейке, попроще, вышло 152 зерна. Ей же восьмимесячной была сшита *шубка* с жемчужной нашивкой. Тогда же ей снизано жемчужное *ожерелье*, а потом украшена жемчужным низаньем *сорочка*.

На четвертом году она уже носила *венец* жемчужный с камнями.

На серьги государь отбирал жемчуг и другие драгоценности вскоре по рождении дитяти: царевнам Софье и Татьяне через месяц, царевне Пелагее через 2 недели, Марфе через 6 недель, Ирине через 3 недели. Царевне Со-

фье Михайловне было всего два месяца, когда ее тафья бархата червчатого была украшена репьем (розетка) золотым с алмазами. Шести-месячной царевне

Анне уже готовилось жемчужное *ожерейцо* из 227 зерен скатных. По одиннадцатому месяцу ей обнизывались жемчугом бархатные чеботки.

Царевичу Ивану Михайловичу был только месяц от рождения, когда ему в низанную тафью был поставлен репей золотой с алмазы; потом, ему был только год от рождения, такой же репей поставлен в его шапку бархат черн с собольим околком.

Без месяца ему был год, и он уже надевал становой кафтан камчатный червчатый с жемчужным украшением и с такой же пуговкой.

Надо заметить также, что детское белье, полотняное или тафтяное, так же, как и платье, сохранилось в кипарисных сундуках и ларцах.

Весьма любопытно, что, кроме упомянутого русского платья, дети царя Михаила Федо-

ровича носили и *немецкое*. Совершенно неизвестно, каким путем зашло это немецкое платье в комнаты государя, к его детям, и кто подал первую мысль об этом костюме. Припомним, что наши древние обычаи в это время достигли полного расцвета и с особенной упругостью противились всякому чужеземному влиянию. *Немецким извечаям* в это время было гораздо труднее, чем прежде, пробираться в наши патриархальные, крепкие своєю православной стариной, жилища. Несмотря на это, были, однако ж, люди, которым нравились немецкие обычаи и которые даже носили французское и немецкое платье. Между такими людьми весьма значительное место, как по сану, так и по своим отношениям к царскому семейству, занимает родственник (двоюродный брат) царя Михаила Федоровича, боярин Никита Иванович Романов. Как родственник государя, боярин Никита Иванович мог занести и в царское семейство мысль нарядить малолетних царевичей в немецкое платье, в чем, вероятно, был участником и самый дядька царевича Алексея Михайловича, боярин Борис Иванович Морозов. Тем скорее

было принято нововведение, что в этом случае немецкое платье составляло детский наряд, который открывал более свободы и для видоизменения русской одежды и даже для нововведений.

Впервые немецкое платье во дворце появляется в Потешной палате, конечно, в качестве наряда потешников, которым дозволялось одеваться как можно замысловатее и смешнее, на взгляд старобытного русского порядка и вкуса. В 1632 г. такое потешное платье было сшито главному потешнику Ивану Семенову Лодыгину: *плащ, кабат, пукши*. У других потешников появляются юпы, курты, и вообще Потешная палата мало-помалу совсем онемечивается. Каким путем эта немечина была проведена и в комнаты маленьких царевичей, угадывать трудно.

По-видимому, такие нововведения вступали в обиход царевичей не очень заметными переменами и вначале касались только их маленьких сверстников из служебной среды, каковы были стольники и разные потешники.

31 мая 1635 г. появляется уже прямое

немецкое платье. В это время *накрасчим* (музыкантам)³² царевича сделано платья немецкого:

«три юпы, трои пукши, три шапки, сукно английское; сукна пошло черленного, зеленого, лазоревого 11 аршин».

Наконец, дело коснулось и самих царевичей. Так, в 1636 г, 26 декабря, с Казенного двора взято алого бархату 9 аршин царевичам (Алексею 7 лет и Ивану 3-х лет) на *немецкое платье*. К тем же немецким платьям 29 декабря взято на исподы пупков собольих; да на подкладку тафты червчатой 5 аршин, да тафты зеленой 5 аршин, атласу рудо-желтого да киндяку червчатого по аршину. Того же числа, 29 декабря, деланы царевичам немецкие башмаки, делали немцы канительные мастера из ирхи³³, т. е. вышивали, вероятно, по ирхе золотом, канителью.

Вместе с тем 30 декабря 1636 г. троим стольникам царевича Алексея Михайловича (четвертый Дмитрий Матюшкин выбыл) сделано *нем.ецкие платья*:

«три жупана, да трои пукши, сукно

лундыш черлено. Три епанчи, сукно лундыш зелено. Три шляпы немецкие; на те же шляпы три снурка серебряных. Трои рукавицы немецкие персчатые. Трои ожерелья полотняных. Шестеры чулки гарусные; трои чижмы немецкие, к ним на завязки. А приказал сделать государевым словом боярин Борис Иванович Морозов дьяку Гаврилу Облезову; взяли платье стольники сами».

Таков был немецкий костюм царевичевых стольников.

1637 г., января 11-го, «скроены царевичу Алексею Михайловичу башмаки на немецкое дело, сафьян желт». Потом «того ж дни скроено государям царевичам (Алексею и Ивану) платье на немецкое дело, епанчи, бархат алкызылбашской... да им же, государям на кафтанцы на немецкое дело и на штаны атласу рудо-желтого 10 аршин» и пр. Выражение на немецкое дело значит – по немецкому образцу, или просто немецкое платье. То же самое платье находим и в описи казны царевича Ивана Михайловича со следующим описанием: «Немецкое платье: епанча, бархат ал, опу-

шен бархатом зеленым, подложена тафтой зеленой; кругом епанчи и по ожерелью кружево немецкое серебряное. *Курта немецкая и штаны*, атлас желт, кружево по ним немецкое серебряное; исподы у курты, пупки собольи, у штанов, черева бельи».

В 1638 г., 26 июня, царевичевым *металникам* (канатным плясунам, акробатам и танцорам) Макарку да Ивашку Ондреевым

«сделано две курты да двои штаны, сукно настрафиль одинцовое черлено, сукна пошло 4 аршина. Им же сделано два аракчина, сукно багрец. А приказал (*сделать платье*) государевым словом боярин Борис Иванович Морозов».

Карлы царевичей ходили также в куртах. Таким образом, малолетние сыновья царя Михаила и почти весь их штат одеты были в немецкое платье. Очень любопытно, что в числе отставного платья царя Алексея Михайловича в 1647 г. сохранялось и немецкое платье (епанча и курта), которое тогда со всяким другим отставным платьем было продано по государеву указу и по приказу боярина Б. И. Морозова.

В детском платье царевен особенно замечателен, по своему богатству, головной убор. Как царевны, они носили *венец* и *коруну*. Венец (венок) составлял собственно княжеский девичий головной убор. Употребление его относится еще к XV веку. Из одной княжеской духовной грамоты того времени узнаем, что князь Михаил Андреевич Верецкий подарил своей дочери «*венец царской с городы*³⁴, да с яхонты да с лалы³⁵, да с зерны с великими; другой венок низан великим жемчугом». В 1636 г, января 24-го, царь Михаил Федорович пожаловал девятилетней царевне Ирине

«*венец золот с городы, по нем травь золоты прорезные, с финифты с розными. У венца в городех и меж городов 96 алмазов да 109 лалов. Накосник*³⁶ *по цке*³⁷ *серебряной золоченой, низан жемчугом большим; на конце у накосника три ворворки*³⁸, *обнизаны жемчугом; в кистей место низано жемчугом мелким; по концам перепелы серебряны золочены. Подложен (венец) тафтой желтой*».

Кроме упомянутого здесь *накосника*, или

котика, при венцах носили *поднизи*³⁹. У венца царевны Анны была поднизь, «по атласу по червчатому низана жемчугом большим и средним; меж жемчугу звездки золоты». При коруне употреблялись также *рясы*, которые низались из жемчуга в виде длинных прядей. Они привешивались с правой и с левой стороны коруны и ниспадали на плечи. К коруне царевны Ирины принадлежали «рясы, низаны жемчугом, промеж жемчугу и по концам 10 яхонтов лазоревых да 8 лалов; колодки у ряс золоты, навожены чернью, в колодках 4 яхонта червчатых да два изумруда, да на спнях 18 зерен жемчужных». У царевны Натальи Алекс. была корона жемчужная с запонами, в поднизи 82 зерна бурмицких и пр. Различие между венцом и коруной состояло в том, что первый был собственно венчик, без тульи, которая составляла необходимую принадлежность коруны и тем отличала ее от венца. Когда царевны подрастали, то их венцы и коруны, становившиеся неудобными для употребления, переходили к другим малолетним царевнам, что видно из описей их казны.

Обычный головной убор малолетних царевен составляли *кика, тафья, шляпа круглая, столбунец*, или *столбунчик, шапка летняя* с околлом и *шапка высокая лисья, горлатная* или *черевья*, и *треух*, а иногда *куколь*.

Детское платье царевен заключалось в тех же предметах, какие были в употреблении у взрослых, исключая только *кафтанца* – собственно детской женской одежды, подобной покроем мужской того же наименования, который шился иногда *на турецкое дело*, т. е. на турецкий образец. У царевны Ирины было таких кафтанов 36, в том числе два кафтана турецких. У царевны Татьяны теплых и холодных кафтанов было 24. Из двух турецких кафтанов царевны Ирины один подарен ей отцом, царем Михаилом, в 1634 г., когда ей было только семь лет и в то время «как *она государыня начела учить часы*». Он описан следующим образом: «кафтан турецкой, атлас серебрян, по нем круги шахматные, в них шелк червчет да зелен, меж кругов репыи, шелк лазорев; а в них шелк червчат. На вороту 28 кляпышев, обделаны серебром с шелком с червчатым да с лазоревым, на рукавах у запястья по 4 пу-

говки серебряны; подпушен дорогами червчаты». Эти кафтаны, подобно *телогреям* и *шубкам*, надевались всегда на сорочку.

Царица Марья Ильинична шествует в большой праздник на богомолье в церковь.

Ее сопровождают царевны и девушка, несущая царевича

Ко второму платью, которое носили сверх этого, принадлежат: *летник*, *ропашница* и *кортель*. Летник – одежда с длинными и весь-

ма широкими рукавами, которые назывались *накапками*; к концам этих рукавов, т. е. к запястьям, пришивали *вошвы* из золотных материй или из бархата и атласа, всегда богато унизанные жемчугом и усыпанные драгоценными камнями. Роспашница – тот же летник, сделанный распашным. Она застегивалась спереди пуговками. Кортелем назывался летник зимний, подбитый всегда мехом. При летниках царевны носили еще *приволеку*. Верхнюю одежду составляли летом *опашень*, а зимой *шуба*. С опашнем носили *круглое, накладное ожерелье* из собольего или бобрового меха. В числе нижнего платья маленькие царевны носили *штаны*, обычно тафтяные, червчатые, на беличьем меху. Обувь царевен, подобно царевичей, заключалась в чулках, ичедыках, башмаках и чеботах. Все это платье шилось также из богатых шелковых и золотных материй, а зимнее подкладывалось дорогими мехами.

По истечении года у дитяти *снимали первые волоски*. Царевне Ирине Михайловне снимала волоски в это время бабушка ее, *великая старица инока* Марфа Ивановна, что и застав-

ляет предполагать, что этот обряд исполняли только самые ближайшие родственницы или восприемники. О последнем можно заключить также из слов молитвы *на первое стрижение волос* у младенца, которую в это время говорил царский духовник. Молитва эта находится в Требниках⁴⁰. По совершении обряда особа, снимавшая волоски, благословляла ребенка золотым крестом с мощами.

Обычай снимать первые волосы наблюдался, по словам Татищева, и в его время между знатными людьми; но он говорит, что это *подстригание* совершалось по прошествии семи лет, и притом на седле со стрелами⁴¹. В современном деревенском быту детям также не стригут волос до года; в иных местах, когда мальчику минет год, стрижение волос делают с некоторой торжественностью: приносят седло, сажают на него ребенка и подстригают ему волосы.

Нельзя не заметить сходства этого обряда с древними постригами; но там, сколько известно, обрезание первых волос совершалось только у детей мужского пола по истечении двух, трех и четырех лет от рождения, следо-

вательно, не в одно время, зато всегда с особенным торжеством и в соединении с другим обрядом – *сажания на коня*.

В 1192 г. «быша пострегы у великого князя Всеволода сыну его Георгеви (*родился в 1188 году*) в граде Суждали; того же дня и на конь его всади,, и бысть радость велика в граде Суждали... В 1230 году князь Михаил створи пострегы сынови своему Ростиславу, в Новгороде, у св. Софье и уя влас архиепископ Спиридон...»⁴²

В 1301 г., ноября 8-го, были постриги у князя Михаила Тверского сыну его Димитрию. Гораздо позже постриги были совершены князю Юрию Ивановичу, сыну Иоанна III.

Когда ребенок начинал ходить, то в помощь ему, для научения этому движению, употреблялись сначала *ходячия*, или *походячия*, кресла, а также и *потешные* кресла для катания, а потом *водильный нагрудник*. В 1628 г., сентября 17-го, царевне Ирине Михайловне скроен нагрудник в тафте червчатой виницейке. Царевне в это время было год и около пяти месяцев.

Кресла *походячия* и *потешные* устраивались на четырех железных луженых колесах, настилались хлопчатой бумагой и обивались червчатым атласом и серебряным галуном. К походячим прибавлялись две помочи. Такие кресла, например, были сделаны в 1650 г. девятимесячной царевне Евдокии Алексеевне, в 1653 г. того же возраста царевне Марфе Алексеевне, для которой в том же году была починена ее потешная *карета*.

В 1672 г., декабря 19-го, когда царевичу Петру Ал. исполнилось около семи месяцев, ему были устроены *ходячие* кресла. Затем, 16 января, ему же сделаны два стульца деревянных потешных и потом, 9 ноября, делан также *стулец потешный* на колесах, сделанных из железа, меди и олова.

В 1674 г., июля 9-го, у *потешной каретки* царевича обшиты ремни сукном багрецом, а 15 июля *каретка* починена стрельцом Петрушкой Щербаком.

В том же году, августа 28-го, живописец Иван Безмин вновь золотил по гунфарбе какое-то *место* царевичу, на что употреблено 1000 листов сусального золота и фунт гунфар-

бы. По-видимому, это было царское место.

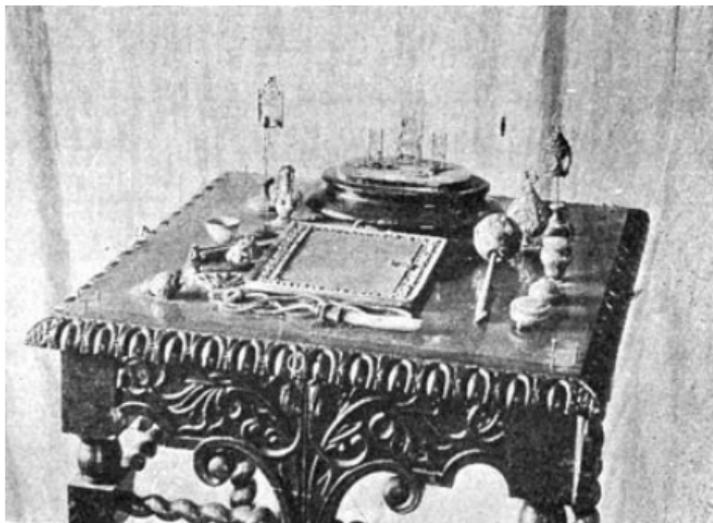
Другого порядка *место*, деревянное *седальное*, в 1676 г, 27 июля, было обито стамедом⁴³ алым. Такое *место* иначе называлось *судном*, какое было сделано еще в 1672 г, 4 ноября, когда царевичу было только пять месяцев. При этом употреблено 2 аршина сукна багрецу на *кровельное* сукно. Около того же числа, ноября 1673 г., новое судно было обито атласом червчатый (пошло пять аршин) с серебряным галуном с настилкой хлопчатой бумаги.

Заботы о внешней материальной обстановке детского быта всегда сопровождались усердными заботами о сохранении детей святостью Церковного Устава.

Слабого ребенка, каким, по-видимому, родилась (1628 г. 17 апреля) царевна Пелагея, приносили к причастию через шесть недель по рождении.

Детские игрушки царевича Михаила Федоровича Романова

Царевна Пелагея приняла Св. Тайны того

же года, 28 мая. Причащал ее духовник Великой старицы Марфы Ивановны. Младенцы, пользовавшиеся добрым здоровьем, причащались, как можно судить по сохранившимся записям, через более продолжительное время по рождению. Царевна Ирина Михайловна приняла Св. Тайны больше чем через 10 месяцев; царевич Алексей Михайлович причастился через 4 месяца; царевна Анна Михайловна причастилась через полгода; царевна Марфа Михайловна – через 9 месяцев. Однако нельзя утвердительно сказать, что эти указания относятся к принятию причащения впервые после рождения, так как полных и точ-

ных записей по этому предмету мы не имеем. К причащению приносили детей в разное время по случаю различных обстоятельств их жизни.

И у малолетних царских детей также находился особый *крестовый* поп, несомненно исправлявший молитвенные комнатные церковные службы и утренние и вечерние моления. В 1631 г. такой поп, Александр, состоял один у крестов двухлетнего царевича Алексея Михайловича и четырехлетней царевны Ирины Михайловны.

В детских хорах совершались и некоторые праздничные службы, именно: царские часы в навечерии Рождества Христова и Богоявления, причем басистый дьякон по уставу кликал многолетие. Надо заметить, что кликанье многолетия совершалось особо в хорах у государя и в хорах у царицы.

В тот же Рождественский праздник государев духовник приходил к царице и к детям славить Христа и получал за это от каждого лица по паре соболей; от царицы и царевича по 3 руб. пара, от царевен по 2 руб. пара. Такие пары были розданы духовнику в 1630 г.

от царевича Алексея (год и 9 месяцев), от царицы Ирины (3 года 8 месяцев) и от пятидесятилетней царицы Анны Михайловны.

Подобное славление духовника происходило и на Святой в Светлый праздник, когда духовник также получал пары соболей.

По разным случаям детской жизни царица водила детей или к обедне, или только к молебну не только в верховые придворные церкви, но и в приходские. Так еще с пеленок царские дети вводились в круг Церковного Устава.

Теперь мы остановимся на детских забавах, играх и игрушках, которые в то время известны были вообще под именем *потех*, *потешек*. Эти потехи и потешки были весьма разнообразны. Они во многих отношениях служат верным зеркалом, верной характеристикой старины, обличают тогдашние вкусы, раскрывают новые, дотоле малоизвестные стороны древней жизни и вообще представляют такие черты, посредством которых понимание древнего быта получает более ясности и определенности.

В царском быту детские игрушки и разные

детские потехи большей частью покупались у торговых людей в Овощном, Пряничном и *Потешном*, т. е. игрушечном, городских рядах и в лавках у иноземцев; весьма часто они изготовлялись также дворцовыми мастерами, токарями-станочниками, живописцами и др., как увидим ниже.

Сам государь Михаил Федорович заботился о детских игрушках и иногда приобретал их у торговых немцев. В 1630 г., 17 января, от государя из хором принес Федор Степанович Стрешнев немецкого дела *потеху-сад*, сделано в черном немецком дереве: деревья, а на деревьях – птицы всякие. Потеха, по всему вероятию, назначалась для трехлетней царевны Ирины.

1635 г., 31 января, в субботу перед Масленицей, во время выезда царицы Евдокии Лукьяновны Богу молиться к Спасу на Новое, роздано детям боярским, которые ее сопровождали, 97 коп. для покупки по дороге игрушек, «а они на те деньги купили потехи: птичек кожаных и баранчиков деревянных, и жбанцов и горшечков, и мечиков и колокольчиков, и иных всяких потех в хоромы на потеху госу-

дарским детям».

1635 г., 4 декабря, царица ходила со своими государскими чады молиться в Ивановский и в Знаменский монастыри и по дороге купила детям потех *горшечков* и *калачиков* на 12 коп.

Декабря 15-го царица «ходила молиться к Спасу на Новое, и по ее государынину приказу (*роздано*) торговым людям за потехи за сани деревянные резные, и за мужики разные ж., да за немочки деревянные, да за баранчик, всего 70 коп Санки и немочки и баранчик взяты в возок к государыне царице для потехи их государских детей».

1636 г., 21 сентября, как царица пошла в Троицкий осенний объезд, и на дороге для их государских чад куплен *потешный* возок с конями деревянными. Тогда же куплено всяких потех на 20 коп.

1637 г., 21 сентября, царица пошла к Троице, и по дороге куплено для государских детей калачиков и орехов и ягод и моркови и репы на 24 коп.

Такова была, можно сказать, деревенская, крестьянская простота царского быта, всена-

родная простота его обычных потребностей и вкусов. Царские дети, как и дети деревенские и посадские, утешались той же морковью и репой, орехами и ягодами, яблоками-резанью и калачиками, сдобными и тертыми, покупаемыми мимоездом на торговых площадях, в лавках у походячих торговых людей. Тут же покупались и простонародные игрушки различных видов и наименований, кому что нравилось, для детской забавы.

Но само собой разумеется, что игрушечная статья царского быта хотя и значительно пополнялась покупками в торговых рядах, но большей частью изготовлялась дома царскими мастерами, украшавшими такие игрушки не по-простонародному, а как подобало в царских хоромах для государевых детей – более богато, красиво и великолепно.

Надо заметить, что особый род игрушек появлялся у царевичей и царевен в то время, когда они находились еще в пеленках. Это были дары, по обычаю, обязательно приносимые новорожденному от разных лиц служебных и неслужебных, начиная от самого государя и его семьи, продолжая боярским сосло-

вием и оканчивая посадскими обывателями. Главным образом такие дары заключались в серебряных сосудах и других дорогих вещах, в замысловатых предметах немецкой, вообще заграничной работы, каковы были кубки, розольники, фигуры кораблей, людей, птиц и разных животных. Эти дары потом служили основанием особой казны каждого ребенка.

В казне восьмилетней царевны Ирины Мих. находились следующие игрушечные вещи, подаренные ей в разное время отцом-царем и матерью-царицею, дедом, патриархом Филаретом, и бабушкой, инокой Марфой Ивановной, а также братом, царевичем Алексеем Михайловичем. Змей золотой крылатый с финифты разными. У змея в голове изумруд четырехугольный, в очах две искорки яхонтовые; во рту держит человечью голову. Немка серебряна золочена, у ней в руках братина. Немка серебряна золочена, у ней в руках сосудец с кровлею. Немка серебряна золочена, у ней в руках лохань. Немка серебряна золочена, у ней в руках ведро. В серебре сделано и позолочено: мужик с лошадью и с сохой. Кораблик серебрян золочен на колесах. И в 1633

г., февраля 12-го, сей кораблик пожаловал государь сыну своему, царевичу Алексею Михайловичу. Колокольчик серебрян золочен. Попугай серебрян золочен на столице. Тем попугаем челом ударил государев серебряной мастер Таврило Овдокимов. Телец серебрян золочен на столице. Тем тельцом челом ударил Василий Иванович Стрешнев. Птичка серебряна золочена на столице. Кубочек серебрян золочен с финифты с розными, наверху птичка. Челом ударила боярыня княгиня Авдотья Васильевна, жена Ивана Борисовича Черкасского.

Кроме описанных, хранились в царевниной казне также серебряные олень, левик, баран, два возка и обычные сосуды детской величины: кубочки, кружечки, братинки, бочечка и т. п., в том числе *скляница*, а в ней цветы розные, на столице серебряном.

У царевича Алексея Михайловича (1640) в казне хранились: *пистолетик* золотой, осыпанный червчатými яхонтиками. На ложе и на яблоке и у ствола в гнездах искорки яхонтовые⁴⁴. *Птица* струц. Голова, шея, крыло, хвост, ноги и поддон серебряные резные...

Птица во клюве держит подкову лошадиную серебряную. Царевичу челом ударил боярин князь Борис Михайлович Лыков на его родине в 1629 г. *Кораблик* на поддоне серебряном золоченом: по сторонам у него две ехидны, устоянца три ехидны... *Корабль* серебряный золоченый с тремя парусами, на трех шоглах прапоры цветные. В корабле 10 человек литых серебряных, на лестницах 6 человек, наверху у шогл 2 человека серебряных, литые. Царевичу челом ударила боярыня княгиня Настасья Никитична, жена князя Бориса Михайловича Лыкова, на родине в 1629 г. *Лев* на поддоне, в передних лапах держит змею. Челом ударили английской земли гость Фабин Ульянов с товарищами в 1629 г. *Конь* серебряный золоченый, муштук и поводья серебряные белые. Челом ударила княгиня Настасья Никитична Лыкова в 1629 г. *Единорог* на поддоне – челом ударил Микита Иванович Романов.

В числе такой казны у пятилетнего царевича Ивана Михайловича находились: золотая ароматница; золотой змей; серебряные немка, кораблик, чеботок; кубочек стеклянный.

ный, а в нем на спице (винтике) повертывается барашек; скляница потешная, а в ней люди играют в мусики, да виноград (сад) и птицы; разные маленькие стеклянные сосуды: оловянички (кувшинцы), братиночки, фляжки, кубышечка, четыре булавы, два чекана (молотки) и др.; ящик деревянный, а в нем сделана немецкая рота воцаная; ящик, а в нем птица павлин, да около его птички.

Нередко такие вещи переходили из одной детской в другую детскую казну по распоряжению родителей, даривших эти вещи тому или другому ребенку или по кончине одного передавали его вещи в наследство другому. Из казны вещи вносились в хоромы для потехи и снова отсылались в казну на хранение.

Одной из первых и самых значительных игрушек для царевичей был конь *потешная лошадка*, не кукла, а потеха сравнительно большого размера, отвечавшая возрасту годовалого ребенка, так что он мог садиться на этого коня. Такого коня обычно изготовляли именно к годовичному возрасту ребенка. Царь Михаил Федорович позаботился приготовить этого коня дорогому сыну, царевичу Алексею

Михайловичу еще в то время, когда ребенку шел одиннадцатый месяц. Конь или был куплен готовый у немцев, или был заказан для работы немцам же.

Подобный конь был и у двухлетнего царевича Ивана Михайловича. Эти кони оставались в числе потех до совершеннолетия царевичей.

Можно предположить, что этот давний обычай изготовлять годовалому ребенку потешного коня оставался памятником древнейшего обычая и обряда сажать ребенка на живого коня. Игрушка подготовляла к обряду или служила прообразом будущего обряда.

Знатного коня окружали разнообразные обычные, так сказать, своенародные игрушки, какие покупались на торгу и по тем же образцам в лучшем виде делались дома в дворцовых мастерских. Тут были деревянные коники, барашки, козлики, разнообразные птички в клетках и без клеток, голуби, ястребы, звери – львы, медведики, мужички, петушки, немки (куклы), деревянные и глиняные различные сосуды, игрушечные братинки, ковшики, стаканы, чашки и чарки и т. п.

Нередко детям малым и большим дела-

лись особые необычные игрушки.

В 1637 г., 8 апреля, восьмилетнему царевичу Алексею Михайловичу прапорщик немец Анц Вестволь делал из воска виноградные цветы и гроздья и лимоны.

В 1675 г. царевичу Федору Алексеевичу, которому было уже 18 лет, сделана *потешная баба* деревянная нарядная, в кике низанной с камением и с пелепелы и с рясы; и серьги и ожерелье низанное с камении ж; и зарукавье низанное с камении ж, в летнике и шубке – кукла в полном тогдашнем наряде.

Иногда такие необычные игрушки-потехи, особенно заморские, покупались у торговых немцев. В 1666 г. царевичу Федору куплен у торгового иноземца Фредрика Брыкаря медвежонок, который бьет в барабан, за 30 руб., да разных видов птички немецкого производства, на 9 руб. Судя по значительной цене, должно полагать, что медвежонок и эти птички отличались каким-либо особым механическим устройством. Когда царевич Федор Алексеевич уже царствовал, в 1680 г., в ноябре, ему куплен у часовщика иноземца Ивана Яковлева *потешный человек*, сделанный из ярого

воску в немецком платье с соколом, за 15 руб.

Самым полным списком разнообразных игрушек может служить заготовление игрушек в разные годы для царевича Алексея Петровича.

В 1693 г, когда ему было только три года, куплено для него, в разных месяцах и числах, разных *потешек*:

«городок с походячими мужичками, на кругу строй мужичков, собачка с медвежонком, строй стрелецкий с барабанами и знаменами, коляска, шатрик с беседкой, меленка, шатрик, лошадка с мужичком».

Кроме того, в том же году куплено: две коляски да охотник со зверем; две птички с *пикулями* да птички ж в двух гнездах заморского дела; городок с походячею куклой, с конком да с собачкой, да городок же, да полукаретка; городок костяной с боляски, в том городке беседа кукол немецких потешных. В селе Преображенском куплено потешек: шатрик с конками, собачка походячая, немка, что толчет в ступе, две немочки с лоточками; городок потешный с беседками; коровка, три

пряжи, коляска, паникадило стеклянное, два
лампадца; мельница с толчеями, мельница с
коровками да с голубями, городок с беседкой,
что посередь городка вертится круг, каретка с
конями да с людьми; две потешные черепаш-
ки; корова, *Полкан-богатырь*, львы с птица-
ми, козелки бьются, две бабы пряжи; городок с
беседкой; башня с тремя беседками.

И. Е. Репин. Приезд царей Иоанна и Петра
Алексеевичей на Семеновский потешный

двор

В 1694 г. царевичу куплен потешный городок с башнями; костяного дела мастер иноземец Иван Ган сделал беседу потешных кукол, в середине столик; куплена беседка с попом; городок с полковником и с кузнецами; городок с коньками; кузнецы, коляска с немками; псарь с походячими собаками; костяная резная каретка; потешный городок с полком; потешная полатка с мельницей, в которой толкут порох, да кузнецы; роженица, ткаля, две пряжи, потешный городок с медведем, потешная родильница с чердаком, потешные секачи, что на колесе, беседка и мельница с жерновами.

В 1695 г. куплены царевичу потешки: Полкан, Бова-королевич, олень с роцей, лось с бараном, беседка свадебная, корова, две птицы, гриф, Сирин, пряжа с ткалей. В 1696 г. сделаны три потешных брусяных колодца, расписанных красками.

Качели на Святой и в летнее время, зимой *санки* и *салазки* при катании с гор сопровождали игры детей от малых и до больших лет.

В записках 1635 г. упоминается еще о *потешной своре*, которая была сделана из шелку для царевича Алексея Михайловича (6 лет) и которая заставляет думать, что царевич играл и в псовую охоту.

Любимой игрушкой были также *мячики*, появлявшиеся в детских потехах в очень раннее время. Для четырехмесячной царевны Ирины Михайловны 1627 г, 22 августа, из сафьянных лоскутьев было изготовлено семь мячиков с бубенчиками внутри. Но, конечно, с возрастом ребенка мячик становился особенно любимой игрушкой. Царь Алексей Михайлович четырех лет играл в мячики, а трехлетнему его сыну Симеону Алекс. в 1668 г. было сделано двадцать мячиков из гладкого бархата – алого, червчатого, зеленого, голубого; потом сделано еще 10 мячиков. Мячики сафьянные, бархатные и золотные и др. набивались хлопчатой бумагой и украшались серебряным или золоченым галуном; в середину их клали медные круглые колокольчики, т. е. бубенчики.

Царевичи тешились также спусканием *волчков* и *вертушек* и гоняли *кубари*. В 1676 г.

живописцу Ивану Салтанову было велено выписать красками потешные волчки для четырехлетнего царевича Петра Алексеевича.

Царевичу Алексею Петровичу на первом же году его рождения, для его забавы было сделано три волчка, один из немецкого дерева чипрасу, а два из клена, позолоченные и посеребренные. Для их спуску куплен шнур из шемаханского шелка с тремя петлями, концами и средниками и перевитым золотом. В 1696—1697 годах, когда царевичу был седьмой и восьмой год, в разное время живописцы позолотили и частично прикрыли киноварем 19 волчков, 23 вертушки и 39 кубарей.

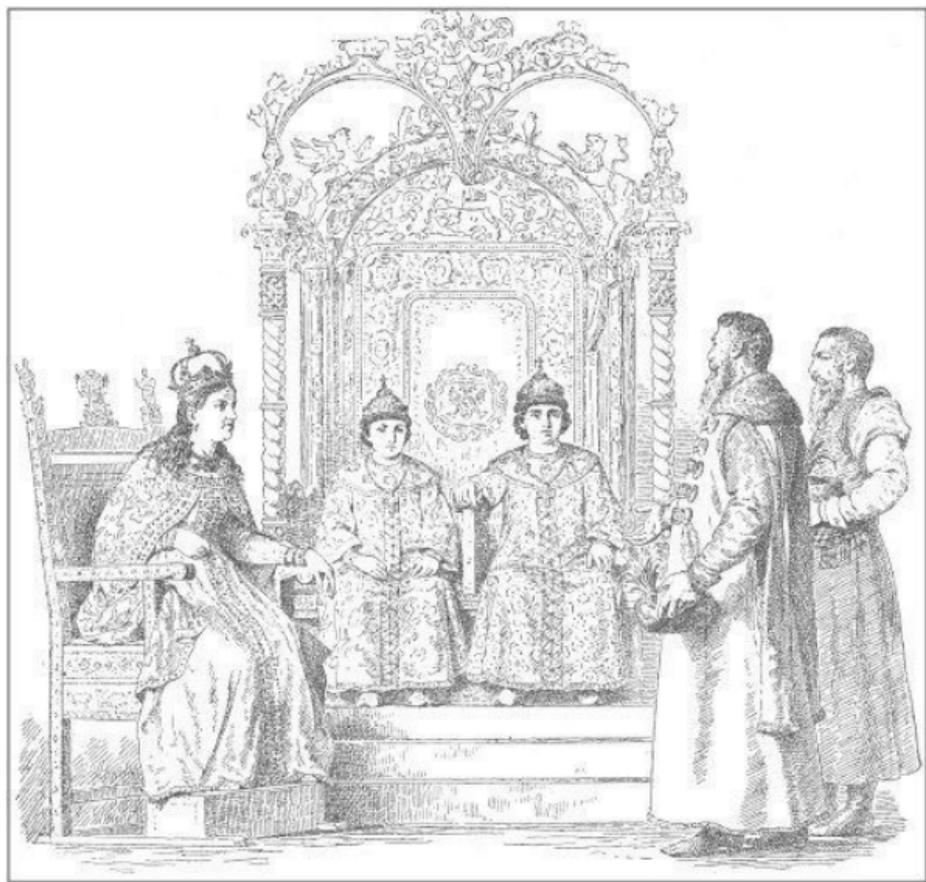
Из розыскного дела о смерти царевича Дмитрия Ивановича видно, что царевичи играли в *тычку*, или в *свайку*⁴⁵, через черту ножом или в кольцо. Царю Алексею Михайловичу, когда ему шел второй год, в 1630 г. в Серебряном ряду куплено три серебряные *свайки*. Царевич Федор Алексеевич десяти лет играл в *свайку* прорезную с кольцами, которая в то время была посеребрена.

В числе детских потешек были между прочим и *шахматы*, которые, по всей вероятно-

сти, не как глубокомысленная игра, а как игрушка кукольного отдела немало нравилась детям. У каждого царевича бывало несколько шахматных игр, и, кроме того, им часто делали и даже покупали в рядах новые. Делали шахматы из слоновой и из рыбьей (моржовые клыки) кости; шахматные доски расписывались красками, золотом и серебром, наводились золотом и костяные фигуры. На седьмом году царь Алексей Михайлович уже имел несколько шахматных игр. В 1636 г. в Овощном ряду ему куплены шахматы деревянные. Там же куплены шахматы костяные. В 1676 г. живописец Иван Салтанов расписывал красками, золотом и серебром шахматцы маленькие для четырехлетнего царевича Петра Алексеевича.

Для четырехлетнего царевича Алексея Петровича в 1694 г. было приказано сделать шахматные доски, длина и ширина по полуаршину, и расписать по серебру красками; на другой стороне написать птички. В 1696 г. ему же написаны по двойному золоту и серебру разными красками на доске, на одной стороне игра шахматная, а на другой тавлейная⁴⁶. В

1699 г. ему же писаны две доски – бирки да саки⁴⁷, да доска – гусиная⁴⁸ игра, на другой ее стороне саки. Таким образом, кроме шахмат, существовали еще однородные с ними игры: *тавлеи, бирки, саки (шашки?) и гусиная игра.* Бирки делались, также из слоновой кости, числом 30 и разделялись на черные и белые.

В. Верещагин. Цари Иоанн и Петр Алексеевичи

Рядом с шахматами и их сверстниками тавлеями, бирками, саками являются в детских игрушках и карты, немецкие, а также собственного изделия, простые и молотковые, которыми торговали в Овощном ряду. В 1633 г. там куплены четырехлетнему царевичу Алексею Михайловичу карты немецкие за 11 коп., ему же куплены карты молотковые за 5 коп. В 1674 г. тринадцатилетнему царевичу Федору Алексеевичу написана *потешная игра карты* по золоту цветными красками; писал иконник Никифор Бовыкин. Карты, следовательно, изготовлялись и дворцовыми мастерами. Для малолетних детей карты представляли своего рода картинки, поэтому были сравнимы с *потешными* писаными и печатными *листами*, т. е. с настоящими картинками, которые в детском быту появляются для потехи в одно время с картами. Царю Алексею Михайловичу, когда ему шел шестой год, куплены в 1634 г. в Овощном ряду *немецкие печатные листы*, а потом, через полгода, в

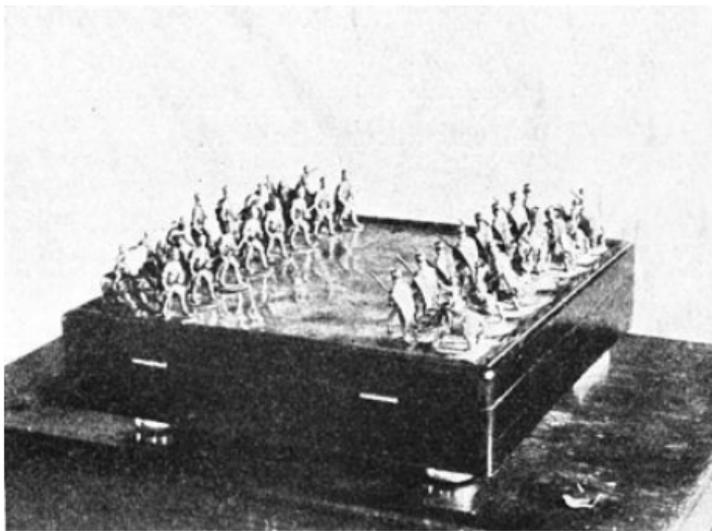
1635 г., в том же ряду еще куплено тридцать два листа писанных *немецких* и *русских* за 50 коп.

От картинок близок был переход и к потешным книгам, о которых будем говорить впоследствии [глава III]. Здесь же отметим, что в 1673 г, когда царевичу Петру Алексеевичу был год, шесть иконописцев писали ему в Набережных хоромах *потешную книгу*, которая 16 мая была переплетена.

Детские забавы не были лишены и разнообразных музыкальных инструментов. В 1634 г. царю Алексею Михайловичу, на пятом году, в Домерном ряду были куплены две *домры да рыле* за 66 коп. На тринадцатом году в Лапотном ряду ему для потехи куплен *гудок* за полтину. Гудок – скрипка; домра – род гитары.

Шахматы царя Михаила Федоровича

Быть может, это имя превратилось в имя *торбан*, инструмент того же склада со множеством струн. Рыле – лира, инструмент, похожий на скрипку, только вместо смычка используют колесо, находящееся посередине. Одной рукой крутят колесо и трогают им стру-

ны снизу, другой прижимают клавиши, на шейке инструмента (около десяти); каждый придавленный клавиш передает струне свой тон. Впрочем, играют и припевают на одну только ноту.

Это были, так сказать, своенародные музыкальные инструменты. Домра упоминается еще во времена Святослава Ярославича, в одиннадцатом столетии, при св. Феодосии Печерском. К этим инструментам мало-помалу стали прибавляться и западные немецкие инструменты с именами цымбал, клавикордов, органов и т. п.

В царском быту в XVII ст. подобные инстру-

менты в детских потехах стали появляться только в половине упомянутого столетия. В 1662 г. для царевича Алексея Алексеевича были посеребрены листовым серебром маленькие *органы*, а в 1666 г. царевичева шкатулка, что с *цынбальцы*, была украшена золотным кованым кружевом.

По-видимому, особенно любил такие инструменты царевич Федор Алексеевич. В числе игрушек у него были немцы, что стоят на деревянном черном ящике и играют, *цынбалы* в черном дереве, *цынбальцы* самогральные потешные, *клевикорты*. В 1675 г. *страментам* царевича сделан ящик аспидный зеленый, т. е. раскрашенный под мрамор. В том же году боярин Артемон Сергеевич Матвеев поднес царевичу в числе других даров «*клувикорты* да две охтавки», вероятно, хорошо зная любимую забаву царевича. В том же 1675 г. в Оружейной палате царевичу золотили, серебрили и писали красками потешные органы, тогда же сделанные.

В числе забав у двухлетнего царевича Петра Алексеевича в 1674 г. находим *клавикорды*, *цынбалы* немецкого дела, *цынбальцы* книж-

кой и потом, в 1675 г., *страменты* потешные со стальными иглами.

Детство царя Алексея Михайловича, по-видимому, совсем не знало таких заморских инструментов и удовлетворялось старинными народными инструментами, каковы были упомянуты (домры, рыле, гудки). В том же роде для царевича была устроена особая потеха *накреная*, состоявшая из *накр*, или бубен, которую разыгрывали сначала 18, а потом 19 молодых *накрачеев*, когда ребенку шел еще только четвертый год. В 1633 г. им всем были сшиты крашенинные лазоревые кафтаны на заячьих белых мехах, а также и суконные кафтаны из лазоревого и червленого сукна и, кроме того, шапки вишневого сукна и темно-вишневого с меховыми тульями и околышами. Лазоревый и синий цвет одежды составлял как бы установленный мундирный цвет для всех придворных потешников.

К. Вениг. Иван Грозный и его мамка. 1886 г.

По-видимому, с этой музыкой были связаны особые пляски и танцы по канатам, исполняемые для потехи царевича двумя его ме-

тальниками — плясунами-акробатами, о которых мы упоминали выше, по случаю изготовления им немецкого платья.

Подросшие царевичи *гоняли голубей*. В хоромах царевича Федора Алексеевича жил *попугай*, и особенно любимой его птицей были *канарейки*.

Игрушки и игры военного направления появлялись в детских забавах очень рано, быть может, и потому, что основным достоинством царского сана считалось значение царя как первого воина в государстве, державного воеводы – предводителя всей государственной рати. Поэтому и царевичи, как только входили в возраст, первым делом как бы освящались военным чином. Мы упоминали о заготовлении им потешных коней к их годовичному возрасту; обряд сажания на живого коня был в сущности воинский обряд, посвящавший ребенка в ратный чин.

Первой воинской игрушкой должно считать *барабан*, которым, несомненно, и начинались воинские потешки.

Барабан, конечно, был только звонкой первой игрушкой, за которой следовали и другие разнообразные игрушки: родня барабанам *набаты*, барабан же особого устройства с бубнами, и потом *пищали* (ружья), пистолы (пистолеты), карабины, сабли, палаши, кончары, топоры, копья на древках и т. п., а также и пушки, все деревянное, липовое или кленовое, расписанное красками, сусальным золотом и

серебром. В числе воеводских знаков были булавы, шестоперы, топорки, буздуканы. У царевича Федора Алексеевича в 1667 г. было три *алебарды*.

Затем с особенной утехой и малолетние и подростки царевичи стреляли из луков. Из подростки царевичей (от 10 лет) с необычайным пристрастием стрелянию из луков предавался царевич Алексей Алексеевич, а также, в меньшей мере, и царевич Федор Алексеевич, как это видимо из заготовления им во множестве луков и стрел.

Лучная потеха состояла из саадака, именем которого обозначалось *лубье* или *налучь* – футляр (футляр) для *лука* и *колчан* – футляр для стрел. Сам колчан тоже именовался саадаком. Лук состоял из *кибиты*, всегда украшенной росписью красок с золотом с различными изображениями (орлики, птички, травы), и из тетивы, шелковой просто или шелковой золотной. Колчан наполнялся стрелами, состоявшими из древка и копья; копья по своей форме носили различные названия, каковы были томары, срезни, свисты, северги. Они делались из слоновой или рыбьей кости,

бывали также серебряные золоченые. К древку внизу прикреплялось перо орлиное белохвостое или простое черное из орловых крыльев, но всегда перо орлиное, которое добывалось в степных местностях, где водились орлы.

Длина лука измерялась по кибити *емями* (сколько схватит рука).

Потешная стрельба из луков занимала не только детей, но и государя, и окружавших его комнатных людей большого возраста. В 1634 г., в ноябре, царь Михаил Федорович

«был в селе Покровском и выезжал на поле тешиться, и государевы комнатные государя тешили, стреляли из луков и из пистолей по шапке задворного конюха Степанка Карпова и шапку его истреляли, за что государь пожаловал ему новую шапку – вершок суконный вишневы, тулья с лапами лисьими, окол соболий».

Такие потехи в то время бывали обычным делом для царского увеселения. Так потешались со своими стольниками и малолетние царевичи. Но вместо шапок, т. е. случайных

целей, у них использовались обычные крестьянские *колпаки*. Так, в 1674 г., июня 29-го, куплено четыре колпака полстяные белые (из войлока) по 10 коп. и посланы в Воробьево царевичу Федору Алексеевичу и стольникам тешиться из луков. Царевич Алексей Алексеевич выезжал со стольниками для потешной стрельбы из луков чаще всего в Преображенское и Покровское, а царевич Федор Алексеевич на Воробьевы горы, где, недалеко от дворца, был даже *Потешный луг*. За ними возили их детскую оружейную казну, т. е. луки, стрелы, колпаки и пр.

Переходим к игрушкам и играм малолетних царевен. Само собой разумеется, что многие игрушки и некоторые игры бывали у царевен те же, что и у царевичей, каковы, например, *мячики*, различные деревянные *птички*, *барашки*, *козлики*, *собачки*, *кошки*, *коники*, *мужички* и т. п., игрушки музыкальные: *домры*, *цымбалы*, *накры*, затем неотменные *качели* и *санки*.. Мячики появлялись у царевен очень рано. В 1627 г, 22 августа, когда царевне Ирине Михайловне исполнилось

только четыре месяца, для нее было изготовлено семь сафьяновых мячиков с бубенчиками внутри. Тогда же ей сделана потеха из 12 колокольчиков: девки по литаврам бьют.

А. П. Рябушкин

Русские женщины XVII столетия в церкви.
1899 г.

В 1650 г. десятимесячной царевне Евдокии Алексеевне куплено яблочко медное потешное *цынбальное*.

Но если у царевичей больше других игрушек и игр было игрушек и игр военных, то у царевен главнейшими и самыми любимыми игрушками были *куклы* – игрушки мирного домашнего распорядка жизни с подробностями бытовых женских и, так сказать, семейных дел. Игры с воинскими игрушками выводили ребенка прямо в поле, где он становился уже настоящим стрелком из лука или пушкарем, стреляя из деревянной пушки. Игры в *куклы*, напротив, сосредоточивали всю деятельность ребенка около домашнего очага, восстанавливая перед ним весь круг домашней жизни, вводили в дом.

Для кукольной игры трехлетней царевне Ирине Михайловне в 1630 г. была устроена *накрена* потеха, состоявшая из бубенчиков. В 1633 г. у трехлетней царевны Анны Михайловны находилась *шкатулка* на четырех ножках с *цынбалами*; а для семилетней царевны Ирины Михайловны в 1634 г. в Домерном ряду куплено за 49 коп. шесть *домерь* потеш-

ных. Когда царевне Ирине шел уже четырнадцатый год, царица подарила ей «цынбалы невелики, деланы в дереве черном, теремчаты, немецкое дело; наверху сделано три мужичка, немец да две немочки».

В числе различных предметов детской потехи время от времени появлялись и картинки, по большей части немецкие, вероятно, гравюры, а также и писанные, т. е. акварели. В 1632 г., февр. 8-го, пятилетней царевне Ирине Михайловне в Овощном ряду куплено двадцать листов бумаги немецкой писаной, по копейке лист. В 1634 г., 16 июня, в том же Овощном ряду куплено на 60 коп. немецких *печатных* листов, часть которых взята в хоромы пятилетнему царевичу Алексею Михайловичу, а другая часть – в хоромы к царевнам. В 1644 г., 8 июня, куплен немецкий лист для наклейки в коробочку царевны Анны Михайловны, которой в это время было уже 14 лет. Это одно из первых указаний того обычая, какой существует и до сих пор, – наклеивать в ларцах, коробьях и сундуках внутри на кровлях подобные же листы.

От потешных писанных листов незаметен

был переход и к *потешным книгам*. Известия об этом мы имеем от 1664 г., когда 3 марта печатного дела наборщик и переплетчик книг Федор Исаев переплел в хоромы царевнам меньшим (дочерям царя Алексея Михайловича) четыре потешные книги, по обрезу позолотил, на что употреблено 50 листов золота. В 1668 г., 20 декабря, иконописец Федор Матвеев писал потешную книгу в хоромы им же, царевнам меньшим.

Глава III

Начальное учение

Начальное учение в царском быту.— Общий состав древней русской грамотности и первоначального обучения.— Выбор учителя.— Буквари; их состав и способ обучения чтению.— Азбуки скорописные, или прописи; их состав.— Церковное пение.— Учительные картинки.— Книги царственные.— Живописная История.— Книги потешные.— «Живописная энциклопедия» и сказки и повести — Свободные искусства или науки.— Описи царских библиотек.

Грамотность появилась в Древней Руси вместе с водворением Христовой Веры. Очень естественно, что для новой, только что возникшей паствы прежде всего необходимы были наставники веры, священно- и церковнослужители, для которых грамотность представляла одно из необходимейших и важнейших условий.

Само собой разумеется, что требования

только что возникшей церкви определяли для зарождавшегося духовного чина, илисловия, и сам состав образования или, вернее сказать, грамотности. Для первых наставников из иностранцев достаточно было и одного умения читать, после чего они уже прямо переходили к изучению церковной службы, главной цели их призвания и вместе с тем образования. Таким образом, состав нашей древнейшей грамотности, по необходимости, ограничивался только книгами Св. Писания и преимущественно церковно-служебными, потом духовными словами, т. е. поучениями и некоторыми другими творениями отцов церкви. Одним словом, книжное учение означало учение книг церковно-служебных и вообще учение Священного Писания. Этот церковно-служебный характер нашей древней грамотности яснее всего отразился в самом составе первоначального обучения, а именно – в обучении чтению, где за букварем следовал Часослов и потом Псалтырь – венец древнего словесного учения и полного курса первоначальной науки.

Вечерня, Заутреня, Часы, Псалтырь, Апо-

стол, ектинии – вот что необходимо было в то время для всякого вступавшего в духовный чин. Впоследствии этот состав обучения не изменился и не принял в себя никаких новых, а тем более посторонних предметов. Без сомнения, этому много способствовала, особенно в древнейшее время, постоянная нужда нашей Церкви в грамотных служителях, нужда, которая, само собой разумеется, не могла благоприятствовать более полному развитию нашего древнего образования и оставляла его в тесных границах самых первых, необходимых своих требований.

Из этого видно, что главная забота высшего духовенства состояла не в том, чтоб распространить, увеличить объем книжного обучения, а, по возможности, сохранить в должном порядке то, что уже существовало как необходимое. Некоторые обычаи первоначального обучения, как, например, приношение каши и гривны денег мастеру, т. е. учителю, когда начинали учить Часовник, т. е. вечерню, заутреню, часы и т. д., сохранились на юге России и до нашего времени⁴⁹.

Впоследствии грамотность в этом первоначальном

чальном составе от духовенства стала постепенно переходить в народ, в круг гражданского образования. И здесь она водворилась с тем же характером догматизма, непреложности и, как нечто неприкосновенное, свято сохранялась в течение семи столетий.

До преобразований Петра Великого эта грамотность, в своем неизменном первобытном составе, была распространена по всем условиям; была общенародной и везде единообразной: дети первостепенного боярина обучались точно так же и по тем же самым книгам, как и дети простолюдина; то же самое, хотя и в большей полноте, встречаем и в царском быту.

Выбор учителей падал почти всегда на подьячих или дьяков⁵⁰; в то время они, конечно, были лучшими учителями чтения и лучшими каллиграфами. Так, учителем царя Алексея Михайловича был дьяк Василий Прокофьев, а учителем Петра Великого – Никита Зотов; и тот и другой сначала были подьячими. Чистописанию учили обычно подьячие Посольского приказа, в котором процветала тогда наша старинная, весьма искусная и весь-

ма вычурная, каллиграфия. Царя Алексея Михайловича учил писать подьячий Посольского приказа Григорий Львов, а царя Федора Алексеевича – подьячий же Панфил Тимофеев.

Учение началось, разумеется, с азбук, которые до XVII ст. были рукописные. Сохранившиеся во множестве азбуки каллиграфические, или собственно прописи, без сомнения, во всем отличались от букварей. В XVII ст. появились у нас азбуки или буквари печатные. До сих пор самой первой по времени издания может считаться азбука, изданная в 1634 г. Василием Бурцевым и переделанная им, может быть, из грамматики, или собственно азбуки, изданной в Вильне в 1621 г. Год издания этого букваря совпадает с тем временем, в которое царевич Алексей Михайлович, достигнув пятилетнего возраста, начал учиться грамоте; можно с большой вероятностью предполагать, что первоначальное обучение царевича было одной из побудительных причин к изданию этого букваря. Он напечатан в малую восьмушку, малой детской книжкой, крупным четким шрифтом в одиннадцать

строк на странице. Известно также, что годом раньше дедушка царевича, патриарх Филарет Никитич, благословил его, в 1633 году, вероятно, при самом начале учения, «азбукой, большая печать, на столбце – указ, сверху речь золочена». Судя по выражению «на столбце», можно думать, что эта азбука была напечатана на одном листке, столбцом, и содержала в себе только буквы и склады. Другое известие, 1642 г. указывает на подобную же или на ту самую азбуку большой печати, которая была не на столбце, а книгой, потому что ее в это время переплетали.

«Библия Русская». *Фронтиспис. Прага. Ф. Скорина, 1517 г.*

Как бы то ни было, все это еще библиографический вопрос, и мы пока должны остановиться на азбуке Бурцева, как более известной. Здесь мы рассмотрим второе ее издание, вышедшее в 1637 г.

В предисловии эта азбука названа «Листвицею к изучению Часовника, Псалтыри и прочих Божественных книг». Сам состав этой азбуки вполне соответствует религиозному

направлению нашей древней грамотности. Поэтому и само заглавие собственно к азбуке, т. е. пред началом букв, выражено здесь в сле-

дующих весьма знаменательных словах:

«Начальное учение человеком, хотящим разумети Божественного Писания».

Предисловие азбуки заключается стихотворным обращением к детям:

Вы же, младые отрочата, слышите и разумеите и зрите сего:

Сия зримая малая книжица,
По реченному, – алфавитица,
Напечатана бысть по царскому
велению
Вам, младым детем, к научению.
Ты же, благоумное отроча, сему
внимай
И от нижния степени на вышнюю
восступай,
И не леностне и не нерадиве учи-
ся
И дидаскала (учителя) своего все-
гда блюдися...»

После разных учительных наставлений стихотворение снова обращается к детям и говорит:

Первие начинается вам от дидас-

кала сей зримый аз,
Потом и на прочая пойдет вам
указ.

Следует заглавие: «Начальное учение человеком, хотящим разумети Божественного Писания. За молитв Пречистыя Ти Матере и всех Святых Твоих, Господи Исусе Христе Сыне Божий, помилуй нас. Аминь.

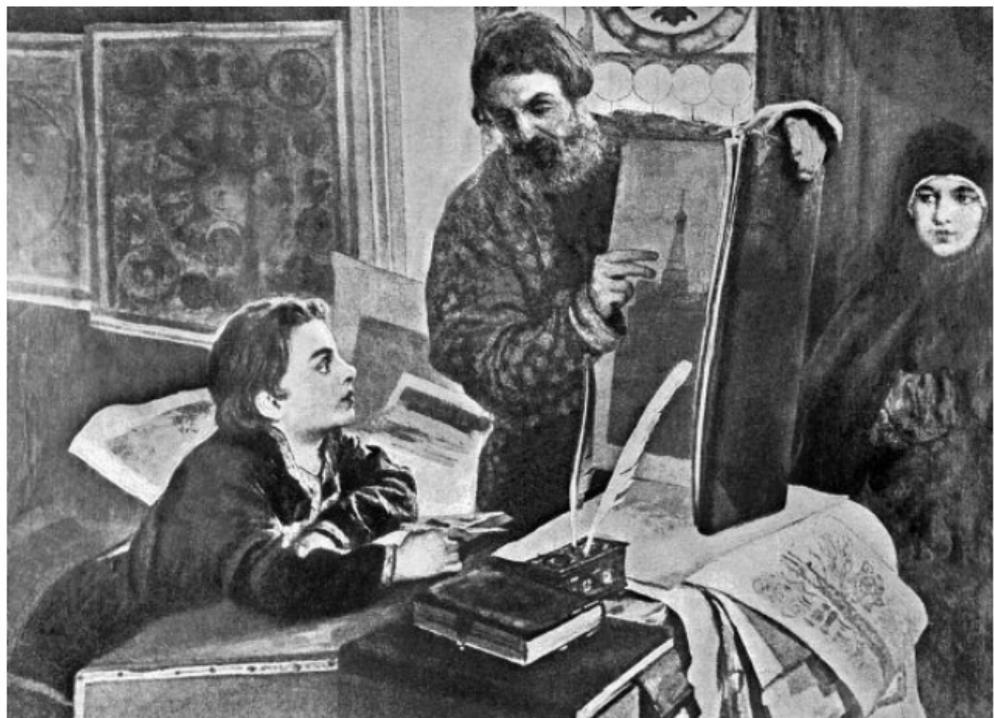
Затем следуют буквы по единицам, т. е. отдельно каждая, а за ними – склады двосложные, тресложные и четверосложные: ба, ва, га, да; бла, вла, гла, дла; бру, вру, гру, дру и т. п. Потом читаются самые названия букв, славянские цифры – числа до 10000, знаки надстрочные и знаки препинания, также с их названиями; далее расположены по алфавиту образцы изменения глаголов, глаголы и имена, сходные по начертанию, но различные по смыслу, который получают они от ударения; склонения имен, преимущественно тех, которые в церковном языке пишутся под титлами. Потом следует азбука толковая, т. е. изречения, относящиеся к учению и жизни Христа Спасителя, расположенные в алфавите по своим начальным буквам. Так, буква *а* начи-

нается текстом ««аз есмь всему миру свет» и проч.

После толковой азбуки помещены заповеди и другие статьи, составляющие краткое катехизическое учение о вере, за которыми следуют выписки из Св. Писания, притчи и наставление Товии своему сыну. Азбука оканчивается сказанием, ««како св. Кирилл Философ состави азбуку», и послесловием, где означено и время издания азбуки.

Другая редакция азбуки, напечатанной в 1679 году в Верхней, то есть Дворцовой типографии, имеет многие отличия от этой, первой. Вначале, после так называемого выхода, т. е. обозначения времени издания книги, и после стихотворного предисловия, в ней находятся ««благословения отроков во училище учиться священным писаниям идущим», т. е. молитвы, которые давались иереем в начале учения и после которых, по выражению букваря, «отходить с миром отроча во училище; иерей же восвояси».

К. В. Лебедев. Царевич Петр Алексеевич и дьяк Зотов

Потом, после букв, складов и имен под титлами в алфавите: ангел, ангельский, архангел, архангельский и т. д. следуют опять молитвы: «Царю Небесный», «Отче наш», псалом «Помилуй мя, Боже, Слава в вышних Богу», «Символ Веры» и проч. Далее «Беседа о православной вере, краткими вопросы и ответы удобнейшего ради познания, детям христианским: странный вопрошает, православный же отвечает»; десять заповедей и прочие катехизические статьи, о которых мы

упоминали выше.

Молитвы: от сна восстав, утренняя, пред обедом, по обеде, пред вечерею, по вечери и на ночь. Далее знаки ударения и препина- ния, опять молитва ко Пресвятой Богородице, числа и, наконец, приветствия к родителю и к благодетелю на Рождество Христово, Богояв- ление, Воскресение, Сошествие Св. Духа и на новое лето. Букварь оканчивается увещанием в стихах о пользе наказания.

Кроме того, при этой редакции букваря на- ходится «Измарагд, или Стоглав о Вере» св. Геннадия, патриарха Константинопольского, состоящий из ста параграфов катехизическо- го содержания, и «Тестамент, или Завет Васи- лия, царя греческого, к сыну его, Льву Филосо- фу», со стихотворным увещанием к читате- лю и с послесловием, под заглавием «Типо- графом избранное».

Таков состав наших древних печатных букварей.

Концевая полоса из Острожского «Буква- ря»

И. Федорова. 1578 г. Фрагмент

Брѣ вѣрѣ грѣ дрѣ жрѣ
Зрѣ крѣ лрѣ мрѣ
нрѣ прѣ ррѣ срѣ
трѣ фрѣ хрѣ
црѣ чрѣ
шрѣ
щрѣ

Характер древней педагогики был таков, что нельзя было выучиться читать, не выучив вместе с тем наизусть и всего содержания азбуки; этому особенно способствовало непрерывное повторение задов, без твердого знания которых нельзя было и заглянуть вперед, в новую страницу. Учение происходило обычно вслух и нараспев, как следовало читать во время церковной службы, что также может свидетельствовать, что первоначальной целью книжного учения было собственно приготовление церковнослужителей. Да и

вообще, и в самом гражданском быту церковные книги в то время иначе и не читались, как нараспев, с соблюдением всех особенных тонических ударений.

Тот же характер преподавания с твердым заучиванием наизусть переходил с азбуки на Часовник и потом на Псалтырь. Дети обычно так выучивали эти книги, что могли свободно читать их наизусть.

При таком характере древней педагогики, без сомнения, выучиться грамоте было не совсем легко: это был такой сухой и тяжелый труд, о котором в настоящее время едва ли можно составить надлежащее понятие. Старинная грамота являлась детям не снисходительной и любящею няней, как теперь, в возможной простоте и доступности, с полным вниманием к детским силам, а являлась она сухим и суровым дидаскалом, с книгой и указкой в одной руке и с розгой в другой⁵¹.

В старинной педагогике наказание вообще признавали неразлучным спутником науки. Азбука Бурцева начинается даже изображением «Училища», где один из учеников стоит на коленях пред строгим дидаскалом, кото-

Само собой разумеется, что в царском быту такая увещательная розга едва ли когда появлялась в комнатах ребенка, хотя нельзя отрицать, может быть, очень редких, случаев если не употребления розги, то назидательного вселения грозящего страха перед ней.

Соберем здесь случайные отрывочные сведения, в каком возрасте и в каком составе и порядке происходило начальное обучение малолетних царевичей и царевен.

Учителем царевича Алексея Михайловича был подьячий, потом дьяк Василий Прокофьев, который в 1635 г., 6 сентября, получил пару соболей по 8 руб. за то, что царевич начал учить Часовник. Царевичу в это время было шесть с половиной лет. Пожалование соболями указывает, с одной стороны, начало учения Часовника и с другой – окончание учения азбуки, так что эта награда получена собственно за азбуку, так как следующая награда, 21 февр. того же года, 10 аршин атласа червчатого и пара соболей, получена учителем через пять с небольшим месяцев за то, что царевич начал учить Псалтырь, и, следо-

вательно, еще и за то, что окончил учение по Часовнику.

Далее, 28 мая, через три с небольшим месяца, учитель получил 10 аршин камки червчатой за то, что царевич начал учить Апостольское Деяние, а следовательно, и за то, что окончил учение по Псалтырю. Все это обозначает, что царевич очень хорошо и скоро усвоил себе способы чтения упомянутых книг, т. е. выучился отлично читать книги.

Выше упомянуто, что царевич приступил к учению (чтению) по Часовнику шести с половиной лет, окончив в это время азбуку. Но когда начиналось учение с азбуки? На основании не совсем определенного свидетельства Котошихина возможно заключить, что это учение начиналось с пятилетнего возраста. Не должно полагать, что изучение азбуки, т. е. самых способов чтения, проходило так же скоро, как совсем уже усвоенное беспрепятственное чтение Часовника, Псалтыря и других книг. Древняя азбука в то время долбилась в течение долгого времени. Ее осиливали с великим трудом, и для малюток это занятие могло продолжаться целый год, если при

этом устанавливалось (как могло быть в царском быту) и бережение ребенка от излишнего утомления.

Царевич Алексей Михайлович познакомился с азбукой, когда ему было пять лет и два месяца.

Азбука появлялась, конечно, не точь-в-точь, день в день, в пятилетний возраст, а раньше или позже, но, во всяком случае, этот возраст, по-видимому, был определенным временем для начала учения.

Дед царевича Алексея Михайловича, патриарх Филарет Никитич, еще в 1633 г., когда царевичу было всего четыре года, благословил внука азбукой

«большая печать, у азбуки на столбце указ, сверху речь золочена».

Начальное обучение царевен велось в том же порядке и в таком же объеме, но только с той разницей, что их обучали женщины, учительницы-мастерицы, как их именовали по примеру учителей-мужчин, называвшихся также мастерами. Учительницы состояли в дворцовом штате царицы и получали в год по

окладу жалованья по восьми рублей и кормовых по шести денег на день.

Царевны, по-видимому, начинали учиться грамоте с шестилетнего возраста и при том неотменно с пророка Наума⁵², первого декабря. Так, царевна Анна Михайловна «села грамоте учиться» 1 декабря 1636 г., когда ей было шесть лет 4 месяца. Государь по этому случаю пожаловал дочери своей портище богатого атласа. Около того же возраста начала учиться грамоте и царевна Татьяна Михайловна. Ее учительницей-мастерицей была вдова Марья, которая 22 ноября 1642 г., когда царевне исполнилось 6 лет и 10 месяцев, получила от царицы полку убрусную, т. е. так называемый убрус, или полотно для покрытия головы. Можно полагать, что это пожалование дано было уже за некоторые успехи в обучении царевны. 1643 г., 2 февраля, она получила от царицы полотно тройное, также, вероятно, за успехи в учении.

Дальнейший ход обучения виден из случайных записей по обучению царевны Ирины Михайловны. В 1636 г, когда царевне было уже девять лет, тоже декабря 1-го, ей было

скроено на Псалтырь футляр из сукна багреца червчатого. На другой год, 30 сентября, такой же футляр был скроен на Апостол царевны. Следовательно, к учению по Апостолу приступали уже в одиннадцать лет.

В казне царевны, по переписи 1649 г., хранились три ее Псалтыри и Часовник.

В конце XVII ст. (1675—1691) в штате царицы учительницами состояли Варвара Льгова и Федора Петрова, вдова Тимофея Волкова, которая учила и царевну Наталью Алексеевну. 1683 г., марта 25-го, между прочим ей было назначено хлебное жалованье: ржи и овса по 10 четвертей на год.

Фронтиспис первоначальной Псалтыри с изображением царя Давида.

Москва. А. Невежа. 1568 г.

В то время, когда проходили этот курс словесного учения, дети, обычно лет семи или восьми, садились учиться писать. Скорописные азбуки, которые служили в этом случае руководством, были писаны всегда столбцом, свитком из нескольких склеенных листков. В их состав входили сначала прописные и

строчные буквы, выписанные с особенным тщанием и искусством, с разными вычурными украшениями; каждая буква, для обозна-

чения различных почерков, писалась во множестве образцов, начиная с самых больших и заканчивая самыми маленькими. Каждый ряд букв начинался вычурной и нередко весьма красивой заставкой, т. е. большой прописной буквой, в которой травы и узоры переплетались с изображениями птиц и зверей. В некоторых азбуках помещалась также азбука толковая, т. е. разные изречения и апофегмы⁵³, расположенные в алфавите по начальным буквам, но содержанием своим эта азбука совершенно отличается от толковой азбуки, находящейся в Букваре Василия Бурцева, в которой все изречения относятся только к учению и жизни Спасителя. Здесь же эти апофегмы касаются вообще нравоучения. Так, читаем:

под буквой ж – «Желаем христиане спастися, желаем и неправду делать»; *под буквой ф* – «Фараоновых творений не чини., и других на то не учи»; *под буквой х* – «Храни свещу твою от ветру, сирень душу от лености»; *под буквой ш* – «Шатания и плясания диавольского удаляйся; плясание бо уподобися смертному убивству»; *под буквой кси* – «Ксанф и философ быд, а у раба своего

Есопа в посрамлении много находил-ся» и пр.

После букв следовали прописи и склады; под этим заглавием помещены также некоторые апофегмы и даже загадки, собственно книжные.

Статья эта начиналась всегда следующей молитвой: «За молитв святых отец наших, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас. Аминь. За молитв Пречистые Твоя Матери и всех святых Твоих, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас, аминь. По милости Божией и великих святителей Петра и Алексия и Ионы и Филиппа Киевских и Московских и всея Руси чудотворцев».

Потом следовали прописи и склады, изречения и загадки, то именно, что мы теперь называем вообще прописями.

- 1. Не ищи, человече, мудрости, ищи прежде кротости; аще обрящещи кротость, тогда познаешь и мудрость.*
- 2. Не тот милостив, кто всегда милостыню творит; тот милостив, кто никого не обидит и зла за зло никому не воздает.*

3. Стоит море на пяти столпах. Царь речет: потеха моя, а царица речет: погибель моя. Царь есть тело, а царица – душа.
4. Стоит град пуст, а около его куст. Идет старец, несет ставец, а в ставце взварец, в взварце перец, в перце горечь, в горечи сладость, в сладости радость, в радости смерть.
5. Стоит град на пути, а пути к нему нить, идет посол нем, несет грамоту неписаную, а дает читать неученому.
6. Стоит человек в воде по горло, пить просит, а напиться не может.
7. Когда синица орла одолеет, тогда безумные ума научатся.
8. Аще кто хочет много знати, тому подобает мало спати, а мастеру угождати.
9. Человече Божий, бойся Бога, стоит смерть у порога, труба и коса ждет смертного часа, zde колико не ликовать, а по смерти гроба не миновать.
10. Виноград зелен несладок, млад человек умом некрепок.
11. Кто тя может убежати, смертный час...

Впоследствии, кроме этих прописей, в аз-

бучках стали помещать апокрифическую «беседу трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого» в вопросах и ответах и особую статью «Каким образом писать к кому письма», содержащую, впрочем, одни только титулы писем к патриарху, к митрополиту, к боярину, к отцу родному и пр.; но в одной скорописи мы нашли и форму письма, которая служит образцом наших старинных писем.

Вообще нужно заметить, что состав древних скорописей, или прописей, был весьма разнообразен и вполне зависел от усмотрения своего составителя; что ему было любо, то самое он и вносил в свою азбуку-пропись. В этом отношении весьма любопытна азбука, в которой каллиграф, вместо общеупотребительных, сам сочинил прописи, наполнив их рассуждениями о самом же себе.

В таком или подобном этому составе скорописные азбуки служили общим и единственным руководством в обучении писать не только в XVII столетии, но даже и после преобразования, особенно в первой половине XVIII столетия. С этого времени к ним стали

присовокуплять еще арифметичное учение, т. е. таблицу умножения и четыре правила арифметики; в некоторых встречаются, кроме того, немецкие вокабулы, писанные русскими буквами, например: Бог – Гот, Бог Отец – Гот Фатер и т. д.

«Книга об избрании на Российское царство Михаила Романова».

Скоропись, XVII в.

Были, впрочем, скорописные азбуки и других составов. Таков, например, «Букварь славенороссийских писмен уставных и скорописных, греческих же, латинских и полских, со образованием вещей и со нравоучительными стихами» – сочиненный в 7199 (1691) г. иеромонахом и царские типографии справщиком (корректором) Карионом Истоминым и посвященный царице Наталье Кирилловне для обучения ее внука, царевича Алексея Петровича. Кроме букв, писанных разными почерками, в этой азбуке «под всяким писменем... предложены виды (рисунки) во удобное звание в складе: да что видит, сие и назовет слогом писмене достолепного начертания тех.

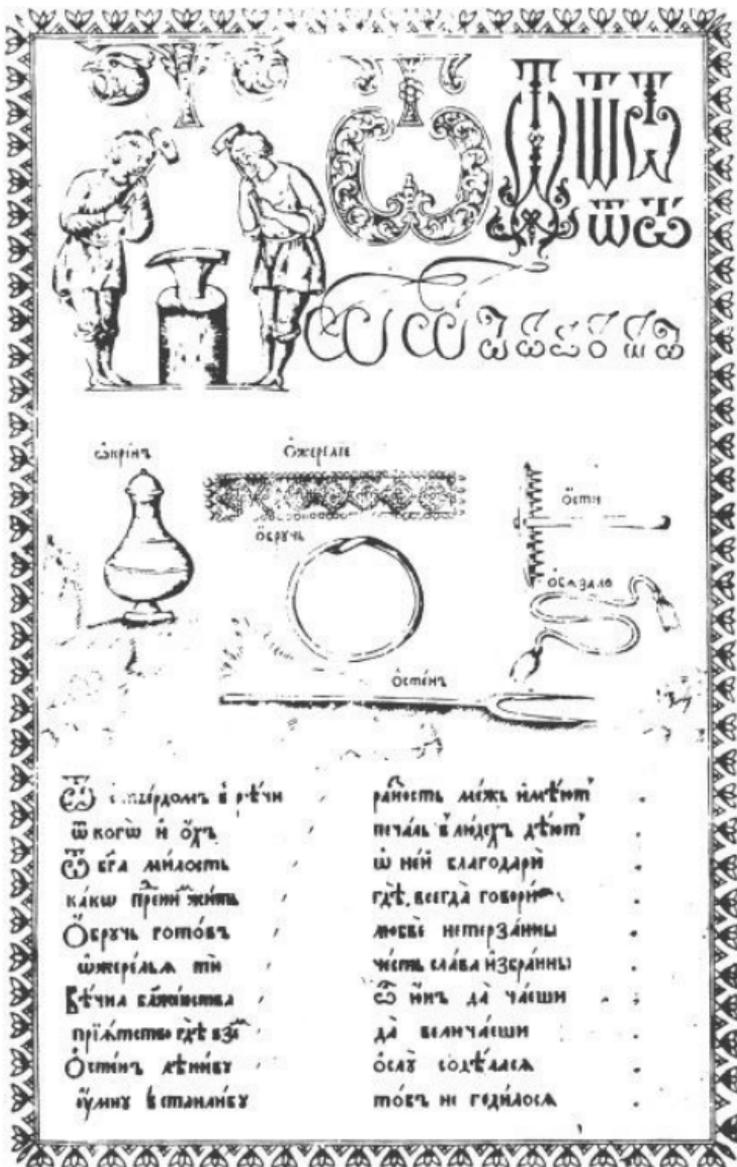

Яко: А – Адам, алектор (петух), Афродита (звезда), аспид (дракон); Б – брань, брада, бич» и т. п.; а под этими изображениями помещены

нравоучительные стихи, большей частью относящиеся к изображенным предметам. Стихи эти были собственно прописями. Например, под буквой *Б* изображены: брань, или война, баран, буйвол, бритва, брада, барабан, бедро, бич; внизу помещены стихи.

Карион Истомин. «Букварь в лицах». *Гравюра А. Бунина. Москва, 1694 г.*

«Букварь» Кариона Истомина отличается от других старинных букварей и тем еще, что он писан книгой, а не столбцом, как большей частью стали писать скорописные азбуки уже в XVIII столетии. Но замечательнейший памятник нашей древней каллиграфии – скорописная азбука в столбце, длиной несколько аршин. Она относится к концу XVII столетия; все каллиграфическое искусство этого времени представляется здесь в такой полноте и в таком разнообразии, что едва ли где можно встретить подобный памятник в этом роде. Вначале идут великолепнейшие заставки, или заставки. Среди узоров этих заставиц, в кругах, написаны вязью разные речи и вначале заглавие азбуки – «Буквица Словенска».

Вторая половина азбуки включает в себе заставные, прописные и строчные буквы, напи-

санные весьма красиво и с разными вычурными украшениями.

Азбука эта – собственно пропись, не представляющая ничего целого в отношении содержания, подобно азбукам, описанным нами выше. Здесь единственно только для прописи выбраны речи, отрывки или просто слова. Самое заглавие по этому случаю в ней повторено, для упражнения, три раза:

«Буквица Словенска, Буквица языка Словенска, Азбука Словенска, хотящим разумети истинного слогу».

Вообще эта замечательная азбука – труд по преимуществу каллиграфический, не имеющих никаких других педагогических целей; труд, который заслуживает полного любопытства по своему исполнению. Составитель, употребивший много времени и много труда на все эти заставицы, вязи, связи и буквы, мог справедливо закончить свою азбуку следующими словами:

«Аще горести не вкусити, то и конечные сладости не видати».

Конечно, сладость есть сладость конца

упорной, тяжелой работы. Древние наши писцы весьма часто оканчивали свои рукописи подобными же строками:

«А как рад заяц, из тенет избегши, а птица – из кляпци излетев, тако рад писец, списав сию книгу» – *восклицали они, оканчивая последнюю строку своего труда: «Силно есмь рад, коли кончая строку последнюю!».*

В царском быту скорописные азбуки всегда украшались с большим великолепием красками и золотом. Так был украшен упомянутый выше «Букварь» Кариона Истомина, поднесенный им, как мы говорили, первоначально царице Наталии Кирилловне для ее внука, царевича Алексея Петровича, а потом, в другом экземпляре, – царице Парасковии Федоровне, для ее дочерей. У царевича Ивана Михайловича, умершего в 1639 г., была также азбука велика на столбцах (пропись), писана золотом с красками.

Кроме чтения и письма, в состав первоначального обучения входило также и церковное пение. Царь Алексей Михайлович на

восьмом году «начал учить *Охтой*, Октоих или Осмогласник, заключающий в себе вседневные церковные службы, а на десятом году *страшное пенье*, т. е. стихи и песни Страстной седмицы. Его учили певчие дьяки Лука Иванов, Иван Семионов, Михаил Осипов. В казне царевича хранились, кроме того, *стихирали* и *Триоди* знаменные, т. е. церковной службы песни и стихиры, писанные под знамя, под крюками, или крюковыми нотами. Эти стихирали и Триоди царевич, без сомнения, также разучивал или, по-старому, распевал при помощи певчих дьяков. Известно также, что Петр Великий особенно любил церковное пение, которому учился, без сомнения, в отроческих летах. В Оружейной палате и теперь еще сохраняется несколько нотных книг, по которым государь певал в дворцовых церквах, на клиросе.

Вот полный курс начального обучения, существовавший у наших предков до начала XVIII столетия. Он заключал в себе, как мы видели: 1) словесное, т. е. чтение, 2) письмо и 3) пение – и был распространен в совершенном единообразии по всем сословиям Московско-

го государства, начиная с грамотного земледельца и восходя к первому боярину и самому царю.

Дальнейшее учение и образование в гражданском быту не составляло уже существенной, неизбежной потребности и принадлежало, так сказать, к роскоши; поэтому оно не имело еще ничего определенного и всегда условливалось большей или меньшей любознательностью лица, которое, не удовлетворяясь первоначальным курсом книжного учения, само уж избирало тот или другой путь своего самообразования, те или другие книги для удовлетворения своей любознательности. Впрочем, в царском быту описанное начальное обучение было пополняемо другими предметами, имевшими чисто гражданский и притом практический характер. Дети государя, проходя описанный курс учения, в то же время, и даже еще раньше, ознакомились посредством картинок с отечественной историей и со многими предметами повседневной жизни, т. е. с полезными занятиями селянина, ремесленника, промышленника и проч., как увидим ниже. Вообще нужно заме-

тить, что увеселение детей, а потом и обучение посредством картинок было весьма обыкновенным приемом нашей древней педагогики и составляло лучшую и единственную ее сторону, которая своим практическим, действительным смыслом выкупала всю односторонность и все недостатки остальной науки. Такой метод, как известно, был употреблен и в первоначальном обучении Петра Великого.

Ему не было еще и полного года от рождения (11 месяцев), когда в 1673 г., с 10 по 13 мая, 6 человек костромских иконописцев уже спешно готовили малютке потешную книгу, т. е. сборник картинок. Иконописцы употребили на работу 18 дней.

В царском быту обучение картинками имело свой правильный состав; оно заключалось в царственных и потешных книгах. Отечественную историю дети узнавали из царственных книг, которые содержали в себе изложение отечественных летописей, составленное преимущественно для картинок и украшенное ими во множестве, так что сам текст царственных книг в сущности состав-

для только подписи к рисованным изображениям. Все это, как «Книга Царственная», служило превосходным руководством для детей, которые по картинкам наглядно изучали русскую историю, знакомились с замечательными событиями нашей древности.

К этому же отделу живописных книг должно отнести и некоторые сочинения духовного и церковно-исторического содержания, которые также великолепно украшались картинками, без сомнения, для назидательного чтения как детям, так и взрослым.

В 1663 г. двухлетнему царевичу Федору Алексеевичу была написана книга,

«а в ней писаны жития Алексея Человека Божия, да Марии Египетский, да житие царевича Иосафа в лицах, в десть».

По счету в этой книге написано девяносто мест жития святых в лицах. Через два года, в 1665 г. (сентября 18-го), эта книга от употребления малолетним царевичем пришла в беспорядок, почему государь указал, «перебрав», переплесть ее снова и доски оболочь вновь бархатом червчатым, причем упомянуто, что

та книга царевича Федора Алексеевича, которому в это время было четыре года. Любопытное свидетельство, показывающее, как рано дети знакомились с картинками и чем, какими изображениями начиналось усвоение этих изображений детскому смыслу. Царевич Федор Алексеевич двух-четырех лет уже знакомился с лицами житий свв. Алексия и Марии, тезоименитых его отцу и матери, и мог следить за лицами царевича Иоасафа.

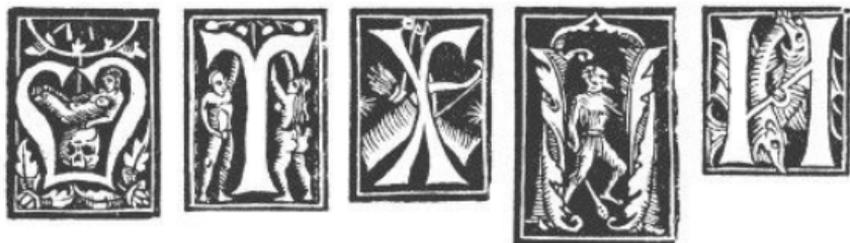
В числе книг первоначального чтения находим также и библейские притчи. Так в 1693 г. иконописец Тихон Иванов писал для трехлетнего царевича Алексея Петровича в тетрадах, в полдести, наспех —

«О притчах из Библии царя Давида и о Вирсавии да о Едеме сладости».

Но еще более любопытны так называемые Книги Потешные, которые были двух родов⁵⁴.

Так, одни потешные книги представляли нечто похожее на «Живописную энциклопедию». Из этих книг малолетние царевичи почерпали простые, но в высшей степени полезные сведения о самых простых, ежедневных

предметах, даже о таких, которые, может быть, не всегда могли бы и встретиться им в жизни. Например, о том, как пашут, боронуют, сеют, жнут, как месят и в печь сажают хлебы, и т. п. Разумеется, дух тогдашнего образования отражался и здесь и вносил в эти книги, вместе с изображениями мирского человека и мирской девицы, разные басни и рассказы о чудесах, которые почерпались из древних космографий.

Инициалы из «Библии». Прага. Ф. Скорина. 1517 г.

Описание одной такой книги, приготовленной для одиннадцатилетнего сына царя Алексея Михайловича, царевича Алексея Алексеевича, есть не что иное, как официальная роспись тех предметов, которые должны

были составить «Потешную Книгу» и приготовление которых было распределено по этой росписи между несколькими иконописцами, с обозначением, кому именно и что писать:

«Орла пластоново⁵⁵ в клейме.

Прапорщик (с) знаменем пеший
Барабанщик и другой.. 2 трубача.

Пеший с протазаном. 2 с мушкетами.

С большим знаменем пеший Барабанщик. Трубач. Два с протазанами. Два с мушкетами. Два с топорками.

Два с копьями. Два пушку тащат. Два со списками. Два с мушкетами долгими.

Два пушку огненку тащат.

На коне (с) значком. На коне с литаврами. На коне трубачи.. На конях с карабинами. На конях с копьями. На конях в латах.

Коньми пушку тащат долгую. Коньми пушку тащат верховую огненку. Пешие идут с рычагами. Плетут шанец⁵⁶. Землю копают. Осыпь делают.

Город над рекой Под городом люди..

Па.сут кони. Пасут коровы. Воду носят. Воду возят.

Озеро с рыбами. На озере рыбу ловят.

На берегу рыбу пекут. Варят яства. За столом сидят, обедают. С кубками стоят...

Птица Сирин. Птица гамаюн. Птица строфокамил. Птица попугай зеленый. Птица сокол. Птица ястреб.

Птица лебедь. Гусь. Журавль. Лебеди на озере. Утята на озере. Избы под деревьями.

Зверь лев. Единорог. Гриф. Львица.

Слон. Вепреслон. Медведь. Волк.

Лисица и заяц. Собака меденская. Собака гончая. Собачки малые. Векши на дереве. Обезьяны..

Крокодил. Ехидна. Василиск. Змий полз. Черепаха. Еж зверок – под деревьями.

Бобр. Соболь. Еж большой – под деревьями. Елень. Лось. Козы дикие.

Рыба кит-. Рыба белуга. Зверь морж
Зверь медведь белой
Человек морской.
Девушка люрская.

Корабль на море. С корабля из пушки стреляют. Рыбу бьют большую. Рыбу ловят большую. Из моря глядят морские звери. Нерпы бьют..

Бочки делают. В бочки сало льют. На возы кладут. Люди кита секут. В реке

жемчуг ищут. Раковины на берегу перебирают, жемчуг смотрят.

Крокодил свинью ест привязанную. Крокодила бьют. Крокодилу бревно в челюсти кладут...

В карете едут. В рыдване едут. В телеге едут-

Сняв шапку, в кафтане стоит. Сняв шапку, в однорядке стоит. В епанче стоит. В шапках.

В фerezее стоит. В турецком кафтане стоит.

Немчин в шляпе. Немчин в епанче без шляпы. Немчин на пушке. Немчин с мушкетом...

Псарь собак ведет. Псарь собак кормит в корыте. Собаки волка травят. Мужики волка бьют цепам-и.

Птица пава. Курица и петух индейские.

Петух русской и курица. Свиньи в корыте едят, пастух глядит.

Сено косят. Сено возят. Пашут землю. Боронуют землю. Сеют хлеб. Жнут хлеб.

Возят рожь в снопах. На овине сушат хлеб. Молотят хлеб. Из вороху веют хлеб. В мешках в житницу носят хлеб.

Мельница на реке. Мельница ветряная. В жернова человек мелет. Месит хлебы. В печь сажает хлебы. Раздает людям хлебы. Нищим дает милостыню.

Дети учатся грамоте. Дети пред мастером стоят. Дети мастеру кланяются. Дети за столом едят. Дети в саду гуляют. Дети яблоки и виноград щиплют. Дети в карете едут. Дети в рыдване едут. Дети на конях. Дети пеши бегут от зверя. Дети в телеге едут. Дети круг катают».

Здесь мы отчасти можем угадать и намерение древней педагогики – наглядно познакомить ребенка с теми предметами, знание которых ему было нужнее в жизни, нежели знание множества бесплодных апофегм и изречений.

«Сказание о Мамаевом побоище». *Рукопись, XVII в.*

Поэтому она сначала представляет рисунки военного быта с его подробностями, которые распространяются даже до того, «как пле-

Пѣвнѣ вѣрѣа колѣтѣ еѣ прѣзѣннѣ
 вѣсѣрнѣтѣ вѣо дѣнѣ дѣнѣ Пѣвнѣ
 вѣтѣнѣ дѣнѣ Пѣвнѣнѣ

Кнѣзѣ мѣлннѣ дѣнѣнѣ вѣнѣнѣ дѣнѣнѣ
 вѣнѣнѣ дѣнѣнѣ мѣнѣ дѣнѣнѣ дѣнѣнѣ
 Пѣвнѣнѣ Пѣвнѣнѣнѣ дѣнѣнѣнѣ вѣнѣнѣ
 дѣнѣнѣнѣ вѣнѣнѣнѣ

Пѣвнѣнѣ дѣнѣнѣ Пѣвнѣнѣнѣ дѣнѣнѣ
 вѣнѣнѣнѣнѣ дѣнѣнѣнѣ дѣнѣнѣнѣ

тут шанец, осыпь делают» и пр. Затем она переходит к городу и указывает некоторые предметы гражданского быта и птичью охоту, за которой идет ряд изображений птиц и зверей, замечательных в естественном отношении или полезных в быту человеческом. Потом изображается море с кораблями и китовым промыслом, река и ловля жемчугу и, наконец, судна военные, дающие понятие о флоте. Далее следует этнографический отдел, в котором, однако ж, большая часть рисунков составлена, может быть, только для изображения нарядов или одежды. В картинках, помещенных после этого отдела, представлена звериная и псовая охота. Книга заключается изображениями, относящимися к сельскому хозяйству, и статьею о детях, их учении и забавах.

Подобным же образом, хотя и сокращеннее, составлялись и другие потешные книги этого разряда.

Над этими потешными книгами, изготовленными, как мы уже сказали, для царевича Алексея Алексеевича, трудились, т. е. рисовали, расписывали их красками и украшали зо-

лотом, жалованные и кормовые иконописцы Симон Ушаков, Степан Резанец, Федор Евтихеев с товарищами, всего семнадцать человек. Под каждой статьею они подписывали также уставом, добрым мастерством речи, то есть объяснения изображенных предметов, что и составляло текст этой древней живописной детской энциклопедии. Нужно упомянуть также, что большая часть рисунков в этих книгах заимствована была, без сомнения, из упомянутых выше немецких и фряжских печатных листов или гравюр, которые также назывались потешными.

Другого рода потешные книги имели целью доставить детям легкое и интересное чтение, поэтому сюда входили разные истории и повести, известные под именем сказок; повести эти были писаны почти всегда в лицах, т. е. с картинками. Образцами их могут служить так называемые лубочные сказки. Едва ли не все эти сказки были в XVII ст. потешными книгами и составляли в царском быту одно из самых обыкновенных развлечений не только для детей, но и для взрослых.

В конце XVII и большей частью в начале

XVIII столетия эти потешные книги, украшенные рисунками, написанные уставом, стали гравировать на медных досках.

Совершенно неизвестно, входили ли в состав первоначального образования грамматика, счетная, или цифирная, мудрость, называвшаяся также арифмословием, всеобщая история (в хронографах), география (в космографиях) и иностранные языки.

По свидетельству иностранцев, науки не были приняты в этом составе и в царском быту, т. е., в первоначальном образовании царских детей⁵⁷.

Есть, впрочем, данные, по которым можем заключать, что при царе Алексее Михайловиче и иностранные языки, и некоторые из свободных наук не были изъяты из первоначального образования его сыновей. Примером служит царевич Алексей Алексеевич, подававший блестящие надежды и так рано похищенный смертью. Он умер шестнадцати лет. Имея отличные дарования, он, по свидетельству современников, с особенной любовью занимался книжным учением, чему, без сомнения, много способствовало и то, что дядькой

его был Федор Михайлович Ртищев, любитель и покровитель просвещения в тогдaшнее время, который, «прилежным своим к государю царевичу служением, наипаче себе изнури, бодрствуя, и смотря и поучая его благочестно». Обучение [царевича Алексея Алексеевича] впервые в Московском дворце велось по системе тогдашней школьной науки, а именно – путем учения как на славянском, так на латинском и греческом языках.

В числе книг, принадлежавших библиотеке царевича [Алексея Алексеевича], мы находим, кроме многих книг духовного содержания, грамматики печатные и письменные, лексиконы, между которыми один славянский с греческим, а другой латинский со славянским, потом сто тридцать семь книг на разных иноземных языках, книгу Аристотелеву, книгу «Монархия», Собрание патриарха Никона (может быть, Летопись?), книгу цифирную (арифметику), книгу размерную (геометрию), одиннадцать книг – описание земель, т. е. книг географических, четырнадцать листов – описание разных земель (ландкарты), два яблоки – описание земли

(глобусы) и проч. Если не все из этих книг были употреблены в первоначальном обучении царевича, то, во всяком случае, они могут свидетельствовать, что именно назначалось для его дальнейшего образования, которое с этого времени становилось обширнее или, по крайней мере, полнее, нежели как было в начале XVII столетия, а именно при обучении царя Алексея Михайловича, в отроческой библиотеке которого, кроме духовных книг, встречаем только славянскую грамматику, лексикон и письменную космографию.

Глава IV

Детские годы Петра Великого

Родины и крестины царевича Петра Алексеича. – Первые заботы и распоряжения касательно младенца. – Игрушки и игры царевича. – Игрушки и игры воинские. – Книжное учение. – Потехи воинские. – Случаи из детской жизни Петра.

Петр родился тридцатого или «против» тридцатого мая 1672 года, в четверток, на память Исаакия Далматского, в отдачу часов ночных, т. е. на исход ночи или, по другим известиям, в шестом часу ночи, также за полтретья часа до дня, что по теперешнему счету будет означать час пополуночи⁵⁸.

Соблюдая тогдашние обычаи и порядки быта, царь Алексей Михайлович в тот же час указал послать с вестью к боярам, окольниковым и ближним людям, а также и к гостям. О посылке к митрополиту (тогда было междупатриаршество) и духовным властям совре-

менные записки не говорят ни слова; но известно, что повестка посылалась не только к ним, но даже и во все важнейшие московские монастыри, и особенно к Троице в Сергиев. От царицы также посылались с вестью, или, как тогда говорили, со здоровьем к женам бояр, окольников и ближних людей, вообще к боярыням приезжим, так называвшимся в отличие от дворовых боярынь, которые жили во дворце.

Во втором часу дня или в пять утра заблаговестили в большой успенский колокол к молебну. В это время все уже было готово к царскому торжественному выходу. В сопровождении грузинского, касимовского и сибирских царевичей, бояр, окольников, думных и ближних людей, стольников, стряпчих и дворян, полковников солдатских выборных и стрелецких полков государь шествовал в Успенский собор, где и было совершено молебствие. После молебна митрополит Питирим со властями, 3 митрополитами, 3 архиепископами и 1 епископом и со всем собором поздравил государя с новорожденным. Затем поздравляли царевичи, боярство и всяких чи-

нов люди, бывшие на выходе, причем грузинский царевич Николай Давыдович, стоявший во главе синклита, произнес обычную поздравительную речь. Из Успенского собора государь шествовал в собор Архангельский, потом в монастыри Чудов и Вознесенский и, на возвратном пути, в собор Благовещенский, где и совершал обычное богомолье⁵⁹.

Возвратившись во дворец, государь в Столовой палате пожаловал из думных дворян в окольные отца царицы, Кирилла Полуектовича Нарышкина, и своего друга Сергеевича – Артемона Матвеева. В тот же день пожалованы были в думные дворяне дядя царицы, Федор Полуектович Нарышкин, Авраам Никитич Лопухин и московский ловчий Афанасий Иванович Матюшкин. Отслушав потом обедню, государь, по случаю общей радости, справил в Передней и обычное родинное угощение водкой, винами и разными сладостями. Принесено было питье, яблоки, дули, груши и другие «овощи» в патоке, в ковшах. Из собственных рук государь подавал водку и фряжские вина боярам, окольным, думным людям, дьякам и полковникам стрелецким; го-

ловам и полуполковникам стрелецким и солдатским подносил водку перед Переднею в сенях боярин и оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово. Все справлено было по обычаю, и не подавали только коврижек и взвару, необходимых принадлежностей этого угощения, которых подача, как увидим, была отложена до другого времени.

По порядку вскоре следовало дать во дворце родинный стол; но через три дня по рождении младенца наступил Петров пост; в воскресенье праздновали день Всех Святых и было заговенье.— Приготовиться так скоро, в два дня, к большому торжественному столу было невозможно и для дворцового хозяйства, и для гостей, потому что к родинному столу гости, по коренному обычаю, должны были явиться с дарами для новорожденного. Нельзя однако же было отлагать на долгое время веселое пиршество. 2 июня, в воскресенье, в самое заговенье, государь дал приватный стол одному боярству с дьяками, без зову и без мест. Стол накрыт был в Золотой Царицыной палате. В числе яств важнейшее место занимали здесь коврижки и взвар: «Великий

Государь жаловал всех водкой, а заедали коврижками, яблоками, дулями, инбирем, смоквой, сукатом в патоке и иными овощами; а как начали есть, наперед носили взвар в ковшах». В то же время перед палатой, в проходных сенях, кормлены Благовещенского собора священники, которые служат у *крестов*, т. е. в царских моленных комнатах. Этим небольшим столом и заключились предварительные торжества.

Наконец, настал Петров день, в который праздновались именины новорожденного и назначены были крестины. Крестины были совершены в Чудовом монастыре, у Алексия Чудотворца в трапезе, перед обеднею, в 3 часа дня. Крестил духовник царя, Благовещенский протопоп Андрей Саввинович. Восприемниками были старший брат Петра – царевич Федор Алексеевич и тетка – царевна Ирина Михайловна. Когда несли новорожденного в церковь, то по пути кропил святой водой дворцовый рождественский священник Никита, весьма уважаемый в то время за святость жизни.

На другой день, 30 июня, также в воскресе-

нье, после обедни, во дворце собрались духовенство «с образы и с дары», боярство, гости, выборные Гостиной, Суконной и черных сотен и Конюшенных слобод и из городов от посадских, также с родинными дарами. Родинный стол был дан в Грановитой палате в этот же день. От других столов родинные столы отличались невероятным количеством подаваемых гостям всякого рода сахаров, пряников, и «овощей», вареных и сушеных. Между ними самое видное место занимали и служили украшением царского пира огромные коврижки и литые сахарные фигуры птиц, зданий и т. д. Большая коврижка изображала герб Московского государства. Два сахарных орла весили каждый по полтора пуда, лебедь два пуда, утя полпуда, попугай полпуда и т. п. Был сделан также и сахарный город Кремль с людьми, с конными и с пешими, и другой город – четвероугольный с пушками (крепость).

В то же время и царица давала родинный стол боярыням в своей Золотой палате. Из сахаров и «овощей», поданных ей за стол, коврижка большая изображала герб государства Казанского; орлы, лебедь, утя и другие птицы

были того же веса, как за столом царским. Был здесь также город сахарный треугольный с цветами, две полатки и кровать сахарная. Каждый из гостей получал по большому блюду с разнообразными сахарами: зеренчатыми, леденцами и конфетками, сушеными ягодами, корицею, арбузными и дынными полосами и проч. Количество сахаров и разных заедок соразмерялось, впрочем, со степенью значения каждого из гостей. Младшие члены пира, т. е. люди низших разрядов, получали меньше высших. Это были обычные родинные подарки в то время. Они раздавались гостям после стола, и каждый уносил гостинцы с царского пира домой. Тем из знатных, которые почему-либо не могли быть на пиру, сахара посылались обычно на дом. Таким же образом через четыре дня, июля 4-го, справлен был и крестинный стол, которым и заключились придворные торжества по случаю царских родин.

Теперь остановимся на первых заботах и распоряжениях касательно самого младенца. К сожалению, сведения наши об этом предме-

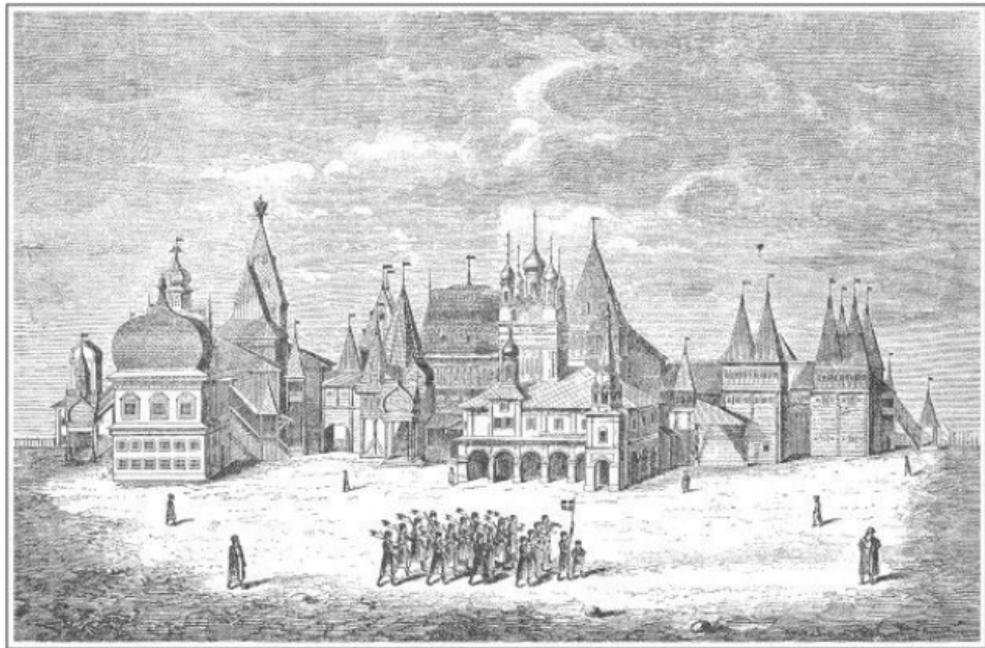
те, по свойству доступных нам материалов, будут по преимуществу касаться одной только внешней стороны воспитательных забот того времени. Но соберем и эти скудные и сухие крупицы, может быть, и они не будут бесполезны при изучении детских лет Великого Преобразователя.

Одно из первых распоряжений в отношении новорожденного касалось дела благочестивого и душеполезного. С дитяти снимали меру – долготу и широту, и в эту меру на кипарисной или липовой деке писали икону тезоименитого его Ангела. На третий день по рождении Петра, 1 июня, царь Алексей Михайлович именным указом повелел писать меру сына искуснейшему в то время иконописцу Симону Ушакову. На кипарисной доске, длиной одиннадцати, а шириной трех вершков, Ушаков назнаменил образ Живоначальные Троицы и апостола Петра и успел написать только одни ризы иконных изображений до лиц, потом заскорбел, сделался болен. Лица дописывал не менее искусный иконописец Федор Козлов. Эта мера рождения доселе сохраняется над гробом Императора.

Но само собой разумеется, что многое из забот о новорожденном предшествовало еще самым родинам. Выбор мамы, например, решался, конечно, гораздо прежде. Наготове были и все распоряжения по выбору кормилицы – «жены доброй и чистой и млеком сладостной и здоровой». В мамы Петру назначена была сначала княгиня Ульяна Ивановна Голицына, а потом боярыня Матрена Романовна Левонтьева; кормилицей была Ненила Ерофеева, из какого чина, неизвестно. Неизвестно также, из какого чина была приемная, или приимальная бабка, повитуха, восприимавшая из недр матери святославного ребенка. Известно только ее имя – Авдотья.

Коломенский дворец в XVII в., место предполагаемого рождения Петра Великого

Нужно заметить, что детская колыбель и детская одежда отличались царским богатством и были далеки от той простоты, какую можно предполагать, судя по простоте самых вкусов тогдашнего общества; те же ценные золотные ткани, дорогие меха и т. п. являлись и у детской колыбели. Так, через год (1673),

именно к Петрову дню, к именинам царевича, ему устроена новая колыбель из турецкого золотого бархата, подбитая хлопчатой бумагой, на тафтяной рудо-желтой подкладке; ремни обшиты бархатом червчатым виницейским; яблока у пялец обшиты обьярью⁶⁰, по серебряной земле «травы золоты с шелки разными». Колыбель и перинки делались каждый год, по мере того как подрастал ребенок.

Достигнув года, царевич Петр ходил уже в полном тогдашнем наряде, отличавшемся

обычным в царском быту богатством. У него была шапка, унизанная жемчугом с каменьями; шапка бархатная червчатая с собольим околлом; несколько пар обнизных башмаков; богатый опашень⁶¹ с нашивкой и кружевом, унизанным гурмыцким⁶² жемчугом (597 зерен), и с 6 изумрудными пуговицами на золотых спнях или закрепках; ферезея, описанная прежде, более десяти кафтанов шелковых и золотных и т. д. Гардероб его с каждым годом или, точнее, с каждым месяцем, получал приращение и разнообразился новыми предметами тогдашнего костюма. В ноябре 1673 г. а царевичу сшит нагрудник из червчатого атласа с тремя серебряными вызолоченными и украшенными финифтью пуговицами; сшита чуга (род кафтана) из алого атласа на собольем меху с 12 золочеными пуговицами и с серебряным кружевом; скроены теплые рукавицы из камки двоеличной, шелк ал да желт, на собольем меху, и обито судно червчатым атласом с серебряным галуном.

Сначала гардероб Петра хранился в Государевой Мастерской палате, т. е. в гардеробной его отца, а потом брата – царя Федора. Через

два года по рождении ему были выстроены отдельные хоромы, в которых полы, частью стены, оконные рамы покрыты были сукном червчатым анбурским и багрецом. Таким же сукном был покрыт и стол. Они были построены, по-видимому, над царицыными хоромами над переднею да над четвертой и над сторонею и названы верхними новыми хоромами.

Тогда еще вместо стекол в рамах или оконницах употребляли слюду, следовательно, из слюды же были сделаны и оконницы в хороммах Петра. В марте 1676 г.а поручено было искуснейшему живописцу того времени Ивану Салтанову написать в хоромы царевича оконницу:

«в кругу орла, по углам травы, по слюде; а написать так, чтоб из хоромм сквозе видно было, а с надворья в хороммы, чтоб не видно было».

Здесь высказалась та мысль древнего воспитания в царском быту, в силу которой дети бережно скрывались от посторонних глаз: царевичи лет до 13, а царевны – на всю жизнь.

Ребенок обладал цветущим здоровьем и

крепким сложением. На это указывает, между прочим, и то обстоятельство, что чрез полгода он начинал уже ходить. В половине декабря 1672 г. сделаны ему ходячие, или походячие, кресла, на колесах, обитые на хлопчатой бумаге червчатым атласом с серебряным галуном⁶³.

Когда в 1673 г. царевичу Петру Алексеевичу исполнился год, ему стали готовить деревянного потешного коня или потешную лошадку. Знаменитый в то время резного деревянного дела мастер старец Ипполит вырезал полную фигуру коня из липового дерева, купленного за 20 алтын. Судя по уборам коня, должно полагать, что его величина соответствовала возрасту царевича, который мог на него садиться. Конь был оболочен (обтянут) жеребьячьей выделанной белой кожей, и, чтоб от кожи сыростью не пахло, она была вымазана коришным маслом, купленным в аптеке. Конь был поставлен на четыре железных прорезных луженых колеса. На коня изготовлено седло из голого жиленого дерева, обитое по местам сафьяном красным по войлоку из белой полсти с употреблением медных гвоз-

дей для прибавки крылец, подпруг и приступ. По верхним местам седло было обито серебряными гвоздиками (пошло 40), на подпруги и приступы сделаны 2 пряжки и 2 наконечника, тоже серебряные.

1 октября 1673 г. сделано несколько мелких игрушек, против сахарных образцов (т. е. конфект), – звери, львы, лошади, пушки. В ноябре устроен потешный стулец на железных колесах, на котором царевич катался в хоромах. В феврале 1674 г. органист Симон Гутовский сделал царевичу *клевикорды* – струны медные. В то же время он чинил царевичу цынбалы немецкого дела и купил для этого римскую струну длиной два аршина. В августе он делал еще цынбалы и страменцы. В декабре к празднику Рождества царевичу были подарены цынбальца книжкой в сафьянном алом переплете с золотым наводом, с застежками из серебряного с шелками галуна. В течение этого и следующего года цынбальца и страменцы довольно часто дочинивались. 1675 г., в мае, к страменцам потешным для починки было куплено 204 стальных иглы. В апреле 1674 г., на Святой, царевичу устроили

В хоромах качель, на веревках, обшитых червчатым бархатом. Качели на Святой были обычным увеселением в тогдашнем обществе, а потому и забавы царевича не могли отставать от обычных порядков жизни, и ему сделали качель. Так точно зимой он катался с гор в потешных санях. Летом, еще двухлетнего, его возили в потешной каретке, которая сделана 9 июля 1674 г. В 1675 г., в мае, боярин Артемон Сергеевич Матвеев ударил челом царевичу Петру: «карету маленькую, а в ней четыре возника (лошадки) темно-карие, а на возниках шлеи бархатные, пряжки вызолочены, начелники, и гривы и нахвостники шитые, а круг кареты – рези вызолочены, а на ней 4 яблока вызолочены да вместо железа, круг колес, медь вызолочено, да круг кареты стекла хрустальные, а на стеклах писано цари и короли всех земель; в той карете убито бархатом жарким, а в ней рези, а круг кареты бахромы золотные. Два *виноходца* рыжа, попона аксамитная, а на ней муштук немецкой с яшмы, начелки и нагривки и нахвостник шиты; да снегиря немецкого». В этой самой каретке царевич следовал в царском торже-

ственном выезде в Троицкий поход 19 сентября того ж года. Очевидец этого выезда, Лизек, пишет, что вслед за поездом царя показался, из других ворот дворца, поезд царицы. Впереди ехал Иван Грибоедов с двумястами скороходов, за ними вели двенадцать рослых, белых как снег лошадей из-под царицыной кареты, обвязанных шелковыми сутками. Потом следовала маленькая, вся испещренная золотом карета младшего князя, в четыре лошадки пигмейной породы; по бокам шли четыре карлика, и такой же сзади верхом на крохотном коньке (вероятно, на иноходце, подаренном Матвеевым)⁶⁴.

Летом, в июле 1675 г., Петру была построена потешная деревянная баба во всем наряде, в кике, унизированной с камением и с пелепелы и с рясы, серьги и ожерелье низаное с камением ж, зарукавье низаное с камением ж в летнике и шубке. Тогда же взято в Серебряном ряду у торгового человека Ивана Федорова:

«ящик с малыми сосудцы серебряными, и в том числе паликадило, стол, два шандана стенных, два шандана столовых витых, кресла, ловеник (кув-

шин), солонка, перешница, рукомойник, росольник с крышкой, четыре блюда, четыре тарелки, три ложки». В тот же день те малые сосудцы Матвеев внес к государю, а потом они внесены были к царевичу Петру. В 1676 г. к Святой неделе велено живописцу Ивану Салтанову расписать для царевича красками: «гнездо голубей, гнездо ракушек, гнездо кинареек, гнездо щеглят, гнездо чижей, гнездо боранов, а у борашков сделать, чтоб была будто шерсть по ним суцая».

Сделаем хронологическое обозрение встретившихся нам указаний о воинских потешках, которые в разное время были изготовлены царевичу Петру в течение первых семи или восьми лет.

В 1674 г., 20 июня, куплено царевичу вместе с братом Иваном Алексеевичем в Саадашном ряду девять-лучков жильничков, по 20 коп. за лучок, да восемь гнезд северег (род стрел), по 4 коп. за гнездо. Заметим, что в это время Петру было только два года, а Ивану восемь лет...

1675 г., 22 мая, барабанщик Прокоф. Ереме-

ев чинил в хоромы царевичу барабаны... 25 ноября живописец Дорофей Ермолаев золотил сусальным золотом (50 листов) потешную пушечку со станком и с колесцами в село Преображенское, в хоромы царевичу... 1 декабря сделаны шахматные маленькие доски и вызолочен лук в потешное лубье...

1676 г., марта с 1 числа по 1 апреля, ста-ношного дела мастер Андрюшка Васильев работал царевичам потешное «ружье: пистолы, карабины, пищали винтованны, замки и стволы деревянные и с ложами»...

1677 г., 11 июля, скроены потешные полы, в киндяках желтом, лазоревом, червчатом, вероятно, к маленьким шатрам...

1678 г., марта 11-го, скроено потешное знамя в дорогах осиновых яских да в червчатых кармазиновых...

1679 г., 15 мая, стрельник Василий Емельянов сделал шесть гнезд (стрел) северег и томаров к шести лучкам недомерочкам жильничкам и выкрасил их шафраном; а лучник Алешка Кондратов делал к тем лучкам тети-вы... 30 ноября сабельного дела придельщики Прохор Иванов с товарищи делали царевичу

Петру из клена и из липы потешные сабли, полоши и кончары и топорки, а станочного дела мастер Андрей Васильев делал из липы пару пистолей да пару карабинов потешные. 9 декабря иконописец Тимофей Резанец писал царевичу Петру всякие потешные игры. 22 декабря живописец Дорофей Ермолаев писал красками два топорка, булаву, шестопер, пистоль, карабин, потешные деревянные...

Петр с самых ранних лет был окружен товарищами-ровесниками. Количество потешных знамен, прапорцов, барабанцов и т. п. показывает, что все это заготовлялось на целый маленький полк. Ровесники-робятки были спальники, стольники, карлики, составлявшие обычный детский штат каждого из царевичей и разделявшие с ним детские игры. За исключением карликов, они набирались из детей бояр и особенно из родственников царицы, близких или дальних, которых она выбирала к себе в стольники и тем приближала ко двору свое родство.

Вот имена некоторых из спальников и стольников, находившихся в числе «робяток» при Петре в первое время: На-

рышкины – Лев, Мартемьян, Федор Кирилловы; Василий, Андрей, Семен Федоровы; Кирила Алексеев, Иван Иванов; Гаврила Головкин, сын постельничего Ивана Семеновича Головкина; Автамон Головин, Андрей Матвеев, князь Андрей

Михайлович Черкасский, князь Василий Лаврентьевич Мещерский, князь Иван Данилович Великого-Гагин, князь Иван Иванович Голицын, Иван Родионович Стрешнев; кроме того – Григорий Федорович Балакирев, справлявший должность стряпчего у крюка; карлы: Никита Гаврилов Комар, Василий Родионов, Иван и Емельян Кондратьевы.

На четвертом году царевич является уже полковником, полк набран был из более старших, чем он, и назван его именем – Петров полк. Военное дело требует строгого порядка, строгой точности и отчетливости в поступках и действиях, строгого подчинения общему строю дела, – одним словом, требует всего того, что воспитывает, укрепляет и укореняет чувство долга. Можно с достоверностью полагать, что все это в отношении воспитания де-

тей в царском быту было совершенной новостью во дворце царя Алексея Михайловича. Известно, что и прежде царевичи потешались воинскими играми, и до этого времени они, может быть, начальствовали маленькой ратью из спальников и стольников, но тем не менее в этом, собственно царедворческом, полку они все-таки оставались царевичами. Между малолетней ратью и ими существовало всегда огромное расстояние, которое не представляло ни одной точки, где бы возможно было уравнивание отношений царственного ребенка с детьми царедворцев. Мы видели, что игры Петра начались с того же; ему набраны для забавы дети царедворцев.

Новый полк, сформированный по правилам дисциплины, был шагом вперед, и шагом весьма важным по своим последствиям. Трехлетний полковник, являясь с полковым рапортом к государю-отцу, мог ясно представлять себе, что он уже не только царевич-сын, но и простой солдат, несущий свои обязанности, службу, долг. Таким, как кажется на первый взгляд, мелким различием в положении ребенка нельзя пренебрегать, особенно

когда желаем выяснить сколько-нибудь причины того или другого направления в его развитии. Новое положение вслед за собой влечет и новое понятие, новое представление в уме о своем значении, о своих отношениях к другим.

А. Кившенко. Петр I за рулем парусного ботика на Яузе-реке

Что маленький Петр так именно понимал свои воинские игры, это доказывается тем,

что он, с каждым годом, все более и более расширял круг этих игр и восходил постепенно от простого полкового учения ружейным выметкам и разным приемам фронта, ручным ухватам, как тогда выражались, к артиллерийской стрельбе, к инженерному делу, к созидаанию земляных окопов и крепостей, к осаде и штурмованию этих укреплений, к разным эволюциям на воде и к мореходству. В таком понимании своей забавы он решительно расходился с мнением века, со своими современниками, которые уже гораздо после узнали значение этих, как бы пустяшных, одним словом, потешных дел гениального ребенка.

Но важнее всего по своим последствиям было то, что Петр в этой только школе мог выяснить себе великую истину, ставить дело выше лица, общую цель выше личной цели, и в этой только школе мог последовательно низвести свое значение со степени царевича до степени полного солдата, а потом первого работника и слуги государству. Сделавшись рядовым, став в ряду обыкновенных служебных лиц, Петр тем самым вошел в незнако-

мый для царевичей и по многим причинам недоступный дотоле круг простых и прямых отношений между сверстниками-сослуживцами. Все обыкновенные, существующие отличия и различия людей совершенно сгладились перед этим новым определением их значения и достоинств. А как важно и благотворно было это новое начало отношений для государственной деятельности, тому служит доказательством вся эпоха преобразований, явившая столько талантов, способностей, умственных и нравственных сил, которые до того времени или дремали среди умственного застоя, или почитались контрабандой.

Портрет Петра I. *Неизвестный художник*

Но вот среди детских игр и потех наступило наконец время книжного учения и писания. Крекшин рассказывает, что книжное учение, под руководством Зотова, началось 12 марта 1677 г., т. е. когда царевичу был на исходе пятый год.

Отца он лишился еще на четвертом году. Царь Федор Алексеевич, старший брат Петра, «вельми любяше царевича и зрения его ради

часто приходя к вдовствующей царице Наталии Кирилловне», посоветовал однажды, что время посадить его за грамоту. Нужно было сыскать учителя, кроткого, смиренного и ведущего Божественное Писание. Бывший при

этом вместе с государем боярин Федор Соковнин⁶⁵ донес их величествам, что имеется муж кроткий и смиренный и всяких добродетелей исполнен, в грамоте и писати искусен, из приказных, Никита Моисеев Зотов. Государь повелел представить его. Не объявляя Зотову о царском решении, Соковнин привез его во дворец, ввел в Переднюю комнату и велел дожидаться. Через несколько времени один из комнатных вышел и спросил: «Кто здесь Никита Зотов?» Зотов объявил себя.

Письмо Петра Великого к царице Наталье Кирилловне

«Государь изволит тебя спрашивать, пойдя вскоре», – сказал комнатный. При этих словах Зотов пришел в страх и беспмятство, так что не мог двинуться с места. Он вовсе не подозревал, по какому случаю должен был предстать пред светлые очи государя. Комнатный взял за руку кроткого и смиренного учителя и в утешение объявил ему, что милости ради государь его требует. Но оробевший учитель просил, чтоб дали хоть малое время, когда придет в память. Постояв немного, сотворил

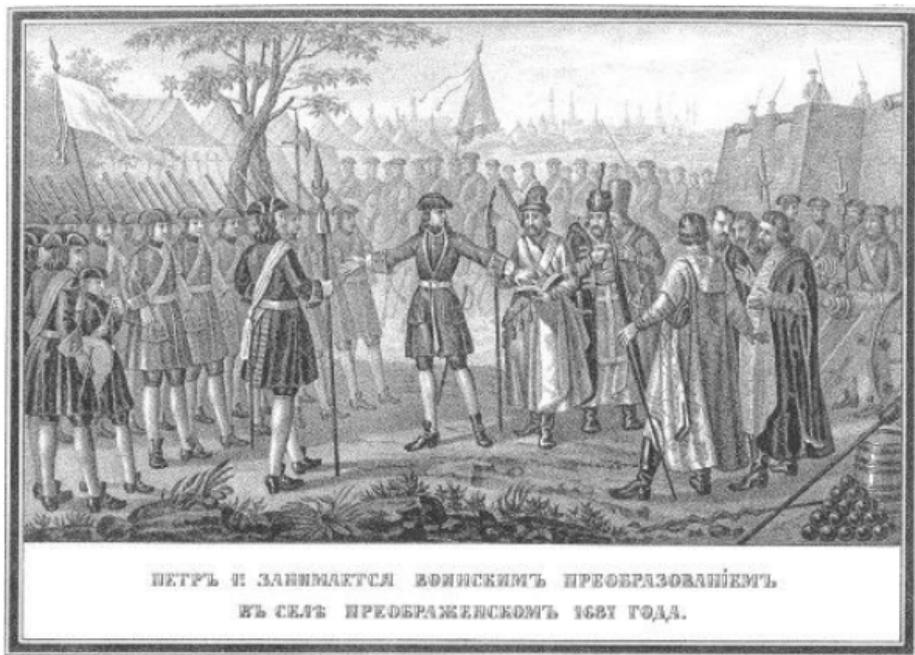
всего бенефея, да царь во плоти слѣного дѣлаше
моу хлату гшыне туге рыни зарис велико
днѣи напал и кривдыны сыниши в патаво враб
тѣе Требы в ошце Першди на блу словениа проше
а о боя зра вит слыше сфклава у нимоли вани
твоими зоро во си аозеро все в шрько се то ма
лхон все промь рошо то короа в озь вьт. Позна
напамистаме іотомидотиту шт у сто
тѣианата посеми бо а е Плшшь а а тѣи
Ютуи жазо немешно в тѣи мни бани вани
ми зь лостане іарие наш е т ро ро б а н за
Посе дани б у оловениа проше т пер е кла в
а ареля к.

1689

он крестное знамение и пошел за комнатным
во внутренние покои к царскому величеству.
Государь милостиво принял его, пожаловав к
руке.

Царевич учился прилежно и охотно. Глав-
ный и первый предмет преподавания заклю-
чался в чтении и учении Часослова, Псалты-

ря, Деяний и Евангелия. Вместе с тем Зотов же учил царевича и писать. Обучение письму началось, кажется, на восьмом уже году, на что указывает известие о переплете в червчатый бархат царевичевой буквари (прописи) 15 марта 1680 г. Читать и писать царевич учился на особом учительном наложном, на котором учится государь грамоте.

Б. Чориков. Петр I занимается воинским преобразованием в 1687 г.

Началось испытание: Зотову велели писать и потом прочесть книги. К испытанию был призван Симеон Полоцкий, муж премудрый в писании, который, рассмотрев писание и слушав чтение Зотова, объявил государю, «яко право то писание и глагол чтения». Проэкзаменованный учитель был отведен Соковниным к царице. Когда Соковнин представил его, царица, держа за руку маленького Петра, обратилась к избранному учителю со следующей речью: «Известна я о тебе, что ты жития благого, Божественное Писание знаешь, – вручаю тебе единородного моего сына. Прими его и прилежи к научению Божественной мудрости и страху Божию и благочинному житию и писанию». До сих пор Зотов мало понимал, в чем дело. Услышав поведение царицы, – весь облился слезами, упал к ее ногам и, трясяся от страха и слез, проговорил: «Несмь достоин принять в хранилище мое толикое сокровище». Государыня, повелев встать, продолжала: «Прими от рук моих, не отрицайся принять. О добродетели и смирении твоём я известна». Зотов

же не возста, лежа у ног, помышляя свое убожество. Государыня, снова повелев встать, пожаловала его к руке и приказала явиться наутре для учения царевича. На другой день утром, в присутствии царя Федора, патриарх, сотворя обычное моление, окропя блаженного отрока святой водой и благословив, вручил его Зотову. Зотов, посадя царевича на место, сотворил ему земное поклонение и начал учение. В то же время учитель был щедро награжден: патриарх пожаловал ему сто рублей, государь – двор, государыня – две пары богатого платья и весь убор.

Не встретилось нам известий о том, учился ли царевич церковному пению, которое, как известно, составляло необходимую и неотменную часть тогдашнего начального образования. Отсутствие положительного указания по этому предмету не может служить доказательством, что пение не входило в первое учение Петра. Притом, кроме Зотова, в современных расходных записках (1683) упоминается еще учитель Афанасий Алексеев

Нестеров, который, возможно, и был учителем пения.

Оружие допетровского времени и изображение стрелецкого знамени

Но обычный курс учения значительно пополнялся при руководстве Зотова другими средствами образования. В праздное время царевич с любопытством слушал истории, дела храбрых и премудрых царей, любил смотреть книги с кунштами, т. е. с рисунками, с которыми он был уже знаком еще до начала обучения грамоте. Книги с картинками исторического содержания назывались царственными, потому что излагали историю царств. Все другие предметы, изображенные в картинках светского содержания, носили имя потешных, увеселительных, служивших для забавы, ибо назидательным, учительным в собственном смысле почиталось одно только Св. Писание и вообще книги церковно-учительные. Поэтому и все эстампы, гравюры, привозимые с Запада, также носили название потешных, фряжских и немецких листов.

Потешные книги и потешные фряжские

листы по своему содержанию принадлежали

также большей частью к историческому отделу сведений. Под словом «потешный», как мы заметили, разумели тогда все, что не входило в круг церковной книжности. Поэтому потешные книги и потешные листы могли быть сказочного, забавного содержания, а также изображали и описывали предметы более или менее назидательные или грады, палаты, здания, великие корабли, дела военные, бои, взятие городов, истории лицевые и т. п. Впрочем, доступные нам официальные указания о потешных книгах и листах редко обмолвливаются об их содержании, и потому мы совершенно лишены возможности определить, какими именно изображениями начались образовательные забавы маленького Петра. Известно только, что потешные книги очень рано вошли в круг этих забав. Таким образом, курс обучения был по преимуществу практическим, более увеселительный, или потешный, как тогда говорили. По содержанию он был слишком беден и не имел никакой заранее определенной системы, но зато как нельзя более соответствовал вкусам и потребностям даровитого ученика, соответствовал

именно той стороной, которая вместе с первыми его играми присвоила такой дельный и деятельный характер дальнейшим потехам и забавам царевича.

Скоро и легко маленький Петр прошел все науки. Если, с одной стороны, к тому же самому вели его первые игры, то, с другой, – книги с рисунками, фряжские листы и разные куншты с изображением военных дел более и более укрепляли преобладающее направление в занятиях и забавах ребенка, с каждым днем расширяли круг его сведений об этих любимых предметах. Потехи шли вперед и вперед, становились серьезнее, принимали вид действительного служебного дела.

В начале 1682 г. у хоров царевича была устроена потешная площадка, на которой поставлены потешный деревянный шатер и Потешная изба – это было нечто вроде воинского стана. На площадке стояли рогатки и деревянные пушки, из которых, вероятно, посредством какого-либо механизма, стреляли деревянными ядрами, обтянутыми кожей.

6 мая 1683 г., в 12-м часу дня, Петр, уже царь, выехал для потех в село Воробьево и

прожил там все лето до половины августа, возвращаясь в Москву только на несколько часов, по совершенной необходимости, для присутствия при церковных торжественных службах и церемониях и по случаю приема посланников. Судя по многим указаниям расходных записок дворца, воинские потехи в это время шли с большой деятельностью, барабаны немилосердно пробивались насквозь и высылались в Москву, в Оружейную палату для починки. Потом дошло дело и до пушек, но уже не деревянных, а медных и железных. Действительно, в этом Воробьевском походе к обыкновенным экзерцициям и потехам присоединились и потехи огнестрельные. В мае, на Воробьеве, Пушкарского приказа гранатного и огнестрельного дела русскими мастерами и учениками произведена была потешная огнестрельная стрельба под руководством огнестрельного мастера Симона Зомера, выехавшего в 1682 г. и служившего капитаном в Выборном полку думного генерала Агея Алексеевича Шепелева.

Н. Дмитриев-Оренбургский. Стрелецкий бунт. 1862 г. Фрагмент

Таким образом, 1683 год был, кажется, первым годом, когда Петр перенес свои потехи в поле. События 1682 г, когда он сделался царем и, следовательно, получил большую свободу и большой простор в своих забавах, не позволили воспользоваться в то же лето приобретенной властью вполне распоряжаться необходимыми средствами для расширения круга любимых забав: тому мешала стрелецкая смута.

В то время как одиннадцатилетний царь Петр забавлялся на Воробьевых горах воинскими потехами, в Москву, в июле, прибыл секретарь шведского посольства и известный путешественник по Азии Кемпфер. Он видел обоих царей, Петра и слабого брата его, Ивана, которые принимали посольство в Грановитой палате. Рассказ Кемпфера об этой аудиенции особенно любопытен в отношении того впечатления, какое произвел на путешественника младший царь Петр. Оба их величества, пишет он, сидели на двух серебряных креслах, на возвышении в несколько ступеней. Над каждым креслом висела икона.

Одежда царей блистала золотом и дорогими камнями. Вместо скипетров они держали в руках длинные золотые жезлы. «Старший сидел почти неподвижно, с потупленными, совсем почти закрытыми глазами, на которые низко была опущена шапка; младший, напротив того, взирал на всех с открытым прелестным лицом, в коем, при обращении к нему речи, беспрестанно играла кровь юношества; дивная его красота пленяла всех предстоящих, так что если б это была простого состоянья девица, а не царская особа, то, без сомнения, все бы должны влюбиться в нее».

Кемпфер дает Петру даже 16 лет, если это не описка или не опечатка издателей его сочинения. Когда посланник, произнеся речь, подал королевские грамоты, старший царь Иван Алексеевич, протянув внезапно и преждевременно руку свою (для целования), привел посольство в немалое замешательство. «После того оба царя встали и, приподняв несколько шапки, спросили о здравии короля. При сем молодой наставник старшего царя поднял его руку и, так сказать, взял оной его шапку. Младший же царь по живости сво-

ей поспешил встать и сделать вопрос, так что его старый наставник принужден был удерживать его, дабы дать старшему брату время встать и вместе с ним спросить»⁶⁶.

Другой случай, характеризующий живость Петра, еще трехлетнего ребенка, рассказывает в своих записках Лизек. Австрийское посольство, которого он был также секретарем, прибывшее в Москву в начале сентября 1675 г. было принято царем в Коломенском дворце, потому что царица желала видеть церемонию въезда и приема послов, не быв, разумеется, видимой сама; загородный же дворец представлял к тому все удобства. Во время аудиенции царица с семейством находилась в смежной комнате и смотрела на церемонию чрез отверстие не совсем притворенной двери. Но по окончании приема маленький князь, младший сын, замечает Лизек, открыл потаенное убежище матери, отворив дверь прежде, нежели послы вышли из аудиенц-залы⁶⁷.

В этой попытке собрать мелкие указания о детстве Петра мы останавливаемся на 1683 году, отлагая до другого времени и новых поис-

ков описание последующих потех, перенесенных в 1684 г. в Преображенское, где с потехами почти незаметно слилось и великое дело преобразования.

Глава V

Дворцовые забавы, увеселения и зрелища

Общий обзор.— *Комнатные забавы: дураки-шуты, бахари⁶⁸, домрачеи, гусельники — Потешная палата: органы, цымбалы, скомоорохи, потешный немец, метальники.*— *Время царя Алексея.*— *Верховые нищие.*— *Карлы.*— *Потехи на дворце: медвежьи спектакли; особые зрелища: львы, слоны, олени; поединки и др.*— *Комедийные действия.*— *Первое устройство театра.*— *Первые комедии*

Вникая в основные стихии старого русского быта, нельзя не признать той истины, что руководящим началом образованности в допетровское время была византийская идея аскетизма. Как образ наилучшей, наиболее доб-

родетельной жизни, эта идея везде и всегда возвышала свой учительный перст, направляя каждый шаг и каждую мысль человека к своим целям. Мир русской мысли, мир русского чувства был всесторонне закрепощен этим строгим сберегателем жизни; лишен воли, прирожденной всякому живому существу, лишен всех живых движений развития и совершенствования. Древнерусское общество из своей первобытной непосредственности попало прямо под бичевание византийской аскетической идеи, отвергавшей на всех путях и свободу знания и свободу творчества. Поставленное сразу в тесные и суровые пределы аскетических требований, древнерусское общество лишилось возможности продолжать развитие своего первозданного, бесознательного быта путем собственной самостоятельности, путем собственного свободного творчества. Взамен младенческих пеленок, которые, при естественном ходе развития, свалились бы сами собой, оно было перевязано по рукам и по ногам узами – веригами иной культуры, вовсе не сообразной с его младенческой природой. Оно получило та-

лант и вместе с ним строгий наказ зарыть его в землю, дабы сохранить в целости. Старина так и понимала искусство, как ремесло, как силу, работающую только дневным человеческим полезностям и потребностям.

Жизнь этого общества, исполненная одного лишь отрицания, лишенная философских и поэтических созерцаний и идеализаций, стала в общем наклоне уподобляться жизни стада, где первое и исключительное побуждение – корм в животном смысле, для самого стада, и кормление в воеводском смысле, для пастухов; а затем тяжелое умственное лежа-ние на боку и медленное, нескончаемое пере-жевывание двух-трех понятий или двух-трех идей, какими был ограничен общественный кругозор жизни. Печален отзыв очевидцев-иностранцев о нашем старом обществе.

«Нисколько не заботясь об изучении достохвальных наук, – говорит Олеарий, – не выказывая решительно никакого желанья ознакомиться с славными достопамятными делами своих предков, не стараясь узнать что-либо о состоянии иностранных земель, рус-

ские, весьма естественно, в собраниях своих почти никогда не заводят речи об этих предметах. Все речи и разговоры их не выходят из круга обыкновенных житейских дел. Так, обычно ведут они речи о сладострастии, о гнусных пороках, о прелюбодеяниях, совершенных частью ими, а частью и другими; тут же передаются разного рода постыдные сказки, и тот, который может наилучшим образом сквернословить и отпускать разные пошлые шутки, выражая их самыми наглыми телодвижениями, считается у них приятнейшим в обществе... Невозможно вообразить, до какой степени предаются они чисто животным побуждениям... Пьянству они преданы сильнее всякого другого народа в свете. Наполнивши себя вином чрез меру, они, подобно неукротимым диким зверям, готовы бывать на все, к чему побуждают их необузданные страсти. Порок этот – пьянство – до такой степени распространен в народе, что ему предаются все сословия, как духовные, так и светские, богатые и бедные, мужчины и женщины, и если иногда

увидишь там и сям пьяных, валяющихся в грязи на улице, то это считается делом самым обыкновенным»⁶⁹.

Домострой, преподавая наставление, как духовно устраивать трапезу, стол, обед или пир, пишет между прочим: «Если начнут смрадные и скаредные речи и блудные; или срамословие и смехотворение и всякое глумление; или гусли и всякое гудение и плясание, и плескание и скакание, и всякия игры и песни бесовския,— тогда, яко же дым отгонит пчелы, тако же отыдут и ангелы Божии от той трапезы и смрадные беседы, и возрадуются беси... да тако же бесчинствуют, кто зернью и шахматы и всякими играми бесовскими тешатся»... Или дальше: «А кто бесстрашен и бесчинен, страху Божию не имеет и воли Божии не творит и закону христианского и отеческого предания не хранит, и всяко скаредие творит и всякие богомерзкие дела: блуд, нечистоту, сквернословие и срамословие, песни бесовские, плясание, скакание, гудение, бубны, трубы, сопели, медведи и птицы и собаки ловчия; творящая конская уристания... (Тако же и кормяще и храняще медведи или

некая псы и птицы ловчия, на глумление и на ловление и на прельщение простейших чело- веков...»). Дальше: «или чародействует и волх- вует и отраву чинит; или ловы творит с соба- ками и со птицами и с медведями; и всякое дьявольское угодые творит, и скоморохи и их дела, плясание и сопели, песни бесовския лю- бя; и зернюю, и шахматы и тавлеи (играя) – прямо, есе вкупе, будут во аде, а zde(сь) про- кляти... »

Повторяя не один раз свои запрещения, До- мострой представляет только слепок общих мест из старейших, самых первых поучений, которые были принесены из Византии и об- личали некогда язычество византийского же общества, где музыка, песня, пляска, «бубен- ное плескание, свирельные звуци, гусли, му- сикия, комическая и сатирская и козлия ли- ца» (маски) и т. п. являлись на самом деле служителями языческих богов, – «иже бесятся, жруще матери бесовской, Афродите богине... еже творяхут на праздник Дионисов», – так что нельзя было и отделять их вообще от идо- лослужения. Но с той поры вместе с идолослу- жением упомянутые поучения стали отвер-

гать и вообще мирские игры и утехи, постоянно обзывая их идольской службой. Учительное слово нередко живыми образами рисовало сатанинскую погибель от мирского увеселения.

А. П. Рябушкин.

Выезд на соколиную охоту при царе Алексее Михайловиче. 1898 г.

Так, в числе запрещенных игр было указано, например, конское ристание. В эллинском Царьграде, на эллинском Ипподроме, о великолелии которого трудно было и мыслить русскому уму, эти конские ристания в действительности были языческим спектаклем, где зеленые и голубые возницы были посвящены, одни – матери-земле, другие – небу и морю; где колесницы, запряженные 6 лошадьми, ехали во имя высшего языческого божества, запряженные 4 лошадьми везли изображение солнца, а запряженные двумя, черной и белой, – изображение месяца, и т. д. Потеха была чисто языческая. Но сколько же языческого представляла наша древняя скачка на диких степных конях, подобная, по все-

БѢДИТЕ ОХОТИ, ЗАКАКАЙТЕСЯ, УГЪШАЙТЕСЯ СЕЮ ДОБРОЮ ПОТЪХОЮ, ЗЛАЮ
ПОТЪШНО УГОДНО И ВЕСЕЛО, ДА НЕ ОДОЛѢЮТЪ КАСЪ КРѢПИНКИ И ПЕЧАЛИ БСАКИ

му вероятно, скачкам теперешних степняков? Другая запрещенная игра, шахматы, вероятно, и принесенная к нам самими же византийскими христианами, точно так же в нашем быту не могла иметь никакого языческого смысла; но, тем не менее, отвергалась, как предмет идолослужения. Об ней писали:

«Аще кто от клирик или колутер играет шахмат или леки (*кости*), да извержет сана; аще ль дьяк (*причетник*) или простец (*мирянин*) да примут епитимью 2 лета о хлебе и о воде., единой днем, а поклона на день 200; понеже игра та от беззаконных халдей: жрецы бо идольские той игрой пророчествовашет о победе ко царю от идол., да то есть прельщенье сатанино».

Очень нередко именно такими соображениями, вовсе не приложимыми к древнему русскому быту, и руководились первые наши наставники в правилах и уставах жития. Аскетическая идея в своих отрицаниях и отвержениях вовсе не различала языческих идей от вещественных предметов или от простых порядков жизни и стремилась все сравнить и

привести в один образ и в одну меру, в одно положение.

Общество должно было устроиться, как монастырь, как пустынножителство, водворить повсюду обет молчания, обет непрестанной молитвы, отдаваясь лишь работе дня, необходимым житейским трудам и занятиям. От жизни отнимался один из существенных элементов ее развития, отнималась целая область ее поэтических стремлений, которые, конечно, не приводили же к одному только разврату, но содержали в себе, как и всегда содержат, источник жизненной силы и для нравственного совершенствования. В сущности, аскетическая идея отрицала все то, что в своей живой совокупности имеет свое великое имя. Она отрицала народность, русскую своеобразную культуру, не с одной языческой стороны, но и со всех сторон свободного независимого развития народных дарований и народных умственных сил. Она отрицала живую русскую народность во имя одной исключительной формы византийского, и по преимуществу восточного, быта.

Само собой разумеется, что господство ас-

кетической идеи должно было поддерживаться и всегда поддерживалось монастырем, из которого постоянно и оглашалась гроза суровых обличений и запрещений. Мирская власть, пребывавшая сама в той же мирской жизни, никогда, сама по себе, не доходила до аскетических умозрений и не поднимала гонений на свою же мирскую общественность. Она по необходимости становилась только покорной исполнительницею правил и предписаний, исходивших из уединенных и отверженных от жизни келий. Из этих-то богомольных и благочестивых обиталищ и разносилось обличительное слово, напоминавшее время от времени мирским людям о жизни праведной. Лишь отсюда и мирская власть получала усердные воззвания действовать против мирских увеселений, как подобало ее грозной державе. Таким образом запрещения мирских утех сначала восстанавливались путем частных, так сказать, личных, проповедей, со стороны только наиболее усердных подвижников монастырского жития, и впоследствии уже, едва ли не со времени издания Стоглава, были приняты как общее постановление, т. е.

вошли в круг правительственных действий.

Невинная забава и утеха в глазах достойного человека явилась или делом ребячества, или делом скомороха, отъявленного негодника и бесстыдника, не имевшего и малейшего сознания о добром и честном нраве. Возвышенные, честные нравы общества мыслили о забаве, например о танцах, следующим образом:

«Что за охота ходить по избе, искать, ничего не потеряв, притворяться сумасшедшим и скакать скоморохом? Человек честный (*достойный, нравственный*) должен сидеть на своем месте и только забавляться кривляньями шута, а не сам быть шутом, для забавы другого...»

Так мыслили в XVI и XVII ст., в эпоху, когда из учения Домостроя образовалась уже крепкая практическая философия. Здесь мы встречаемся с понятиями не только о грехе, не только о бесовском угождении, а уже с высокомерием степенного, чинного и благочестивого нрава, с известной выработкой приличия, которая почитала такую веселость безоб-

разием и искажением нравственного лица.

Учения Домостроя от первых еще веков были главной и исключительной причиной того, что совсем умолкла и народная литература, скоро умолкли вещие песни баянов, воодушевлявшие первых наших удалых и храбрых князей и готовившие родному языку лучшую будущность, чем та, какую он приобрел от книжного высокопарного, но сухого и безжизненного слова. В XI веке мы еще видим около князей песнотворцев, вещими перстами на живых струнах прославляющих княжеские доблести, пойщих славу временам, и старым и молодым, пойщих славу народности, исполненной свежих, здоровых сил и юношеской отваги. Но в один от дней приходит к князю Святославу Ярославичу преп. Феодосий Печерский и видит: сидит князь, а пред ним многие играют, «овы гуслиные гласы испущающе, другие же – органные гласы пойще, иным замарныя писки гласящем, и тако всем играющем и веселящемся, якоже обычай есть пред князем». Блаженный сел вскрай князя, поник долу и сказал: то будет ли так на том свете! Князь умилился словам преподобного,

прослезился и повелел игроцам перестать. С тех пор если когда и начиналась такая игра, то, заслышав приход блаженного, князь всегда повелевал переставать своим певцам. XI век жил еще полной силой народного творчества и мало сознавал, что вещая песня баяна есть бесовское угодие, есть идольская служба.

Но то, что вначале предписывалось только иноческому и иерейскому чину, впоследствии стало обязательным и для всего мирского чина, стало грехом для всех мирян, а потому чрез сто лет, в конце XII века, об этих вещих песнях поминается уже как о старых, едва памятных словесах. Певец Игоря едва ли не был последним баяном нашей древности, последним творцом песни, сложенной старыми словесами, или народной поэтической речью, которую он, видимо, отличает от новых словес, от словес входившей тогда в господство церковной книжности, осудившей старые словеса или народную речь, а вместе с ней и поэтическое народное творчество на вечное безвозвратное изгнание. В последующие века эти старые словеса, как вообще народная поэтическая речь, назывались уже

словесами греховного глумления, бесовскими песнями. Книжное перо уже страшилось изобразить такое слово на бумаге, дабы не совершить тем угодия дьяволу и не уронить в грязь высокого и святого достоинства книжной речи. Писаное слово, принеся святое учение, само по себе стало рассматриваться как святыня, и простой ум в недоумении вопрошал еще в XII в.:

«Несть ли в том греха, аже по грамотам ходити ногами, аже кто изрезав помечет, а слова будут знати!»

Понятно, что при таком умствованием невозможны были никакие списки песен и всяких других памятников народной речи.

Осужденные проклятию, отверженные для писаного слова, эти песни все больше и больше замирали, исчезали, а с тем вместе понижалась и творческая поэтическая сила народа. Чрез два-три столетия эта сила уже не была способна достойным образом воспеть великие события народной жизни и, изображая, например Мамаево побоище, обращалась за поэтическим образом, как и за поэти-

ческой речью, все к тем же старым песенным словесам. Таково было влияние старой книжности, таковы были последствия ее учения. Общество было лишено литературного своего развития, сильные проблески которого так заметны даже в летописи XI и XII столетий, когда аскетическая идея еще только начинала свой подвиг. После того с распространением господства этой идеи и летопись постепенно понижает свой независимый голос, теряет самостоятельность летописи, как повести времен и лет, и становится лишь орудием поучений, средством прославлять и оправдывать дела Божии, как и дела государевы; поэтому становится или поучительным словом (Степенная книга), или дьячьим изложением дела (летописи XV и XVI ст.). Таким образом, и литературная производительность общества сохраняет только эти две формы словесного творчества: поучение в виде слова, сказания, жития, что все равно; или юридический акт, дьячью записку из дела. Песня-повесть, былина, старина, а тем более сказка и простая песня являются недостойными писаного слова, потому что возвращаются уже в

презренной среде бесовских угодников. Недостойными являются и все виды мирских веселостей, обычно всегда сопровождаемые песенным же поэтическим словом. Степенный старческий чин жизни утверждает и оправдывает лишь одно веселье – предположенную трапезу, мерное питание – и, разумеется, строго и беспощадно преследует питание не в меру, пьянственную напасть.

Мы знаем, что в домашнем быту государева дворца с большим усердием читались все сказанные поучения; знаем, что иной раз и сам государь принимал благочестивое решение истребить в народе это дьявольское угодие и посылал по государству строгие указы, подвергал ослушников наказаниям и пеням. Однако ж мирская жизнь брала свое, и сам дворец – представитель лучших, правильных и чистых нравов по Бозе оставался в этом отношении таким же, как и весь народ, обыкновенным, мирянином, привязанным к своим стародавним забавам и утехам. Во дворце мирские утехи были так обычны и принадлежали к таким постоянным потребностям жизни, что были устроены даже в особое от-

деление с именем Потешной палаты и с целым обществом разного рода потешников. Во дворце устраивались обычные народные игры, например, качели на Святой и горы на Масленице; во дворце постоянно играли в шахматы и шашки, тавлеи, саки, бирки, а также и в карты. Это были собственно домашние утехы. Не говорим о потехах государевых, о выезджих полях, т. е. о соколиной и псовой охоте, о медвежьем поле и медвежьей травле. Государева охота была искони устроена в особое ведомство, главный чин которого – ловчий – бывал всегда в особом приближении у государя. Во дворце, по-видимому, вовсе и не думали, что все это было отречено и проклято отеческими поучениями, ибо для изготовления, например, шахматной игры при дворце жили на жалованье особые мастера – токари, которые так и назывались «шахматниками», и только то и делали, что работали шахматы и другие подобные игры.

А. Кившенко. Военная игра потешных войск Петра I

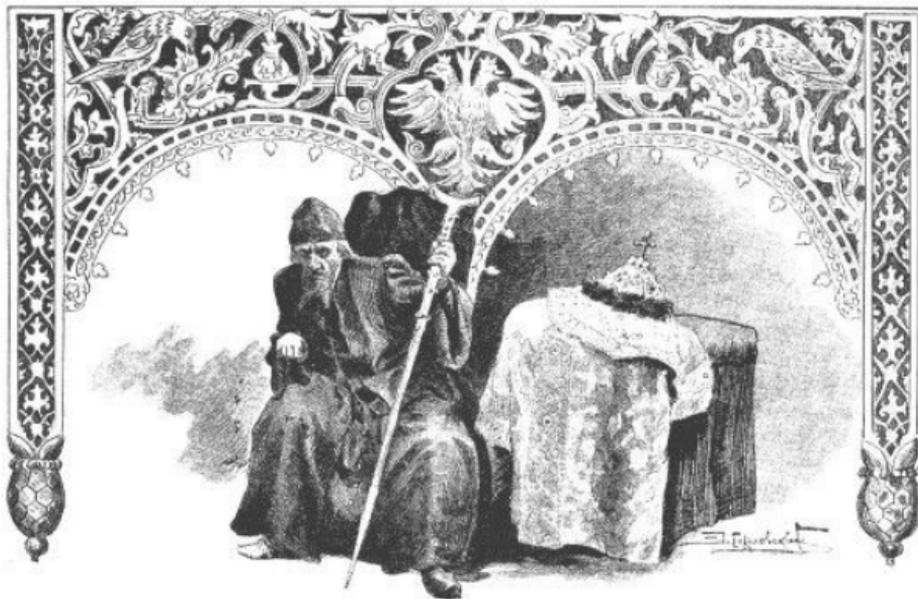
Самым видным, наиболее выдающимся

предметом комнатной забавы был дурак, шут. Это был, если можно так выразиться, источник постоянного спектакля, постоянной, вседневной утехы для всех комнатных дворцовых людей. Писание обозначало эту сторону домашних увеселений именем глумления, кощунания, шпильманской мудрости, а самых дураков и шутов обозначало шпильманами, глумотворцами, смехотворцами, сквернословцами и т. п. именами. Таким образом, штатная обязанность дурака заключалась в

том, чтобы возбуждать веселость, смех. Он достигал этой цели или пошлыми, или острыми, слишком умными или слишком глупыми, но всегда необычайными словами и такими же поступками. Конечно, самый грязный цинизм здесь не только был уместен, но и заслуживал общего одобрения. В этом как нельзя лучше обрисовывались вкусы общества, представлявшие с лицевой стороны благочестивую степенность и чинность, постническую выработку поведения, а внутри исполненного неудержимых побуждений животного чувства, затем, что велико было в этом общежитии понижение мысли, а с нею и всех изящных, поэтических и эстетических инстинктов. На то и существовал в доме дурак, чтобы олицетворять дурацкие, а в сущности вольные движения жизни, или вообще волю, свободу, независимость жизни; чтобы ровную, однообразную и при том постнически однообразную домашнюю жизнь выбивать из ее тесной колеи, из ее постнической неволи. Как скоро жизнь стала освобождаться, выходить на волю, то постепенно стали уходить со сцены и дураки; и теперь трудно даже и предста-

вить себе, что такое был дурак на самом деле?

Э. Соколовский. Иван Грозный в монашеском облачении. 1904 г.

Должно полагать, что одни из них бывали в действительности идиоты, умственные уроды, помешанные, безумные, содержимые в домах как редкость, как игра природы, забавная наравне с карликами, говорящими попугаями или арапами, обезьянами и разными другими чудами и дивами, каких не всякий видал. Понятия о чудовищном унижении в этом случае человеческого достоинства в ста-

ром обществе не существовало. На это не указывали и поучения домостроев, отвергавшие только формы безнравственной жизни, а не самые ее корни, т. е. извращенные, бесчеловечные идеи. Человек-урод, как невиданный зверок, становился посмешищем для обычного человека, становился его забавой, игрушкой.

С таким же значением, как умственный урод, особенно ценился и дурак-шут, умный остряк, замысловатый глумотворец и смехотворец. Он носил имя дурака потому, что всякое глумление, смехотворение вообще признавалось степенным и чинным обществом чем-то вроде ребячества и глупости, потому что своими словами и делами он слишком уродливо выдвигался из умного уровня, на каком стояла тогдашняя порядочность поведения. В этом отношении и очень умные, как и очень глупые, слова и дела имели равный смысл дурачества, почему всегда и прощались как дурачество, на которое не стоило обращать умного, рассудительного внимания. Дурак, как и юродивый, становились иной раз суровыми и неумолимыми обличителями

лжи, коварства, лицемерия и всяких других личных и общественных пороков, над которыми они издевались с полным и самым свободным цинизмом, находя всегдашнее оправдание для своих безцензурных действий в том же уродливом смысле своей жизненной роли.

Шутов и шутовство особенно любил и царь Иван Васильевич «Грозный». Одной из главных утех его, говорит Карамзин, были многочисленные шуты, коим надлежало смешить царя прежде и после убийств и которые иногда платили жизнью за острое слово. Между ними славился князь Осип Гвоздев, имея знатный придворный сан. Однажды, недовольный какой-то шуткой, царь вылил на него мису горячих щей; бедный смехотворец вопил, хотел бежать, Иоанн ударил его ножом... Обливаясь кровью, Гвоздев упал без памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. «Исцели слугу моего доброго, — сказал царь, — я поиграл с ним неосторожно». — «Так неосторожно, — отвечал Арнольф, — что разве Бог и твое царское величество может воскресить умершего: в нем уже нет дыхания». Царь

махнул рукой, назвал мертвого шута псом и продолжал веселиться⁷⁰. В сопровождении шутов царь делал даже церемониальные поезды. Однажды, издеваясь над поляками в лицо их посольству, он схватил соболью шапку с одного из их дворян, надел ее на своего шута и заставил его кланяться по-польски. Когда тот отвечал, что не умеет, то царь стал учить его, сам кланялся и смеялся.

На пирах Грозного являлись шутниками и его любимцы из опричников-дворян. Вообще, шуточный, сатирический тон и шуточные разговоры были, кажется, характерной чертой в письмах Грозного, а следовательно, и в его отношениях к окружающим. Припомним его переписку с шведским королем, его послание в Кириллов монастырь... Очень естественно, что шуты при нем были в большом ходу.

Сын его, царь Федор, также всегда забавлялся шутами и карликами, мужского и женского пола, которые кувыркались перед ним и пели песни. Маскевич говорит, что вообще шуты представляли самую обычную утеху для наших предков, увеселяли их пляс-

ками, кривляясь, как скоморохи на канате, и песнями, большею частью весьма бесстыдными. Даже Тушинский царик имел при себе шута, Петра Киселева, с которым и побежал потом из Тушина. В Смутное же время упоминается шут Иван Яковлев Осминка, который бывал у царя (Шуйского или Тушинского, неизвестно) всякий большой праздник⁷¹.

Молодого царя Михаила Федоровича в первое время (с 1613 г.) потешал дурак Мосяга, также Мосей (Моисей), а в хоромах у матери царя, великой старицы иноки Марфы Ивановны, в Вознесенском монастыре, жила дура Манка (Марья). В 1620 г. в товарищи к дураку Мосяге прибыл новый дурак Симонка, которому 12 июля государь велел сшить кафтан-терлик. Затем, в 1624 г., прибыли еще два дурака, Исачка и Ивашка. В 1628 г. у государя является еще новый дурак Семейка. В 1634 г. упоминается дурак Шамыра, а в 1636 г. появляется еще дурак Сергей. Шамыра – быть может, только прозвище того же Сергея или одного из упомянутых прежде.

Обычный, можно сказать, мундирный, наряд всех этих царских дураков был следую-

щий: однорядка татарского покроя, из червленого (красного) сукна с татарскими завязками, кафтан крашенинный лазоревый, опояска из покроми червленого или зеленого сукна; шапка черкасская (малороссийская) суконная зеленая с лисьим околом или колпак валяный с нашивкой; сапоги красные, телячьей кожи, белые – рубашка и порты холщовые. Такой наряд по большей части они получали к Святой. Спали они на войлоках, одевались бараньими (овчинными) одевальными шубами.

Иногда кому-либо из дураков шилось и более богатое платье других цветов. Так, в 1629 г., 16 июня, государь приказал сшить дураку Ивашке однорядку – сукно английское вишневое, кафтан – дороги гилянские желтые, на хлопчатой бумаге с атласным лазоревым золотным ожерельем; фerezи из лазоревого киндяку, шапку – сукно багрец с собольей опушкой. В 1636 г., 16 апр., государь приказал сшить трем дуракам, Симону, Исаку, Сергею, по однорядке: одна брусничная, другая красно-желтая, третья серебряного цвета, с кружевами и завязками татарскими, кафтаны кра-

шенинные, сапоги телячьей кожи. По случаю какой-либо особой потехи, в которой должны были участвовать и дураки, им шилось и особое платье, изготовлением которого занимался главный потешник в Потешной палате Иван Семенов. Разные мелкие предметы их наряда и вообще их содержания большей частью покупались в городских рядах. В 1634 г., в ноябре, дурак Шамыра женился; свадьбу играли в селе Рубцове-Покровском, и, без сомнения, не без особых потешных затей. Мы знаем только, что 2 ноября в Рубцово на дуракову Шамырину свадьбу послано из царицыной казны 6 полотен тройных гладких да 3 полотна тверских, а 6 ноября ему с невестой куплены в Серебряном ряду крест серебряный золоченый да 2 перстня серебряных, за все рубль.

В хоромах царицы Евдокии Лукьяновны жили для потехи дурки: Орька (Орютка, Оринка), Дунька-татарка, Дунька-немка, Палагейка, которую в 1640 г. привез из Пскова окольниковый Василий Иванович Стрешнев; Манка (Марья) – девка и еще Манка-шутиха, слепая баба. Эта последняя была взята в хоромы царицы в 1632 г. у боярина князя Ивана

Борисовича Черкасского. В том году, 28 апреля, ей куплен в рядах следующий наряд: шапка женская камчатная лазоревая с пухом (околом); опашень вдовской черный суконный; телогрея киндячная лазоревая на зайцах; сапоги женские бараньей кожи красные, всего на 5 рублей. В 1634 г., 29 апреля, ей сделана потешная шапка из червчатой да из желтой камки с бобровым околom. 16 июля ей куплена валяная белая шляпа. В 1636 г., 31 марта, этой шутихе, женке Манке-слепой, сделан сарафан крашенинный лазоревый да платье из червленого сукна с шелковой нашивкой и с оловянными пуговицами. Наконец, в 1637 г., 10 марта, эта баба слепая была отправлена в подмосковное село Ильинское с царицыным боярским сыном, причем заплачено за провоз 10 алтын. Дурка Палагейка также оставалась недолго в хоромах царицы. Постоянно потешали царицу только четыре дурки: Манка, Орька и две Дуньки, татарка и немка. В разное время, смотря по надобности, им изготовлялись различные предметы их обычной одежды из царицыной казны: тафьи, трухи, телогреи, сарафаны, сапоги бараньей, те-

лячьей кожи, козловые, большей частью красные, иногда зеленые, такие же башмаки и т. п.

У царевны Ирины была также дурка Катеринка (1643—1654).

К числу придворных дурак мы можем отнести и старицу Марфу-уродливую, которая жила в Вознесенском монастыре и также называлась иногда и дуркой. Вероятно, она бывала часто и во дворце. По крайней мере, из дворца, наравне со всеми другими подобными лицами, она получала свою одежду и все содержание. В 1640 г., 19 января, старица Марфа-уродливая скончалась; на поминаение по ней царица раздала в церкви, богадельни и нищим 100 рублей.

О шутах и дураках, состоявших при дворе царя Алексея Михайловича, наши сведения очень скудны. Можно полагать, что дурацкие потехи при благочестивой царице Марье Ильиничне если не были совсем оставлены, то стояли далеко на заднем плане. У государевой сестры, царевны Ирины Михайловны, жила еще в это время дурка Катеринка. У царицы Натальи Кирилловны встречаем в 1674

Г. двух дур девок,

Аксинью и Авдотью. При царе Федоре Алексеевиче в 1679 г. дураки Петр и Семен живут у верховых богомольцев. В том же году, в декабре, взят был во дворец из Переяславля новый дурак, Федор, который, вероятно, тоже помещен был у верховых нищих. В 1682 г. упоминается дурак Тарас.

При Петре, в 1700 г., в дворцовом штате состояли два шута, Яков Тургенев и Филат Шанский, получавшие жалованья по 50 рублей. У императрицы Анны Иоанновны было шесть шутов: два иностранца – Коста и Педрилло, и четверо русских, князь Голицын, князь Волконский, Апраксин и Балакирев.

«Способ, как государыня забавлялась сими людьми, – говорит Манштейн, – был чрезвычайно странен. Иногда она приказывала им всем становиться к стене, кроме одного, который бил их по поджилкам и чрез то принуждал их упасть на землю. *(Это было представление старинного правежа.)* Часто заставляли их производить между собой драку, и они таскали друг друга за волосы и царапались даже до крови.. Го-

сударыня и весь ее двор, утешаясь сим зрелищем, помирали со смеху»⁷².

Манштейн рассказывает, что Педрилло собрал 10 тыс. рублей посредством следующего дурацкого спектакля. Однажды Бирон шутя сказал ему, что он женат на козе. Шут воспользовался шуткой временщика, подтвердил ее и объявил, что так как скоро его жена разрешится от бремени, то он осмеливается просить императрицу со всем двором в гости к нему на родину, в надежде, что высокие гости, по старому русскому обычаю, не придут к родильнице с пустыми руками и будут класть что-либо на зубок для новорожденного, и он, таким образом, соберет денежную сумму, необходимую для воспитания ребенка. В назначенный день кладут его на театр в постель с козой. Занавес поднимается, и спектакль начался тем, что первая же императрица поднесла ему родинный подарок и сама назначила, сколько каждый из придворных должен был дать шутовской родильнице. Такие или подобные домашние спектакли разыгрывались, без сомнения, и в допетровском придворном быту.

Само собой разумеется, что народное слово, если б пользовалось в письменности теми же правами, как и книжное слово, должно было оставить нам довольно значительную литературу по этому отделу старинного шутовства и всякого глумления. Из числа сохранившихся памятников мы можем выделить лубочные картинки с шутовскими речами и шутовскими изображениями. В середине XVII ст. лубочные картины или листы деревянной печати печатались свободно и в большом количестве и в Москве, и в Киеве. Известно, что такими картинками украшались стены и в дворцовых покоях, и в хоромах у частных людей. Продавались они в Москве в первой половине XVII ст. в Овощном ряду, а в конце XVII и в начале XVIII ст.— на Спасском мосту, у Спасских кремлевских ворот, следовательно, на самом бойком месте по многолюдству, по цене всем доступной, по деньге, по копейке и по 2 копейки.

Необходимой формой для шутовской или сатирической литературы служила всегда вирша или рифма, так что шутить, острить значило между прочим и то, чтобы подби-

рать в своей речи красивый склад или красивую рифму. Древнейшим нашим стихотворцем и сатириком мы, по всей справедливости, должны признавать князя Ивана Хворостинина, который в начале XVII ст. прославился своим еретичеством, а быть может, главным образом своими «многими укоризнами и худыми словами в письмах про всяких людей Московского государства». Если б Хворостинин находился в звании дурака-шута, старина простила бы ему его литературные грехи. За дерзкое слово он вытерпел бы несколько батогов, его поучили бы тоже каким-либо потешным, хотя и жестоким способом, и тем бы все окончилось. Но князь не был шутком, поэтому его сатирические укоризны тогдашнему московскому обществу иначе и не могли быть поняты, как изменными ругательными поношениями честных людей. Нет никакого сомнения, что князь лично никого не упоминал, а писал вообще, как истинный сатирик; в противном случае он пострадал бы и по суду за чье-либо бесчестье. Сатирика, а к тому же еретика, который поколебался мыслию и сомневался в воскресении мертвых, сослали

под начал в Кириллов Белозерский монастырь, с крепким наказом, чтоб, кроме церковных, без которых быть нельзя, иных бы книг никаких у него не было, для того что «высокоумием вознесся и высокословия возжелав, да не впадет в берег погибели, как и другие самомнители, о истине погрешившие и самомнением погибшие».

В обычном быту, т. е. в устах рядового человека, не штатного потешника, смехотворные шутовские речи иной раз приводили к суду и, разумеется, даром с рук не сходили, доставляя хорошие выгоды сутяжникам и всяким приказным. Так, в 1733 г. в Духовную Дикастерию была подана на Высочайшее имя следующая жалоба служителем лейб-гвардии Преображенского полку Алексеем Граниковским:

«Сего 17 июня дня настоящего 733 года случились быть у меня в доме гости, и без призыву моего пришел ко мне, в дом мой, викарий поп Василей... и принес с собой некую проказу, роспись смехотворную... тем при гостях учинил мне немалой афронт и бесче-

стье, понеже оные гости обвиняли меня в непостоянстве... Всемиловитивейшая Государыня Императрица! прошу Вашего Императорского Величества... да повелит державство Ваше, сие мое прошение, с приобщением с смехотворного реестра копию, приняв, записать... а оного попа, сыскав... допросить и... за бесчестье мое по сложению на нем взыскав, отдать мне, нижайшему, дабы впредь оной поп, ходя по домам, таких проказ и незаконных поступок чинить перестал».

«Роспись о приданом: вначале восемь дворов крестьянских, промеж Лебедяни, на Старой Резани, недоезжая Казани, где пьяных вязали, меж неба и земли, поверх лесу и воды; да 8 дворов бобыльских, в них полтора человека с четвертью, 3 человека деловых людей, 4 человека в бегах да 2 человека в бедах, один в тюрьме, а другой в воде; да в тех же дворах стоит горница о трех углах, над жилым подклетом... трети Московской двор загородной на Воронцовском поле, позади Тверской дороги. Во оном дворе хоромного строения: два столба вбиты в землю, третьим покрыто... —

Да с тех же дворов сходится на всякой год насыпного хлеба восемь анбаров без задних стен; в одном анбаре 10 окороков капусты, 8 полтей тараканьих да 8 стегов комарьих, 4 пуда каменного масла. Да в тех же дворех сделано: конюшня, в ней 4 журавля стоялых, один конь гнед, а шерсти на нем нет, передом сечет, а задом волочет; да 2 кошки дойных, 8 ульев неделаных пчел, а кто меду изопьет... 2 ворона гончих, 8 сафьянов турецких; 2 пустоши поверх лесу и воды. Да с тех же дворов сходится на всякой год всякого запасу по 40 шестов – собачьих хвостов, да по 40 кадушек – соленых лягушек, киса штей, да заход сахарей, да дубовой чекмень рубцов, да маленькая поточка молочка, да овин киселя; а как хозяин станет есть, так не зачем сесть, жена в стол, а муж под стол; жена не ела, а муж не обедал».

«Да о приданом платье: шуба соболья, а другая сомовья, крыто сосновой корой, кора снимана в межень, в Филиппов пост, подымя хвост. Три опашня сукна мимо-зеленого, драпно по три напасты локоть; да однорядка не тем цветом, калита вязовых лык, драпно на

Брынском лесу, в шестом часу; крашенинные сапоги, ежовая шапка... 400 зерен зеленого жемчугу да ожерелье пристяжное, в три молота стегано, серпуховского дела; 7 кокошников, шитые заяузким золотом... 8 перстней железных, золоченные укладом, камня в них лалы, на Неглинной бралы; телогрея ми-мокамчатая; кружево берестяное, 300 искр из Москвы-реки браны... И всего приданого будет на 300 пусто, на 500 ни кола. А у записи сидели с. Еремей да жених Тимофей, кот да кошка, да п. Тимошка, да сторож Филимошка. А запись писали в серую субботу, в рябой четверток, в соловую пятницу; тому честь и слава, а попу – каравай сала да обратина пива, прочитальщику чарка вина, а слушальщикам – бадья меду да 100 рублей в мошну; а которые добрые люди, сидя при беседе и вышеписанной росписи, не слушали – тем всем по головне... »

Дурак и дура нянчат котенка. Лубок

Эта роспись носит на себе все признаки XVIII ст., когда, вероятно, она и была составлена, а в это время ходила уже в списках. Мы

приводим ее как более или менее подходящую характеристику шутовских смехотворных речей, какими шуты-дураки потешали некогда своих слушателей. Мы видели, что шутовские статьи являлись на письме и в XVII ст.; но все подобные памятники, не имея делового канцелярского значения, быстро исчезали с самой жизнью старого общества, и только немногие из них попали в общий литературный оборот, переходя в какие-либо сборники или в разряд листов деревянной пе-

чати. Не говорим о литературе скоморохов, которая по особому свойству своих произведений должна была исчезать постоянно вместе с живым словом этих потешников. Эти произведения, случайно записанные, уже в романтическое время нашего века, даже в руках ученых издателей, тоже были отвергнуты за «пренебрежение умеренностью и правилами благопристойности, а также и за насмешливый тон»; как был отвергнут ими и знаменитый стих о Голубиной Книге, неприличный будто бы по смешению духовных вещей с простонародным рассказом.

Шутливые персоны Фома и Ерема.
Лубок

Одной из любимых русских комнатных утех в долгие осенние и зимние вечера, и особенно для грядущих ко сну, была сказка. Предки очень любили поминать прошлые события и берегли «память» о делах минувших. Лучшим доказательством и лучшим выражением их любви и уважения к памяти о прошлом служат летописи, разумеется, ранние, когда народные литературные начала не были еще стеснены односторонними книжными влияниями. Любовь и особое внимание к памяти о минувших делах и людях проходят через всю нашу историю и впоследствии получают только иное направление, когда память о делах людских сменяется памятью о делах Божьих, сказаниями о чудотворениях, о богоугодных людях, о подвижниках жизни иноческой. Письменная литература отдается по преимуществу этому направлению; но зато словесная устная остается верной своему первоначальному призванию и очень долго, даже до наших дней, сохраняет в памяти народа, конечно уже не историческую, летописную, а только поэтическую правду о людях и событиях. Она лучше помнит народных геро-

ев и вернее изображает истину их жизни, чем литература письменная, впоследствии совсем утратившая в своих изображениях жизненное чутье, если можно так выразиться.

Очень естественно поэтому, что сказочник, бахарь, как и домрачей и гусельник-гусляр, сменившие древних певцов и баянов, сделались, как теперь книга, домашней необходимостью, без которой не полна была бы жизнь всякого, кому не чужды были человеческие удовольствия. Их могло вытеснить, как и в действительности вытеснило, только писаное, т. е. печатное слово, и то тогда только, когда с половины XVIII ст. и оно поставило себе целью творчество художественное. У старозаветных людей и в начале нашего столетия бахарь-сказочник бывал еще необходимым членом домашнего препровождения времени. Это были поэты, если и не творцы, зато хранители народного поэтического творчества. Но не можем сказать, что они не были и творцами, ибо есть положительные свидетельства, что народная мысль не только свято хранила поэтическую память о минувшем, но с живостью воспринимала и поэтические

образы современных событий.

Записать на бумагу песню еще возможно было в конце XII века, как это сделал творец «Слова о полку Игореве», но и он уже, или его позднейший переписчик, не посмел назвать этот рассказ прямым именем – песней; он озаглавил его «словом», т. е. придал ему значение обычной в то время книжно-литературной формы – т. е. слова книжно-учительного, или книжно-повествовательного. В XV, XVI и XVII столетиях писать на бумаге песни – значило кощунствовать, развратничать, прямо обречь свою душу адской бездне, а свое земное существование вести по меньшей мере под батоги, а затем под начал, т. е. к монастырскому строгому и суровому исправлению: сидеть на цепи, работать всякую трудную монастырскую работу и непрестанно замаливать свой неразумный грех. Страшно было совершить такое преступление особенно потому, что одному греху обычно всегда приписывали и всякие другие грехи, ему родственные и свойственные. Поэтому записанные пустошные речи и песни равнялись еретичеству, неверию, и грамотные тетради не

церковного, да и не делового содержания были непременно заподозреваемы, как тетради еретические, богопротивные, кощунные; а былины с их мифическими образами прямо бы осуждены были на сожжение. Книжное слово зорко и неустанно берегло свою чистоту и тотчас изгоняло из своей сферы не только памятники явно богомерзкие, но и простую живую народную речь, которая всегда способна была высокую книжную фразу низвести в грязь просторечия или отверженного шутовства.

Должно заметить, что, отвергая народное слово, книжность, где было ей нужно, все-таки пользовалась песнями, как необходимым материалом. Она нередко по ним составляла свои летописные статьи, свои исторические повести и сказанья вроде «Поведания о Мамаевом побоище»; она вносила песни в хронографы (например песню о Скопине); она, по всему вероятно, по таким же песням в XVI—XVII ст. составляла свои сказания о зачале Москвы-города и т. п. Но, пользуясь поэтическим материалом от наших

древних баянов, от старинных бахарей, домрачеев и гусельников, она только искажала их песни, стирала живые их образы, всегда усердно переделывала их народную складную речь на свое книжное, сухое и чопорное, слово.

Как бы ни было, но многое нас убеждает, что в эпоху, о которой ведем речь, народная поэзия жила еще довольно полной жизнью и устное поэтическое слово постоянно оглашало и дворцовые палаты, и хоромы бояр, и народные празднества и игрища, что певцы и сказатели были людьми, необходимыми в тогдашней и общественной и домашней жизни. Известно, что царь Иван Васильевич не мог даже и засыпать без бахарей. Немцы, описывая его монашескую жизнь в Александровой слободе, говорят между прочим, что после вечернего богослужения царь уходил в свою спальню, где его дожидались трое слепых старцев; когда он ложился в постель, один из старцев начинал говорить сказки и небылицы, и когда уставал, то его сменял другой, и т. д. Царь от того скорее и крепче засыпал. Мы

полагаем, что это была общая привычка старинных русских людей, и царь Иван Васильевич является в этом отношении только сыном своего века. Он точно так же любил и веселых, т. е. скоморохов, любил медвежью травлю и тому подобные удовольствия, которые хотя и были гонимы, но, тем не менее, представляли обычный репертуар царского и народного увеселения. Царь Иван Васильевич собирал веселых и медведей по всей земле. В 1571 г. с этой целью приезжал в Новгород некий Субота Осетр, верно, царский потешник, и в Новгороде и по всем городам и волостям Новгородской области брал на государя веселых людей, да и медведи описывал на государя, у кого скажут. Субота занимался этим делом все лето с весны и 21 сентября поехал на подводах к Москве с собранными скоморохами, и медведей повезли с собой на подводах к Москве. Можно полагать, что и в других областях бывали подобные же сборы скоморохов, в числе которых певцы-гуслияры непременно занимали самое видное место. Остается не один раз сожалеть, что царские архивы погорели и мы вообще не имеем достаточных

подробностей об этой, как и о многих других статьях тогдашнего быта. Встречается известие, что у царя Василия Шуйского был бахарь Иван.

У царя Михаила мы находим те же старые русские комнатные утехи. Его увеселяют бахари, домрачеи, гусельники. В первые года ему бают басни бахари Клим Орефин, Петр Тарасьев Сапогов, Богдан Путята, или Путятин. Царь каждый год жалует им платье. Все эти пожалования произведены по «именному приказу», следовательно, в награду за потешенье.

С бахарями рядом по своему занятию стояли в Потешной палате домрачеи. По всей вероятности, занятия бахаря и домрачея очень часто соединялись в одном лице, ибо бахарь был повествователь, сказочник, а домрачей – миннезингер, песельник, воспевавший деяния прежних людей, т. е. былины и старины про богатырей, и вместе с тем и духовные стихи. Домрачеем он назывался по имени музыкального инструмента, на котором подыгрывал свой песенный лад и который у славян Западной Европы употребляется и теперь с

именем *момры*; это была *домра*, струнный инструмент, на котором играли пальцами, как на гитаре. Очень вероятно, что это – имя мандоры, образовавшееся от перестановки звуков, к которой так расположен русский язык, особенно в отношении слов иностранных; как, например, из другого слова – маскара – образовалось наше «скоморох» или «скомрах».

После домрачей Путяты, когда государь в 1626 г. женился, на свадьбе его тешили домрачей Андрюшка Федоров да Васька Степанов. Затем в Потешной палате являются уже домрачей слепые. Так было необходимо, если эти потешники должны были увеселять и молодую царицу не только в Потешной палате, но, как вероятно, и в ее хоромах. Что действительно они главным образом воспевали свои песни на царицыной половине, на это указывают награды им от лица государыни и довольно частая выдача им из царицыной казны денег на домерные струны. Государь неоднократно жаловал их платьем.

Таковыми же певцами народных песен были гусельники. Но неизвестно, находились ли

они при дворце постоянно, подобно домрачам, или только призывались временно

К числу веселых принадлежали также и скрыпотчики, из которых Богдашка Окатьев, Ивашка Иванов, Онашка да немчин новокрещеный Арманка тешили государя на свадьбе в 1626 г.; но в последующее время сведений о них не встречается, и нам неизвестно, состояли ли при Потешной палате музыканты этого рода.

Иногда в Потешной палате появлялись и другие потешники, о которых неизвестно, чем они забавляли государя. Так, в 1638 г. на Святках был взят с Тулы крестьянин Иевка Григорьев, которому 30 декабря сделан суконный лазоревый кафтан.

Музыка и пение сладкое из «Букваря» Каприона Истомина

Музыка, конечно, была одной из первых статей государевой домашней комнатной потехи, особенно на женской половине, увеселения которой ограничивались по преимуществу только домашними утехами. Заморские органы, как и всякие другие русские статьи

старинных дворцовых увеселений, были, по всей вероятности, и в то время помещены в одной из дворцовых палат, которая по этой

причине и должна была называться Потешной палатой. В год вступления на царство Михаила, в 1613 г., 10 ноября, устроены были также и потешные хоромы; тогда в них было отпущено к четырем дверям да к семи окнам на обивку красное сукно. В первой половине XVII ст. Потешная палата занимала несколько отдельных комнат в старом здании дворца, где находилась и Царицына Золотая палата и над которым потом выстроены были каменные покои Теремного дворца, после чего она именовалась иногда Потешным подклетом, ибо находилась уже в подклетном этаже терема. В этом помещении и сосредоточены были тогда почти все дворцовые комнатные забавы, начиная с органов и оканчивая бахрями, домрачяями, карлами и попугаями. Здесь хранилась и всякая потешная утварь и рухлядь, т. е. платье, разные вещи и разные музыкальные и другие потешные «стременты». При палате находились особые сторожа, носившие название потешных сторожей и получавшие соответственное своей службе жалованье. Она представляла в некотором отношении как бы особое ведомство, к которо-

му принадлежали все потешники и все лица, имевшие во дворце потешное значение. Главное заведование Потешной палатой принадлежало царскому постельничему, а впоследствии перешло в Приказ Тайных дел, так что в палате и в этом Приказе находились одни и те же сторожа, 4 человека.

Шествие в Успенский собор

В XVII ст., с первых же лет царствования Михаила Федоровича, органы и цымбалы составляли уже необходимую принадлежность дворцовой Потешной палаты, при которой

находились и постоянные игроки на этих инструментах, цимбальники и органные мастера. Под именем цимбал должно разуместь, по всему вероятно, старинный немецкий народный инструмент (гакебрет), грубое подражание фортепьянам, вроде русских гуслей, с металлическими струнами, на котором играли, ударяя по струнам двумя деревянными молоточками, обтянутыми сукном. Тем же именем могли обозначаться и клавесины или клавикорды, старинные фортепианы, так что цимбальник мог обозначать и цимбалиста или пианиста. В 1614 г. цимбальником Потешной палаты был Томило Михайлов Бесов, которого и самое прозвание указывает, что это был артист своего дела. После него упоминаются цимбальники Мелентий Степанов (1626—1632) и Андрей Андреев (1631). Они, без сомнения, устраивали не одну игру на цимбалах, но заведовали и органной игрой.

Органная игра, видимо, очень нравилась домашнему государеву обществу и потому были приняты меры устроить ее еще лучше, для чего и вызваны были, конечно, немцы. В 1630 г., 14 октября, выехали к государю послу-

жить ремеслом своим органного дела мастера, а главным образом мастера часовых дел, Анс Лун да Мелхарт Лун; а привезли они с собой из Голландской земли инструмент на органное дело, и тот они инструмент на Москве доделали и около того инструмента станок сделали с резью и расцветили краской и золотом; и на том инструменте сделали соловья и кукушку с их голосами; а как играют те органы – и обе птицы поют сами собой без человеческих рук. За то мудрое дело государь пожаловал им из своей казны 2676 рублей, вероятно, по оценке материалов и работы. Но, кроме того, когда работа была окончена и государь их дело смотрел и игры слушал дважды, им дано было по сорок соболей да «в стола место», т. е., вместо приглашения к царскому столу, – корм и питание, что было очень почетной наградой. В 1637 г. Анс или Яган Лун помер, а брат его в 1638 г. был отпущен в свою землю по собственному желанию, причем ему дано 100 руб. денег, сорок соболей по 40 руб. и шесть подвод. Государь приказал ему, чтоб он опять возвратился в Москву и вывез бы с собой двух часовых мастеров с условием

научить в Москве учеников. Немцы Луневы также выучили для своих органов мастера из московских.

Кроме больших органов, которые были сделаны еще в первый год их службы и стояли в Грановитой палате, они, вероятно, устроили несколько подобных же инструментов в меньшем размере и для Потешной палаты. Таким образом, с этого времени немецкая органная игра является уже не случайной гостью в царском дворце, а становится повседневной потехой в домашнем быту государя, служит постоянным увеселением для его семейства, для царицы и для детей и для всех ее комнатных людей. Впоследствии органное дело стало обычным делом и для московских дворцовых мастеров, так что государь посылал уже органы, как диковину, в подарок персидскому шаху. В первый раз органы московской работы были туда посланы в мае 1662 г.

Очень понятно, что в царской Потешной палате музыкальные инструменты, цымбалы, органы и т. п. существовали не для одного лишь гудения, а представляли необходимую и весьма важную статью и для других разно-

образных увеселений. При их помощи устраивалось, вероятно, всякое скоморошное дело – народные спектакли, начиная с кукольных комедий и оканчивая небольшими сценическими представлениями. Известно, что кукольная комедия и в старину принадлежала к числу потех общенародных, обычных, и нет сомнения, что ее происхождение относится к очень давним временам.

««Вместе с вожатыми медведей, – замечает Олеарий, – у русских можно встретить и комедиантов, которые между прочим представляют разные шутки посредством кукол; для этого устраивают они из холста, обвязанного вокруг тела, род сцены, помещающейся над их головами, на которой куклы представляют разного рода фарсы. С такими подвижными театрами ходят русские комедианты по улицам»»

73.

Конечно, для царских детей подобные потехи представляли одно из любимейших увеселений, поэтому в Потешной палате, судя по некоторым, хотя и скудным свидетельствам, шли постоянные представления даже немец-

ких фигляров, балансеров, фокусников и т. п., которые непременно разыгрывали и какие-либо действия, арлекинады, небольшие шуточные пьески, на что вообще хитры были странствующие немецкие и польские артисты, стоявшие, конечно, в этом отношении выше наших скоморохов.

В числе упомянутых всяких потех было и танцевание по канатам. По обычному правилу Московского двора – требовать от каждого заезжего искусника-немца, чтобы он выучил учеников своему художеству, и потешник Иван Семенов тоже учил русских людей своей бесовской мудрости. Его ученики, металлники и накрачеи, забавляли с тех пор царевича Алексея и находились в его штате. Для потех им тоже изготовлялось немецкое платье. Потешник Иван Семенов, видимо, был артист на все руки; он тешил государя и соколами и в домашних забавах возился с государевыми дураками или шутами.

В первые 20 лет царствования Алексея Михайловича почти вовсе не упоминается о потехах этого рода. Знаем только, что во время моровой язвы, опустошившей Москву в 1654

Г., когда оставленный дворец был пуст и зимой того года «от Грановитой к переграде и на Постельном и на Красном крыльце, и за переградой к Мастерской палате и от Стретенья и к Набережным хоромам и на дворцах», т. е. повсюду, лежали сугробы самые большие и пройти было невозможно, — в это время у государя в Верху, во дворце, в Потешном подклете оставался какой-то князь Ян (верно, потешное прозвание, быть может, тот же Иван Семенов) и карла с царскими попугаями, которых он сумел сберечь до возвращения царя в Москву.

Видимо, что молодой царь был мало расположен к утехам домашней Потешной палаты. Его в первые годы занимала исключительно псовая и соколиная охота, медвежьи бои, медвежьи и волчьи осоки⁷⁴, походы на лосей и вообще на лесного и полевого всякого зверя. Отвлекать таким образом молодого царя подальше от государственных дел было также в видах боярина Морозова, его дядьки и соправителя, тогдашнего временщика. Кроме того, в первые же годы царь обнаружил стремление обновить распущенную жизнь, внести в

нее строй и порядок, обнаружил, словом сказать, стремление к реформе, хотя еще вовсе и не сознавал, в чем она должна состоять, чтобы принести народу действительное благо. Был восстановлен идеал хорошей жизни, по старому – Домострой. Стремлениям царя тотчас ответила духовная власть, которая в эту эпоху находилась под влиянием многих староверов и изуверов и закладывала вместе с ними по поводу исправления и нового издания церковных книг основание для раскола.

Вспомнаны были некоторые решения Стоглава⁷⁵ и поучения его родного брата – Домостроя об искоренении бесовских мирских игр, сатанинских песен и позорищ, вообще о том, чтобы живым мирским людям устроить свое житие по старческому началу, т. е. в домах, на улицах и в полях песен не петь, по вечерам на позорища не сходиться, не плясать, руками не плескать, в ладони не бить, т. е. в хороводы не играть и игр не слушать; на свадьбах песен не петь и не играть глумотворцам, органникам, смехотворцам, гусельникам, пельсельникам, на Святках в бесовское сонмище не сходиться, игр бесовских не играть, песен

не петь, загадок не загадывать, сказки не сказывать, празднословием, смехотворением и кощунанием, такими помраченными и беззаконными делами душ своих не губить, личины (хари, маски) и платье скоморошеское на себя не накладывать, олова и воску не лить; зерню, в карты и в шахматы не играть; на Святой на досках не скакать, на качелях не качаться; скоморохом не быть; с гусями, с бубнами, сурнами, домрами, волынками, гудками не ходить; медведей не водить, с собаками не плясать; кулачных боев не делать, в лодыги (в бабки) не играть; не говоря уже о ворожбе, чародействе и вообще о мирском суеверии.

Все эти народные общественные и домашние удовольствия, всю эту мирскую радость девятнадцатилетний государь, под влиянием патриарха Иосифа и поддерживаемый в том своим дядькой Морозовым, решил искоренить во всей земле.

А.. М. Васнецов. Скоморохи

В 1648 г. по всем городам разосланы были царские грамоты с крепким подтверждением

читать их в соборах по воскресеньям и по торжкам в городах, в волостях, в станах, погостах, не по одиножды всем вслух. В этих грамотах царь, жалея о православных крестьянах, подробно и строго наказывал всему православному миру уняться от неистовства и всякого мятежного бесовского действия, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми прекратить, так что, по грамоте, вся земля должна была превратиться в один

огромный безмолвный монастырь с монашеским житием и старческим поведением. Ослушников на первый и второй раз велено бить батогами, а в третий или четвертый – ссылать в ссылку в отдаленные города, а гусли, домры, сурны, гудки, маски и все музыкальные, гудебные бесовские сосуды велено отбирать, ломать и сечь без остатку. Скоморохов же на первый раз бить батогами, в другой – кнутом и брать пеню по 5 руб. с человека. Такие же грамоты разосланы были повсюду и от митрополитов, которые грозили послушникам наказанием без пощады и отлучением от Церкви Божией (1657). Замечательно, что охота (псовая, ловчие птицы), столь любимая царем, хотя также отвергнутая отеческими поучениями, как видели выше, была в этих грамотах обойдена молчанием. Такое аскетическое нашествие на народные домашние и общественные игры и всякие веселости, не сумевшее сделать различия между оргией и обыкновенным увеселением, некоторое время действительно торжествовало.

Торжество старческих учений об этих сатанинских прелестях сего мира воодушевило и

молодого царя, который вообще был очень привержен к авторитету священства и монашества. Играя свою первую свадьбу, в том же 1648 году, он устроил так, чтобы, «вместо труб и органов и всяких свадебных потех, пяти певчим дьякам всем станицам (хором), переменяясь, строчные⁷⁶ и демественные⁷⁷ большие стихи из праздников и из Триодей другие вещи со всяким благочинием. И по его государеву мудрому и благочестивому рассмотрению бысть тишина и радость и благочиние великое, яко и всем тут бывшим дивитися и возсылати славу превеликому в Троице славимому Богу, и хвалити и удивлятися о премудром его царского величества разуме и благочинии». Убеждения царя в этом отношении были довольно тверды, и он долго не изменял тех распоряжений, какие сделаны были его грамотами. По крайней мере, спустя почти 20 лет, в его Приказ Тайных дел поступали на приход пенные деньги с качелей, которых, например, в 1665 г. за все время Святой недели, когда именно и качались на качелях, было собрано в Суздале и на посаде со всяких чинов людей 121 руб. 5 алтын.

Мало-помалу царский дворец в своих обычаях и порядках стал превращаться в настоящий монастырь, о чем с великим удивлением и даже с изумлением и с великой похвалой рассказывает архидиакон Павел Алеппский. Он описывает порядки царского обеда и с удивлением отмечает, что в скоромный день недели воскресенье перед Мясопустом у царя подаваемые кушанья все были рыбные, по монастырскому уставу, словно царь был настоящий монах.

«Мы видели, – пишет архидиакон, – еще того удивительнее вещь, приведшую нас в изумление’, после того как оба патриарха прочли застольную молитву, явился один из .маленьких дьяконов и, поставив посредине аналой с большой книгой, начал читать очень громким голосом житие св. Алексия, коего память празднуется в этот день, и читал с начала трапезы до конца ее, по монастырскому уставу, так что мы были крайне удивлены: нам казалось, что мы в монастыре...

Мы лицезрели сего святейшего царя., своим образом жизни и смирением превзошедшего

подвижников...». «О благополучный царь! – восклицает архидиакон. – Что это ты совершил сегодня и совершаешь всегда? Монах ты или подвижник?.. Что это совершил ты, чего не делают и в монастырях? Чтец читает из Патерика, певчие врем.я от врем.ени поют перед тобой!.. Какое сравнение с трапезой Василия и Матвея (Молдавских владетелей), кои не стоят быть твоими слугами,– трапезой с барабанами, флейтами, бубнам.и, рожками, песнями турок!..»

В сущности, в этом постническом повороте общественной жизни обнаружился иной ее поворот, неудержимый поворот к петровской реформе. Здесь высказывалась главным образом настоятельная потребность всенародного нравственного очищения, такая же потребность, какая была заявлена ровно за сто лет пред тем, изданием Стоглава и Домостроя. Но, как тогда, так и в эту минуту, руководители народной потребности смотрели не вперед, а назад, стремились найти источник нравственного обновления на старом, уже пройденном пути, в старых преданиях, в старых отеческих обычаях и поучениях. Отсюда

и в середине XVII ст. новое торжество того же Стоглава и того же Домостроя, т. е. торжество старой веры в смысле старой культуры, старого развития, старой нравственной выработки.

Таким образом, обычные при царе Михаиле домашние утехи дворцовой Потешной палаты при его сыне были оставлены. Молодой царь променял их на отъездное поле, на псовую и особенно на соколиную охоту, которая заменяла для него все роды других увеселений. В Потешной палате он не покинул лишь одной утехи, а именно бахарей, но, верный тем мыслям, которые отвергали бахарство, как бесовское угодие, и которые заставили его всенародно запретить эту утеху наравне со всеми другими, он придал дворцовым бахарям иной смысл, соответственный старинным отеческим учениям. В государевых Потешных хоромах вместо бахарей с этой поры живут уже нищие, называемые верховыми, т. е. придворными нищими, а впоследствии, с 1660 г., а быть может, и раньше, получившие официальное название богомольцев, верховых богомольцев. Англичанин Коллинс

(1659—1666) между прочим говорит, что царь содержит во дворце стариков, имеющих по 100 лет от роду, и очень любит слушать их рассказы о старине. Название этих стариков верховыми нищими, богомольцами, дает нам основание заключать, что это были убогие певцы, калики перехожие, как искони обозначал их народ. В старину слово «нищий» было синонимом слову «певец», ибо нищенствовать, просить милостыню значило воспевать о милостыни. Иностранцы-очевидцы единогласно свидетельствуют, что нищие, как увечные, так и простые колодники (тюремные сидельцы), всегда пели, когда просили милостыни.

Коллинс при этом рассказывает, что когда царский тесть, Илья Милославский, был посланником в Голландии, то голландцы хотели угостить его самой лучшей инструментальной и вокальной музыкой, какая была в Голландии, и спросили потом, как она ему понравилась. «Очень хорошая,— отвечал он,— точно так же поют наши нищие, когда просят милостыни».

«Не знаю, что именно играли ему»,— при-

бавляет Коллинс, удивляясь такому сравнению и замечая вообще о грубости русской музыки и русских напевов. Как бы ни было, но наши старинные нищие составляли особый разряд певцов, отличающийся от певцов домрачеев и гусельников тем, что нищие пели свои песни только от божественного, пели так называемые духовные стихи, что требовалось их прямым занятием и их ролью в обществе. Они появились в одно время с распространением Христовой веры и заимствовали содержание своих песен, как и сами напевы, от Церкви; они долгое время почитались людьми церковными, даже и жили при церквях, так сказать, у церковных дверей, из которых доносились к ним основные мотивы их песенного творчества. В последующее время, с усиленным развитием учений Домостроя, они из церковных людей становятся людьми, необходимыми в общественной организации, без которых невозможно идти путем спасения; они становятся столь же надобными благочестивому обществу, как и сам церковный чин, поэтому число их увеличивается неизменно, и они сидят, лежат не только у дверей

храма, но и повсюду на торжищах, на путях, особенно на перекрестных многонародных местах, каковы городские ворота, мосты и т. п.; они, как мы видели, живут в каждом благочестивом достаточном доме, как всегдашние его усердные богомольцы и верные орудия для добрых богоугодных и богобоязненных дел.

Благочестивый царь Алексей Михайлович еще маленьким пятилетним ребенком слушал песни нищих старцев, воспевавших ему о Лазаре. Юношей вступив на престол, он строго следует правилам домостроевского благочиния, отмечает домашние утехи прежнего времени и взамен домрачеев и гусельников поселяет в своем дворце нищих с их духовными стихами. Вот такие-то песни и рассказы, вместе с историческими былинами и новостями, вообще песнопения и сказания о героях действительной истории или о героях благочестивого подвижничества, должны были теперь занимать государя. Гудебные сосуды, т. е. музыкальные инструменты вроде домры, также были оставлены; о них вовсе не поминается в тех расходах, которые шли на

этих нищих. Знаем только, что сначала, в течение нескольких лет, они жили в Потешных хоромах, и ходили за ними потешные сторожи. Это-то и показывает, что своей ролью они заменили прежних бахарей и домрачеев, переменяв и мирское содержание песен и сказаний на церковное.

Обычный их наряд составляли кафтаны и рясы, теплые стамедные на овчине, или холодные дорогильные, киндячные, кумачные, крашенные, вообще из недорогих материй и большею частью смирных, т. е. темных цветов; также овчинные кошули (легкие шубы), шапки суконные с бобровым пухом или с соболям небольшим околком; дорогильные кушаки, шелковые пояса, сафьянные зеленые или лазоревые башмаки и простые сапоги; на рубахи, порты, простыни, платки, полотенца давался им холст, иногда полотно. Спали они на кожаных тюфяках, набитых оленью шерстью, на подушках из гусиного пера или из пуха, крытых киндяком или кожей; покрывались одеялами киндячными, стеганными на хлопчатой бумаге, или же одевальными овчинными шубами. Весь такой наряд они по-

лучали через два года в третий готовым платьем или материалом, а нередко и деньгами. Но впоследствии, когда их роль стала терять свой смысл и значение, дворцовое хозяйство стало их забывать; в 1689 г. они били челом, что носят платье уже шестой год, все обносились.

На разные мелкие, необходимые для них расходы им также выдавались деньги из царской казны. Так, в 1666 г., 22 марта, богомольцам, пяти человекам, во время их говенья, выдано из Приказа Тайных дел по полтине, чтоб «отдать те деньги отцам своим духовным от поновленья», т. е. за исповедь. На тот же предмет выдано полполтины и жившему при них карлику Тимофею Семенову. При царе Алексее (1666–1676) они получали годового жалованья на рубахи, порты, сапоги и на мытье белья и платья по 4 руб. с полтиной на каждого. Кормы им были тоже хорошие из дворца: по праздникам и в субботние дни им выдавалось по две чарки вина, по кружке меду каждому. Когда умирал кто-либо из них, то царь собственными деньгами очень щедрой рукой «строил душу» покойного. Отпевание

происходило всегда на Троицком Сергиевом подворье. На отпевании всегда присутствовал и сам государь и после отпевания раздавал духовенству поминальные деньги. Верховых нищих хоронили в Екатерининской роще (ныне Екатерининская пустынь, 25 верст от Москвы); на погребение государь жаловал тогда 5 руб.

В первое время, когда эти верховые нищие еще имели значение бахарей и жили в Потешных хоромах, их число было невелико, кажется, не более пяти человек. Вот их имена за 1665 г.: Никифор Андреев, Мелетий Васильев, Иван Никонов, Евдоким Иванов, Венедикт Тимофеев. В 1668 г. их было уже 13 человек. Вскоре по смерти царицы Марии Ильиничны к тому прибавилось еще трое; в 1670 г. их числится 20; в 1676 г.— 14 чел.; в 1677 г.— 13 чел.; в 1685 г.— 33 чел, а в 1689 г.— 35 человек. Какие были поводы увеличивать их число, нам тоже неизвестно; но можно предполагать, что это делалось по каким-либо благочестивым соображениям царской семьи. Так, число 13 появляется в то время, когда наследнику престола царевичу Алексею Алексеевичу испол-

нилось 13 лет⁷⁸. Трое к тому причислены почти в день смерти царицы.

С увеличением их числа из них уже прямо образовалось нечто вроде придворной богадельни, поэтому и их содержание приведено было во всех частях в годовой штатный порядок. Сверх того им выстроена была даже особая баня вне Кремля, у Боровицких ворот. Как скоро это общество царских бахарей получило такое благочестивое значение, то, конечно, в него избирались и поступали старики уже не с достоинствами бахаря, а по преимуществу люди убогие. Действительно, в числе их мы находим: расслабленных, немых, глухих, слепых, горбатых, безруких, безногих; так обозначаются они при своих именах в виде прозвищ. Между прочим, один из них, Еуфим-безногий, в 1675 г. учился иконному письму, за что и был пожалован кафтаном. Другой, Полуект Никифоров, безрукий, выучился писать иконы устами, и до сих пор еще сохраняются иконы его письма, одна даже с подписью:

«Лета 7191 Сентября в 3 день писал сей образ изограф Полиевкт Никифоров,

от рождения рук не имел и писал уста-
ми»⁷⁹.

При царе Федоре Ал. верховые богомольцы живут уже в особых хоромах подле царского каменного терема. Но их старое значение как государевых бахарей все еще сохранялось и в это время, и, очень вероятно, если не все, то некоторые из них все еще потешали государя своими рассказами. В некотором смысле потешное их значение обнаруживается в том, что у них живут царские дураки; в 1679 г. у них жили дураки: Петр, Семен и, кажется, Федор, вывезенный тогда из Переяславля. Дураки, как известно, носили официальное значение государевых потешников.

Свадьба карликов при дворе Петра Велико-
го

К концу XVII ст. и на женской половине дворца при комнатах цариц и царевен появились такие же свои нищие, верховые богомолицы, вдовы-старухи и девицы. Они жили в подклетах у царицы Прасковьи Федоровны, у царевны Екатерины Алексеевны и у царевен меньших, возле их хором. Здесь, без сомне-

ния, они исполняли должность бахарок или сказочниц. В 1687 г. у царевны Екатерины Алексеевны живут в ее верхней комнате богомолицы: одна старуха и семь девиц, в том числе одна слепая, которым царевна 28 октября сшила новые рясы и телогреи. В 1674 г. у царевны Марфы Алексеевны жила девочка безногая.

Нам следует упомянуть еще о карликах.

Карлы и карлицы по своему значению принадлежали тоже к необходимым членам дворцового потешного общества. Вместе с арапами их держали, как живую редкость, как игру природы, необычайную, несообразную и потому возбуждавшую особенное любопытство, наивное удивление и ребяческий наивный смех. Подобными предметами красилось тогдашнее тщеславие, обличавшее тем свои грубые и нечеловечные вкусы. Поэтому карлик являлся всегда спутником царской и боярской жизни, т. е. вообще жизни богатой, широкой и просторной, которая в его фигуре находила особую красоту для своей роскошной обстановки. Как живые куклы, карлики, имея декоративное придворное значение, очень часто служили также и для потехи, вместе с шутами. Флетчер говорит, что царь

Федор Иванович вечернее время до ужина проводил с царицею в увеселениях, на которых шуты и карлы, мужского и женского пола, кувыркались перед ним и пели песни, и это была самая любимая его забава между обедом и ужином⁸⁰.

О том, что иногда бывало в хоромах царских и боярских в допетровской Руси, мы можем судить также по некоторым чертам княжеского литовско-русского быта, который во многом и долго сохранял культуру старинной Руси, Киевской и Галицкой, а следовательно, по прямому наследству и Московской, ибо московская бытовая культура была только наиболее полным развитием общей русской княжеской культуры. Англичанин Горсей, при царе Федоре Ивановиче, попал в Вильне на обед к литовскому князю Христофору Радзивиллу и описывает его следующим образом: «Обед начался при звуке труб и при рокотании барабанов. После первых кушаний явились шуты и поэты для увеселения гостей; потом толпа разряженных карлов и карлиц вошла в залу, при пении, сопровождаемом заунывными звуками свирелей». Радзивилл сравнивал Горсею эту музыку с кимвалами Давида и колокольчиками Аарона. После обеда Горсей смотрел разные странные потехи со львами, с медведями и быками⁸¹. Все это, даже кушанья, а именно – сделанные из сахарного теста подобия львов, единорогов, парящих ор-

лов, лебедей и пр.— столько же обрисовывает как литовско-русский, так и московско-русский дворцовый быт.

У царя Михаила Фед. еще в первые годы царствования мы встречаем карлика Ивашку Григорьева, с 1616 г.; а у матери царя, великой старицы иноки Марфы Ивановны,— карлицу Афимью, 1619 г.⁸² Затем упоминаются: Васька Григорьев, 1622 г.; Гришка Михайлов Ключарев, 1625 г.; Петрушка Хомяков, с 1625 г, которого в 1632 г. женили; Федька Игнатьев, 1630 г.; Филька Игнатьев, 1631 г.; Степанка, Стенька Наумов, 1631 г.; Демка Софонов и Сидорка, 1632 г.; Сенька, 1633 г.; Зиновка, Зинка Павлов, 1634 г.; Ивашка Тимофеев, Стенька Иванов, Офонька Семенов, Михейка Павлов, жившие в хоромах у царевича Алексея Михайловича, 1638—1640 гг.; Ивашка Псковитин, карла Потешной палаты, 1640 г., быть может, тот же Тимофеев; Ивашка Федотов, 1643 г.

В комнатах царицы Евдокии Лукьяновны жили карлицы: девка Анютка, 1627 г.; Офушка, 1629 г.; Софья, 1630 г.; Федорка, с 1632 г.; Марфутка, 1633 г.; Соболяка, Парашка, Анютка Бык, 1642—1648 гг.; Манка, 1644 г. В комнате у

царевны Ирины – Катька и Палагейка, 1642 г.; у царевны Анны Михайловны – Фекла, Феколка, 1648—1653 гг.; у маленькой царевны Евдокии Алексеевны – Акилина, Прасковья, с 1651 г.; Аксинья, 1652 г.

При царе Алексее Михайловиче поминаются: Ивашка да Ортюшка, 1648 г.; Иван Федотов Горбун, 1654 г. Карлы у царевича Алексея Алексеевича: Иван Зуев, 1660 г.; Тимошка Маленький, 1661 г.; Петр Семенов, 1664 г.; Карп Реткин, 1664 г.; Дмитрий Верхоценский, 1668 г.; Петр Бисерев, 1669 г. У царевича Федора Алексеевича: Карп Реткин, Петр Бисерев, 1672–1686 гг.; Клим Андреев, 1668 г.; Ивашка Юдин, 1671—1690 гг.; Янка Иванов Ветчинка и Ветчинкин, 1671—1686 г.; Василий Хомяков, 1674—1686 гг.; Петрушка Шимшин, Петр Гаврилов, Петрушка Клопок, 1674–1686 гг. У царевича Ивана Алексеевича: Дмитрий Верхоценский, 1677—1690 гг. У царевича Петра Алексеевича с первого времени его возраста: Никита Гаврилов Комар (умер в 1690 г.); Ивашка Комар и Климка Комар; Ивашка и Емелька, Спиридон, Игнатий и Михаил Кондратьевы; Васька Родионов, а также и другие

из поименованных ниже. Должно заметить, что эти карлики у маленького Петра составляли его первое потешное общество. В 1684 г. для потехи им были сшиты немецкие кафтаны и немецкие платна. В 1685 г., 30 апреля, карла Никита Комар на 5 телегах перевез в село Преображенское всякие хормные потехи и ружье, а 1 июля ему же, Комару, да Спиридону, Ивану и Игнатию Кондратьевым выдано по полтине на починку потешного ружья или оружия.

Карл и карлица. Лубок

В 1686 г. и позднее упоминаются: Антипа Ларионов Пятово, обозначенный даже комнатным стольником; Матвей Филиппов, Алексей Ивановский, Емельян Хомяк и Хомяков, Роман Васильев, Яков Ильин, Ермолай Мишуков, Михайло Щеголев, Никита и Спиридон Муратовы, Денис и Федор Еремеевы, Артемий и Василий Федоровы, Лука Тимофеев, Никифор Нагаец и др. Вероятно, в числе этих имен есть некоторые из упомянутых прежде.

У царицы Натальи Кирилловны в 1672 г. показано карлиц 14 человек, а в 1673 г. – 22 чел., но в том же числе, быть может, должно считать и девиц боярышень.

Карлики и карлицы ходили в обычном тогдашнем наряде, но всегда светлого цвета, преимущественно лазоревого и червчатого, также зеленого и желтого. Те и другие носили красные или желтые сапоги. Карлам, сверх того, иногда шили курты и епанчи и немецкие кафтаны, а вместо шапок арачкины – ермолки.

В хоромах особенная комнатная должность их заключалась, кажется, в том, чтобы

ухаживать за попугаями, а следовательно, исполнять и другие подобные заботы. Когда, при царе Алексее, во время мора, весь двор выехал из Москвы и во дворце, в Потешной палате, остался жить карла Ивашка, ему были отданы на сохранение и все комнатные попугаи. В 1659 г. он рассказывал об этом в челобитной, поданной царю с просьбой вознаградить его расходы.

Вместе с карликами такое же потешное и декоративное придворное значение имели арапы. У царя Михаила, еще в молодых его летах, в 1614 г., жил, вместе с дураком Мосегой, арап Мурашка. В 1616 г. упоминается другой арапок – Давыдка Салтанов.

У царицы Евдокии жила в 1630 г. арапка Степанида, которая потом отдана была в Светлицу в ученицы, вероятно, по достижении возраста. В 1632 г, в ноябре, был крещен в православную веру арап Берекет; поступил ли он потом во дворец, неизвестно. В 1668 г. у царя Алексея живет арап Савелий, который тогда был отдан учиться грамоте подьячему Земского приказа Ваське Коверину. Через год подьячий, прося награды за ученье, писал в

своей челобитной государю, что «он, Савелий, Часовник и Псалтырь у него выучил и, выучась, давно отшел, а за ученье ничего не давано». Упомянем также, что при Петре во дворце находились три арапа: Томос, Овить, Аврам.

Под стать арапам и арапкам нередко являлись при дворе маленькие калмычонки и калмычки, обычно привозимые из плена. Последние, окрещенные в православную веру, воспитывались до возраста в хоромах царицы, потом обучались рукоделию в царицыной Светлице и выдавались из дворца замуж. На государевой половине, особенно при комнатах царевичей, воспитывались того же рода мальчики: у царя Федора Алексеевича, в 1679 г., жили два калмычонка, Петрушка Аверкиев и Ромашка Васильев.

Другие дворцовые увеселения, которые не входили в круг увеселений Потешной палаты, заключались в разных зрелищах. Из них первое, самое старое и обычное, была медвежья потеха. Если дурак был необходимым и самым обычным предметом домашней утехы, то в такой же мере необходимым и самым

обычным предметом общественной утехи был медведь. Он, выученный различным людским ухваткам и людскому поведению, бродил со своими поводырями по всей Русской земле, из города в город, из деревни в деревню, потешая и забавляя добрых людей карикатурным, а отчасти и сатирическим представлением их же нравов и обычаев. Во дворце, конечно, собиралось все самое замысловатое и самое искусное в этом роде. Мы упоминали, что при царе Иване Грозном медведи на государеву потеху отыскивались по всем областям и лучшие отбирались, разумеется, силой, во исполнение царского указа. Есть грамота о том же (1619) молодого царя Михаила, только вступившего на престол. Успокаивая и устраивая расшатавшееся и разоренное царство, молодой государь немало заботился и об устройстве своей дворцовой жизни, разумеется, по старым уставам и порядкам. Таким образом, не была забыта и медвежья потеха. Чтоб собрать вновь для этой потехи медведей и собак, государь послал на Север, в медвежью сторону, грамоту.

Так собиралось по всей земле все, что толь-

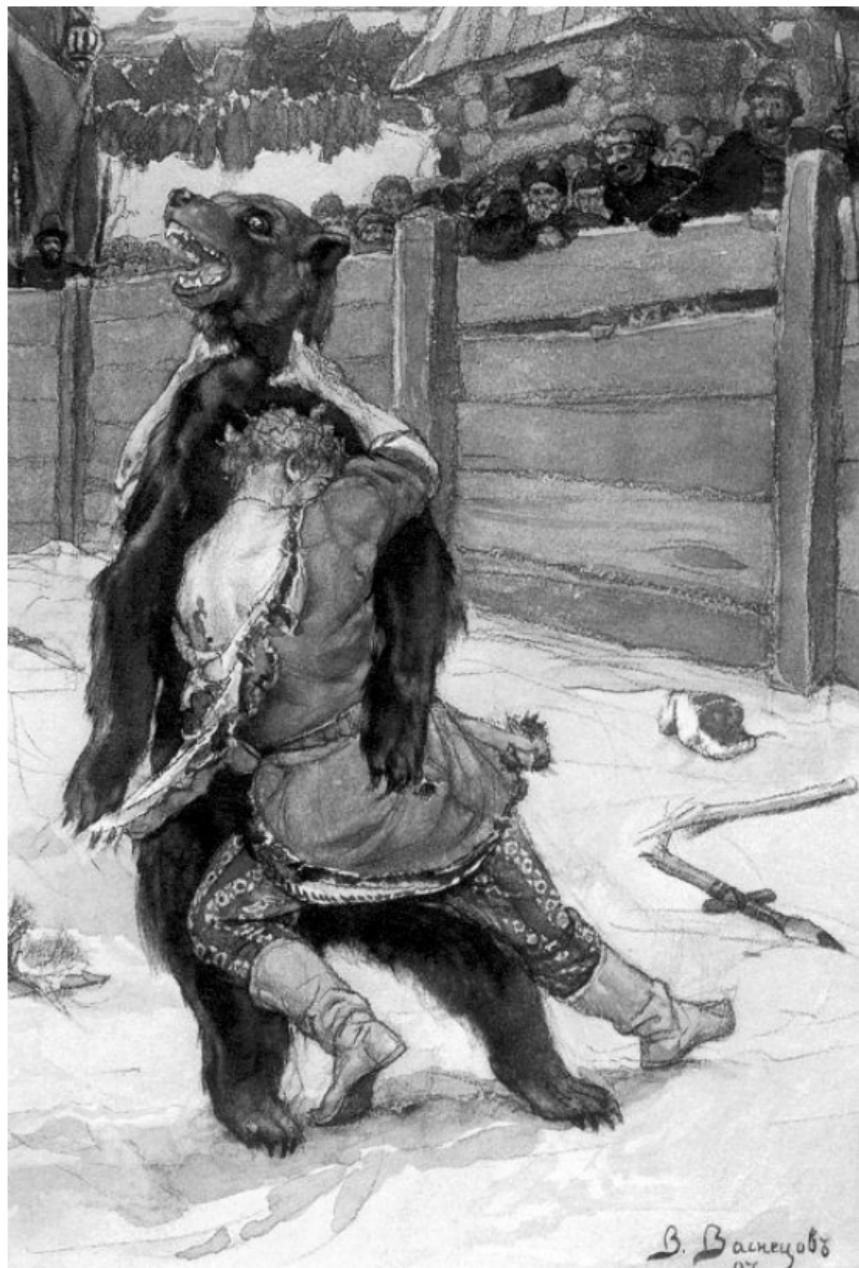
ко было необходимо для государева двора, так собирались всякие художники (например иконописцы), ремесленники и разные искусные мастера, когда их искусство и работа требовались для государева обихода. Государь был вотчинником своей земли и потому, как вотчинник-помещик, почитал своей собственностью всякий нужный ему предмет и труд.

В Москве для медвежьей, как и вообще для звериной, потехи и охоты был устроен обширный псарный двор, где, кроме медведей, содержались и другие звери и разного рода охотничьи собаки. Медведи, постоянно жившие во дворе, вероятно, ученые, назывались дворными, другие были гончие, также сступные, спускные и, наконец, дикие, которых поставляли на потеху прямо из лесу. Зимой 1664 г. привезены были из Мезени даже и белые медведи. Медвежья потеха была разнообразна, но вся она распределялась собственно на три статьи: медвежья травля, медвежий бой и медвежья комедия, если правильно будет так назвать медвежьи представления с поводчиками, т. е. с неизменной его спутницей —

ряженной козой. Должно полагать, что все эти три статьи входили в состав каждого зрелища медвежьей потехи, которое могло начинаться комедией или драмой – травлей и оканчиваться трагедией – боем или единоборством. Во всяком случае, это был довольно разнообразный и очень занимательный спектакль для тогдашнего общества, вполне заменявший ему наши театральные зрелища. Медвежьих увеселения давались обычно в Кремле на дворце, т. е. где-либо на нижнем под горой или на заднем государевом дворе, на особо устроенном для того месте. В XVII ст. нередко они давались и на старом Цареборисовском дворе, у палат патриарха. Кроме того, эта потеха справлялась иногда и в загородных дворцах, при царях Михаиле и Алексее довольно часто в Покровском-Рубцове, в Хорошове, в Танинском. На Масленой неделе эта государева потеха устраивалась обычно на Москве-реке для всенародного зрелища и увеселения.

В. М. Васнецов.

Царская потеха: борьба царского пса с медведем. 1897 г.

В. Васнецов

Так, в 1675 г., 13 февраля, был указ ловчему Матюшкину «со всей потехой быть готовым на Москве-реке – с медведями, которых будут колоть рогаatinaми, и с вилами охотники и псарь; с волками и с лисицами, и с собаками борзыми и с меделянскими; а указано ему быть готову после раннего кушанья совсем и ждать его великого государя указу». По рассказу Рейтенфельса, однажды в субботу на Масленице «на Москве-реке на льду была травля белых самоедских медведей британами и другими собаками страшных пород. Эта сцена порядочно позабавила, потому что и медведи и собаки не могли крепко держаться на ногах и скользили по льду». Во дворце медвежий спектакль давался во всякое время года, но, разумеется, чаще осенью и зимой, чем летом, и притом здесь представлялись только комедии и трагедии, травля же происходила чаще всего на псарном дворе, и только по праздникам.

Известно, что медвежьи поводчики забавляли публику и своими присказками и приговорками, которые объясняли медвежьи дей-

ствия и служили как бы текстом к этому медвежьему балету. О том, что когда-то представляли ученые медведи, мы можем составить понятие из одного газетного объявления, относящегося к половине XVIII ст. В «Петербургских Ведомостях» 1771 г. от 8 июля было напечатано: «Для известия: города Курмыша, Нижегородской губернии, крестьяне привели в здешний город двух больших медведей, а особливо одного – отменной величины, которых они искусством своим сделали столь ручными и послушными, что многие вещи, к немалому удивлению зрителей, по их приказанию исполняют, а именно: 1) вставши на дыбы, присутствующим в землю кланяются, и до тех пор не встают, пока им приказано не будет; 2) показывают, как хмель вьется; 3) на задних ногах танцуют; 4) подражают судьям, как они сидят за судейским столом; 5) натягивают и стреляют, употребляя палку, будто бы из лука; 6) борются; 7) вставши на задние ноги и воткнувши между оных палку, ездят так, как малые робята; 8) берут палку на плечо и с оной маршируют, подражая учащимся с ружьем солдатам; 9) задними

ногами перебрасываются через цепь; 10) ходят, как карлы и престарелые, и, как хромые, ногу таскают; 11) как лежанка – без рук и без ног лежит и одну голову показывает; 12) как сельские девки, смотрятся в зеркало и прикрываются от своих женихов; 13) как малые ребята, горох крадут и ползают, где сухо – на брюхе, а где мокро – на коленях, выкравши же – валяются; 14) показывают, как мать детей родных холит, и как мачеха пасынков убивает; 15) как жена милова мужа приголубливает; 16) порошок из глаза вычищают с удивительной бережливостью; 17) с меньшей осторожностью и табак у хозяина из-за губы вынимают; 18) как теща зятя потчевала, блины пекла и, угоревши, повалилась; 19) допускают каждого на себя садиться и ездить, без малейшего сопротивления; 20) кто захочет, подадут тотчас лапу; 21) подадут шляпу хозяину; 22) кто поднесет пиво или вино, с учтивостью принимают и, выпивши, посуду назад отдавая, кланяются. Хозяин при каждом из выше помянутых действий сказывает замысловатые и смешные приговорки, которые тем приятнее, чем больше сельской простоты в

себе заключают. Не столько бы вещь сия была смотрения достойна, ежели б сии дикие и в прочем необуздаемые звери были лишены тех природных своих орудий, коими они людям страх и вред наносят; напротиву того, не обрублены у них лапы, также и зубы не выбиты, как то обычно при таковых случаях бывает. Все вышепомянутое показывано быть имеет в праздничные дни в карусельном месте противу церкви Николая Чудотворца, пополу-дни к 6 часу. Первые места – по 25 коп., вторые – по 15 коп, а последние – по 5 коп. с человека. Смотрители впускаемы будут за заплату наличных денег».

Медвежий бой представлял также самое обычное зрелище во дворце, которое так и называлось «дворцовой потехой» и устраивалось, конечно, не исключительно для одного только государя или для одного мужского чина, но, вероятно, и для всех любопытных и из женского чина. На этом зрелище бывали даже малолетние дети; например, в 1634 г., в субботу на Масленице, пеший псарь Герасим Степанов тешил пятилетнего царевича Алексея Михайловича дворовыми медведями, и на

той потехе медведи на нем кафтан изодрали. Это зрелище было самым любимым и у самого доброго и богомольного царя Федора Ивановича. Именно по поводу его потех Флетчер описывает подробно и это зрелище⁸³...

«Бой с медведем, – говорит он, – происходит следующим образом: в круг, отнесенный стеной, ставят человека, который должен возиться с медведем как умеет, потому что бежать некуда. Когда спустят медведя, то он прямо идет на своего противника с отверстой пастью. Если человек с первого раза даст промах и подпустит к себе медведя, то подвергается большой опасности; но как дикий медведь весьма свиреп, то это свойство дает перевес над ним охотнику. Нападая на человека, медведь поднимается обычно на задние лапы и идет к нему с ревом и разинутой пастью. В это время если охотник успеет всадить ему рогатину в грудь между двумя передними лапами (в чем, обычно, успеваает) и утвердит другой конец ее у ноги так, чтобы держать ее по направлению к рылу медведя, то обычно с одного разу сшибает

его. Но часто случается, что охотник дает промах и тогда лютый зверь или убивает, или раздирает его зубами и когтями на части. Если охотник хорошо выдержит бой с медведем, его ведут к царскому погребу, где он напивается допьяна в честь государя, и в этом вся его награда за то, что он жертвовал жизнью для потехи царской».

Напротив, мы имеем официальные свидетельства от того же времени, что бойцы всегда получали в награду портище хорошего сукна на кафтан, ценой в 2 руб.; это было обычным государевым жалованьем за такую потеху не только в XVI, но и в течении всего XVII ст. В особенных случаях бойцы получали и большую награду. Разумеется, и эта награда, по нашим понятиям, не соответствует подвигу. Но должно заметить, что подвиг ходить одному на дикого медведя в то время едва ли почитался делом необычайным, редким; судя по множеству таких случаев на одной только царской потехе, он был простым, рядовым явлением охотничьей жизни, а потому и ценился в меру своей, так сказать, повседневной ценности. Большею частью бой-

цы принадлежали к дворцовому же государеву чину и состояли в ведомстве Конюшенного двора при «Ловчем пути», или при царской охоте. Это были псовники, конные и пешие псаря и собственно охотники, или ловцы зверей,— первые люди Ловчего пути. Из них при царе Михаиле особенно знаменит был пеший псарь Кондрат Корчмин. В 1616 г., в ноябре, на большой потехе во дворце на нем медведи изодрали зипун; а в декабре на потехе его медведь измял и платье на нем ободрал. Через год, 1618 г., в январе, он опять потешал царя медвежьим боем; в феврале 1620 г. опять на потехе бился с медведем. В том же году, сентября 11-го, вместе с товарищем, тоже псарем, Сенькой Омельяновым, тешил государя на Старом Царевоборисове дворе дворными медведи-гонцами. На этой потехе медведь ему изъел руку, а товарищу его, Сеньке, изъел голову. В январе следующего 1621 г. он снова на потехе с четырьмя товарищами-псарями; все они бились с дикими медведями вилами... Таким образом Корчмин увеселяет государя, т. е. ходит на медведя, в течение десяти лет, а быть может, и больше, ибо мы не имеем пол-

НЫХ ПОГОДНЫХ ЗАПИСОК ОБ ЭТОЙ ПОТЕХЕ.

Н. Самокиш. Схватка с медведем

Другой герой медвежьей потехи, конный псарь Алексей Меркульев, ходит на медведя в продолжение двадцати лет с лишком. Третий псарь, Петр Молчанов, стаивал на потехе больше тридцати лет, 1620—1651 гг., четвертый, Осип Молчанов, — около 25 лет.

Не по разу также хаживали на медведя на

государевой потехе и многие другие товарищи Корчмина, Меркульева и Молчанова, например: Сенька Омельянов, 1620–1626 гг.; Ивашка Санин, 1620—1626 гг.; Афанасий Дмитриев, 1616—1620 гг.; Олфер Вараксин, 1620 г.; Марко Юрьев, 1621—1627 гг.; Степан Ябедин, который в феврале 1620 и 1621 гг. перед государем колол дикого медведя рогатиной, а в 1622 г, декабря 31-го, на потехе медведь изодрал на нем платье; охотник Еремей Теряев, 1646–1650 гг.; Семен Головцын, 1646—1648 гг.; Тимофей Неверов, 1649 г., и т. д.

Все это показывает, что служители царского Ловчего пути – охотники, псаря, псовники – едва ли не все были истыми героями Медвежьего поля и считали для себя весьма обычным делом выходить по надобности и на государеву потеху. Из некоторых указаний видно, что подвиг медвежьего поля становился достоянием целого рода; таковы были псаря Молчановы при царе Михаиле, упомянутые выше Петр и Осип; последний если не сын, то, вероятно, брат первого, передавшие в наследство свою силу и отвагу и своим детям, из которых при царе Алексее были известны

сыновья Осипа, Матвей да Иван, 1646—1651 гг.; также Михаил, Любим, Фадей, тоже родичи, если не дети первых. Славна была и семья Озорных: отец, Богдан Озорной, потешал царя Михаила с 1621 г, а сыновья, Никифор и Яков,— царя Алексея с 1647-го, и т. п. Нередко сыновья ходили на бой заодно с отцами. Так, в 1646 г. человек боярина Б. И. Морозова Иван Брыдкин с сыном Афанаськой имались с медведем в селе Павловском 31 янв.; потом бились с медведем в январе 1648 г.

Это свидетельство указывает также, что на дворцовую потеху вызывались или призывались иной раз охотники и из других сословий или чинов. В декабре 1614 г. царя потешали трое стрельцов, в том числе Семька Федоров; у них на потехе медведь изодрал кафтаны. В марте 1618 г. на потехе драл медведь задворного конюха Ивана Столешникова... В феврале 1632 г. на потехе медведь драл сына боярского Галиченина Федора Сытина, который получил за потеху сукно на однорядку, дороги гиланские на фerezи да на кафтан и на приклады к платью деньгами 5 руб.,

всего на весь наряд 14 руб. Конечно, то был счастливый бой, когда оканчивался только драньем платья; но иногда, как мы и выше видели, бойцы подвергались разным увечьям, что обычно обозначалось: «медведь его ел». Так, в январе 1619 г. дикий медведь «ел» конного псаля Петрушку, прозвище Горностаи. В январе же 1626 г. был изувечен охотник Алексей Титов – на дворце дикий медведь «ел его за голову и зубы выломал». В декабре 1636 г. в селе Рубцове медведь-гонец изломал псовника Василия Усова и платье на нем ободрал.

Из этого перечня медвежьих боев видим, что их героями нередко бывали жильцы, т. е. люди среднего дворянства, не говоря уже о детях боярских, подключниках и других придворных чиновниках, принадлежавших к дворянству мелкой сошки.

Была еще потеха львиная. Львы были привезены в Москву еще при царе Федоре Ивановиче. Быть может, с того времени устроен и особый львиный двор, находившийся у Китайгородской стены. Можно догадываться, что так называемая Яма (долговая тюрьма)

есть именно старое помещение львов или старинный Львиный двор. При царе Михаиле в 1619 г. (8 февраля) какой-то рязанец Гришка Иванов вышел к государю «со зверем львом из Кызылбаш», т. е. из Персии; он ли сам его привез или только сопутствовал привезенному оттуда льву, неизвестно. Одно смотренье на такого редкого зверя уже доставляло немалую потеху для государя и его семейства, как и для всего общества Москвы. Но лев участвовал иногда и в обычной медвежьей потехе.

При царе Михаиле в Москве появилась и другая редкая потеха – приведены были слоны. В 1625 г. ,12 июня, в селе Рубцове-Покровском тешили государя на слонах слоновщики Чан Ивраимов и Фотуд Мамутов. В 1626 г., 31 октября, вероятно, тот же слоновщик «арап Тчан» и в том же селе опять тешил государя слоном.

С Севера нередко самоеды пригоняли в Москву оленей, которые также потешали царское семейство. В 1617 г. олени были пригнаны из Кольского острога; в 1643 г. 16 декабря, с живыми оленями приезжал мезенский самоедин Вак Пургин. Можно полагать, что

пригон оленей был чем-то вроде обычной дани или обычных даров государю от самоедского населения. В 1666 г. самоеды, которые были присланы с Кевроли и с Мезени с государевыми оленями, Тренка Иншин, Былка Марчиков, Ядовк Соболков, Обленисков Подекирпов, Якунка Облесов, на Сырной неделе по указу Великого государя ездили на оленях на дворе.

Упомянем о некоторых особенных зрелищах, какие изредка служили также увеселением для государева семейства. В 1633 г., июля 18-го, поручик Анц Зандерсон и золотого дела мастер Яков Гаст тешили государя во дворце поединком на длинных пиках и шпагах, за что были хорошо награждены: первый, вероятно, победитель, получил 10 аршин камки и сорок соболей, второй – сорок соболей.

В 1634 г., осенью (23 ноября), стрелец Петрушка Иванеородец тешил государя в селе Рубцово: носил на зубах бревно. В 1645 г., 28 марта, царицын сенной сторож Микулка Остафьев тешил государя и царевича: бился с дураком Исаем, за что по приказу царевича (Алексея Михайловича) ему выдано 4 аршина

сукна в 2 рубля.

Наконец, при царе Алексее во дворце появились зрелища театральные. Изгоняя отовсюду скоморохов и скоморошество, это наше родное или на своей родной почве выращенное произведение народной веселости, наша старина, против всякого чаяния со стороны древних Домостроев, совсем неожиданно попала на комедийное действо, по-царски устроенное, притом по происхождению немецкое, которому, следовательно, было как-то позволительнее явиться перед глазами старого благочестия. Немцы брали свои представления из Библии. Для русских убеждений это было развратом, и потому на Русской земле могло являться только в иноземном образе, который служил оправданием всякому явлению, выходящему из круга домостроевских понятий, или из уровня известной изменности и тесноты старинных представлений вообще о свободных и независимых положениях жизни. Вот почему мы должны были принять комедию, как называлось тогда вообще драматическое представление, из рук немцев. Таким же путем мы должны были принять у

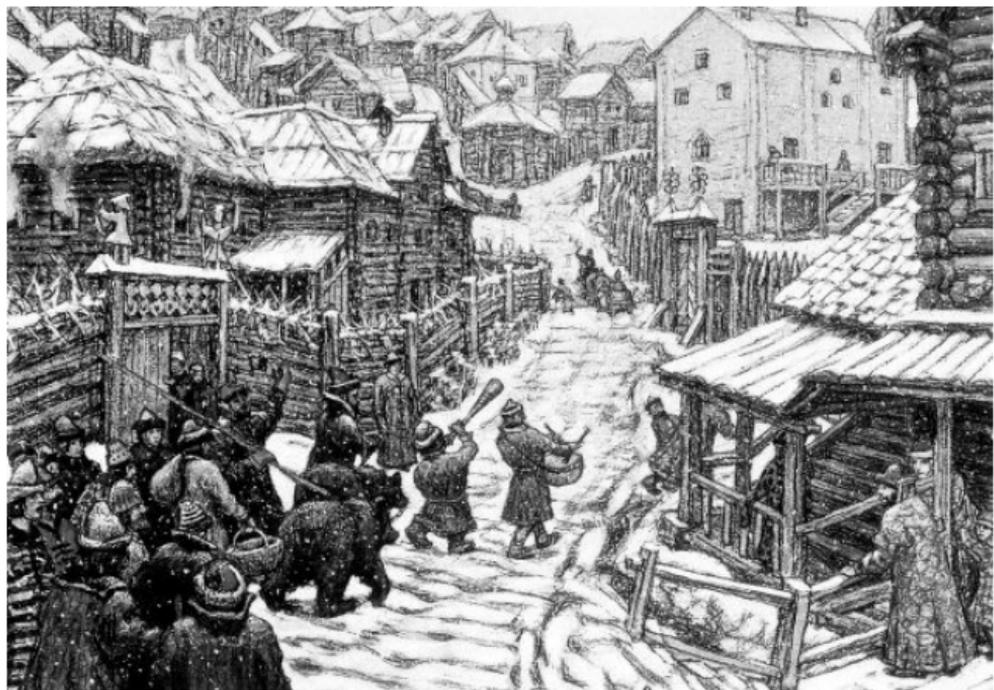
немцев и живопись.

В середине XVII ст. во дворце, как и во всем высшем обществе Москвы, хорошо было известно, что такое комедия и как весело потешаются ею в далеких землях Европы и даже в близкой Польше. В 1635 г. московские послы были на такой потехе у польского короля, а потеха была на тему «как приходил к Иерусалиму ассирийского царя воевода Алаферн, и как Юдифь спасла Иерусалим»⁸⁴. В другой раз, в 1637 г., наши послы отказались было идти в такую комедию, потому что был там папский легат, а они с ним вместе, в равенстве, сидеть не хотели. Послы, возвращаясь в Москву, конечно, в подробностях рассказывали и объясняли, в чем состояли эти комедийные действия. При царе Алексее одни рассказы дворянина Лихачева и его товарищей о своем Флорентинском посольстве 1660 г. должны были приводить в несказанное изумление и удивление всех, кому только удавалось их послушать; а первым из таких любопытных был сам царь Алексей, впечатлительный и пылкий, который нисколько не был чужд интересам европейского быта. Ребенком, он сам

уже хаживал в немецком платье и к немцам, полезным для отечества, всегда был милостив и щедр.

Во Флоренции посланник Лихачев пробыл больше месяца; видел там европейскую жизнь лицом к лицу, со всякими ее диковинами и дивами, видел великолепные палаты, роскошные сады, фонтаны; смотрел там все; по потешным дворам и по палатам ездил 8 дней, в садах пробыл целую неделю; да и вообще сознавался, что «иного описать не уметь, потому, кто чего не видал, тому и в ум не придет». Вообще, провел там время совершенно по-европейски и очень весело: был на публичном рыцарском игрище в мяч, был даже на балу у Флоренского князя, где было собрано больших думных людей с женами с 400 человек, и ночь всю танцевали, сам князь и сын и братья и княгиня. В довершение многочисленных удовольствий, какие почти каждый день должен был испытывать наш посланник, его три раза приглашали в театр, в комедию.

А. М. Васнецов. Медведчики. 1911 г.

Об одной комедии он оставил небольшую записку, в которой говорит: «Объявились палаты, и быв палата и вниз уйдет; и того было шесть перемен. Да в тех же палатах объявился море, колеблемо волнами, а в море – рыбы, а на рыбах люди ездят; а вверху палаты – небо, а на облаках сидят люди; и почали облака и с людьми на низ опущаться. Да спущалось с неба же на облаке сед человек в карете; да против его, в другой карете, – прекрасная девица; а аргамачки (кони) под каретами, как

быть живы, ногами подрягивают. А князь сказал, что одно солнце, а другое месяц. А в иной перемене, в палате, объявилось поле, полно костей человеческих; и враны прилетели и почали клевать кости. Да море же объявилось в палате, а на море – корабли небольшие, и люди в них плавают. А в иной перемене объявилось человек с 50 в латах, и почали саблями и шпагами рубиться, и из пицалей стреляти, и человека с три как будто и убили. И многие предивные молодцы и девицы выходят из-за занавеса в золоте и танцуют. И многие диковинки делали. Да вышел малый, почал прошать есть, и много ему хлебов пшеничных опресночных давали, а накормить его не могли».

Известно, что вскоре, по возвращении в Москву Лихачева, в шестидесятых же годах XVII ст., царь принялся устраивать в своих загородных дачах роскошные дворцы (в Коломенском) и роскошные сады (в Измайлове) со всякими европейскими затеями. Не могла остаться совсем покинутой и мысль о театре. Конечно, для исполнения такой мысли требовалось прежде всего живое сочувствие со сто-

роны семьи, именно от самой царицы; но, кажется, первая супруга царя, Марья Ильинична, не совсем благоволила к подобным иноземным затеям. Другое дело – дворцы и сады: как бы они ни были роскошны и великолепны, о них никакого запрещения в старом Домострое не было. Напротив, там очень хвалилась заботливость о хорошем хозяйстве. Но театральное зрелище, по понятиям старины, все-таки было делом соблазнительным и погибельным. И надо было, чтобы мысль о нем совершила должный оборот, прожила в умах известное время, когда все в ней дикое сделалось бы только диковинным. Такое время настало вместе со вторым браком государя на Нарышкиной. Рассказывают, что молодая царица была очень веселого нрава и весьма охотно предавалась разным увеселениям, а потому царь, страстно ее любивший, старался доставлять ей всевозможные удовольствия. Матвеев, ее воспитатель, остался руководителем и ее увеселений. Театр был открыт, и на нем поставлена пьеса, объяснявшая в лицах даже соответственное новой царице положение, т. е. пьеса с намеками на современные

события царского дворца. Первые представления так называемых комедий явились у нас в 1672 г., через год после государева брака с Нарышкиной.

В это время в Москву прибыли странствующие немецкие актеры. Быть может, вызову этих актеров способствовал известный Матвеев, который потом и заведовал всем ходом и устройством этого небывалого дела в царском дворце.

Итак, в 1672 г. странствующая немецкая труппа, верно, не очень большая, под управлением магистра Ягана Готфрида Грегори находилась уже в Москве. Рейтенфельс в своих записках рассказывает следующее:

«В последние годы царь (Алексей Михайлович) позволил прибывшим в Москву странствующим актерам показывать свое искусство и представлять историю Ассуира и Эсфири, написанную комически». Затем он объясняет, как вообще началось это невиданное в Москве дело. «Узнавши, что при дворах других европейских государей в употреблении разные игры, танцы и прочие удовольствия для приятного

препровождения времени, царь приказал, чтобы все это было представлено в какой-то французской пляске. По краткости назначенного семидневного срока, сладили дело, как могли... Иностранное и стройность неслыханной музыки, весьма естественно, произвели самое успешное для актеров впечатление на русских, доставили им полное удовольствие и заслужили удивление. Сперва царь не хотел, чтобы была музыка, как вещь новая и некоторым образом языческая; но когда ему сказали, что без музыки точно так же невозможно танцевать, как и без ног, то он предоставил все на волю самих артистов. Во время представления царь сидел перед сценой на скамейке; для царицы с детьми был устроен род ложи, из которой они смотрели из-за решетки или, правильнее сказать, через щели досок; а вельможи (больше не было никого) стояли на самой сцене. Орфей, прежде нежели начал пляску между двух подвижных пирамид, пропел похвальные стихи царю. Это было в субботу на Масленице. В тот же день царь увеселялся на

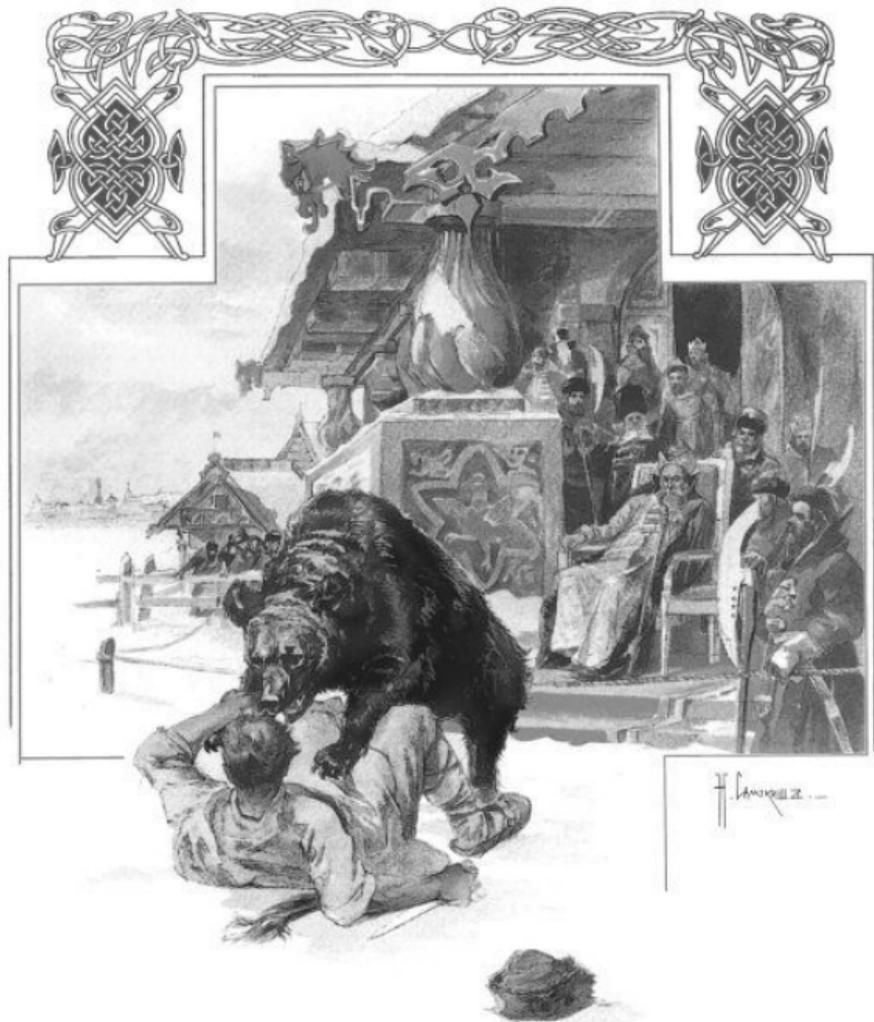
Москве-реке медвежьей потехой, а вечером смотрел фейерверки».

Мы можем принимать этот рассказ Рейтенфельса как известие о первом театральном представлении в Московском дворце, в чем, по-видимому, нельзя и сомневаться, ибо комедия была изготовлена наспех в одну неделю, т. е. в течение той же Масленицы, когда обычно позволялись всякого рода зрелища и даже всякого рода разгул. Вместе с тем, имея в виду последующие действия царя относительно устройства этих зрелищ, мы относим описанный спектакль именно к Масленице 1672 г, когда суббота этой недели приходилась 17 февраля. С этого дня и должна начинаться история нашего театра.

Н. С. Самокиш.

Потеха при царе Иоанне Васильевиче Грозном. 1894—1895 гг.

Потеха, как говорит Рейтенфельс, очень понравилась, и нет сомнения, что тогда же актеры были оставлены для устройства новых представлений. Наступивший затем Великий пост, Святая и весеннее время, в кото-

рое царь потешался обычно соколиной охотой, не были удобны для представления комедий. Между тем 30 мая государь был несказанно обрадован рождением сына, царевича

Петра, – будущего преобразователя.

В. М. Васнецов.

Выезд царя Алексея Михайловича на охоту. 1897 г.

Для Нарышкиной, как и для всех ее родных и приближенных, а стало быть, и для Матвеева, – это было торжество действительно неизреченное. В тот же день главные из них получили повышения в чинах и Матвеев вместе с отцом царицы пожалован в окольничие. 2 июня, в воскресенье, в самое заговенье на Петров пост, в Золотой Царицыной па-

лате государь давал боярству и дядькам родинное пиршество, простое, нечиновное, без зову и без мест, т. е. с устранением старых чиновных порядков столованья. Можно думать, что за этим, так сказать, кабинетным пиршеством, на общем веселии, между разговорами о разных веселостях было вспомнано и о немецкой комедии и тут же решено устроить комедию во дворце постоянную. И в действительности, на третий же день, как только отошло пиршество с неизбежным похмельем, июня 4-го, государь

«указал иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедию, а на комедии действовать из Библии книгу Есфирь и для того действия устроить хоромину вновь».

«Вновь» здесь вовсе не значит, что была старая такая хоромина, взамен которой строилась эта новая. Слово это означает постройку новой особой хоромины, назначаемой исключительно для комедиальных только действий. Очень замечателен сам выбор пьесы, ибо история Есфири некоторыми сторонами и особенно общим своим смыслом указывала

на историю государева брака с Нарышкиной. Смысл этой истории заключается в том, чтобы показать, как Бог низвергает сильных, возвышает уничиженных и расстраивает все козни врагов. Особенный драматизм всей этой истории давал легкую возможность составить из ее содержания очень занимательную пьесу для «действия», которую, быть может, и сочинил придворный учитель Симеон Полоцкий, если она тогда же не была переведена с немецкой или польской уже готовой комедии. Сколько было тут понятного, даже родственного для тогдашней дворцовой публики и в положении лиц, и в их обстановке, и в их стремлениях!

В. И. Суриков.

Царская потеха царя Михаила Федоровича.

Расстрел шапок стольника князя Пронского, окольного князя Львова и князя Одоевского в 1630 году

Комедийная хоромина была построена по указу государя в селе Преображенском, разумеется, на государевом дворце, в котором таким образом полагался первый камень преоб-

разования нашей общественной жизни. Преображенский дворец, теперь, к сожалению, уже не существующий, достоин вечной памяти за то именно, что в нем зачинались почти все общественные наши реформы, начиная с мелочей, с бритья бород, и восходя до преобразования войска. Постройка этого первого театра была произведена со всем нарядом на счет двух приказов Володимирской и Галицкой Четей, которыми тогда управлял Артемон Матвеев; стало быть, он и был главным и

непосредственным двигателем этого дела, которое во дворце, быть может, не всеми и одобрялось, а потому и исполнялось вдали от дворцовых расходов. Кругом хоромина была огорожена забором со створчатыми воротами. На всякие лесные запасы вышло больше 1000 руб. Кроме внутренней уборки сукнами и коврами, для представления сделано было всякое потешное платье и написаны рамы перспективного письма, т. е. декорации. Без сомнения, помянутое действо Есфири в течение ноября до заговен, т. е. до 14 числа, давалось не один раз. Играли, быть может, и другие какие-либо небольшие пьесы, например, интермедии и т. п., нечто вроде теперешних водевилей.

Затем, в наступивший пост, царь, конечно, не мог смотреть подобных зрелищ, и потому представления начинаются опять в Мясоед, уже в январе 1673 г. На время поста театральные уборы, ковры, сукна и всякое потешное платье были вывезены из хоромины и сложены в палату на Кремлевском дворе боярина Милославского, который после его смерти, еще в 1668 г. поступил в число дворцовых зда-

ний, хотя все еще, по старой памяти, именовался двором Милославского. Это так называемый Потешный дворец, впоследствии Комендантский дом. По-видимому, комедии очень понравились царю Алексею, а особенно, быть может, молодой царице. Новый сезон примечателен тем, что на этот раз для театра было устроено новое помещение в Кремлевском дворце, в особой Комедийной палате.

Действительно, ездить зимой в Преображенский театр было далеко и по многим причинам весьма неудобно. Надо было подниматься всем двором, со всем семейством ехать ночью по сугробам Сокольничьего поля, обременять таким выездом весь дворовый чин, не говоря уже о состоянии здоровья, а также и о гостях, для которых эта далекая ночная потеха была бы тоже не совсем приятна, тем более что приглашение к ней всегда являлось в форме повеления, которое, хочешь не хочешь, надо было исполнить. Таким образом, зимний сезон требовал театрального помещения в городских дворцовых зданиях, в Кремле. Распоряжения о театре начались 22 января, в день бракосочетания с царицею, ко-

торый, вероятно, царь хотел провести весело. Он тогда приказал «над Аптекой, что на дворе, в палатах, построить, как быть комедийному действу». Нет сомнения, что или сам государь, или царица думали, что такое дело можно сделать скоро, в один день, чтоб к вечеру было и готово. Когда, быть может, объяснилось, что так скоро невозможно устроить театр, в тот же день, 22 января, был отдан другой приказ:

«Хранившиеся в Кремле театральные вещи перевезть в село Преображенское, и там Комедийную хоромину нарядить по-прежнему, чтоб к комедийному действу января к 23 числу все было готово».

Тотчас перевезли все надобное на 8 подводах и к наряду купили гвоздья двоетесного и одготесного и луженого, также ременья, скоб, крючья, проволоки железной.

Неизвестно только, состоялся ли в назначенное число этот преображенский спектакль. Должно полагать, что он был отменен, ибо в тот же день, 23 января, государь дает повторный указ, чтобы «над приказом Аптекар-

ские палаты в палатах построить и нарядить, как быть комедийному действу», и из Преображенской комедийной хоромины перевезть декорации, рамы перспективного письма, в Москву, в упомянутую палату над Аптекой, которые тогда же и перевезены. При перевозке из Преображенского рам – декораций, 36 штук, оказалось, что большие и средние рамы в двери новой комедийной палаты не прошли, почему были перетерты, т. е. разрезаны, и построены сдвижными с приделкой 100 задвижек и 200 скоб железных. Эти декорации писал и устанавливал живописец Петр Гаврилов Энглес.

Между тем в Новонемецкой слободе магистр Яган Готфрид учил актеров к комедийному действу, детей из Новомещанской слободы, для чего Матвеев 22 января приказал ему в эту школу отпустить 2 сажени дров с Малороссийского двора.

Кукольная комедия. Из «Путешествия»
Олеария в Москву

Неизвестно, в какой день начались представления в новой театральной палате, но,

вероятно, уже на Масленице, начавшейся со 2 февраля. Кажется, комедия дана была два раза, ибо в это время в два дни перевезено из Немецкой слободы до дворца 60 человек детей, которые участвовали в комедийном действе; привозили по 30 человек в день; это число и должно обозначать всю труппу, бывавшую на представлении. Кроме того, в комедии действовали и актеры-немцы, Тимофей Гасенкрух с товарищами, названные играцами. Оркестр тоже состоял из немцев-музыкантов и управлялся полковником Николаем

Фанстаденом. Все эти немцы были привозимы во дворец три раза и, следовательно, играли один, третий, раз какие-либо свои игры, без актеров-детей. С наступлением Великого поста театр был оставлен и возобновился уже весной, после Троицына дня, в селе Преображенском.

Немецкие комедийные потехи даны были в Преображенском театре три раза во время Мясоеда. В первый раз была «Комедия, как Олаферна царица царю голову отсекла», т. е. «Юдифь», та самая, которую наши послы в 1635 г. смотрели во дворце у польского короля; тешили Великого государя иноземцы, и на органах играли немцы да люди дворовые боярина Артемия Сергеевича Матвеева. С государем были в комедии бояре, окольниковичие, думные дворяне, думные дьяки, ближние люди все, и стольники, и стряпчие. А которых бояр, окольниковичих, думных дворян и ближних людей не было в походе, т. е. в Преображенском, и за ними были посланы нарочные с указом быть непременно в Преображенском, т. е. в театре.

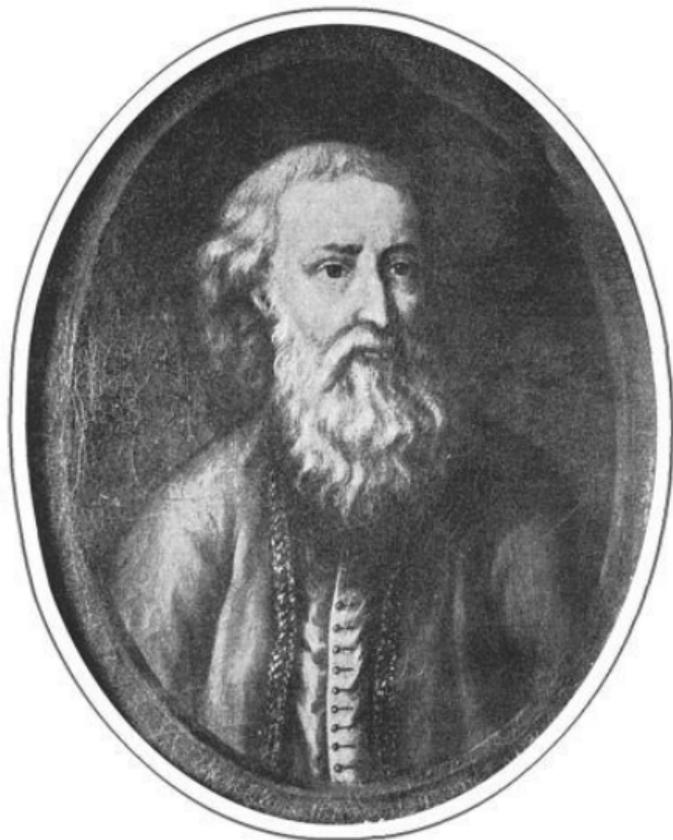
Другая комедия была «Есфирь» («Как Ар-

таксеркс велел повесить Амина по царицыну челобитью и по Мардохеину наученью»). В комедии с государем были царица, царевичи и царевны – все семейство, а также бояре, окольниковые, думные дворяне, думные дьяки, ближние люди; стольники и всяких чинов люди. Тешили государя и публику немцы же да люди боярина Матвеева – «и в органы играли, и на фиолях, и в страменты, и танцевали».

Боярин А. С. Матвеев

На заговенье, 14 ноября, была снова потеха, а тешили великого государя иноземцы, немцы да люди боярина А. С. Матвеева, «на органах, и на фиолях, и на страментах, и танцевали и всякими потехами розными (тешили)... »

В зимний Мясоед 1676 г. царь заболел и 30 января скончался. Театральные представления должны были остановиться на долгое время... Вскоре и главный директор этого первого театра, боярин Матвеев, в том же году подвергся царской опале и, наконец, ссылке. Потеряв такую важную опору, немецкая труппа

па удалилась, вероятно, восвояси. Люди Матвеева также частью были разосланы по деревням или же поступили к новым помещикам. Таким образом, только что возникшая комедия упразднилась сама собой. Но если зрелища, в течение четырех лет утешавшие государя и двор, прекратились, то все-таки

они не могли пройти без следа, собственно, для народа, по крайней мере для московского общества, в низменных его слоях, откуда по большей части выбирались актеры и статисты для царских комедий. Зрелища прекратились, но осталась мысль, что они позволительны, что в них нет особого греха, как учили люди Стоглава и Домостроя, ибо и сам великий государь, со всем своим государским домом, со всею боярской Палатой и даже с людьми всякого чина, свободно потешались комедиями, интермедиями и всякими подобными играми и своим присутствием на этих играх как бы освящали их гражданство в ряду всех других неотреченных народных увеселений; оставалась, одним словом, мысль, что можно продолжать такие зрелища собственными средствами. С этого времени немецкая комедия свила, так сказать, гнездо в московском обществе. Таким гнездом были ее ученики, молодежь из мещанства и подьячества.

Как только, еще в 1672 г, магистр Яган Готфрид Грегори получил приказание поставить на Преображенской сцене книгу «Есфирь», то, без сомнения, тогда же и образовалась теат-

ральная школа. Ученики или актеры, как мы видели, набраны были из мещанских, а отчасти и из подьяческих детей; из мещанских Новомещанской слободы потому, что эта слобода была вновь населена большей частью выходцами из Западного края, которые поэтому и на комедии смотрели другими глазами, более свободными, чем коренные москвичи, кровные дети старого Домостроя, т. е. окрепшей во всяких запрещениях древнерусской культуры. В коренных москвичах произошло бы от таких выборов великое смущение, а потом, пожалуй, и возмущение, ибо к тому все готовилось в виду борьбы староверства с разными новшествами. Должно быть, ученики набирались и во всякое время, в зависимости от того, сколько новых актеров или статистов требовала поставляемая вновь пьеса. Впрочем, постоянное их число в первое время доходило, кажется, только до 30 человек. Положение этих маленьких актеров было вообще незавидно. Они сначала не получали за свое учение даже кормовых денег. В 1673 г. одни из них, подьячишка Васка Мешалкин с товарищами⁸⁵, подали государю челобитную, в ко-

торой объясняли: «отослали нас (в июне 16 числа 1673 г.), холопей твоих, в Немецкую слободу, для научения комедийного дела к магистру к Ягану Готфриду, а корму нам ничего не учинено; и ныне мы, по вся дни ходя к нему, магистру, и учася у него, платишком ободрались и сапожишками обносились, а пить-есть нечего, и помираем мы голодной смертью. Милосердый государь! вели нам по денной корм учинить, чтоб, будучи у того комедийного дела, голодной смертью не умереть».

По этой челобитной велено им выдать кормовые деньги с 16 июня, как они поступили в учение, по грошу⁸⁶ в день человеку, т. е. по 4 деньги, с разрешением выдавать по столько же во все время, покамест в учении побудут, но, однако ж, со свидетельством, т. е. с аттестациею магистра об их успехах и старании.

Успехи и старание этой малолетной русской труппы засвидетельствованы самими пьесами, которые она время от времени представляла государю. Из случайных заметок в современных дворцовых записках мы уже знаем, что на дворцовой сцене даны были ко-

медии: 1) «Есфирь»; 2) «Юдифь»; 3) «Товия Младший». Но репертуар этим не ограничился. Сохранилось в рукописях еще несколько комедий, игранных в то же время, о чем положительно говорят их прологи, или предисловия, и эпилоги, которыми всегда открывалось и закрывалось действие и которые обычно восхваляют царя Алексея. Таковы: 4) малая прохладная комедия об Иосифе, т. е. о презренной добродетели и сердечной чистоте; 5) малая комедия «Баязет»; 6) «О Навуходоносоре-царе, о теле злате и о трех отроцах, в печи сожженных». Затем к тому же времени должно отнести: 7) комедия о Блудном сыне; напечатана в Москве в 1685 г., с картинками, по образцу лубочных сказок; 8) история о царе Давиде и о сыне его Соломоне Премудром, составленную по Книге Царств, а быть может, и по изложению хронографа; 9) Алексей, Человек Божий, диалог в честь царя Алексея. «Представлен в знамение верного подданства чрез шляхетскую молодь студентскую в Коллегиум Киево-Могилянскому на публичном диалоге». Напечатана в Киеве 1674 г., 22 февраля.

Комедии 6 и 7 писаны стихами и принадлежат перу Симеона Полоцкого. Вполне вероятно, что и первые 5 комедий переведены, а иные, быть может, переделаны или и составлены им же. Он был придворным учителем, ритором и пиитом, и знатоком иностранной, именно светской и особенно польской, литературы, откуда легче всего было черпать, по крайней мере, образцы для первых драматических или, как тогда говорили, комедийных сочинений.

Мы не имеем сведений о том, продолжались ли театральные зрелища при царе Федоре Алексеевиче и в правление царевны Софьи. Можно полагать, что в осенний Мясоед 1679 г., когда молодой царь неоднократно выезжал в Преображенское, там в ряду обычных веселостей могли быть представляемы и комедии. Вообще же время Федора, как и время Софьи, не было благоприятно для подобных утех. Еще по смерти царя Алексея царская семья разрознилась, разделилась на две враждебные стороны, среди ее шла постоянная темная смута и ненависть; притом именно та сторона (Нарышкины), которая наиболее бла-

гоприятствовала европейским новинам, с каждым днем все больше теряла свою силу и власть; другая сторона, забиравшая эту власть в свои руки, в лице своих деятелей имела очень многих ревнителей старого благочестия, да и сама стремилась утвердить свое значение на особом уважении к его порядкам и формам. Правила же старого благочестия совсем отвергали не только упомянутые утехи, но и малейшее отступление от укрепившихся обычаев. Все это мало способствовало тому, чтобы во дворце поддерживались Алексеевские немецкие потехи – комедии, как увеселения общие, общественные для дворца.

Однако ж достаточно распространилось, и утвердилось как факт, мнение, что «в теремах просвещенной европейским учением царевны Софьи Алексеевны представляли не только духовные трагедии, написанные другими, но и ее собственные сочинения и переводы; что она сама с приближенными боярышнями и царедворцами участвовала в представлении». Заметка – верная в отношении царевны, только не Софьи, а Натальи Алексеевны, о

которой со временем совсем забыли и помнили только одну царевну Софью, оставившую по себе историческую память, которой поэтому и присваивали все, чем замечательна была какая-либо царевна. Наталья Алексеевна († 1716), тоже сестра Петра, была страстная любительница театра, сама сочиняла разные комедиантские действия⁸⁷.

После смерти царевны осталось довольно комедиантских письменных книг, составлявших целую библиотеку, таковы: о Георгии и Планиде, тетрадь о страдании Ксенофонта и Марш, тетради Ерисанфа и Дарии, Адриана и Наталии, Июлиана, Евстафия Плакиды, Павла и Иулиании, «Искупление человека от падения его», Повести о цесаре Римском Отте. Таким образом, театральный репертуар царевны Наталии носил в себе еще идеи XVII ст., держался около церковной книжности, а потому дает довольно определенное понятие о том, как составлялось и как велось комедийное действие и при царе Алексее. Затем согласимся, что все рассказываемое в разных историях нашего театра о царевне Софье должно относиться к царевне Наталье, ибо современ-

ных известий об артистических предприятиях царевны Софьи, как и вообще о дворцовых театральных зрелищах в ее время, мы покуда не имеем.

Царевна Софья Алексеевна

Заметим кстати, что при Петре, во время свадьбы шута Филата Шанского, в 1702 г., комедия дана была уже в Грановитой палате, куда 26 января к строению будущей *Диолегии* с Казенного двора отпущено на 20 персон тафты разных цветов 200 аршин да на завес тафты лазоревой 50 аршин; а 10 февраля в Оружейной палате велено изготовить к комедии: 12 киризов (кирасы) и лат с шапками, 15 панцырей с мисюрками⁸⁸, 12 сабель. Новое название *Диолегия* очень верно определяло целый отдел пьес в тогдашнем репертуаре, в которых не было никакого драматического действия, а были только разговоры аллегорических лиц с целью изъяснить какую-либо общую нравственную или политическую мысль, с целью указать неисповедимые пути Божьего Промысла в жизни человеков или же оправдать дела государевы и осмеять его

жества.

Глава VI

Царский стол

Общие понятия о древних пирах.— Обзорение Обрядов царского стола.— Столы посольские.— Церемониальный прием гостя и приглашение к столу.— Размещение столов в палате.— Большой стол и кривой стол.— Уборка столов, поставцов и самой палаты.— Размещение гостей.— Объявление столовых чинов и первых кушаний.— Подачи кушаний и вин.— Заздравные чаши.— Заключительные обряды пира.— Общий обзор кушаний царского стола.— Приказ Большого Дворца.

Стол, обед, пир были едва ли не единственным или, по крайней мере, самым наглядным выражением нашей допетровской жизни. Народная эпопея свои старины и деяния, или песни про богатырей, начинает весьма часто описанием пира; на пиру часто или начинаются, или довершаются богатырские подвиги; на пиру хвастают силой, богатством, подвигами, особенно хвастают всем тем, что давало вес и значение в тогдашнем обществе, что признавало достойным похвалы тогдашнее общество; пир, словом, был тем узлом, к которому сходились все нити едва зарождавшейся общественности древнего времени. На пир сходились и приезжали люди всех сословий, всех разделов тогдашнего общественного устройства.: князья, бояре, гости, поповичи, крестьяне, сельщина и деревенщина. Но из этого, однако ж, не следует, что древний пир походил на теперешний. Древний пир так же отличается от теперешнего, как старое общество отличается от нового. Мы несколько раз уже повторили слова «общество», «общественность» и сознаемся, что в отношении нашей старины слова эти, в строгом смысле,

не определяют того понятия, какое в них обычно заключается. В древней нашей жизни, в строгом смысле, ни общества, ни общестственности не было.

Живо было еще старое начало, первичная форма людского общежития, а именно начало родовое, начало родства, родового старшинства, которое, по сущности своей, не могло иначе рассматривать людей, как с точки зрения отеческой, где нет членов, равных друг другу, где по кровному распределению, по отчеству, происхождению от отца, могут быть только или старшие, или младшие. Люди в своих взаимных общежитейских отношениях и столкновениях считались не службой, не личными достоинствами, а родством, отчиной и дединой, родовым, отчинным старшинством. Служить на известном месте, хоть, например, воеводой в большом полку, главнокомандующим, или на другом каком важном государственном месте мог не тот, кто по своим талантам и опытности был способен, а тот, кто по счетам своего родства имел неотъемлемое право на это место. Человека жаловали, т. е. обходились с ним по его

отчеству: каково было отчество, таково было и обхождение, прием, почет, чествование, даже угощение. За тем же самым обедом одним подавали одно блюдо, другим— другое, а если и то же, то в меньшем количестве и т. п. Все это соразмерялось с относительным старшинством или молодостью лиц. Во всем царил отеческий взгляд на людей, по которому все были или старшие или младшие, или отцы или дети. Сами слова: *великий*, *большой* означали то же, что *старший*, и наоборот, все, что не имело отеческой чести, что было малолетне в этом отношении, называлось младшим, чадью, ребятами (отрок, пасынок, детский сын боярский). Каждый определялся не собственной личностью, даже не служебным значением, а той степенью породы, родства, какая, разумеется, случайно выпадала на его долю по рождению. Личные заслуги, как бы велики они ни были, совершенно терялись и пропадали в расчетах и сплетениях родства. Не на их стороне было мнение века и общее уважение, а на стороне честной отчины, честного отчества.

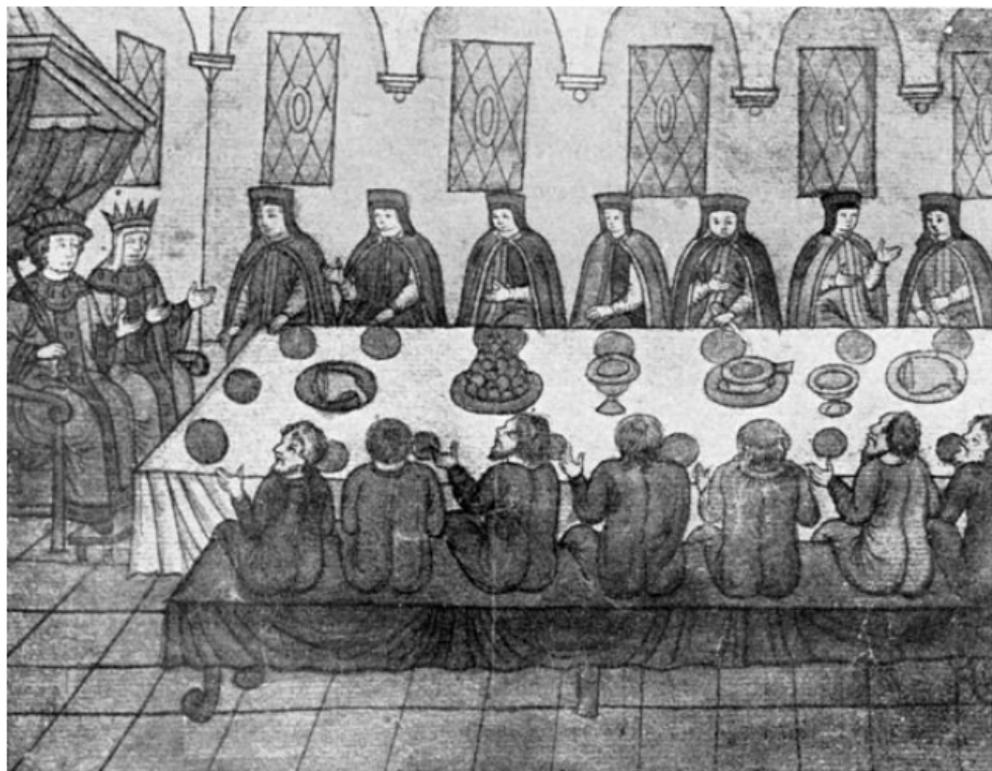
«Отецкий сын» всегда получал преимуще-

ство пред всеми другими: в этом заключалась честь тогдашних людей. Так, по свидетельству Котошихина, бояре садились в Думе и за столом у государя «по роду своему и по чести, его кого честнее породой, а не по тому, кто кого старее в чину, хотя кто сегодня пожалован, наутрее по породе своей учнет сидети выше». Те же из приближенных к царю бояр, которые не принадлежали к породистым, например свойственники царя по царице, в Думе и за столом не бывали, потому что им под иными боярами сидеть стыдно (по свойству с царем), а выше – неуместно, что породой невысоки.

Вот на чем стояло древнее наше общежитие: краеугольным камнем во взаимных отношениях было родовое старшинство, старшинство породы, отчества. Сами служебные разряды, чины, в древнем смысле, по которым люди должны были распределиться с развитием государства, оно также считало, как особой породы отчества. Оно рассматривало людей, как родню, родственников старших, младших, следовательно, нисколько не равных между собой, и жило положениями

родовых счетов: кому быть старше. Пир представляет, как мы сказали, самое наглядное выражение тогдашнего общежития. Первая мысль, как определить взаимные отношения, первый вопрос гостю или первый шаг в этих отношениях заключался в том, чтоб хорошо знать отчество, отчину гостя, как его по имени зовут.

Здесь слово «имя» включает в себе понятие отчества так, как слово «место» включает понятие жалованья, приема, обхождения, чествования. Прежде всего, следовательно, справлялись о родовой чести гостя, т. е. каков он был *по изотчеству*, какова была его оттока, порода: по породистой чести или по честной породе давалось и место, которое служило первым действием обхождения, существенным выражением почета и всяких почестей, которых требовал предок, входя в общительность с людьми. Место, таким образом, определяло отчину, ее старшинство или молодость. Как отчины были различны по своему относительному старшинству, так по тому же старшинству были различны и места, разумеется, в избе, в палате, на лавке.

Свадебный пир в Грановитой палате.

Описание брачного сочетания царя и великого князя Михаила Федоровича

Прототипом наших древних жилищ была клеть, изба; хоромы боярские и царские, как бы велики они ни были, представляли, в сущности, совокупность клеток, поставленных рядом или одна на другую и соединенных се-

нями и переходами. Устройство избы известно. В избе существует противоположный входу передний угол, в котором ставятся иконы; у стен по всей избе идут лавки; в переднем углу у лавок стоит всегда стол, за которым совершает трапезу живущая в избе семья. Первое, большое, место, где всегда садится старший, большой в семье, — на лавке в переднем углу под иконами⁸⁹. Это самая высшая степень мест, и отсюда идет счет мест, счет родового старшинства и меньшинства. И если место служило существенным выражением родопочитания, то и изба, в своем неизменном устройстве, с своими лавками и передним углом, составляла главную и самую необходимую основу для распределения мест — так тесно связаны были понятия предков с внешними условиями их быта. Если для взаимных отношений нужна была отчинная честь, для чести — место, то для места совершенно была необходима лавка, и именно в избе, т. е. в комнате с известным однажды навсегда определенным устройством и в отношении плана и, главное, в отношении мебелировки. Одна лавка могла ясно определить степени

мест, а потому и стол приставлялся к лавке, и притом в передний угол, где находилась вершина мест. Там ставился большой и прямой стол, дальше по стене в заворот по углу ставился, если требовалось, уже меньший стол, называемый по своей фигуре кривым.

В комнате, непохожей на избу в своем устройстве, в которой, например, стол стоял бы посередине или в другом месте, но не у большой лавки в переднем углу, деда наши пришли бы в тупик, совершенно бы растерялись, не зная, как сидит, ибо в сидении только известным порядком они находили точное, удовлетворительное определение своих общежитийских отношений. Вот почему и большие залы или палаты в царском дворце – Грановитая, Золотые и другие – непременно сохраняли это типическое устройство избы, даже и с ее меблировкой, т. е. лавками. Этого мало. Если царь обедал, например, в поле, в шатрах, что случалось нередко во время выездов за город, то и шатер, по размещении столов, принимал тот же вид избы, и здесь, как и в палатах, ставился тот же большой стол и тот же кривой стол, явившийся как неизбеж-

ное следствие избного распорядка мест.

Домовладелец садился в передний угол, под иконы; от него, по старшинству, размещались на лавках и остальные родичи или члены семьи⁹⁰. Когда же собирались гости, чужие, то место в переднем углу подле домохозяина предоставлялось самому почетнейшему, большому или старшему, по отношениям и понятиям родопочитания. Предложение сесть в переднем углу принималось за высокую честь и почесть, какую только можно было оказать гостю, и потому это предложение почти всегда сопровождалось церемонными отказами с одной стороны и усердными просьбами с другой. Без церемоний, свободно и, можно сказать, по праву это место в простом быту занимал только священник, как лицо, более других почитаемое по сану, которому требовалось оказывать всякую любовь и повиновение, и покорение. А так как священнический сан для лиц, его носивших, представлял, по родовым понятиям, и их отчество, то и дети священников, поповичи, пользовались в общежитии правами отцов. В одной из эпических песен⁹¹ князь Владимир, узнав от

приехавшего на пир богатыря Алеши Поповича, что он сын старого попа соборного, предлагает ему первое место. «По отчеству садися в большое место, в передний уголок,— говорит ему князь,— в другое место богатырское, в дубову скамью, против меня, в третье место, куда сам захошь». Алеша садился, как и все почти приезжавшие на пир богатыри, на последнее место, на полатный брус, т. е. брус под полатями, в конце лавок и избы.

Даже так называемое общинное начало жило в тех же формах отчинного старшинства. В древнее время между городами считалось старшинство, следовательно, не только отдельные лица, но и целые общины во взаимных отношениях вращались все-таки около общего для всей жизни центра, около старшинства, тоже как бы родового, потому что новые города или пригороды могли и в действительности вести свое начало от старых городов, были колониями. На вечеах право решительного голоса принадлежало старейшим.

Таким образом, и древний пир не носит в себе ни малейших признаков общинного на-

чала, как бы следовало, однако ж, ожидать при известном участии этого начала в жизни. Общежитие формируется не по общинному началу, а по родовому, и пир, как выражение общности, представляет по формам взаимных отношений как бы собравшееся родство, а не общество, в том смысле, какой этому слову придают теперь. Как в семье или роде, по последовательному распределению крови от старшего, в строгом смысле, не может быть двух лиц, равных между собой, так и на пиру нет равных членов: здесь относительно все или старшие, или младшие; а если б и явились такие равные, вследствие ли запутанного сплетения родственных нитей или понятий об отческой чести, то равенство их тотчас же было нарушаемо сидением на местах. Места на лавке были не равны: начиная от большего, они постепенно понижались. Одного места двое занять не могли, следовательно, кто-нибудь должен был сесть ниже. Хотя старина и чувствовала нелепость таких отношений, замечая, что «бывает-де в пирах и в беседах, что глупые люди, хотя и впереди сидят, но и тут их обносят, а разумного и в уг-

лу видят и находят», и благодушно утишая таким образом затерянную среди этих мест человеческую личность, тем не менее это *ниже*, этот счет отческого старшинства принимался все-таки за главнейшее основание взаимных отношений.

Яркими красками рисуются эти отчинные счета в разрядных записках и особенно в сочинении Котошихина: «Как у царя бывает стол на властей (духовных) и на бояр и бояре учнут садиться за стол, по чину своему боярин под боярином, окольниковичий под окольниковичим и под боярами, думный человек под думным человеком и под окольниковичими и под боярами, а иные из них, ведая, с кем по породе своей ровность, под теми же людьми садятся за столом не учнут, поедут по домам, или у царя того дни отпрашиваются куды к кому в гости; и таких царь отпускает. А буде царь уведает, что они у него учнут проситься в гости на обманство, не хотя под которым человеком сидеть, или не прошався у царя поедет к себе домов: и таким велит быть и за столом сидеть, под кем доведется. И

они садитись не учнут, а учнуть бити челом, что ему ниже того боярина, или окольничего, или думного человека сидети не мочно, потому что он родом с ним ровен, или и честнее, и на службе и за столом преж того род их с тем родом, под которым велят сидеть, не бывал: и такого царь велит посадити сильно; и он посадити себя не дает, и того боярина бесчестит и лаает. А как его посадят сильно и он под ним не сидит и выбивается из-за стола вон и его не пускают и разговаривают, чтоб он царя не приводил на гнев и был послушен; и он кричит: хотя-де царь ему велит голову отсечь, а ему под тем не сидеть и спустится под стол; и царь укажет его вывести вон и послать в тюрьму или до указу к себе на очи пущати не велит. А после того, за то ослушание, отнимается у них честь, боярство или окольничество и думное дворянство, и потом те люди старой своей службы дослуживаются вновь. А кому за такие вины бывают наказания, сажают в тюрьму, и отсылают головой, и бьют батоги и кнутом: и то записывают в

книги, именно, впрямь для ведомости и спору».

Так было в официальном быту, за столом царским, где место имело в некотором смысле служебное значение; но ту же силу отчинных счетов замечаем и в частном быту, где место представляло только выражение почета, обхождения. Родовая честь, отчинное старшинство зорко и щекотливо преследовали всякое, даже малейшее нарушение созданного ею порядка и отношений, и место не по отчине служило величайшим оскорблением, позором и бесчестьем. Домострой называет безумным того домохозяина, государя дома, который, нанося гостям оскорбление невежественными, грубыми поступками, между прочим, и местом обесчестит: «Тот стол или пир бесам на утеху, а Богу на гнев, а людям на позор и на гнев и на вражду, а [о]бесчестным (обесчещенным) срам и на оскорбление». Так сильно было начало отчинного старшинства, которым управлялись общежитейские отношения, которым исполнена была мысль людей во всех столкновениях между собой. Могла ли развиться или даже существовать об-

щественность при условиях жизни, которые в членах людского союза не допускали ни малейшего равенства человеческих прав, где вместо общества существовала только нумерация отчеств, где не было лиц, а были только цифры, номера отчеств, где сам по себе никто не имел значения и определялся только системой отчинного старшинства, хлопоча и заботясь не о личных правах, а о правах своего отчества, где, словом, никто не выходил еще из-под родительской опеки и, относительно других, всегда и везде мог состоять на правах недоросля, малолетнего?

Старший, на пиру или в другом собрании, мог тотчас же сделаться младшим, как скоро являлся кто-нибудь еще старее. Вот почему жизненные практические правила того времени советовали «не садиться на место большее», а садиться на последнем месте, потому что, севши на большое место, и, когда явится кто честнее, необходимо было поседать ниже и принимать, таким образом, на свою голову сором – срам; а севши на последнем месте, всегда можно было, по предложению хозяина, занять высшее место, и тогда будет слава

пред всеми сидящими. Вот почему и богатыри, герои нашей древности, садились большей частью по конец стола, да по конец скамьи, или на полатный брус, и затем, по подвигам, делались главными действующими лицами на пиру.

Вещи, конечно, малые: лавка и стул, а между тем и они, как и вообще всякая мелочь отжившего быта, могут дать свидетельство о старой жизни: над ними тоже носится смысл этой жизни. Известно, что стулья (древний стол, столец), кресла и т. п. не были в большом употреблении у наших предков. Меблировка избы с лавками делала их совершенно излишними и ненужными. Но естественно, что по той же самой причине стул, кресло могли получить почетное значение; они могли ставиться лицу, которое своей общественной высотой резко выделялось из толпы; они действительно и были исключительными седалищами для самых старейших лиц, именно для великого князя или, впоследствии, государя и для патриарха. Кресло в комнате представляло нечто отдельное, независимое, самостоятельное по отношению к лавкам, и пото-

му в царском быту, на собраниях его почти всегда ставили или для самого государя, или только для патриарха. Лавка же, напротив, указывала на неразрывную связь мест, сомкнутость, зависимость друг от друга: сесть на лавке значило войти в тесные отношения с сидящим; занимая первое или последнее место, человек не выделялся из этого круга, а все-таки был первым или последним из сидящих, а не самостоятельным лицом, не состоящим в зависимости от того или другого счета. Как первый без последнего немыслим, так и последний немыслим без первого: их тесно связывают их же номера. Так тесно связаны были между собой и сидевшие на лавках старинные наши отчинники. Они в известных случаях были сомкнуты как род, даже внешним образом, при помощи лавки. Когда из этой сомкнутой среды стала выделяться самостоятельность лица, независимость его ни от каких счетов, то прежде всего следовало оставить лавку и пересесть на стул, т. е. решительно отделиться от упомянутой среды, потому что на лавке невозможно было выработать своей самостоятельности; на ней все еще

царили понятия старшинства семейного, родового – как угодно, но все-таки родственного старшинства, почитавшего каждое лицо недорослем в отношении к восходящему порядку. В эпоху преобразования, когда была признана самостоятельность человеческой личности, лавка действительно была оставлена и русское общество пересело на стулья – подвижные, независимые друг от друга места.

Обозрение обрядов царского стола, царского пира, мы начнем со столов посольских, потому что царское гостеприимство и хлебосольство являлось здесь, за посольским столом, в полной мере, со всеми подробностями старинных обыкновений и придворного этикета. Это не был простой, обыкновенный праздничный стол, к которому приглашались подданные и за которым государь был собственно не с гостями, а среди верных своих слуг, принимавших царское угощение, как почеть, как обыкновенную награду и благоволение, соответственно их родовому старшинству или личным заслугам. За посольским столом особа государя принимает значе-

ние доброго домовитого хозяина, который встречает и угощает дорогого заезжего гостя.

А. П. Рябушкин Пир царя Алексея Михайловича с ближними боярами в отъезжем поле. 1897 г.

Обряды и разные обычаи, которые при Московском дворе сопровождали прием гостя, шли от глубокой старины.

Давая стол великому послу или высокой особе царского достоинства и духовного сана, государь предварительно делал гостю церемониальный прием. Гость прежде стола должен был видеть пресветлые очи государя⁹². В

назначенный день за гостем посылали царский экипаж, великолепно убранный, карету или сани, смотря по времени года. Объявить царское приглашение ездил окольный с по- сольским приставом. Поезд окольного и царского экипажа за гостем был так же церемониален, как и всякий шаг в подобных случаях. Еще с раннего утра от двора, где стоял гость, и до Красного крыльца во дворце по обе стороны дороги стоял уже строй стрельцов «с ружьем, с знамены и с барабаны» в служилом цветном платье. При этом и сами улицы, по которым назначалось шествие, очищались и прибирались. Навстречу высокому гостю выезжали выборный сотни, или роты, из стольников, стряпчих, дворян, жильцов, дьяков и других чиновников, а также сотни низших придворных служителей и солдатские полки, хорошо вооруженные и одетые в цветное платье. Каждая сотня и каждый полк отличались особым цветом кафтанов. Сам поезд гостя сопровождали чиновники, посланные звать его к столу. Пристав ехал иногда в одном экипаже с гостем; другие ехали по сторонам и позади, за экипажем. Поезд открывал стрелецкий

полковник. Кроме того, около поезда шли дворовые люди конюшенного чина в атласных червчатых и лазоревых кафтанах с протазанами (род алебарды) в руках.

К. Е. Маковский. Боярская свадьба

Во дворце по лестницам, крыльцам и сеням, где должен проходить гость, стояли служилые чины, в Благовещенской паперти – подьячие в цветном платье, на Красном крыльце (на переходах) – жильцы в бархатных и объяринных (шелковая материя) терликах,

желтых, алых, зеленых, лазоревых, червчатых, человек по десяти для каждого цвета, и в золотных шапках с протазанами и алебардами в руках. В сенях перед Приемной палатой сидели по лавкам дьяки из приказов и гости в золотах, т. е. в золотных кафтанах и в горлатных высоких шапках. Приемная палата была наполнена боярами, окольниковыми, думными и ближними людьми, стольниками, стряпчими и московскими дворянами, которые все также сидели по лавкам кругом всей палаты, в богатейших золототканых одеждах и в горлатных шапках⁹³. Так как все эти чины собраны были для церемонии, для увеличения придворного блеска и торжественности, то в сущности это был тот же военный строй, церемониальный строй чиновников и сановников⁹⁴. Они сидели неподвижно и хранили самое глубокое молчание, так что палата казалась пустой и был слышен малейший шорох и шепот. Проходивших к государю гостей никто не приветствовал даже и наклоением головы. Нередко это приводило в смущение, ставило в неловкое положение послов, и они, не понимая московского этикета, не знали,

чем отвечать на такой холодный прием придворных. А так как в посольских аудиенциях все шаги были размерены, все поступки строго взвешены, то посол, отмечая в своих записках подобный прием, писал, что и он в этом случае вел себя так же сухо и холодно. Во дворце на лестнице и на крыльце (говорит Варкоч) «стояло множество бояр в лохматых шапках и кафтанах, шитых золотом. Ни один из них не поклонился мне, почему и я, с моей стороны, не сделал им никакого приветствия»⁹⁵.

Проехав церемониально среди войска, гость останавливался наконец у Дворцового крыльца. Здесь ему делались почетные встречи. Обычно их было три: первая, вторая, третья – меньшая, средняя и большая, именно: первая при выходе из экипажа у лестницы, вторая на крыльце у сеней, третья в сенях у дверей Приемной палаты. Но в чрезвычайных случаях, когда государь желал оказать гостю больший против обычного почет, давалась еще четвертая встреча, которая называлась также большой; третья же вместе со второй в таком случае были уже средними. Чет-

вертая встреча, в Грановитой палате у дверей, дана в 1668 г. патриарху Антиохийскому Макарию.

Для первой, меньшей, встречи выходили два стольника и дьяк; для второй, средней, – окольничий, иногда боярин, стольник и дьяк; для большой – боярин, стольник и думный дьяк. Особенно дорогих гостей во всех встречах встречали бояре, один другого знатнее, соответственно порядку встреч.

При каждой встрече дьяки говорили приветственные речи, объясняя, что великий государь (титул), воздаючи честь гостю, повелел его встретить такому-то и такому своему боярину или окольничему, причем провозглашал имена встречников. Встречники иногда *витались* с гостем, т. е. здоровались, подавая друг другу руки, и потом вели его далее, до следующей встречи; вторые встречники также здоровались и заступали место первых; наконец, третьи встречники вводили гостя в палату. Великолепие, торжественность, среди которых являлся государь в подобных аудиенциях, изумляли всякого, кто вступал в Приемную палату. Наряд Приемной палаты

также разделялся на большой, средний и меньшей, смотря по достоинству и богатству предметов, которые были употребляемы на уборку залы.

Еще до приезда гостя государь приходил в палату, облакался в большой царский наряд и садился в своем царском месте, т. е. на троне, в венце, в царском платне (древняя порфира) и диадеме или бармах, со скипетром в руках. Блистающий многоценный наряд государя изумлял гостя еще более, чем все доселе им виденное.

«С нами, то же случилось, — пишет очевидец⁹⁶ царской аудиенции в XVII столетии, — что бывает с людьми, вышедшими из тьмы и ослепленными внезапным сиянием солнца; едва могли глаза наши сносить блеск великолепия, когда мы вошли в палату. Казалось, что яркость сияния, от дорогих камней изливающегося, спорила с лучами солнечными, так что мы совершенно потерялись в сем сиянии блеска и величия. Сам царь, подобно горящему солнцу, изливал от себя лучи света».

Кобенцель, описывая свой приезд к царю

Ивану Васильевичу, замечает, что венец, который был в то время на царе, по своей ценности превосходил и диадему Его Святейшества Папы, и короны королей Испанского и Французского, и великого герцога Тосканского, и даже корону самого цесаря и короля Венгерского и Богемского, которые он видел. «Мантия великого князя (продолжает Кобенцель⁹⁷) была совершенно покрыта алмазами, рубинами, смарагдами и другими драгоценными камнями и жемчугом величиной в орех, так что должно было удивляться, как он мог сдержать на себе столько тяжести». По сторонам трона стояли, по двое с каждой, рынды – красивые молодые люди из стольников, в богатых белых одеждах с золотыми цепями на груди, перевязанными крест-накрест, держа на плечах топоры, или секиры, остриями кверху. При Алексее Михайловиче, кроме рынд, по сторонам трона стояли иногда двое голов стрельецких с мечами и по шести человек со стороны сотников стрельецких с алебардами.

Не доходя на несколько шагов до царского места, гость останавливался и кланялся, бил

челом, причем боярин или окольник, смотря по значению лица, объявлял его государю, сказывая его имя. После объявки думный дьяк говорил гостю приветственную речь. Затем государь жаловал гостя к руке, подавал ему руку для целования. Эта милость также объявлялась речью, причем царскую руку поддерживал первостепенный из бояр. После того следовало новое благоволение царя: он спрашивал гостя о здоровье сам лично или через думного дьяка, смотря по лицу. Совершив этот торжественный прием, государь или сам приглашал гостя к столу, или повелевал пригласить думному дьяку. Назвав гостя по имени, он [государь] говорил: *будь у нас у стола, или поешь ныне со мной хлеба-соли, или вы сегодня со мной отобедайте.*

Таким приглашением к столу оканчивалась аудиенция, и гость выходил в другую палату, в Золотую, Столовую или Ответную, в которой и дожидался стола, разговаривая со своими почетными приставами или с боярами, назначенными государем собственно для занятия гостя. Государь также шествовал в свои хоромы и переменял платье.

Между тем в палате дворцовые служители, стряпчие и ключники накрывали столы и готовили поставцы. Все это делалось с большой поспешностью, так что стол бывал готов иногда чрез полчаса или, много, через час.

В Грановитой палате, где большей частью давались почетные столы, в переднем углу стояло царское место, или трон, на котором и садился государь за обедом. Перед царским местом, на его рундуке или помосте, ставился стол для государя, кованный золотом и серебром и накрытый аксамитом, золотным бархатом. К столу ставили приступ, в две ступени, обитый цветным персидским ковром. Приступ устраивался для кравчего, который всходил на него, подавая пить и ставя есть на царский стол. С правой стороны от государева места шла большая лавка, называвшаяся так от большого места, которое было на ней первым от угла под иконами. Вдоль этой лавки всегда накрывался и большой стол, так часто упоминаемый в разрядных записках и в счетах местнических. С левой стороны трона лавка заворачивала в угол: здесь ставился обычно кривой стол. В Меньшей Золотой и в Столо-

вой [палатах] столы ставились наоборот: справа кривой, а слева большой. Это зависело от устройства залы и от удобства размещения.

Кроме неперемных двух столов, большого и кривого, в разных местах палаты ставились и другие столы, смотря по числу гостей, для послов посольств, для духовных властей властелинские и пр. Вообще же, по свидетельству иностранцев, в размещении столов не наблюдалось никакого особенного порядка и симметрии; они ставились или в соответствии со старшинством мест, или по удобству, но на таких, однако ж, местах, чтоб можно было видеть стол государев. Сами столы, говорит Барберини, были весьма разнообразны: «один был высокий, другой низкий, тот узкий, тот широкий»⁹⁸.

Для почетнейшего гостя, например, в Грановитой палате в 1658 г. для грузинского царя Теймураза, а в 1660 г. для грузинского царевича Николая Давидовича, накрывали стол отдельно от других, с левой стороны трона, в первом окне от Благовещенского собора, следовательно, в переднем углу. Королевич Дат-

ский Вольдемар, как жених царевны Ирины Михайловны, обедал в 1644 г. за одним столом с государем Михаилом Федоровичем и царевичем Алексеем Михайловичем. Такой необычной почести удостаивались весьма немногие, и только лица царского достоинства и высокого духовного сана, как, например, патриархи⁹⁹.

В то же время, когда шатерничие расставляли столы, степенные ключники и стряпчие готовили поставцы или буфеты, из которых один устраивался среди палаты, в Грановитой обычно около столба, а другие в сенях. Эти поставцы, соответственно трем ведомствам царского столового обихода, делились на три отдела: был поставец Сытного дворца, собственно питейный, на котором стояли кубки, ковши, чарки, кувшины, кунганы, ведра и другие сосуды с винами; был поставец Кормового дворца: на нем предварительно ставились сосуды воронки-кувшинцы с уксусом и с лимонным рассолом или соком, а затем сюда приносили кушанье; был поставец Хлебного дворца, на котором ставились разного рода хлебные яства: перепечи, калачи и т. п.

Свадебный пир. Миниатюра из рукописи XVI в. «Лицевой летописный свод Ивана Гроз-

Все поставцы обивались шелковыми полосатыми фатами, а Кормовой и Хлебенный, кроме того, накрывались до времени фатами золотными, также полосатыми.

Поставец среди палаты назывался государевым и назначался только для дорогой золотой, серебряной, хрустальной, сердоликовой, яшмовой и т. п. посуды, которая служила великолепнейшим украшением царского пира. Здесь Московский двор в полном блеске являл свои драгоценности, свое богатство, приводившее в изумление иностранцев. В особенности поражало иностранцев огромное количество дорогой посуды, которой были убраны как этот средний поставец, так и все другие.

«Когда его пресветлейшество, – говорит Кобенцель, – угощал меня обедом, я заметил в передней части покоя так много круглых блюд, кубков, чарок и других золотых и серебряных сосудов, что, говоря без преувеличения, тридцать венских повозок с трудом могли

бы все это вместить в себе, между тем как это еще не составляет всей государевой посуды, но только принадлежность дворца, в котором дан был обед»¹⁰⁰.

Маржерет, видевший царскую казну в начале XVII столетия, говорит, что там «весьма много золотых блюд, покалов (кубков) разной величины и несметное множество серебряной посуды, вызолоченной и невызолоченной. Я видел в казне с полдюжины серебряных бочек, слитых, по приказанию Иоанна Васильевича, из серебряной посуды, взятой им в покоренной Ливонии: одна из сих бочек величиной почти с полмюи (около восьми ведер), другие менее; видел множество весьма огромных серебряных тазов, с ручками по сторонам: наполнив медом, их приносят обычно четыре человека и ставят на обеденные столы по три или по четыре таза, с большими серебряными ковшами, коими гости сами черпают напитки, иначе было бы недостаточно двухсот или трехсот служителей для угощения пирующих за царскими столами. Вся эта посуда русской работы. Кроме того,

есть множество серебряной утвари немецкой, английской, польской, поднесенной царю иноземными послами или купленной за редкость изделия¹⁰¹.

Когда столы были поставлены и поставцы убраны серебром, боярин-дворецкий входил в палату и накрывал стол государев: настилал скатерть, ставил золотые, украшенные камнями судки, т. е. перечницу, уксусницу, лимонник и солоницу, и потом с Хлебенного дворца перепечу-недомерок. На боярский, польский и все другие столы скатерти настилал степенный ключник со стряпчими и подключниками. Здесь расставляли судки серебряные золоченые, а на столы низших чинов серебряные же белые, т. е. незолоченые. В размещении судков наблюдалось, чтоб пред каждым четыремя особами стояла солоница, перечница и уксусница. В то же время стряпчие Хлебенного дворца клали на столы калачи, белый крупитчатый хлеб, разрезанный на части известного веса или меры, которая вообще называлась калачом, или испеченный в ту же меру. В том и заключалась вся предварительная уборка древнего стола. Ни тарелок

и салфеток, ни ножей и вилок, ни ложек и всего того, что в наше время составляет так называемый прибор, предки не употребляли в уборке своих столов. Салфеток и вилок даже совсем не подавали во время обеда. Тарелки, ложки и ножи подавались во время стола только почетнейшим особам и преимущественно послам западных государств. Так как кушанья подавались большею частью совсем уже готовые, нарезанные и искрошенные, то и ножей за столом много не требовалось, а тем более для каждой особы; да притом во многих случаях руки вполне могли служить вместо ножей так, как они служили вместо вилок. Ложки же приносили с горячим, которое обычно подавалось в половине стола, после холодных и жарких.

Когда боярин-дворецкий докладывал государю, что все было готово, государь шествовал в палату в сопровождении бояр и других лиц, приглашенных к столу, и садился на свое место, за свой царский стол. Вслед за тем садились по местам, сначала за большой стол бояре и прочие чины, а потом и остальные — за другие столы по разряду, по старшинству,

кому за кем следовало сидеть. Занимая место, каждый бил челом государю, «поклонялся о правую руку до сырой земли».

Русские одежды конца XVI в.

«Шествие посольства Ивана Грозного к императору Германскому Максимилиану» (1576)

В зимнее время бояре и другие сановники

являлись за стол в охабнях, или легких шубах погодных, или белых, покрытых тафтой, преимущественно белой; государь также надевал в это время нагольную или белую, серебряную шубу, т. е. покрытую серебряной парчой. Духовник государя, протопоп Благовещенского собора, почти всегда присутствовавший за царскими чиновными столами, читал «Отче наш» и другие молитвы на благословение трапезы. По совершению молитвы, государь посылал звать гостей, которых снова церемонно встречали и потом усаживали по назначенным местам. Вслед за тем боярин-дворецкий являл пред государем чашников, стольников и стряпчих, которые должны были служить у стола. Он шел впереди церемониально к трону государя, а за ним попарно, держась рука об руку, чинно шли чашники и стольники в золотах, т. е. в одеждах из золотой и серебряной парчи с длинными воротниками, шириной почти в пол-аршина, спускавшимися по спине и унизанными жемчугом, в тафьях, небольших шапочках, покрывавших темя, также унизанных жемчугом, и в горлатных, высоких шапках. На груди у

стольников больших, или старших по разрядам, были надеты крест-на-крест золотые или серебряные вызолоченные цепи с камнями. Дворецкий становился подле среднего поставца, в Грановитой – у столба; чашники и стольники подходили к царскому столу, делали низкий поклон и удалялись, также попарно, один за другими, обходя вокруг поставцов. Они шли к буфетам за кушаньем и винами. Число их соразмерялось с числом и знатностью гостей и простиралось от 200 до 300 человек.

Объявив столовый чин, дворецкий шел за государев кормовой поставец, садился у яств и отпускал есть великому государю. В то же время занимали свои места и должности и другие чины стола. У царского стола безотходно находился кравчий с товарищем своим стольником: вместе они служили при особе государя.

Стакан из чеканного серебра

Между столовыми чинами должности были распределены следующим образом: один из стольников вина наряжал, т. е. заведовал и

распоряжался винами, отсылал на столы, другой – пить наливал, наполнял кубки и ковши и рассылал гостям по назначению. Двое стольников смотрели и сказывали в большой стол, другие двое смотрели и сказывали в кривой стол. «Смотреть в стол» значило распоряжаться угощением, «строить яства» – смотреть за стольниками, чтоб ставили и снимали, – словом, наблюдать, чтоб стол, обед,

во всех частях шел своим порядком, чтоб всё по чину, чтоб все были довольны угощением и нигде б не было нарушено ни обрядов царского стола, ни чести гостя. «Сказывать в стол» значило провозглашать имена гостей, которым, как увидим ниже, государь посылал подачу, кушанье или вино. Это называлось также явкой, объявкой. За посольским поставцом садился и про послов есть отпускал товарищ дворецкого, думный дворянин, или стольник. За боярским и другими поставцами садились также стольники с дворцовыми дьяками. У поставцов Сытного дворца находились степенные ключники стряпчие.

Торжественность царского пира особенно увеличивалась еще присутствием почетной церемониальной стражи. Возле государева стола, по правую и по левую сторону, стояли стольники, с мечами, в фerezях золотных и в шапках, по одному человеку, а иногда, поодаль их, еще по два человека голов или полковников стрелецких, без шапок; кроме того, у дверей палаты по обеим сторонам стояли в ряд жильцы с протазанами и с алебардами, в цветных кафтанах червчатых и объяринных

терликах, человек по двенадцати на стороне, а иногда и более, смотря по значению гостя.

Когда одни стольники, которые есть ставили, уходили за кушаньем, другие, которые пить подавали, приносили в серебряных кувшинах водку, государево винцо, как она тогда называлась, ставили на столы, разливали в чарки и угощали гостей. Иногда государь из собственных рук рассылал водку. Потом он раздавал почетнейшим гостям хлеб, каждому особо, громко называя по имени того, кому назначал подачу. Это почиталось великой милостью, особенным благоволением царя. Стольник, подавая гостю хлеб, провозглашал имя сидящего, а затем говорил следующую речь:

«Великий государь (*титул*) жалует тебя своим государевым жалованьем – подает тебе хлеб».

Принимая царскую почесть, гость вставал и кланялся, а вместе с ним вставали и кланялись и все сидевшие за столом. Таким же образом присылалась иногда и соль.

Раздав почетнейшим гостям хлеб, государь

приказывал подавать кушанье. С той же церемонией дворецкий открывал шествие к столу государя, неся первое блюдо, и сопровождаемый стольниками, которые, как прежде, шли за ним попарно и также несли кушанья. Дворецкий являл пред государем первые блюда холодные и жаркие. В скоромный день первым блюдом был жареный лебедь. «Когда раздача хлеба кончится, — замечает Климент Адам, — то входит придворный в сопровождении прислужников и, поклонившись князю, ставит на стол на золотом блюде молодого лебедя, чрез полминуты снимает со стола и отдает кравчему с семью товарищами, чтоб нарезали кусками; потом блюдо ставится на стол и предлагается гостям с прежнему торжественностью»¹⁰².

Барберини, описывая порядок царского обеда, говорит, что после раздачи хлеба и вина в столовую «вошло человек двадцать прислуги; они несли огромные блюда с разным жарким, как-то: гусями, бараниной, говядиной и другими грубыми мясами; но, подошедши к государеву столу, все они снова повернули назад и скрылись со всеми этими блю-

дами, не подавая никому; вскоре же потом они снова явились, и уже в большем числе, и несли, как прежние, так и другие мясные кушанья, но уже нарезанные кусками на блюдах; когда таким образом принесли и обнесли кругом, по всем столам, тут только начали мы наконец есть».

В это время снова начиналась церемония подач: государь рассылал почетнейшим гостям первые блюда, причем стольники произносили те же милостивые речи. Впрочем, речи с полным титулом государя говорились только при первых подачах, а потом стольник, назвав по имени гостя, провозглашал только: «Царь и великий князь подает». Порядок, в каком разносили эти подачи, соответствовал значению гостей: тому, кого государь хотел почтить более других, он посылал первому.

В 1667 г. польским послам во время стола были следующие подачи:

«Первому – послу Станиславу Казимиру, Беневскому воеводе: первая подача крыло лебязье, вторая – пирог осыпной, третья – жаворонки (хлебное),

четвертая – гусь. Второму послу Киприяну Павлу: первая подача – пирог осыпной, вторая – жаворонки, третья – ходило лебязьи, четвертая – уха черная. Третьему послу Владиславу Шмелингу: первая подача – гусь, вторая – куря индейское, третья – мисенное, четвертая – курник с изросцами».

Королевским дворянам подано: кому пирог, кому гусь, кому куря, жаворонки, лебязья хлупь и т. п.

В течение обеда подачи раздавались четыре раза. Вслед за подачами на все столы подавали яства в великом изобилии, но, по замечанию иностранцев, без соблюдения порядка, какое блюдо за каким должно следовать, подавали сначала жаркое или холодное, потом ухи, похлебки и т. д., ставили на столы столько, сколько могло уставиться; гости кушали, что кому нравилось. Великое изобилие яств и напитков за царским столом всегда изумляло иностранцев. Количество подаваемых блюд (порций) простиралось иногда до пятисот; и, как бы много гостей ни было, всегда число блюд несоразмерно было велико по сравне-

нию с числом гостей. Причиной этому был обычай царей рассылать подачи не только всем присутствующим, но даже и отсутствующим, всем тем, кому государь хотел оказать свою милость и благоволение. По свидетельству Котошихина, на все такие подачи и на все столы про государя, царицу и их детей каждый день обычно выходило больше трех тысяч яств, кроме столов праздничных и вообще торжественных.

Каждое блюдо составляло собственно порцию, или, по-старинному, еству, на две osoby с излишком. За столом, большей частью два гостя, соседи друг другу, ели с одного блюда. Есть с кем с одного блюда принималось также за известную меру почести; есть с одного блюда с хозяином дома или вообще со старшим представляло немалую честь для младшего гостя. За царским столом возникали иногда по этому случаю почестные счета. Так, однажды за столом у царя Федора Ивановича рязанский епископ весьма был оскорблен, что архиепископ Ростовский не дал ему есть с одного с ним блюда, и присовокупил в челобитной по этому поводу, что он при царе

Иване Васильевиче едал с одного блюда и с новгородским архиепископом.

После первых блюд кушанья следовала первая подача вина. Государь посылал каждому из почетных гостей кубок, наполненный фряжским вином романею, бастром, рейнским, мальвазию и др. Подачи вина сопровождались теми же обрядами и тем же сказываньем, как и при рассылке кушаний.

«Когда обед зайдет за половину (говорит Маржерет) и царь разошлет гостям снова по большой чаше с каким-нибудь красным медом (он бывает разных сортов), тогда приносят и ставят по столам огромные серебряные ведра с белым медом, который черпают ковшами. По мере того как одни сосуды опоражниваются, подают другие – с напитками, более или менее крепкими, по желанию пирующих. За сим царь посылает каждому гостю третью чашу – с крепким медом или ароматным вином, а по окончании обеда – четвертую и последнюю, наполненную пачочным медом, напитком весьма вкусным, легким и, как вода ключевая, прозрачным»¹⁰³.

Число всех подач вина и меда простира-лось иногда до девяти: три подачи фряжских вин, три подачи красных медов и три подачи белых медов¹⁰⁴.

При каждом сказывании царской подачи все вставали и кланялись государю. Эта церемония так часто происходила, замечает Барберини, что, вместо того чтоб досыта наесться, от беспрестанного вставания час от часу только более усиливался аппетит. За церемониальными посольскими столами провозглашались, кроме того, чаши или тосты сначала за здоровье и про братскую любовь государя, от которого приезжал посол, и потом за многолетнее здоровье самого царя, за здоровье царевича-наследника, за здоровье бояр, послов и пр. При столах, даваемых гостям, которых значение не требовало равной с государем почести, заздравную чашу пили сначала за государя, а потом уже про здоровье почетного гостя.

За праздничными обыкновенными столами, без иноземных гостей, пили только одну чашу государеву.

Заздравные чаши иностранных государей

или почетнейших гостей сопровождалась следующими обрядами. В то время как государь брал у кравчего кубок, стольник, который пить наливал, выступя на середину комнаты, провозглашал тост, причем все вставали, а послы выходили из-за стола. Государь также вставал, снимал шапку и, троекратно перекрестясь, выпивал кубок, при чем послы кланялись.

Я. Ульфельд. Пир в Александровской слободе

Если требовалось выразить особенное уважение государю, от которого были послы, то государь присовокуплял к тосту собственную речь о братстве, дружбе и любви с пожеланием здоровья, счастливого пребывания и над недругами победы.

После того государь из собственных рук подавал заздравную чашу гостям, боярам и всем сидевшим за столом. Каждый, по порядку старшинства мест, выходил из-за стола, брал кубок и, отступя на несколько шагов от трона, бил государю челом и осушал чашу.

С теми же обрядами провозглашались и другие тосты.

Но так как заздравные чаши провозглашались под исход стола, то весьма многие из гостей, особенно не рассчитавшие своей умеренности во время стола, при обыкновенных подачах, не всегда довершали царский пир в памяти. Московский двор смотрел на такие случаи с особенным удовольствием; он убеждался, что гости были рады государевой милости, рады пиру и угощению. Радущие и гостеприимство наших дедов ставило себе в непремное условие употчевать гостей допьяна.

Если хозяин рад был гостю, то приличие требовало употребить все средства, чтоб гость был весел и пьян. Если гость рад был пиру, то приличие требовало не отказываться от чаши, потому что решительный отказ всегда оскорблял хозяина и нарушал доброе расположение между обоими. Древний русский пир тогда и честен бывал, когда все гости напивались. Поэтому и царские пиры не оканчивались еще заздравными чашами, не оканчивались питьем за столом: каждый раз после стола к почетным гостям, которым давался обед, являлся на дом стольник в сопровождении слугителей, приносявших несколько ведер вин и медов. Он объявлял, что прислан потчевать гостей и оставаться с ними для препровождения времени в удовольствие. «Вслед за сим (рассказывает Герберштейн) приносят с напитками сосуды и кубки и всемерно стараются посланников сколько можно упоить. В сем искусстве русские весьма сведущи; если не имеют они способа заставить кого-нибудь выпить, то начинают пить за здоровье императора или брата его (т. е. за здоровье государя, от которого посол прибыл),

или за здоровье великого князя (т. е. царя) и других знаменитых особ: они думают, что отговариваться и не пить за чье-либо здоровье не должно или не можно. За здоровье пьют таким образом: тот, кто предлагает пить, становится посреди горницы и учтиво произносит имя, за чье здоровье он пьет, и что желает ему всякого благополучия. Выпив, переворачивает кубок на голову, дабы показать, что он его опорожнил и излил желание совершенного благополучия тому, чье имя пред тем произнес. Потом подходит к первому месту, приказывает наполнить многие кубки, подносит их каждому и произносит имя того, за чье здоровье пить надлежит. После сего все должны выходить на средину покоя и, выпив кубок, опять садиться на свои места. Кто не хочет допьяна напиться, тот должен или представиться пьяным или спящим, или перепить русских, или, наконец, решительно объявить, что он больше пить не в состоянии. Русские наилучшим угощением почитают, ежели кого употчуют допьяна или до бесчувствия».

За царским столом не один раз случалось, что гости, в беспамятстве, с необычайной по-

спешностью, оставляли обед и уходили или, вернее, бежали, не дождавшись конца церемоний. Один такой случай за обедом у царя Ивана Васильевича описывает Барберини.

«Более трех битых часов сидели мы за столом... и вот уж немало было из этих бояр, что допьяна напились. Когда же пришли слуги для снятия кушаний и скатертей со столов, тут опять с немалым шумом и суматохой все поднялись, вставая из-за стола. Государь все еще оставался на своем месте и подозвал к себе послов, которым подавал, каждому своеручно, кубок вина; [но] они, будучи заранее предуведомлены о нравах и обычае страны, принимали из рук его кубок, держали свои шапки в руке и, обернувшись спиной к государю, отходили от него шагов за несколько, где, вдруг остановясь, снова оборачивались к нему лицом и преуниженно кланялись ему по-турецки; потом выпивали все до дна, либо отведывали только, как кому было угодно; отдавали кубок присутствующим и, не говоря ни слова, уходили. Когда послы были таким образом отпу-

щены, государь подозвал и меня, и так же, как и послам, подал мне своеручно кубок вина, и я, будучи тоже предуведомлен, как должно в таком случае поступить, придержался того же самого порядка, как, видел, делали и послы. Но тотчас же после этого, как послам, так и мне, хмель сильно разобрал голову, так что, позабыв все приличие и скромность, бросились мы все скорее в двери. С такой поспешностью не выбегали, быть может, из храма Божьего даже книжники и фарисеи, с какой мы выбежали оттуда. Тут с трудом должны мы были проходить чрез покои, по причине толпы хмельных, теснившихся в беспорядке и впотьмах, пока, наконец, добрались до дворцового крыльца, от которого шагах еще в двадцати или более ожидали нас с лошадьми слуги, там же обедавшие с нами; но, когда мы спустились с крыльца, чтоб добраться до наших лошадей и уже ехать домой, мы должны были брести по грязи, которая была по колено, а ночь претемная, нигде ни огонька, так что довольно мы поизмутились, пока могли сесть на коней;

а все это чванство со стороны москвитян: они не хотят, чтоб кто-нибудь осмелился подъезжать к дворцу верхом или слезать с лошадей».

То же самое случилось с цесарскими послами на обеде у царя Алексея Михайловича в 1656 г. После чаши, предложенной государем за здоровье цесаря Римского Фердинанда, послы, вышед из-за стола, провозгласили чашу многолетнего здоровья царя. Бояре вышли на средину палаты, ударили государю челом и выпили. «А после того послам, вышед из-за стола, пить было за боярское здоровье, а боярам пить было за здоровье цесаревых думных людей; а послам в то время выходить же. И послы про бояр, а бояре про послов не пили, потому что послы, обрадовавсь государевы милости, упились пьяны и пошли из палаты вскоре беспамятно. А после стола явить было послам государево жалование – соболи, да говорить речь на отпуске и грамота подать. И послам государева жалования не явлено и речи не говорено и грамоты не дано, для того что послы упились гораздо; а отложен им отпуск до иного дни. А как послы пошли из па-

латы вон, и по государеву указу провожал послов до кареты боярин Семен Лукьянович Стрешнев; а в карету посадил послов стольник и московский ловчий Афанасий Иванович Матюшкин; а карета была послана для того, что они были пьяни. И после посольского отпуску посылан был к ним потчевать с питьем стольник Петр Шереметев, и приехал назад, совсем не потчевав послов, для того что послы были пьяни».

Четверть царя Федора Алексеевича

Лет за полтораста назад, в 1503 г., посол от короля Угорского и Чешского Владислава Сигизмунд Сантай после обеда у Вел. Князя, угощенный, употчеванный еще на своем подворье, в ту ночь пьян расшибся и за немочью не мог исполнить свое посольское дело даже и на другой день.

Веселые обычаи Петра Великого, которые, по нашему незнанию своей старины, приписываются только ему одному и состоявшие в том, чтобы всеми мерами употчевать гостей как возможно пьянее, принадлежали к рядовым делам старого общежития и в частном и в царском быту. Царь Годунов с той же целью упоил за царским столом ливонских немцев-эмигрантов. Царь Алексей Мих. не один раз упаивал на своих домашних пирах приближенных бояр. Мы теперь рассуждаем об этом как о невозможном насилии, а старинные люди почитали такое угощение особой царской милостью и необычайным пожалованием.

Стол продолжался, смотря по торжеству,

по значению гостей, которым делались церемонии, более или менее пышные, более или менее почетные. Обычно сидели за столом около пяти часов. Кобенцель говорит, что они сидели почти шесть часов; но Кардиль замечает, что обед, данный ему, продолжался девять часов. За стол садились в разное время, но обычно часу в первом, иногда в третьем, а иногда и в одиннадцатом, если требовали этого какие-либо особые обстоятельства.

По окончании стола царский духовник или ключарь Благовещенского собора со священниками говорили молитву «Достойно есть» и проч., после которой государь шествовал в свои хоромы, а послы и все гости разъезжались по домам. На другой день, по обычаю, государь посылал спрашивать почетного гостя, которому давал пир, о здоровье. К лицу царского достоинства ходил боярин со стольниками, а к послам обычно их пристав.

Общий обзор кушаний царского стола сохранился в «Росписи Царским Кушаньям» (1610—1613), составленный, по всей вероятности, для новоизбранного московского царя в лице польского королевича Владислава, что-

бы ознакомить его с порядками, заведенными в Московском дворце. Подобные перечневые росписи, занесенные и в списки Домостроя XVI ст. и XVII ст, обычно начинали свои описи кушаний с *Велика дни*, т. е. со дня Пасхи, когда царский стол-обед совершался всегда с особенным торжеством в присутствии многочисленных гостей.

Ковш, жалованный царями Иоанном и Петром

Кушанья распределялись по порядку мясоедов и постов. Это распределение начиналось Великоденским мясоедом, за которым в этой царской росписи следовал Оспожинский мясоед, начинавшийся с Успеньева дня; далее Филиппов пост и праздник Рождества Христова с Рождественским мясоедом. В течение веков народный быт твердо стоял на своей старине и очень тяжело изменял свои житейские порядки даже и в мелких подробностях, например относительно пищи и напитков. Что ели деды и прадеды, то самое ели внуки и правнуки. Нельзя отрицать, что некоторые кушанья приходили к нам и с Запада (уха Венгерская) и особенно с Востока, как это обнаруживается в названиях таких кушаний, например, котлома, юрма, тавранчук, кундумы, сычуг и т. п., которые могли появиться в русском поварском искусстве в очень древнее время раньше татар и половцев, чуть не от скифов и сарматов. Общий же круг кушаний в упомянутых росписях принадлежит Север-

ной и, главным образом, Московской области.

Столовым обиходом Царского дворца во всех разнообразных его потребностях заведовал Приказ Большого Дворца, главным начальником которого был боярин *Дворецкий*, первый человек после Конюшего по приближенности к государю. В этом ведомстве государь являлся полнейшим помещиком, как жилали и все помещики в то время. С принадлежавших Дворцу, т. е. лично государю, дворцовых сел и разных волостей и даже особых дворцовых городов, которых, по свидетельству Котошихина, числилось больше 40, собирался всякий хозяйственный запас и припас, как водилось у помещиков и в позднее время. Посадские городовые люди и крестьяне сел и волостей, в виде оброков и уроков и разных податей, доставляли во Дворец все, что было надобно для царского обихода, начиная от кур, яиц, баранов, гусей, свиных и говяжьих стегов и оканчивая не только грибами, ягодами, орехами, но даже и вениками, не говоря о случайных запросах на подобные мелочные предметы обихода, вроде сбора для царской Аптеки шишек осокоровых, цвету кубышек

белых, цвету бобового, цвету свороборинного (шиповника) и т. п., чем обременяемы были в особенности подмосковные дворцовые села и деревни. Села Хорошево и Павшино поставляли к Вербному воскресенью по пяти возов вербы, которую ставят по пути в Цветоносную неделю¹⁰⁵.

Чаша царя Федора Алексеевича

Большой дворец в качестве особого Ведомства делился на малые деловые дворцы, такие, как Сытный, где сосредоточивалось заведование всякого рода питьем, Кормовой, заведовавший ествой, Хлебенный и Житенный.

Всякая провизия, поступавшая на Кормовой дворец, собиралась оброчным путем по окладу.

Рыба живая и просольная и паровая (копченая) доставлялась из всех мест, где находились, так сказать, средоточные центральные ловли, начиная от Белого моря и до Каспийского, в Астрахани, как и в озерах Ладожском, Белоозере, Ильмене Новгородском, Ростовском, Переяславском и др., а равно по всей Волге с большими ее притоками, по Каме и Оке. Мелкая живая рыба, мни, пескари, окуни и пр., доставлялась с Москвы-реки и Яузы, а также из подмосковных и московских дворцовых прудов. Рыбаки вниз по Москве-реке назывались кошельниками, вероятно, от кошеля – вязанного в сетку мешка, в котором могла сохраняться пойманная живая рыба. Такие кошели находились и в самой Москве, вблизи устья Яузы.

Живую рыбу, более ценную, из далеких мест привозили в бочках на ямских подводах.

Красная рыба семга называлась десятинной, потому что собиралась на государев обиход по окладу десятой доли каждого улова. Между другими местами средоточие ее сбора находилось в Каргополе, откуда целовальники¹⁰⁶ из каргопольских посадских людей каж-

дый год посылались для сбора семги вниз по Онеге-реке до моря и по морским рекам, по всем местам ловли рыбы.

Поставлялась рыба во Дворец и подрядным договорным способом.

Рыбные запасы пополнялись также и подношениями государю разной рыбы от владельцев рыбных ловель, от посадских людей и особенно от духовных властей. В 1686 г. от новгородского митрополита поднесено 2 бочки сигов да две бочки лодог, от ростовского митрополита ростовских щук 1105; из Соловецкого монастыря бочка сельдей, по счету 580; 22 пласти семожьи, 10 семог соленых, 5 семог свежих.

Мясной запас наполовину собирался с дворцовых сел, волостей и городов оброчным путем по годовому окладу. Дворцовые крестьяне и посадские доставляли на Кормовой дворец баранов и гусей, живых и битых, свиные туши и говяжьи стяги, масло коровье и т. п.

Оброчные окладные статьи пополнялись охотничьим промыслом, для которого высылались птичьи стрелки, доставившие в осень

1686 г. журавля, цаплю, 106 утят, 49 тетеревей, 10 рябчиков. Эта дикая птица называлась полевой.

Однако приход оброчной окладной и случайно приходившей живности не был достаточен для потребностей царского столового обихода и потому в большей половине он пополнялся подрядным способом.

Иные мясные предметы, смотря по нужде или по особому запросу, покупались в рядах у торговцев. Некоторые другие припасы также покупались у торговцев.

Покупались также и нужные предметы столового обихода. 7 сентября 1686 г. куплено в Судовом ряду 200 ложек боярских с костьюми. Тогда же в Польском ряду куплено 100 ножей Польских. 15 сентября куплен в Котельном ряду горчишник оловянный государыне царевне Софьи Алексеевне. Куплена в Лапотном ряду ступа деревянная и два песта – толочь пряные зелья.

Покупками на Кормовом и на других дворцах заведовал специально выбранный по договору и по выбору дворцовых слобод старост и выборных людей доверенный купец, кото-

рый для этого получал из Большого дворца известную сумму денег и обязывался производить покупки во время, в которое время какие запасы будут дешевле, и если не соблюдал выгоды, покупал не во время дорогой ценой, то подвергался наказанию и начету с указом доправить на нем излишне переданную цену.

Вино и разные другие напитки поставлял Сытный дворец, названный так от слова «сыта», что вообще означало сласть и собственно разведенный на воде мед, сот. Такими медами с примесью различных ягодных морсов или пряностей особенно и славился Сытный дворец. Мед доставлялся во дворец с бортовых угодий по оброку с каждого медового дупла или борти. Все эти бортовые угодья во всех медовых местах были во Дворце описаны с назначением размеров оброка.

Это были в известном смысле только мелкие покупки. Более значительные, так сказать, оптовые покупки производил Приказ Большого Дворца.

По произведенному в 1701 г. общегосударственному счету и отчету по всем

большим и малым ведомствам в
счетности Сытного, Кормового и Хле-
бенного Дворцов были перечислены и
все деловые люди всех трех Дворцов. На
Сытном Дворце числилось: уксусников
22 человека, винокуров 4, поваров 15,
браговаров 6, квасоваров 8, свечников 2,
бочаров 4, сторожей 45; чистельников
2, солодовник 1, мельников 2. – На Кор-
мовом: поваров 54, помясов 86, рыбни-
ков 3, скатертников 14, кислошников
7, куретников 6, сторожей 22, живо-
тинников 6, чистельников 2, угольни-
ков 4, сторожей Москворецких рыбных
садков 3. На Хлебном: хлебников 69,
помясов 44, коровников 8, сторожей
18, чистельников 2, мельников и засы-
пок 50. Всех 532 чел.

В обычное время рядовые приспешники
одевались в кафтаны кумачные красного цве-
та, первостатейные дельцы носили дорогиль-
ные кафтаны, второстепенные – киндячные,
чаще всего красные.

Деловые дворовые люди, которые в извест-
ных случаях должны были появляться на гла-
за собравшемуся на царский обед обществу,
особенно при столах посольских, одевались в

новые кафтаны, чаще всего из тканей красного цвета.

Само собой разумеется, что отличавшиеся дельцы по изготовлению какого-либо питья или кушанья всегда награждались тоже тканями на кафтан.

Глава VII

Царская одежда

Древняя русская одежда; трудность ее исследования.— Царское белье.— Царское платье: комнатное и ездовое.— Платье ратное.— Царский и большой наряд.— Платье рындово.— Платье официальное.— Царский головной убор.— Царская обувь.— Общий обзор царской одежды XVII ст.; одежда домашняя и выходная.— Платье причастное, брачное.— Царская одежда XVI ст.

О царской одежде мы имеем подробные сведения в «Книгах царским выходам, каково на государе бывает платье», где точно и подробно записаны почти каждодневные выхо-

ды царей с целью обозначить весь состав подаваемой для выхода одежды. Эти книги составляли официальный журнал Государевой Мастерской палаты, которая заведовала царским гардеробом во всех подробностях, между прочим и кройкой платья, которую также тщательно записывала в особые Кроильные книги.

Наши древние летописи, как и другие древние письменные памятники, не оставили нам подробностей о старом быте, при помощи которых можно было бы с точностью изобразить всю обстановку древней жизни. Так, относительно древней нашей одежды мы получаем некоторые очень и очень немногие ее названия и не имеем понятия, какого покроя была эта одежда. С другой стороны, мы имеем даже рисунки древней одежды и не можем достоверно сказать, как эта одежда называлась. Почти на начальных страницах летописи под 1015 годом встречаем имя одежды *корзно*. Оно в двух-трех случаях поминается и в XII в., потом исчезает. Когда в 1147 г. киевляне, убивая несчастного Игоря Ольговича, раздели его донага, из свитки изволокоша, то

Владимир Мстиславич, защищая несчастного, соскочил с коня и обогнул (огорнул) его корзном.

Может быть, то же корзно именовалось и *скутом*, как можно заключить из повествования летописи о князе Глебе, который к 1071 г. во время пререканий с волхвами, в самом Новгороде, взявши топор под скутом, поразил им волхва, вовсе не ожидавшего такого себе конца. «Скут» родственно со словом «кутать». Упомянем также, что корзно в простом народном говоре могло прозываться именем «корзень», как это видно из наименования подмосковных села и волости Корзенево. Поп Корзень.

Как бы то ни было, но корзном называлась та самая верхняя одежда, плащ Святослава, которая была обычной одеждой у русских князей и бояр с древнего времени и которую носили и греки Черноморских колоний, что должно относиться уже к первым векам христианства. На греческих надгробных памятниках этого времени нередко изображаются лица именно в таких плащах, очень сходно с изображениями наших князей даже в XIV ст.,

как видим в лицевом житии Бориса и Глеба. Это обстоятельство достовернее всего подтверждает ту истину, что русская одежда от глубокой древности задолго до Византийского царства носила в себе облик общеевропейского костюма, получив свое корзно от древних греков и римлян, распространивших этот плащ и по всему варварскому миру в средние века. Точь-в-точь, как и древнерусские князья, в таком же плаще изображен и германский император Оттон III (985—991) на современном ему окладе Евангелия.

Как бы взамен корзна, в XIII ст. появляется *коць* или *кочь*, тоже, по всей вероятности, верхняя одежда, плащ.

Когда в 1245 г. у Батыя в Орде русские князья и бояре уговаривали кн. Михаила Черниговского исполнить повеление хана идти через огонь поклониться богам татарским, князь отверг эти советы и, снявши с себя *кочь* своей, бросил к ним со словами: «Приимите славу света сего». Если эта одежда обозначала славу света сего, то возможно заключить, что она была в действительности славная одежда, т. е. богатая княжеская одежда.

В 1328 г. московский князь Иван Данилович Калита в духовном завещании оставил сыну своему Ивану коць великий с бармами. Неизвестно, переменялось ли здесь только имя одежды или эта одежда была нового покроя и потому уже не называлась прежним именем корзна.

Имени «коць-кочь», по-видимому, родственно *котъиа*, упоминаемое в начале XIV ст. также в значении верхней одежды. Действительно, быть может, что так и назывался кочь в простонародной речи. Затем оба эти названия исчезают из летописных указаний.

«Слово о полку Игореве» (в конце XII в.) упоминает *япончицы* и *кожухи*. С того времени эти имена сохраняются до последних дней русской одежды, равно как и *свита*, *свитка*., а также *убрус* и *сорочка*, упомянутые еще в XI столетии.

Можно с достоверностью полагать, что многие одежды, имена которых появляются только в XV, XVI и XVII столетиях, существовали и в предыдущие века под теми же или под другими древними названиями, сохраняя свой старозаветный покррой или облик.

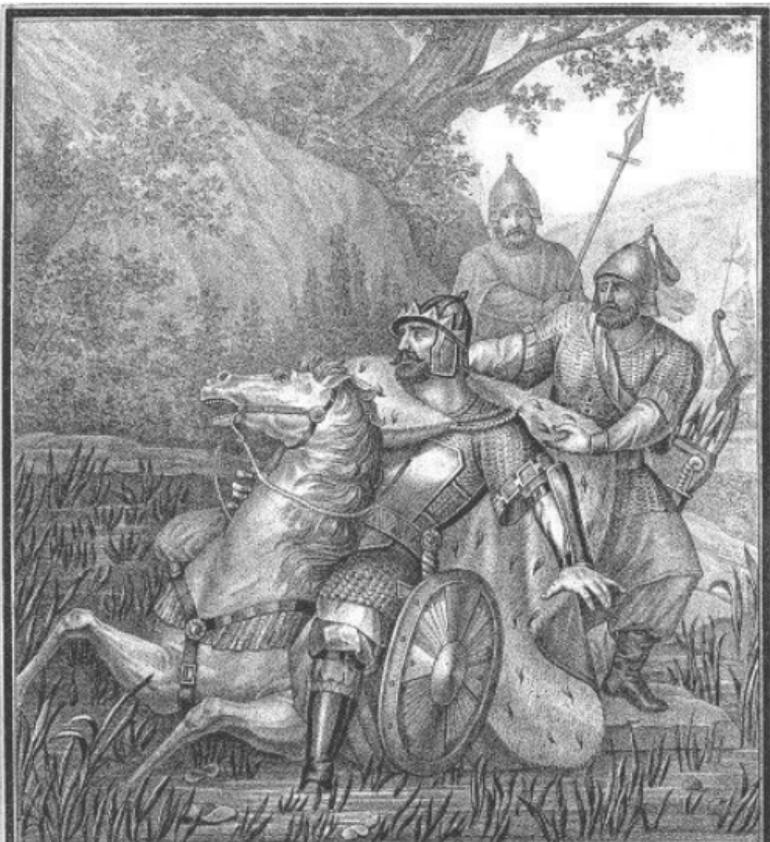
Так, от половины XII века мы случайно получаем имя женской одежды: *кортель*, *рясы*. В начале XIII ст. упоминается *сорочка*. В половине того же столетия – *кожух*, *сапоги*. В XIV ст.: 1377 г. – *охобни*, *сарафаны муж.*, *шубы*, 1382 г. – *онучи*. В XV ст.: 1412 г. – *терлик*, *киверь*, *кабат* (немчина 1428 г.). 1469 г. – *шубы*, *однорядки*, *сермяги*. Любопытно, что у балтийских славян существовали *кортель-корталь*, *шуба*.

Б. Чориков. Великий князь Игорь Ольгович

Кожухом и *охобнем* назывались даже городские укрепления в качестве одежды города. В 1387 г. у города Тверь, около вала, «рубиша кожух и землю насыпаша, и ров копаша глубже человека»¹⁰⁷.

В 1410 г. новгородский летописец, записывая, как король Ягайло и Витовт побивали немцев и пруссов, упоминает, что они, осаждая Мариин город, взяли того города «два охабня, а вышнего третьего не взяша».

В 1411 г. новгородцы ходили на Свию «и Свейи много изсекоша, а у города, у Выбора, охабень взем и пожгоша». Таким образом, эти имена одежд должны относиться к той древ-

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ ОЛГОВИЧЪ. 1146.

*Игорь въ войнѣ съ Ярославомъ, взявъ въ плѣнь въ се-
.мѣть сдѣлъ убавъ его жонѣ.*

И. Б. Улановъ.

Игорь и Ярославъ.

Рис. по миниат. М. Погодина.

ности, когда только что начинали строить городские стены.

Можно полагать, что некоторые одежды

идут от глубокой незапамятной древности и появлялись в древнерусской стране от богатых высококультурных соседей, например, древних персов с Востока и от греков и римлян с Запада, а также и с юга от мидян, ассирийцев и от других культурных народностей, путем торговли заходивших и в наши страны.

Страбон, писатель-географ начала I века, рассказывает, что город Танаид, находившийся в устье Дона, служил центром, «общим местом торговли для азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и для народов, прибывающих на судах» в Азовское море из Черного, с другой. Кочевники доставляли на это торжище рабов, кожи (меха) и другие предметы своего промысла. Черноморские торговцы привозили для обмена платье, вино и прочие предметы культурного быта.

Древнейшие русичи, конечно, были одеты в одежды своего изготовления, соответственно нуждам своего климата и своему умению производить необходимые для одежды изделия. Но более богатое и нарядное платье, как и дорогие ткани, они приобретали теми путя-

ми, какие указывает Страбон. Вот почему совсем неизвестные в нашей древности и очень известные в XVI и XVII ст. пресловутые *фере-зи*, может быть, окажутся по своему имени происходящими от латинского *forensia*, *forensis* или же *сарафан* – от древнеперсидского «сарапа».

История древнерусского костюма в некоторых чертах обнаруживает вообще смесь туземного с иноземным. Русичи свободно брали у чужих народностей все то, что им нравилось или что прельщало по красоте, богатству или удобству, но всегда с некоторым перекро-ем на свой русский лад.

Царское белье. Первая одежда – сорочки и порты шились из полотна так называемого двойного, которое, по-видимому, отличалось от других полотен особой добротностью, так что в XVII ст. оно в рядовой продаже не находилось и ценилось выше всех других полотен. Рядовичи-ценовщики говорили, что это полотно в Ряд купить можно было по 2 алтына по 2 деньги аршин, а из Ряду продать, дождав-шись желающего купца, аршин по 3 алтына.

Другие полотна ценились за аршин по 10 и по 5 денег.

В XVI ст. такие полотна прозывались Прозоровскими, вероятно, как изделие Ткацкого двора князей Прозоровских или под их заведованием на Государевом Ткацком дворе в слободе Кадашовской, откуда брали на то же дело и полотна Кадашовские.

Обычно и в XVI, и в XVII ст. сорочки и порты отделявались швеями червчатой тафтой, из которой вшивали ластки, ластовицы, ластовки – четырехугольные вставки в подмышках сорочки, делали подпушку – кайму по подолу, торочили, обшивали тафтой, как лентой, по швам, обтягивали ею пуговицы, строчили различные узоры по подолу и по вороту. В богатой отделке по швам вместо тафты клали золотную тесьму или золотой плетенок. Вообще швы сорочек всегда покрывались такими торочками, тафтяными или золотными. Это придавало особую красоту одежде. Точно так же отделялись тафтой и порты, у которых шилась только подпушка и по швам торочки. Длина сорочек не доходила до колен. На подоле по бокам делались

небольшие разрезы, называемые прорезами, для увеличения полноты подола. Вместе с сорочками и портами шились также и чехлы, род сорочек с пуговицами, ластками, но без подпушки. В каких случаях домашнего обихода употреблялись чехлы, нам неизвестно.

Портрет Василия III.

Иллюстрация из книги Герберштейна «Записки о Московитских делах»

Кроме полотна, сорочки и порты шились также из миткаля и беги, или бязи, как называлась более плотная хлопчатобумажная ткань.

Полотняные сорочки с названием «нарядные» украшались золотным шитьем с червчатым шелком.

*Rufforum Rex & Dominus sum jure paterni
Sanguinis : imperij titulos a nemine , quavis
Mercatus prece, vel precio : nec legibus ullis
Subditus alterius , sed Christo credulus uni,
Emendicatos alius aspernor honores.*

Фантастическое изображение русского костюма. С гравюры XVII в.

Более богатые сорочки и порты шились из тафты червчатой и белой, иногда низанные жемчугом. При червчатой сорочке порты носили белые.

У боярина Богдана Бельского было четыре сорочки тафтяные червчатые и белые, на них по вороту и на мышках и на прорехах находилось 373 жемчужных зерна, укрепленные на серебряных спнях.

Сорочки нарядные полотняные и тафтяные украшались нашивками – поперечными полосами, по числу пуговиц, нашивными из червчатого шелку с золотом.

На обычных, т. е. повседневных, полотняных сорочках нашивки ставились торчковые шелковые.

Каждая часть нашивки имела петлю для застегивания на пуговку, почему впоследствии их называли петлицами.

Нашивка располагалась гнездами, например, по три петли на вороту, на мышках и на прорехах. Но на вороту или на груди бывала и частая нашивка, состоявшая из многих петлиц без раздела на гнезда, сплошная.

Именно такая частая, как и вообще нашивки, в точности должна утверждать, что ворот сорочек был прямой, а не косой деревенский.

При сорочках употребляли пояса верхний на сорочку и нижний на порты (гашник). К портам, очень легкому белью, присоединялись штаны, обычно камчатные, иногда суконные, а в богатых случаях из золотных тканей, на тафтяной подкладке с такой же опуш-

кой у пояса, в зимнее время – на меху. Для малолетних шились штаники с чулками. Упоминаются при них зепи – карманы и какие-то ушки у подпушки и петельки у опушки. Размер штанов отмечался в поясу, в икрах, в коленях и в завойках, внизу.

К наряду сорочек неотменно принадлежало ожерелье пристяжное, т. е. род воротника, облегавшего шею вплотную, всегда более или менее богато унизанное по бархату, атласу жемчугом с пуговицами из дорогих камней. От жемчужного низанья оно обычно так и называлось – обнизью.

Царское облачение

На сорочку надевали зипун, кафтан, по сравнению с другими одеждами короткий, доходивший только до колен, а иногда и короче. У царя Михаила Федоровича при двухаршинной длине других его одежд зипун имел длины 1 аршин, а у царя Алексея Михайловича, при такой же, но более на два вершка длине его одежд, зипун имел длины 1 аршин 5 вершков. Рост обоих государей, судя по сравнительной длине их обычного платья, был

почти одинаков¹⁰⁸. О царе Алексее Михайловиче его врач доктор Коллинс записал следующее: «Он (государь) – красивый мужчина около 6 футов ростом, хорошо сложен, больше дороден, нежели худощав, здорового сложения, волосы светловатые, а лоб немного низкий». Когда после смерти отца в 1647 г. царь (Алексей) стал переделывать отцовское пла-

тье на свои плечи, то в Мастерской палате было отмечено, что в перешитом платье, а именно – в станových кафтанах, длины прибавлено, а ширины убавлено (№ 1163). Молодой царь был выше отца с небольшим двумя вершками, как указывает мера их платья.

Подкладка у холодных зипунов бывала тафтяная, подпушка камчатная. На вороту ставилась нашивка – 10, 11, 13 или 14 пуговиц втышных, которые втыкались в прорезные петли другой полы зипуна. Рукава кроились обычной длины 1 аршин с небольшим и застегивались также пуговицами по 4 на каждом, в богатых случаях – по 8.

К убранству зипуна принадлежало ожерелье стоячее, род нынешнего мундирного воротника, в 3 вершка ширины и в 7 и 9 вершков длины около шеи. Оно шилось из бархата, подкладывалось атласом и богато унизывалось жемчугом, почему и называлось вообще обнизью. Оно или пришивалось к вороту, или пристегивалось пуговками, так что к одному и тому же зипуну подавались различные ожерелья, обнизь, как указывал сам государь. Бывало ожерелье из обнизь. По сторо-

нам зипуна пришивались иногда тафтяные *калиты*, наружные отдельные карманы, различаемые от *зепей*, или карманов внутри одежды, которые также составляли принадлежность зипуна.

Царский становой кафтан

Зипуны бывали и теплые на лисьем или собольем меху, а потому они делались несколько длиннее обычных зипунов, верш-

ка на 3 или 4, а иногда почти на 8, смотря по государевой надобности. Они покрывались вместо тафты или атласа более тяжелой тканью камкой. Теплые зипуны бывали и без рукавов. Рукава бывали и из другой ткани.

Когда государь одевался в большой царский наряд, в наряд Большой Казны, то зипун подавался без ожерелья, так как ожерельем являлась уже диадема. Был ли в кройке зипун с перехватом на талии сзади, трудно решить. Был ли пояс? Кажется, не было.

И дома, и при выходах на зипун надевали или *ферези*, или *кафтан становой*.

Ферези¹⁰⁹, быть может, от латинского *Forensis* – нарядное одеяние, *forensia* – нарядное платье Свет[оний]. У греков – *pallium*, тогда, мантия, туника, броня, латы. У турок также есть одежда с именем *ферадже* и *фередже*, которое может указывать не о заимствовании наших ферезей у турок, а об одном и том же источнике, откуда идут и наши ферези и турецкие фередже, т. е. о Византии или даже о Риме.

Длиной это платье не отличалось от всех других длинных одежд. У царей оно крои-

лось: у Михаила – в 2 аршина длины без вершка, у Алексея – в 2 аршина с 2 вершками. Вообще фезези кроились несколько полнее зипуна, также на подкладке и с подпушкой. В подоле в 3 аршина с небольшим, по сторонам имели прорехи.

Зипун, тафья и шапка. *Русская одежда с XIV до XVIII вв.*

Особого ожерелья на вороте или воротника ни стоячего, ни отложного не было. Стоячий воротник, или обнизь, находился у зипуна, на который надевали фезези, потому они и не имели ожерелья, а один ворот. Убранство этой одежды состояло из нашивки с завязками и кистями, которые украшались ворворками золотными, а иногда и жемчужными. Число завязок бывало различно: 3, 4, 5, 7. По краям одежды, на полах и по подолу располагалось кружево, род каймы различной ширины, иногда с дробницами или образцами – запонами, золотное. Кружевом отделялись и боковые подольные прорехи. Судя по количеству аршин употребляемого кружева, например, 11, 18 и т. п., можно полагать,

что иногда кружево делалось в два ряда.

Обычные комнатные ферези назывались холодными, в отличие от обычных же теплых, которые шились на лисьем или собольем меху. Упоминаются ферези мовные, постные соответственно их назначению в домашнем обиходе. Ферези становые, а также и ездовые будут объясняемы ниже. Становые ферези могут означать, что они кроились подобно становому кафтану с перехватом в поясице.

Ферези армяшные, иначе называемые *армяком*, шились из шерстяной верблюжьей ткани, толстой и тонкой, которая носит и доселе название армячины. По имени ткани из ферезей явилась как бы новая небывалая одежда – армяк. Случалось и с кафтанами, что они назывались, например китайскими, потому что были сшиты из камки китайской.

Ферези ездовые по размеру своих частей в кройке мало чем отличались от обычных, так сказать, повседневных, ферезей, от которых их отличие заключалось главным образом в их богатом наряде или уборе.

Особенно любил надевать эти ферези царь Алексей Михайлович. У него они служили

верхним платьем и всегда украшались нашивкой с жемчужными образцами, иногда прорезными и с изображением львов, орлов, грифов, инрогов (единорогов), львов и грифов вместе. Эта нашивка имела также завязки с кистями и ворворками жемчужными. Кружево полагалось серебряное кованое.

Как верхняя одежда, они, естественно, требовали большей полноты и ширины в подоле, поэтому ширина подола была увеличена больше, чем на 8 вершков, вместо обычной ширины у верхних одежд в 3 аршина 6, 7 и 8 вершков. Ширина подола у ездových фerezей кроилась в 4 аршина с лишним.

Таким образом, новая кройка одежды значительно удалила ее от повседневных фerezей, и царь Алексей Михайлович дал ей даже особое имя, дотолe небывалое, — *фerezея*, которая стала надеваться уже на самые фerezи, как на старую среднюю одежду.

В Выходных книгах фerezея впервые появляется с 16 сентября 1659 г, но в Кроильных книгах она появляется еще с октября 1654 г. Можно полагать, что и это не первый случай кройки. Она кроилась с этим именем для

стольников в 1648 г.

Несмотря на то что была новой одеждой, она, однако, сохраняла свой старый покрой. Ее длина и ширина равнялись другим верхним одеждам с длинными рукавами, какие были и у ферезей. Ферезея имела подкладку, украшалась кружевом и нашивкой в 12 гнезд или из четырех образцов с двумя завязками с кистями и ворворками. Для зимы готовилась на собольем меху с собольей опушкой и с собольим же ожерельем шириной около шеи 14 вершков и в длину 9 или 10 вершков, подложенным атласом.

Царь Алексей Михайлович очень любил эту одежду, особенно в первые годы, как она появилась, и можно сказать, что в некотором отношении она сделалась для него как бы модным платьем, в котором он бывал не только на городских выходах и загородных выездах, но и в домашних выходах в дворцовые церкви. Вместе с тем, как упомянуто, ферезея составила часть воинского наряда, который отличался от других нарядов главным образом средней его ездовой одеждой – *нугой*. Мало-помалу ферезея стала приобретать зна-

чение официального парадного мундира.

Царь Федор Алексеевич. *Изображение из
Архангельского собора*

О царе Федоре Алексеевиче рассказывают, что он упразднил старый русский костюм и ввел иностранный, главным образом польский. Между тем царь Алексей Михайлович не более как за полгода пред своей кончиной, 6 августа 1675 г., строго повелел

«Стольникам и Стряпчим и Дворянам Московским и Жильцам... Свой Государев указ сказать, чтоб они иноземных, немецких и иных обычаев не перенимали, волос у себя на голове не постригали, также и платья, кафтанов и шапок иноземных образцов не носили, и людям своим потому ж носить не велели; а если кто впредь начнет волосы подстригать и платье носить с иноземного образца, или такое ж платье объявится на людях их, и тем от Великого Государя быть в опале, и из вышних чинов написаны будут в нижние чины».

Взамен фerezей на зипун надевали также *кафтан* становой. Именем «кафтан» по-види-

тому, обозначались одежды, вообще носимые поверх зипуна или и вместо зипуна. Какой был общий покрой кафтана, дававший ему это имя, трудно сказать что-либо точное и определенное.

«Становыми кафтанами назывались кафтаны, в которые облачались цари при поставлении на царство и которые надевались при полном наряде Большой Казны», – говорит Вельтман¹¹⁰, делая таким образом намек, что «становой» происходит от «поставления». По толкованию Строева, кафтан становой предназначен для ношения в городе, дома. И, стало быть, противопоставляет ему кафтан ездовой, выездной, т. е. как бы дорожный. Он прямо и говорит, что платье становое – носимое в городе и ездвое – дорожное (езда-то на коне).

Но «станом» при кройке одежды обозначалась часть, покрывавшая стан, туловище, хребет, корпус человеческого тела со стороны спины. Можно полагать, что станом обозначалась как бы основная часть кроя, где все остальное заключалось только в ее частях, вроде клиньев, пол и т. п. При этом в древней кройке длина рукавов измерялась от стана и

с полустана, следовательно, стан имел определенное пространство, а именно – хребет тела. Поэтому становой кафтан должен обозначать этим именем отдельную сторону одежды, какая и могла появиться, если кафтан был перехвачен в поясе выемкой, талией, вроде лифа. Он облегал стан по фигуре корпуса.

Подобно фerezям, становой кафтан украшался нашивкой, но не с завязками и кистями, а только с пуговицами и петлями из столбца, число которых бывало различно– 7, 8, 9, 10, 12, 13 и даже 19. Прилагалось также кружево с бахромой. Шился на подкладке с подпушкой. Длина его была обычно 2 аршина. При кафтане носили легкий пояс, именуемый тесьмой, с крюком и пряжкой. Крюки и наконечники золотые с алмазами. Прорех боковых не было, ожерелья тоже. Кафтан становой с наименованием «царский» отличался от обычного, по-видимому, только богатством и драгоценностью тканей, из которых кроился, а также богатством своего убранства, например жемчужным с камнем кружевом. Запястья рукавов украшались жемчугом.

В 1677 г, 15 апреля, на праздник Светлого

Христово Воскресения, на государе были пла-
тья: Опашень. Кафтан становой. Теплые фере-
зи. Теплый зипун. Следовательно, становой
кафтан надевался на ферези на Пасху. Подде-
вал под кафтан становой ферези.

Ф. Солнцев.

Одежда царская и боярская XVII в.

В 1680 г. царь Федор Алексеевич стал одеваться в особые кафтаны с названием *верхний* и *нижний*, исподний, которые заменили ферезею и фerezи, и становой кафтан, а также и зипун. Государь нередко ходил только в этих двух кафтанах, а о зипуне прямо упомянуто, что вместо зипуна государь надевал кафтан на бумаге, т. е. подложенный хлопчатой бумагой.

Цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович

Ездовой кафтан, так же, как и становой, надевали на зипун, как вторую одежду. Этот кафтан отличался от станowego, во-первых, тем, что был короче вершка на 4 или вершков на 5 и даже на 6. Короче были и его рукава. Зато ширина подола была полнее: у царя Алексея Михайловича она доходила до 4 аршин, у царя Михаила она равнялась со всеми верхними платьями 3 аршина 6—8 вершков.

По сторонам у подола были прорехи. Чаще всего кафтан кроился из бархата или атласа на тафтяной подкладке с атласной подпушкой. Нашивка имела 11, 13, 15, 19, 20, 21 или 22 пуговицы втышные, низаны жемчугом. Ожерелье отложное в 3 вершка ширины, бар-

хатное, подложенное атласом, на нем бывало два репья золотых.

В 1646 г., 5 сентября, после кончины царя Михаила из его ездовых кафтанов для царя Алексея переделываны чуги¹¹¹.

Становой кафтан и шапка горлатная.

Боярин в Меньшей Золотой палате в Московском Кремлевском дворце во второй половине XVII в.

Бывали кафтаны смежные, т. е. стеганные на хлопчатой бумаге.

Наряд, или убранство ездового кафтана, отличал его от других одежд тем, что у него не было кружева, но зато нашивка бывала особенная. На одном кафтане было нашито на вороту (на груди) и на прорехах 20 гнезд, львы серебряные золоченые с кольцами. В других случаях на кафтан нашивали или образцы, в пяти местах, или аламы. Образцы полагались вместо обычной нашивки. В одном месте этот кафтан вместо ездового назван полевым и описан так: кафтан полевой, на вороту на восьми местах львы золотые с бирюзами, на прорехах по два льва.

Особое, более богатое убранство ездовых кафтанов и фerezей, как и другого ездового платья, показывает, что это платье не было

только для дороги или только в дорогу. Напротив того, это платье было, так сказать, парадное, в котором государи именно на выездах являлись перед глазами народа в большей красоте своего наряда.

На ферези или на становой кафтан надевали при выходах верхнюю одежду или *опашень* или *однорядку*¹¹².

Слово «опашень» по своему происхождению прямо указывает, что это была одежда, которой запахивались, опахивались, т. е. закрывались полой на полу. Опахивать значило окружать или, точнее, ограничивать. Опашень поэтому должен обозначать, так сказать, окружение или округление всех надетых одежд верхней одеждой. То же значение должен иметь и охабень, о котором наша речь впереди. Длина опашня равнялась всем долгополым платьям. В подоле с боков были прорехи. Подкладка и подпушка фараузная.

Убранство опашня – нашивка с пуговицами и петлями, всегда с кистями и жемчужными ворворками (закрепки). Число пуговиц бывало 11, 12, 13 и чаще всего 15 гнезд, 17, 16. Нашивкой украшались и прорехи. По полам

и по подолу делалось кружево золотное или кованое серебряное. Ожерелье отложное, т. е. воротник, атласное, чаще фараузное, шириной во весь ворот. Фарауз, быть может, фриз, — шерстяная ткань, с одной, внешней, стороны мохнатая, косматая. Но упомянут фарауз атласный, — следовательно, шелковый.

Однорядка едва ли отличалась своим покроем от опашня. Это был тот же опашень, только без подкладки, что и обозначалось ее именем — «однорядка», т. е. сшитая в один ряд скроенной ткани без подкладки, только с подпушкой. Некоторое различие было только в убранстве этого платья, а именно в устройстве нашивки, которая состояла из завязок с кистями на вороту, т. е. на груди и на прорехах, хотя, подобно опашню, употреблялась нашивки с пуговицами и петлями. Размерами своей длины и прочих частей однорядка равнялась опашню.

Обычно у царей она шилась из сукна и зуфи и надевалась чаще всего во время ненастной погоды, во время дождя, поэтому и убор ее был проще, чем у других одежд.

Однако и однорядки иногда украшались

очень богато.

В зимнее и в холодное весеннее и осеннее время вместо опашня или однорядки надевали шубу на собольем, куньем, песцовом, лисьем (черно-буром) или на горностаевом и беличьем (хребтовом) меху¹¹³. Покрой этой одежды был одинаков с опашнем и однорядкой и отличался от них только тем, что одежда изготовлялась на меху. По длине она была похожа на все длиннополые одежды. В подоле по бокам были прорехи. Иногда бывала одна прореха сзади, задняя прореха. Рукава делались с проймами для продевания рук.

Ожерелье ставилось бобровое длиной вокруг шеи в 12 вершков, шириной в полпята и в 5 вершков. В иных случаях ожерелье бывало в пришивке 9 вершков, шириной в три вершка. Опушка, пух, была также бобровая, по полам и по подолу и на рукавах в запястье шириной в два вершка. Иногда ожерелье делалось из собольего меха.

Убранство шубы было таким же, как и на других подобных одеждах. Полы и подол окаймляло кружево золотное или кованое серебряное. На груди обычная нашивка с пуго-

вицами и кистями с ворворками, которой украшались и подольные прорехи. Число пуговиц бывало различно (3, 4, 9, 14, 15, 24), но почаще – 11. Особого вида пуговицы назывались кляпышами, кляпышками.

Царь Михаил Федорович в опашне с джерелом и в шапке

Шубы иногда получали специальные названия, смотря по их назначению. Упоминаются шубы: *Столовая*, надеваемая царями к столовому кушанью. Она бывала нагольная, совсем не покрытая какой-либо тканью, но с нашивкой, с пуговицами и кистями, или же ее покрывали обычно тафтой, но неотменно белого цвета, на более легком беличьем меху

Ф. Солнцев.

Одежда боярская (мужская и женская) XVII

В.

Санная, или *ездовая*, отличавшаяся стоячим ожерельем. Становая, так, вероятно, названная подобно становому кафтану с кройкой стана с перехватом талии.

Шуба иногда надевалась прямо на зипун. Кажется, в то время, когда государь не выхо-

дил сверху, т. е. ходил в церкви сальные или к патриарху по переходам.

Шубы, подобно опашню и однорядке и другим таким же по крою одеждам, не запахивались пола на полу, потому что всегда украшались более или менее богатой нашивкой с пуговицами, которыми полы застегивались впереди.

Быть может, так называемые «чистые шубы», не имевшие таких украшений, запахивались пола на полу. При свадебном обряде государь надевал кожух и шубу русскую, заметав полы назад за плечи.

По-польски *szuba*, у турков *dbe*. (Может быть, и жупан ей сродни?)¹¹⁵

К верхним одеждам принадлежат и *кебеньяк*, *кебеняк*.. По-польски *korieniak*, у турок *kerenesb*— плащ от дождя без рукавов, подобный бурке. Еще Стефан Баторий на войне и на охоте ходил в копеняках. У наших царей кебеньяк употреблялся редко, также только для дождя, для которого существовала однорядка. Наш кебеньяк по своему покрою и по размерам частей походил на опашень и на однорядку, был такой же длины и в рукавах имел

проймы, в подоле по бокам прорехи, украшался нашивкой с пуговицами на груди в пяти местах по два гнезда да на прорехах по два гнезда; имел также подпушку и отличался от упомянутых одежд только большей шириной подола, 3 аршина 10 вершков, и отсутствием ожерелья. Вместо пуговиц в его нашивке бывали крючки и кольца.

В. Верещагин. Царь Федор Алексеевич

При царе Федоре Алексеевиче в 1677 г. однажды упомянуто в Выходах, что 26 сентября на дороге в Москву от Троицы он надел сукон-

ный малиновый *емурлук*., потому что был дождь. Был ли этот *емурлук* тот же *кебеняк*, получивший только новое название, сказать трудно. Польское – *iamurlach*, с турецкого *iakturlug* – *опонча* от дождя, упоминается в 1643 г.

Другая дождевая одежда была *епанча*. *Япончицы* упоминаются в «Слове о полку Игореве». Это был широкий плащ, всегда суконный на подкладке и с опушкой из рядовой камки. *Епанча* украшалась кружевом кованым золотным или галуном и нашивкой, также золотной, в 5 местах по два гнезда, с пуговицами. Иногда украшалась *образцами*. Длина *епанчи* равнялась всем длинным одеждам, а шириной она значительно превосходила их, имея ширину в подоле семь аршин.

Обычно дождевое платье *епанча*, *кебеняк* отпускались при выходах в запас. В случае ненастья государь накрывал свой выходной наряд упомянутыми одеждами.

В 1677 г., 23 июня, в походе из села Пахрина на бумажную мельницу царь Федор Алексеевич изволил на дороге *ферезею* перемене-

нить, а надел епанчу сукно осиново да шляпу вместо нарядной шапки, потому что был дождь.

Мужская одежда XVII в. По гравюре из книги *h. Олария*

Была епанча тафтяная олихвеная, т. е. покрытая олифой, своего рода лаком. Подкладка объярь червчата, нашивка серебряная выворотная с зеленым шелком.

Кроме описанных домашних одежд, царь

Михаил Федорович носил также *сарафан*, или сарафанец, как он обозначается в Выходных книгах. По-видимому, это был своего рода зипун, так как он носился с обнизью. Царь Михаил надевал его летом в 1633 г. к столовому кушанью под столовый опашень. Этот сарафанец был объяринный червчатый.

В размерах кройки сарафан не отличался от других длиннополых одежд. В одном месте прямо упомянуто, что его длина и ширина – как у тафтяных фerezей. Сарафан имел подкладку, подпушку и нашивку с пуговицами (6 гнезд) втышными.

Царь Алексей Михайлович носил сарафанцы только в малолетстве; во взрослое время не встречается указаний о ношении им этой одежды.

Какое отличие от других одежд присваивало этой одежде имя сарафана – трудно сказать. В кройке упомянуто, что пуговицы в нашивке помещались вверху втышные и, кроме того, внизу три гнезда, а в другом случае говорится о 9 пуговицах на том же месте.

В 1637—1638 годах для царя Михаила Федоровича кроили новую одежду, по-видимому,

немецкого происхождения, бывающую и у поляков,— это кабат¹¹⁶. По толкованию Вельтмана, «кабат есть собственно нарамник, древняя священная одежда, без рукавов с прорезами по бокам. По-польски... значит и просто кафтан, и *solobium*; у сербов кавад значит верхняя женская одежда».

Ф. Солнцев. Одежда царская XVII в.

Царь Алексей Михайлович в полном царском облачении. Рядом с ним – царевич Петр Алексеевич. По бокам – огненник и стрелец в своей служилой одежде

Настоящий кабат, как описывают его Кроильные современные книги, был, называя его общим именем, кафтан, по размерам сходный с кафтаном ездовым. В описях платья кабаты описаны в числе ездовых кафтанов. Кабат, как и этот кафтан, был короче длиннополых одежд вершка на четыре. Кабат шился также на подкладке и с подпушкой, на хлопчатой бумаге, с ожерельем, о котором в одном месте упомянуто, что оно было из серебряного участка, снятого, отпоротого от государева же ездового бархатного кафтана. Ширина в подо-

ле была больше, чем у ездового кафтана, 3 ар-

шина 11 вершков вместо 3 аршин 8 или 7 вершков.

Главное отличие кабата от ездового кафтана заключалось в нашивке, которая была короткая, в то время как у других одежд она всегда ставилась длинная, и при этом она состояла из множества пуговиц, например 33 гнезда, или, в другом случае, 47 гнезд, что указывает на непрерывную нашивку во все полы. Кабат кроился из шелковых тканей атласа, объяри и по необходимости делался на собольем или на лисьем меху.

В записях о царских выходах кабат не упоминается. Это показывает, что он принадлежал только к комнатному платью, которое не подавалось для выхода, а потому и не записывалось, оставаясь всегда только с именем комнатного.

Чуга, платье ездовое и воинское, по своим размерам отчасти похоже на ездовой кафтан. Она имела почти ту же длину и отличалась от кафтана рукавами, которые были длиной в 8 вершков и шириной в локте 5—6 вершков, между тем как у кафтана рукава были длиной в 1 аршин 2 или 3 вершка, иногда 6 вершков,

а шириной в запястье обычных 3 вершка. Ширина подола бывала и в 3 аршина, и в 4 аршина с лишком. По сторонам подола были прорехи. Ожерелье узкое в 2 вершка, при нем два репья золотых. Была подкладка тафта и подпушка атлас. Убор состоял из нашивки долгой с пуговицами и петлями на груди числом 18 и на прорехах по одной, всего 20. Число пуговиц бывало различно: 8, 10, 12, 14, 18, 22, 24, 26. Нередко употреблялись пуговицы – кляпыши. Кроме нашивки с пуговицами, плечи бывали украшены четырьмя аламами, круглыми бляхами или запанами, которые размещались по одному на груди, сзади и на плечах. Эта нашивка называлась круглой.

Чуга бывала и без ожерелья, если ожерелье было у зипуна. Неотменно она подпоясывалась или поясом тесьма серебряна с пряжкой и крюком на концах, или кушаком, что бывало чаще. При поясе и кушаке неотменно находился нож булатный, в ножнах с подушкой. Через плечо надевалась перевязь, или *окладень*, – цепь с фляжкой, называемой иногда *амагильею* золотой, в которой находились часы. Перевязь надевалась и без фляж-

ки. Перевязь золотая кольчатая с подписью титула царя Михаила Федоровича до сих пор хранится в Оружейной палате.

К этому отделу военного платья принадлежали также налатник и подлатник.

Налатник – короткий кафтан вроде зипуна, с очень короткими рукавами в 6 вершков и широкими – в 7 вершков. У царя Михаила – один, по белой тафте шитый серебром с золотными травами; другой – по атласу по червчатому шит золотом волоченым и пряденым; подпушка атлас желт, подкладка тафта лазорева; третий – бархата червчат, кружево плетеное, золото с серебром, нашивка и кисти, золото пряденое, пуговицы низаны жемчугом, подпушка камка желта, подкладка дороги лазоревы. Таким образом, убранство налатника бывало таким же, как у других подобных одежд.

Подлатник описан кратко – атлас червчат, подпушка камка желта, подкладка дороги ценные.

Турские шубы и горлатные шапки XVII в.

Платно, о котором в одном месте сказано

«переделано платно, а опашень тоже», по покрою было сходно с опашнем, как показыва-

ют размеры его длины и ширины. Его длина равнялась обычной длине всех других длиннопольных одежд. Длина рукавов немного уступала опашню; ширина в запястье, как и у опашня, была в 3 вершка. Ширина подола 3 аршина 3 вершка. Оно делалось на подкладке тафтяной с подпушкой; ожерелье, как у опашня, бывало фараузное и атласное, а когда одежда делалась на меху, то ожерелье бывало бобровое. Украшалось жемчужным кружевом, при котором ставилось 11 пуговиц. От опашня отличалось отсутствием нашивки. Однако она упоминается и с завязками.

Платно и горлатная шапка

Платно, изготовляемое к царскому большому наряду, в отличие от обычного, называлось царским. Оно шилось из самых дорогих золотных тканей – алтабаса, аксамита и т. п., на подкладке тафтяной с подпушкой из атласного фарауза. Украшалось, как и обычное, кружевом с 11 или 12 пуговицами, в более богатом и ценном виде – из жемчуга и дорогих камней. Длина была такая же, как у обычного, но важное различие было в длине и ши-

рине рукавов, которые кроились в 10 и 11 вершков длины и в 6, 7 и 8 вершков ширины

облохти, т. е. в локтях. Ширина подола была также значительно полнее – около 4 аршин. меховое царское платно обычно делалось на горностаевом меху.

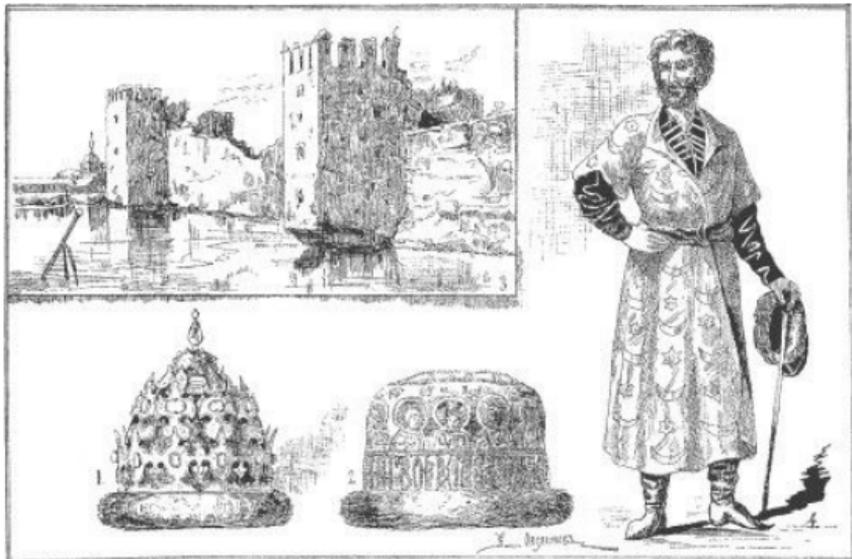
Русский кафтан

В порядке ношения древних одежд царское платно заменяло опашень; как опашень оно надевалось на становой кафтан, который в большом наряде получал также наименова-

ние царского – *царский становой кафтан* По размерам он отличался от обычного станового кафтана главным образом шириной подола в 4 аршина 12 вершков, что для средней одежды было очень значительно. Ожерелья не было, потому что была диадема.

Царское платно, по-видимому, имело значение царской порфиры, как это можно заключить из того обстоятельства, что, при царском венчании царя Федора Алексеевича, когда государь взошел на свое государево уготованное место, на рундук – полость, поставленный посреди собора, тогда патриарх Иоаким подал ему, государю, его государево новое царское платно, бархат двоemorх, по рудо-желтой земле по травам низано жемчугом в одно зерно. Насколько известно, это царское платно стало именоваться порфирой с царствования царя Федора Алексеевича, с 1678 г.

1. Одна из древних царских и великокняжеских шапок, которые надевались при торжественных случаях. 2. Древняя митра архиерейская, украшенная шитыми изображениями святых и унизанная жемчугом. 3. Развалины городской стены и башен, которыми в XVI

в. была обнесена Коломна на случай татарских набегов. 4. Боярин в домашнем платье (поверх кафтана – чуга с короткими рукавами, в руке – трость и шапка).

Согласно такому значению царского платна, им покрывали в гробу тело покойного государя, как было при погребении царей Михаила и Алексея. На платно уже полагали обычный гробовой покров из богатой золотной ткани. На гробовую кровлю также полагался подобный же покров. После похорон эти покровы были отданы в Архангельский собор в вечный помин по государю.

П. О. Борель. Митрополит Филипп и Иоанн Грозный

Царское платно и царский становой кафтан принадлежали к царскому наряду в собственном смысле и поэтому получали значение, как бы равное регалиям. Этот царский наряд очень бережно хранился на Казенном дворе в отделении так называемой Большой Казны, именем которой он и назывался – нарядом Большой Казны. Как известно, был особый, очень важный Приказ Большой Казны, заведовавший всеми денежными доходами государства (впоследствии Камер-коллегия). Но на Казенном дворе этим именем обозначалось только хранилище царского большого наряда, вся совокупность предметов царского венчания.

В числе этих предметов:

1) Золотой Крест – Животворящее Древо, и другой, а в нем Животворящее Древо. При нем цепь золотая – вес с цепью 2 фунта 17 золотников¹¹⁷.

2) Шапка Мономахова и другие ей подобные царские венцы-шапки, а также и отдельно венец-коруна или, собственно, корона не шапочной формы.

3) Диадема – широкое круглое оплечье,

ожерелье.

4) Скипетр.

5) Яблоко золотое с крестом, т. е. держава.

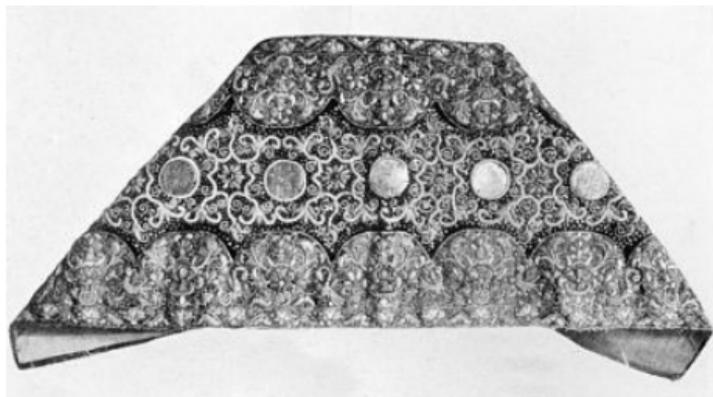
6) Окладень, так названная цепь или перевязь с орлом, надеваемая на рамена.

7) Жезл.

8) Платно царское.

9) Кафтан становой царский.

10) Царское место – трон, род кресла.

Оплечье XVII в.

Кроме упомянутых предметов царской одежды, большой наряд составляли также тафья, колпак, чеботы, посол, что поднесен государю (Михаилу Федоровичу) в начале царства его в 1613 г. на Костроме.

Сохранялась в числе большого наряда в

Большой Казне *калита*¹¹⁸ старинная великого князя Данила, сафьян червлен, по ней шито серебром волоченым птицы и звери, на за- крышке личинка золотая, на личинке в кру- гах по человеку на конях... Быть может, эта калита сохранялась в Большой Казне с тем общенародным поверьем, что старые основ- ные кошель предков плодят, накаплиют день- ги и в обиходе потомков.

К большому наряду принадлежали и неко- торые предметы, какие употреблялись по слу- чаю приема послов, как-то: стоян или стоя- нец, на чем ставилась яблоко-держава; ка- менный стол из яшмы, отделанный деревом, обложен серебром; ковши золотые для угоще- ния послов; судки столовые: солонка, перече- ница, уксусница; 4 топора, что бывают у рынд при послах; 4 цепи золотые, что бывают на рындах.

Вместе с тем здесь же хранилось и платье рындово.

В первый же год (1613) царствования Ми- хаила Федоровича понадобилось для посоль- ского дела одеть рындов в подобающее по

прежним образцам платье. В августе этого года для этой цели были куплены в городских рядах различные предметы этого наряда. Шапки песцовые белые, камка белая на кафтаны, серебро волоченное на нашивки к кафтанам и на завязки и кисти к завязкам к ферезам, белая машина на сапоги, горностайная опушка на терлики, кошачьи исподы под песцовые шапки, 4 меха заячьи под кафтаны, камка белая немецкая на терлики, шелк белый на завязки к рындиным ферезам.

Б. Чориков. Великий князь Иоанн III Васильевич

Все это покупалось по мере надобности в городских рядах по той причине, что в Государевой Казне еще не было никаких своих запасов.

В конце октября того года платье было готово: 4 терлика и четверы ферези. Терлики сделаны из белой камки, положены на заячьи черева, пушены горностаями, нашивки с кистями – серебро пряденое с белым шелком, причем опушка или пух назывались бармою.

В.К. ІОАННІЪ Ш ВАСИЛЬЕВИЧЪ

*Получаетъ извѣстіе о побѣдѣ надъ Литвою,
на берегу рѣки Веороши, 1500. годъ.*

В. Верещагин. Государь великий князь
Иван III Васильевич

Ферези сшиты также из белой камки, в опушке и в полах горностаи, в рукавах и сзади черева бельи, в завязках шелк белый с серебром, в кистях серебро пряденое.

В 1640 г. в Казне хранилось платья рындова: четыре шубы горностаевые под камкой белой, опушены горностаеями ж; шубы по 8 завязок с кистями серебряными с белым шелком.— Четыре терлика камчаты белые, камка индийская, местами полиняла и от поту пожелтела; исподы черева песцовы белые; опушка кругом и ожерелья горностаинные, на терлике

по 5 гнезд нашивки с кистями серебряными с белым шелком.– Четыре кушака кызылбашских, полосы золотые с шелками разных цветов.– Четыре шапки рысьих.– Четыре шапки песцовых белых.– Десятеры сапоги сафьяновые белые.

Была еще одежда, которая в XVII ст. в царском быту уже не употреблялась, но в XVI ст. ее носил царь Иван Васильевич Грозный со своими детьми – царевичами Иваном и Федором. Это был терлик, по названию – восточного происхождения, где он обозначал халат, верхнюю одежду, а у персов – одежду с короткими рукавами и спереди открытую. Но, по записям XVII ст., наш терлик кроился иначе. Он упоминается в 1486 г. и существовал, несомненно, с более древнего времени. Быть может, еще в Древней Персии, вместе с сарафаном и шароварами. В конце XVI ст. описи упоминают «Русский терлик».

В наших записях по размерам кройки это была одежда, равная по длине ездовому кафтану и чуге, в 1 аршин 12 вершков. Рукава тоже были длинные, в 1 аршин 4 вершка, и в запястье имели ширины 3 вершка, в локтях 5

вершков. Подол был в 4 аршина.

Терлик и шапка мурмолка

Терлик делался на собольем или лисьем меху с меховым же ожерельем шириной около 3 вершков. Убранство его состояло из нашивки с кистями и ворворками и пуговицами, в которой находилось 16 гнезд на вороту на груди, по 4 гнезда на мышках (следовательно, были проймы), по 3 гнезда на прорехах. Число таких гнезд нашивки бывало различно, больше или меньше здесь указанного. В XVI ст., как упомянуто, терлик употреблялся и в царском обиходе, а также и в наряде служащих лиц, особенно во время приемов послов и других знатных лиц. В 1514 г. на приеме первого турецкого посла перед Приемной палатой стояли княжичи и дети боярские в терликах, а иные в кожухах и в шубах, в палате – бояре в шубах.

Царские рынды XVII в.

В XVII ст. эта одежда получила только служебное дворцовое значение.

В свадебных обрядах в терликах золотных на соболях и в шапках черных лисьих шествовали перед невестой свечники, коровай-

ники и фонарники, люди стольничьего чина, как было на свадьбе царя Михаила Федоровича в 1626 г. В 1648 г. на свадьбе царя Алексея

Михайловича таких свечников, фонарников и коровайников, несших свечи и короваи, было 16 человек, а на них были терлики золотные на соболях и шапки черные лисьи горлатные да кушаки подпоясаны золотными, а даны им те терлики с Казенного Двора, а шапки и кушаки были свои; а ходили они в терликах и в шапках, подпоясаны кушаками, по три дни, и за столы сажались в терликах.

Ф. Солнцев. Одежда бояр XVI и XVII столетий

В терлики одевались и рынды, чтобы стоять по сторонам у трона с топорами. В 1635 г. было сшито рындам четыре терлика из белой индийской камки на песцовом меху с горностаевой опушкой и с обычной нашивкой.

В летнее время рындовы терлики шились атласные на киндячной подкладке, но с опушкой все-таки из собольего меха.

Когда в зимнее время государь выезжал в санях, то возница (кучер) и ухабничие (стоявшие на ухабе) одевались также в терлики, как бы своего рода мундиры. В этих чинах бывали стольники знатных родов, например, кня-

зья Сицкий, Волконский, Шереметевы (столь-
ники Василий Борисович, Борис Петрович).
Царь Алексей Михайлович

Затем, при почетных встречах знатнейших лиц, в терлики наряжались дворяне-жильцы и устраивались, ставились порядком на Красном крыльце. В 1658 г. при встрече грузинского царя Теймураза Давидовича: на Красном крыльце от Синей Грановитой палаты стояли жильцы в терликах с протазанами и с алебардами – 62 человека, и в том числе 12 человек в бархатных червчатых терликах и в объяринных по 10 человек, в желтых, алых, зеленых, лазоревых, червчатых. В терликах жильцы сидели и за царским столом.

В 1680 г. во время обычного Троицкого по-

хода, при необычной торжественности, в терлики был наряжен конюшенный чин, следовавший около государя в 6 рядов с протазанами, алебардами и обухами (род топоров). Другая половина этого чина шла в атласных *приволоках*, тоже в 6 рядов, с протазанами и алебардами. Кажется, в последний раз эти терлики были употреблены в 1692 г, марта 17, при приеме персидского посла, когда тоже 60 человек жильцов стояли в Грановитых Сенях и на Красном крыльце с золочеными протазанами в терликах.

Названия одежды *охабень* мы не встречаем в царском обиходе ни в XVI, ни в XVII ст. В первой половине XVII ст. охабень кроился для женской одежды; в 1627 г. он был скроен для великой иноки Марфы Ивановны, а в 1630 г. — для малолетней царевны Ирины Михайловны. Великой старице был готовлен охабень еще в 1614 г., в марте, а в октябре того года она послала в Литву пленному бывшему своему супругу Филарету Никитичу *охобенек* да шубу. Таким образом, охабень существовал только в боярском обиходе, как это особенно

видно в случаях приема послов, когда бояре и другие чины бывали очень часто в охабнях, как бы в официальном платье вроде мундиров. Мы упомянули выше при описании опашня, что охабень по покрою был, вероятно, как опашень, только без подкладки, так как нередко чины являлись в одно время, одни в охабнях, другие в однорядках.

Ф. Солнцев.

Одежда боярская XVII в. Портрет князей Репниных

Шапка сибирская

По порядку первый головной убор составляла *тафья*, круглая шапочка, плотно покрывавшая голову по макушке, или по темени, род скуфьи, — убор весьма древний. В тафейке

ходил и Александр Македонский, как он изображался на монетах. Но наша тафья, по всей вероятности, пришла к нам от татар, хотя поселилась только в верхнем передовом знатном и богатом сословии, главное потому, что это сословие у татар же взяло обычай стричь свои волосы коротко, а знатные бояре, говорит Олеарий, брили головы и считали это украшением. Голая голова, конечно, требова-

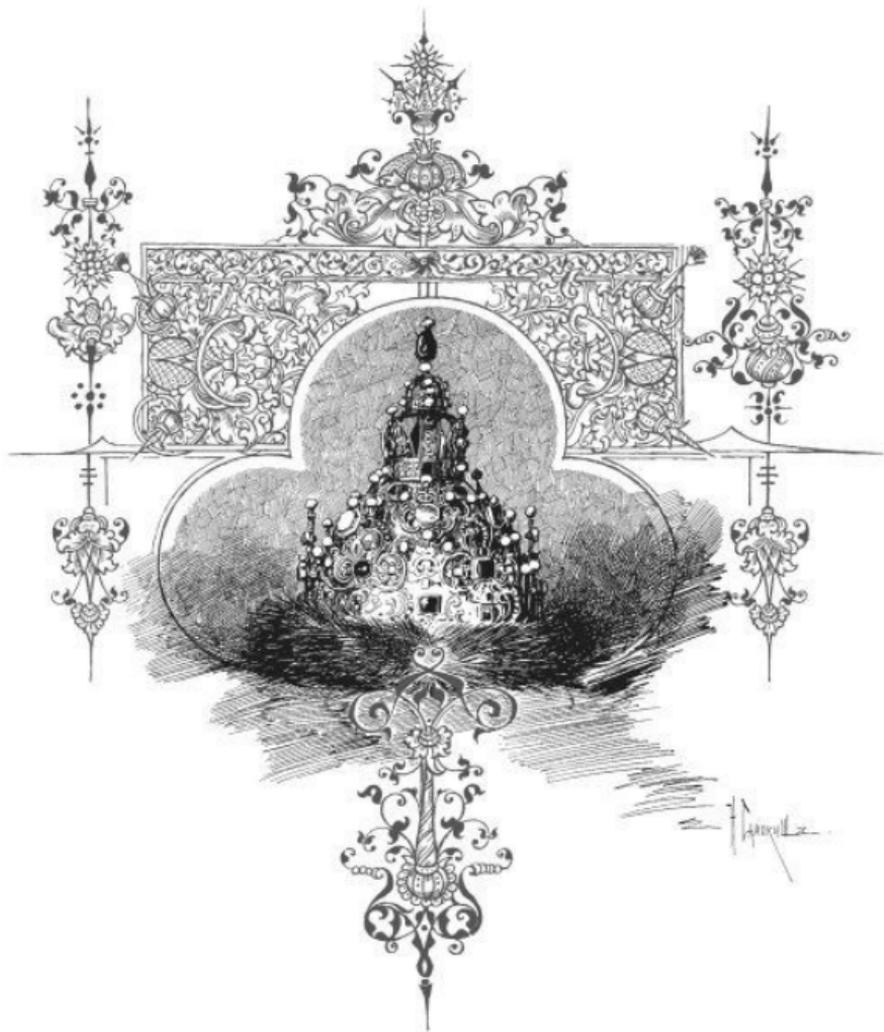
ла необходимого покрытия, каким и явилась тафья, по-татарски *такия*.

В домашнем обиходе носили тафью без особых украшений, но на выходах, красуясь перед людьми, ее богато украшали золотным шитьем, унизывали крупным жемчугом и дорогими каменьями. В царском обиходе в XVII ст. тафью носил только царь Михаил Федорович, и то только до 1637 г. У него было четыре тафьи, 1, 2, 3, 4 наряда, среди которых именован «большой» значилась, вероятно, первая тафья.

Н. Самокиш.

Шапка «Астраханская» первого наряда царя Михаила Федоровича

У царя Алексея Михайловича, как и у царя Федора Алексеевича, в их выходах мы ее не находим, — следовательно, они не носили ее, и если она сохранялась в их Казнах, как это видно из описей, то, по-видимому, сохранялась как отцовское наследство или же сшивалась для каких-либо случайных целей домашней потребности. В 1634 г. младенцу, двухмесячной царевне Софье Михайловне, была

сшита тафья из червчатого бархата,— конечно, для целей охранения здоровья дитяти. Для таких целей шивались тафьи и для взрослых государей. У царя Федора Алексеевича упоми-

наются две тафьи – бархат черн и сафьян черн, – изготовленные для охраны, в надобных случаях, его слабого здоровья.

Тафья в наряде была распространена в XVI ст., когда любил носить ее и царь Иван Васильевич Грозный и когда дело дошло до того, что в тафьях стали входить и в церковь и стояли на богослужении, что строго было воспрещено правилами Стоглавого собора.

Шапка – в собственном значении этого названия – состояла из круглой, иногда несколько конусообразной, тульи длиной около 7 вершков и махового окола, занимавшего в той же длине два вершка более или менее, вообще третью долю, так что на самую тулью оставалось вершков 5 или 6, почему и вершина тульи иногда упала, заламывалась.

Такие шапки мы видим на изображении болгарина в Манологии X в. и на изображении семейства нашего князя Святослава в Сборнике его имени 1073 г. В такой же шапке изображен в стенописи Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде князь Ярослав Владимирович, строитель храма в XII ст. Эта шапка вообще является типичным головным убором

при изображении князей, бояр и общего народа во все последующие века до полного упразднения старого русского костюма. По этому типу сооружена и золотая Шапка Мономахова, как и другие, собственно, царские шапки. Впоследствии именем шапки стали обозначать многие разновидности такого головного покрова, даже и такие, которые уже совсем не походили на шапку, например, каптур, треух, клобук и т. п. Можно полагать, что именем шапки главным образом обозначался головной убор с меховым околом или меховой опушкой. Поэтому и так называемые «горлатные» лисьи высокие шапки, состоявшие из одной цельной меховой тульи цилиндрической столбунцовой формы, получили тоже имя шапки в качестве сплошного широкого мехового окола, у которого плоская тулья скрылась в вершине этого столбунца.

В XVII ст. государева шапка описана таким образом:

«Скроена государю (*царю Алексею Михайловичу 1646 г.*) шапка – сукно серогорячий цвет, в длину (*вверх*) 7 вершков без чети, в ширину о петлях 6

вершков. Окол соболий, испод пупки собольи. На передней прорехе запона золота, в ней 30 алмазцов; на задней прорехе запона золота невелика, в ней камень яхонтик червчат в гнезде, около его 4 жемчужины. На передней прорехе на запоне пришито перо золото с финифты, у него в привесках камня яхонтики да опалы невелики.

А петли жемчужные сняты и нашиты с его же государевой старой шапки Жемчугу в петлях счетом около запон 236 зерен».

Прорехой называлось разделение окола в передней, а иногда, как здесь, и в задней части шапки. Петлями, по-видимому, обозначалось украшение вокруг тульи в виде веревочек или шнурков из жемчуга, особенно возле разделов окола В феврале 1647 г. скроена государю горлатная шапка из двух лисиц, цена одной 50 руб., другой 30 рублей. В высоту шапка 7 вершков, в ширину тоже, мысок – вершок с четью. Здесь видим, какой цены бывали эти горлатные шапки – 80 руб. одна шапка. В Казне царя Михаила Федоровича в 1630 г. хранилась шапка горлатная со шлыком.

Ф. Солнцев.

Алмазная шапка царя Иоанна Алексеевича

Колпак состоял из атласной бархатной или другой шелковой или золотной, немного острроверхой тульи, у которой вместо мехового

окола, как у шапки, были полки, т. е. поля, не распростертые, как у шляпы, но загнутые, от-вернутые кверху и потому представлявшие в своем роде тот же окол. Они в этом виде и на-зывались *отворотами*. Спереди эти полки были разделены прорехой, над которой ввер-ху помещалась дорогая запона из жемчуга с каменьями. Прореха бывала и сзади, но пе-редняя особенно отличалась тем, что разре-занные полки здесь выдвигались островаты-ми лопастями, более широкими, чем их остальная часть. По сравнению с шапками, колпак в царском быту употреблялся доволь-но редко, преимущественно на выходах в праздничные торжественные дни, на Рожде-ство Христово, в Крещенье, в день Новолетия, в празднование св. Петру и св. Алексею Митрополитам, в свадебный день и при объявле-нии народу царевича.

Ф. Солнцев.

Шапка Мономаха, или венец великих кня-зей и царей русских

Богатый большой колпак входил в состав большого наряда и потому хранился в Боль-

шой Казне на Казенном дворе. В Выходных записях находим, что подавалась шапка горлатная с колпаком. Трудно объяснить, был ли этот колпак только принадлежностью шапки, как составная ее часть, или и здесь подразу-

меваются отдельный головной убор, называемый колпаком?

В Казне царя Михаила Фед. в 1630 г. хранились три колпака: колпак, на нем на прорехах по запоне золотой... в одной запоне изумруд велик четвероуголен, гранен да четыре яхонты червчатые в гнездах. В другой запоне в гнездах два алмазца, да два изумрудца, да два яхонтика червчатые, да гнездо алмазное порожнее. Вокруг запон низаны деревья жемчугом большим. Наверху деревья, над прорехи изумруд четвероуголен да яхонт лазорев, в гнездах в золотых. Подкладка – атлас золотной по лазоревой земле; тулея – атлас червчат... Колпак, на нем на прорехах по две петли, низаны жемчугом большие; подкладка – атлас золотной, рыбчат; тулея – атлас червчат

119

Шляпу надевал в 1677 г., 23 июня, царь Федор Алексеевич, да и то на случай дождя во время поездки из села Пахрина на бумажную мельницу, а потом в Соловецкую пустыню под Москвой, что в Марчуках. Вместо объяринной фerezеи и богатой шапки он надел епанчу суконную да шляпу, оттого что был

дождь. Затем о шляпе в Выходных книгах вообще не упоминается. Однако шляпы были носимы. В Казне царя Михаила Федоровича 1630 г. находим 4 шляпы и в том числе одну очень богатую, описанную следующим образом:

«Шляпа пуховая черная. На ней запона золотая сенчатая¹²⁰, с финифты; в запоне лал четверуголен, да по сторонам 4 яхонты червчатые, да 4 изумруда в гнездах. Да сзади запона золотая круглая с алмазами и с яхонтами червчатыми. Вокруг шляпы в венце 16 плащей, золотые сенчатые, четверугольны с финифты, с яхонты червчатыми и с изумруды. Подкладка байберек черн».

В 1628 г., 19 июня, царь Михаил Федорович приказал английскому гостю Фабину Ульянову сделать в Англии «две шляпы пуховые легкие, одну шляпу белу, другую черну, в вышину в полпята (4 вершка), в ширину в венце поднята ж на вершок, полки (поля) в два вершка».

Царская обувь. В числе обуви в царском обиходе вовсе не упоминаются сапоги. Цари

носили только чеботы и башмаки. Царь Михаил Федорович носил чеботы сафьяновые желтые, другие сафьяновые червчатые, третьи сафьяновые лазоревые. Низанные жемчугом чеботы подавались вместе с большим нарядом из Большой Казны, куда поступили в 1641 г.

Эти чеботы при царе Михаиле Федоровиче описаны следующим образом:

«Чеботы, низаны жемчугом, травы по бархату по червчатому, полуполные, на передачах в гнездах по 3 яхонты лазоревы, да по лалу, да по 5 изумрудов; подложены объярью червчатою; верхи оботканы золотом с шелком с лазоревым; скобы серебряны».

Те же чеботы при царе Алексее Михайловиче были описаны несколько иначе: «Чеботы, что даваны к царским платнам, по червчатому бархату низаны жемчугом, меж жемчугу камень в золотых гнездах (те же, какие выше обозначены), подкладка и подряд (поднаряд) атлас червчат; скобы серебряные».

Чеботы князя Дмитрия Ивановича, внука

Ивана Васильевича III, описаны так:

«Чеботы тимовы, по швом сажоны жемчугом Гурмыским, и в носках и в каблуках сажены жемчугом Гурмыским».

Это был род сапог с короткими голенищами, которые поэтому делались из бархата, в богатых случаях всегда украшенного золотым шитьем и жемчужным низаньем с камнями, по рисункам, какие изготовлялись и сочинялись знаменщиками. В 1627 г. знаменщик Иван Некрасов суриком знаменил царицыны чеботы. Таким украшением отличались особенно перед и задники, каблуки, которые обвивались пряченым золотом. Упоминаются прежники (голенища). Верхи голенищ также обшивались золотом. На подошвы полагались полстяные (войлочные) стельки и колодки.

Чеботы бывали в носках прямые и кривые, т. е. загнутые носками кверху. Обычно они шились из сафьяна черного и цветного – желтого, голубого, червчатого, белого, зеленого и по сафьяну расшивались золотными узорами и травами. *Поднаряд* – внутренняя подшивка:

у холодных – атласный, у теплых – бобровый.

В повседневном ношении у чеботов скобы вместо серебряных ставились железные, даже в царицыной обуви.

Для конной езды к чеботам прикреплялись остроги, острожки – шпоры, о которых упоминается в 1490 г., когда великий князь Иван III пожаловал цесарскому послу Юрию Делатору вместе с золотой цепью и с золотой атласной шубой на горностоях и остроги серебряные золоченые, как бы в знак рыцарского достоинства.

В 1630 г. в Царской Казне хранились «острожки серебряные золоченые задвижные с пружинками. Двои острожки серебряны приборные, одни с чернью с гвоздками серебряными. Двои острожки приборные плащики серебряны золочены, столбцы и репы железны, опаиваны серебром золоченым».

Самой употребительной обувью были *башмаки*, тоже сафьяновые или хзовые, хозовые, кожа = хоз = коза, также бархатные, атласные и зарбафные, т. е. из золотой ткани. Украшение их частей было такое же, как и у чеботов, и так же, как чеботы, они бывали прямые и

кривые. Сафьянные узорочно вышивались волоченым золотом и серебром; бархатные, кроме того, богато унизывались жемчугом с дорогими камнями.

В Казне царя Михаила Федоровича в 1630 г. находились

«Башмаки., шиты золотом да серебром волоченым по сафьяну по червчатому, под(на)ряд обьярь червчата; скобы серебряны. Башмаки хоз еринной цвет, шиты золотом волоченым, скобы серебряны. В них чулки камка Кызыл-башская еринной цвет, подвязки камка еринной же цвет».

Сафьян употреблялся различных цветов: белый, червчатый, желтый, зеленый, лазоревый. Царь Михаил предпочитал червчатый цвет, а сын его, царь Алексей Михайлович, почти постоянно на выходах носил башмаки и чулки (ичетыги) из желтого сафьяна.

Царь Федор Алексеевич при царском большом наряде носил башмаки и чулки зарбав золотной волнистой.

«Башмаки, низаны жемчугом по червнатому бархату с запаны, чулки золот-

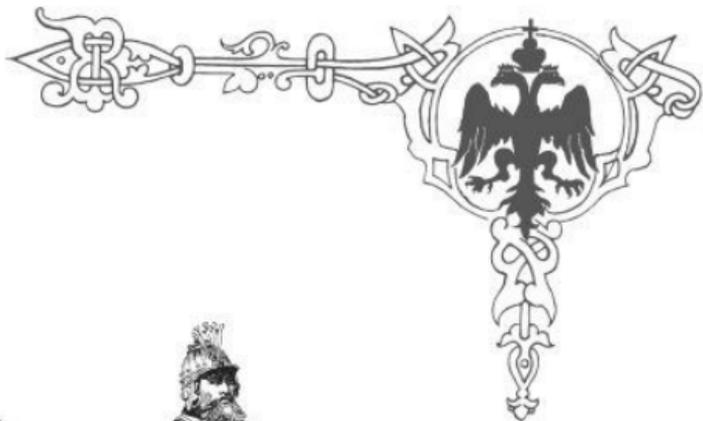
ные зарбав волнистой. На обыкновенных выходах носил башмаки сафьян зелен, чулки шелковые зеленые. Башмаки сафьян желт, чулки шелковые алые. В теплые башмаки поднаряд ставился бобровый».

В Кроильных записях упоминаются башмаки на Азовское дело, прямые, которые были скроены в 1642 г., 14 марта, царевичу Алексею Михайловичу вместе с двумя башмаками на кривое дерево (колодку).

О чулках не один раз упомянуто выше. Чулки, в собственном значении этого слова, кроились из шелковых и даже золотных тканей, особенно из камки и атласа, длиной в аршин. Такой длины чулки теплые на меху были скроены молодому царю Алексею Михайловичу, в 1646 г. Следовательно, они обнимали ногу до колена. Для теплых чулок употреблялся мех – пупки соболя, черева лисьи, песцовый, беличий; полутеплые, осенние, подкладывались тафтой, стеганной на хлопчатой бумаге; холодные, летние, подкладывались одной тафтой. Чулки вязаные, или вязаные, с названием «шелковые» упоминаются в 1646

г. в Казне царя Алексея Михайловича, который, быть может, получил их по наследству от родителя, но сам, по-видимому, их не носил.

Н. Самокиш. Великий князь Василий III Иванович на охоте

Ф. Солнцев. Сапоги. Древняя царская обувь

Царь и великий князь всея Руси Иоанн IV
Васильевич Грозный

У царицы Евдокии Лукьяновны в Казне

было трое чулок немецкого производства: одни – «шелк лазорев с серебром», другие – «шелк ал» и третьи – «шелк желт». Царь Федор Алексеевич носил чулки разного цвета: красные, зеленые, алые.

Другого рода чулки были сафьяновые и назывались *ичетыгами*, татарским словом, потому что и происходили из Крыма и назывались иногда Крымскими или Крымским делом. На тафтяной подкладке они украшались по сафьяну золотным шитьем. Но обычно эти ичетыги покрывались, облакивались камкой, бархатом, атласом или другой шелковой тканью, что обозначалось словом *верхи*, т. е. оболочка наружная, почему они и описывались только по этим верхам, без упоминания о сафьяне: ичетыги – атлас бел, ичетыги – бархат червчат и т. п. Подкладка была тафтяная.

Длинные чулки требовали *подвязок*, которые делались из тесьмы, для них изготовляемой, волочены золотом, серебром и шелком с пряжкой. Такое богатое устройство подвязок объясняется тем, что при ездeвом коротком платье они были снаружи видимы. На выезде в 1653 г. царь Алексей Михайлович имел под-

вязки – тесьмы золото с серебром, пряжки и наконечники, серебряные золоченые с чернью, гладкие. В другой раз, в 1664 г, он имел подвязки «тесьма ткана в кружки золото с серебром с шелки; пряжи и наконечники серебряны золочены». Домашние комнатные подвязки бывали тафтяные или хзовые кожаные.

Гардероб царя Михаила Федоровича в 1630 г., 1633 г. заключал в себе выходного платья: платен 5, опашней 50, однорядок 36, шуб 50, кафтанов 31, зипунов 58, фerezей 31, кожух 1, сарафанец 1, нагрудник 1.

Ожерельев (к зипунам) 23, тафей 5, колпаков 3, шапок 18, посохов Индейских 4, каповых 22, Троицких 6, Кирилловских 17, кленовых 2, стулов 2, подножий 11.

Ездового платья: фerezей 27, армяков 3, кебеняков 6, епанчей 5, шляп 4, кафтанов 48, чут 6, налатников 4, подлатников 3, рукавиц 32.

Чепей 10, тесем 7, кушаков 7, ножей 23, связок 2¹²¹.

Все это числилось в Мастерской палате, собственно в царской гардеробной, изготовлявшей все одежды и все к ним принадлеж-

ности. Так называемый *большой наряд* хранился в кладовых Казенного двора. В 1642 г. там находилось платья: 8 платен, 4 кафтана, 3 испода горностайных из-под платен.

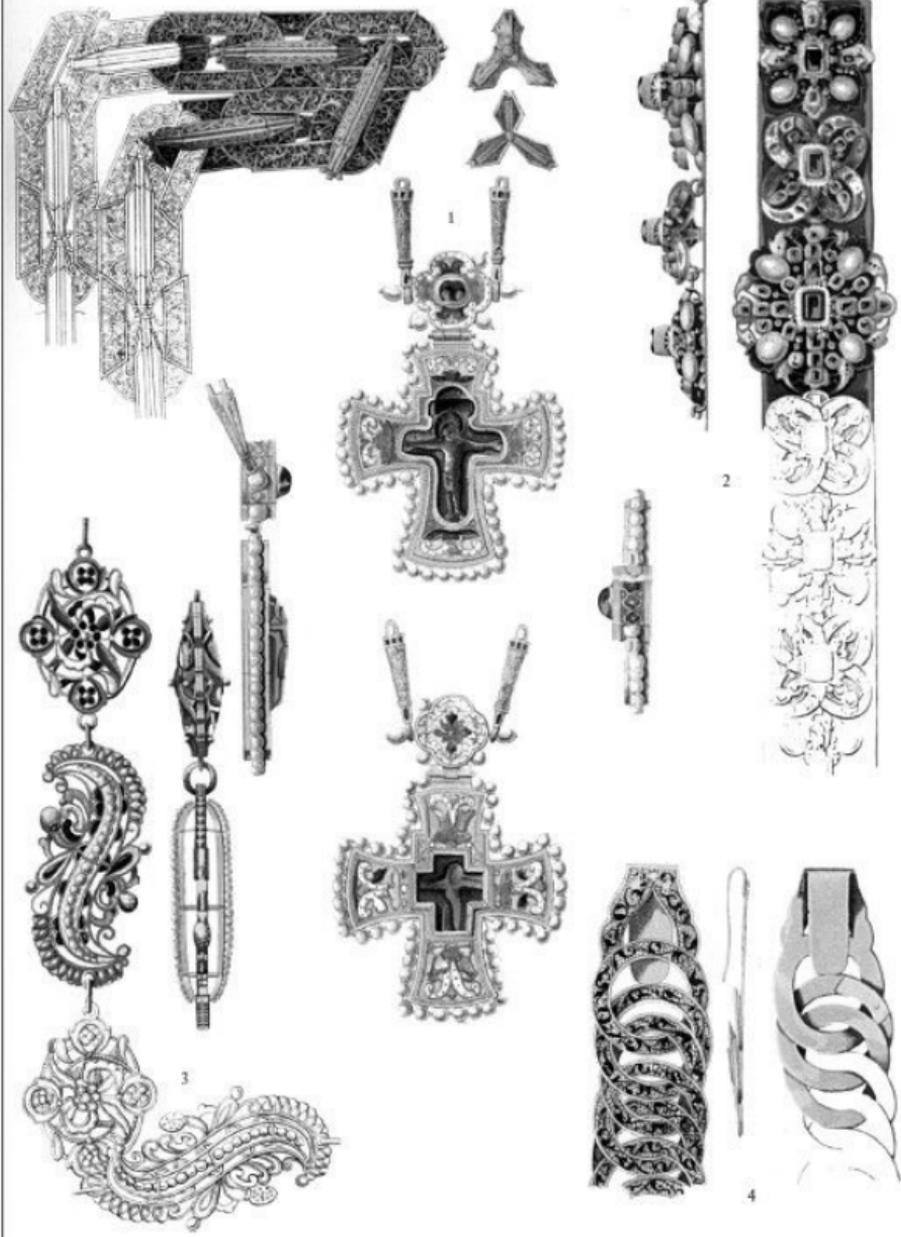
Столько накопилось платья у царя Михаила в течение 20 лет его царствования – 58 зипунов, 58 фerezей, 79 кафтанов, 50 опашней, 50 шуб. Царь Алексей в первое время немало пользовался одеждой отца: иное перешивал, иное прямо носил, что бывало впору, а затем, по-видимому, и сам наготовил нового платья столько же, если не больше. Поношенное, отставное платье, как и всякие мелкие остатки, лоскутки и обрезки от его изготовления, очень заботливо сохранялось в Царской Казне. В свое время все это накопленное продавалось по самой точной расценке призванными из Ветошного ряда торговыми людьми.

Таким образом, в царском обиходе никакая даже и негодная мелочь не пропадала даром. Так называемые Выходные книги описывают платье главным образом праздничное, в котором государь, по обычаю, выходил из своих комнат на богомолье не только в соборы и монастыри, но и в свои дворцовые храмы, на-

ходившиеся на Сенях Дворца. В упомянутых книгах совсем нет записей о том, какое подавалось платье государю комнатное, ежедневный обычный носильный или ходильный наряд. Книги, не описывая подробно, упоминают только, что фerezи, зипун, шапка были комнатные, из комнаты, зипун комнатный, даже посох комнатный, башмаки комнатные или вообще: на государе было платье комнатное¹²². По именам мы знаем, что в комнатах государь носил зипун и фerezи, а также башмаки и шапку, само собой разумеется, не столь дорогие по выбору тканей и по убору, потому что в домашнем быту цари были очень бережливы и строго соблюдали в этом отношении известные наставления старого Домостроя.

Ф. Солнцев.

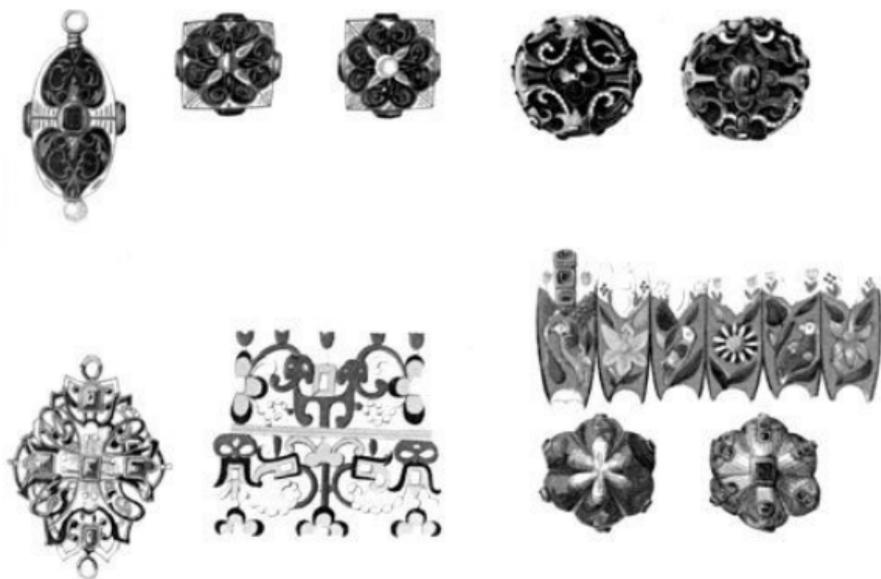
1 – наперсный крест; 2 – золотая сканая цепь большого наряда; 3 – цепь с финифтью; 4 – кружчатая цепь с чернью

Иоганн Ведекинд. Портрет царя Михаила Федоровича

Даже и в праздничные выходы цари одевались просто и, можно сказать, благочестиво, не прибегая ни к каким особым украшениям и изменениям в своей одежде с целью придать ей более щеголеватости. Покрой одежды неизменно оставался тот же, какой был унаследован от прародителей.

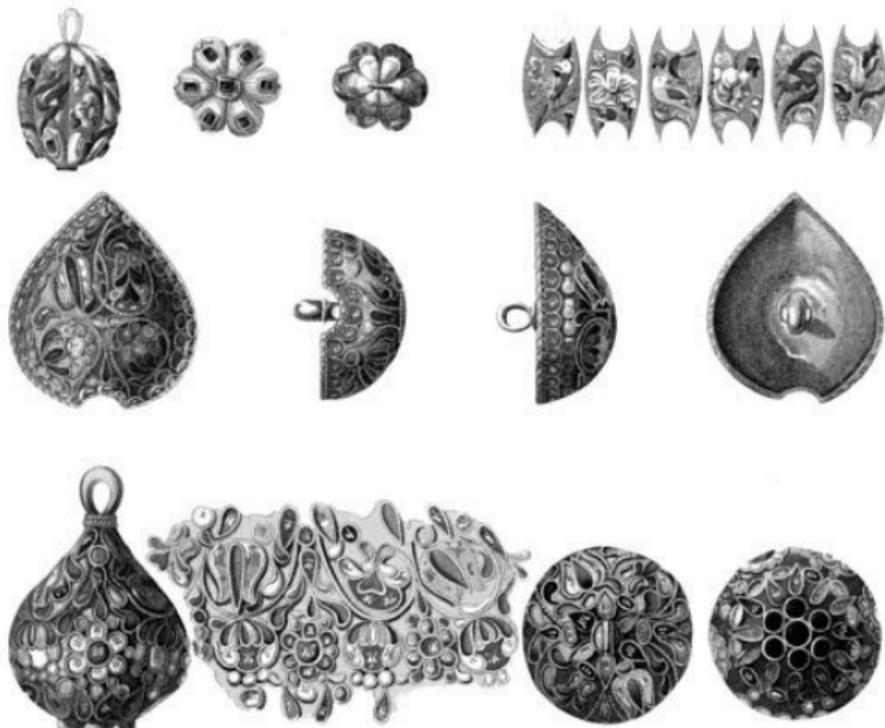
Ф. Солнцев. Пуговицы царских становых кафтанов

Новые виды одежды, приходившие то с Запада, то с Востока, принимались только такие, которые вообще были сходны с господствующим покроем. Некоторое щегольство обнаруживалось только в одежде ездовой, когда государь выезжал за город и верхом на коне. Но здесь щегольство являлось с целью выразить перед всем народом высокое достоинство и честь царского сана, так точно, как при приеме послов или царственных лиц и по случаю торжественных празднеств, цари одевались в наряд Большой Казны, в большой наряд, называемый также собственно нарядом царским.

Щегольство в одежде заключалось не в изменении ее форм или покроя, как было на Западе; оно заключалось только в употреблении богатых и богачайших золотных тканей, да в золотой вышивке, в жемчужном низанье, в дорогих камнях, украшавших различные части царского платья. Но и такие богатые наряды надевались очень редко и вовсе не служили щегольством, а обнаруживали только заботу явиться пред лицом народа в подобающей обстановке царского сана, как в

подобающей обстановке являлось и благолепие церковного архипастырского сана. Обычное выходное платье было шелковое – тафта, камка, атлас, отчасти для верхних одежд, и то по случаю холода или непогоды, – суконное и зуфное (шерстяное, род камлота). В зимнее и осеннее или весеннее холодное время оно полагалось на меху беличьим, собольим, лисьим. Видным украшением платья была нашивка – петлицы с пуговицами или завязками, которые бывали с кистями. Затем – кружево, располагавшееся по краям всей одежды, на полях и по всему подолу. Это называлось нарядом или снарядом платья, его убором. Без этого убора одежда именовалась чистой. В простом домашнем обиходе этот убор делался торчковой, т. е. вышитый шелками. В более щеголеватой одежде он являлся золотым, вышиваемым золотом и серебром с жемчужным низаньем. В таком наряде государи выходили в средние праздники. В большие празднования весь наряд блистал золотыми или серебряными тканями и золотым или жемчужным убором с дорогими каменьями, причем и кружево употреблялось серебряное

С позолотой, кованое.

Ф. Солнцев. Пуговицы царских становых кафтанов

Нашивка служила обозначением и украшением пуговиц, а вместе с тем составляла характерное отличие, особую черту русского костюма. Это были продолговатые в три вершка длиной и в полвершка или в вершок шириной, тесьмы, нашиваемые у пуговиц на

полах одежды по обеим сторонам, что и называлось гнездом нашивки. Такие тесьмы в простом наряде бывали торочковые, т. е. простроченные шелками, а в богатом наряде они делались из волоченого золота или из золотных тканей. Нашивка размещалась на груди до пояса. В некоторых одеждах она размещалась по всем полам до подола отдельными гнездами, в известном расстоянии друг от друга.

Само собой разумеется, что шитые или тканые шелковые и золотные тесьмы нашивок всегда украшались различными узорами в виде трав, цветков, розеток и т. п. Иные украшались *узлами*, т. е. особым сплетением золотного шнура в виде связанного красиво узла без концов. Очень известны были в этом отношении *Кафинские* узлы, вероятно, Генуэзские или Веницейские.

Б. Чориков.

Царь Михаил Федорович встречается за Москвою родителя своего, Филарета Никитича, в 1619 г.

В XVII ст. цари особенно полюбили нашивки Кызылбашские. При царе Михаиле Федо-

ЦАРЬ МИХАИЛЬ ФЕОДОРОВИЧЪ ВСТРѢЧАЕТЪ ЗА МОСКВОЮ
РОДИТЕЛЯ СВОЕГО ФИЛАРЕТА НИКИТИЧА 1619 ГОДА.

ровиче завязались самые добрые отношения с Персией. Известно, что в то время в 1625 г. шах Аббас прислал царю в дар Св. Ризу Господню. Для Москвы это было великим событием и укрепило еще больше расположение к Персии, которое скоро отразилось и на торговых делах. На Московском рынке появилось множество Кызылбашских тканей и всякого другого Кызылбашского товара, в том числе и разнообразные нашивки, которые во Дворце так понравились, что для их изготовления

были вызваны из Кызылбаш *нашивочного* дела мастера – Мамадалей Анатов с тремя товарищами – для обучения своему мастерству русских людей.

Тогда же были вызваны оттуда мастера *ззового* (шегрень), шелкового и тесмянного дела Шебан Иванов с шестью товарищами. Научив нашивочному делу русских учеников, Мамадалей был отпущен восвояси в мае 1662 г. Кызылбашские нашивки Московского дела на государевом платье появляются с 1647 г. и особенно в 1649 г. Заодно с этими нашивками полюбились и персидские ткани с изображениями людей стоящих и сидящих, людей крылатых и т. п. Самые богатые нашивки делались из золотых плащей (блях), украшенных дорогими камнями и жемчугом. Бывала нашивка вся алмазная.

При приеме послов с большим нарядом государь иногда надевал и перстни. В 1647 г., 18 августа, при литовском после – 4 перстня. Потом 24 и 28 октября, при том же после, надел 9 перстней золотых с алмазами и с яхонтами. 14 ноября, при шведском после, – 9 перстней. В 1648 г., 20 июня, при голландском – 9. В 1653

г., 3 апреля, – Вербное воскресенье – 7 перстней золотых с алмазами, яхонтами червчатыми и с изумрудами. В Казне хранилось 10 перстней.

Ожерелье (от жерло, горло). Ожерельем назывались воротники стоячие и отложные.

Стоячий воротник составлял неотъемлемый убор зипуна. В простом быту он прозывался козырем, а в царском платье носил название *обниси*, потому что неотменно обнизывался жемчугом и иногда украшался дорогими каменьями. Такое же ожерелье пристяжное служило и украшением сорочки. Это ожерелье облегалo шею вплотную, между тем как обнизь зипуна облегалa шею более просторно и широко, как в вышину, так и по объему шеи. Ожерельем называлась и царская диодема, род пелерины, покрывавшая грудь и плечи, если на ней не было икон или барм, обозначавших имя диодемы. Это простое ожерелье для отличия от других именовалось «круглым» и изготавливалось для одежды царевичей, объявляемых наследниками престола. Оно богато украшалось, низано жемчугом, алмазными запонами и дорогими каменьями.

ми, кроме шелкового и золотного шитья. Ожерельем назывался и бобровый широкий воротник у шубы, а также и бобровая пелерина в женской одежде. Ожерельем назывался и отложной откидной на спину воротник у охабней.

Пуговицы изготовлялись из разнородного материала и самых разнообразных форм или видов. Зерно пуговицы бывало деревянное или оловянное. Оно обшивалось тафтой торчком или обвивалось, обшивалось, покрывалось золотной канителью, пряченым золотом или серебром, также обнизывалось мелким жемчугом. Металлические пуговицы: серебряные золотились, украшались чернью, финифтью, дорогими камнями, золотые также украшались финифтом, жемчугом и камнями, искрами яхонтовыми, алмазными, изумрудами, бирюзой, лалами и другими не совсем драгоценными камешками, например, корольками, фатисом Алмазные пуговицы появляются со времени царя Алексея Михайловича; при царе Михаиле об алмазах вообще не упоминается.

Металлические пуговицы по разнообразию форм бывали велики и невелики, круглые или угловатые, четырехгранные, восьмиугольные, сенчатые, решетчатые, прорезные, половинчатые, витые, грушевидные, кедровые (ореха), миндальные (ореха), шишковые в виде шишки, львиной головы, карасиков, рожков, репейки, ложчатые, полосы косые, грановитые. К числу пуговиц принадлежали также *кляпыши*, особый род пуговиц-застежек в виде небольшого брусочка или палочки.

В 1635 г, 19 апреля, скроена сума – камка индейская, шелк голуб да вишневы, по подобию старой сумы великого князя Ивана Даниловича Калиты. Несомненно, что новая сума скроена по случаю ветхости старой, сохранявшейся в Государевой Казне в течение 300 лет и сохранившейся, по всей вероятности, по той причине, что она не представляла какой-либо особой ценности. То, что старинная калита великого князя Данила, отца Ивана Даниловича, сохранность которой превышает даже и 300 лет, могла сохраниться как до-

рогой по значению предмет вместе с Мономаховой Шапкой, является очень любопытным обстоятельством, показывающим, как крепко и неподвижно целые века хранилось предание, ставшее неотменным обычаем, о благочестивом употреблении этой сумы и этой калиты. Известно, что Иван Калита был прозван Калитой за то, что постоянно носил суму-калиту с деньгами для раздачи нищим милостыни. Он, стало быть, шествовал по стопам своего отца и хранил его калиту как святой завет милосердия, а после него в том же значении ее хранили и все его потомки-наследники Государства.

С. Иванов. Царь. XVI в. 1902 г.

Шитье одежды.

Миниатюра из рукописи XVI в. «Лицевой рукописный свод Ивана Грозного»

По этому завету и в XVII ст. в царском быту существовал обычай выходить царю с денеж-

ными сумами для нищих и заключенных.

Царь Алексей Михайлович вступил на царство на 16-м году жизни. Справив панихидные сорочины по смерти отца (f 1645 г., июля 12-го), он впервые торжественно явился народу в праздник Новолетия 1 сентября на «действе Многолетнего Здравья», как называлось церковное молитвенное служение по случаю Новолетия. На нем было печальное простое траурное панихидное платье, опашень «зуфь¹²³ черная, ферези теплые, тафта черная, зипун тафта черная, шапка суконная черная». В этом платье он ходил и в следующие дни, и только 28 сентября, когда венчался царским венцом, черный цвет был заменен белым и червчатым. Надето было царское платно «атлас золотный, по белой земле с обнизным жемчужным широким кружевом с каменями; зипун атлас червчат».

Ф. Солнцев.

Петлицы, пуговицы и другие украшения царских платьев и станových кафтанов

ALEXEI — MICHAELOVITS
César et Grand Duc de Moscovie *Conservateur de toutes Rusées*
et Dominateur de Plus^{ors} terres *et Seigneurieur de Pils de Michae*
Fondateur de César et Grand *Duc de Moscovie auquel Il a*
Succede en Lannée 1645. le 12 *Jullet à l'âge de 17 ans pour lors de 17*
Ans Il a Espouse en Lannée 1647 la fille d'Alex Dwardaita Milesinskiy, &

Справив очень скромно и другой день своего коронования, молодой государь и все следующие месяцы 1645 и 1646 года до самого дня своих именин, 17 марта, ходил постоянно в описанном панихидном черном платье. Даже и во время своего говенья к причащению

он надел тот же черный наряд (14 февраля 1646 г.). Иногда надевал только зипун «атлас таусинный» (тоже темного цвета) и «атлас лазоревый», цвет которого почитался также как траурный, почему и патриархи носили также лазоревую одежду. Со дня именин панихидное платье было оставлено только для дней обычного поминовения. Государь стал одеваться в цветные одежды.

Видимо, что государь в своем наряде предпочитал белый цвет, почему в это время и облюбовал себе зипун «камка двоелична, шелк празелен да бел», сохраняя в этой двоеличности траурный оттенок, какова была празелень. Другие одежды бывали других цветов.

Б. Чориков. Царь Алексей Михайлович утверждает вновь составленное Соборное Уложение в 1648 г.

При том же зипунце государь надевал фези «тафта ала, опашень зуфь малинова, или кафтан становой атлас желт, опашень объярь червчата» или опашень «объярь огненной цвет». На действе Многолетнего Здравья во второе Новолетие 1 сент. 1646 г. государь был

ЦАРЬ АЛЕКСЕИ МИХАЙЛОВИЧЪ,
утверждаетъ вновь составленное Соборное Уложение, въ 1648 году.

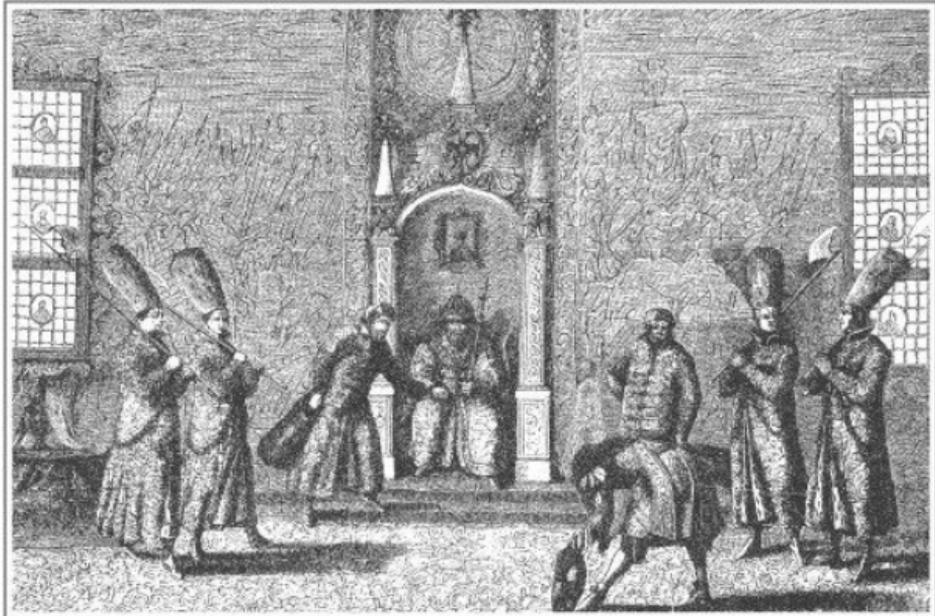
одет в белое платье зипун «атлас бел», кафтан становой «камка бела», однорядка, по случаю непогоды, «скорлат червчат».

С этого времени в течение всего царствования государь по преимуществу надевал зипун «атлас бел» или «тафта бела», так что даже и золотые ткани выбирались для этого тоже белые – зипун «камка Кызылбашская, по серебряной земле травки золотные», кафтан «объярь, по серебряной земле травы золоты с розными шелки»; опашень «объярь золотная, по

серебряной земле нашивка жемчужная широкая»... Так был одет государь в день Светлого Воскресения 10 апреля 1653 г. и так одевался в большие праздники. Но само собой разумеется, что надевались одежды и других цветов, одни чаще, другие реже. Мы упоминаем только о том, что являлось более или менее постоянным, неизменным. Иногда проходил не один год, когда государь облюбовывал какой-либо один цвет и носил его постоянно, конечно, с неизбежными переменами. В одно время он предпочитал червчатый цвет, в другое – желтый, лазоревый надевал в панихидных случаях.

Прием царем Алексеем Михайловичем шведского посла в 1674 г.

Достигнув 18-летнего возраста, государь начал со своих именин, 17 марта 1647 г., щеголять, если так можно выразиться, становыми кафтанами, сшитыми из Кизыл-башской камки, с изображениями по золотной земле в травах людей стоящих и сидящих просто, стоящих и сидящих с крылами, и просто людей с крыльями. И отец его, царь Михаил Федоро-

вич, во время Вербного воскресенья, 14 апреля 1633 г., 30 марта 1634 г. и 2 апреля 1637 г., выходил в таком же становом кафтане «кам-ка Кызылбашская, люди стоящие и сидящие». Но затем этот кафтан более не упоминается. Возможно, что молодой государь вначале стал надевать отцовский кафтан, как он во многих случаях пользовался отцовским платьем и прямо надевал и перешивал, убавляя или прибавляя размеры частей. Далее мы увидим, что еще и царь Иван Васильевич Грозный носил кафтаны с изображениями

мужиков. Такие кафтаны государь надевал в большие и средние праздники, между прочим, в свое рождение и именины, в именины царицы.

В 1649 г., 2 февраля, в праздник Сретения, государь ходил к Сретению во Дворце. На нем был такой же кафтан с людьми, зипун «атлас бел», шуба «объярь серебряна струевата на лисьем меху», шапка горлатная. В тот же день он был у царицы в хоромах, а у нее были приезжие боярыни. Это было на Масленице в пятницу. К этому выходу государь надел другой наряд, более скромный, — зипун «атлас червчат» вместо кафтана с людьми, фerezи «камка червчата», опашень «зуфь малинова», шапка «бархат червчат с лисьим околom».

В отношении выбора нарядов цари не были равнодушны к той мысли, чтобы показаться народу в царственном достоинстве, богато и красиво, а красота, по тогдашним понятиям, заключалась в цветности платья, в блеске серебра и золота, жемчуга, дорогих камней.

Царь Алексей Михайлович

Поэтому при выходах и выездах за город, т.

е. за Земляной вал или дальше, государь все-

гда одевался в так называемое «ездовое платье», самое богатое после наряда Большой Казны или, собственно, царского наряда. Выезжая или выходя пешком на богомолье в Троицкий монастырь, государь обычно для шествия по городу одевался богато, на нем в это время бывал наряд: фerezея бархатная с золотой с каменьями нашивкой, чуга – объяр, по серебряной земле травы золотые, кружево кованое золотное, нашивка жемчужная с каменьем, пуговицы изумрудные; зипун из тафты белой, на чуге золотая цепь кольчатая, с амагилью золотой (род фляжки), в которой находились часы, шапка бархатная алая с большими запонами, рукавицы немецкого изготовления, запястье шито золотом и низано жемчугом.

В таком наряде выходил царь Алексей Михайлович 22 сентября 1660 г. Он шел в нем до Слазки, как называлось место у Креста, поставленного в память пребывания на том месте мощей св. Филиппа Митрополита. Эта Слазка обозначала остановку пути, когда государи слезали здесь с коня. Здесь они и переменили богатое платье на простое, дорожное.

Царю Алексею Михайловичу в этом случае был подан наряд фerezея «сукно голубое с широким кружевом», фerezеи «тафта червчатая», зипун тот же, шапка «сукно скорлат белый».

В 1677 г, 15 июня, царь Федор Алексеевич изволил ходить молиться Пресв. Богородице Смоленской в Новодевичий монастырь. На нем была фerezея «объярь золотная, по рудо-желтой земле травы золоты и серебряны». Кафтан ездовой «объярь серебряна с золотыми травами», зипун «тафта бела»; шапка «бархат червчат с запаны». В том он шел до Земляного города, а у Земляного города государь переменял фerezею золотную и надел фerezею «объярь бела, струя серебряна», в которой и шел полем до монастыря, а у монастыря снова надел золотную фerezею и в том платье слушал вечерню.

В другой раз на выходе в тот же монастырь, 27 июля, государь, также за Земляным городом на Девичье поле, переменял богатую бархатную фerezею с золотом и серебром на менее богатую – «объярь белая гладкая» и бархатную шапку на суконную, в чем и пришел в монастырь. Обычно, вступая в мона-

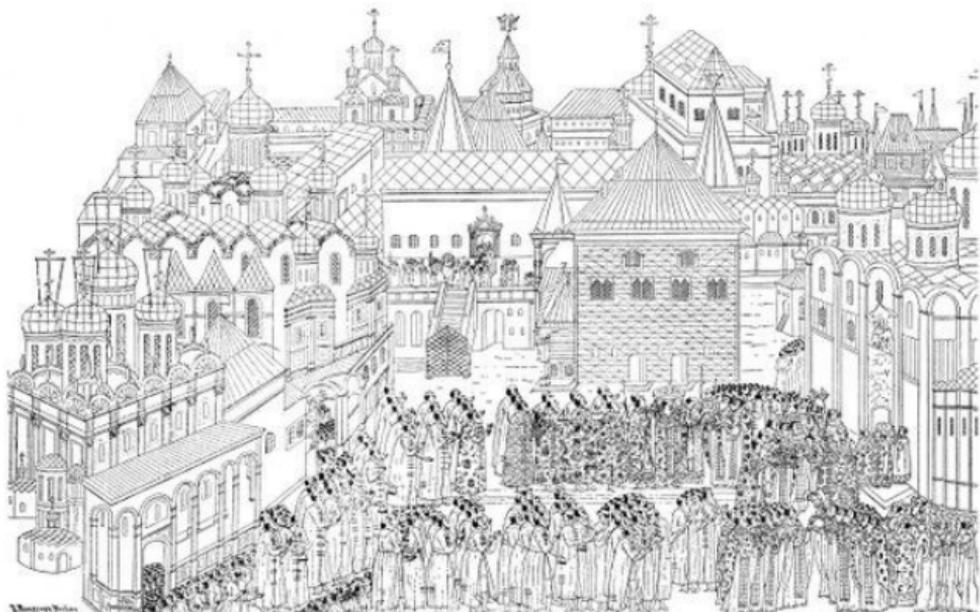
стырь, государь переменял ездовое платье, если был в таковом, на городское или, так сказать, гражданское, так как ездовое вообще обозначало воинский наряд.

Очень богато наряжался царь Алексей Михайлович, когда в 1653 г. и 1664 г. выезжал на Девичье поле смотреть собранное там войско, весь свой ратный чин, свой полк стольников, стряпчих, дворян московских, жильцов на конях со всей их службой и всяких чинов, служивых людей, и дьяков и подьячих. Это было 13 июня и продолжалось каждый день до 28 июня включительно, за исключением дней воскресных. Подавалось платье одно утром до обеда и другое вечером после обеда. И то и другое блистало всем богатством и всей красотой, которыми в этом случае окружал себя молодой государь. Ему было тогда 24 года.

Царь Федор Алексеевич.

Из книги «Российский царственный дом Романовых». 1852—1853 гг.

Кремлевские дворцы и соборы при царе Михаиле Федоровиче

В эти дни ему подавали следующее платье:
Зипуны

1) Объярь серебряна, травки золоты.

2) Тоже объярь, травы розных цветов, пуговицы обнизаны жемчугом.

3) Камка Кызылбашская золотная, травы серебряны – пуговицы те же.

4) Объярь золотная, по червчатой земле травы золоты и серебряны – пуговицы те же.

5) Алтабасный.

6) Объярь дымчата с серебряной струей.

7) Атлас бел.

8) Объярь желтая с серебряной струей.

9) Камка Кызылбашская, по серебряной земле травы шелковые мелкие.

Камка Кызылбашская, по серебряной земле травы золотные редкие.

К зипуну подавалась *обнизь* (стоячее ожерелье, воротник):

1) Большая – бархат червчат двоеморх, обнизано жемчугом большим Гурмыцким с изумрудами, морхи обнизаны скатным жемчугом мелким.

2) Бархат рудо-желт двоеморх с лазоревыми яхонтами, обнизан жемчугом большим Гурмыцкими зерны.

3) Бархат зелен двоеморх с камением и жемчуги.

4) Средняя с камением.

5) Меньшая с камением.

6) Большая – запоны алмазные.

Обнизь не всегда подавалась, надевали зипуны и без обнизи, когда ожерелье бывало у чути.

На зипун надевалась чуга, род военного мундира.

Чуги

1) Без ожерелья, бархат червчат двоєморх с орлами, подпушка объярь, по серебряной земле травы золотные; кружево кованое серебряное широкое, три пуговицы золотые с камнем, нашивка в четырех местах: жемчуг с камнем, яхонты червчатые, лалы, изумруды. Перевязь (цепь) алмазная с амагилью золотой. Пояс большой, тесьма серебряная; на концах плащи и крюк. При нем нож булатный черен раковинный, насечен золотом, ножны оправлены золотом с камнем – алмазы, яхонты, изумруды, бирюзы. Поцепка, на которой привешивался нож, золото волоченное.

2) Атлас ал – с меньшим убором.

3) Бархат зелен двоєморх с орлами, кружево кованое широкое, золото с серебром, подпушка объярь золотная, травы серебряны, три пуговицы с камнями золотыми с финифты, с алмазы, яхонты, изумруды, узлы с камнем и жемчуги. Перевязь золотая без

фляжки. Кушак большой серебрян, у него нож большой булатный.

4) Атлас бел с кружевом широким золотным кованым, пуговицы золотые с белым финифтом, с яхонтами червчатыми. Перевязь амагиль серебряная золоченая с орлом, в ней часы. Кушак с ножом.

5) Объярь дымчата с серебряной струею. Образцы – плащи золоты с яхонтами червчатыми, около плащей обнизано жемчугом большим; 10 пуговиц изумрудные большие на золотых закрепках. Перевязь золотая, запоны с камнем и жемчугом; фляжка яшмовая; пояс тесьма серебряная с камнем.

6) Атлас червчат, фляжка золотая с часами. Другая – атлас дымчат.

7) Бархат червчат, нашивка круглая обнизная.

8) Атлас рудо-желт, нашивка долгая с жемчугом. Кружево кованое серебряное широкое; пуговицы золотые прорезные на *грушевое* дело с камнями. Ожерелье подложено атласом золотным, по серебряной земле травы золотые.

9) Бархат зелен с кружевом серебряным.

Нашивка – плащи круглы золоты с каменьи и жемчугом. Пуговицы на *грушевое* дело с каменьи. Перевязь золотая с подписью, кольчата, подложена атласом червчатым без фляжки. Кушак золотной с шелками; у него нож булатный черен, обделан золотом с каменьем, лалы и бирюзы.

10) Бархат рудо-желт.

11) Камка желта куфтерь убор малый.

12) Атлас желт – также.

13) Бархат черн – также.

14) Объярь серебряна, перевязь большая обнизана с яхонты червчатыми. Пояс серебряная тесьма, с алмазами.

15) Бархат зелен с орлы.

Ферези

1) Ферези ездвые – зуфь бела, подпушка участок золотный. Образцы низаны жемчугом с каменьем по черному бархату, завязки и кисти золотные ворворки, большой жемчуг.

2) Зуфь вишнева, кружево золотное кованое и пр. то же.

3) Зуфь червчата.

4) Зуфь голуба.

5) Зуфь бруснична.

6) Зуфь малинова, образцы *инроги* низаны жемчугом.

7) Зуфь сизова, образцы львы и грифы низаны жемчугом.

8) – дымчата (серый цвет). Образцы прорезные жемчужные.

9) – рудо-желта.

10) – яринной цвет.

11) – темно-лимонна.

12) – зелена.

13) – сизова, образцы львы да грифы.

Так как в это время государь смотрел войско, выезжая на коне, то ему подавались и *штаны*.

1) Камка Кызылбашская, золотная по мелинной земле.

2) Камка Кызылбашская, по брусничной земле полосы золотые и серебряные.

Шапка

1) Бархат червчат двоєморх, окол соболий, обнизана вся жемчугом с запаной.

2) Она же с крестом алмазным.

3) Бархат зелен (другая двоєморх) гладкий,

окол соболий, с запоны.

4) Шефранная двоєморхая, в запоне два пера яхонты лазоревы, петли низаны жемчугом.

5) Бархат рудо-желт, окол соболий, с запоны, в запоне перо.

6) Бархат червчат двоєморх, окол соболий, запоны алмазные косые.

7) Бархат зелен двоєморх, окол соболий, в запоне орел.

8) Бархат червчат гладкий, окол соболий, в запонах яхонты лазоревы.

9) Бархат желт, окол соболий, с запоны.

10) Бархат черн, окол соболий, с пером.

11) Бархат копытчат, окол соболий, с запоны.

12) Бархат шефранной цвет двоєморх, с крестом алмазным.

Для конной же езды

Рукавицы

1) Ролдужные, запястье шито золотом по червчатому атласу с жемчугами, бахрома золотая с серебром.

2) Перщетые с бахромами.

3) Вязаные, шелк червчат, запястье золотное, бахрома золотная, подложены тафтой червчатой.

4) Ролдужные, в запястье низано львы и грифы жемчугом.

5) Ролдужные, запястье шитое золотное.

– запястье низано жемчугом по черному бархату.

– запястье низано жемчугом львы да грифы.

Обувь – *ичетыги* и *башмаки*, сафьян желтый, новые.

Подвязки – тесьма золото с серебром, пряжи и наконечники серебряные золоченые с чернью, гладкие.

Очень богато государь одевался в Богоявление день, 6 января, когда ходил за крестами с крестным ходом на Иордань. Это было всенародное торжество, а потому сколько для праздника, столько же и еще более для народа; дабы видел народ царский сан во всем блеске, государь надевал самые ценные доро-

гие одежды, какие только находились в его гардеробе, в его Большой Казне.

Ф. Солнцев. Держава Мономаха

В 1671 г. в этот день на государе был следующий наряд царский: крест, диадема второго наряда, шапка царская первого наряда, которая с лалом, жезл царский, перевязь золотая кольчатая, платно царское второго наряда, бархат виницейский золотной; шесть пуговиц золотые на грушевое дело, прорезные с алмазами и с яхонтиками червчатыми; испод горностаевый с пухом; кафтан царский становой атласа виницейского, испод горностаевый с пухом, кружево низано в шахмат с трунсалом и картулином по таусинному атласу, на рукавах запястья низаны жемчугом с изумрудами и с яхонтами лазоревыми по червчатому бархату, 11 пуговиц обнизаны жемчугом; ферези безрукавные из камки двояличной шелка белого да голубого, испод черева лисьи; зипун тафты белой, ожерелье пристяжное второго наряда с яхонтами червчатыми и с лазоревыми и с лалы и с изумруды. Стряпни было: полотенца, стул с кистями,

ворворки обнизаны жемчугом, зголовьё (подушка к стулу) низано жемчугом; подножье теплое, испод пластины собольи, солношник (зонт) подшит пластинами собольими.

Ф. Солнцев. Держава царя Алексея Михайловича. Государственный щит. Скипетр большого наряда

В больших выходах за государем следовала так называемая «стряпня» – стул для отдыха с подушкой, подножье – род ковра, на котором государь становился во время церковной службы и при выходах на Иордань, полотенцы, надобные при окроплении Св. Водой. Эти три предмета несли трое стряпчих, одетые в золотах, как назывались золотные кафтаны. При возвращении крестного хода в Успенский собор государь обычно менял ходовую царскую одежду в приделе Дмитрия Селунского и надевал обычное платье, в котором приходил в собор. В том же приделе государь надевал и царский наряд для шествия на Иордань. Нередко с Иордани государь шествовал к Богоявлению на Троицкое подворье, где переменил некоторые одежды на другие, как-то:

зипун, кафтан и надевал шубу соболью с бобровым ожерельем. Для перемены одежды на Троицкое подворье отправлялась стряпня, которую несли 11, 12, иногда 13 человек стряпчих, смотря по числу предметов. Они держали между прочим особый футляр креста, футляр шапки царской, футляр жезла, футляр диадемы и чехлы от платна и кафтана и другие предметы. В таком бережливом порядке сохранялись дорогие одежды и все дорогие предметы государева наряда.

Стряпней обозначались вообще всякие предметы одежды и различных вещей, нужных по случаю выхода как рядового, так и особого, так сказать, чрезвычайного. В 1670 г., 19 августа, царь Алексей Михайлович ходил за крестами в Донской монастырь в обычном платье. Стряпни было: полотенца, подножье, стул, солношник и, кроме того, — сума со стряпней, а в ней сорочка запечатана, полотенца, простыни, связка¹²⁴, шапка с пухом, гребень, зеркало, два бруса мыла. Надо заметить, что такая стряпня подавалась только 1-го августа, когда государь купался после освящения воды, обычно у Симонова монастыря,

в Москве-реке. Здесь трудно угадать, почему такая стряпня следовала к Донскому монастырю, у которого не было места для купания.

Причастное. Белье и платье, в котором, говея, государь причащался, всегда сохранялось отдельно, как некоторого рода святость. Обычно цари говели или на первой неделе Поста, или на Страстной, что бывало чаще, и очень редко в августе, в Успенский пост.

Так как причащение совершалось в одной из верховых церквей, что на Сенях, то государь одевался в это время довольно просто, так сказать, по-домашнему, как и поступал царь Михаил и до 1652 и царь Алексей. К причастию они надевали обычное платье: шубу, когда было холодно, или опашень – в теплую погоду, кафтан становой или фerezи, зипун с обнизью или стоячим воротником, камчатные или тафтяные чулки, сафьяновые башмаки, шапку суконную или бархатную. Золотные дорогие ткани в этом наряде отсутствовали. В нем особенно оберегаемы были причастная сорочка, причастные порты и причастные пояса, также утиральник и лентий, – все

это приносилось из хором царицы и после обедни туда же бережно возвращалось. Известно, что все государевы сорочки сохранялись под замком царицы.

В 1652 г. царь Алексей изменил простоту причастного наряда. В этот год 25 июля был поставлен на патриаршество новгородский митрополит Никон, государь по редкому случаю изволил говеть в Успенский пост и 13 августа причащался у Спаса-на-Сенях; а причащал его, государя, сам святейший патриарх Никон, поэтому, несомненно по совету нового патриарха, причастное платье государя получило не только большее, по сравнению с прежним, богатство, но и большую полноту со включением некоторых частей царского большого наряда.

Из лицевой рукописи «Описание брачного сочетания царя и великого князя Михаила Федоровича»

За три дня до причащения, 10 августа, государю были скроены новый становой кафтан «камка золотная, по червчатой земле травки, кружево кованое серебряное» и новое цар-

ское платно – «объярь, по серебряной земле травы золото, кружево низано жемчугом с камнем, пуговицы золоты круглы велики прорезные». На это платно государь надел крест, диадему 3-го наряда, а на голову шапку царскую с крестом, Мономахову. Таким образом, несомненно по внушению Никона, государь явился к Святому Таинству не простым смертным, как водилось прежде, а в образе

царя, имевшего в руках и царский жезл из Большой Казны с Казенного Двора. В Выходной книге по этому случаю между прочим записано, что государь указал и впредь сей наряд подавать на себя, государя, как он станет, государь, причащаться. А для платья указал государь сделать (особый) сундук и обить бархатом червчатым.

В 1653 г. государь причащался на Страстной в Великий Четверг 7 апреля в Успенском соборе. На другой день он указал: «Сему государеву причастному платью быть в Соборной и Апостольской церкви», где в приделе Дмитрия Селунского происходило государево одевание и раздевание, и там, вероятно, сохранялось и это причастное платье.

В 1654 г., 10 февраля, государь говел на первой неделе Великого поста и причащался в церкви Евдокии-на-Сенях в этом же царском наряде, когда по случаю холода царское платно и становой кафтан были на горностаином меху.

Обручение царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной

Молодой царь Федор Алексеевич одевался

к причащению очень просто, проще даже своего деда, царя Михаила.

Брачное. В царской одежде по случаю бракосочетания находились некоторые особенности, по-видимому, унаследованные от давней старины. К таким особым одеждам принадлежали кожух и шуба с названием «Русская», которые только и надевались в день бракосочетания и в других случаях никогда не употреблялись. Это были своего рода клейноды¹²⁵ брачного бытового обряда. Примечательно и то обстоятельство, что новобрачный, наряжаясь в шубу русскую, заметывал ее полы назад за плечи. В старом свадебном обряде упоминается также, что свечники и коровайники, носившие обрядовые свечи и короваи, имели фerezи спущенные, с двумя кушаками через плечо (крест-накрест). К тому же обрядовому порядку относится и шуба, надетая навыворот мехом вверх, в которой у дверей спальни осыпала новобрачных родная мать особым осыпалом.

Серебряная курильница царя Михаила Федоровича

В 1626 г. при бракосочетании царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной из рода Стрешневых почти что за неделю до венчания государь «указал на своей государевой радости подати на себя, государя, платья» по

составленной росписи на все четыре дня брачного торжества, которое началось 5 февраля, а роспись была составлена еще 31 января. В первый день, в день венчания, 5 февраля, в воскресенье государю было подано: сорочка тафтяная, к ней ожерелье с яхонтами третьего наряду, новое; пояс золотной; порты тафтяные. Зипун атласный желтый без бумаги (ваты), у него ожерелье второго наряду с яхонтами. Кожух из камки бурской на червце, шелк бел зелен лазорев с золотом; нашивка и пуговицы низаны большим жемчугом на соболях; пояс золотой кованый, шуба русская – бархат венецицкой, шелк червчат да зелен, круги серебряны велики репьями, в них круги золоты невелики островаты, листье золото. Тафья по бархату по червчатому низана жемчугом второго наряду. Шапка горлатная второго наряду; колпак большой с запонами. Нагавки (штаны) из камки куфтерь червчатой, легкие. Чулки – камка мелкотравная червчатая. Чеботы сафьяновые червчатые, шиты золотом и серебром, полные, новые.

Б. Чориков.

Венчание царя Михаила Федоровича с Ев-

ВЪНЧАНІЕ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА,
съ Евдокією Лукьяновною, изъ рода Стрешневыхъ. 1626 года.

докией Лукьяновной из рода Стрешневых в
1626 г.

На подклет идти государю (в спальню) – шуба нагольная белья, шапка черевья, башмаки шиты золотом и серебром, сафьян червчат.

К. Маковский. Поцелуйный обряд. 1895 г.

На другой день, как пойдет государь из сонника в мыльню, – шуба нагольная беличья с тафтяной нашивкой, шапка черевья, башмаки сафьян червчат. А как выйдет из мыльни, быть на государе сорочке и ожерелью и сорочешному поясу и портам тем же, которые бы-

ли на первый день. Затем зипун, кафтан, шуба и прочие предметы были поданы другие.

Для пребывания в хоромах был подан полный наряд также из других одежд – более богатых, как и на третий и на четвертый день.

Прошло ровно 22 года с того времени, когда женился царь Михаил Федорович, и его сын, молодой царь Алексей Михайлович, в том же самом порядке устраивал и свои одежды по случаю своего бракосочетания с Марьей Ильиничной Милославской в 1648 г. Точно так же, почти за неделю до дня венчания, 10 января, и для его радости была составлена общая роспись платью, в каком по дням должен был одеваться новобрачный князь.

В день венчания, в первый день, 16 января, государю был подан наряд, во всем сходный с таким же нарядом его отца. Конечно, сами одежды были других тканей с другими уборами, но старозаветные кожух и шуба русская были те самые, которые 22 года тому назад красовались на царе Михаиле. Двадцать с лишним лет они бережно сохранялись в царской кладовой, как и калита московского князя Данила или Мономахова Шапка и другие

сохранившиеся драгоценности старого времени. Это дает повод заключать, что кожух и русская шуба, хотя в течение времени и изготовлялись из новых тканей, но всегда сохраняли свое особое значение в брачном наряде и, несомненно, оставались памятниками глубокой старины.

Царь Иоанн Васильевич Грозный

Но со времени царствования Алексея Михайловича наступает очень заметное движение к Петровской эпохе преобразования царского быта во многих его подробностях. Старое, особенно очень древнее, стало забываться ввиду водворявшихся мало-помалу различных немецких или вообще европейских новостей. Так были забыты и древний кожух, и русская шуба.

Царский выезд. *Рисунок из книги Кленка.*

1677 г.

Спустя 23 года после женитьбы царя Алексея на Милославской, при вторичном бракосочетании на Наталье Кирилловне Нарышкиной, государь в первый день брака, 22 января 1671 г., оделся совсем иначе, как было прежде при первой его «радости». В этот день ему было подано: им самим же вновь введенная одежда фerezея, под нею фerezи, а под ними зипун с пристяжным ожерельем и пр. О кожехе и шубе русской уже не упоминается. Надо, впрочем, заметить, что эта царская радость

по обстоятельствам совершилась не по-прежнему, а без особого подобающего свадебного чина и торжества. Между тем упомянутые древние одежды все-таки должны бы красоваться на государе как принадлежности старозаветного брачного обряда, но об них в это время уже совсем забыли, быть может, и по той причине, что брачное венчание совершилось с большой осторожностью, как бы потаенно, так что государь прошел в Успенский собор к венчанию скрытно, прямо из хором царицы внутренними переходами через Ризположенскую лестницу, что у западных врат собора.

Выше мы описали одежды, которые бытовали в царском обиходе в течение XVII ст. В предыдущем XVI ст. находим несколько одежд, каких в XVII ст. уже не встречается.

К. Маковский.

Иоанн III топчет ханскую грамоту

Одежда русских бояр XVI—XVII вв.

Сохранились немногие описи платья времен царя Ивана Васильевича Грозного и даже его походные выезды с обозначением надеваемых одежд. Упоминаются те же зипуны, ферези, кафтаны, платно, чуги, опашни, однорядки, шубы, епанчи и пр., иное с другими только названием: сафьянные ичетыги XVII

ст. называются по-русски чулками. Наиболее любимой одеждой были фезези.

К особенностям костюма того времени, по сравнению с XVII ст., принадлежали:

- 1) Кафтанец короткий.
- 2) Терлик.
- 3) Тегиляй.
- 4) Армяк.
- 5) Сермяга.

В головном уборе – науруз.

В нижней одежде – ногавицы, род штанов. С наколенки – их убор.

Кафтанец короткий, по-видимому, соответствовал той одежде, которая в XVII ст. носила название «чуги». В описях XVI ст. это название редко упоминается, зато кафтанец короткий в ездовом платье занимает свое место постоянно, как и чуга в XVII ст. Поэтому можно заключить, что переменялось только имя, а покрой одежды оставался тот же. Такая перемена имени вполне зависела от усмотрения дьяка или заведующего гардеробом, дававшего предмету то имя, какое бывало в ходу или какое точнее обозначало предмет описания. Так, в XVII ст. обычные почти на каж-

дой одежде петлицы везде называются нашивкой, потому что они нашивались на одежду. В описях XVI ст. это название совсем не встречается, его заменяет слово *образцы*, которое обозначало саму форму нашивки, обычно четырехугольной, хоть и продолговатой. Таким образом, в XVI ст. все одежды украшались не нашивкой, а образцами, которыми украшался и кафтанец короткий. Образцы, так же, как и нашивка, составляли принадлежность и красу пуговиц или вообще застежек.

М. Нестеров. Встреча царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской

О *терлике* мы упоминали, что в XVII ст. в царском обиходе он не употреблялся; но в XVI ст. он принадлежал к обычному ездovому платью вместе с кафтаном.

Что касается *армяка*, то, по-видимому, покрой его соответствовал однорядке. Армяком эта однорядка называлась по названию восточной ткани, армячины, которая изготовлялась кочевыми азиатскими племенами из верблюжьей шерсти и бывала тонкая и толстая, как и обозначаются армяки «тонкое полотно» и «толстые». В XVI ст. однорядка, кроме обычной нашивки спереди, именуемой образцами, украшалась еще по плечам в лопатках золотным и шелковым шитьем. Так украшался и армяк. Это сходство в наряде одежд заставляет предполагать об их сходстве и в покрое.

Особенного внимания заслуживает *тегилай*, именно по небывалому в известных одеждах количеству пуговиц. В описи государевых тегилаев значатся: тегилай бархат ве-

недицкой ценнинен с золотом и с петлями, на нем 56 пуговиц золотых продолговатых сенчатых с жемчугом. Тегиляй бархат вене-дицкой, шелк червчат да зелен, с золотом и с петлями. На нем 46 пуговиц золотых сенчатых, резаных на проем с жемчугом. Тегиляй без горностаев с кружевами: тегиляй бархат вене-дицкой лазорев, листки золоты, на нем 48 пуговиц золотых чешуйчатых с чернью. Тегиляй бархат вене-дицкой, на били чубар с разными шелками, а на нем 68 пуговиц золотых. Травки резаные, с чернью.

У царевича Ивана Ивановича (f19 ноября 1681 г.) было девять тегиляев, в том числе тегиляй «камка Кызылбашская, на зелени розные шелки с золотом, мелкий узор с горностаями, пуговицы серебряные угольчатые золоченые. Тегиляй без горностаев, бархат вене-дицкой, шелк червчат да зелен с золотом, и с петлями мелкий узор; пуговицы на нем золотые чешуйчатые. Тегиляй камка Кызылбашская, на вишневе розные шелки, мужики с робятами и птицы, расстежной, пуговицы золотые прямые, грани резаные». В этих описях слово «горностаи», как можно заключить,

означает не горностаевый мех, а изображения на тканях зверьков горностаев, как и слово «петли» указывает на изображения на ткани фигур вроде петель. Однако другие описи упоминают о горностае меховом: «Тегиляй бархат венецицкой, шелк червчат, на золотой земле петли золотые и серебряные; опушен горностаем, подложен тафтой зеленой, без пуговиц. Тегиляй бархат венецицкой рудо-желт, стеган. Кружево на нем ткано, шелк червчат с серебром. На нем, на вороту и по боком, в четырех местах образцы аксамичены серебром по червчатому атласу; бахрома шелк голуб; пуговики на нем серебряные угольчатые».

Эта последняя опись указывает, что наряд или убор тегиляя бывал такой же, как и на других одеждах. Только вышеприведенное число пуговиц очень затрудняет определить сколько-нибудь точно покрой этой одежды, которая в народном быту употреблялась в качестве самодельного доспешного платья. В тегиляи наряжались ратные люди, готовясь в поход. Поэтому тегиляй подкладывался пенькой или деревенским сукном очень толсто и простегивался, с целью устроить его так, что-

бы охранить ратника от стрел и сабельных ударов. В XVII ст. такой наряд назывался *куяком*, который набивался даже медными гвоздями.

В XVI ст. встречается в числе летнего государева платья и *сермяга* – простонародная одежда, обычно суконная, как и однорядка. «Сермяга сукно бело, строка и завязки шелк багров, лопатки шелк багров да рудо-желт. Сермяга сера большая, строка шелк багров; на ней пять пуговиц золотые, половинчатые резаные с чернью; завязки широкие, камка бурская, на черни шелк лазорев да червчат с золотом, подпушены камкой венецицкой». По описанному здесь убору сермяга похожа на армяк и однорядку.

В XVI ст., кроме тафьи, шапки и колпака, носили *науруз*, особого рода колпак из бархата, камки, сукна, с полицами, прорехами и кистью, украшенный запанами и веревками по швам.

При царе Иване Вас. Грозном царская обувь отличалась особым нарядным украшением. На передах или носках у чеботов и у башмаков, обычно сафьяновых, набивались

по сафьяну золотые бляшки, изображавшие орлов, единорогов или индрогов, львов, волков, лисиц¹²⁶.

И тогда, как и в XVII ст., употреблялись на одеждах ткани с изображениями людей или мужиков: люди и деревья, мужики крылатые, мужики и барсы, одни мужики, мужички сидящие, мужики с птицами, мужики стоящие, мужики и деревья, мужики с ребятами.

Примечания

Том I

1 «...земство...» – в данном случае И. Е. Забелин понимает под «земством» – «земцев», кормильцев, все трудовое население страны (здесь и далее – прим. ред.).

² «...варяжские походы на Царьград...» – имеются в виду походы Древнерусского государства на Византию (860, 907, 941), которые русская историография XIX в. связывала с русскими князьями-варягами – Аскольдом и Диром, Олегом и Игорем.

³ *Ярослав Владимирович Мудрый* (978—1054), великий киевский князь (1019—1054), сын Владимира I.

⁴ *Святополк Владимирович* (980—1019), по прозвищу Окаянный, – киевский князь, (1015—1019), сын Владимира I.

⁵ *Князь Юрий* (1187 или 1188—1238) – великий князь Владимиро-Суздальский Юрий (Георгий) Всеволодович. Правил в 1212—1238.

⁶ *Довмонт* – псковский князь с 1266 (ум. в 1299), крупный военачальник, организовавший оборону Пскова от немецких рыцарей

(1269, 1272, 1299).

⁷ *Цата* – подвеска, украшение.

⁸ *Коник* – лавка в красном углу, под образами.

⁹ *Вотчина* – родовое имение, населенная земля, состоящая во владении вотчинника или вотчинницы.

¹⁰ *Котошихин Григорий Карпович* (1630—1667), подъячий Посольского приказа, в 1664 г. бежал в Литву, затем в Швецию, где выпустил книгу «О России в царствование Алексея Михайловича».

¹¹ *Романя* – сладкая винная настойка.

¹² *Иван I Данилович Калита* (ум. в 1340), князь Московский (с 1325 г.), великий князь Владимирский (с 1328 г.), начал собирать русские земли вокруг Москвы.

¹³ *Проесть* – содержание во время пребывания в Москве.

¹⁴ Известно, что московское управление сначала сосредоточивалось в избах и подклетах государева дворца. Эти избы и подклети получали наименование от тех областей, которыми управляли. В начале XVII ст. упоминаются Московская изба, Казанская изба, Вла-

димирский подклет, Дмитровский подклет, Рязанский подклет (прим. авт.).

¹⁵ *Маскевич Самуил* (ум. в 1619) – польский офицер, очевидец и участник событий польско-шведской интервенции против России начала XVII в. Автор воспоминаний об этих событиях.

¹⁶ *Междуцарствие* – имеются в виду события Смутного времени. Смутное время. (Московская Разруха) – события начала XVII в. в России, связанные с воцарением Лжедмитрия

I, польско-шведской интервенцией, народными движениями, в первую очередь движением под руководством И. И. Болотникова, борьбой народных ополчений против интервентов, закончившейся освобождением Москвы от поляков (1612) и избранием Михаила Романова на царство.

¹⁷ *Похвальная суббота* – суббота на пятой неделе Великого поста, когда читается Акафист Божией Матери, т. н. «Похвала Богородице».

¹⁸ Бортовой мед – мед, добытый в лесу из специально выдолбленного для роя пчел пня

или дерева.

¹⁹ *Владимир Андреевич* (1353—1410) – удельный князь Серпуховский, двоюродный брат Дмитрия Донского, один из видных русских полководцев второй половины XIV в., участник Куликовской битвы, командовал засадным полком.

²⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5 (прим.. авт.).

²¹ *Василий Дмитриевич* – Василий I (1371—1425), великий московский князь (1389–1425).

²² *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 8 (прим.. авт.).

²³ *Афонская Гора* – имеется в виду православный монастырь на Горе Афон на северо-востоке Греции.

²⁴ *Великий князь Андрей Александрович* (ум. в 1304) – третий сын Александра Невского, князь Городецкий, Костромской, боролся за великое княжение с братом Дмитрием. Захватил престол после 1293 при помощи татар.

²⁵ *Великая княгиня Софья Фоминична* – Софья Палеолог (ум. в 1503), жена Ивана III Васильевича, племянница последнего византий-

ского императора Константина XI.

²⁶ *Андрей Васильевич* (1446—1493) – угличский удельный князь, третий сын Василия II, погиб в борьбе за власть со своим братом Иваном III.

²⁷ Изв. Акад. наук по Отд. рус. яз. и словесности. 1863. Т. 10. Вып. 5. Стб. 550 (*прим. авт.*).

²⁸ *Пошва, подзавалье* – др.-рус.: почва, основание.

²⁹ *Вершок* – старая русская мера длины, употреблявшаяся до введения метрической системы мер. 1 вершок = $\frac{1}{16}$ аршина = 1,75 дюйма = 44,45 мм = 4,45 см.

³⁰ Значение прилагательного «красный» более или менее известно. Красными, в смысле «красивых», назывались большие окна с колодами и оконницами, или рамами, в отличие от малых, волоковых, не имевших оконниц и колод (*прим. авт.*).

³¹ *Лапа* – вырубка в конце бревна, которая запускается в середину такой же вырубке поперечного бревна.

³² *Замок* – вырубка в конце бревна в виде шипа, которая наставляется шипом другого бревна.

³³ *Полсть* – толстое и плотное полотнище.

³⁴ *Матица* – нижний сруб, насыпаемый песком.

³⁵ *Взакрой* – с выемкой угла или половины кромки доски уступом для закрывания такой же выемки другой доски.

³⁶ *Стамик* – прямая подпорка, подставка или стойка.

³⁷ *Скобель* – специальный нож с двумя поперечными ручками на концах.

³⁸ *Скоблить в лас* – делать гладким.

³⁹ *Свесь* – висящая часть.

⁴⁰ *Причелина* – подоконник; здесь – доска, прикрывающая верхний край.

⁴¹ *Решетина* – жердь, прикрепляемая вдоль по стропилам, под тес.

⁴² *Подстрелина* – косая подпорка, подставка.

⁴³ *Князь* – верхний стык стропил и скатов, гребень, конек.

⁴⁴ *Бык* – откос для укрепления здания.

⁴⁵ *Драница* – лучина для решечения деревянных стен.

⁴⁶ *Балясы (балясины)* – точеные столбики под поручни, перила, ограду.

⁴⁷ *Подзорина* – подвесная кайма.

⁴⁸ *Кожушить* – обшивать по наружной стене.

⁴⁹ *Лемех* – короткая дранка, иногда с закругленным концом, для покрытия кровель в виде чешуи.

⁵⁰ *Лежень* – лежащее бревно, подкладываемое под основание стен.

⁵¹ *Выпускное бревно* – выступающее бревно.

⁵² *Подруб* – обрубленный, более короткий конец бревен.

⁵³ *Тетива* – боковые брусья, доски, в которые вставлены ступени.

⁵⁴ *Рундук* – нижняя площадка сенного крыльца, дверной порог.

⁵⁵ См.: *Дворцовые разряды*. СПб, 1850. Т. 1. С. 1152 (прим.. авт.).

⁵⁶ *Сажень* – русская мера длины, определяемая средними размерами человеческого тела. Сажень = 3 аршина = 7 футов = 2,1336 м.

⁵⁷ «*Сын Василий*» – великий князь Василий III Иванович (1479—1533), сын Ивана III. Правил 1505—1533 гг.

⁵⁸ Дополнения к Летам историческим... СПб, 1846. Т. I. № 24 (Далее – ДЛИ). Роспись, «кому

где быти по крыльцем и в дверях» (*прим. авт.*).

⁵⁹ Царственная книга...— СПб, 1769. С. 57; ДЛИ. Т. 1. № 24; Древняя Российская вивлиофика. М, 1791. Ч. 13. С. 39 (*прим.. авт.*).

⁶⁰ «Вел.. кн.. Елена» – великая княгиня Елена Глинская (ум. в 1538), вторая жена Василия III, мать Ивана IV Грозного, управлявшая Россией в его малолетстве (1533—1538).

⁶¹ Князь Андрей Иванович Старицкий (1490—1537) – старицкий удельный князь, младший сын Ивана III, дядя Ивана IV, в 1537 г. поднял мятеж против правительства Елены Глинской; умер в заточении.

⁶² Царственная книга... С. 137.

⁶³ Куретные ворота – ворота Троицкой башни Кремля; одно из названий башни – Куретная.

⁶⁴ Земщина – области, не вошедшие при Иване Грозном в опричнину.

⁶⁵ Царь Федор Иванович (1557—1598) – сын Ивана IV Грозного. Правил – 1584—1598, последний русский царь из династии Рюриковичей.

⁶⁶ Царица Ирина – Ирина Федоровна (ум.

в 1603), жена царя Федора Ивановича, урожденная Годунова, сестра Бориса Годунова.

⁶⁷ Летопись о многих мятежах... 2-е изд. М., 1788. С. 64.

⁶⁸ Со стороны Москвы-реки Кремль был обнесен двумя рядами стен; третья стена, о которой здесь говорится, была фасадом здания Запасного двора, представлявшегося на Замокворечье тоже в виде стены (*прим.. авт..*)

⁶⁹ *Масса И, Геркман Э.* Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб, 1874. С. 166, 169—170 (*прим. авт..*).

⁷⁰ Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1847. № 9 (*прим.. авт..*).

⁷¹ Дворцовые разряды... Т. 1. С. 1154 (*прим.. авт..*).

⁷² Расходные книги Казенного приказа 7124 г, № 898 и дела этого приказа в столбцах в Арх. Оружейной палаты (*прим.. авт..*).

⁷³ Расходные книги Казенного приказа в Арх. Оружейной палаты. № 898, 909, 916, 921, 923; Расходные книги Мастерской Царицыной палаты. № 738 (*прим.. авт..*).

⁷⁴ Впоследствии наверху этой церкви был устроен новый храм – во имя Евдокии, освя-

ценный в 1681 г. во имя Воскресения Словущего (*прим.. авт..*).

⁷⁵ Расходные книги Казенного приказа в Арх. Оружейной палаты. № 930, 1089 (*прим. авт..*).

⁷⁶ Там же. № 756, 792, 930, 957—958, 979, 986, 1073, 1089 (*прим.. авт..*).

⁷⁷ Расходные книги в Арх. Оружейной палаты. 1768 г. № 1015 (*прим. авт..*).

⁷⁸ Расходные книги в Арх. Оружейной палаты. 1766 г. № 1013 ; № 1082 и 1020 (*прим. авт..*).

⁷⁹ Дополнения к т. 3 Дворцовых Разрядов. СПб, 1854. С. 327 (*прим. авт..*).

⁸⁰ См.: Расходные книги в Арх. Оружейной палаты. № 382, 384 (*прим.. авт..*).

⁸¹ *Трапеза* – столовая, комната, где обедают.

⁸² См. в столбцах Арх. Оружейной палаты: память о присылке плавильщиков медного дела, Ивашки Казаринова со товарищи, для плавления медных денег к государеву хорошему Делу на медные решетки, 15 ноября 1778 г. (*прим.. авт..*).

⁸³ Временник Моск. Общест. истории и древностей российских. 1856. Кн. 24 (*прим.. авт..*).

⁸⁴ Расходные записки приказа Тайных дел 1670 г. (*прим. авт.*).

⁸⁵ *Лещедь* – колотый на слои и обтесанный камень, тонкий квадратный кирпич для выстилки полов.

⁸⁶ *Жилец* – уездный дворянин, живший при государе временно, на воинской службе.

⁸⁷ *Местничество* – старинный обычай занимать должности согласно заслугам предков: у кого отец либо дед занимал высшую должность, тот считал себя выше родом и не подчинялся по службе тому, у кого предки занимали низшие места.

⁸⁸ *Глухая палатка* – лишенная выхода, без окон и дверей.

⁸⁹ Выходы государей царей.– М., 1844. С. 581 и др. (*прим. авт.*).

⁹⁰ Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1918. Т. 1. Ч. 2. С. 296 (*прим. авт.*).

⁹¹ «Вдовствующая царица Марфа».– Марфа Матвеевна, урожденная Апраксина, вторая жена царя Федора Алексеевича.

⁹² Цениною прежде назывался фаянс, покрытый синей поливой; от этого и синие изразцы, в отличие от зеленых, назывались це-

нинными, хотя состав поливы на тех и других был совершенно одинаков и различался только цветом (*прим. авт.*).

⁹³ *Шишак* – шлем.

⁹⁴ *Мисюрка* – вид шлема с железной верхушкой и кольчужной сеткой.

⁹⁵ *Ерихонка* – стальной наголовник.

⁹⁶ *Юшман* – броня из блях и колец. Среднее между латами и кольчугой: с кольчужными рукавами, спереди на крючках.

⁹⁷ *Бахтерец* – доспех, заменявший латы или кольчугу, из продолговатых плоских полуколец и блях, которые нашивались на суконный или бархатный полукафтан.

⁹⁸ *Наручи* – налокотники, часть латных доспехов: желоб, покрывающий снизу локоть.

⁹⁹ *Бутурлык* – доспех на ноги всадника: три длинные пластины на голень и бедро.

¹⁰⁰ *Пернат* – наконечник копья.

¹⁰¹ «...пряженный хлеб...» – хлеб, жаренный на масле или в масле.

¹⁰² *Папошник* – домашний мягкий пшеничный хлеб.

¹⁰³ «...ествы...» – ниже автор поясняет: «Каждое блюдо составляло собственно порцию,

или, по-старинному, еству, на две особы с излишком».

¹⁰⁴ *Помес* (помяс) – слуга, занимающийся мешением.

¹⁰⁵ *Шесник* – дневальный, рассыльный.

¹⁰⁶ *Куретник* – слуга, ведающий поставкой птицы к столу.

¹⁰⁷ *Засыпка* – засыпающий что-либо.

¹⁰⁸ *Кунган* (от татарск. кумган) – кувшин с носиком.

¹⁰⁹ «...с оброчных и данных бортевых ухажьев...» – речь идет о находящихся на оброках и на данях медовых лесных угодьях.

¹¹⁰ «...мед с гвоздцы...» – с гвоздикой, пряностями.

¹¹¹ «...мед обарный...» – разновидность хмельного напитка из меда.

¹¹² *Дуля* – особый вид груши.

¹¹³ В это время в нем сохранялись запасы хлеба и соли.

¹¹⁴ *Сереборинник* – шиповник.

¹¹⁵ *Творило* – ящик для земли, садовый ящик.

¹¹⁶ *Комяга* – грубо выдолбленное корытом бревно.

¹¹⁷ *Карбас* – лодка на 4—10 весел с двумя парусами.

¹¹⁸ *Шняка* – рыболовная лодка, род карбаса.

¹¹⁹ *Слетье* – урожай.

¹²⁰ *Аргамак* – верховая породистая лошадь.

¹²¹ *Царица Прасковья* – Прасковья Федоровна, урожд. Салтыкова, жена царя Ивана V Алексеевича, брата и соправителя Петра I с 1682 по 1696 г.

¹²² *Колодник* – взятый под стражу арестант.

¹²³ *Гастев М. С.* Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. М, 1841. Ч. 1. С. 77 (прим. авт.).

¹²⁴ *Епанечный* – подобный епанче. *Епанча* – широкий круглый плащ, бурка.

¹²⁵ *Царевич Алексей Алексеевич* – сын царя Алексея Михайловича. Умер в 1670 г.

¹²⁶ *Аспид* – мрамор.

¹²⁷ *Левкас* – жидкая шпатлевка, мел с клеем, для подготовки поверхности под краску и позолоту; грунт.

¹²⁸ *Гривенка* – единица массы в системе русских мер, равная фунту (400 г).

¹²⁹ *Киндяк* – набойная плотная ткань.

¹³⁰ *Стамедная завеса* – шерстяная занавес-

ка.

¹³¹ *Аksamит* – драгоценная ткань с золотыми и серебряными нитями, плотная, ворсистая.

¹³² *Св. Владимир* – киевский князь Владимир I Святославич. *Св. Борис, св. Глеб* – его сыновья Борис и Глеб, убитые по наущению старшего брата Святополка Окаянного в 1015 г.

¹³³ *Уена* – гиена.

¹³⁴ По Хронографу: «и на первом степени образ бяще телечь» (*прим.. авт.*).

¹³⁵ Третья книга Царств. Гл. 10. Стб. 18—20 (*прим.. авт.*).

¹³⁶ Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 2. С. 38 (*прим.. авт.*).

¹³⁷ Там же. Ч. 4. С. 22.

¹³⁸ ДЛИ. Т. 2. С. 209 (*прим. авт.*).

¹³⁹ *Червчатый* – багряный

¹⁴⁰ Журн. Министерства народного просвещения. 1837. Нояб. Отд. II. С. 378 (*прим.. авт.*).

¹⁴¹ «Сирин, птица райская, песни поет царские», как свидетельствуют некоторые рукописные изображения этой птицы. Изображение этой птицы, довольно распространенное

В XVII ст., было перенесено потом на лубочную картинку со следующим описанием: «Птица райская, зовомаая Сирин, глас ея в пении зело силен. На востоце в Эдемском раю пребывает и всегда пение воспеваает, праведным радость возвещает, которую Господь им обещаает. Временно и на землю вылетает, райские песни распевает. Всяк человек, во плоти живя, не может слышати гласа ея; аще и услышит, то себя забывает и, слушая пения, тако умирает» (прим.. авт.).

¹⁴² *Аршин* – русская мера длины, равная 16 вершкам (71,12 см).

¹⁴³ В старинных наших Пасхалиях времена года олицетворяются следующим образом: Весна – дева, украшенная красотой и добротой; Лето – муж тих, богат и красен; Осень подобна жене старой и богатой; Зима же подобна мачехе злой, нестройной и не жалостливой. Кстати, упомянем, что по тогдашнему счету Весна продолжалась от Благовещения, 25 марта, до Рождества св. Иоанна Предтечи, 24 июня; Лето – до Зачатия Иоанна Предтечи, 23 сентября; Осень – до Рождества Христова, 25 декабря; Зима – до Благовещения. В каж-

дом времени года считалось по 91 дню и полчетверти часа (*прим.. авт.*).

¹⁴⁴ *Шаф* – шкаф.

¹⁴⁵ *Кильбургер* – Кильбургер Иоганн Филипп (ум. в 1721), немецкий коммерсант; в 1673–1674 гг. посетил Москву в составе шведского посольства. Составил описание русской торговли сер. XVII в.

¹⁴⁶ Краткое известие о Русской торговле, каким образом она производилась чрез всю Россию в 1674 году. СПб, 1820. С. 183 (*прим.. авт.*).

¹⁴⁷ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 8 (*прим.. авт.*).

¹⁴⁸ Памятники дипломатических и торговых сношений. СПб., 1892. Т. 2. С. 95 (*прим. авт.*).

¹⁴⁹ *Накр* – бубен, литавры.

¹⁵⁰ *Варган* – народный музыкальный инструмент.

¹⁵¹ Эти часы позже, в 1605 г., поднесены были от Лжедмитрия в дар Марине Мнишек по случаю обручения. Их признали в Польше удивительными (*прим.. авт.*).

¹⁵² *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 10 (*прим..*

авт.).

¹⁵³ *Налеп* – наклепленная вещь; здесь – поставленные большие свечи.

¹⁵⁴ *Святая* – название Пасхальной недели.

¹⁵⁵ *Мусат* – стальная полоска для точки ножей.

¹⁵⁶ *Рылец* – лопаточка.

¹⁵⁷ Памятники дипломатических и торговых сношений... СПб, 1890. Т. 1 (прим.. авт.).

¹⁵⁸ *Царица Евдокия Лукьяновна* – Евдокия Лукьяновна, урожденная Стрешнева, жена царя Михаила Федоровича.

¹⁵⁹ Местными они назывались оттого, что ставились на стене в специально устроенных местах вроде киотов (прим. авт.).

¹⁶⁰ Принадлежность икон какому-либо лицу обозначалась выражением «моление тако-го-то», напр.: икона государева моления, государынина моления, образ Спасов государыни царицы моления и т. п. (прим. авт.)

¹⁶¹ *Лентий* (греч.) – полотенце.

¹⁶² *Серебро басемное* – тонкое листовое серебро.

¹⁶³ *Ставик* – вид сосуда.

¹⁶⁴ *Ворворка* (плетеница) – сплетенная верх-

няя часть кисти, где соединялись и укреплялись кистевые пряди. У золотых кистей ворворки почти всегда вынизывались жемчугом, а у шелковых плелись из золотого шнура (шнурка).

¹⁶⁵ *Тавлеи* – шашечница, игра в кости.

¹⁶⁶ *Щеть* – частокол, щетина.

¹⁶⁷ *Бакан* – багряная краска.

¹⁶⁸ Соборная грамота духовенства Православной Восточной Церкви, утверждающая сан царя... М, 1850 (*прим. авт.*).

¹⁶⁹ Например, в 1152 г. послу Изяслава, Петру Бориславичу, делалась почетная встреча: «Петр приеха на княж двор, и ту снидоша противу ему с сеной слугы княжи...» (Ипатьевская летопись) (*прим. авт.*).

¹⁷⁰ Памятники дипломатических и торговых сношений.. Т. 2. С. 510—511, 522 и др. (*прим. авт.*).

¹⁷¹ Полное собрание законов.. № 901 (*прим. авт.*).

¹⁷² *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 11 (*прим. авт.*).

¹⁷³ Коллинс рассказывает, что в его время один удалец выстрелил по скворцу на цар-

ском дворе, но пуля скользнула и упала в царские покои. Стрелку отсекли левую ногу и правую руку (*прим. авт.*).

¹⁷⁴ *Золотный* – парчовый, шитый золотом.

¹⁷⁵ *Объярь* – шелковая ткань.

¹⁷⁶ *Терлик* – длинный кафтан с поясом и короткими рукавами.

¹⁷⁷ Полное собрание законов.. Т. 1. № 597. Т. 3. № 1374 (*прим.. авт.*).

¹⁷⁸ Дворцовые Разряды.. Т. 4. № 1132, 1136. И по тому вел. государя указу с Ксенофонта Алымова пенные деньги 10 руб. взяты и розданы по богадельням, по 4 деньги человеку: в Китае у церкви Воскресения Булгакова 6 чел.; у Варваринских ворот 100 чел.; на Кулишках у церкви Воскресения 80 чел.; за Яузою у ц. Архидиакона Стефана 6 чел.; у ц. Симеона Столпника 4 чел.; на Пречистенской у ц. Николая Чуд. 46 чел.; за Пречистенскими вороты у ц. Власия Чуд. 25 чел.; за Пречистенскими ж, за Земляным городом, 12 чел.; за Смоленскими вороты у Николая чуд. Явленского 12 чел. По 2 деньги человеку: на Покровке у ц. Успения Богородицы 46 чел.; за Воскресенскими вороты в Моисеевских (богадельнях) 46 чел. (

прим. авт.).

¹⁷⁹ *Желябужский* – Желябужский Иван Афанасьевич (1638—1709), русский государственный деятель. Автор «Записок» о своем времени, содержащих подробности, касающиеся отдельных распоряжений Петра I.

Том II

1 «...г.» – государыни.

² *Крестовый* – священник при архиерейской или вообще домашней церкви.

³ *Камка* – шелковая китайская ткань с разводами.

⁴ *Кармазин* – ярко-алый, багряный цвет.

⁵ *Фунт* – единица массы в системе русских мер; 1 фунт = 1 гривенке = 0,40951241 кг = ¼40 пуда = 32 лотам = 96 золотникам = 9216 долям.

⁶ «...черленой...» – имеется в виду «червонной» – красного, алого, ярко-красного цвета.

⁷ Предполагая, что Петр родился в шестом часу ночи по тогдашнему счету (прим. авт.).

⁸ *Думный дворянин* – младший член Царской думы, заседающий ниже бояр и окольничих. Царская дума – верховный совет из бо-

яр, окольников и думных под председательством царя. В междуцарствие была Боярская дума, под председательством боярина; во время войны с Польшей (1611) была Земская дума, состоящая из бояр и выборных, для обсуждения земских дел.

⁹ Отец царицы Натальи Кирилловны, Кирилл Полуектович Нарышкин, к 1663 г. был ротмистром в полку полковника и головы московских стрельцов Артамона Матвеева. У него в это время было 8 крестьянских дворов; в чине ротмистра он получал жалованье по 13 руб. в месяц.

¹⁰ *Окольничество* – второй по значимости чин приближенного по службе к царю.

¹¹ *Стольник* – придворный, смотритель за царским столом.

¹² Отец супруги царя Михаила Федоровича, Лукьян Степанович Стрешнев, через несколько месяцев после рождения наследника престола, царевича Алексея, 6 января 1630 г, был пожалован в окольников, а через несколько месяцев после рождения второго государева сына, 1 марта 1634 г., – и в бояре. А отец первой супруги царя Алексея Михайловича, Илья

Данилович Милославский, был пожалован из стольников в окольничие тотчас же после свадьбы царя, на другой день, 17 января 1648 г, а через две недели, 2 февраля, ему уже сказано было боярство (*прим. авт.*).

¹³ *Ясельничий* – тот, кто смотрит за конюшнями и лошадьми.

¹⁴ *Восприемник* – лицо, воспринимающее ребенка от купели, крестный отец и мать.

¹⁵ *Келарь* – инок, заведующий монастырскими запасами или вообще светскими делами монастыря.

¹⁶ *Алтабас* – персидская парча.

¹⁷ *Саккос*, или *сакос* (*греч.*) – архиерейское облачение поверх подризника.

¹⁸ *Свитка* – широкая, длинная запахивающаяся одежда с капюшоном.

¹⁹ Что такое было Млеко Пресв. Богородицы, об этом существовал следующий рассказ:

«В Ифлиемском вертепе, егда родися Избавитель всего мира Господь наш Иус Христос от Пречистыя Девы Марии Богородицы, – и источися тогда Млеко от Пречистый сосец Ея на землю. И в том месте искипит земля млечная яко сыр. И по вся лета день Рожества Христо-

ва кипит аки ключ, а над тем местом во святом олтаре святая трапеза и в день Рожества Христова приходит тут Иерусалимский патриарх и, свершив тут во вертепе в храме том Рожества Христова Божественную службу и емлет ту млечную землю со многим благоговением, и творят округлости ей, напечатают одну страну образ Пречистыя Богородицы с Превечным Младенцом, а с другую – подпись: «Млеко Пречистыя Богородицы». И взимают и посылают православным царем и святителем и прочим правоверным людем на исцеление» (Домострой). Таким образом, это Млеко представляло род обычной просвиры (*прим. авт.*).

²⁰ «...птица струц...» – имеется в виду страус.

²¹ *Тяглец* – рабочий, крестьянин, платящий подати.

²² «...рыбий зуб...» – имеется в виду, вероятно, моржовый клык.

²³ *Болван* – деревянная, картонная или иной формы колодка.

²⁴ *Поярок* – шерсть первой стрижки, руно с ярки (овцы-однолетки).

²⁵ «*Каптур*».– Имеется в виду капор – жен-

ская шапка на всю голову, с завязками.

²⁶ У Святослава был кормилец Асмуд. В XI, XII и XIII ст. у князей были также кормильцы, или дядьки (*прим. авт.*).

²⁷ Так, в 1629 г, 20 сентября, царь Михаил Федорович пожаловал своему новорожденному сыну, царевичу Алексею, на новоселье в новые хоромы сорок соболей по цене 125 руб. Царица Евдокия Лукьяновна – сорок соболей по цене 80 руб. Дед царевича, патриарх Филарет Никитич, – сорок соболей по цене 95 руб. Бабушка царевича, инокиня Марфа Ивановна, сорок соболей по цене 120 руб. В тот же день жалованы соболи и царевне Ирине (2 года 5 мес.) на новоселье в новые хоромы: от отца и от матери – два сорока соболей по 90 руб, от бабушки, инокини Марфы, – сорок соболей в 100 руб., которые, разумеется, взяты из государственной же казны (Арх. Оруж. пал., № 937). В описи казны царевны Ирины Михайловны записано между прочим: «Пять сороков соболей, по 55 руб. (сорок); а взяты те соболи из Казанского дворца на новоселье, как у государыни царевны и великой княгини Ирины Михайловны было новоселье в новой избуш-

ке в 143 (1635) г. 16 августа». В 1640 г. у царевны опять было новоселье в хоромах, на которое царица пожаловала два сорока соболей, проданных потом один за 60, другой – за 45 руб. (Арх. Оруж. пал, № 779) (*прим.*, авт.).

²⁸ См.: «Извлечение из сказаний Якова Рейтенфельса о состоянии России при царе Алексее Михайловиче», перевод с латинского И. Тарнава-Боричевского. Журн. Мин. Нар. Просв., 1839; Яков Рейтенфельс. Сказания... о Московии... с латинского перевел Алексей Станкевич. М, 1906 (*прим.*, авт.).

²⁹ «...*пять патрахелей...*» – Имеется в виду епитрахиль (*греч.*) – одно из облачений священника, надеваемое под ризу.

³⁰ *Поручи* – короткие рукава в облачении священнослужителей, нарукавники.

³¹ С этого года были заведены и особые книги по изготовлению царевичу платья и других предметов (*прим.*, авт.).

³² В 1630 г., мая 26-го, сурначей Семен Рубцов выучил в сурну (играть) шесть человек накрачеев (*прим.*, авт.).

³³ *Ирха* – козлиная или овечья шкура, выделанная под замшу.

³⁴ *Города* – выступ в узоре, вышивке.

³⁵ *Лал* – драгоценный камень, рубин.

³⁶ *Накосник* – кольцо, которым укрепляется

коса.

³⁷ *Цка* – дска, доска.

³⁸ *Ворворка* – подвеска.

³⁹ *Поднизь* – жемчужная или бисерная сетка, бахрама на женском головном уборе.

⁴⁰ «Молитва, на пострижение власом, отрочати» (прим. авт.).

⁴¹ См. «История Российская с самых древнейших времен... собран. и опис. ... В. Н. Татищевым», кн. III (М.), 1774 г. (прим.. авт.).

⁴² См.: «Исследования, замечания и лекции о Русской истории» М. Погодина. М. 1856. Т. VII (прим. авт.).

⁴³ *Стамед* – шерстяная ткань.

⁴⁴ Боярин Иван Никитич Романов на крестинах царевича, 22 марта 1629 г, поднес два пистолета маленьких, из которых один здесь описан.

⁴⁵ *Свайка* – толстый гвоздь или шип с большой головкой, для игры в свайку; ее берут в кулак и броском втыкают в землю, попадая в кольцо.

⁴⁶ *Тавлеи* – игра в шашки или в кости на расчерченной для этого доске.

⁴⁷ *Сак* – обрубок дерева, чурбанчик, каким играют в рюхи, свинки, городки.

⁴⁸ *Гусиная игра* – игра шашками по клеткам, когда шашки идут гуськом, одна за другой. Ход определяется выкидыванием костей.

⁴⁹ Любопытные подробности этого обычая сохранены в записках М. С. Щепкина: «Учился я весьма легко и быстро, ибо едва мне сравнялось шесть лет, как я уже всю премудрость выучил, т. е. азбуку, Часослов и Псалтырь: этим обычно тогда и оканчивалось все учение, из которого мы, разумеется... приобретаем только способность бегло читать церковные книги. Помню, что при перемене книги, т. е. когда я окончил азбуку и принес в школу в первый раз Часослов, то тут же принес горшок молочной каши, обернутый в бумажный платок, и полтину денег, которая, как дань, следуемая за ученье, вместе с платком вручалась учителю. Кашу же обычно ставили на стол и после повторения задов (в такой торжественный день учения уже не было) раздавали всем учащимся ложки, которыми и хва-

тали кашу из горшка. Я, принеший кашу и совершивший подвиг, т. е. выучивший всю азбуку, должен был бить учеников по рукам, что я исполнял усердно, при всеобщем шуме и смехе учителя и его семейства. Потом, когда кончили кашу, вынесли горшок на чистый двор, поставили его посередине, и каждый бросал в него палкой; тот, кому удавалось разбить его, бросался бежать, а прочие, изловив его, поочередно драли за уши... По окончании Часослова, когда я принес новый Псалтырь, опять повторилась та же процессия...» – «Комета», учено-литературный альманах, изд. Н. Щепкиным. М., 1851. С. 167—169 (*прим. авт.*).

⁵⁰ Таким образом, имя дьяка присваивалось вообще грамотею-учителю, который именовался также и мастером, как и женщина-учительница называлась мастерицею (*прим. авт.*).

⁵¹ Тяжелая сторона старинного обучения грамоте, особенно в низших слоях тогдашнего общества, весьма резко обозначена в записках майора Данилова: «Памятно мне мое учение у Брудастого (пономарь-учитель) и поднесь, по той, может быть, причине, что ча-

сто меня секли лозой: я не могу признаться по справедливости, чтоб во мне была тогда леность или упрямство, а учился я по моим летам прилежно, и учитель мой задавал мне урок учить весьма умеренный, по моей силе, который я затверживал скоро; но так как нам, кроме обеда, никуда от Брудастого отпуска ни на малейшее время не было, а сидели на скамейках безысходно и в большие летние дни великое мучение претерпевали, то я от такого всегдашнего сидения так ослабевал, что голова моя делалась беспамятна и все, что выучил прежде наизусть, при слушании урока к вечеру и половины прочитать не мог, за что последняя резолюция – меня, как непонятливого, «сечь». Я мнил тогда, что при учении терпеть наказание необходимо». «Записки артиллерии майора Мих. Вас. Данилова». М., 1842. С. 38 [написаны в 1771 г.] (*прим. авт.*).

⁵² По свидетельству Даниила Мордовцева «О русских школьных книгах XVII века», 1861, кн. IV: «Святые, покровительствующие книжному научению, считались у нас Косма и Дамиан, пророк Наум и тот святой, в честь которого дано имя учащемуся при крещении...

чем и объясняется существующее даже до сих пор обыкновение у нашего простонародья и в средних сословиях перед началом учения молиться пророку Науму, так же как об успешном учении молятся Иоанну Богослову (в Азбуковниках о нем же упомянуто, как о покровителе собственно письма) (прим. авт.).

⁵³ *Апофегма* – краткое изречение, афоризм.

⁵⁴ Под словом «потешные» в этом случае не должно понимать того только, что забавляло, увеселяло. Этим именем обозначали нередко и те предметы, которые не принадлежали к главному, т. е. к церковному, направлению древнего образования и попросту служили светским, мирским целям (прим.. авт..).

⁵⁵ «...орла пластоново...» – по-видимому, орла с распластанными крылами.

⁵⁶ *Шанец* (нем.) – военный окоп, редут, небольшое укрепление.

⁵⁷ *Свидетельство Рейтенфельса* – в переводе А. И. Станкевича (М, 1906): «Науками, общеобразовательными, они даже самым поверхностным образом не занимаются, кроме всеобщего краткого политического обзора, ибо наставники их обучают исключительно

только одному умению читать, писать и считать, и знакомят их с состоянием собственной страны и других соседних держав, чего-де должно им ожидать и чего опасаться. Главное внимание в этих занятиях обращается на то, чтобы дети точнее изучали язык и нравы разнообразных своих подданных, привыкали неуклонно следовать старинным обычаям и ревностно оберегать веру, причем все это для них безусловно обязательно. Не скрою, однако, что это, в высшей степени простое и приуроченное к жизни, воспитание, западая в благородную душу и гибкий ум, доводит до столь же высокой степени доблести, как изучение всех философских систем и усвоение мудрости самых выдающихся ученых» (прим. авт.).

⁵⁸ Часы делились в то время на дневные и ночные; дневные считались с солнечного восхода, а ночные – с заката. С 25 мая по тогдашнему счету было 17 часов дневных и 7 ночных.

30 мая солнце восходит в 3 ч. 18 мин., заходит в 8 ч. 40 мин., – следовательно, тогдашний первый час ночи соответствовал половине десятого по полудни, а первый час дня – поло-

вине четвертого пополудни. Если принимать, что начало дня считали в то время с трех с половиной часов, то выражение «за полтретья часа до дня» будет означать час пополудни (*прим. авт.*).

⁵⁹ Нельзя не остановиться на том обстоятельстве, что весь этот торжественный выход был наряжен в такое короткое время. В течение четырех часов с минуты родин все были уведомлены и все парадно собрались к торжеству. Это, кроме многих других данных, может служить весьма убедительным доказательством, что Петр родился в Кремле, а не в Измайлове и не в Коломенском, как утверждают даже до сих пор некоторые изыскатели (*прим.. авт.*).

⁶⁰ *Объярь* – шелковая ткань, может быть с золотой или серебряной ниткой.

⁶¹ *Опашень* – летняя верхняя мужская одежда; широкий кафтан с длинными полами, с короткими широкими рукавами, который надевался на другой кафтан.

⁶² «...гурмыцким жемчугом...» – жемчугом, добываемым в Персидском заливе.

⁶³ В царском быту дети учились ходить

также при помощи водильного нагрудника. Сын Михаила, царевич Иван (род. 1 июня 1633 г.), начал ходить двух лет, в 1635 г. В это время ему сшили нагрудник с водилами (*прим. авт.*).

⁶⁴ См.: «Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу, в 1675 году». Перев. с лат. И. Тарнава-Бори-чевский. Журн. Мин. Нар. Просвещ., 1837. № XI. С. 366 (*прим.. авт.*).

⁶⁵ Соковнин в 1676 г. был думным дворянином, а в 1678 г. – окольничим (*прим. авт.*).

⁶⁶ См.: «Рисунки к «Путеш. по России... бар. Мейерберга...» Изд. Ф. Аделунгом». СПб, 1827. (*прим. авт.*).

⁶⁷ Журн. Мин. Нар. Просв., 1837. Ноябрь. С. 356 (*прим.. авт.*).

⁶⁸ Бахарь – говорун, краснобай, рассказчик, сказочник.

⁶⁹ См.: «О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. (Третья книга «Путешествия» Олеария.)». Перевод с нем., изд. 1656 г. А. Михайлова (*прим.. авт.*).

⁷⁰ См.: Карамзин.. История Госуд. Росс. Изд. 5. Т. IX (прим.. авт.).

⁷¹ См.: «Подлин. свидетельства о взаимных отнош. России и Польши... Собр. и изд. Павел Муханов».– М, 1834. С. 266 (прим.. авт.).

⁷² См.: «(Манштейновы) Современ. записки о России... Пер. с франц. проф. Гр. Глинка».– Дерпт. 1810. Ч. 2. С. 65 (прим.. авт.).

⁷³ См.: «О состоянии России в царствование Мих. Федор. и Алексея Мих. (Третья книга, «Путешествия» Олеария)». Пер. с нем., изд. 1656 г. А. Михайлова (прим.. авт.).

⁷⁴ *Осока* – облава, обход охотничьих мест загонщиками.

⁷⁵ *Стоглав* – книга церковных законов, состоящая из ста глав, или статей. Утверждена Московским собором (1551), впоследствии отменена собором 1667 г.

⁷⁶ «...строчные стихи....» – церковные стихи, исполняемые по строкам.

⁷⁷ «..демественные стихи....» (греч.) – старинный церковный напев в один голос.

⁷⁸ Припомним, что при дворе шотландских королей в XVI и XVII ст. тоже находились «королевские молельщики» (King's Bedesman),

которые, получая от двора милостыню и содержание, должны были за то молиться о благоденствии короля и государства. Число их равнялось числу лет, прожитых королем; поэтому каждый год, в день рождения государя, прибавлялся к штатному числу новый богомолец. Они носили пожалованные синие плащи, отчего назывались также «синими плащами» (*прим. авт.*).

⁷⁹ См.: «История Русских школ иконописания... Ровинского». СПб., 1856. Его учил известный в свое время жалованный иконописец Оружейной палаты Никита Павловец. В 1674 г,

29 августа, он купил своему ученику: 6 ставушечек немецких, 2 размерца немецких (циркули) и дубовый приголовашек, окованный железом. В записке при этом обозначено, что «по указу в. государя те ставушечки и размерцы и приголовашек взял к в. государю в Верх он же, Никита, ученику своему Полуехту, которого он учит по именному указу в Верху иконному своему художеству» (*прим. авт.*).

⁸⁰ См.: «О Государстве Русском: Сочинение Флетчера», изд. А. С. Суворина. СПб., 1905 (

прим. авт.).

⁸¹ См.: «Сказания англичанина Горсея о России в исходе XVI столетия». Юрий Толстой.– Отеч. Зап., 1859. Сент.; «Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея». Перевод с англ. Н. А. Белозерской.– СПб, 1909 (прим.. авт.).

⁸² Здесь, как и в других случаях, обозначаются те года, при которых имена встречаются в документах (прим. авт.).

⁸³ См.: «О Государстве Русском: Сочинение Флетчера», изд. А. С. Суворина. СПб., 1905. С. 121 (прим. авт.).

⁸⁴ См.: С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», т. IX (прим.. авт..).

⁸⁵ Из числа товарищей-комедиантов еще известны по распискам в получении денег: Лука Степанов, Тимошка Максимов, Редка Иванов, Николай Иванов (прим.. авт..).

⁸⁶ *Грош* – медная монета в две копейки.

⁸⁷ Ходил в эти комедии великий брат ее Петр. В его Походном Журнале записано, что 1715 г, 26 февраля, по прибытии в Петербург, в 3 часу пополудни, государь изволил пойти к царевне Наталье в комедию (прим. авт.).

⁸⁸ *Мисюрка* – военная шапка с железной ма-

кушкой и сеткой.

⁸⁹ См.: Московские Ведомости 1859 г, № 86, где на стр. 647 – статья г. Щукина о сибирских крестьянах (один из жителей Нерчинска описывает г. Щукину их быт): «Хозяин – почтенный старик, начетник [sic] духовных и светских книг. У него пять или шесть сыновей, фланговых гвардейцев, женатых и семейных. Старик в доме лицо священное – воля и слова его закон для всех. Во время обеда за столом строго соблюдает местничество: впереди всех сидит отец с матерью, подле него старший сын, за тем – второй, третий и так далее; подле матери сидит невестка, потом вторая и т. д. Все тихо и безмолвно. Дети отвечают лишь на вопросы отца и матери...» (прим.. авт..).

⁹⁰ Заходить за стол по солнцу (прим. авт..).

⁹¹ См. былинку об Алеше Поповиче в «Сборнике Кирши Данилова».

⁹² Вообще, когда кто удостаивался зреть пресветлые царские очи, то непременно получал и царскую хлеб-соль. Если во дворце стола в тот день не было, то такому гостю посылали обычно целый обед на дом (прим. авт..).

⁹³ «...в горлатных шапках...» – в меховых высоких шапках.

⁹⁴ «Лета 7174 году, Мая в 1 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича, всея великия Малые и Белыя России Самодержца... бояре приговорили: гостей и Гостиные и Суконные сотен торговых людей, которые не были на выезде против Грузинского царевича Николая Давидовича, Апреля в 19 числе, за их вину... им сказать: буде они впредь на выезды выезжать не учнут и в золотех, где им по наряду велят быть, не будут, и за то на их учнут править денежные пени большие, и они о том сей Великого Государя указ и боярской приговор ведали» (*прим. авт.*).

⁹⁵ См. «Римско-Императорского посла Никласа фон Варкоча путешествия в Москву в 1589, 1593 и 1594 годах». 1842. Т. III. Кн. V, гл. III (*прим.. авт.*).

⁹⁶ Секретарь графа Карлиля. «Вестник Европы», 1805. № 6 (*прим. авт.*).

⁹⁷ См. «Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века». Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 35, 1842 (*прим. авт.*).

⁹⁸ См.: «Сказания иностранцев о России, в XVI и XVII веках». Перевел с рукописей В. Дюбич-Романович. СПб, 1843; «Путешествие в Московию Рафаэля Барберини, в 1565 году» (*прим. авт.*).

⁹⁹ Вселенские патриархи Паисей Александрийский и Макарий Антиохийский, приезжавшие в Москву при царе Алексее Михайловиче, не один раз обедали за одним столом с государем (*прим. авт.*).

¹⁰⁰ Обед был дан в Можайске (*прим. авт.*).

¹⁰¹ См.: «Сказания современников о Димитрии Самозванце». СПб., 1832, ч. III (*прим. авт.*).

¹⁰² См.: «Первое путешествие англичан в Россию, в 1553 году», перевод Тарнава-Боричевского. Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 20, 1838 (*прим.. авт.*).

¹⁰³ См.: «Сказания современников о Димитрии Самозванце». СПб, 1832, ч. III (*прим.. авт.*).

¹⁰⁴ Цель – напоить гостей допьяна (*прим.. авт.*).

¹⁰⁵ *Цветоносная Неделя* – Вербное воскресенье.

¹⁰⁶ *Целовальник* – хранитель, продавец, сборщик казенного имущества.

¹⁰⁷ Карамзин. Ист. Гос. Росс. Изд. 5. Т. V
(прим.. авт.).

¹⁰⁸ Зипун – Ср. татар.: зубун. Др.-римск.: Subukula – род рубахи, ж. Supparum – род рубах полотняных. Capit [=Capitium] – каптур; Cucylus [= cuculus] – куколь; калиги – Gallicae [Caligae – воинская обувь]; Calcei – башмаки; Monilia – монисто; Supparum Supparus – род полотняного платья, женск. и мужского, Subucyla [= subucula] – нижнее, исподнее платье, рубашка (прим. авт.).

¹⁰⁹ Ферези – Ср.: польск.: ferezya, ферезея; грен.– ферестрон (прим.. авт.).

¹¹⁰ См.: А.. Вельтман. Московская Оружейная палата. М., 1844. Пояснительный словарь предметов древней царской казны и Оружейной палаты. С. 20 (прим. авт.).

¹¹¹ Чуга – длинный кафтан.

¹¹² В опашне и зимой государь слушал церковные службы в дворцовых церквях. Опашень – самая обычная и любимая одежда в XVII ст. Опашень столовый (чистый) надевался за столом (прим. авт.).

¹¹³ Ткани, служившие верхом для шуб: бархат, атлас, тафта столов, камка сукно. Шуба

суконная употреблялась только для ненастья
(*прим. авт.*).

¹¹⁴ Нагольные шубы (для стола) натирали белилами и мелом (*прим.. авт..*).

¹¹⁵ Немецкая ученость (Я. К. Грот. Филологические Разыскания. СПб, 1873. С. 458) говорит, что славянское «шуба» взято с немецкого: Schaubе, длинное верхнее платье, покрывающее все тело; тут же указывает арабское: джубба «Шляпа» оттуда же – Schlapp. Франц.: jure, итал.: giubba – юбка. Испан.: chora. Корень оказывается общим, но наше все-таки взято из немецкого (*прим. авт.*).

¹¹⁶ *Кабат* – западн.: куртка, кофта, фуфайка – по Далю (*прим.. авт.*).

¹¹⁷ *Золотник* – русская дометрическая мера массы (веса), равная 96 долям (4,266 г).

¹¹⁸ *Калита* – сума, сумка, мешок, зепь, подвесной карман, торба.

¹¹⁹ Третий колпак не описан.

¹²⁰ *Сенчатый* – матовый, тусклый.

¹²¹ О штанах, башмаках нет чисел (*прим.. авт.*).

¹²² Повседневное: опашень – зуфь малинова; ферези – атлас червчат на соболях; зипун –

тафта белая, обнизь с городаы; шапка – сукно скорлат червчат с пухом; посох каповой с костями; подножье суконное (*прим. авт.*).

¹²³ *Зуфь* – то же, что камлот (от фр. *camelot*) – плотная грубая хлопчатобумажная или шерстяная ткань из черных и коричневых нитей.

¹²⁴ Иначе – связки, мешочек с поцепкой к поясу, в котором находились нож в ножнах и деревянная ложка во лжичне для кутьи (*прим.. авт.*).

¹²⁵ *Клейноды* – предметы, служащие символами государевой власти: корона, скипетр, держава.

¹²⁶ Древне-римские сенаторы носили чеботы (до половины икр), у которых на носках находилось золотое или серебряное изображение полумесяца – *Luna lunula* (*прим.. авт.*).

Иллюстрации в тексте

Том I

Глава I

Государев двор, или дворец. Общий обзор

С. 10. Похороны древнеславянского князя. *С фрески Г. Семирадского.*

С. 13. Призвание варягов. Картина В. Васнецова.

С. 14. Двор удельного князя. Картина В. Васнецова.

С. 15. Угощение митрополита и его причта князем (Из «Сказания о Борисе и Глебе»).

С. 15. Перенесение мощей (Из «Сказания о Борисе и Глебе»).

С. 17. Владимирские древности (Владимир-на-Клязьме).

С. 18. Новгородские древности. *Гравюра XIX в.*

С. 21. Царь Алексей Михайлович в молодости.

С. 22. Боярская одежда XVI—XVII вв.

С. 23. Основание Москвы. Постройки первых стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 г. Картина А. Васнецова. 1917 г.

С. 24. Старая Москва. У стен деревянного города. Картина А. Васнецова. 1904 г.

С. 25. Основание Москвы. Постройки первых стен Кремля в XII в. Картина А. Васнецова. 1903 г.

С. 26. Московский Кремль при Дмитрие Донском. Картина А. Васнецова.

С. 27. Москва. Новодевичий монастырь.

С. 28. Московский Кремль в XVI в.

С. 30. Деревянный дворец в селе Коломенском в 1640 г.

С. 31. Кремлевская палата. XVI в.

С. 33. Москва. Крестовая палата в Кремлевском дворце.

С. 35. Вид Яузского моста в Москве в конце XVIII в. С гравюры Делаберта 1797 г.

С. 37. Терем в Москве.

С. 38. Терем в Москве.

С. 39. Московская улица в XVII в.

С. 40. Палата в старом Кремлевском дворце.

С. 41. На крестце в Китай-городе. Картина

А. Васнецова.

С. 42. Двери Теремного дворца.

С. 43. Коридор в Кремлевском дворце.

С. 44. Окно Теремного дворца со стороны Оружейной палаты.

С. 45. Образцы орнаментации рукописей.
XIV—XV вв.

С. 46. Тронный зал в теремах.

С. 47. Окно Теремного дворца против церкви Спаси.

С. 49. Дворец Михаила Федоровича.

С. 50. Боярская площадка в Московском Кремле (до 1838 г.).

С. 53. Грановитая палата.

С. 55. Площадь Ивана Великого в Москве в XVII в. Картина *А. Васнецова. 1903 г.*

С. 57. Москва при Иване Грозном. Красная площадь. Картина *А. Васнецова.*

С. 59. Вид с колокольни Ивана Великого.

С. 61. Последние минуты Григория Отрепьева. Самозванец и Басманов в утро 17 мая. Картина *К. Венига. 1879 г.*

С. 63. Вознесенский собор и Спасские ворота.

С. 65. Царь Алексей Михайлович и его вто-

рая жена Наталья Кирилловна. *Гравюра с медали.*

С. 67. Царь Федор Алексеевич.

С. 69. Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII в. Картина А. Васнецова.

С. 70. Благовещенский собор в Москве.

С. 73. Посольский двор. Картина *Шереметева.*

С. 74. Жилец 1674 года.

С. 77. Золотая меньшая, или Царицына, палата в Московском Кремлевском дворце.

С. 79. Московский Кремль.

С. 80. Успенский собор в Москве.

С. 81. Красная площадь во второй половине XVII в. Картина А. Васнецова.

С. 82. Оружие, конская сбруя и дорожная утварь русских воинов. Из латинского издания книги барона Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии». Базель, 1556 г.

С. 83. Старинное русское вооружение.

С. 85. Боярская площадка в Московском Кремле.

С. 87. Площадь в Москве в конце XVII в.

С. 88. Спас на Бору. С гравюры XVIII в.

С. 90. Потешный дворец со двора.

С. 91. Церковь Спас на Бору.

С. 93. Спасские ворота.

С. 94. Старинные часы (или часомеры, как их называли в России в XVI и XVII вв.).

С. 95. Красная площадь.

С. 96. Вид в Кремле у Спасских ворот. Картина Ф. Алексеева. 1800-е гг.

С. 97. Москва в конце XVII столетия. На рассвете у Воскресенских ворот. Картина А. Васнецова. 1900 г..

С. 98. Немецкая слобода в Москве в начале XVIII в.

С. 101. Село Измайлово в XVIII в.

С. 103. Императрица Елизавета Петровна.

С. 105. Портрет императрицы Екатерины Алексеевны. Картина Ф. Рокотова. 1763 г. Фрагмент.

С. 107. Московский Кремль в начале XVIII столетия. С гравюры Бликланда XVIII в.

Глава II

Государев двор, или дворец. Внешний вид и внутреннее убранство

С. 113. Образцы резьбы по дереву. XVII—XVIII вв.

- С. 114. Коломенский дворец.
- С. 115. Царские двери. Рис. Ф. Солнцева.
- С. 116. Старинные деревянные резные царские двери. Рис. Ф. Солнцева.
- С. 117. Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государственной комнате. Картина А. Рябушкина. 1893 г.
- С. 119. Дверь в храме св. Владимира в Садах.
- С. 120. В царских покоях. Из альбома Мейерберга.
- С. 123. Прием иноземных послов московским государем.
- С. 124.: Марина Мнишек с отцом под стражей. Картина М. Клодта. 1883 г.
- С. 127. Венчание на царство Владимира Мономаха. Роспись Грановитой палаты Московского Кремля.
- С. 128. Наречение царской невесты. Картина В. Шварца.
- С. 130. Терема от церкви Спаса на Бору.
- С. 133. Кресло царя Михаила Федоровича. Рис. Ф. Солнцева.
- С. 135. Серебряный трон Иоанна и Петра Алексеевичей. Рис. Ф. Солнцева.

С. 136. Середина серебряного трона Иоанна и Петра Алексеевичей. Рис. Ф. Солнцева.

С. 138. Трон Алексея Михайловича.

С. 139. Трон Иоанна III из слоновой кости.

С. 141. Терема. Опочивальня царя Алексея Михайловича.

С. 142. Кровать патриарха Филарета.

С. 143. Расписной короб с изображением птицы Сириин. XVII в.

С. 145. Иллюстрация к «Книге любви знак в честен брак» Кариона Истомина, преподнесенной Петру I и Евдокии Лопухиной по случаю их бркосочетания. 1689 г.

С. 146. Книжные лавки на Спасском мосту в XVII в. Картина А. Васнецова. 1902 г.

С. 148. Земский собор. Картина С. И. Иванова.

С. 149. Царское место царя Федора Алексеевича. Рис. Ф. Солнцева.

С. 150. Стоянец к царскому трону с державой и скипетром. Рис. Н. Самокиша по акварели Ф. Г. Солнцева для изданного в 1851 г. описания хранящихся в Московской Оружейной палате древностей под названием «Древности Российского государства».

С. 151. Чернильница царя Михаила Федоровича.

С. 152,. Трон царя Бориса Годунова. Рис. *Н. Самокиша*.

С. 154:. Серебряная кружка, украшенная эмалью, и кубок-раковина царя Алексея Михайловича. С. 155. Гербовая тарелка царя Алексея Михайловича. Рис. *Ф. Солнцева*.

С. 156. Свадьба. Картина *К. В. Лебедева*.

С. 157. Трон царя Михаила Федоровича. Рис. *Н. Самокиша*.

С. 158. Царский наперсный крест.

С. 159. Лицевая сторона оклада Евангелия царицы Натальи Кирилловны. Рис. *Ф. Солнцева*.

С. 162. Царь Иван Грозный любителю на Василису Мелентьеву. Картина *Г. Седова*. 1875 г. С. 164:. Теремный дворец. Выход из покоев на Золотое крыльцо. Картина *В. Поленова*.

С. 166. Под венец. Картина *К. Маковского*.

С. 167. Опахало царицы Натальи Кирилловны. Рис. *Ф. Солнцева*.

Глава III

Значение и честь государева двора

С. 173. Выезд царя Алексея Михайловича на соколиную охоту из Спасских ворот Кремля. *Внизу:* слова царя Алексея Михайловича из охотничьего устава «Книга глаголема Урядник Сокольничья Пути». *Картина К. В. Лебедева. 1898 г.*

С. 174. Терем царевен. *Картина М. Клодта. 1878 г.*

С. 177. Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею. *Картина А. Литовченко. 1875 г.*

С. 178. Старая Москва. *Картина А. Васнецова.*

С. 181. Посольский приказ.

С. 182,. Крестный ход в Москве в XVII в.

С. 185. Народ выкрикивает в цари Михаила Федоровича в Кремле 21 февраля 1613 г. *Картина Н. Дмитриева-Оренбургского.*

С. 187. Красная палата. *Картина А. Рябушкина.*

С. 189. Сцена из домашнего быта русских царей. *Картина В. Шварца. 1865 г.*

С. 191. Московит в военном наряде. *С редкой нем.ецкой гравюры XVI в. Собрание П. Я. Дашкова.*

С 193. Застенок.

С. 194.: Городские сторожа в Москве в XVII в. С гравюры Панова.

С. 197. Стрельцы.

Том II

Глава I

Родины. Крестины. Именины

С. 203. Царица Наталья Кирилловна.

С. 205. Рождение Петра Великого. 1672 г.
Картина Б. Чорикова.

С. 206. Пир бояр и духовенства в Грановитой палате у царя Михаила Федоровича.

С. 209. Церковь Чуда Архангела Михаила в Чудовом монастыре в Московском Кремле.

С. 210. Успенский собор в Москве.

С. 213. Обряд крещения. Крещение младенца Елевферия, будущего святого Алексия, митрополита всея Руси. Из лицевого рукописного «Жития св. Алексия», написанного в XVI в. Пахомием Логофетом.

С. 215. Инокиня Марфа.

С. 217. Царица Евдокия Лукьяновна из рода Стрешневых.

С. 218. Русское крещение (по представлению Адама Олеария).

Глава II Воспитание

С. 225. Борис Годунов рассматривает карту, по которой учится его сын. Картина *Н. Ф. Некрасова*.

С. 229. Царица Елена Глинская с детьми. Картина *К. В. Лебедева*. С. 230. Детские доспехи царя Михаила Алексеевича.

С. 233. Царица Марья Ильинична шествует в большой праздник на богомолье в церковь. Ее сопровождают царевны и девушка, несущая царевича.

С. 235. Детские игрушки царевича Михаила Федоровича Романова.

С. 239. Приезд царей Иоанна и Петра Алексеевичей на Семеновский потешный двор. Картина *И. Е. Репина*.

С. 241. Цари Иоанн и Петр Алексеевичи. Картина *В. Верещагина*.

С. 242. Шахматы царя Михаила Федоровича.

С. 243. Иван Грозный и его мамка. Картина

К. Венига. 1886 г.

С. 245. Русские женщины XVII столетия в церкви. Картина Л. П. Рябушкин. 1899 г.

Глава III

Начальное учение

С. 249. «Библия Русская». Фронтиспис. Прага. Ф. Скорина. 1517 г.

С. 251. Царевич Петр Алексеевич и дьяк Зотов. Картина К. В. Лебедева.

С. 252. Концевая полоса из Острожского «Букваря» И. Федорова. 1578 г. Фрагмент.

С. 253. «Букварь». Острог, И. Федоров. 1578 г.

С. 255. Фронтиспис первоначальной Псалтыри с изображением царя Давида. Москва. А. Невежа, 1568 г.

С. 257. «Книга об избрании на Российское царство Михаила Романова». Скоропись, XVII в.

С. 258. «Букварь в лицах» Кариона Истомина. Гравюра Л. Бунина, Москва, 1694 г.

С. 262. Инициалы из «Библии». Прага. Ф. Скорина. 1517 г.

С. 263. «Сказание о Мамаевом побоище». Рукопись, XVII в.

Глава IV

Детские годы Петра Великого

С. 269. Коломенский дворец в XVII в, место предполагаемого рождения Петра Великого. С. 273. Петр I за рулем парусного ботика на Яузе-реке. Картина А. Кившенко.

С. 274.. Портрет Петра I. Картина неизвестного художника.

С. 275. Письмо Петра Великого к царице Наталье Кирилловне.

С. 276. Петр I занимается воинским преобразованием в селе Преображенском. 1687 г. Картина Б. Чорикова.

С. 277. Оружие допетровского времени и изображение стрелецкого знамени.

С. 279. Стрелецкий бунт. Картина Н. Дмитриева-Оренбургского. 1862. Фрагмент

Глава V

Дворцовые забавы, увеселения и зрелища

С. 283. Выезд на соколиную охоту при царе Алексее Михайловиче. Картина А. П. Рябушкина. 1898 г.

С. 287. Военная игра потешных войск Петра I. Картина А. Кившенко.

С. 288. Иван Грозный в монашеском облачении. Картина Э. Соколовского. 1904 г.

С. 293. Дурак и дура нянчат котенка. Лубок..

С. 294.: Шутливые персоны Фома и Ерема Лубок.

С. 297. Музыка и пение сладкое из «Букваря» Кариона Истомина.

С. 298. Шествие в Успенский собор.

С. 301. Скоморохи. Картина А. Васнецова.

С. 305. Свадьба карликов при дворе Петра Великого.

С. 307. Карл и карлица. Лубок.

С. 309. Царская потеха, борьба царского пса с медведем. Картина В. Васнецова. 1897 г.

С. 312., Схватка с медведем. Рис. Н. Самокиша..

С. 315. Медведчики. Картина А. Васнецова. 1911 г..

С. 317. Потеха при царе Иоанне Васильевиче Грозном. Рис. Н. Самокиша. 1894—1895 гг.

С. 318. Выезд царя Алексея Михайловича на охоту. Картина В. Васнецова. 1897 г.

С. 319. Царская потеха царя Михаила Федоровича. Расстрел шапок стольника князя Пронского, окольниковичего князя Львова и князя Одоевского в 1630 году. Картина В. И. Сурикова.

С. 321. Кукольная комедия. Из «Путешествия» Олеария в Москву.

С. 322. Боярин А. С. Матвеев.

С. 325. Царевна Софья Алексеевна.

Глава VI

Царский стол

С. 329. Свадебный пир в Грановитой палате. Описание брачного сочетания царя и великого князя Михаила Федоровича.

С. 333. Пир царя Алексея Михайловича с ближними боярами в отъезде в поле. Картина А. Рябушкина.

С. 334. Боярская свадьба. Картина К. Е. Маковского.

С. 337. Свадебный пир. Миниатюра из рукописи XVI в. «Лицевой летописный свод Ивана Грозного».

С. 339. Русские одежды конца XVI в. «Шествие посольства Ивана Грозного к императору».

ру Германскому Максимилиану» (1576).

С. 340. Стакан из чеканного серебра.

С. 343. Пир в Александровской слободе.

Картина Я. Ульфельда.

С. 345. Четверть царя Федора Алексеевича.

С. 346. Ковш, жалованный царями Иоанном и Петром.

С. 347. Чаша царя Федора Алексеевича.

Глава VII

Царская одежда

С. 351. Великий князь Игорь Ольгович. Картина Б. Чорикова.

С. 353. Портрет Василия III. Иллюстрация из книги Герберштейна «Записки о Московитских делах».

С. 354. Фантастическое изображение русского костюма. С гравюры XVII в.

С. 355. Царское облачение.

С. 356. Царский становой кафтан.

С. 357. Зипун, тафья и шапка. Русская одежда с XIV до XVIII столетия.

С. 359. Царь Федор Алексеевич. Изображение из Архангельского собора..

С. 361. Одежда царская и боярская XVII в.

Рис. Ф. Солнцева.

С. 362.. Михаил Федорович и Алексей Михайлович.

С. 363. Становый кафтан и шапка горлатная. Боярин в Меньшей Золотой палате в Московском Кремлевском дворце во второй половине XVII в.

С. 365. Царь Михаил Федорович в опашне с джерелом и в шапке.

С. 366. Одежда боярская, мужская и женская, XVII в. Рис. Ф. Солнцева.

С. 367. Царь Федор Алексеевич. Картина В. Верещагина.

С. 368. Мужская одежда XVII в. По гравюре из книги А. Олеария.

С. 369. Одежда царская XVII в. Царь Алексей Михайлович в полном царском облачении. Рядом с ним – царевич Петр Алексеевич. По бокам – огненник и стрелец в своей служилой одежде. Рис. Ф. Солнцева.

С. 371. Турские шубы и горлатные шапки XVII в.

С. 372.. Платно и горлатная шапка.

С. 373. Русский кафтан.

С. 374'.. 1. Одна из древних царских и вели-

кокняжеских шапок, которые надевались при торжественных случаях. 2. Древняя митра архиерейская, украшенная шитыми изображениями святых и унизанная жемчугом. 3. Развалины город.

С. 376. Оплечье XVII в.

С. 377. Митрополит Филипп и Иоанн Грозный. Картина П. О. Борель.

С. 377. Великий князь Иоанн III Васильевич. Картина Б. Чорикова.

С. 378. Государь великий князь Иван III Васильевич. Картина В. Верещагина.

С. 379. Терлик и шапка мурmolка.

С. 380. Царские рынды XVII в.

С. 381. Одежда бояр XVI и XVII столетий. Рис. Ф. Солнцева.

С. 382.. Царь Алексей Михайлович.

С. 383. Одежда боярская XVII в. Портрет князей Репниных. Рис. Ф. Солнцева..

С. 384. Шапка сибирская.

С. 387. Шапка «Астраханская» первого наряда царя Михаила Федоровича. Рис. Н. Самокиша с оригинала, хранящегося в Московской Оружейной палате. Мотивы для орнаментальных цветных украшений рамки взяты из

книги «Об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича», составленной боярином Матвеевым в 1673 г.

С. 387. Алмазная шапка царя Иоанна Алексеевича. Рис. Ф. Солнцева.

С. 388. Шапка Мономаха, или венец великих князей и царей русских. Рис. Ф. Солнцева.

С. 391. Великий князь Василий III Иванович на охоте. Рис. Н. Са.мокиша.

С. 392. Сапоги. Древняя царская обувь. Рис. Н. Са.мокиша.

С. 393. Царь и великий князь всея Руси Иоанн IV Васильевич Грозный.

С. 395. 1 – наперсный крест; 2 – золотая сканая цепь большого наряда; 3 – цепь с финифтью; 4 – кружчатая цепь с чернью. Рис. Ф. Солнцева.

С. 396. Портрет царя Михаила Федоровича. Картина Иоганна Ведекinda..

С. 397. 398. Пуговицы царских становых кафтанов. Рис. Ф. Солнцева.

С. 399. Царь Михаил Федорович встречается за Москвою родителя своего Филарета Никитича в 1619 г. Картина Б. Чорикова.

С. 401. Царь. XVI в. Картина С. Иванова.

С. 402.. Шитье одежды. Миниатюра из рукописи XVI в. «Лицевой рукописный свод Ивана Грозного».

С. 403. Петлицы, пуговицы и другие украшения царских платьев и станových кафтанов. Рис. Ф. Солнцева.

С. 404. Царь Алексей Михайлович.

С. 405. Царь Алексей Михайлович утверждает вновь составленное Соборное Уложение в 1648 г. Картина Б. Чорикова.

С. 406. Прием царем Алексеем Михайловичем шведского посла в 1674 г.

С. 407. Царь Алексей Михайлович.

С. 409. Царь Федор Алексеевич. Из книги «Российский царственный дом Романовых». 1852—1853 гг.

С. 410. Кремлевские дворцы и соборы при царе Михаиле Федоровиче. Из книги «Избрание его на царство».

С. 413. Держава Мономаха. Рис. Ф. Солнцева.

С. 414. Держава царя Алексея Михайловича. Государственный щит. Скипетр большого наряда. Рис. Ф. Солнцева.

С. 416. Из лицевой рукописи «Описание брачного сочетания царя и великого князя Михаила Федоровича».

С. 417. Обручение царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной.

С. 418. Серебряная курильница царя Михаила Федоровича.

С. 419. Венчание царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновною из рода Стрешневых в 1626 г. Картина *Б. Чорикова*.

С. 420. Поцелуйный обряд. Картина *К. Маковского*. 1895 г.

С. 421. Царь Иоанн Васильевич Грозный.

С. 422. Царский выезд. *Рис. из книги Кленка*. 1677 г.

С. 423. Иоанн III топчет ханскую грамоту. Картина *К. Маковского*.

С. 424. Одежда русских бояр XVI—XVII вв.

С. 425. Встреча царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской. Картина *М. Нестерова*.